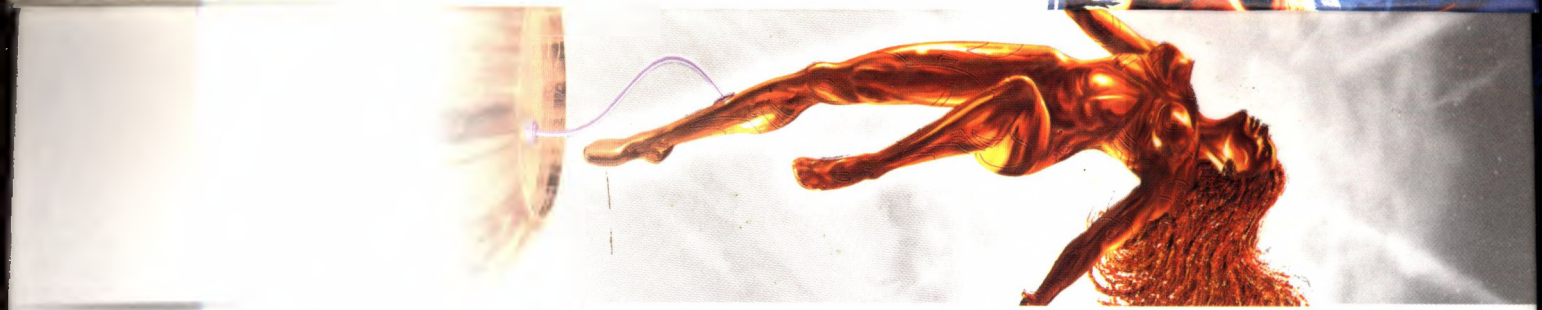
ЖИЗНЬ КОРОТКА

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЖИЗНЬ КОРОТКА

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЖИЗНЬ КОРОТКА

Переводы
В. БАКАНОВА

АСТ ЛЮКС ПРЕСС
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Ж71

Серия «Классика мировой фантастики» основана в 2001 году

Перевод с английского В. Баканова

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Сергеева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Подписано в печать 23.12.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 7.

Жизнь коротка : [сб.] / Пер. с англ. В. Баканова. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 702, [2] с. — (Классика мировой фантастики).

Ж71

ISBN 5-17-027446-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0904-X (ОАО «ЛЮКС»)

«Музыкальная машина» Генри Каттнера и «Из глубин памяти» Филипа К. Дика.

«Завтра не наступит» Артура Кларка, «Время-предатель» Альфреда Бестера, «Ключи к декабрю» Роджера Желязны... Десятки названий, знакомых КАЖДОМУ знатоку фантастики в нашей стране.

Классика научно-фантастического рассказа.

Произведения, которые ОТКРЫЛ отечественному читателю Владимир Баканов.

Лучшие научно-фантастические рассказы в переводах В. Баканова — сборник, который УКРАСИТ ВАШУ ПОЛКУ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Перевод. В. Баканов, 2005
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2005

ПЕРЕВОДЫ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Прежде всего большое спасибо. Спасибо издательству АСТ за честь составить авторский сборник переводов. И главное, спасибо вам — тем, кто захотел получившуюся книгу прочитать.

Все началось давным-давно, в семидесятых годах прошлого века (Господи, аж самому страшно — неужели *так* давно?). Еще в школе я страстно любил фантастику. В ней, издававшейся крайне редко (настолько редко, что можно было достать практически все выходившие книги), я находил целый мир: сложный, яркий, удивительный. По тем книгам я и многие другие в легкой увлекательной форме узнавали новые для себя научные факты и знакомились с идеями, от которых буквально захватывало дух. Но этого мало — в речах и поступках героев книг мы находили такой смысл, какой зачастую и не думал вкладывать автор, так удивительно ложились они на наш образ жизни. Намеки, аллюзии... мы жаждали их как глотка свежего воздуха, мы *видели* в них глоток свежего воздуха. Фантастику искали как свободу, свободу для понимающих, и голод наш был ненасытен.

Ненасытен потому, что фантастики издавали крайне мало, вряд ли больше десяти книг в год. А мне, при всей любви к братьям Стругацким, Биленкину и начинающему тогда Булычеву, приходилось еще труднее, потому что еще в большей степени меня привлекала фантастика американс-

кая. Более-менее регулярно издавало ее лишь издательство «Мир» — две-три книжки в год. Почему американская? Во-первых, благодаря рассказам. Большинство американских рассказов «сделаны» в стиле О'Генри — сюжетные, динамичные, с неожиданной ударной концовкой. Мне такие всегда очень нравились — они заставляли работать воображение и даже порой ошарашивали, выворачивая все наизнанку. Во-вторых, там, в западных произведениях, все *жили* той свободой, на которую могли лишь намекать наши писатели. Герои вели себя, чувствовали и мыслили чуточку иначе, чем вели себя, чувствовали и мыслили герои книг советских, и в то же время настолько естественно, что всему происходящему хотелось верить.

Любовь к фантастике росла и питала саму себя. Многие в те годы были романтиками в литературе и политике; мы уже не боялись обсуждать поразительную смелость отдельных произведений и шушукаться на кухне о последних решениях Политбюро. А кто из нас не сомневался в наличии иного разума лишь по той причине, что «если бы инопланетяне были, они непременно связались бы со мной, я готов; а раз не связались, значит...».

Так или иначе, обожаемой фантастики отчаянно не хватало. Следовало искать выход — и я стал читать на английском, в основном в залах Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. И там же начал делать первые переводы — уж очень хотелось поделиться радостью с друзьями. Несколько лет все переводы шли «в стол», то есть я давал их читать лишь ближайшему окружению (мысль о возможности переводы издавать посетила меня значительно позже). А стало быть, при выборе я руководствовался только одним признаком: нравится — не нравится, соображения «цензурности» в расчет не принимались. (Так, в частности, появился перевод Ф. Дика «Помутнение»; о его публикации и мечтать не приходилось — в Советском Союзе разговоров-то о наркомании не существовало... он семь лет пролежал «в столе».)

Счастливые времена — столько всего хорошего было не переведено! Я читал взахлеб и взахлеб переводил. Переводил

динамичные рассказы с неожиданной концовкой (и даже пробовал писать такие; более того, именно такие помогал публиковать, когда вел фантастику в популярном в те времена журнале «ИР»). Переводил мрачные, трагичные произведения, ибо ничего подобного в светлой советской литературе не было (позвольте подчеркнуть: мрачные, трагичные произведения — но без живописаний ужасов, крови, извращений, которые не то что переводить, читать-то и поныне мне противно). Переводил рассказы юмористические — ну, это понятно...

Все произведения в этой книге (кроме повести Тертлдава) переведены мной в восьмидесятые годы. *Ни одно не было переведено на заказ*; каждое я любовно отбирал из огромной массы прочитанного, а потом упорно, долго — порой годами — «пробивал» в печать.

Можно многое рассказать, как сперва я получал отказы. До сих пор храню письмо из уважаемого мной издательства «Мир»: «Мы не публикуем произведения, прославляющие войну и конец света» (это о рассказе А. Кларка «Завтра не наступит» и рассказе П. Андерсона «Государственная измена»). Можно многое рассказать, как позже, когда я уже стал составлять сборники для того же издательства «Мир», собратья-переводчики писали письма в КГБ, обвиняя меня в антисоветской деятельности — не потому что свято верили, а потому что любые средства хороши, чтобы обеспечить себе заработок. Можно многое рассказать, как вследствие таких писем, а также повышенной политической бдительности редакторов мне приходилось брать псевдонимы, а многие переводы выходили искаженными или в лучшем случае сокращенными...

Можно. Но лучше я сделаю признание: я горжусь тем, что сейчас вы знакомитесь с фантастикой по моему вкусу. Я выставляю свою работу на ваш суд. Надеюсь, вам понравится (иначе зачем бы я взялся представлять такую книгу?).

Я-то все здесь люблю. И некоторые произведения позволю себе предварить коротенькими комментариями.

Личного характера.

Владимир БАКАНОВ

Просто классика жанра. Печально, романтично и очень трогательно...

Гордон Диксон
ЛАЛАНГАМЕНА

В том, что произошло на Разведочной станции 563-го сектора Сириуса, можете винить Клея Харбэнка или Уильяма Питерборо по прозвищу Крошка. Я не виню никого. Но я с планеты Дорсай...

Неприятности начались с того самого дня, как скорый на слова и поступки Крошка появился на станции и обнаружил, что Клей, единственный среди нас, не хочет с ним играть — хотя сам утверждал, что некогда был заядлым игроком.

Но развязка наступила через четыре года, когда они вместе вышли в патруль на осмотр поверхности купола. Все двадцать человек, свободные от вахты, собрались в каюткомпании и чувствовали по звуку раздававшихся в тамбуре голосов, по лязгу снимаемых скафандров, по гулким шагам в коридоре, что всю смену Крошка язвил особенно колко.

— Вот и еще один день, — донесся голос Крошки. — Еще пятьдесят кредиток. А как поживает твоя свинушка с прорезью?

Я отчетливо представил себе, как Клей сдерживает раздражение. Потом послышался его приятный баритон, смягченный тарсусианским говором:

— Отлично, Крошка. Она никогда не ест слишком много и оттого не страдает несварением.

Это был искусный ответ, намекающий на то, что счет Крошки раздувался от выигрышей у своих же товарищей по стан-

ции. Но у Крошки была слишком толстая кожа для подобных уколов. Он рассмеялся, и они вошли в кают-компанию.

Похожи они были как два брата — или, скорее, как отец и сын, учитывая разницу в возрасте. Оба высокие, черноволосые, широкоплечие, с худощавыми лицами. Прожитые годы наложили печать на лицо Клея, обострили черты, прорезали морщины, опустили уголки рта. Были и другие отличия. Однако в Крошке был виден юнец, каким когда-то был Клей, а в Клее угадывался мужчина, каким со временем станет Крошка.

— Привет, Клей, — сказал я.

— Здравствуй, Морт, — отозвался он, садясь рядом.

— Привет, Морт, — сказал Крошка.

Я не ответил, и на миг он напрягся. В чернильных глубинах его глаз вспыхнул огонь. Но я родом с Дорсай, а мы если уж бьемся, то насмерть. Возможно, поэтому мы, дорсай, очень вежливы. Однако вежливостью Крошку не проймешь — впрочем, как и тонкой иронией. На таких, как он, действует только дубинка.

Наши дела оставляли желать лучшего. Два десятка человек на Разведочной станции 563 — за Сириусом, у границы освоенной человечеством зоны — стали нервными и злыми; многие подали рапорты о переводе. Скрытая война между Крошкой и Клеем раскалывала станцию надвое.

Мы все пошли на службу из-за денег — вот где таился корень зла. Пятьдесят кредиток в день. Правда, необходимо завербоваться на десять лет. Можно, конечно, выкупить себя, но это обойдется в сто тысяч. Посчитайте сами. Почти шесть лет, если откладывать каждый грош.

Клей собирался отслужить полный срок. В бурной молодости он был игроком. Ему не раз доводилось выигрывать и спускать целые состояния. Теперь, состарившись и утомившись, он хотел вернуться домой — в Лалангамену, на маленькую планету Тарсус.

С игрой он покончил. Это грязные деньги, говорил Клей. Весь свой заработок он переводил в банк. А вот Крошка стремился урвать куш. Четыре года игры с товарищами принесли ему более чем достаточно, чтобы выкупиться и еще

остаться с кругленькой суммой. Возможно, он так и поступил бы, не притягивай его, как Эльдорадо, банковский счет Клея. И Крошка оставался на станции, безжалостно терзая старшего товарища.

Он постоянно бил в две точки: заявлял, что не верит, будто Клей когда-нибудь играл, и насмехался над Лаланга-меной, родиной Клея, его заветной целью и мечтой. Со стариковской болезненной тоской по дому Клей только и говорил, что о Лалангамене, по его словам — самом чудесном месте во Вселенной.

— Морт, — начал Крошка, не обращая внимания на щелчок по носу и усаживаясь рядом с нами, — а как выглядит хиксаброд?

Выходит, не подействовала и моя дубинка. Очевидно, я тоже уже не тот. Не считая Клея, я был старшим на станции, наверное, потому мы и стали близкими друзьями.

— А что?

— Скоро он нас посетит.

Разговоры в кают-компании сразу прекратились, и Крошка оказался в центре внимания. Пересекая границу зоны человеческого влияния, любой гость обязан пройти через станцию, подобную нашей. Но в таком глухом уголке, где находилась станция-563, это случалось крайне редко и всегда было исключительным событием.

Даже Клей поддался искушению.

— Интересно, — сказал он. — Откуда ты знаешь?

— Я только что принял сообщение, — ответил Крошка, беззаботно махнув рукой. — Так как он выглядит, Морт?

На своем веку я повидал больше, чем любой из них, даже Клей. Это был мой второй срок на службе. Я отлично помню события двадцатилетней давности — Денебский Конфликт.

— Прямой, как кочерга, — ответил я. — Холодный и чопорный. Гордый, как Люцифер, честный, как солнечный свет, и тугой, как верблюд на пути сквозь игольное ушко. Похож на гуманоида с лицом колли. Вам, полагаю, известна их репутация?

Кто-то сзади сказал «нет», хотя, возможно, это было сделано ради меня. Возраст и меня превратил в болтуна.

— Они первые и последние платные посредники во Вселенной. Хиксаброда можно нанять, но нельзя уговорить, подкупить или силой заставить уклониться от правды. Вот почему они постоянно нужны. Стоит где-нибудь разгореться спору, как обе стороны нанимают хиксаброда, чтобы тот представлял их интересы на переговорах. Хиксаброд — воплощение честности.

— Что ж, мне это нравится, — заметил Крошка. — Отчего бы нам не устроить ему роскошный прием?

— Благодарности от него не дождешься, — пробормотал я. — Хиксаброды не так устроены.

— Ну и пусть, — заявил Крошка. — Все-таки развлечение.

В комнате одобрительно зашумели. Я остался в меньшинстве. Идея пришлась по душе даже Клею.

— Они едят то же, что мы? — спросил Крошка. — Так, значит, суп, салат, горячее, шампанское и бренди... — Он с воодушевлением перечислял блюда, загибая пальцы. Его энтузиазм увлек всех. Но под конец Крошка не выдержал и вновь поддел Клея.

— Ну и разумеется, — сказал он, — ты сможешь рассказать ему о Лалангамене, Клей.

Клей моргнул, и на его лицо легла тень.

Я дорсай и уже немолод. И знаю: никогда не следует смеяться над узами, связывающими нас с родным домом. Они так же прочны, как и неосязаемы. Шутить над этим жестоко.

Но Крошка был юн и глуп. Он только прилетел с Земли — планеты, которую никто из нас не видел, но которая много веков назад дала начало всем нам. Крошка был нетерпелив, горяч и презирал эмоции. В болезненной словоохотливости Клея, в его готовности вечно славить красоту Лалангамены он, как, впрочем, и остальные, уловил первую слабость некогда мужественного и несгибаемого человека, первый признак старости.

Однако в отличие от тех, кто прятал скуку из симпатии к Клею, Крошка стремился сломить его решимость никогда больше не играть. И бил постоянно в одну эту точку, столь уязвимую, что даже самообладание Клея не могло служить достаточной защитой.

В глазах моего друга вспыхнула ярость.

— Довольно, — хрипло проговорил он. — Оставь Лалангамену в покое.

— Я бы и сам хотел, — сказал Крошка, — да ты мне все время напоминаешь. Это и еще выдумки, будто ты был игроком. Если не можешь доказать последнее, как же мне верить твоим россказням о Лалангамене?

На лбу Клея выступили вены, но он сдержался.

— Я говорил тысячу раз, — процедил он сквозь зубы. — Шальные деньги не держатся в кармане. Когда-нибудь ты в этом убедишься.

— Слова! — пренебрежительно бросил Крошка. — Одни слова.

На секунду Клей застыл, не дыша, бледный как смерть. Не знаю, понимал ли опасность Крошка, но я тоже затаил дыхание, пока грудь Клея не поднялась. Он резко повернулся и вышел из кают-компании. Его шаги замерли в коридоре, ведущем к спальному отсеку.

Позже я застал Крошку одного в камбузе, где он готовил себе бутерброд. Он поднял голову, удивленный и настороженный.

— О, привет, Морт, — сказал Крошка, искусно имитируя беззаботность. — В чем дело?

— В тебе. Напрашиваешься на драку с Клеем?

— Нет, — промычал он с полным ртом. — Не сказал бы.

— Ну так ты ее получишь.

— Послушай, Морт, — произнес он и замолчал, пока не проглотил последний кусок. — Тебе не кажется, что Клей достаточно вырос, чтобы присматривать за собой?

Я почувствовал, как по всему телу пробежала волна возбуждения. Наверное, возбуждение отразилось и на моем

лице, потому что Крошка, который сидел на краю стола, торопливо встал на ноги.

— Полегче, Морт, — сказал он. — Я не имел в виду ничего обидного.

Я взял себя в руки и ответил как мог спокойнее:

— Клей гораздо опытнее тебя. Советую оставить его в покое.

— Боишься за него?

— Нет, — промолвил я. — Боюсь за тебя.

Крошка внезапно рассмеялся, едва не подавившись очередным куском.

— Теперь понимаю. По-твоему, я слишком молод, чтобы отвечать за себя.

— Ты недалек от истины. Я хочу, чтобы ты выслушал мое мнение, и можешь не говорить, прав я или нет, — мне будет ясно без слов.

— Оставь свое мнение при себе, — сказал он, покраснев. — Я не нуждаюсь в нравоучениях.

— Нет уж, тебе придется выслушать, потому что это касается нас всех. Ты завербовался, ожидая романтики и славы, а вместо этого столкнулся с однообразием и скукой.

— Теперь ты скажешь, что я стараюсь развлекаться за счет Клея, так?

— Клей достаточно опытен, чтобы выносить однообразие и скуку. Кроме того, он научился жить в мире с людьми и самим собой. Ему не приходится доказывать свое превосходство, унижая всех подряд.

Крошка отхлебнул кофе.

— А я, значит, унижаю?

— Ты... Ты — как и вся молодежь. Испытываете свои способности, ищете свое место. И, найдя, успокаиваетесь — взрослеете. За исключением некоторых. Я думаю, что ты рано или поздно повзрослеешь. И чем скорее ты перестанешь утверждаться за счет других, тем лучше для тебя и для нас.

— А если не перестану? — вскинулся Крошка.

— К сожалению, это не колледж на Земле и не какая-нибудь тихая родная планета, где злые насмешки и издевательства вызовут просто досаду или раздражение. На стан-

ции не спрячешься. Если шутник не видит опасности в своей забаве и не прекращает ее, то объект шуток терпит, сколько хватает сил... а потом что-нибудь случается.

— Значит, ты все-таки беспокоишься о Клее.

— Да пойми же наконец! Клей — настоящий мужчина, у него за плечами еще не такое. А у тебя... Если кто-нибудь и пострадает, то это ты!

Он засмеялся и вышел в коридор, громко хлопнув дверью. Я позволил ему уйти. Какой смысл продолжать обманывать, если всем видно, что это ложь.

На следующий день прилетел хиксаброд. Его звали Дор Лассое. Типичный представитель своей расы, выше самого высокого из нас на полголовы, с зеленоватой кожей и бесстрастным собачьим лицом.

Он прибыл во время моей вахты, а когда я освободился, его уже встретили и проводили в каюту.

Но я все же пошел к нему в слабой надежде, что у нас найдутся общие знакомые. И его, и мой народы довольно малочисленны, так что такая возможность в принципе была. И, подобно Клею, я томился тоской по дому.

— Простите, хиксаброд... — начал я, входя в его каюту. И осекся.

В каюте сидел Крошка.

— Ты говоришь на их языке? — недоверчиво спросил он.

Я кивнул. Во время Денебского Конфликта я многому научился.

Справившись с удивлением, я задал свой вопрос, и хиксаброд покачал головой.

Что ж, это был выстрел наугад. Ну конечно, откуда он мог знать нашего тогдашнего переводчика? У хиксабродов нет привычной нам системы семьи. Имена свои они принимают в честь любимых или почитаемых старших.

Я вежливо поклонился и вышел.

И только потом мне пришло в голову — о чем Крошка мог беседовать с хиксабродом?

Признаться, я и в самом деле беспокоился. Так как мой блеф с Крошкой не удался, я решил переговорить с самим

Клеем. Некоторое время ждал подходящего случая, но с момента последней стычки с Крошкой Клей держался своей каюты.

Наконец я воспользовался каким-то предлогом и отправился к нему.

Клей был погружен в чтение. Странно было видеть этого высокого, еще сильного человека в стариковской пижаме.

Прикрывая глаза тонкими гибкими пальцами, он склонился над мерцающим экраном. Когда я вошел, он поднял голову, и я увидел на его лице знакомую улыбку, ставшую мне привычной за четыре года совместной службы.

— Что это? — поинтересовался я, кивнув на проектор.

— Плохой роман, — улыбаясь, ответил Клей, — скверного писателя. Но и тот, и другой — тарсусианские.

Я сел на выдвинутый стул.

— Не возражаешь, если я буду говорить без обиняков?

— Давай, — подбодрил он.

— Крошка, — прямо сказал я, — и ты. Так больше продолжаться не может.

— А что ты предлагаешь?

— Две вещи. И прошу хорошенько подумать над каждой, прежде чем отвечать. Во-первых, мы можем собрать необходимое большинство, то есть девять десятых голосов, и убрать его со станции как неужившегося.

Клей медленно покачал головой.

— Нет, Морт.

— Мне кажется, я сумею собрать подписи, — возразил я. — Все от него устали.

— Ты же знаешь, что дело не в этом, — сказал Клей. — После такой петиции его загонят в какую-нибудь дыру, там он попадет в еще худший переплет и загубит свою жизнь. Он будет ненавидеть нас до конца своих дней.

— Что с того? Поделом ему.

— Я тарсусианин, и мне это небезразлично. Нет, я не согласен.

— Хорошо, — сказал я. — В таком случае второй вариант. У тебя есть почти половина суммы, чтобы выкупиться. За эти годы и у меня кое-что скопилось. Кроме того, я пе-

реведу на тебя заработок за оставшиеся мне три года. Бери и уходи со службы. Конечно, это не то, на что ты рассчитывал, но синица в руках...

— А как же ты вернешься домой? — спросил он.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел, и я знал, что он видит: сломанный нос, шрамы, изборожденное морщинами лицо, лицо дорсая.

— Я никогда не вернусь домой.

Клей молча глядел на меня, и мне показалось, что в глубине его глаз разгорелся огонек. Однако огонек исчез, и я понял, что проиграл.

— Возможно, — тихо проговорил он. — Но только не из-за меня.

Я оставил его наедине с романом.

Вообще-то на станции всегда кто-нибудь несет вахту. Хотя в особых случаях, как, например, обед в честь хиксаброда, можно собрать в кают-компании всех — если выполнить работы заранее и выбрать такой период времени, когда ни радиосообщений, ни кораблей не ожидается.

Из кают-компании убрали лишнюю мебель и внесли туда большой обеденный стол. Мы выпили коктейли, и начался обед.

Застольная беседа, естественно, выходила за узкие рамки нашей рутинной жизни. Воспоминания о необычных встречах и местах, загадочные случаи — вот темы, вокруг которых в основном вертелся разговор. Все невольно старались расшевелить хиксаброда. Но тот сидел на своем месте во главе стола между Клеем и мной, храня ледяное молчание, пока не убрали десерт и не упомянули Медию.

— Медия, — задумчиво произнес Крошка. — Я слышал о ней. Неприметная планета, но там, как утверждают, есть такая форма жизни, которая содержит нечто ценное для любого вида метаболизма. Она называется... сейчас вспомню... называется...

— Она называется «нигта», — неожиданно подсказал Дор Лассос деревянным голосом. — Небольшое четвероногое животное со сложной нервной системой и толстой жировой

прослойкой. Я был на Медии восемьдесят лет назад, до того как планету открыли для широкого доступа. Запасы пищи у нас испортились, и нам представилась возможность проверить теорию, будто нигты способны поддерживать существование любой известной формы разумной жизни.

Он замолчал.

— Ну? — потребовал Крошка. — Раз мы имеем удовольствие слушать эту историю, я полагаю, вы все-таки уцелели.

— Я и все находившиеся на корабле люди нашли нигтов вполне съедобными. К сожалению, среди нас было несколько микрушни с Поляриса.

— И что? — поинтересовался кто-то.

— Высокоразвитые, но негибкие существа, — проговорил Дор Лассос, пригубив бренди. — У них начались конвульсии, и последовала смерть.

У меня был некоторый опыт общения с хиксабродами и с их манерой поведения, и я знал, что вовсе не садизм, а полная отрешенность подсказала Дор Лассосу эту маленькую выдумку.

Однако по комнате прокатилась волна отвращения. Микрушни — существа деликатные, со склонностью к философии и поэзии. Их любят повсюду.

За столом почти незаметно отпрянули от гостя. Но это тронуло его не больше, чем тронули бы громовые овации. Хиксаброды крайне сдержанны в выражении чувств.

— Скверно, — негромко произнес Клей. — Мне они всегда нравились.

Он пил, пожалуй, слишком много, и эта безобидная реплика прозвучала как вызов.

Холодные карие глаза Дор Лассоса повернулись в его сторону. Что он увидел, к каким выводам пришел — оставалось скрытым маской равнодушия.

— В целом, — бесстрастно констатировал он, — правдивая раса.

Это была наивысшая похвала в устах хиксаброда, и я полагал, что инцидент исчерпан. Но в разговор вновь вмещался Крошка.

— Не то что мы, люди, — заметил он. — Не правда ли?

Я бросил на него яростный взгляд, но, не обращая внимания, он громко повторил:

— Не то что мы, а, Дор Лассос?

Крошка тоже пил чересчур много, и его голос зазвенел во внезапно наступившей тишине.

— Люди сильно отличаются друг от друга, — спокойно ответил хиксаброд. — Некоторые стремятся к истине. В общем же человеческую расу нельзя назвать особенно правдивой.

Это был типичный, беспощадно точный ответ хиксаброда. Дор Лассос ответил бы так же и перед лицом смерти.

И опять подал голос Крошка:

— Ах да. Но понимаете ли, Дор Лассос, значительная доля человеческого юмора основана на умышленной лжи. Кое-кто из нас врет просто для забавы.

Дор Лассос отпил бренди и промолчал.

— Конечно, — продолжал Крошка, — иногда такой человек мнит, что его враки очень занимательны. А они часто скучны и надоедливы, особенно если вам приходится слушать их снова и снова. С другой стороны, встречаются и такие специалисты, что даже вы сочтете их выдумки веселыми.

Клей внезапно выпрямился, и от резкого движения содержимое его стакана выплеснулось на белую скатерть.

Я посмотрел на них — на Клея, не сводящего глаз с Крошки, на Дор Лассоса, — и мной овладело зловещее предчувствие.

— Вряд ли, — сказал Дор Лассос.

— Нет, вам следует послушать настоящего корифея, — возбужденно настаивал Крошка, — особенно когда у него есть благодатная почва для измышлений. Взять, к примеру, тему родных планет. На что похожа Хикса, ваша родина?

Я услышал более чем достаточно, чтобы утвердиться в зародившемся подозрении. Стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, я поднялся и вышел из кают-компании.

Дор Лассос сухо кашлянул.

— Она очень красива, — донесся его невыразительный голос — Диаметр Хиксы — тридцать восемь тысяч универ-

сальных метров. На планете имеется двадцать три горные цепи, семнадцать крупных масс соленой воды...

Я быстро прошел по пустым коридорам в радиорубку и открыл журнал входных сообщений. Там, в графе «Прибытия», были занесены сведения о Дор Лассосе. Последняя строчка называла предыдущую остановку хиксаброда.

Тарсус.

Клей был моим другом. И есть предел тому, что может выдержать человек.

На стене висел список членов станции. Против имени Уильяма Питерборо я начертил дорсайский знак, достал из шкафчика свое оружие и вернулся в кают-компанию.

Дор Лассос продолжал рассказ:

— ...Флора и фауна находятся в таком великолепном естественном равновесии, что за последние шестьдесят тысяч лет численность ни одной популяции не изменилась более чем на один процент. Жизнь на Хиксе размеренна и предсказуема. Погода регулируется в пределах возможного. — Бесстрастный голос Дор Лассоса на миг дрогнул. — Когда-нибудь я туда вернусь.

— Прекрасная картина, — вставил Крошка. Он наклонился над столом, его глаза разгорелись, зубы блестели в улыбке. — Чудесная у вас родина. Но я, к сожалению, должен сообщить, что она бледнеет по сравнению с неким волшебным местом.

Хиксаброды тоже бойцы. Лицо Дор Лассоса по-прежнему оставалось невыразительным, но голос неожиданно зазвенел.

— Ваша планета?

— Если бы! — воскликнул Крошка все с той же волчьей ухмылкой. — Я никогда его не видел, но рассказы о нем слушаю вот уже несколько лет. И либо это самое удивительное место во Вселенной, либо человек, который рассказывает...

Я отодвинул стул и привстал, но рука Клея легла на мой локоть и усадила назад.

— Ты говорил... — обратился он к Крошке, чей поток слов был прерван моим движением.

— ...человек, который рассказывает о нем, — один из упомянутых мной специалистов по лжи, — докончил Крошка.

Я вновь попытался подняться, однако Клей меня опередил.

— Мое право... — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Он медленно поднял стакан бренди и выплеснул содержимое Крошке в лицо.

— Доставай оружие! — приказал Клей.

Крошка вскочил. Несмотря на то что все развивалось по его плану, он не мог справиться со своими чувствами. Его лицо побелело от ярости.

— Зачем же оружие? — выдавил он срывающимся голосом.

— Ты назвал меня лжецом.

— Разве оружие всесильно? — Крошка глубоко вздохнул и хрипло рассмеялся. — Теперь наконец мы можем разрешить наш спор с полной определенностью. — Его глаза обежали комнату и остановились на Клее. — Две вещи ты повторял чаще всего. Первое: что ты был игроком. Второе: что Лалангамена, твоя драгоценная Лалангамена на Тарсусе, — самое чудесное место во Вселенной. Что из этого правда?

Клей тяжело выдохнул, стараясь взять себя в руки.

— И то, и другое.

— Ты готов это подтвердить?

— Своей жизнью!

— Ага, — насмешливо проговорил Крошка. — Но я прошу тебя подтвердить это не жизнью, а той кругленькой суммой, которая накопилась за прошедшие годы. Ты заявлял, что был игроком. Заключим пари?

Тут Клей, казалось, впервые увидел расставленную ловушку.

— Давай же, — подначивал Крошка. — Это подтвердит твое первое заявление.

— А второе? — потребовал Клей.

— Как же... — Крошка взмахнул рукой в сторону Дор Лассоса. — Можно ли пожелать лучшего судью? У нас за столом сидит хиксаброд. — И, полуобернувшись к гостю,

Крошка слегка поклонился. — Пусть он скажет: правда это или нет?

Я еще раз попытался подняться, и снова Клей с силой усадил меня на место.

— Вы полагаете, что могли бы рассудить наш спор, сэр? — обратился он к Дор Лассосу.

Их взгляды встретились.

— Я только что с Тарсуса, — после неуловимой паузы сказал хиксаброд. — Объединенный Топографический отряд составлял карту планеты. Мне было поручено засвидетельствовать ее верность.

Выбора не оставалось. Все замерли, ожидая ответа. Сдерживая бурлящую ярость, я не сводил глаз с лиц своих товарищей, думая, что эту безобразную сцену вот-вот остановят. Но вместо симпатии видел безразличие, цинизм, даже неприкрытую заинтересованность людей, которым все равно, если их развлечение будет оплачено кровью.

И я с ужасом осознал, что остался единственным другом Клея. Меня одного не раздражали его бесконечные разговоры о прелести Лалангамены. Я сам был по-стариковски словоохотлив и снисходителен. Но терпение остальных истощилось. Там, где я видел трагедию, они видели лишь законное воздаяние завравшемуся зануде.

Глаза Клея стали черными и холодными.

— Сколько ты ставишь? — спросил он.

— Все, что есть, — отозвался Крошка, жадно подавшись вперед — Побольше, чем у тебя. Восьмилетний заработок.

Не говоря ни слова, Клей достал свою чековую книжку, выписал чек на всю сумму и положил книжку и чек перед хиксабродом. Крошка, который, очевидно, был готов к этому, сделал то же, добавив толстую пачку денег, выигранных за последние недели.

— Это все? — спросил Клей.

— Все, — сказал Крошка.

Клей кивнул и отступил назад.

— Начнем, — сказал он.

Крошка повернулся к гостю.

— Дор Лассос, мы ценим вашу помощь.

— Рад слышать это, — отозвался хиксаброд, — так как моя помощь обойдется победителю в тысячу кредиток.

Эта неожиданная деловая хватка сбила Крошку с толку. Я, единственный в комнате, кто знал народ Хиксы, ожидал этого, но остальные были неприятно поражены. До сих пор пари казалось большинству жестокой, однако по крайней мере честной игрой, касающейся только нас. Внезапно вся эта затея обернулась неприглядной стороной — все равно что использовать наемника для расправы над товарищем.

Но было поздно, пари заключено. Тем не менее в комнате неодобрительно зашумели.

Подгоняемый мыслью о сбережениях Клея Крошка гнул свою линию.

— Вы состояли в картографической группе? — спросил он Дор Лассоса.

— Верно, — ответил хиксаброд.

— Следовательно, вы хорошо знаете планету?

— Да.

— Знаете ее географию? — настаивал Крошка.

— Я не люблю повторяться. — Глаза хиксаброда казались отчужденными и даже враждебными, когда они встречали взгляд Крошки.

— Что это за планета? — Крошка провел языком по пересохшим губам. К нему начало возвращаться обычное самообладание. — Она большая?

— Нет.

— Богатая?

— Нет.

— Красивая?

— Не нахожу.

— Ближе к делу! — рявкнул Клей.

Крошка взглянул на него, упиваясь своим торжеством, и повернулся к хиксаброду.

— Превосходно, Дор Лассос, переходим к сути дела. Вы слышали о Лалангамене?

— Да.

— Вы когда-нибудь были в Лалангамене?

— Да.

— Можете ли вы честно и откровенно... — впервые огонек ненависти прорвался и вспыхнул в глазах хиксаброда: Крошка только что неумышленно нанес ему смертельное оскорбление, — ...честно и откровенно сказать, что Лалангамена — самое прекрасное место во Вселенной?

Дор Лассос обвел взглядом комнату. Теперь наконец презрение ко всему происходящему ясно отразилось на его лице.

— Да, — сказал он.

Все потрясенно замерли. Дор Лассос поднялся на ноги, отсчитал из груды денег тысячу кредиток, а остальное, вместе с чеками и чековыми книжками, передал Клею. Потом он сделал шаг вперед и поднес руки ладонями кверху к самому лицу Крошки.

— Мои руки чисты, — сказал он.

Его пальцы напряглись. Вдруг на наших глазах из подушечек выскользнули твердые блестящие когти и затрепетали на коже лица Крошки.

— Вы сомневаетесь в правдивости хиксаброда? — раздался металлический голос.

Крошка побелел и сглотнул. Острые как бритва когти были под самыми его глазами.

— Нет... — прошептал он.

Когти втянулись, хиксаброд опустил руки. Снова сдержанный и бесстрастный, Дор Лассос отступил и поклонился.

— Благодарю всех за любезность, — сказал он, и сухой голос прозвучал в тишине неестественно громко.

Затем Дор Лассос повернулся и чеканным шагом вышел из кают-компании.

— Итак, мы расстаемся, — произнес Клей Харбэнк, крепко сжав мою руку. — Надеюсь, Дорсай встретит тебя так же приветливо, как меня Лалангамена.

— Тебе не следовало выкупать и меня, — проворчал я.

— Чепуха. Денег было более чем достаточно для двоих, — сказал Клей.

Со времени пари прошел месяц. Мы оба стояли в гигантском космопорте на Денебе I. Через десять минут отлетал

мой корабль на Дорсай. Клею предстояло ждать несколько дней редкого транспорта на Тарсус.

— Пари было колоссальной глупостью, — настаивал я, желая излить на чем-нибудь свое недовольство.

— Вовсе нет, — возразил Клей. На его лицо легла мимолетная тень. — Ты забываешь, что настоящий игрок ставит только наверняка. Увидев глаза хиксаброда, я был уверен, что выиграю.

— Не понимаю.

— Хиксаброд любил свою родину.

Я ошеломленно уставился на него.

— Но ты ведь ставил не на Хиксу. Конечно, он предпочтет Хиксу любому другому месту во Вселенной. Ты же ставил на Тарсус — на Лалангамену!

Лицо моего друга снова помрачнело.

— Я играл наверняка. Исход был предрешен. Я чувствую себя виноватым перед Крошкой, но его предупреждали. Кроме того, он молод, а я старею и не мог позволить себе проиграть.

— Может быть, ты спустишься с облаков, — потребовал я, — и объяснишься наконец? Почему ты был уверен? В чем здесь фокус?

— Фокус? — с улыбкой повторил Клей. — Фокус в том, что хиксаброд не мог не сказать правду. Все дело в названии моей родины.

Он посмотрел на мое удивленное лицо и опустил руку мне на плечо.

— Видишь ли, Морт... Лалангамена — не город и не деревня. Своя Лалангамена есть у каждого на Тарсусе. У каждого во Вселенной.

— Что ты хочешь сказать, Клей?

— Это слово, — объяснил он. — Слово на тарсусианском языке. Оно означает «родной дом».

Леон Спрэг де Камп
ЖИВОЕ ИСКОПАЕМОЕ

Там, где сливались две реки, раскинулась чудесная равнинная страна с небольшими холмами, зеленая, теплая и влажная.

Сотни бабочек-поденок весело порхали в воздухе, и низкое вечернее солнце сияло на ярких крыльях. Ровное стрекотание цикад изредка прерывали доносящиеся из болота всплески какой-то неповоротливой туши.

Внезапно туша подняла голову и как перископом заворочала длинной шеей; зеленые глаза выпучились и расширились еще больше. Она явно осталась недовольна увиденным, так как тяжело встала на четыре конечности-колонны и с громким чавканьем устремилась к зарослям.

Показались два всадника, едущие вверх по течению реки; каждый вел животное, подобное тому, на котором сидел. Достигнув края болота, передний остановился и показал на следы, оставленные слонообразной тушей.

— Гигантский тапир! — воскликнул он. — Ах какой прекрасный был бы экземпляр!

— Неужели? — хмыкнул его товарищ. — А как мы доставим его в Южную Америку? Потащим на веревке?

Первый всадник хрипло рассмеялся:

— Я вовсе не предлагаю сейчас убивать его. Я только хотел отметить, что в музее этот вид совсем не представлен.

Путешественники не были людьми, хотя, безусловно, относились к антропоидам — с длинными пушистыми хвостами и густыми шубами темно-коричневого меха. Скуластые лица с большими водянистыми глазами, вместо носа — два узких отверстия. Каждый всадник весил килограммов шестьдесят. Современный зоолог был бы прав, отнеся их к семейству обезьян-капуцинов. Всадникам же было бы гораздо труднее классифицировать зоолога, так как в их дни палеонтология только зарождалась и фамильное древо приматов не было разработано.

Бесхвостые круглоухие животные под седлами удивительно напоминали гигантских гвинейских свиней, каковыми, в сущности, и являлись.

Передний всадник спешился и стал ходить между причудливо разбросанными гранитными глыбами среди стволов сикомор. При каждом его шаге разлетались стаи кузнечиков.

— Чьюи! — позвал он.

Подъехал и соскочил другой всадник. Животные принялись мирно жевать густую, высокую траву.

— Смотри, — произнес первый, поворачиваясь к одной из плит. — Поверхности слишком параллельны. Не может быть, чтобы это получилось случайно. По-моему, мы нашли.

— Вы имеете в виду место, где находился большой город Людей?

Второй путешественник с явным недоверием пинал каменные плиты. Внезапно он воскликнул:

— Наупутта!

Камень, у которого он остановился, был почти гладким, но на его поверхности, параллельной солнечным лучам, проявлялись странные штрихи.

Наупутта выхватил из поклажи камеру и сделал несколько снимков, пока Чьюи поддерживал камень. Штрихи складывались в обрывки слов:

ТСБУРГСКИЙ
НАЦИО
АНК

— Да, это надпись, — заметил Наупутта, убирая камеру. — Настоящая надпись, почти стершаяся. Неудивительно, ведь камень пролежал пять или десять миллионов лет с тех пор, как вымерли Люди. И песок какой красный... Наверное, полон окиси железа. Люди, должно быть, использовали колоссальное количество стали в своих строениях.

— Вы не можете сказать, что значит эта надпись? — спросил Чьюи.

В его голосе сквозило почтение, которое испытывали капуцины к цивилизации, столь высоко поднявшейся и столь бесследно исчезнувшей.

— Нет. Специалисты попробуют расшифровать ее по моим снимкам. Это возможно, если она сделана на одном из известных нам языков Людей. Как жаль, что никого из них не сохранилось. Они могли бы ответить на многие вопросы.

— Может быть, да, — произнес Чьюи. — А может, и нет. Люди могли бы уничтожить нас, если бы предположили, что мы займем их место.

— Пожалуй, ты прав. Я никогда не задумывался над этим. Как хотелось бы забрать камень с собой...

Чьюи хмыкнул.

— Когда вы брали меня в проводники, то говорили, что музею нужно лишь общее исследование. Но всякий раз, увидев что-нибудь весом в тонну, вы хотите увезти это с собой. Вспомните вчерашнего медведя — он весил по крайней мере полторы тонны!

— Но ведь это новый подвид! — возмутился Наупутта.

— Ну разумеется, — съязвил проводник. — Совсем другое дело! Новые подвиды вовсе не тяжелые — они только кажутся такими. Эх вы, ученые! Ну ладно, я вижу, вы тут целый день собираетесь бродить. Надо разбивать лагерь.

Скоро он вернулся.

— Место я нашел. Только мы здесь не первые. Неподалеку кострище.

— Значит, не одни мы так углубились в Восточные Леса... Кто бы это мог быть?

— Какой-нибудь изыскатель из Колонии. Они не хотят полагаться лишь на свои серу и соль и ищут новые ресурсы. Или... А-а-а! — Чьюи в ужасе подпрыгнул. — Змея!

Наупутта тоже подпрыгнул, затем рассмеялся. Он нагнулся и выхватил из камней маленькую рептилию.

— Совершенно безвредна.

— Не знаю, не знаю, — быстро пятясь, бормотал Чьюи. — Держите-ка эту гадость подальше!

На следующей день путешественники повернули к востоку, потому что перед возвращением Наупутта хотел добраться до видневшихся на горизонте гор. Здесь им преградила дорогу еще одна река. Когда они почти достигли противоположного берега, из подкравшейся сзади черной тучи хлынул дождь, сильный, но недолгий.

Наупутта принюхался.

— Пахнет горелым, — сказал он.

— Либо костер нашего таинственного друга, либо мы прибыли как раз вовремя, чтобы остановить лесной пожар, — согласился проводник и тронул свое животное.

В шорохе капель дождя они незамеченными подъехали к капуцину, жарящему на костре пищу.

Треснула ветка. Незнакомец обернулся и схватил винтовку.

— Ну? — произнес он бесстрастным голосом. — Кто вы такие?

Исследователи потянулись было к винтовкам в седельных сумках, но остановились, глядя в неподвижное дуло. Наупутта представился.

Незнакомец опустил ружье.

— А, ученые охотники за жуками!.. Простите, что напугал вас. Устраивайтесь поудобней. Я Нгуой цу Чоу, изыскатель из Колонии. Мы... я приплыл сюда на лодке.

— Мы? — повторил Наупутта.

Плечи изыскателя поникли.

— Я только что похоронил товарища. Нарвался на змею. Его звали Яуга, Яуга цу Шрр. Такого напарника не было ни у одного изыскателя... Вы бы не дали мне немного порошка от блох? Мой кончился.

Втирая порошок в мех, он продолжал:

— Эта река тянется до самых гор. Там, за горами, богатейшая страна — косули, медведи, гигантские кролики, утки...

Он еще долго рассказывал, а потом лег спать и рано утром уехал.

После его отъезда Чьюи почесал голову.

— Боюсь, я подцепил блох от нашего друга. Интересно, почему он держал нас на мушке, пока не узнал, кто мы такие?

— Остался один и боялся, — предположил Наупутта.

Чьюи нахмурился.

— Почему он схватился за винтовку, я понимаю: к нему мог подкрасться и лев. Но он не бросил ружья, даже когда увидел, что мы — иму. Впрочем, возможно, я просто с подозрением отношусь к обитателям Колонии... Хотите взглянуть на «богатейшую страну»?

— Да, — ответил Наупутта. — Мы можем идти вперед еще неделю и все равно успеем вернуться до холодов.

Несмотря на мех, капуцины были очень чувствительны к холоду, и именно поэтому география, ботаника, зоология и все прочие науки, связанные с путешествиями, заметно отставали в развитии от других областей этой культуры.

— Описания Нгуоя сходятся с тем, что видел Шмргой со своего воздушного шара, хотя, как известно, пешком ему дальше пройти не удалось. Он опустился в сорока милях ниже по реке и оттуда направился к Колонии.

— Скажите, — задумчиво спросил Чьюи, — появятся у нас когда-нибудь машины, летящие по нашему желанию, а не туда, куда дует ветер?

— Только когда изобретем более легкий двигатель. После того, как мы загружаем аппарат полностью — топливом, водой, оборудованием, — взлететь ему так же нелегко, как и гранитной скале. Существует теория, что у Людей были летательные машины. Они, должно быть, пользовались двигателями на нефти, которую добывали из недр. Люди выкачали почти все, оставив нам один уголь.

* * *

Это была действительно великая страна. Путь к ней оказался нелегким. Им пришлось буквально прорубать себе дорогу сквозь густые заросли. Впереди шел Чьюи, орудуя топором, как опытный лесоруб. Каждый удар стали рассекал мягкое дерево. За ним, держа хвостом поводья, следовал Наупутта.

— Что это за шум? — внезапно спросил он.

В наступившей тишине отчетливо слышались ритмичные глухие удары, доносящиеся, казалось, из-под земли.

— Понятия не имею, — ответил Чьюи. — Может, стучат стволы? Но ветер слишком слабый.

Они продолжали путь. Вдруг Наупутта закричал. Чьюи обернулся и увидел, что ученый склонился над какими-то костями.

Прошло не менее десяти минут, а он все еще изучал их.

— Ну, — нетерпеливо заметил Чьюи, — вы не хотите и меня посвятить в эту тайну?

— Прости. Не могу поверить собственным глазам. Это кости Человека! Не ископаемые — свежие кости! Судя по дыре в черепе, можно предположить, что его застрелил наш друг Нгуой. Мне необходимо во что бы то ни стало добыть целый экземпляр!

Чьюи вздохнул.

— Когда речь заходит о новых видах, кровожаднее вас не сыскать. А еще клянетесь, что не терпите насилия!

— Ты не понимаешь, Чьюи, — возразил Наупутта. — Если хочешь, называй меня фанатиком. Охота ради забавы возмущает меня до глубины души. Но сохранение и изучение нового вида во имя науки — совсем другое дело!

— О, — только и произнес Чьюи.

Они смотрели на Человека сквозь густые заросли. Он казался им странным существом, почти безволосым; на желто-коричневой коже виднелись шрамы. Сжимая в руке палку, Человек осторожно ступал по мягкой хвое, принюхивался, часто останавливался. В бронзовых волосах на подбородке поблескивало солнце.

Наупутта спустил курок, и оглушительный выстрел разорвал тишину. Человек упал.

— Здорово! — воскликнул Чьюи. — Прямо в сердце! И я бы не смог лучше. Но они так похожи на иму...

— Я сделал это во имя науки, — произнес Наупутта, доставая камеру, измерительную ленту, записную книжку и скальпель.

Прошло несколько часов, а он все еще препарировал добычу и делал зарисовки. Чьюи, давно закончивший свою работу, коротал время, пытаясь хвостом подобрать с земли иголку хвои.

— Я, конечно, понимаю, как ужасно, что у нас с собой нет цистерны с формальдегидом, — не выдержал он наконец. — Но раз ее нет и никогда не было, чего тянуть?

Зоолог порой раздражал Чьюи, хотя проводник понимал ученого, сам был весьма начитан и питал любовь к естествознанию. Но, целыми годами сопровождая экспедиции, Чьюи давно смирился с тем, что всего с собой не возьмешь.

Внезапно он выпрямился и прошипел:

— Тс-с-с!

Футах в пятидесяти от них из-за веток выглянуло и исчезло человеческое лицо. Волосы на шее Чьюи встали дыбом. Никогда в жизни он не встречал такой яростной ненависти во взгляде.

— Лучше поспешить, — встревоженно посоветовал проводник. — Эти твари могут быть опасны.

Наупутта пробормотал что-то насчет нескольких минут. Обычно он чутко реагировал на опасность, но когда дело касалось научного чуда, весь окружающий мир съеживался в маленький комочек где-то на задворках мозга.

Чьюи, все еще вглядываясь в лес, произнес:

— Странно, почему Нгуой не предупредил нас? Неужели он хотел нашей гибели?.. Зачем это ему? Послушайте, вам не кажется, что удары становятся громче? Бьюсь об заклад, что Люди подают сигнал. Если Нгуой хотел избавиться от нас, то нашел замечательный способ. Он убивает Людей, а когда они возбуждены и жаждут крови иму, появляемся **мы**. Надо уходить!

Наупутта торопливо закончил работу. Они упаковали кожу и скелет Человека, навьючили поклажу и тем же путем тронулись назад, нервно вглядываясь в тени.

Исследователи проехали уже несколько миль и понемногу успокоились, как вдруг в воздухе просвистел какой-то массивный предмет и ткнулся в землю. Это был грубый деревянный дротик. Чьюи выстрелил в чащу.

Они выбрались из зарослей и стали спускаться по косогору в лощину.

— Не нравится мне, что Люди будут над нами, — заявил Наупутта.

— Другого выхода нет, — сказал Чьюи. — Склоны ущелья слишком круты. С таким грузом животным на них не подняться.

Неожиданно раздались крики. Из леса выскочили безволосые существа и с протяжным завыванием бросились к ним.

Чьюи выругался и спрыгнул на землю. Наупутта последовал его примеру и выстрелил одновременно с проводником; вся лощина наполнилась оглушительным грохотом. Стреляя и перезаряжая оружие, Наупутта думал о том, что он будет делать, когда опустеет магазин.

Люди, испуганно вопя, бросились к спасительным зарослям и исчезли. Двое остались неподвижно лежать на земле, а третий ворочался в кустах неподалеку и выл от боли.

— Не могу смотреть, как он мучается, — произнес Наупутта и выстрелил. Человек затих, но из глубины леса донеслись крики ярости.

— Они не поняли этот акт милосердия, — иронично заметил Чьюи, садясь в седло.

Крики слышались все время, но сами Люди не показывались.

— Черт побери, — хрипло сказал Наупутта, не сводя глаз с леса. — Еще немного и... Неужели нет такого оружия, которое перезаряжалось бы автоматически, чтобы оставалось только спустить курок?

Чьюи хмыкнул.

— В прошлом году в Колонии показывали такую винтовку. Я пробовал из нее стрелять — безотказная вещь. Возможно, со временем они станут встречаться на каждом шагу, но пока я предпочитаю свою старушку. Вы, верно, хотели спросить, что бы с нами стало, продолжай они наступать? Я... Смотрите! — Он натянул повод. — Наверх смотрите, на скалу!

— Раньше этих глыб на вершине не было, — медленно проговорил Наупутта.

— Когда мы въедем в самую узкую часть лощины, они сбросят камни на нас, а сами будут защищены от выстрелов скалой. На тот берег реки другого пути нет.

Наупутта задумался.

— Но надо же как-то пробраться через эту ловушку. Через несколько часов стемнеет.

После недолгой паузы Чьюи сказал:

— Что-то здесь не так... Я имею в виду Нгуоя и его товарища. Если мы выберемся...

Наупутта прервал его:

— Слушай! Я переплыву реку и залезу на дерево. Оттуда хорошо видна вершина скалы, и я не дам Людям подойти к валунам, пока ты не проведешь животных через опасное место. А ты найди такое же дерево ниже горловины и прикрой меня.

— Верно! Когда буду готов, выстрелю три раза.

Наупутта решительно обхватил оружие хвостом и въехал в воду. Взобравшись на дерево и устроившись поудобней, он махнул проводнику. Тот повел караван по узкой кромке берега вдоль бурлящей воды.

Тут же на вершине скалы появились Люди. В прицеле винтовки они казались еще меньше, чем ожидал Наупутта, и попасть в них было трудно. Он дважды выстрелил в скопление копошащихся розовых точек. Двойной грохот отразился от северной стены ущелья. Наупутта не был уверен, попал ли в кого-нибудь, но крошечные фигурки исчезли.

Он стал ждать. Солнце давно уже скрылось за горным кряжем, только несколько косых лучей пробивалось из-за

хребта. В лучах клубилась мошкара. На юг потянулась вереница гусей.

Услышав три выстрела, Наупутта переплыл реку и направился вниз по течению. Над ним почти вертикально высились темные стены ущелья. В реве порогов он расслышал выстрел, затем другой... Животное вздрогнуло, но продолжало идти. Наупутта считал выстрелы: семь, восемь... Видимо, Люди решили во что бы то ни стало добиться своей цели. Потом огонь прекратился, и зоолог понял, что Чьюи перезаряжает винтовку.

Сверху посыпались камни. Огромный валун, похожий на воздушный шар, пролетел над головой Наупутты, ударился о выступ и упал в воду, окатив его тучей брызг. Наупутта отчаянно ударил животное, и оно устремилось вперед, чуть не скинув всадника в реку.

Странно, почему Чьюи не стреляет? Ученый взглянул наверх и увидел, что воздух потемнел от камней. Они увеличивались на глазах и падали прямо на него. Наупутта пригнулся, в голове опять мелькнула мысль: «Почему же он не стреляет?» Но было поздно.

Град камней почти настиг его, вода сзади забурлила. Один обломок пролетел так близко, что ветер взлохматил Наупутте волосы. Обезумев от страха, животное под ним рванулось вперед. Но тут в проеме ущелья показалось солнце, и зигзагообразные прыжки постепенно перешли в ровный галоп.

Наупутта подъехал к дереву, где сидел Чьюи.

Проводник уже спускался, держа винтовку в хвосте.

— Вы не ранены? — закричал он. — Я уж подумал, что вам конец. Когда перезаряжал ружье, в казенник попала веточка.

Наупутта хотел его успокоить, но не смог произнести ни звука.

Чьюи поднес к глазам бинокль.

— Быстрее! Надо пройти прорубленную нами тропу прежде, чем они приблизятся к чаще.

Наупутта зевнул, потянулся и сел. Они находились в лагере Нгуоя; Чьюи сидел у костра, держа винтовку на коле-

нях. Оба еще не пришли в себя после отчаянного бегства вниз по реке. Они ехали, ожидая атаки, но, хотя все еще слышались глухие барабанные удары, Люди больше не показывались. В лагере Нгуоя самого изыскателя не было.

— Пока вы спали, я все думал об этом Нгуое. Мне кажется, он не рассчитывал, что мы вернемся, хотя доказательств у меня нет, — произнес Чьюи. — Хотелось бы знать, каким образом его товарищ умер... в такой удобный для Нгуоя момент. Одному вверх по течению не подняться. А вот спуститься можно без посторонней помощи. Видимо, после находки ценнейшего соснового леса этот Яуга показался Нгуою лишним. По возвращении в Колонию ни с кем не придется делить славу и награду за находку.

Наупутта вскинул брови и молча начал доставать из тюка лопату.

Спустя полчаса он уже исследовал останки Яуги цу Шрр.

— Вот! Два отверстия в черепе. Никакая змея их сделать не могла. Тут явно поработала пуля четырнадцатого калибра.

Наступило молчание. Порыв ветра донес издалека ритмичные удары.

— Задержим его? — спросил Чьюи. — До Колонии путь долгий.

Наупутта задумался.

— У меня есть идея получше. Но пока труп придется снова закопать.

— Только ничего противозаконного! — твердо сказал Чьюи.

Наупутта зарыл труп в могилу. Звуки ударов приблизились.

Вскоре среди деревьев раздалось негромкое посвистывание.

— Быстро! — прошептал Наупутта. — Набросай сверху листьев. Потом заговори с ним и попытайся отвлечь его внимание.

Свист прекратился, и на поляну вышел Нгуой. Если он и был удивлен присутствием путешественников, то не подал виду.

— Привет! Ну как, удачно съездили?

Он замолчал и принюхался. Чьюи и Наупутта поняли, что всех следов в могиле не спрятать.

— Вполне, — откликнулся Чьюи самым дружелюбным тоном и начал длинный рассказ о том, как хороша лощина.

Глухие удары стали еще громче, но этого, казалось, никто не замечал.

— Нгуой, — внезапно спросил Наупутта, — вам не встречались в лесу живые Люди?

Изыскатель фыркнул.

— Что за глупости! Люди вымерли миллион лет назад. Как же я мог их видеть?

— А вот нам посчастливилось...

Ученый замолчал. Тишину нарушали только резкие удары. Ему показалось, или были слышны еще и слабые крики?

— Более того, нам удалось взглянуть на останки вашего компаньона.

Снова наступило молчание, прерываемое шумом приближающихся Людей.

— Вы намерены отвечать? — спросил Наупутта.

Нгуой ухмыльнулся.

— Конечно. — Он прыгнул к дереву, у которого оставил винтовку. — Вот этим!

Он схватил оружие и спустил курок.

Раздался металлический щелчок. Наупутта разжал кулак и показал пригоршню патронов. Затем хладнокровно взял свою винтовку и направил ее на изыскателя.

— Чьюи, забери у него нож, топор и прочее.

Проводник, пораженный решительными действиями своего обычно медлительного и непрактичного спутника, молча повиновался.

— А теперь, — приказал Наупутта, — привяжи животных к лодке Нгуоя. Мы отправляемся в путь.

— Но... — неуверенно начал Чьюи.

— Объяснения позже. Поторапливайся! — прорычал зоолог.

Когда путешественники грузились в лодку, изыскатель очнулся.

— Эй! — закричал он. — А я? Сейчас сюда придут Люди и меня съедят! Они пожирают даже друг друга!

— Нет, — размеренно произнес Наупутта, — тебя мы не берем.

Лодка отошла от берега, и животные покорно плыли за ней, навьюченные тяжелой поклажей.

— Эй!!! — заорал Нгуой. — Вернитесь! Я во всем признаюсь!

Лодка набирала скорость.

Среди деревьев мелькнули фигуры Людей. Их уже знакомые крики смешались с отчаянными воплями изыскателя. Вопли вскоре прекратились, а голоса Людей перешли в ритмичную песню, которая еще долго была слышна после того, как лагерь скрылся из виду.

Чьюи молча греб, не отрывая взгляда от воды. Наконец он повернулся и решительно произнес:

— Это самый подлый поступок в моей жизни! Оставить его беззащитным на съедение безволосым тварям... И мне все равно, будь он хоть трижды лжецом.

Лицо Наупутты утратило выражение решимости; ученый выглядел разбитым и опустошенным.

— Ты порицаешь меня? Я этого опасался, но выбора не было.

— Почему же?

Наупутта глубоко вздохнул и отложил весло.

— Нгуой убил своего товарища и возвращался в Колонию с известием о находке леса. Он хотел уничтожить нас руками Людей, а когда этого не получилось, застрелил бы нас сам, не разряди я его винтовку. Колония прислала бы сюда целую банду лесорубов, и через несколько лет чуднейший лес был бы уничтожен, а вместе с ним и вся дикая жизнь, включая Людей, — отчасти на питание, отчасти из самообороны, отчасти потому, что мы любим стрелять.

Наупутта продолжал:

— Считалось, что Человек вымер миллионы лет назад после того, как расселился по всему миру и достиг уровня цивилизации не менее высокого, чем наш, или даже выше. Люди, которых мы видели, вполне могут оказаться последними представителями вида. Ты очень практичен, и я не знаю, поймешь ли ты чувство, которое биолог испытывает к

живому ископаемому. Для ученых Люди просто бесценны, и мы не пожалеем ничего, чтобы их сохранить. Если мы вернемся в Южную Америку раньше, чем новости о сосновом лесе дойдут до Колонии, я успею нажать кое на кого, чтобы этот район сделали заповедным, и пусть тогда они отправляются за лесом в другие места. Но если Колония опередит нас, у меня не останется ни единого шанса.

Однако есть еще кое-что, гораздо более важное, чем Нгуой и Люди.

Известно, что Человек был очень расточителен по отношению к своим богатствам. Вспомни об истощении запасов нефти. И вымирание крупных млекопитающих перед последним ледниковым периодом тоже дело его рук — по крайней мере частично. Мы уверены, что это Люди виновны в исчезновении наиболее крупных видов китов, и подозреваем, что именно они истребили почти всех слонов. Большинство сегодняшних млекопитающих эволюционировало за несколько миллионов лет из форм, которые во времена Людей могли уместиться на ладони.

Нам неизвестно, почему они вымерли. Возможно, причиной тому послужили войны и болезни; возможно, сыграло роль истощение естественных ресурсов. Ты ведь знаешь, я убежденный материалист, но мне иногда кажется, что это месть разгневанной природы. И я поставил целью своей жизни не допустить повторения этой ошибки. Теперь ты понимаешь, почему я должен был так поступить?

Какое-то время Чьюи молчал.

— Пожалуй, да, — наконец проговорил он. — Не скажу, что мне это по душе... но я подумаю. А сейчас нам пора останавливаться: животные устали плыть.

Лодка бесшумно скользила по реке. Стояла жара индейского лета. Белые люди, назвавшие эту пору «индейским летом», давно исчезли, так же как и сами индейцы. Маленькое дикое племя — вот все, что осталось от всемогущего Человека.

Представитель гораздо более древнего рода, стрекоза, посверкивая на солнце крылышками, кружила над кормой. На какой-то миг она вдруг застыла, но уже в следующее мгновение пропала из виду.

Гордон Диксон
МИСТЕР СУПСТОУН

Окно доставки Главного почтамта на Гемлине-3, в двадцати восьми тысячах четырехстах шести световых годах во втором Квадранте по наклонению в девятнадцать градусов от Теоретического Центра Галактики, было весьма небольшим и расположено ниже, чем обычно. Пилот-разведчик Хэнк Шалло, здоровенный, как бык, согнулся почти пополам, чтобы заглянуть в него.

— Нет ли у вас почты для... — его голос с безразличной скороговорки внезапно перешел на басовитое воркование, — ...для Х. Шалло, корабль «Атеперьнетуж», мисс?

— Секунду.

Неземное видение, маленькая брюнетка за окошком, отложила книгоскоп и набрала код на пульте. Что-то лязгнуло, щелкнуло, и машина выплюнула несколько конвертов.

— Пожалуйста, сэр.

Хэнк принял их, не глядя, и скомкал в огромной руке.

— Благодарю вас. — Он ослепительно улыбнулся. — Интересная книжка?

Девушка, вновь приняв прежнее положение, скользнула по нему небрежным взглядом (Хэнк так и не понял, чего было больше в этом взгляде — одобрения или безразличия) и ответила:

— Да.

Хэнк вздохнул.

— Давненько у меня не было времени почитать по-настоящему, — грустно признался он. — У пилотов-разведчиков совсем нет времени. Очень тяжело быть пилотом-разведчиком.

— Насколько я понимаю, — заметила девушка, — вы — пилот-разведчик?

— Да, — односложно молвил Хэнк, снова горько вздыхая. — И это трудная, одинокая жизнь. — Он слегка раздул грудь. — Большинству представляется блестящая судьба пионера, первооткрывателя новых земель для человечества, но, увы... Опасная — да. Блестящая... — Хэнк медленно покачал головой, — нет.

— Понятно, — сказала девушка.

— Могу ли я поинтересоваться, о чем эта книга? Возможно, я решу заказать себе такую же для следующего долгого одинокого полета.

— Недурная мысль, — отозвалась девушка, — особенно если вы читаете на старофранцузском. Это сборник фабльо.

— Ах, фабльо...

— Да. Я пишу работу по произведениям, приписываемым перу Чосера, которые распространились в XIV веке после успеха «Кентерберийских рассказов». Многие из них восходят к фабльо.

— Э-э...

— Я кончаю университет, а здесь просто подрабатываю. Чем еще могу быть полезна?

— Собственно, мне ничего не надо, — потупился Хэнк. — Возможно, мы еще встретимся.

Он вышел, сунув нераспечатанные письма в карман, и отправился в город. Там зашел в первую попавшуюся библиотеку и потребовал книгу по фабльо, торопливо добавив:

— На современном языке, разумеется...

Библиотечная машина зашумела и выдала книгоскоп с катушкой. Хэнк удобно уселся в кресле и поднес проектор к глазам. «ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ», — прочитал он и хмыкнул. Так вот что такое фабльо... Первая сказка называлась «Похлебка из

камней». Хэнк прочитал ее, сунул книгоскоп в карман и вернулся на Главный почтамт, где, скрючившись, облокотился на окошко выдачи.

— Привет! — игриво бросил он.

— Привет, солдафон, — холодно отозвалась брюнетка.

— Солдафон? — изумленно переспросил Хэнк. — Нет-нет. Я пилот-разведчик.

— Не заливайте! — презрительно сказала девушка. У Хэнка создалось впечатление, что ее мнение о нем почему-то внезапно ухудшилось. — Впрочем, вы, верно, по-другому и не умеете... Плохо же вы обо мне думаете, если решили, что купите своей дешевой ложью. Да, мой дядя был пилотом-разведчиком, и я никем больше так не восхищалась. Но вынюхивать...

— Секундочку! — взмолился Хэнк. — Ваш дядя был пилотом-разведчиком? Как его имя?

— Чен Греминджер. И он погиб геройски при исполнении служебных обязанностей...

— Я знал Чена Греминджера!

— О, получайте это письмо и убирайтесь отсюда!

Она ударила по клавише на пульте, схватила выскочившее письмо и швырнула его в Хэнка, затем повернулась и исчезла из поля зрения.

Хэнк обеспокоенно подобрал письмо. Это был весьма официального вида пакет, разукрашенный марками, штампами и гербовыми печатями, адресованный: «Гемлин-3, до востребования, майору Х. Шалло».

— Подождите! — заорал Хэнк, просунул голову в окошко. — Понимаете, я числюсь в резерве...

Но комната за окном была пуста.

С понурым видом Хэнк побрел на свой небольшой, но мощный разведывательный корабль «Атеперьнетуж». Сидя в кресле в крошечной рубке, одновременно служившей ему спальней, он сорвал печати с пакета, достал его содержимое и пробежал глазами начало:

«В соответствии с решением штаб-квартиры Дальних Космических Полетов, Ки Уэст, Земля (см. приложение)...»

Хэнк взял вышеупомянутое приложение. Оно оказалось служебной запиской от Джанифы Вилльямс, одного из директоров ДКП, с таким завуалированным едким остроумием, что лишь Хэнк мог почувствовать его укусы. «Сколь опасна женщина, — подумал он, — считающая, что ее отвергли. Опаснее змеи!»

Хэнк вовсе не пренебрег Джанифой Вилльямс, когда его отозвали на Землю для фотографирования на рекламные плакаты, — в ту пору разворачивалась кампания по вербовке пилотов-разведчиков. Он бы никогда не пренебрег столь великолепным образчиком женственности, воплощенной в блондинке.

Просто он не собирался менять свой корабль на кабинетную работу. Джанифа не смогла этого понять. Хэнк вздохнул. Теперь в служебной записке она писала, что, поскольку Х. Шалло, П-Р 349275, уже проявил способность к неортодоксальным и высокоэффективным действиям (еще один укол по поводу захвата Хэнком первого представителя Юнарко — чужой цивилизации, встреченной человечеством), штабквартира ДКП рекомендует его для выполнения задания Военного Ведомства.

Хэнк вернулся к приказам военных властей и только тут осознал всю остроту зубок Джанифы. В документе сообщалось, что с некой недавно заселенной планеты Корона, Квадрант два, наклонение... и т.д. и т.п., доложили о создавшемся чрезвычайном положении и потребовали немедленной помощи ГС (Генерального Советника). По следующим соображениям (далее полстраницы занимало перечисление весьма туманных соображений) Военное Ведомство полагает ситуацию не столь серьезной, как кажется местным властям. А так как в настоящий момент незанятых квалифицированных ГС нет, решено временно наделить майора Х. Шалло полномочиями Генерального Советника и направить его на Корону для урегулирования ситуации. И т.д. и т.п.

Хэнк вздохнул. Он-то знал, почему ГС (Гений Совершенства, как еще расшифровывали аббревиатуру) вечно не хватает. Чтобы получить это звание, необходимо выполнить

пять докторских работ в несвязанных между собой областях и пройти трехгодичный курс специальной подготовки. ГС получали к пятидесяти годам. В шестьдесят — семьдесят лет они становились бесценными и буквально творили чудеса и в том же возрасте вынуждены были оставлять свою деятельность и уходить на пенсию.

«Можешь ли ты творить чудеса? — спросил себя Хэнк. — Нет. Можешь ли ты отказаться от задания? Нет. Виновна ли в этом Джанифа? Да». Внезапно воспламененный мыслью о том, как обрадуется Джанифа его провалу, Хэнк резко выпрямился в кресле. Он ей покажет! Покажет!..

Хэнк встал и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Что и говорить, с Генеральным Советником сходства мало. Он выглядел слишком... здоровым, скажем так.

Хэнк на миг задумался, а затем нырнул в ящик с одеждой, выудил оттуда слегка помятый цилиндр из аксессуаров фокусника (когда-то он увлекался иллюзионизмом) и, напялив его на голову, повернулся к зеркалу.

Эффект был потрясающий. Цилиндр времен Авраама Линкольна в сочетании с внешностью громилы создавал впечатление поистине невероятное.

— Ор-ригинально... — выдохнул Хэнк и для завершения картины зажал под мышкой книгу французских сказок. — Фабльо, — скрипуче объявил он своему отражению. — Моя узкая специализация. Да. Супстоун.* Генри Авраам Супстоун. Что? Ну разумеется, друг мой! Уж и не помню, сколько лет я ГС. Так в чем же ваша проблема? Ха-ха! Ерунда. Дайте-ка мне...

«А почему бы и нет?» — подумал Хэнк, готовя корабль к отлету. Разве в Военном Ведомстве не считают, что местные власти на Короне переоценили серьезность положения? Возможно, там вообще нечего делать.

Он ввел координаты Короны в блок памяти Библиотеки, расположился поудобнее и взял мажорный аккорд на видавшей виды гитаре.

---

* Soupstone (*англ.*) — похлебка из камней. — *Здесь и далее примеч. пер.*

«Я лишь простой странник!..» — душераздирающим, но исполненным решимости голосом орал он в звуконепроницаемой каюте корабля.

К моменту прибытия на Корону Хэнк прочитал все сказки. Больше всего ему понравилась первая — «Похлебка из камней». Кроме того, при помощи Библиотеки он разузнал все, что мог, о методах работы ГС и о самой планете Корона. Увы, на сей раз менторский тон информирующей Библиотеки не оказывал успокоительного действия. Единственной пользой, которую могла извлечь для себя такая сравнительно необразованная личность, как Хэнк, было безграничное уважение, питаемое людьми к ГС. Генеральный Советник, разъяснила Библиотека, всегда обязан поддерживать веру в свою способность справиться с любой задачей. Хэнк постарался это запомнить.

Еще один отрезвляющий факт привлек его внимание. Корона находилась на границе владений Земли и Юнарко. Официально — и не только официально — народы Земли и Юнарко поддерживали мирные отношения с тех пор, как Хэнк доставил на Землю полоненного юнарко, и искусные лингвисты совладали с языком чужака. Да иначе и быть не могло. Только последний идиот мог не уважать суверенитета уже заселенных миров или допустить открытое столкновение. Развязав межзвездную войну, обе расы лишь уничтожили бы себя, так ничего и не решив.

С другой стороны, существовали иные формы конкуренции, без применения оружия. Обе цивилизации интересовал один тип планет. Если люди будут вынуждены отказаться от Короны и ею завладеют юнарко, то результат будет равнозначен проигранной битве. Добровольная сдача планеты может натолкнуть чужаков на опасные идеи и перейти в губительную привычку.

Хэнк был поглощен этой проблемой, когда раздался звонок и заговорила Библиотека:

— Посадка произведена. Нас встречают.

— Ага!.. — Хэнк вскочил, напялил цилиндр и зажал под мышкой сборник сказок.

Напустив на себя важный вид, он открыл люк и спустился по лесенке. Его поджидал мускулистый, легко одетый молодой человек. Расстегнутая рубашка демонстрировала загорелую шею и волосатую грудь. Голубые глаза под копной каштановых волос оценивающе смерили ширину плеч гостя. Хэнку был знаком этот взгляд. А все потому, что для кое-каких драчливых индивидов Хэнк олицетворял собой ходячий вызов. Вероятно, причина крылась в его комплекции... Хэнк поспешил развеять неблагоприятное впечатление, произведенное его внешностью, и попытался добродушно улыбнуться.

Такое поведение обескуражило молодого человека.

— Вы ГС?! — рявкнул он, потрясенный до глубины души.

— Э-э... Он самый! — выпалил Хэнк. — Хэнк Авраам Супстоун. Генеральный Советник с многолетним стажем. Фабльо. Моя специализация. Если желаете взглянуть на документы...

— Черт с ними! — гаркнул молодой человек, глубоко раня Хэнка, изготовившего по пути убедительный комплект фальшивых удостоверений. — Меня зовут Джо Блэйн. Идемте, вот мой слайдер.

Они прошли к мощной открытой машине на воздушной подушке. Такими экипажами обычно пользовались жители недавно заселенных планет — они предназначались для пересеченной местности. Мотор взревел, выплюнув облако ядовитого дыма, и пошла отвратительная вонь какого-то растительного дистиллята, используемого в качестве топлива. Экипаж судорожно рванулся с места и понесся к виднеющимся вдали зданиям. Хэнк отчаянно вцепился в сиденье.

— Итак, вы — ГС? — выкрикнул Джо Блэйн, когда они оставили позади выжженную поверхность посадочного поля и оказались на неровной поверхности вспаханного поля. Дорог на Короне явно еще не было. Скорость достигла ста двадцати километров в час.

— Совершенно верно! — заорал в ответ Хэнк, продолжая улыбаться, несмотря на ветер, и придерживая одной рукой цилиндр.

— В таком случае о спаджиях вам все известно?

— Э... абсолютно все! Занимаюсь ими не один год!

Джо оторвался от руля и изумленно оглянулся. Хэнк сглотнул и расплылся в улыбке, надеясь, что его ошибка, где бы он ее ни допустил, будет сочтена шуткой. Джо не улыбнулся в ответ. И Хэнк решил про себя по возвращении на корабль непременно узнать, что такое спаджии.

— Н-да? — протянул Джо. — А как насчет юнарко?

— О, превосходно! — обрадованно гаркнул Хэнк, обретя почву под ногами. — Между прочим, я — первый человек, который встретился с одним из них... — Он осекся, увидев пораженный взгляд поселенца, и тут же сообразил, что уж на границе-то каждому известно, что первым с юнарко столкнулся пилот-разведчик (естественно!). — Если можно так выразиться! — торопливо добавил Хэнк, снова широко ухмыляясь.

Теперь во взгляде Джо Блэйна сквозило явное недоверие. До самой остановки у какого-то трехэтажного здания, напоминающего официальное учреждение, он не проронил ни слова.

— Сюда, — коротко бросил Джо Блэйн, провел Хэнка по крутой лестнице на третий этаж и открыл внутреннюю дверь пустой приемной.

В кабинете находилось несколько человек разного возраста, одетых так же просто, как Блэйн.

— Вот и вы! Рад приветствовать вас, мистер... э... — воскликнул низенький кругленький мужчина, бросаясь навстречу.

— Супстоун. Хэнк Авраам Супстоун, — представился Хэнк.

— Я временный глава планетного Комитета Джеральд Бар. Позвольте представить вам: Уильям Грэссом, Арви Тилт, Джейк Блокин... и, наконец, моя дочь, временный секретарь нашего Временного Комитета Ева Бар.

— Страшно рад! — заюлил Хэнк при виде молоденькой хорошенькой блондинки с улыбчивым лицом и стройной фигурой, подчеркнутой облегающим желтым комбинезоном.

— Это я рада — познакомиться с настоящим Генеральным Советником! — возразила она. — Мы не ожидали, что вы окажетесь таким молодым, мистер Супстоун.

— Не так уж он молод, — раздался сзади неприятный голос Джо Блэйна. — Годами изучал спаджии. Сам мне так сказал.

— Джо! — Ева бросила на молодого поселенца сердитый взгляд.

— В самом деле, Джо, — укоризненно заметил Джеральд Бар. — Ты, должно быть, ошибся.

— Нет, не ошибся.

— Джо! — Ева повысила голос.

— Нечего твердить мне «Джо, Джо!». Говорю вам, как было. Кроме того, он заявил, что первым среди людей встретился с юнарко. Пожалуй, нам все-таки стоит взглянуть на его документы, что бы вы там ни болтали о приличии и манерах.

— Разумеется, нет! — запротестовал отец Евы. — Мне совершенно ясно, что тебя разыгрывали, Джо.

— Ха-ха! Да, — торопливо вставил Хэнк. — Немного пошутить, разрядить напряжение и все такое... — Он снова хохотнул, дружески толкнув локтем Бара.

Джеральд Бар засмеялся. Люди вокруг засмеялись. Ева громко и заливисто смеялась, и в ее серебристом голоске проскальзывали нотки презрения, когда она кидала взгляд на Джо. Джо не смеялся.

— Ха-ха! Ну хватит, — успокоился Бар, — давайте перейдем к делу. Мы гарантируем вам единодушную помощь. Единодушную! Вы не найдете на Короне никого, кто отказал бы вам в поддержке. Пятнадцать тысяч душ в вашем полном распоряжении, мистер Супстоун.

— Благодарю вас.

Хэнк с удовольствием включил бы в это число Еву Бар, но тут же взял себя в руки, уселся за ближайший стол и сосредоточенно нахмурился.

— Ну так в чем же ваша проблема?

Все разом загалдели.

— Тихо! — прикрикнул Джеральд Бар.

Шум прекратился, и толстенький временный глава временного Комитета продолжил:

— Наши спаджии сгнивают прежде, чем мы успеваем извлечь из них сок. Это культура Юнарко, и мы не знаем, как правильно с ней обходиться, а эксперт с Юнарко, которого они прислали, не может или не хочет ничего объяснить. Люди думают, что они попросту собираются выжить нас и занять планету. Никто не желает быть членом Комитета или его постоянным председателем. Никто не знает, как справиться с делами, никто не хочет брать на себя ответственность. Первый Банк Короны только что закрылся. Дистиллят сока спаджий стоит больших денег, но так как мы его не вывозим, нам не дают кредита. Межпланетные транспортные корабли вот-вот отправятся восвояси пустые и никогда больше к нам...

— Достаточно.

Хэнк остановил поток слов царственным движением руки. Он лихорадочно вспоминал все, что вычитал о ГС в Библиотеке своего корабля. Колонисты благоговейно замерли.

— Мне ясно, — важно изрек Хэнк, — что нужно ознакомиться с положением. Да, я произведу обследование.

По комнате пронесся облегченный вздох. Хэнк снова поднял руку.

— Мне необходимо изучить все лично. Во-первых... — Он на миг задумался, — я бы осмотрел одну из спаджиевых ферм. — Его взгляд блуждал, пока не остановился на Еве Бар. — Если бы меня кто-нибудь мог сопровождать...

— Я с удовольствием покажу вам, — вызвалась Ева.

— Нет! — сказал Джо.

— Уж позволь мне...

— Ну-ну, — проворковал Хэнк, поднимаясь. Он взял со стола катушку французских фаблью в книгоскопе, сунул книгоскоп в карман и подошел к уставившимся друг на друга молодым людям. — Не надо ссориться... — Он участливо опустил свою волосатую руку на мягкое плечо Евы.

— Убери лапы! — взревел Джо и замахнулся кулаком.

Хэнк выпустил плечо девушки и в испуге отпрянул, при этом неловко оступившись и наваливаясь прямо на Джо. Одна из его заплетающихся ног прижала левую ногу Джо к

полу, а другая с налету ткнулась в его колено. Джо повалился назад; Хэнк, судорожно в него вцепившийся, совершенно случайно, пытаясь сохранить равновесие, тремя сжатыми пальцами левой руки ударил Джо в живот, под грудную кость, а кулак его правой руки по чистому совпадению совместился с ухом Джо в тот момент, когда Джо с грохотом ударился головой о пол.

Все сгрудились над Хэнком, принося извинения, помогли ему подняться и заботливо усадили в кресло. Забытое тело Джо Блэйна осталось лежать на полу.

— Воды... — выдохнул Хэнк, откинув голову в нежные руки Евы. Принесли воды. Он немного отпил и слабо улыбнулся.

Джо Блэйн начал проявлять признаки жизни. Он зашевелился, открыл глаза и попытался сесть.

— Что с-слу-чилось?.. — запинаясь, пробормотал он.

— Ох, Джо! — воскликнула Ева, внезапно обратив внимание на молодого человека. Она устремилась к нему и вдруг застыла, гневно сверкнув глазами. — И ты еще спрашиваешь! Как смел ты поднять руку на мистера Супстоуна! Поделом тебе, что ты споткнулся и упал!

— Мы запрем его, мистер Супстоун! — прорычал Джеральд Бар.

— Нет-нет... — проговорил Хэнк, с трудом поднимаясь на ноги. — Неожиданный всплеск... нельзя винить. Нужен каждый человек. — Он повернулся к Еве. — Пора идти. Если вы не откажетесь показать мне...

— Разумеется! — с чувством заявила Ева, кинув убийственный взгляд на Джо. — Обопритесь на меня, мистер Супстоун. Так вам будет легче.

И они вышли.

— Ненавижу Джо Блэйна! — кричала Ева немного позже, когда они неслись к выбранной ею ферме. — Я просто терпеть его не могу!

— Неужели? — проорал в ответ Хэнк, одной рукой придерживая цилиндр, а другой ухватившись за поручень машины. Вероятно, езда на полной скорости через все пре-

пятствия вошла на Короне в привычку. Хэнк подпрыгнул, когда машина налетела на слишком крупный для воздушной подушки камень. Они мчались со скоростью сто шестьдесят километров в час.

— Да! — продолжала Ева. — Не выношу самоуверенных типов! С такими способностями — и не желает их использовать! Ведь просили его стать вместо моего отца временным председателем Комитета, а он только спрашивает в ответ: кто же был им в прошлом году? Вы видели когда-нибудь такого эгоиста?

— Ну... э... — замямлил Хэнк.

— И я тоже! Это отвратительно — ведь он такой умный! Пять лет учился астроагрономии; один из первых пробовал выращивать спаджии, когда у нас появились семена. Это было после первого соглашения с Юнарко в прошлом году...

Она внезапно замолчала.

— Но зачем я это вам рассказываю? Вы ведь все прекрасно знаете!

— Что вы, что вы! — искренне запротестовал Хэнк. — Я всегда слушаю очень внимательно. Глядишь, и узнаешь что-нибудь новое.

— О! — воскликнул Ева. — Если бы у Джо была хоть десятая часть вашей непредубежденности! Вашего здравомыслия! Вашего... Вот мы и приехали!

— Куда? — изумился Хэнк.

Но они уже проскочили поле зеленых растений с налитыми соком плодами, чрезвычайно напоминающими огромный виноград, и резко затормозили у фермы. Хэнк неуверенно ступил на твердую почву и побрел за Евой в дом, представляющий собой нечто среднее между амбаром и теплицей. Там, в помещении, представляющем собой нечто среднее между кухней и лабораторией, они нашли гномообразного старика, аккуратно переливавшего зеленую жидкость из большой мензурки в маленькую. Тут же стояло устройство, определенно смахивающее на перегонный аппарат.

— Джошуа, — начала Ева, — это мистер Супстоун...

Гном немедленно оставил свое занятие и принялся прыгать вокруг них, гневно потрясая кулаками.

— Знаю! Знаю! — закричал он надтреснутым голосом. — Генеральный Советник! Твой папаша прожужжал о нем все уши. Так вот мне он не нужен! Мне нужен грузовик. Ты меня слышишь?

— Джошуа! — строго произнесла Ева. — Пока мистер Супстоун не разберется, грузовиков не будет. Да и все равно твоя очередь только во вторник.

— Во вторник! — завизжал Джошуа. — У спаджий нет календаря! Разве я могу попросить их до вторника не созревать? — Он схватил маленькую мензурку с зеленой жидкостью и без предупреждения сунул ее под нос Хэнку: — Попробуйте!

В маленькой мензурке жидкости было немного, на самом дне. Хэнк покорно принял сосуд, взболтнул и выпил одним глотком, отодвинув пальцем в сторону какую-то никчемную пипетку, легкомысленно позабытую старикашкой.

Жидкость оказалась превосходной на вкус. Хэнк сглотнул и вдруг заметил, что Ева и Джошуа застыли, уставившись на него с диким ужасом. Он открыл рот, чтобы поинтересоваться, что случилось, и тут небо его запылало, пищевод раскалился добела, а в животе разорвалась ядерная бомба.

«Отравили!» — мелькнула мысль. Хэнк открыл рот, чтобы попросить воды, но голос ему не повиновался, связки словно парализовало. Глаза его заметались по комнате в поисках воды и остановились на пустой пивной бутылке возле перегонного аппарата. Он сделал слабое движение в том направлении.

— Пива... — наконец хрипло выдавил он, судорожно дернувшись.

Джошуа очнулся, пересек комнату, достал из холодильника бутылку пива, открыл и, не говоря ни слова, поднес Хэнку. Хэнк опрокинул ее над открытым ртом. Как все пилоты-разведчики, он привык пить пиво глотками: глоток — и бутылка пуста. Но никогда еще ему не приходилось пить пиво с таким удовольствием. Пожар внутри утих.

— Что ж, — заговорил Хэнк, а потом моргнул и снова замолчал, потому что по комнате разлилось золотое сияние

и пол закачался. Хэнк еле подавил внезапное желание запеть.

— Очень хорошо, — произнес он, с крайней осторожностью передавая Джошуа мензурку и бутылку.

— Должно быть... — хмыкнул Джошуа и многозначительно посмотрел на Еву. — Мне кажется, вы уже готовы решить все наши проблемы, не так ли, мистер Супстоун?

— Абсолют... абс... да, — ответил Хэнк, внезапно почувствовав влечение к односложным словам. И, тщательно выговаривая, добавил: — Вы не получаете вовремя грузовики?

— Мои зрелые спаджии гниют на корню, вот что! — мгновенно распалился Джошуа. — А если убирать незрелые, то они портятся в хранилище. Вот вы попробовали этот суперконцентрат бренди — да ведь здесь целое состояние гибнет! А я ничего не могу поделать, потому что они не дают мне грузовиков когда следует.

— Ясно, — осторожно произнес Хэнк непослушным голосом. — Секрет Юнарко...

— Секрет?! Это они вам в городе наболтали? — вскричал Джошуа. — Сорванные незрелыми, спаджии не дозревают — вот в чем секрет! Грузовики должны приходить когда нужно — вот в чем секрет!.. И что вы намерены предпринять?

— Наладим, — обнадежил Хэнк.

— Как? — ехидно поинтересовался Джошуа. — Нельзя ли сообщить мне?

— ГС-прием. — Хэнк боролся с икотой и цедил слова сквозь стиснутые зубы. — Супстоуновский метод. Сам разработал. Невозможно объяснить. — Золотое сияние становилось нестерпимо ярким, а пол раскачивался так, будто хотел свалить Хэнка с ног. — Подайте доклад о перебоях с транспортом. Доставить мне. До свидания. Идем, Ева.

Не дожидаясь ответа девушки, он повернулся, вышел за дверь и, даже не упав — настолько был осторожен, — сумел занять свое место в машине. С другой стороны села Ева, рядом с ней стоял Джошуа.

— Джош... — Слова давались Хэнку с трудом. — Чтоб завтра доклад...

— Будет, — доплыл сквозь золотой туман голос Джошуа.

Хэнк уселся поплотнее и нахлобучил на лоб цилиндр.

— Думаю. Не беспокоить, — пробормотал он, наклоняясь к Еве.

Уже из совершенно непрозрачной золотой мглы донесся рокот Джошуа.

— Эквивалент половины литра бренди, — говорил тот. — Одним залпом. И запил пивом. Ты последи за ним.

— Еще чего! — ответил голос Евы. — Откуда мы знаем, как думает ГС? Может, это часть того самого супстоуновского метода!

«Чудесная девушка...» — подумал Хэнк и почувствовал, как машина тронулась. Он сомкнул веки, расслабился и позволил захлестнуть себя золотым волнам.

После этого он смутно ощущал несколько остановок. Человек, каким-то образом связанный с транспортом, размахивал кулаками и орал что-то насчет хранилищ. Человек, связанный с хранилищами, стучал по столу и ревел про банковскую систему. И был еще один человек, разводящий пухлыми руками, который жаловался на отсутствие твердой власти и планирования. За этим последовал длительный период полного забытья и, наконец, дурной сон о юнарко, пытающимся с ним заговорить.

Хэнк проснулся и обнаружил, что это не сон. Над ним, что-то лопоча, склонилось толстошеее, безволосое, лишенное подбородка создание. Из черного ящика на колесиках звучал перевод.

Хэнк тряхнул головой, и тут до него дошло, что он сидит на койке, непонятным образом очутившись в том самом кабинете, где вчера встретился с отцом Евы и прочими — если только это было вчера. В окна врывались лучи утреннего солнца. В таком освещении юнарко со своими щупальцеобразными конечностями казался особенно несимпатичным. Хэнк привычно сжал голову руками, но через секунду выпрямился.

— Никакого похмелья! — изумился он и уставился на юнарко: — А ты кто такой?

— Я ваш... — забубнил черный ящик и сделал паузу, — помогатель.

— Кто-кто? — переспросил Хэнк.

— ...Помогальник? Небольшой ассистент?.. — Ящик затк нулся. Юнарко молча протянул фильмоскоп. Хэнк поднес его к глазам и увидел письмо:

Отдел надзора
III-K, Вашингтон, OK, Земля
Всем, кого это может касаться

В связи с тем, что советники по культуре и управлению приравниваются Юнарко к советникам по военным вопросам и их присутствие на планете, известной под названием Корона, является тем самым оскорблением для колоний Юнарко, уже наличествующих в данном звездном секторе, вышеназванные советники не допускаются на вышеназванную планету, а их функции выполняет представитель Юнарко, назначенный на Корону в интересах сотрудничества.

Население Короны обязано оказывать всяческую помощь и почет подателю настоящего письма, представителю Юнарко.

Исполнитель: 5763
ГС. III-K

Письмо скрепляла незабываемая тройная печать ГС. Хэнк опустил фильмоскоп и задумчиво посмотрел на чужака.

— Ага! — протянул Хэнк. — Ого-го! Помогальник... чего же ты сразу не объяснил? Ладно, ладно, не обращай внимания, — торопливо добавил он. — Ну уж коли ты здесь, хотелось бы мне знать, что ты думаешь по поводу неудач со спаджиями?

— Человеческой расе, — монотонно затарахтел ящик, — не хватает одной вещи, для которой нет слова в вашем языке. Это такое качество духа, без которого успех в спаджиеводстве немыслим. Следовательно, вас ждет провал. Люди, возвращайтесь домой.

— Вот как?.. Мне почему-то казалось, что ты так и скажешь. Теперь все ясно.

Хэнк поднялся и покатил черный ящик к выходу; юнарко вынужден был следовать за ним.

— Оставьте ваши координаты моей секретарше. Я вас вызову, — любезно попрощался Хэнк, открыл дверь и вытолкнул ящик и его хозяина. При этом он заметил, что в приемной за столом с бумагами сидит Ева, а на нее яростно уставился Джо Блэйн.

— А, моя утренняя почта! — широко улыбаясь, воскликнул Хэнк. — Доброе утро, Джо. Ева, зайдите ко мне... Сейчас, одну минуту, Джо. Счастливо... э-э... помогальник. Надеюсь, мы с вами как-нибудь поужинаем... Пожалуйста, Ева.

— Ну, что тут было? — нетерпеливо спросил он, закрывая дверь.

— Пришли все доклады, которые вы просили подготовить. Возможно, мне не следовало впускать юнарко? Но у него было это письмо, и он действительно нам очень помогает. Открыл курсы глубокого дыхания и ежедневно дает в городе концерт инопланетной музыки.

— Неужели? — ахнул Хэнк.

— Да-да. Чтобы развить в нас необходимый дух для выращивания спаджий. Он нам помогает, — обескураженно продолжала Ева, — а дела идут все хуже и хуже. Ох уж этот Джо!

— А что такое?

— Вы представляете?! — возмущенно затараторила Ева. — Он всерьез сомневается, что вы настоящий ГС. Говорит, что ни один человек, посвятивший свою жизнь наукам, не мог бы так его уложить. И вовсе вы его не уложили! А когда я ему об этом сказала, он совсем обезумел и не стал со мной разговаривать. Послал на Землю запрос относительно вас. Он говорит, ему должны сообщить всю правду! А если вы и в самом деле не тот, за кого себя выдаете, по его словам, каждый будет только рад помочь ему вздернуть самозванца на фонаре после всех наших мучений.

— Да? — криво улыбнулся Хэнк.

— Да. Я объяснила ему, как все глупо, что подобным запросом он лишь подорвет к нам доверие. Да и ответ придет не раньше одиннадцати часов вечера. Но, — вздохнула Ева, — надо знать Джо. Ему хоть... Что случилось?

— Одиннадцать... то есть я хотел спросить, — лихорадочно забормотал Хэнк, — который час?

— Скоро полдень.

— О-о! — простонал Хэнк в лучшей супстоуновской манере.

— В чем дело? — встревожилась Ева.

— Совершенно забыл! Мне же к утру надо быть на Гемлине-3. Просто вылетело из головы! — казнился Хэнк, вытирая лоб.

— А наши беды? — вскричала Ева.

— Конечно, конечно... Но ГС нужен всем. Нельзя быть эгоистами, разве не так?

И он снова вытер лоб.

Глаза Евы наполнились слезами.

— У других людей, — смущенно продолжал Хэнк, — тоже есть проблемы.

Ева начала всхлипывать.

— Ну естественно, я вам запланирую кое-что... Наставлю, так сказать, на путь истинный... Я имел в виду, что не могу все сделать за вас. Просто дам указания... А выполнять вы будете сами.

— О, благодарю вас! — воскликнула Ева, лучезарно улыбнулась, обвила шею Хэнка руками и поцеловала его. — Вы все наладите перед отлетом? — Она снова поцеловала его. — Да? Да?

— Положитесь на меня. Абсолю... Куда же вы? — спросил Хэнк, переводя дух.

— Сообщить Джо. Это его кое-чему научит. Ох, вам что-нибудь нужно?

— Нужно? Конечно, мне... — Хэнк замолчал, с трудом взяв себя в руки. — Мне нужен завтрак — бекон и яйца, если у вас найдется. И побольше черного кофе. Пришлите сюда, в кабинет. Кроме того, мне понадобится абстрактер. У вас есть абстрактер?

— Вычислительное устройство, делающее выдержки из письменных материалов? По-моему, есть.

— Отлично. И пожалуйста, побудьте в приемной. Никаких посетителей, кроме тех, кого я сам буду вызывать. Ясно?

— Ясно! — воскликнула Ева и радостно выпорхнула из кабинета.

Когда дверь за ней закрылась, Хэнк тяжело вздохнул, посмотрел на кипу бумаг в руке и сел за письменный стол. Он взял первый доклад от Джошуа, жаловавшегося на плохую работу транспорта, и попробовал прочесть. Доклад был полон терминами типа «полупериод созревания» и «кислотно-почвенный рацион». Хэнк все еще сражался с текстом, когда Ева принесла завтрак и абстрактер.

Он загрузил бумаги в абстрактер и накинулся на еду. Хэнк едва разделался с завтраком и налил себе третью чашку кофе, как появились результаты. Первое же заключение — по докладу Джошуа — имело для него не больше смысла, чем сам доклад.

Хэнк включил селектор.

— Ева, не могли бы вы позвать ко мне вашего отца?

Через пятнадцать минут явился Джеральд Бар. Не говоря ни слова, Хэнк протянул ему заключение абстрактера по докладу Джошуа.

— Ну, — бодро сказал он, когда тот прочитал, — какой вы можете сделать вывод?

— Э... — неуверенно проговорил Бар, — я-то сам не фермер, но... В общем, мне кажется, нам необходим диспетчер, который координировал бы работу транспорта и отправлял грузовики куда нужно в данный момент. Человек, который разбирался бы и в организации перевозок, и в спаджиеводстве.

— Превосходно! — одобрил Хэнк. — Вы сразу постигли самую суть. Я, собственно, и не сомневался, но, разумеется, должен был проверить.

— Разумеется, — потупился Бар, слегка покраснев от удовольствия.

— Я, конечно, могу справиться сам, — продолжал Хэнк, — однако, как вам уже, вероятно, сказала Ева, у меня мало времени. Поэтому мне необходим помощник. Кого вы можете рекомендовать?

— Джек Уолленс! — воскликнул Бар. — Он фермер, но на Земле был экспедитором.

— Отлично! — обрадовался Хэнк. — Вызовите его сюда.

Немного погодя пришел Джек Уолленс — худощавый загорелый мужчина лет тридцати пяти с серьезными глазами. Хэнк передал ему бумагу.

— Не выйдет, — сказал Джек, прочитав заключение. — Откуда взять столько грузовиков?..

— Вот и я об этом подумал! — одобрительно кивнул Хэнк и повернулся к Бару: — Поздравляю, у вас замечательные люди. Вы ни на йоту не преувеличиваете их достоинств. Ну, — вкрадчиво проговорил он, снова обращаясь к Джеку, — предположим, что этот вопрос задали вам. Где бы вы достали грузовики? — И он выжидательно склонился над столом. Бар так же напряженно подался вперед.

Оказавшись в перекрестии двух пар глаз, Джек Уолленс машинально поправил воротник.

— Ну... — он замялся, — можно брать их, чередуя дни, у городских служб...

— Вот! — откинувшись на спинку стула, воскликнул Хэнк тоном человека, который услышал то, что ожидал услышать. — Да, совершенно верно!

— Верно! — энергично подхватил Джеральд Бар, хотя глаза у него слегка округлились.

— Так, — обратился Хэнк к Уолленсу. — Вы, разумеется, знаете, с кем вам пришлось бы работать?

— С Гербом Колайти. Мы всегда вместе. Ему известно, что на Земле я был экспедитором.

— Безусловно. Ева, — сказал Хэнк, включив селектор, — свяжитесь, пожалуйста, с Гербом и попросите его прийти сюда. А? Колайти, естественно. Герб Колайти. Я, должно быть, невнятно говорю... И пусть поспешит. — Он отпустил кнопку селектора и повернулся к Уолленсу: — Как только придет Герб, вы с ним засядете за план. Отныне вы оба возглавляете Отдел Транспортировки. — Он торжественно пожал Уолленсу руку. — Поздравляю!

После чего повернулся к Джеральду Бару и пожал руку и ему.

— Не могу выразить, — провозгласил Хэнк, — как приятно видеть, с какой легкостью ваши сотрудники подхватывают все мои идеи. — Он замолчал и взял из кипы бу-

маг следующее заключение. — Разберемся с банковским кредитом...

Весь день и вечер обитатели Короны вливались и выливались из кабинета Хэнка. Наконец, когда громадная яркая луна озарила планету серебристым светом, бурный поток сузился до ручейка, а вскоре вовсе иссяк.

— Уф, — в изнеможении простонал Хэнк и страдальчески улыбнулся над краем двадцать третьей чашки кофе Еве и ее отцу, которые только и остались в кабинете. — Полагаю, с восходом солнца вы увидите, что все ваши беды кончились... э... так или иначе. Выполняя мои указания, помощники, которых я назначил и проинструктировал, вполне могут справиться с задачей.

— Это потрясающе, мистер Супстоун! — выпалил Джеральд Бар. Он весь день бегал по разным поручениям и только что вернулся с последнего задания. — Наблюдать ГС за работой — это... это поразительно! И как вы все удерживаете в голове — с одного взгляда узнаете нужного человека, определяете место... — Ему не хватило слов, и он просто восхищенно покачал головой.

— О да! — подхватила Ева, восторженно глядя на Хэнка. — И всего лишь за один день! А мы бились над всем этим с тех самых пор, как начали разводить спаджии! Это... это... грандиозно! Право же, это превыше человеческих сил!

— Ну что вы, — потупился Хэнк.

— Нет, мистер Супстоун, — твердо сказал Бар. — Ева права. Позвольте и мне сказать. Наблюдая сегодня за вашей работой, я буквально чувствовал, как вы излучаете какие-то флюиды, какую-то огромную энергию, сразу ставящую все на свои места.

— Пожалуйста, прошу вас... — Хэнк протестующе поднял руку и встал. — Мой долг, всего лишь мой долг. Ну, как ни жаль покидать ваш очаровательный мир...

— Но мы не можем позволить вам уехать просто так! — Джеральд Бар вскочил и бросился наперерез Хэнку, устремившемуся к двери, улице, космопорту и открытому космосу. — Мы хотели выразить свою благодарность... маленький сюрприз... Банкет в вашу честь.

— Банкет? — Хэнк метнул взгляд на часы. Стрелки приближались к десяти. Он сделал слабую попытку вырваться от Бара. — Я не могу. Нет... Нет...

— Да-да, — раздался голос с порога. Подняв глаза, Хэнк увидел Джо Блэйна с чрезвычайно знакомым книгоскопом. Вместе с ним вошли двое крепких молодых колонистов. Из-за их спин выглядывал юнарко.

— Мы настаиваем, не так ли, ребята?

Ребята ухмыльнулись и закивали.

— Джо, где ты был? — потребовала Ева. — И какое отношение вы имеете к банкету?

— Подожди, увидишь, — мрачно пообещал Джо и вперился взглядом в Хэнка. — Вы уже не думаете отказаться?

— Теперь, пожалуй, нет, — решил Хэнк. — Определенно нет.

Спускаясь на улицу, Хэнк оказался между двумя молодыми людьми, а при посадке в слайдеры его каким-то образом отрезали от Евы и ее отца.

Они помчались к большому, ярко освещенному зданию.

— О! — заискивающе обратился Хэнк к одному из молодых людей, указывая на приборную доску. — Машина без ключа! Я вижу, вы здесь доверяете друг другу?

— Мы — да, — прорычал молодой человек. — Не было еще на Короне нечестного человека. До сих пор. Но ведь все когда-нибудь случается в первый раз, верно, Гарри?

— Верно, — подтвердил Гарри, вертя в руках кусок веревки с завязанной петлей. — Все. — Он сунул палец в петлю и выразительно затянул.

Машины остановились у освещенного здания. Хэнка окружили и буквально внесли на второй этаж, в большое помещение с длинным обеденным столом, накрытым человек на двадцать. Почти все были в сборе и, увидев вошедших, поднялись и зааплодировали Хэнку.

— Речь! Речь!

Когда Хэнк, не переставая раскланиваться, занял свое место за длинным концом стола, все снова зааплодировали.

— Э... друзья мои, — начал Хэнк, из последних сил изобразив на лице ослепительную улыбку. — Хоть я и не привык...

— Достаточно! — раздался громкий голос Джо Блэйна с другого конца стола. Все обернулись к нему. Он держал над головой книгоскоп. — Прежде чем продолжить банкет, я бы хотел сообщить кое-что про вашего почетного гостя. Так вот, этот книгоскоп я нашел у него в кармане прошлой ночью, когда он, мертвецки пьяный...

— Джо! — крикнула Ева. — Это неправда! И потом, ты украл...

— Неужели?! «Кто украл доброе имя — ничего не украл», — кажется, так говорится у Шекспира или у кого-то там еще? Я с самого начала не доверял этому Супстоуну, но вы были так уверены, что это долгожданный ГС и панацея от всех бед!

Он обвел присутствующих горящим взглядом.

— Вы вели себя подобно сопливым детишкам, нуждающимся в няньке. Вы палец о палец не ударили, поэтому пришлось действовать мне. Я отправил запрос на личность этого Супстоуна, но он узнал об этом, — Джо метнул взгляд на Еву, — и собрался смыться до получения ответа. И мне пришлось обходиться подручными средствами. Да, я рылся в его вещах и кое-что нашел. Например, книгоскоп. Вы знаете, что это?! — гневно закричал он. — Всего лишь сборник французских сказок! Вы, вероятно, думали, что это какой-нибудь теоретический трактат, — точно так же, как вы думаете, что он решил все проблемы, заставив вас назвать друг друга опытными специалистами! Так вот, это сборник сказок — и вы знаете, как называется первая? «Похлебка из камней»!

Люди за столом ошеломленно загалдели и повернулись к Хэнку. Тот улыбнулся и снисходительно пожал плечами.

— Хотите знать, о чем эта сказка? Я вам расскажу, — продолжал Джо. — О том, как цыгане — средневековый бродячий народ — странствовали по Франции в самый разгар великого голода. Люди прятали свои ничтожные крохи, чтобы их не ограбили... — Джо перевел дух и бросил испепеляющий взгляд на тот конец стола, где сидел Хэнк. — Так вот,

цыгане собрали крестьян, пообещав им приготовить похлебку из камней. Из самых обычных камней. Вскипятили воду в большом котле, чтобы хватило на всех, потом попробовали и сказали, что нужно добавить соли, один крестьянин пошел и принес соль из спрятанных запасов. Потом понадобился сельдерей для аромата, и другой крестьянин выкопал свой сельдерей. Затем они попросили репу... и так далее.

Джо обвел сидящих яростным взглядом.

— Вы уже догадались? Вскоре в супе было все, вплоть до мяса. И все принесли сами крестьяне. Ну, как вам нравится наш мистер Супстоун?

Он замолчал, но сидящие за столом лишь тупо смотрели на него.

— Неужели не ясно? — закричал Джо. — Все, что сделал ваш Супстоун, этот фиктивный ГС, — заставил сформулировать трудности и назвать друг друга наилучшими людьми, способными с ними справиться!

— Но, Джо!.. — воскликнула Ева. — Он помог...

— Ничего он не помог! — зарычал Джо, поворачиваясь к ней. — В таком случае мы могли бы обойтись сами! Ну что толку, если поставить перед человеком задачу и заявить, что он отвечает за ее решение? Должен найтись знаток, который подскажет, как решить, чтобы тот не сидел сложа руки! Если бы этот тип был настоящим Генеральным Советником, он все бы сделал самостоятельно и остался бы до конца, пока не взлетят танкеры с соком спелых спаджий!

Джо перевел дух и угрожающе потряс книгоскопом.

— Но он не настоящий ГС! Он ничего не умеет — поэтому и сматывается. А то, что он сматывается, лишь подтверждает, что он мошенник!

Джо стукнул кулаком по столу, и книгоскоп в его руке разлетелся вдребезги. Все глаза устремились на Хэнка, который укоризненно покачал головой и начал пробираться к двери.

— Мистер Супстоун! — взмолилась Ева. — Это ведь неправда! Вернитесь! Докажите ему!

Хэнк ускорил шаги. Сзади него поднялась волна тревожного ропота. Он продолжал двигаться, ни на кого не обращая внимания. Дверь была совсем рядом.

— Стой, — внезапно раздался голос Джо. — Не выпускайте его! После такого обмана...

Но Хэнк уже перестал красться и сломя голову ринулся вон. Подгоняемый нарастающим ревом погони, он пробежал по коридору, вылетел на улицу и вскочил в слайдер без ключа, на котором приехал.

Хэнк выжал полный газ, и его голова чуть не сорвалась с плеч, когда машина рванулась с места и с бешеной скоростью понеслась по улице. Он оглянулся и увидел, как выскочившие из здания фигурки бегут к слайдерам. Через секунду они уже мчались следом.

Сам Хэнк считал свою скорость самоубийственной, но, заметив, что погоня приближается, вспомнил, что подобное передвижение здесь в порядке вещей.

Он едва успел вскочить в «Атеперьнетуж» и захлопнуть люк, как в надежный корпус корабля застучали пули — оставшиеся с носом преследователи палили из ручного оружия.

Вспотевший, задыхающийся, но счастливый Хэнк нажал кнопку старта.

Десять часов спустя, благополучно вернувшись на Гемлин-3, отдохнув, приняв ванну, переодевшись, Хэнк снова подошел к окну доставки Главного почтамта, откуда начались все его неприятности. Все та же маленькая брюнетка в окошке брезгливо искривила верхнюю губу.

— А, это вы, — произнесла она.

— Мне сообщили на корабль, — смиренно пробормотал Хэнк, — что здесь для меня послание. Видео и звуковое.

— Да. — Она фыркнула. — Можете посмотреть его на том экране. Или дать вам ленту, — она снова фыркнула, — чтобы вы могли уединиться?

— Нет-нет. — Хэнк заискивающе улыбнулся. — Я бы предпочел посмотреть здесь.

— Но ведь тогда и я увижу...

— О, пожалуйста. Буду только рад, — он опять льстиво улыбнулся, но попытка наладить контакт была пресечена новой гримасой хорошеньких губ, — если вы посмотрите вместе со мной.

Последние слова он едва пролепетал.

— Превосходно. Распишитесь, пожалуйста. — Девушка сунула Хэнку квитанцию, на которой он расписался, развернула экран поудобнее, так, чтобы было видно обоим, и нажала кнопку.

На экране появилось лицо Джо Блэйна. Джо пристально посмотрел на Хэнка и оскалился.

— Как вы понимаете, пришел ответ на мой запрос. Поэтому я сумел вас разыскать.

Хэнк украдкой взглянул на брюнетку, но та достала пилочку и казалась всецело поглощенной своими ногтями.

— ...Во всяком случае, — продолжало изрыгать слова изображение Джо Блэйна, — новая правительственная комиссия Короны, которая оплачивает этот разговор, поручила мне принести официальные извинения. Надо признать, — выдавил Джо, — что вы дьявольски умны!

Брюнетка презрительно фыркнула, Хэнк вздохнул.

— Только сегодня утром, собравшись на экстренное совещание, — продолжал Джо, — мы обнаружили, что вы действительно все наладили. Каждый был на своем месте и умел выполнять свою часть общей работы. И разумеется, оставался я...

Краешком глаза Хэнк заметил, как пилочка замедлила движение и заморгали ресницы.

— ...Весьма неглупо было с вашей стороны заставить меня быть подозрительным, — цедил Джо. — Вы понимали, что если уж я возьмусь за то, чтобы выгнать вас с планеты, то не смогу бросить все на произвол судьбы. Итак, сейчас я председатель Комитета, юнарко упаковал свою музыку и убрался домой, и мы все, — слова давались ему с явным трудом, — хотим извиниться и поблагодарить вас...

Кто-то невидимый на экране, очевидно, что-то ему сказал, потому что Джо оглянулся и снова повернулся к камере.

— Ах да, — выдавил он с фальшивой улыбкой. — Ева настоятельно приглашает навестить нас, если окажетесь поблизости от Короны. — Ему снова подсказали. — Да, и Ева еще хочет передать вам, что вы самый лучший ГС в мире!

Скрежеща зубами, Джо исчез с экрана.

Хэнк задумчиво покачал головой и медленно повернулся к окошку — и тут встретился взглядом с парой устремленных на него карих глаз.

— Так! — произнесла девушка. — Теперь вы еще и ГС!

— Ну как вам сказать, — обворожительно улыбнулся Хэнк. — В некотором роде.

— А мне вы вроде бы говорили, что пилот-разведчик...

— Э... Да... Если бы мы позавтракали вместе, я бы постарался объяснить...

— Если думаете, что сумеете обмануть меня... — Свирепый блеск в карих глазах на миг погас, но тут же появился вновь. — Если вы ГС, то должны были бы все знать о фаблью!.. По какой теме вы специализируетесь?

— По спаджиям, — ответил Хэнк.

— Сп... спаджиям?

— Фрукт внеземного происхождения, очень ценный. Основная трудность заключается в своевременной доставке зрелых плодов с полей... Впрочем, — остановил он себя, — не стоит вдаваться в подробности и докучать вам.

Хэнк тяжело вздохнул и замолчал. Карие глаза смотрели на него выжидающе. Он снова печально вздохнул и повернулся к выходу. Но не успел он сделать и трех шагов, как сзади неуверенно прозвучал слабый голос:

— Мистер... мистер Шалло... Вернитесь...

Нежная всепрощающая улыбка легла на лицо Хэнка. Он повернулся и направился назад.

Удивительно чистая, пронзительная исповедь, крик души. Разве современный человек чужд подобных мыслей и сомнений?

Пол Андерсон
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА

Через три часа за мной придут. Распахнется дверь. Двое в парадной форме встанут в проходе с оружием на изготовку. Не знаю, будут ли их лица выражать отвращение и ненависть или болезненную жалость, но уверен, что они будут трогательно юными, эти лица, как у всех нынешних рядовых. Затем между ними пройдет Эрик Халворсен и встанет по стойке «смирно». Я тоже. «Эдвард Брекинридж», — произнесет он и продолжит дальше как положено. Совсем недавно он звал меня Эд. Мы однокашники; в последний отпуск мы провели вместе такой вечер, что сейчас о нем уже наверняка ходят легенды. (То было в Порт-Желании, а на следующий день мы махнули к морю, красному на той планете, и кувыркались в прибое, и блаженствовали на песке под палящим солнцем.) Не знаю, что я увижу в его глазах. Любопытно: поведение ближайшего друга может быть непредсказуемо. Но так как он был хорошим офицером, следует предполагать, что он честно выполнит свой долг.

Я тоже. Нет смысла нарушать ритуал. Пожалуй, мне не стоит отказываться и от священника. Я сам добавляю штрихи к портрету Люцифера — сейчас, когда крушение нашего мира сопровождается взрывом религиозности. Услышат ли мои дети в школе: «Он был не только предателем, но и грязным безбожником?..» Все равно. Позвольте мне хоть сохранить достоинство и оставаться самим собой.

Я пройду по коридору между застывшими телами и еще более застывшими лицами людей, которыми командовал; пробьют дробь барабаны.

Люк внутреннего отсека уже будет широко распахнут. Я шагну в камеру, люк закроется. Тогда, на миг, я останусь один. И постараюсь удержать память об Элис и детях, но, боюсь, мой пот будет пахнуть слишком резко.

В подобных случаях воздух из камеры не откачивают. Это было бы жестоко. Они просто нажимают кнопку аварийного открывания. (Нет, не «они». Кто-то один. Но кто? Не хочу знать.) Внезапно мой гроб заполняется тьмой и звездами. Земной воздух выталкивает меня. Я вылетаю.

Ничего больше для меня не существует.

Они верно поступили, дав мне этот психограф. Слово написанное лжет, но не могут лгать молекулы мыслезаписывающей ленты. Мир убедится, что я был по крайней мере честным дураком; от этого, возможно, будет лучше Элис, Джин, маленькому Бобби, который стал походить на отца — так написано в ее последнем письме. С другой стороны, далеко не специалист по использованию этого устройства, я открою больше, чем хотелось бы.

Что ж, попытайся, Эд. Запись всегда можно стереть. Хотя почему тебя волнует это, ведь впереди смерть...

Друзилла.

НЕТ.

Уходи, забирай из моей памяти благоухающие летом волосы, ощущение груди и живота, птицу, поющую в саду у твоего окна, — все забирай. Элис моя единственная, просто слишком долго я был оторван от нее. Но нет, это тоже неправда, мне было хорошо с тобой, Дру, и я ничуть не жалею ни о миге из наших ночей, но как же тяжело будет Элис узнать... или она поймет?.. Я не могу быть уверен даже в этом.

Лучше подумай о возвышенном. Например, о сражении. Убивать вполне дозволено; это вот любовь опасна и должна держаться на привязи.

Морвэйн не забудет нескольких часов в ослепительном блеске Скопления Кантрелла. Попытка оправдаться: по-

мнишь, Эрик Халворсен, моя эскадра нанесла врагу тяжелый удар? Но военный трибунал не может следовать подобной логике. Почему я атаковал превосходящие силы противника, после того как предал планету... человеческий род? В деле записаны мои слова: «Я глубоко убежден, что выполнение порученной нам задачи повлекло бы катастрофические последствия. В то же время хороший результат мог принести удар в другом месте». Да будет сказано, однако, к предельной честности этой машины, что я надеялся на плен. Я хочу умереть не больше, чем ты, Эрик.

И кто-то же должен представлять людей по пришествии Морвейна! Почему не я?

Одно среди прочих соображений против: Хидеки Ивасаки. (То есть Ивасаки Хидеки; у японцев сперва идет фамилия, мы такая богатая вариациями форма жизни.) «Ия-а-а!» — закричал он, когда мы получили лобовой удар. И крик этот ворвался в мои уши через судорожный скрежет металла, через свист вырывающегося воздуха.

Потом нас накрыла тьма. Гравиполе тоже исчезло, я парил, кувыркаясь, пока не ударился о переборку и не схватился за поручень. Кровь во рту отдавала влажным железом. Когда туман перед глазами рассеялся, я увидел светившуюся голубым аварийным светом главную панель и вырисовывавшуюся на ее фоне фигуру Ивасаки.

Я узнал его по флюоресцирующему номеру на спине. Сквозь дыру в его скафандре вырывался воздух вперемешку с кровью.

У меня еще мелькнула мысль сквозь судорожные толчки пульса: да ведь нас вывели из строя! Мы не перешли на аварийный контроль, мы неуправляемы — должно быть, сгорели переключающие цепи. Мы можем лишь сдаваться. Быстро включайся в сеть и прикажи передавать сигнал капитуляции!.. Нет, сперва формально сдай командование Фенштейну на борту «Йорктауна», чтобы эскадра могла продолжать бой.

Задвигались руки Ивасаки. Умирая, он плавал перед разбитым сверхпроводящим мозгом и что-то пытался ремонтировать. Это длилось недолго. Всего несколько соединений, чтобы включилась аварийная система. Я и сам мог попробо-

вать, и то, что не сделал этого, — вот моя настоящая измена. Но потом я бросился вместе с Мбото и Холалом ему на помощь.

Мы немногое могли сделать. Он был офицер-электронщик. Но мы могли подавать ему инструменты. В голубом свечении я видел его искаженное лицо. Он не позволил себе умереть, пока не кончил работу.

Зажегся свет. Вернулся вес, ожили экраны. Безжалостно ярко сверкали звезды, но все затмила вспышка в полумиллионе километров от нас. И: «Por Dios! — вскричал офицер-наблюдатель. — Это же крейсер джанго! Кто-то влепил в них ракету!»

Позже оказалось, что это отличился «Эгинкорт». Я слышал, его капитан представлен к награде. Он мне благодарен?

В тот момент, однако, я думал лишь о том, что Ивасаки оживил корабль и мне нужно продолжать драться. Я вызвал врачей, чтобы оживить его самого. Он был хорошим парнем, застенчиво показывавшим мне фотографии своих детей под сакурой в Киото. Увы. В нормальных условиях, в госпитале, его бы подключили к машинам и продержали до тех пор, пока не вырастят новый желудочно-кишечный тракт; на военных кораблях такого оборудования нет.

В ушах ревели доклады, перед глазами мельтешили цифры, я принимал решения и отдавал приказы. Мы не собирались сдаваться.

Вместо этого мы прорвались и вернулись на базу — те, кто уцелел.

Мне думается, военные всегда были образованными людьми, хотя нам легче представить образ эдакого бравого вояки. Но, готовясь сражаться в межзвездном пространстве за целую планетную систему, необходимо понимать устройства, которыми пользуешься; стараться понимать соседей по галактическому дому, таких же чувствующих, как человек, но отделенных от него миллионами лет эволюции; необходимо знать и понимать самого человека. Так что современный офицер образован лучше и привык думать больше, чем средний Брат Любви.

О это Братство! Посидели бы они на занятиях у Полковника, заслужившего Лунный Полумесяц еще до моего рождения...

Солнечные лучи скользили по газонам Академии, дробились в густой листве дубов, сияли на орудии, стрелявшем еще при Трафальгаре, и падали на кометы у него на плечах.

«Джентльмены, — сказал он как-то на медленном, искаженном эсперанто, служившем предметом многочисленных шуток в наших общежитиях, и подался вперед над столом, опершись на него кончиками пальцев, — джентльмены, вы слышали немало слов о чести, достоинстве и долге. Это истина. Но, чтобы жить по этим идеалам, надо правильно оценить свою службу. Космические войска — не элита общества; не следует ожидать высочайших материальных вознаграждений или почестей.

Мы — орудие.

Человек не одинок в этой Вселенной. Существуют другие расы, другие культуры, со своими чаяниями и надеждами, с собственными страхами и огорчениями; они смотрят своими глазами и думают свои думы, но их цели не менее верны и естественны для них, чем наши для нас. И хорошо, если мы можем быть друзьями.

Но так бывает не всегда. Кто-то объясняет это изначальным грехом, кто-то кармой, кто-то всего лишь присущими нам ошибками... Так или иначе общества иногда могут вступать в конфликт. В таких случаях надо договариваться. И здесь существенна равность — равная способность уничтожать, да и другие, более высокие способности. Я не говорю, что это хорошо; я просто отмечаю это. Вы собираетесь стать частью орудия, которое дает Земле и Союзу эту способность.

Любое орудие может быть использовано не по назначению. Молотком можно забить гвоздь или разнести череп... Но то, что вы военные и подчиняетесь военной дисциплине, не освобождает вас от ответственности гражданина.

Война — не конец, а продолжение политики. Самые кошмарные преступления совершались тогда, когда это забыва-

ли. Ваш офицерский долг — долг слишком высокий и сложный для занесения в Устав — помнить...»

Вероятно, в своей основе я лишен чувства юмора. Я люблю хорошие шутки, не прочь повеселиться на вечеринке, в группе меня ценили за забавные стишки, но к некоторым вещам я не могу относится иначе, чем сверхсерьезно.

Например, к шовинизму. Я не могу выносить слово «джанго», как не мог бы выносить слово «ниггер» несколько столетий назад. (Как видите, я неплохо знаю историю. Мое хобби, да и способ коротать время среди звезд.) Это мне припомнили на суде. Том Дир присягнул, что я хорошо отзывался о Морвэйне. В трибунале были честные люди, ему сделали замечание, но, Том, ты же был моим другом. Или нет?

Позвольте мне просто рассказать, что произошло. Мы заправлялись на Асфаделе. Асфадель! (Да-да, я знаю, это целый мир с ледяными шапками, пустынями и вонючими болотами, но говорю я про тот кусочек, который мы, люди, сделали своим в те славные дни, когда ощущали себя хозяевами Вселенной.) Белоснежные горы, подпирающие васильковое небо; шумные птичьим говором долины, пестрящие цветами; маленькие веселые города и девушки... Но то был уже разгар войны; здания пустовали, скрипели на ветру двери, гулко раздавалось эхо шагов... Вечерами светили звезды, принадлежащие врагу. То и дело прокатывался гром — это эвакуировалось население. Асфадель пал через два месяца.

Мы сидели в заброшенном баре — Том и я — и, нарушая инструкции, хлестали спиртное. С тоскливым воем пробежала сбитая с толку голодная собака.

— Будь они прокляты!.. — вскричал Том.

— Кто? — спросил я, наливая. — Если ты имеешь в виду недоносков из Расквартирования, то полностью с тобой согласен. Но не слишком ли большую работу ты взваливаешь на Всевышнего?

— Сейчас не время шутить, — отозвался он.

— Напротив, больше ничего не остается, — ответил я. Мы только что узнали о гибели Девятого Флота.

— Джанго, — яростно процедил Том. — Грязные, мерзкие извращенцы.

— Морвэйн, ты хочешь сказать, — поправил я. Я тоже был пьян, иначе пропустил бы его слова мимо ушей. — Они не грязные. Они еще щепетильнее, чем мы. Сора в их городах не увидишь. Они трехполые, выделяют клейкий пот и имеют кошачью походку, но что с того?

— Что с того? — Он занес кулак. Лицо его исказилось, побелело, лишь ярко горели лихорадочные пятна на щеках. — Они собираются завладеть Вселенной, а ты спрашиваешь, что с того?!

— Кто говорит, что они собираются завладеть Вселенной?

— Ход событий, ты, идиот!

Я не мог ответить прямо и произнес, напряженно подыскивая слова, как бывает на определенной стадии опьянения:

— Планеты земного типа встречаются редко. Их интересует то же, что и нас. Территориальные споры привели к войне. Они заявили, что их цель — сбить с нас спесь, точно так же как наша — сбить спесь с них. Но они ничего не говорили о том, чтобы сбросить нас с планет — с большинства планет, которые мы уже занимаем. Это было бы слишком дорого.

— Им стоит лишь вырезать колонистов!

— А мы бы вырезали — сколько там? — около двадцати миллиардов и у нас, и у них, — мы бы вырезали такое количество разумных существ?

— Я бы с удовольствием, — процедил Том сквозь зубы. — Эти чудовища, — добавил он шепотом, — под шпилями Оксфорда...

Что ж, для меня это будут чужаки, шагающие по земле Вайоминга, где вольные люди некогда гнали скот под щелканье бичей; для Ивасаки — демоны перед Буддой в Камакуре...

— Они образуют правительство, если победят, — сказал я, — и кое о чем мы научимся думать по-иному. Но знаешь, я встречался с некоторыми из них до войны и довольно близко сошелся — так вот, им очень многое в нас нравится.

Некоторое время он сидел не двигаясь, как будто застыв в столбняке, затем выдохнул:

— Ты хочешь сказать, что тебе наплевать, кто победит?

— Я хочу сказать, что надо смотреть правде в глаза, — произнес я. — Мы должны будем приспособиться, чтобы сохранить как можно больше... если они победят. Мы можем оказаться полезными.

Тут он меня ударил.

А я не ответил. Я просто вышел в противоестественно чудесный день и оставил его плачущим. О происшедшем мы впредь не говорили и работали вместе с подчеркнутой вежливостью.

Он присягнул, что я хотел стать коллаборационистом.

Элис, ты когда-нибудь понимала, за что шла война? Ты сказала: «До свидания» с почти невыносимой для меня храбростью, и в единственный мой за пять лет земной отпуск мы слишком НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ.

Когда я уезжал, шел дождь. Земля, еще черная после зимы, грязные кучи талого снега, низкое небо, словно какая-то зловещая серая крыша, щупальца тумана, опутывающие мой дом... Но я все равно видел — очень далеко — то плато, куда собирался взять когда-нибудь сына на охоту. Мелкие капли у тебя в волосах... Я слышал журчание ручья, вдыхал влажный воздух, ощущал твое тело и жесткий комок в желудке.

Надеюсь, ты найдешь себе другого. Это может быть непросто; это будет непросто, если я тебя знаю. Ты жена предателя, но слишком чиста для этих Братьев, которые, как стервятники, будут виться вокруг. Но кто-нибудь из Космических войск, вернувшийся на ставшую незнакомой Землю...

Да, я ревную. Вот только странно — не к словам «я люблю тебя», которые ты шепнешь в темноте. А к тому, что он станет отцом Джин и Бобби. Не оправдывает ли это Друзиллу (и других, бывало), если я никогда не сомневался в твоей верности?

Однако предполагается, что я должен объяснить нечто, считающееся несравненно более важным. Дело только в том,

что все это настолько просто, что я не понимаю, зачем нужен психограф.

Сферы наших интересов пересекались задолго до войны. «Пограничный конфликт» — неудачный термин; Вселенная слишком велика для границ. Они основали преуспевающую колонию на второй планете ГГС 421387, промышленность ее превалирует над всей системой. И эта планета всего в пятидесяти световых годах от Земли.

Свара началась значительно дальше. Савамор — так мы называли спорную планету, ибо человеческая гортань не в состоянии передать ту особую музыку, — был под их протекцией. Они должны были защищать его, что связывало значительные силы.

Мы эвакуировали Асфадель, не так ли? Да, но Савамор был слишком дорог. Не просто индустриальная база, не просто стратегическое расположение, хотя, естественно, и они играли немалую роль. Савамор — это легенда.

Я бывал там зеленым лейтенантиком на борту «Данно-Ура» в те дни, когда флот наносит визиты доброй воли. Уже пылали споры, уже были стычки, угроза повисла в воздухе. Мы знали, и знали они, что наши корабли кружат над планетой в знак предупреждения.

И все же мы были понятно возбуждены, получив увольнения. Мы сошли в порту Дорвей, и вскоре я остался один среди зеленых башен, на зеленом ковре травы... Разве мог я не назвать это Изумрудным Городом? Через несколько часов я устал бродить и присел на террасе послушать музыку. Мелодии странные, плавные, тягучие, человеку ни за что такие не придумать, но мне они нравились. Глядя на прохожих — не только морва, но существа из двадцати различных рас, тысячи различных культур, — я вдруг так резко и ярко почувствовал себя космополитом, что это ощущение сравнимо лишь с первым поцелуем.

Ко мне подошел морва.

— Сэр, — обратился он на эсперанто (не буду пытаться вспомнить особенности его акцента), — позвольте разделить радость вашего присутствия.

— С удовольствием, — отозвался я.

И мы начали говорить. Конечно, мы не пили, да это и не требовалось.

Тамулан было одно из его имен. Сперва мы обменивались любезностями, потом перешли на обычаи, потом на политику. Он был безукоризненно вежлив, даже когда я горячился. Он просто показывал, как выглядят вещи с его стороны... впрочем, вы еще наслушаетесь этого в ближайшие годы.

— Мы не должны воевать, — сказал он. — У нас слишком много общего.

— Может быть, причина именно в этом, — заметил я и поздравил себя с тонким наблюдением.

Его щупальца опустились; человек бы вздохнул.

— Возможно. Но мы естественные союзники. Кто может выгадать от войны между нами, кроме Билтуриса?

В те дни Билтурис был для нас слишком далек и незаметен. Мы не ощущали их давления, эту тяжесть нес Морвэйн.

— Они тоже разумны, — сказал я.

— Чудовища, — ответил он.

Тогда я не поверил тому, что он рассказал. Теперь, узнав неизмеримо больше, я бы не усомнился. Я не допускаю, что раса может потерять право на существование, но некоторые культуры — безусловно.

— Не почтите ли вы наш дом своим присутствием? — наконец сказал он.

Наш дом, заметьте. Мы можем кое-чему у них поучиться.

А они у нас. Без сомнения. Увы, все обесценено шумихой, раздутой вокруг Того, За Что Мы Сражаемся. Должно пройти время...

Так за что же мы сражаемся? Не за пару планет: обе стороны достаточно рассудительны, чтобы пойти на уступки, хотя именно территориальные притязания послужили непосредственным поводом. И вовсе не за чье-то желание насадить свою систему ценностей; только наши комментаторы настолько глупы, чтобы верить в это. Так за что в самом деле?

Почему сражался я?

Потому что был офицером действующей армии. Потому что сражались мои братья по крови. Потому что я не хочу, чтобы завоеватели попирали нашу землю. Не хочу.

Говорю это в психограф и не собираюсь стирать запись, ибо страстно желаю, чтобы мне поверили: я за победу Земли. За это я отдал бы не только свою жизнь, это как раз проще всего. Нет, не задумываясь, я кинул бы в огонь и Элис, и Джин, которая сейчас, должно быть, превратилась в самую очаровательную смесь ребенка и девушки. Не говоря уже о Париже, пещерах, куда мои предки затаскивали мамонта, обо всем распроклятом штате Вайоминг... из чего следует, что планета Савамор вызовет у меня лишь легкое сожаление. Так?

Опять разбегаются мысли.

Я хочу, чтобы мой народ был хозяином своей судьбы. Над Землей нельзя господствовать. Но равно ненавистно господство Земли.

Я бы хотел написать любовное послание своей планете, но из меня никудышный писатель, и, боюсь, ничего, кроме сумятицы, не получится: горящее закатом зимнее небо; «...что люди созданы свободными и равными»; поразительная крохотность Стоунхенджа и поразительная масса Парфенона; лунный свет на беспокойных водах; квартеты Бетховена; шаги по влажной мостовой; поцелуй — и красный, сморщенный, негодующий комок жизни девять месяцев спустя; возмутительные каламбуры; моя соседка миссис Элтон, вырастившая трех сыновей после смерти мужа... Нет, стрелка бежит, время уходит слишком быстро...

Меня инструктировал не кто иной, как сам генерал Ванг. Он сидел на командном пункте, в недрах «Черта с два»; за его большой лысой головой мерцал экран звездного неба. Я встал по стойке «смирно», и в наступившей тишине завис рокот вентиляторов. Когда генерал наконец произнес: «Вольно, полковник, садитесь», я был потрясен, услышав, как он состарился.

Он еще поиграл ручкой, прежде чем поднял глаза.

— Дело совершенной секретности. В настоящий момент компьютер дает 87 процентов вероятности успеха — успех

определяется как выполнение задания с потерями не более 50 процентов, но если просочится хоть слово, операция станет бессмысленной.

Я никогда не верил слухам об агентах Морвэйна среди нас. Тем не менее я кивнул и сказал:

— Ясно, сэр.

— От этой штуки, — продолжал он тем же мертвым голосом, повернувшись к экрану, — мало проку — чересчур много звезд. Но все же общее положение представить можно. Смотрите.

Его руки прикоснулись к пульту, и звезды окрасились в два цвета: золотистый и багровый. Наш цвет и цвет врага.

Я видел, как мы в беспорядке отступаем, оставляя парсек за парсеком, я видел вражеские клинья, забитые глубоко в нашу оборону среди звезд, что еще светились золотом, и тогда уже понял, чего следует ожидать.

— Эта система... весь сектор... внешние коммуникации... хранилища... ремонтная база...

Я едва слышал. Я снова был на Саваморе в доме Тамулана.

О да, эскадра могла пробиться. Космос велик, его нельзя охранять везде. У цели, конечно, будут оборонительные силы, не слишком, однако, серьезные в случае неожиданной атаки; и потом придется прорываться сквозь корабли, которые, как пчелы, ринутся со всех сторон трехмерного пространства. Но уже никто не помешает сбросить сверхбомбу в небо Савамора.

Это даже не антигуманно. Просто будет вспышка и одновременный взрыв стольких мегатонн, что вся атмосфера мгновенно превратится в свободную плазму. Действительно, еще долго будут гулять огненные бури, не оставив ничего, кроме выжженной пустыни, и миллионы лет пройдут, прежде чем жизнь выйдет из океанов. Но Тамулан не поймет, что случилось. Если Тамулан не сражается со своим флотом. Если еще не умер, зажимая выпадающие из живота внутренности или судорожно хватая ртом воздух, которого уже нет вокруг, как умирали люди на моих глазах. Без населенной планеты, служащей базой экономики, промышлен-

ность на других мирах ГГС 421387 не сможет существовать; клин обломается. Без этого клина, острием нацеленного на Землю...

— Они не бомбардировали наши колонии...

— Мы тоже, — сказал Ванг. — Теперь у нас нет выбора.

— Но...

— Молчать! — Он приподнялся, одно веко задергалось. — Думаете, мне легко?! — И немного погодя, таким же бесстрастным монотонным голосом: — Они получат тяжелый удар. Мы сможем удерживать этот сектор по крайней мере еще год, что, между прочим, продлит на год войну.

— Ради этого?

— Многое может случиться за год. У нас может появиться новое оружие. Они могут решить, что игра не стоит свеч. Наконец, просто проживут еще год там, дома.

— А если они ответят тем же? — заметил я.

Смелый человек: он встретил мой взгляд.

— Никому не удавалось жить, не рискуя.

Я ничего не мог ответить.

— Если вы сомневаетесь, полковник, — произнес он, — я не стану вам приказывать. Я даже не буду хуже о вас думать. Есть много других офицеров.

И на это мне нечего было сказать.

Да будет здесь ясно видно, как было видно на моем процессе: ни один человек под моим командованием не виноват в случившемся. На всех кораблях эскадры только я один знал истинную задачу. Капитаны считали, что цель рейда в район Савамора — охота за некой укрепленной военной базой, подобной нашей. Офицеры-артиллеристы, очевидно, кое-что могли подозревать, зная характер груза, но слишком низко стояли они на служебной лестнице. И все поверили, что полученная в последний момент информация заставила меня изменить курс на Скопление Кантрелла. Там мы вступили в наш доблестный, кровопролитный и совершенно бесполезный бой, победили и вернулись.

Таким образом, виноват я. Почему?

На суде я говорил, что, считая атаку на Савамор безумием, я решил выбить вражеский клин неожиданным ударом по Скоплению. Чепуха. Мы лишь потрепали их, как предсказал бы любой кадет-второкурсник.

В душе я надеялся привести в негодность силы, которые Ванг мог использовать для уничтожения Савамора с более надежным офицером во главе.

Факты доказывают мою правоту. Мы уже сдали «Черта с два» и теперь не можем обойти триумфально наступающего противника. Да в этом и нет смысла: они выпрямили линию фронта, и остаток войны будет вестись обычными методами и средствами.

Моей конечной целью был плен. Они, как пока и мы, хорошо обращаются с пленными. Со временем я бы вернулся к Элис с немалым опытом за плечами. А разве моему народу не понадобятся посредники? Или руководители? Перед лицом Билтуриса Морвэйн захочет иметь союзников. Мы установим цену за дружбу, и ценой этой может быть свобода.

Сожги мы Савамор, я сомневаюсь, что Морвэйн не расправился бы с Землей. Народ Тамулана не настолько добр. А даже и так — не посчитали бы они долгом стереть до основания плоды, мечты и следы цивилизации, способной на такое, и построить заново по своему подобию? Смогли бы они доверять нам? Кто когда-нибудь сможет простить Дахау?

Сражаясь честно, прямо глядя в лицо поражению, мы вправе надеяться спасти многое; надеяться даже, что через десятилетия этим будут восхищаться.

Конечно, все это предсказано в предположении, что Морвэйн победит. Хочется верить в чудо: вот-вот что-нибудь изменится, стоит продержаться... Я сам верил; я задушил свою веру и противопоставил собственное суждение тому, что нельзя назвать иначе, как всенародным.

Прав ли я? Будет ли моя статуя стоять рядом со статуями Джефферсона и Линкольна, так что Бобби мог бы показать на нее и сказать: «Он был моим папой»? Или, чтобы избежать плевков, ему придется сменить фамилию в тщетной надежде затеряться? Я не знаю. И не узнаю никогда.

Оставшееся мне время я буду думать об этом.

Дорис Писерчи
НАВАЖДЕНИЕ

Голая металлическая камера, непонятно откуда падающий свет... Если это сумасшедший дом, то стены покрывал бы мягкий войлок. Нет, скорее самая настоящая тюрьма. Кое-кто за это поплатится!

Дункан напряженно прислушался. Стояла закладывающая уши тишина, прерываемая лишь его дыханием. Он опять опустился на холодный пол. Каменноликий тюремщик, затолкавший его сюда, явно был садистом... Впрочем, сейчас надо благоразумно сохранять спокойствие и ждать, ничем не выдавая своего смятения.

Некоторое время Дункан сидел и думал, затем внезапно вскочил и бросился на дверь, замолотил по ней кулаками. Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появился Каменноликий — квадратный, тяжелый, с пустыми глазами.

— В чем дело?

— По закону мне разрешается воспользоваться телефоном!

Уверенность моментально слетела с Дункана, когда Каменноликий нахмурился и произнес:

— Что такое «закон»?

— Не пытайтесь сбить меня с толку, — недоверчиво сказал Дункан. — Вы бросили меня в камеру, даже не объяснив, в чем моя вина. Я требую адвоката.

— Что такое адвокат?

Дункан яростно взглянул на него, и Каменноликий отступил, закрывая дверь.

— Сколько вы собираетесь меня здесь держать?! — закричал Дункан.

— Пока не придут *они*, — ответил тюремщик, и дверь захлопнулась.

Дункан сжал зубы и уставился в пол. Больше он не закричит, не доставит им удовольствия видеть его страх, знать, в каком состоянии его нервы.

Он потер ушибленную руку. Пока не придут *они*...

— Они, — мягко проговорил Дункан, пытаясь придать слову правильную интонацию, раскрыть его смысл. Кто это «они»? Наряженная для расстрела команда? Может быть, его расстреляют за сопротивление аресту?

«Прекрати! — приказал он себе. — Исключительную меру давно отменили».

Дункан, вероятно, заснул. Когда он открыл глаза, к нему двигались две высокие тени. «Они» пришли. Он вжался спиной в стену и с отчаянием подумал: «Если меня попытаются вытащить, я буду драться до конца».

Его не коснулись. Оба мужчины остановились в проходе и глядели на Дункана; затем один поднял руку и щелкнул пальцами. Каменноликий принес два складных стула.

Не сводя с узника глаз, гости сели; Дункан, в свою очередь, пристально изучал их. На вид им перевалило за пятьдесят, но оба были в хорошей форме. Он еще отметил их странную одежду — штаны из грубой ткани, рубашки и высокие тяжелые ботинки.

Обхватив колени руками, чтобы унять дрожь, Дункан сказал:

— Думаете прикинуться такими же тупоумными, как ваш охранник? Зря тратите время — я могу ждать сколько надо.

— Мы вовсе не собираемся прикидываться, — произнес один из них, и Дункан впился глазами в его лицо.

На румяных щеках говорящего выступили капельки пота, как будто он только что вышел из парной. Нельзя сказать,

что было холодно, хотя, конечно, прохладнее, чем днем, когда Каменноликий вошел в дом Дункана и арестовал его.

— Кто вы? — спросил он, не ожидая ответа.

— Мое имя Рэнд. А это мистер Диверс.

Насколько Рэнд был розовощек, настолько Диверс был желто-бледен, словно из него выкачали всю кровь. Он выглядел измученным. Они оба выглядели измученными. Почему они так одеты? Где их форма?

Дункан сложил руки на груди и вызывающе посмотрел посетителям в глаза. Он скорее умрет, чем спросит, за что его арестовали!

Диверс нетерпеливо дернул головой, Рэнд заговорил снова.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов, а потом, может быть, ответим на ваши. — Рэнд улыбнулся, но его улыбка казалась натянутой. Он чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Спрашивайте.

— Когда вы заметили пропажу личной бирки?

Опять! Он не хотел больше слышать об этом! Просто какая-то чушь... Дункан внезапно почувствовал неодолимую усталость, его потянуло ко сну.

— Не знаю.

— Постарайтесь вспомнить, пожалуйста.

— Это была не бирка, а удостоверение личности. Я что-то искал в бумажнике, карточка выпала, и ее тут же смыло в канализационную решетку.

Подавшись вперед, Рэнд спросил:

— Где это случилось?

— Я кончил работу и шел домой.

— В каком городе? — быстро вставил Диверс.

— Идите к черту.

Диверс откинулся на спинку стула и посмотрел на Рэнда.

— Мы зря теряем время.

Дункан облизал пересохшие губы.

— Если вас интересует, кто я, возьмите мое свидетельство о рождении.

Они уставились на него, как будто он сказал что-то из ряда вон выходящее. Через секунду лицо Рэнда приобрело

обычное равнодушное выражение, а Диверс неприкрыто ухмыльнулся.

— Где оно?

— У Каменноликого. Вашего тюремщика.

Рэнд взглянул на Диверса.

— Сходи.

Все еще ухмыляясь, Диверс поднялся.

— Повторяю, это бесполезно. Пора кончать.

Он вышел из камеры и скоро вернулся с клочком бумаги.

— Любопытно, где он ее подобрал? — проговорил Рэнд, мельком взглянув на бумажку.

— Кругом полно всякого мусора. Похоже на обрывок...

— Но почему он вообще стал искать?

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как его привели сюда? — возразил Диверс.

Дункан плотно сомкнул колени. Они разговаривают, будто его здесь нет! А свидетельство о рождении значит для них не больше, чем для Каменноликого. Арест. Неприятная была сцена...

— Минутку! — возмущенно заявил при аресте Дункан. — Пусть я потерял удостоверение личности, но разве я больше не существую? Что за чепуха? У меня есть права!

И Каменноликий спросил:

— Что такое «права»?

Да, именно это он и спросил. Тогда Дункан выхватил из бумажника свидетельство о рождении и сунул его под нос этому идиоту.

Каменноликий прочитал вслух запись в документе и спросил:

— Что такое «мать»? Что такое «отец»? Что такое «рождение»?

Дункан смотрел на Рэнда. Тот начал комкать свидетельство, потом передумал и сунул его в карман. Было очевидно, что эти двое принимают его за кого-то другого. За преступника. Надо немедленно все прояснить, иначе дело зайдет слишком далеко, если уже не поздно.

— Как выглядело ваше удостоверение личности?

«Это не может продолжаться бесконечно», — пронеслось в голове Дункана.

— Белое, примерно семь на пять. Там были записаны имя, адрес, отношение к воинской службе.

— Белое?

— Я же сказал — белое.

Диверс смотрел на него со скрытой враждой. Почему? У него не могло быть причины для ненависти. Он никогда в жизни не видел этого человека.

Рэнд закинул ногу на колено и стал отскребать ногтем грязь с подошвы ботинка.

— Как оно выглядело после того, как выпало из вашего бумажника?

Как выглядело? Он обреченно проводил взглядом плывущую в грязи белую карточку. «Черт побери!» Тогда он произнес это вслух. Потому что на миг ему померещилось, что перед тем, как провалиться в решетку, карточка изменила цвет и форму. Она показалась металлической и округлой, зеленой и странно незнакомой.

— Как будто бы зеленого цвета, — выдавил Дункан и осекся. — Нет, оно было белым. Я же говорил.

Пальцы Рэнда застыли на ботинке, и теперь уже он смотрел на Диверса с легкой улыбкой.

Диверс нахмурился и покачал головой.

— Это ничего не значит.

— Именно значит.

— Что за черт... — пробормотал Дункан и словно вышел из оцепенения. Подумаешь обронил удостоверение личности! Мало ли с кем могло случиться! — Не понимаю, почему это так вас волнует. Не так уж сложно установить, кто я такой.

— Мы знаем, кто вы, — многозначительно сказал Диверс.

— Тогда почему я под замком? — Голос Дункана прозвучал хрипло и надтреснуто. — По крайней мере свяжите меня с адвокатом.

Рэнд отвел взгляд.

— Боюсь, что это невозможно.

— Почему?

— Такой разговор дорого бы стоил, — вставил Диверс, и в глазах его ярче прежнего сверкнула усмешка.

— Прекрати, — раздраженно бросил Рэнд.

Они поднялись и вышли в проход.

— Подождите! — отчаянно взмолился Дункан. — Выпустите меня. Выпустите! За что вы меня здесь держите? Я ничего не сделал! Если думаете, что я совершил преступление, то скажите хотя бы какое.

Рэнд покачал головой.

— Вы не совершали преступления.

— Ну хорошо, я ничего не понимаю, не понимаю, что происходит; я червь, а вы боги... Но выпустите меня!

— Не могу.

— Почему?!

— Потому что вы сумасшедший.

Дункан отпрянул как ужаленный, удалился о стену камеры и сильно ушиб спину и голову. Какой-то миг, как затравленный зверь, он дико озирался вокруг себя, затем повернулся к Рэнду.

— Я не верю вам! — выдавил он и подался вперед. Рэнд быстро отступил. — Это не сумасшедший дом. Здесь нет врачей. Где я? Что это за камера?

— Это кладовая — единственное место, куда мы могли вас поместить.

И дверь захлопнулась.

Дункан мерил шагами камеру. Ему показалось, что скоро он уже протрет пол. Какие странные стены. Трудно представить себе более гладкий металл. Как стекло.

Он постепенно успокаивался и обретал присутствие духа.

Пока что его не тронули и, вероятно, не тронут. По какой-то причине Рэнд и Диверс хотят, чтобы он сошел с ума, и постарались соответствующим образом все подстроить. Но его не проведешь. Это не тюрьма, значит, и полицейский участок — тоже обман. Очевидно, он действительно находится в кладовой, хотя, пожалуй, не всякий бульдозер снесет такую кладовку.

Наконец Дункан растянулся на холодном полу, подложив руки под голову. Рано или поздно эта чудовищная история выплывет, и тогда он поднимет такой шум, что Рэнд и Диверс кончат свои дни за решеткой.

Когда Рэнд вернулся, Дункан все так же лежал на полу и даже не повернул головы.

— Нам надо еще немного поговорить.

— Об удостоверении, разумеется, — сказал Дункан.

Рэнд слабо улыбнулся.

— Между прочим, да. Вы же знаете, это очень важно.

— Я знаю только, что по виду вы нормальный человек. На кого вы работаете? Вы шпион? Зря стараетесь, у меня нет никаких секретов.

Рэнд вздохнул и прислонился к стене.

— Сосредоточьтесь на бирке. На карточке, я имею в виду. Что вы почувствовали, увидев, как она скользнула в решетку?

— Не помню.

— Постарайтесь вспомнить.

— Ничего не чувствовал. А что я должен был чувствовать?

— Думаю, вы лжете.

Дункан приподнял голову.

— Сделайте одолжение — уйдите.

— Поверьте, это крайне важно.

— Поверить вам? Хорошо!

— Вы почувствовали злость?

— Нет.

— Грусть?

— Конечно, нет.

— Радость?

— Уйдите!

— Обреченность?

Дункан сжал голову и повернулся на спину.

— Нан! — выкрикнул он.

— Кто это? — удивился Рэнд.

— Моя жена, идиот!

— Ваша жена?!

Его жена, его любящая жена...

— Что случилось? Ты упал? — спросила она.

Он только вошел в дом — уставший, голодный и уже начинавший злиться, потому что на столе не было еды. Она с ужасом уставилась на его грудь, затем подошла к телефону и вызвала полицию...

— Хотя бы принесите мне койку. Вам бы поспать на этом полу.

— Простите, — сказал Рэнд, — я не подумал, что вам может быть неудобно. Я пришлю НН... Каменноликого.

Рэнд ушел, а Дункан улыбнулся и поднялся на ноги. Если они хотят играть, пусть! Он не выйдет из игры.

Отворилась дверь, и вошел Каменноликий. Ничего не подозревая, он наклонился, опуская койку, и тут Дункан что было сил ударил его в основание шеи...

Он вышел из камеры и застыл: все вокруг изменилось. Куда-то исчез полицейский участок: его место заняло маленькое помещение со стальными стенами.

Дункан подавил пробудившийся ужас. Пускай меняют декорации, это его не остановит!

Он осторожно, на миллиметр, приотворил другую дверь и, затаив дыхание, замер, прислушиваясь к разговору между Рэндом и Диверсом.

— Сознание — это функция разума, — говорил Рэнд, и в его голосе звучала злость. — Неужели ты не чувствуешь своей ответственности?

— Ну и что? У нас хватает других дел. Ты тянешь время.

— Черт возьми, он и так скоро пойдет в Распылитель.

Дункан проскользнул за дверь. Говорящие были скрыты от него стеной каких-то коробок. Он тихо пошел на звук голосов.

— Это случилось, потому что он потерял личную бирку. — Рэнд говорил монотонно, словно повторяя старый довод.

— И что же ты предлагаешь? — язвительно спросил Диверс.

— Не волнуйся, твои деньги будут целы... Потеряв бирку, он испытал потрясение: внезапно он стал никем. Невозможно!.. И он немедленно обратился к подсознанию. Не ухмыляйся, черт побери! Да, у него есть подсознание. Ина-

че откуда взялись эти воспоминания? Неужели ты не видишь?!

То, что видел Диверс, не имело никакого отношения к словам Рэнда. Его глаза расширились, лицо побелело. Рука дрогнула, и чашка с кофе упала на пол.

Неожиданно напрягшаяся спина Рэнда была единственным признаком того, что он тоже почувствовал неладное.

— Я моложе и сильнее вас обоих. Кроме того, мне нечего терять, — предупредил Дункан. — Не делайте глупостей.

— Не подходи! — выкрикнул Диверс, закрыв лицо руками и съежившись в кресле. — Где охранник?

— Он без сознания. Не волнуйтесь, я его не убил.

— О Боже, — простонал Диверс, и его глаза сверкнули в сторону Рэнда. — Все ты и твоя проклятая психология.

Рэнд медленно повернулся. Он был бледен, но казался спокойным.

Дункан вышел из-за коробок и наконец рассмотрел помещение. Его внимание привлекло содержимое открытого шкафа — теплая одежда, ботинки и пара странных костюмов наподобие водолазных. Он повернулся и увидел, что Диверс целится в него из пистолета.

Рэнд тоже заметил оружие и рявкнул:

— Убери!

Рука Диверса дрогнула.

Дункан сжал кулаки.

— Вы не имеете права стрелять в меня. Я не сделал ничего плохого. Я невиновен.

— Он прав, — сказал Рэнд. — Положи пистолет.

Диверс поколебался и швырнул оружие к ногам Дункана.

— Валяй. Бери. Ты же здесь главный.

— Мне не нужен пистолет. Я хочу уйти.

— Идти некуда, — странным голосом произнес Рэнд.

— Я хочу домой.

— Это...

— Заткнись. Пусть идет домой, — процедил Диверс сквозь стиснутые зубы.

— Неужели ты не можешь понять, что он страдает?

— Иди, — с усмешкой повторил Диверс. — Не слушай его. Он еще безумней тебя.

Дункан на негнущихся ногах подошел к двери. Уже у порога его окликнул Рэнд:

— Когда будете выходить, закрывайте все двери. На обратном пути тоже.

— Я не вернусь.

Рэнд тяжело опустился на край стула и склонил голову.

— Вернетесь. Заблуждение дало трещину, когда вы признали, что бирка была зеленой. Не вините нас... Мы не хотели.

Дункан замер, по спине пробежал холодок. Чего они добиваются? Очередной трюк, чтобы задержать его?

Он стремительно шел вперед, и эхо шагов гулко разносилось по стальному коридору. Вдоль стен стояли какие-то аппараты, но они не привлекали его внимания.

В лицо ударил свет, рука автоматически закрыла последнюю дверь. Он, вероятно, не туда попал, вероятно, где-то не там повернул. Потому что вокруг...

Пусть его вытаскивают из дома, пусть бросают в тюрьму и изощренно издеваются. И даже пусть подменяют полицейский участок стальной пещерой. Но нельзя же заменить один мир другим!

В ослепительно белом небе сверкало чужое солнце. Над каменистой почвой колыхался раскаленный воздух.

Вдали что-то двигалось, какие-то точки на мрачном горизонте, и Дункан с яростно колотящимся сердцем пошел в ту сторону. Он молился, чтобы это оказалась Земля, какая-нибудь неисследованная пустыня, но в глубине души уже знал, что это место не имеет ничего общего с его родиной.

Тело планеты было прорезано лощиной, и на дне ее работал гигантский механический комплекс. Экскаваторы зачерпывали породу и грузили в вагонетки. Вагонетки бежали по рельсам и скрывались за скалами.

Дункан резко остановился. Точки оказались не людьми. Это были насекомые — большие, похожие на муравьев существа, запросто ворочающие полутонные куски руды. Они трудились быстро и молча. Рабочие в лощине, операторы

вагончиков, отдельные фигуры, копошащиеся у какого-то купола вдалеке, — все были муравьями.

Дункан шагнул вперед и упал, споткнувшись о камень. Над ним склонилось насекомое.

— Ты упал, — бесстрастно произнесло оно. — Я помогу тебе встать и проведу осмотр повреждений.

Две сильные трехпалые руки поставили его на ноги. В центре груди муравья находилась круглая зеленая пластинка с буквами АВТ. Выпученные горящие глаза медленно оглядели Дункана.

— У тебя нет бирки.

Дункан попятился.

— Ты насекомое, — прошептал он. — Ты ничего не знаешь. — Он сорвался на крик. — Ты глупое насекомое и ничего не знаешь! Глупая безмозглая тварь! — Он продолжал пятиться, снова споткнулся и упал. Муравей шагнул к нему, и он выкрикнул: — Не подходи!

— У тебя нет бирки, — повторил муравей. — Надо уведомить человека.

— Я человек, — всхлипнул Дункан.

— Ты ничто. Почему ты здесь?

Неожиданно между ними появился второй муравей, с буквами НН. Его рука поднялась и указала на грудь Дункана.

— Он потерявшийся. Оставь его, не смотри. Для нас его нет, он только для человека.

Дункан, пошатываясь, отошел за скалу. Муравьи проводили его взглядом и, бесстрастные, вернулись к работе.

Тут наконец до него дошел весь ужас происходящего. Чужое небо, чужое солнце, чужой воздух. Он существует, и планета существует, и эти два факта означают, что он дышит не кислородом.

Но он на Земле! Он землянин! У него маленький белый дом и жена по имени Нан с карими глазами. Их дети будут похожи на нее, когда родятся. Или уже родились? Солнце... солнце печет невыносимо.

Шатаясь, как слепой, натыкаясь на скалы, падая и подымаясь, он вернулся в туннель, закрывая за собой все двери.

Рэнд и Диверс внесли Каменноликого в свою комнату. Дункан остановился и посмотрел на то, что недавно казалось ему человеком. Он думал, что ударил человека. На самом деле он уничтожил гигантского муравья. Удар почти перерубил шею, в ране виднелась белая влажная ткань. На полу, как насмешливый глаз, лежала бирка с буквами НН.

Диверс при появлении Дункана торопливо отошел за стол и сел, подозрительно глядя на него. Рэнд, сцепив руки за спиной, стоял посреди комнаты, не в силах поднять глаза.

Дункан медленно приблизился к нему и опустил голову, готовясь услышать чудовищный приговор.

И все-таки он был не готов. Слова жгли, как огонь. Он не смотрел на Рэнда, но искал в его тоне ложь, тщился уловить тончайшее коварство, которое докажет, что все это обман, мистификация...

Но голос Рэнда звучал ровно и спокойно, искренне и жестоко, и лишь морщинки вокруг глаз выдавали его муку.

— Диверс и я — владельцы компании, известной на Земле под названием «Лаборатория ДНК». Мы создаем живые организмы, способные трудиться на непригодных для человека планетах. Большей частью мы производим крупных насекомообразных существ для разработки металлических руд.

Наши «насекомые» — трех типов, по-разному выращенные и обученные. ДКН и АВТ управляют рудопромывочными желобами и добывают сырье. НН предназначены для контроля. Несколько лет назад один из АВТ сошел с ума — решил, что он человек. Эти годы мы с Диверсом пытались выяснить, что сломало его психику. Теперь мы знаем — благодаря вам. Мозг наших созданий состоит из тех же белков, жиров и углеводов, что и человеческий, и ничем ему не уступает, хоть и рассчитан на другие условия.

Мы породили то, в чем сами не разобрались. Диверс и я хотели продолжать проверку, но правительство нуждалось в металле и заставило нас поторопиться. Да и мы не особенно возражали, никак не ожидая, что нашим насекомым известно что-нибудь, кроме того, чему их учили.

Несколько часов назад вы потеряли личную бирку — может быть, ее сорвало захватывающим контейнеры крюком или

случайно отлетевшим камнем, — так или иначе, вы утратили ощущение личности, и мозг ваш немедленно придумал новую. Мы не понимаем, каким образом могли у вас появиться представления о Земле, о человеческой жизни и культуре. Но мы понимаем, что вы чувствуете себя человеком.

Я бы немедленно все прекратил. Нужно время, чтобы изучить наши творения, провести с ними все мыслимые психологические проверки и узнать в конце концов, кого же мы создали. Существо, удовлетворенное выполнением порученной работы, или обреченного на муки несчастного человека в облике чудовища. Но мне не дают времени. Остается только одно, и я искренне надеюсь, что это поможет. Отныне мы будем создавать работников, не наделенных личностью. Хочу думать, что, не имея представления об индивидуальности, они не смогут ее утратить. Больше я ничего сделать не могу.

Рэнд замолчал. Его плечи поникли.

Дункан поднес к лицу руку. Он видел морщины на ладонях, волосы на тыльной стороне, резко выступившие суставы. Он чувствовал, как сердце перекачивает кровь. Это наваждение — если только его ощущения и мысли можно назвать наваждением — просто так не исчезнет. Наконец он поднял голову.

— Что произошло с тем, другим?

— Он хотел умереть.

— Я тоже, — прошептал кто-то, и Дункан узнал свой голос.

— В куполе у лощины стоит Распылитель, — сказал Рэнд. — Там мы уничтожаем пустую породу.

Пустую породу? Умереть так — все равно что не жить, а он жил. Последние несколько часов он жил! Для смерти должна быть причина.

Он перерыл свою память и судорожно ухватился за единственную подсказку. Когда-то людей казнили за преступления — а он виновен в обмане. Возомнил себя человеком. Ложь. Его зачали в лабораторных установках, а родили на конвейере. Он заявил, что его дом Земля. Тоже ложь. У него нет дома.

Он виновен. Приговор — смертная казнь.

— Я готов.

Рэнд достал из стенного шкафа резиновый костюм и стал одеваться. Диверс с безразличным видом сидел за столом, наблюдая за поднимающейся к потолку струйкой сигаретного дыма. Когда Дункан двинулся с места, его голова дернулась.

— У нас с вами есть общая черта, — проговорил Дункан. — Нам обоим не хватает человечности.

Лицо Диверса напряглось. Он начал что-то отвечать, потом вдруг замолчал и отвернулся.

Рэнд посадил Дункана в маленькую открытую машину и вел ее все дорогу до купола. Яркий свет резал глаза, но Дункану виделось желтое ласковое солнце. На каменистой равнине он видел раскачиваемую ветром траву. Серый кролик выскочил из норы, на миг принюхался, затем юркнул обратно.

Распылитель был больше и шире человека. Дункан заглянул в его прозрачную дверь и увидел, как мерцает внутри воздух, подобно воздуху пустыни.

Рэнд опустил руку ему на плечо.

— Вы слышите меня? — Его лицо было бледно за маской костюма, а рука заметно дрожала. — Вам надо только войти и закрыть дверь.

Дункан шагнул вперед.

Рэнд сжал свою руку.

— Постойте. Пусть наваждение исчезнет!..

Дункан подумал, что это могло быть и с приговоренным к смерти на Земле. Придет священник; а потом врач предложит заглушить страх. Как разрешено законом.

Но он не желал легкой смерти.

Дункан шагнул внутрь и своей рукой закрыл дверь — думая о солнце.

Он еще мысленно крикнул: «Я человек!..»

Разрушительные силы добрались до человеческой плоти за резиновой оболочкой тела, и его смерть была болезненной и мучительной. Как он и хотел.

Вот «о'генриевский» рассказ в чистом виде, пример того, как много значат последние несколько строк.

Харлан Эллисон
ФЕНИКС

Я похоронил Таба в неглубокой могиле под зыбким красным песком. Скорее всего захлебывающиеся злостью ночные твари все равно раскопают труп и раздерут его на части, но на душе мне стало легче. Сперва я вообще не мог смотреть на Маргу и ее свинью-мужа, однако в конце концов настало время двигаться, и мне пришлось перераспределить груз — уложить как можно больше из ноши Таба в наши три рюкзака.

Сперва нелегко было вынести их неприкрытую ненависть. Но еще десять миль по плывущему под ногами песку, по этой проклятой кроваво-красной пустыне высосали последние крохи сил. Они знали, и знал я — нам надо держаться вместе. Иначе не выжить.

Солнце висело в небе огромным глазом, пронзенным острой пылающей иглой, — глаз истекал кровью и окрашивал пустыню в багровый цвет... Почему-то мне захотелось выпить чашку хорошего кофе.

И воды, я хотел воды. И лимонада — полный стакан, со льдом. И мороженого, можно на палочке.

Я потряс головой — бред какой-то...

Красные пески. Нет, это не может быть реальностью, мы шли по картинке. Песок был желто-багряным, бурым, серым; не красным. Если только не ткнуть солнце в глаз —

тогда земля обагрится кровью. Господи, ну почему я не в Университете!.. Там в коридоре, совсем рядом с моим кабинетом, фонтанчик с охлажденной питьевой водой. Как я скучал по этому фонтанчику! Вот он, прямо у меня перед глазами — прохладный алюминиевый корпус, педаль и струя воды. Господи, Господи, я не мог думать ни о чем, кроме этого прекрасного старомодного фонтанчика.

Какого черта я здесь делаю?!

Разыскиваю миф.

Миф, который уже обошелся мне в каждый отложенный цент, в самый последний грош, когда-либо мной сэкономленный на чрезвычайный случай, на черный день. А это не чрезвычайный случай, нет, это просто безумие. Безумие, которое взяло жизнь моего друга, моего партнера.

Таб... Его нет — тепловой удар. Разинутый рот, выпученные глаза; он отчаянно пытается вздохнуть, язык высунулся, лицо почернело, вены на висках вздулись... Я приказывал себе не думать об этом — и не мог думать ни о чем другом. Я видел лишь его лицо, искаженное предсмертной гримасой; оно мерцало передо мной, как мираж, как столб раскаленного воздуха на бесконечном горизонте. Лицо, каким я его запомнил в тот последний момент перед тем, как засыпать красным песком. И оставить на растерзание тем мерзким тварям, которые только и могли жить в этой адской пустыне.

— Привал будет?

Я оглянулся на мужа Марги. Я все время забывал его имя, я хотел его забыть. Тупой и слабовольный тип с длинными волосами, которые собирали всю влагу с его скальпа, и та стекала маслянистыми каплями по тыльной стороне шеи. Он откинул волосы назад, и те грязным свалявшимся матом легли на лысеющую голову, завиваясь над ушами. Его звали не то Курт, не то Кларк... Я и знать не желаю. Невообразимо представить его на ней в прохладной белой постели — где-то гудит кондиционер, их тела слиты воедино в порыве страсти. Не желаю иметь с ним ничего общего — но вот он, тащится в десятке шагов позади, согнувшись почти вдвое под тяжестью рюкзака.

— Скоро остановимся, — сказал я, не сбавляя шага. Это тебе надо было сдохнуть, ублюдок!

Под укрытием невесть откуда взявшейся скалы, посреди бескрайней пустыни, мы поставили маленькую химическую плитку, и Марга приготовила ужин. Мясо, безвкусное и обезвоженное, далеко не лучший вариант питания для экспедиции, подобной нашей, — еще один пример некомпетентности ее свиньи-мужа. Я жевал и жевал, а хотел только взять и запихнуть его в ухо этому типу. Потом некое подобие пудинга. Последние капли воды. Я все ждал, что эта свинья предложит кипятить нашу мочу, но он, к счастью для себя, похоже, просто не знал о такой возможности.

— Что мы будем делать завтра? — захныкал свинья-муж.

Я ему не ответил.

— Ешь, Грант, — буркнула Марга, не поднимая глаз. Она знала, что я доведен до крайности. Почему, черт побери, она не сказала ему, что мы когда-то были близки? Почему ничего не делает для того, чтобы сломать хребет зловещего молчания? Сколько может продолжаться эта извращенная шарада?

— Нет, я желаю знать! — Голос у свиньи был как у капризного ребенка. — Это ты нас втянул! А теперь изволь выпутываться!

Я молчал. Тягучий пудинг напоминал вкусом известь.

— Отвечай мне!

Тогда я бросился на него — прямо через плиту, прижал к земле.

— Послушай, мальчик, — собственный голос казался мне незнакомым, — перестань лезть. Ты мне надоел. Я сыт тобой по горло — с первого дня. Если мы выйдем отсюда по уши в деньгах, ты растрезвонишь всем и каждому, что это твоя заслуга. Если мы найдем пшик или вообще сдохнем здесь, ты будешь во всем винить меня. Мне ясно, что иного быть не может. Так что лежи себе тихо, или ешь свой пудинг, или сдохни, но только не смей ко мне приставать и не смей ничего требовать, таракан ты пучеглазый, иначе я тебя просто удавлю!

Не уверен, что он сумел многое понять. У меня чуть не пена ртом шла от ярости и жары, и слова звучали неразборчиво. К тому же он начал вырубаться.

Меня оттащила Марга.

Я без сил вернулся на место и долго смотрел в небо. Звёзд не было. Не такая выдалась ночь.

Несколько часов спустя она придвинулась ко мне. Я не спал — несмотря на пронизывающий холод, который пытался загнать меня под термоодеяло спальника. Я хотел чувствовать холод, хотел заморозить мою ненависть, сбавить накал самобичевания, остудить жажду убийства.

Она долго сидела рядом, глядя вниз на меня, пытаясь разобрать в темноте, открыты ли мои глаза. Я открыл их и сказал:

— Чего тебе?

— Надо поговорить, Ред.

— О чем?

— О завтрашнем дне.

— Не о чем говорить. Либо мы выживем, либо нет.

— Он напуган. Ты должен позволить ему...

— Ничего я ему не должен. Я позволил ему уже все, что мог. Не жди от меня благородства, которого нет у твоего собственного мужа. Я не настолько хорошо воспитан.

Она прикусила губу. Ей было больно, я знал — и многое бы дал, чтобы прикоснуться к ее волосам, облегчить страдания... Ничего подобного я не сделал.

— Он так часто ошибался, Ред. Так много сделок лопалось, так много нитей ускользало из рук. Он думал, что это его шанс, его последний шанс. Ты должен понять...

Я сел.

— Послушай, дорогая, я очень долго был тебе покорным рабом, ты знаешь. Ты могла из меня веревки вить. Но я оказался недостаточно хорош для тебя, занимал не то место в обществе, не носил алую тогу сана, верно? Обычный работяга, профессор... приятный малый, с которым можно поразвлечься без серьезных намерений. Но когда на твоем горизонте возникла эта свинья с золотым зубом...

— Ред, прекрати!

— Конечно, прекращу! Как скажешь!

Я снова лег и повернулся на бок, спиной к ней, лицом к камню. Марга долго не шевелилась, я даже решил, что она заснула. Меня буквально душило желание коснуться ее, но я знал, что тем самым захлопну все двери, которые еще оставались между нами.

Потом она опять заговорила, тихим и мягким голосом:

— Ред, как по-твоему, что будет с нами?

Я повернулся к ней. В темноте было не разглядеть ее лица, к силуэту обращаться оказалось куда легче.

— Если бы твой муж не обманул нас с припасами — это все, что я у него просил, за третью часть доли! — если бы он не обманул нас с припасами, Таб не умер бы, и у нас были бы неплохие шансы. Он лучше всех умел пользоваться магнитоискателем. Я тоже кое-что понимаю, но это было его изобретение, он знал все нюансы и не ошибся бы даже на четверть мили. Если нам сопутствует удача, если погрешности в моих измерениях не увели нас в сторону от курса, не исключено, что мы все еще достигнем цели. А может, будет очередное землетрясение. Или мы наткнемся на оазис. Вообще я бы на это не рассчитывал. Все в руках богов. Выбери себе полдюжины покровителей, возьми плиту вместо алтаря и начинай молиться — вдруг к утру снискаешь достаточно расположения сверху, чтобы вывести нас на путь.

Тогда она от меня ушла, а я остался лежать, ни о чем не думая. Слышно было, как ее муж прижался к ней и захныкал во сне, будто малое дитя. Мне захотелось плакать. Но не такая выдалась ночь.

С раннего детства я слышал эти легенды о затерянном континенте. О золотых городах и невероятных людях, там обитающих, о поразительных научных достижениях, утраченных для нас, когда континент погрузился в пучину океана. Я был захвачен в плен этой чудесной легендой — так перехватывает дух у любого ребенка от странного, от неизвестного, от волшебного. Потом, уже став археологом, я то и дело находил дразнящие следы, постоянные ссылки... И

наконец теория, согласно которой то, что было морем в те незапамятные чудесные времена, ныне просто пустыня, мертвые пески, дно древнего океана.

Таб послужил мне первой реальной связью с мечтой. Он всегда был отшельником, даже в Университете. Его считали чудаком, не от мира сего: приятный малый, хороший специалист, но вечно носится с какими-то фантазиями о временны́х полях и незатухающем прошлом. Мы стали друзьями. Ничего удивительного — мы оба были одиноки и нуждались в ком-то. Между мужчинами может существовать любовь, и в этом нет ничего сексуального. Впрочем, глубоко я не копал — он был моим другом, этого достаточно.

И однажды Таб показал мне свое изобретение. Темпоральный сейсмограф. Его теория была совершенно дикой, основанной на сложнейшей математике и причудливой логике, ничего подобного в общепринятой науке я не находил. Он утверждал, что у времени есть вес, что тяжесть столетий пронизывает как все живое, так и мертвую материю. Что когда время испаряется — он называл это явление «хроноутечкой», — даже массивный континент неизбежно должен подняться наверх. Это совершенно диким невообразимым образом, который мне никогда не передать закоснелым современникам, объясняло постоянные перелицовки поверхности земли. Ну я и сказал ему, что, может быть, нам удастся найти источник легенд, может быть...

Таб рассмеялся, захлопал в ладоши, как ребенок, и мы принялись работать над проектом. В конце концов все начало вставать на свои места. В некоторых районах пустыни, которые я ранее пометил для себя как многообещающие, была зарегистрирована сейсмическая активность.

Теперь мы не сомневались — это происходит. Потерянный континент поднимается.

Нам отчаянно требовались деньги. Но как добиться финансирования? Наши профессиональные карьеры и научные репутации висели на волоске — абсурдный проект двух безумцев. И вдруг появился свинья-муж. Послушать его, так он одним прикосновением руки превращает помет в золото. Я не знал, кто его жена. Мы ударили по рукам. От нас —

научная теория, опыт, изыскание места, от него — деньги. А когда пора было ехать на раскопки, он заявился с женой.

Ради Таба я не мог дать задний ход. Теперь Таб мертв, а я нахожусь на грани смерти с двумя самыми ненавистными мне людьми в мире.

После полудня за нами увязались хищники.

Согласно магнитоуказателю, мы вошли в зону наиболее сильных сейсмических возмущений. Я понимал, что с таким же успехом мы могли уклониться в сторону и на триста миль, но не отрываясь следил за показаниями устройства Таба — изобретения, на которое он потратил всю свою жизнь, — когда Марга привлекла мое внимание к черным точкам, возникшим на горизонте. Мы остановились и наблюдали, как они постепенно растут. Вскоре удалось разобрать, что это стая... чего-то.

Затем, с растущим страхом, мы разглядели и индивидуальные очертания. Я содрогнулся от ужаса и одновременно возликовал. Кем бы они ни были, такие твори не водились на земле, по крайней мере в современные времена. Они мчались к нам с невероятной скоростью. Когда мы смогли разглядеть их хорошенько... У меня волосы на голове зашевелились. Марга начала кричать от страха и отвращения. Ее муж попытался бежать, но бежать было некуда. Они окружили нас.

Я использовал складную лопатку, выдвинув ее на полную длину и вращая вокруг себя. Одной твари не повезло, и ее уродливая, бесформенная голова практически отделилась от туловища. Меня обрызгало кровью, внутренностями и кусочками меха. Я был ослеплен ужасом, а собачий вой заглушал все, кроме криков раздираемой на части Марги.

В конце концов я их каким-то чудом отогнал. Смердящие трупы усеивали песок вокруг меня, как будто здесь опрокинули мусорный бак; некоторые собакоподобные твари были еще живы, из рассеченных туловищ с каждым вдохом толчками лилась кровь. Я обошел их всех и прикончил.

А потом нашел ее. Она еще дышала. И ей хватило сил просить меня позаботиться о нем... о ее муже. Потом она ушла от меня — окончательно.

А мы продолжали идти: он и я. Мы продолжали идти, и не уверен, что с тех пор мне удавалось мыслить вразумительно. Но мы продолжали идти.

И на следующий день нашли.

Он высился среди багряных песков. Шестью месяцами раньше мы прошли бы прямо над куполами и башнями, не догадываясь, что под нашими ногами тянется к свету затерянный континент. Спустя шесть месяцев его улицы были бы совершенно свободны от струящегося песка. Он поднялся, как воздушный пузырь сквозь воду.

Древние руины, безмолвный величественный памятник расе людей, которые жили задолго до нас, жили, творили чудеса и разыгрывали неведомую нам волшебную драму — лишь для того, чтобы кончить свои дни в забвении и прахе. Я понял, что произошло с этими собакоподобными тварями. Вовсе не какая-то природная катастрофа уничтожила чудесный город, погубила жизнь на волшебном континенте под нашими ногами. Детектор радиации возмущенно захлебывался. Я даже не мог посмеяться над их глупостью — горло сдавило от вида бесподобного величия, столь небрежно отброшенного в сторону. Да, время кольцеобразно. Люди повторяют свои ошибки.

На лице мужа-свиньи застыло выражение невежественного изумления.

— Вода, — прохрипел он. — Вода!

И побежал к городу.

Я окликнул его. Звал несколько раз — негромко. Пусть себе бежит к своим воздушным замкам в поисках спасения. Я смотрел ему в спину — а потом медленно пошел следом.

Его, должно быть, убила радиация. Или выброс ядовитого газа из кармана под мертвыми улицами волшебного города. При помощи детектора радиации избегая наиболее опасных мест, я наконец пробрался в город и нашел его — раздувшегося и почерневшего в конвульсиях смерти, все же

недостаточно ужасной для того, чтобы утолить мою ненависть.

Я захватил несколько неопровержимых доказательств: предметы культуры, быта, устройства, неизвестные мудрым ученым мужам из Университета. И направился назад. Я знал, что дойду — ради Таба, ради нее... даже ради него. Я вернусь в Атлантиду и скажу всем, что время действительно кольцеобразно. Нью-Йорк поднялся.

Кит Рид
АВТОМАТИЧЕСКИЙ ТИГР

Он купил эту игрушку для своего троюродного брата Рэндольфа. Рэндольф был настолько богат, что и в тринадцать лет мог позволить себе бегать в коротких штанишках. Бедняк Бенедикт не питал надежд на наследство дядюшки Джеймса, но все равно не пожалел денег. В последнее время, гостя несколько раз в роскошном мрачном доме, он беспомощно съеживался под пронзительным взглядом водянистых глаз дядюшки и впредь не собирался ехать туда безоружным. Дорогой подарок Рэндольфу — внуку старика — обеспечит по крайней мере какую-то долю уважения.

Но Бенедиктом двигало не только это. Какое-то странное, волнующее чувство овладело им с той самой секунды, как он взглянул на темную витрину невзрачного магазина игрушек.

Его внимание сразу привлекла расположенная в гордом уединении коробка с черно-оранжевым рисунком и яркой надписью через всю крышку: «КОРОЛЕВСКИЙ БЕНГАЛЬСКИЙ ТИГР». В инструкции говорилось, что ребенок может управлять игрушкой, подавая команды в маленький микрофон. Год назад нечто подобное показывали по телевидению. «Тот, в чьи руки попадет игрушка, может ею гордиться» — уверяла надпись на коробке.

В детстве Эдвард Бенедикт был лишен дорогих игрушек, что объяснялось не его нежеланием, а исключительно тяже-

лым положением семьи. А потому он понятия не имел, что заплатил за тигра в десять раз больше, чем за любую механическую игрушку. Впрочем, даже если бы он и знал, это бы его не остановило. Он ни капли не сожалел, что потратил месячный заработок. Тигр произведет впечатление на мальчика, рассуждал он. Кроме того, у него натуральный мех. И властно манили зловещие глаза на коробке.

Больше всего ему хотелось потрогать игрушку. Но продавец смерил его ледяным взглядом и набросился на коробку с листом плотной бурой бумаги и шпагатом. Бенедикт не успел даже попросить доставить покупку на дом и безропотно принял ее в руки, потому что совершенно не выносил скандалов. Всю дорогу в автобусе он думал о тигре. Как всякий мужчина, волею случая оказавшийся с игрушкой, он знал, что не устоит перед искушением.

Его руки дрожали, когда он положил коробку в угол гостиной.

— Только взгляну... — бормотал Бенедикт. — А потом снова запакую для Рэндольфа...

Он развернул бумагу и поставил коробку так, чтобы картинка с тигром была у него перед глазами. Не желая торопить события, он приготовил себе еду, потом убрал грязные тарелки и уселся поодаль. В сгущающихся сумерках рисунок притягивал его с неумолимой силой, и Бенедикту казалось, что он и тигр — нечто гораздо большее, чем человек и игрушка, дар и даритель. А пристальный взгляд нарисованного зверя становился все более властным, и наконец Бенедикт встал и развязал шпагат.

Коробка раскрылась, и он опустил руки, разочарованно глядя на невзрачную кучку меха. Ему даже пришла в голову мысль, что на фабрике при упаковке произошла ошибка. Но когда он тронул мех кончиком ботинка, раздался щелчок, стальной каркас встал на место, и Бенедикт отпрянул, невольно затаив дыхание.

Перед ним возник тигр в натуральную величину, ничем не отличающийся от тех исполненных грации хищников, которых Бенедикт видел в городском зоопарке. Его глаза, искусно освещенные изнутри маленькими электрическими

лампочками, горели янтарным огнем; жесткие торчащие усы, как в панике заметил Бенедикт, были выполнены из нейлона. Словно выйдя из джунглей, тигр неподвижно стоял в ожидании команды и только яростно хлестал длинным черно-золотым полосатым хвостом.

Огромный зверь занимал половину комнаты. Бенедикт в страхе попятился к дивану и сел. Сгущались сумерки. Скоро во мраке комнаты единственным источником света остались пылающие янтарные глаза. Тигр стоял в углу, размахивал хвостом и не спускал с Бенедикта свирепого взора. Глядя на него, Бенедикт непроизвольно сжимал и разжимал пальцы, а в голове стучала мысль о микрофоне и командах...

Казалось, сам воздух был наэлектризован, как будто там, в углу, появился мощный заряд энергии... Бенедикт слегка шевельнулся и ногой притронулся к какому-то предмету. Он поднял его и рассмотрел. Это был микрофон. Какое-то время Бенедикт сидел неподвижно, наблюдая за тигром. Наконец, уже глубокой ночью (а может, под утро), странно счастливый, поднес микрофон ко рту и робко выдохнул.

Тигр шевельнулся.

Эдвард Бенедикт медленно поднялся и, призвав на помощь все самообладание, сумел овладеть своим голосом.

— К ноге, — сказал он.

Гордо, величественно, тигр исполнил команду.

— Сидеть, — выдавил из себя Бенедикт, бессильно привалившись к двери, все еще не в состоянии поверить.

Тигр сел. Даже сейчас он был ростом с человека, и даже сейчас, в расслабленной позе, под лоснящейся шкурой чувствовалась стальная пружинистая мощь.

Бенедикт подал в микрофон команду и восхищенно замер, когда тигр поднял лапу и прижал ее к своей груди. Он был таким огромным, таким сильным, таким послушным, что Бенедикт в неожиданном приливе уверенности сказал: «Пойдем гулять», — и открыл дверь. Минуя лифт, он прошел к черному ходу в конце коридора и побежал по лестнице, преисполненный восторга, а сзади по грязным ступенькам бесшумно скользил тигр.

— Шшш... — приказал Бенедикт, остановившись в подъезде, и тигр покорно замер.

Бенедикт выглянул на улицу. Все кругом застыло в абсолютной, нереальной тишине, какая бывает только в ранние предрассветные часы.

— Иди за мной, — прошептал он и ступил во мрак.

Тигр следовал за Бенедиктом по пятам, растворяясь в тени всякий раз, когда неподалеку раздавался шум машины. Наконец они подошли к парку, и там, на его асфальтированных аллеях, тигр стал заметно беспокоиться, потягивал лапами, словно застоявшаяся лошадь. Бенедикт с внезапной горечью понял, что часть тигра все еще принадлежит джунглям, что ему надоело лежать в коробке и не терпится размяться.

— Давай, — неохотно разрешил Бенедикт, почти убежденный, что больше никогда его не увидит.

Зверь прыжком сорвался с места, пулей долетел до маленького пруда, взвился в воздух и исчез в зарослях на другой стороне.

Оставшись один, Бенедикт опустился на скамейку и стал вертеть в руках микрофон. Да, больше он ему не понадобится, это ясно. Он думал о наступающем уик-энде, когда ему придется уныло извиняться («Я купил Рэндольфу игрушку, дядя Джеймс, а она убежала...»), о потраченных впустую деньгах... Но, вспоминая тигра, проведенное вместе время, колоссальный заряд энергии, хоть раз ожививший его квартиру, он понял, что деньги потрачены не зря. Тигр... Зачем ему возвращаться теперь, когда в его распоряжении целый парк, целый мир? И все же, горя желанием увидеть его снова, Бенедикт не мог удержаться от отчаянной просьбы и снова приник к микрофону.

— Вернись, — взмолился он шепотом. — Вернись. — И добавил: — Пожалуйста.

Он напряженно замер, пытаясь уловить хоть какой-то шорох, какой-нибудь слабый звук, но все было тихо и недвижно. Неожиданно из зарослей появилась гигантская тень, низким грациозным прыжком приблизилась к скамейке и остановилась у его ног.

— Ты пришел, — прошептал Бенедикт дрогнувшим голосом.

И королевский бенгальский тигр с пылающими как угли глазами положил лапу ему на колено.

— Ты пришел, — повторил Бенедикт и после долгого молчания робко опустил руку на голову тигра. — Нам пора, — пробормотал он, заметив, что начало светать. — Идем... — Он запнулся, поймав себя на фамильярности. — Идем, Бен.

И зашагал домой, почти побежал, испытывая неимоверный восторг от близости тигра, следующего за ним длинными мягкими прыжками.

— Теперь надо спать, — сказал он тигру уже в квартире. А потом, когда Бен свернулся калачиком в углу, позвонил на службу и сказался больным. Счастливый и уставший, он растянулся на диване, впервые в жизни не боясь запачкать мебель обувью, и заснул.

Когда он проснулся, уже было пора ехать в гости к дядюшке. В углу все так же лежал тигр, теперь неподвижный, но загадочным образом живой, изредка помахивающий хвостом.

— Привет, — нежно проговорил Бенедикт, — привет, Бен.

Он улыбнулся, и тигр поднял голову. Если до сих пор Бенедикт и думал, как упаковать тигра, то, когда величественный зверь вскинул на него свои лучистые глаза, Бенедикт понял, что Рэндольфу придется довольствоваться чем-нибудь другим. Это был его тигр. Обласканный янтарным сиянием, он стал собираться. В чемодан полетели чистые сорочки, пижама, аккуратно завернутые в бумагу зубная щетка и бритва.

— Мне надо уехать, Бен, — сказал он, кончив укладываться. — Ты жди, я вернусь в воскресенье вечером.

Тигр внимательно посмотрел на него. Бенедикту показалось, что в светлых глазах скользнул печальный укор, и, спеша поправить свою вину, он добавил:

— Знаешь что, Бен, сделаем так: я возьму микрофон и, если ты мне понадобишься, я тебя позову. Добираться надо так: сперва до Манхэттена, через мост Триборо...

Микрофон удобно лег в нагрудный карман, и по каким-то необъяснимым причинам Бенедикт почувствовал себя совсем другим человеком.

— Далась мне эта игрушка для Рэндольфа!.. — В уме он уже готовил отважное обращение к дядюшке Джеймсу: «У меня дома тигр».

В поезде он ловко опередил толпу и занял место у окна. Позже, вместо того чтобы трястись в автобусе или ловить такси, Бенедикт неожиданно для самого себя позвонил дядюшке и попросил прислать за ним машину.

В затемненном кабинете он так энергично пожал дяде руку, что старик поразился. Рэндольф, сияя исцарапанными розовыми коленками, выпятил подбородок и воинственно спросил:

— Ты опять мне ничего не привез?

На долю секунды Бенедикт смутился, но потом приятная тяжесть микрофона напомнила о себе.

— У меня дома тигр, — пробормотал он.

— А? Что? — потребовал Рэндольф, забираясь ему в карман. — Ну давай, чего там у тебя...

С почти неслышным рычанием Бенедикт рукой шлепнул его по уху. С тех пор поведение Рэндольфа могло служить образцом почтительности. Бенедикту и в голову не приходило, что это так просто.

В воскресенье при прощании дядюшка Джеймс настоял, чтобы Бенедикт взял увесистую пачку облигаций.

— Ты славный малый, Эдвард, — сказал старик, качая головой, словно не в силах этому поверить. — Прекрасный молодой человек...

Широкая улыбка разлилась по лицу Бенедикта.

— Всего доброго, дядя Джеймс. Меня дома ждет тигр.

Едва войдя в свою квартиру, Бенедикт достал микрофон, подозвал тигра и обнял его большую голову. Потом он отступил назад. Тигр казался крупнее, еще более лоснящимся; каждый волосок вибрировал от скрытой энергии. Но изменился не только тигр. Бенедикт долго и придирчиво рассматривал себя в зеркале, изучая искрящееся жизнью лицо и волевой подбородок.

Когда стемнело, они отправились в парк. Бенедикт сидел на скамейке и любовался пружинистой грацией зверя.

Отлучки Бена стали короче, и он то и дело возвращался, чтобы положить голову на колени хозяину.

С первым утренним светом Бен снова убежал, двигаясь легкими молниеносными скачками. Он неуловимой тенью помчался к пруду и перемахнул через него с таким изяществом, что Бенедикт от восторга вскочил.

— Бен!

Тигр сделал еще один великолепный прыжок и направился назад. Когда он ткнулся в ноги хозяину, Бенедикт сбросил плащ и с громким ликующим криком припустил по аллее. Он бежал вприпрыжку, упиваясь счастьем и ночью, и невесомыми скачками за ним следовал тигр. Так они кружили по парку, и вдруг перед ними возникла маленькая женская фигурка — руки в ужасе вытянуты вперед, рот открыт в беззвучном вопле. Женщина выхватила из сумочки какой-то предмет, бросила и помчалась к выходу. Что-то больно ударило Бена по носу; тигр затряс головой и попятился. На асфальте лежал кошелек.

— Эй, вы потеряли... — Бенедикт рванулся за ней, потом вспомнил, что придется объяснять присутствие тигра, и остановился. Его плечи на миг поникли, пока Бен не обдал руку жарким дыханием. — Послушай, мы, кажется, напугали ее...

Бенедикт улыбнулся и расправил плечи.

— Ну как тебе это нравится?.. — Затем с вновь обретенной смелостью он открыл кошелек, достал несколько банкнот и положил кошелек на видное место, решив про себя непременно вернуть деньги женщине. — Сделаем вид, что это ограбление. Тогда полиция не поверит в тигра... Идем, пора домой.

Бенедикт чувствовал себя таким уставшим, что проспал до полудня, положив голову на атласную спину зверя. Бен стерег его сон, устремив взгляд немигающих глаз вдаль и только негромкими взмахами хвоста нарушая безмолвие.

Бенедикт проснулся в испуге, что опоздал на работу. Затем поймал взгляд янтарных глаз и рассмеялся. У меня есть тигр. Бенедикт зевнул, блаженно потянулся и неспешно приготовил завтрак. Одеваясь, он обнаружил на туалетном столике

пачку облигаций, которую сунул ему дядюшка Джеймс, и подсчитал, что они составляют весьма внушительную сумму.

Следующие несколько недель он вел праздный образ жизни: днем смотрел новые кинофильмы, а вечера проводил в ресторанах и барах. Он даже побывал на скачках. Все остальное время Бенедикт сидел с тигром. Он посещал все более дорогие и респектабельные рестораны и с удивлением обнаруживал, что метрдотели почтительно ему кланяются, а светские дамы смотрят на него с интересом — безусловно, оттого, что у него дома тигр. Затем настал день, когда Бенедикт пресытился уверенностью, когда ему надоело повелевать официантами. Он как раз истратил остатки средств от продажи облигаций и (не без угрызений совести) деньги из кошелька женщины. Бенедикт начал внимательно читать деловой раздел «Таймс» и однажды выписал некий адрес.

— Пожелай мне удачи, Бен, — прошептал он в микрофон и ушел.

Он вернулся через час, все еще ошеломленно покачивая головой.

— Бен, если б ты только видел... Управляющий умолял, чтобы я согласился, хотя понятия не имел, кто я такой... я загнал его в угол... я был как тигр... — Бенедикт смущенно улыбнулся. — Перед тобой — второй вице-президент «Петтигрю Уоркс».

Глаза тигра сверкали.

В пятницу Бенедикт принес домой первую получку, и в ту же ночь именно он бежал впереди в парке. Он летел вместе с тигром, пока его глаза не заслезились от ветра. И на следующий день побежал, и на следующий... И каждая утренняя прогулка придавала ему сил, бодрости, решительности. «У меня дома тигр», — говорил он себе в трудные минуты и с удесятеренной энергией добивался цели. А в нагрудном кармане лежал микрофон — талисман, залог помощи тигра... Вскоре Бенедикт стал первым вице-президентом.

Но, несмотря на продвижение, несмотря на то, что он стал занятым, важным человеком, Бенедикт никогда не забывал об утренней прогулке. Ему случалось незаметно ус-

кользать из шумных компаний в переполненных ночных барах, чтобы повести тигра в парк и бежать рядом с ним — в смокинге, сверкая в темноте белоснежной манишкой. Бенедикт становился увереннее в себе, сильнее, влиятельнее, но хранил верность.

До дня самой крупной сделки. Ему поручили продать Куинси, основному заказчику фирмы, шестнадцать гроссов.

— Куинси, — заявил за обедом в фешенебельном ресторане Бенедикт, — вам нужно двадцать гроссов.

Месяц назад он дрожал бы от одного вида Куинси — огромного желчного самодура.

— Смелое утверждение! — прогромыхал Куинси. — А с чего вы взяли, что я хочу двадцать гроссов?

На миг Бенедикт растерялся и оробел. Потом в нем проснулся тигр, и он ринулся вперед.

— Разумеется, нельзя сказать, что вы хотите двадцать гроссов... Они вам просто необходимы!

Куинси взял тридцать гроссов. Бенедикт был назначен генеральным управляющим.

Купаясь в лучах нового титула, Бенедикт решил дать себе отдых и, окрыленный, устремился к двери, когда был остановлен неожиданным шуршанием шелка.

К нему подошла секретарша — темноволосая, с атласной кожей, неприступная. Губы ее призывно раскрылись.

Движимый внезапным порывом, он сказал:

— О, Маделейн, сегодня вечером мы поужинаем вместе.

Ее голос был мягче бархата.

— У меня встреча, Эдди, — приехал богатый дядюшка из Кембриджа.

Бенедикт презрительно хмыкнул.

— А, тот самый, что подарил вам норку? Я его видел. Он чересчур толст. — И с неотразимой улыбкой добавил: — Я заеду в восемь.

— Ну что ж, Эдди... хорошо. — Она бросила на него взгляд из-под пушистых ресниц. — Но должна предупредить — не люблю скупых мужчин.

— Ужинать мы, разумеется, будем дома. А потом, может быть, выйдем в город. — Он похлопал себя по карману, где

лежал бумажник, и ущипнул Маделейн за ухо. — Приготовь бифштекс.

Вечером, роясь в ящиках комода, Бенедикт с замиранием сердца нащупал какой-то твердый предмет. Микрофон! Должно быть, выпал, когда он утром одевался, и Бенедикт целый день ходил без него. Целый день! Справившись с волнением, он схватил микрофон и собрался положить его в смокинг. Впрочем... Бенедикт задумчиво опустил его на место и задвинул ящик. Он больше не нуждался в талисмане. Он сам был тигром.

Вернувшись поздно ночью, возбужденный вином и горячим дыханием Маделейн, Бенедикт, не раздеваясь, рухнул на постель и проспал до полудня. Выйдя в носках в гостиную, он увидел в углу Бена — поникшего, наблюдавшего за ним неодобрительным взглядом. Они впервые пропустили прогулку.

— Прости, старина, — уходя на работу, сказал Бенедикт и виновато похлопал тигра по спине.

— Извини, спешу, — с беглой лаской сказал он на следующий день. — Обещал поводить Маделейн по магазинам.

Шло время; Бенедикт все чаще встречался с девушкой и все реже просил прощения у тигра. А тигр неподвижно лежал в углу комнаты и только укоризненно смотрел на него при встрече.

Бенедикт купил Маделейн кольцо.

Мех тигра стал покрываться пылью.

Бенедикт купил Маделейн бриллиантовый браслет.

На груди Бена завелась моль.

Бенедикт и Маделейн отправились на неделю в Нассау. На обратном пути они завернули к торговцу автомобилями, и Бенедикт купил Маделейн «ягуар».

Искусственное волокно, из которого были сделаны пышные усы Бена, стало разлагаться. Волоски поникли, начали выпадать.

Однажды, возвращаясь от Маделейн на такси, Бенедикт впервые внимательно изучил свою чековую книжку. Поездка в Нассау и первый взнос за машину забрали практически

все. А на следующий день предстояло платить за браслет. Впрочем, какое это имело значение? Бенедикт передернул плечами — человеку его ли положения беспокоиться о таких пустяках?! Он выписал шоферу чек, щедро добавил пять долларов и отправился спать, остановившись на минуту перед зеркалом, чтобы полюбоваться загаром.

В три утра Бенедикт проснулся со смутным ощущением тревоги и, включив тусклый ночничок, надолго задумался. Денег оставалось мало, куда меньше, чем он ожидал. Предстояло оплатить проезд на такси, внести деньги за «ягуар» и, если уж на то пошло, погасить задолженность за квартиру... А ведь впереди еще последний взнос за браслет... Ему нужны деньги, и немедленно.

Бенедикт рывком сел на кровати, обхватив колени руками. Он вспомнил женщину, которую они с Беном испугали в тот день, и ему пришло в голову, что деньги можно добыть в парке. Разве не была та случайная встреча самым настоящим ограблением? Он же потратил чужие деньги! И он решил повторить попытку, забывая, что тогда с ним был тигр. А натянув полосатый свитер и повязав вокруг шеи платок, он вовсе забыл про лежащего в углу Бена и торопливо вышел на улицу, даже не взглянув в сторону тигра.

Было еще темно. Бенедикт бродил по аллеям парка, словно хищная кошка, упиваясь своей грацией и силой. В воротах появилась темная фигурка — его жертва. Он узнал ее — ту женщину, которую они тогда напугали, — взревел и бросился на нее, думая: «Сейчас опять ее напугаю...»

— Эй! — вскричала женщина.

Бенедикт опешил и остановился, потому что она не отпрянула в ужасе, как он ожидал, а стояла спокойно и помахивала сумочкой.

Не отрывая глаз от сумочки, Бенедикт сделал круг и прорычал:

— Давай сюда!

— Прошу прощения, — холодно произнесла женщина, а когда он снова взревел, добавила: — Что с вами, мистер?

— Кошелек! — угрожающе рявкнул он, ощетинившись.

— Ах, кошелек... — Она размахнулась и ударила его сумочкой по голове.

Бенедикт ошеломленно отступил, и не успел он собраться для очередного прыжка, как она негодующе хмыкнула и ушла.

Для поисков новой жертвы было уже слишком светло. Бенедикт стянул с себя свитер и медленно побрел прочь, недоумевая, почему сорвалось ограбление. Так и не разобравшись в происшедшем, он зашел в ближайшее кафе и позавтракал. Но и там мысль о неудавшемся ограблении не покидала его. «Я не так рычал», — наконец рассудил он, поправил галстук и отправился на работу.

Часом позже появилась Маделейн.

— Мне позвонили по поводу платы за «ягуар», — ядовито сообщила она. — Банк вернул твой чек.

— Да? — От взгляда ее холодных глаз Бенедикт оробел. — В самом деле? Я внесу деньги.

— Уж будь любезен, — надменно отрезала она.

Обычно он не упустил бы возможности — пока в конторе никого не было — укусить ее за ушко, но этим утром она выглядела такой далекой и недоступной... «Наверное, потому что я не брит», — решил Бенедикт и ретировался в свой кабинет, погрузившись в колонку цифр.

— Плохо, — пробормотал он через некоторое время. — Мне нужна прибавка.

Владельца фирмы звали Джон Гилфойл — мистер Гилфойл или «сэр» для большинства подчиненных. Он терпеть не мог, когда при обращении использовали его инициалы, и Бенедикт частенько делал это назло.

Возможно, потому, что Гилфойл встал утром не с той ноги, а возможно, потому, что Бенедикт забыл прихватить плащ, но нужного эффекта не последовало — Гилфойл и глазом не моргнул.

— Потом, мне некогда, — бросил он.

— По-моему, вы не понимаете. — Бенедикт, расправив плечи, расхаживал по ковру мягкими шагами. На его туфлях засохла грязь, но в душе он еще оставался тигром. — Мне нужны деньги.

— Позже, Бенедикт.

— В любом другом месте я получал бы вдвое больше.

Бенедикт свирепо буравил собеседника взглядом, но где-то, очевидно, был изъян — наверное, оттого, что он охрип во время утренней пробежки, — потому что Гилфойл не кивнул покорно по обыкновению, а сказал:

— Вы сегодня не очень исполнительны, Бенедикт. Это не к лицу моим служащим.

— «Уэлчел Уоркс» предлагала мне...

— В таком случае почему бы вам не уйти к ним?! — Гилфойл раздраженно хлопнул по столу.

— Я нужен вам, — сказал Бенедикт и по обыкновению выпятил челюсть. Однако неудача в парке потрясла его больше, чем он думал, и интонация получилась неубедительной.

— Вы мне не нужны! — рявкнул Гилфойл. — Вон отсюда, пока я не выгнал вас вообще!

— Вы... — начал Бенедикт.

— Прочь!!

— Д-да, сэр...

Совершенно растерянный, он бочком вышел из кабинета и столкнулся в коридоре с Маделейн.

— Относительно взноса за...

— Я... я все улажу, — перебил Бенедикт. — Если позволишь вечером зайти...

— Не сегодня. — Она, казалось, почувствовала в нем перемену. — Я буду занята.

Слишком озадаченный всем происшедшим, он не стал возражать. Вернувшись к себе, Бенедикт погрузился в изучение своей чековой книжки, вновь и вновь ломая голову над цифрами.

Во время обеда он остался за столом, машинально поглаживая полосатое пресс-папье, купленное в те счастливые дни, и впервые за несколько недель вспомнил о Бене. Он испытал внезапно прилив глубочайшей тоски по тигру. Бенедикт мучился и страдал, но уже не смел уйти из конторы до конца рабочего дня. Домой он поехал на такси, найдя в ящике завалявшуюся пятидолларовую банкноту, и всю дорогу думал о тигре: уж Бен-то его никогда не бросит! Как

чудесно будет вновь обрести покой и уверенность, гуляя со старым другом по парку!

Не дожидаясь лифта, Бенедикт взбежал по лестнице и влетел в гостиную, по пути зажигая свет в прихожей.

— Бен, — выдохнул он и обнял тигра за шею. Потом прошел в спальню и стал искать микрофон. Микрофон нашелся в шкафу, под кучей грязного белья.

— Бен, — тихо позвал он.

Тигр с трудом поднялся на ноги. Его правый глаз едва светился; левый глаз потух совсем. Он не сразу откликнулся на зов хозяина, и при свете лампы Бенедикт увидел, как он изменился. Хвост слабо дергался, шкура потеряла живой глянец, гордые серебряные усы поникли, побитые молью. Какие-то механизмы внутри, очевидно, проржавели, и при каждом движении раздавался хрип. Тяжело ступая, тигр подошел к хозяину и прижался головой.

— Привет, дружище, — вымолвил Бенедикт, проглотив комок в горле. — Знаешь что, как только стемнеет, пойдем в парк. Свежий воздух... — Он гладил поредевший мех, и его голос срывался. — Свежий воздух быстро поставит тебя на ноги.

С саднящим чувством Бенедикт опустился на диван, взял одну из своих щеток с серебряными накладками и стал расчесывать омертвевшую шкуру тигра. Мех вылезал клочьями, забиваясь в мягкую щетину.

— Все будет в порядке, — печально сказал Бенедикт, страстно желая поверить своим словам. На мгновение в глазах тигра отразился свет лампы, и Бенедикт попытался убедить себя, что они засияли ярче.

— Пора, Бен, идем.

Он встал и медленно направился к двери. Тигр поднялся, поскрипывая, и они начали мучительный путь к парку. Через несколько минут они вошли в знакомые ворота, и Бенедикт ускорил шаги, почему-то уверенный, что под сенью деревьев к тигру вернутся былые силы. И сперва это показалось правдой, ибо сострадательная тьма нежно окутала тигра, и в нем ожила новая энергия.

Бенедикт помчался длинными сумасшедшими скачками, уговаривая себя, что тигр следует по пятам. Но вскоре он понял, что, если побежит изо всех сил, Бен никогда не сможет его догнать. Тогда он двинулся легкой трусцой, и тигр сперва держался рядом, самоотверженно стараясь не отставать, но не выдержал и этого темпа.

Наконец Бенедикт сел на скамейку и позвал его, отвернув лицо в сторону, чтобы тигр не видел его глаз.

— Бен, — сказал он. — Прости меня.

Крупная голова ткнулась ему в ноги, и, когда Бенедикт вновь повернулся к тигру, он увидел, что здоровый глаз зверя благодарно светился, а на его колени легла лапа. Затем Бен поднял на него отважный слепой глаз, подобрался и побежал к пруду с подобием былой грации и мощи. Один раз он оглянулся и подпрыгнул, как бы говоря Бенедикту, что все в порядке, что прощения просить не за что, а потом взвился в великолепном прыжке. Но в воздухе застоявшийся механизм отказал, гордое тело застыло и окаменевшей глыбой свалилось в воду.

Когда туман перед глазами рассеялся, Бенедикт побрел к берегу, яростно вытирая слезы кулаком. Пыль, несколько волосков на поверхности — вот и все, что осталось от старого друга. Бенедикт медленно вытащил из кармана микрофон и кинул его в воду. Он стоял у пруда, пока первый утренний свет не забрезжил сквозь листву. Ему некуда было спешить. С работой было покончено. Придется продать новую одежду, щеточки с серебряными накладками, чтобы расплатиться с долгами, — но это его не очень беспокоило. Казалось только справедливым, что теперь он останется ни с чем.

Генри Каттнер
ПЧХИ-ХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

1. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПУ

В жизни не видывал никого уродливее младшего Пу. Вот уж действительно неприятный малый, чтоб мне провалиться! Как маленькая горилла, вот какой он был. Маслянистое лицо и глаза, сидящие так близко, что оба можно выбить одним пальцем. Его Па, однако, мнил о нем невесть что. Еще бы, крошка Младший — вылитый папуля.

— Последний из Пу, — говорил старик, приветливо улыбаясь своей маленькой горилле. — Наираспрекраснейший парень из всех ступавших по этой земле.

У меня, бывало, кровь в жилах стыла, когда я глядел на эту парочку.

Мы, Хогбены, люди маленькие. Живем себе тише воды и ниже травы в укромной долине, где никто не появится до тех пор, пока мы того не захотим. Соседи из деревни к нам уже привыкли.

Если Па насосется, как на прошлой неделе, и начнет летать в своей красной майке над Главной улицей, они делают вид, будто ничего не замечают, чтобы не смущать Ма. Ведь когда он трезв, благочестивее христианина не сыщешь.

Сейчас Па набрался из-за Крошки Сэма, нашего младшенького, которого мы держим в цистерне в подвале. У того снова режутся зубки. Впервые после Войны между Штатами. Прохфессор, живущий у нас в бутылке, как-то сказал, будто Крошка Сэм испускает какие-то инфразвуки. Ерунда.

Просто нервы у вас начинают дергаться. Па этого не выносит. На сей раз проснулся даже Деда, а ведь он с Рождества не шелохнулся. Продрал глаза и сразу набросился на Па.

— Я вижу тебя, нечестивец! — ревел он. — Снова летаешь, олух небесный?! О, позор на мои седины! Ужель не приземлю тебя я?..

Послышался отдаленный удар.

— Я падал добрых десять футов! — завопил Па. — Так нечестно! Запросто мог что-нибудь раздолбать!

— Ты нас всех раздолбаешь, губошлеп пьяный, — оборвал Деда. — Летать средь бела дня! В мое время сжигали за меньшее. А теперь замолкни и дай мне успокоить Крошку.

Деда завсегда находил общий язык с Крошкой. Сейчас он пропел ему песенку на санскрите, и вскорости оба уже мирно похрапывали.

Я мастерил одну штуковину, чтоб молоко для пирогов у Ма скорее скисало. У меня ничего не было, кроме старых саней и двух проволочек, да мне и немного надо. Только я пристроил один конец проволочки на северо-восток, как заметил промелькнувшие в зарослях клетчатые штаны.

Это был дядюшка Лем. Я слышал, как он думал. «Это вовсе не я, — твердил он, по-настоящему громко, прямо у меня в голове. — Между нами миля с гаком. Твой дядя Лем славный парень и не станет врать. Думаешь, я обману тебя, Сонки, мальчик?»

«Ясное дело! — ответил я ему. — Если б только мог. Что стряслось?!»

Тогда он остановился и заметался в разные стороны.

«О, просто пришло в голову, что твоя Ма захочет чернички... Но если тебя кто-нибудь спросит обо мне, говори, что не видал. Ты не соврешь. Ведь и вправду не видишь?»

«Дядя Лем, — подумал я, тоже по-настоящему громко. — Я дал Ма честное слово, что никуда тебя не отпущу, после того случая, когда...»

«Ладно, ладно, мальчуган, — быстро отозвался дядюшка Лем. — Кто старое помянет, тому глаз вон».

«Ты же никому не можешь отказать, — напомнил я, закручивая проволоку спиралькой. — Подожди, вот толь-

ко заквашу молоко, и пойдем вместе — куда уж ты там намылился».

Клетчатые штаны в последний раз мелькнули в зарослях, и, виновато улыбаясь, дядюшка Лем появился собственной персоной. Наш Лем и мухи не обидит — до того он безвольный. Каждый может вертеть им, как хочет, вот нам и приходится за ним хорошенько присматривать.

— Как ты это сварганишь? — поинтересовался он, глядя на молоко. — Заставишь крошек работать быстрее?

— Дядя Лем! — возмутился я. — Стыдись! Представляешь, как они вкалывают, сквашивая молоко?!

Когда Па насосется, то косеет от тех же самых трудяг, которых кличет Ферментами.

— Вот эта штука, — гордо объяснил я, — отправит молоко в следующую неделю. При нынешних жарких деньках этого за глаза хватит. Потом назад — хлоп! — готово, скисло.

— Ну и хитрюга! — восхитился дядюшка Лем, загибая одну проволочку. — Только здесь надо поправить, не то помешает гроза в следующий вторник. Ну давай.

Ну я и дал. Я вернул — будь спок! Все скисло так, что хоть мышь бегай. В крынке копошился шершень из той недели, и я его щелкнул.

Эх, опростоволосился. Все штучки дядюшки Лема!

Он юркнул назад в заросли, от удовольствия притопывая ногой.

— Надул я тебя, молокосос! — закричал он. — Посмотрим, как ты вытащишь палец из середины следующей недели!

Ни про какую грозу он и не думал, загибая ту проволочку. Минут десять я угробил на то, чтобы освободиться, — все из-за одного малого по имени Инерция, который вечно ошивается где ни попадя. Вообще сам-то я не слишком в этом кумекаю. Не дорос еще. Дядюшка Лем говорит, что уже забыл больше, чем я когда-нибудь буду знать.

Я так завозился, что не успел переодеться в городское платье, а вот дядюшка Лем чего-то выфрантился, как твой индюк.

А уж волновался он!.. Я бежал по следу его вертлявых мыслей. Толком в них было не разобраться, но чего-то он там натворил. Это всякий бы понял. Вот какие были мысли:

«Ох, ох, зачем я это сделал? Да помогут мне небеса, если проведает Деда... Ох, эти гнусные Пу, какой я болван! Ох, ох, такой бедняга, хороший парень, чистая душа, никого пальцем не тронул, а посмотрите на меня сейчас! Этот Сонк, паршивец зеленый, ха-ха, как я его проучил. Ох, ох, ничего, держи хвост пистолетом, ты отличный парень, господь тебе поможет, Лемуэль».

Его клетчатые штаны то и дело мелькали среди веток, потом выскочили на поле, тянувшееся до города, и вскоре дядюшка Лем уже стучал в билетное окошко испанским дублоном, стянутым из дедулиного сундука.

То, что он попросил билет до Столицы Штата, меня совсем не удивило. О чем-то он заспорил с молодым человеком за окошком, наконец обшарил свои штаны и выудил серебряный доллар, на чем они порешили.

Паровоз уже вовсю пускал дым, когда подскочил дядюшка Лем. Я еле-еле поспел. Последнюю дюжину ярдов пришлось пролететь, но, по-моему, никто не заметил.

Однажды, когда у меня еще молоко на губах не обсохло, случилась в Лондоне, где мы в ту пору жили, Великая Чума, и всем нам, Хогбенам, пришлось выметаться. Я помню тогдашний гвалт, но куда ему до того, который стоял в Столице Штата, куда пришел наш поезд!

Свистки свистят, гудки гудят, машины ревут, радио орет что-то кошмарное — похоже, что каждое изобретение за последние две сотни лет шумнее предыдущего. У меня аж голова затрещала, пока я не установил то, что Па как-то обозвал повышенным слуховым порогом, попросту — заглушку.

Дядя Лем чесал во все лопатки. Я едва не летел, поспевая за ним. Хотел связаться со своими на всякий случай, но ничего не вышло. Ма оказалась на церковном собрании, а она еще в прошлый раз дала мне взбучку за то, что я заговорил с ней как бы с небес прямо перед преподобным отцом

Джонсом. Тот все никак не может к нам, Хогбенам, привыкнуть.

Па был мертвецки пьян, его буди не буди. А окликнуть Дедулю я боялся, мог разбудить малыша.

Дядюшка мчался вперед на всех парах. Вскоре я увидел большую толпу, запрудившую всю улицу, грузовик и человека на нем, размахивающего какими-то бутылками.

По-моему, он бубнил про головную боль. Я слышал еще из-за угла. С двух сторон грузовик украшали плакаты: «СРЕДСТВО ПУ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ».

«Ох, ох! — думал дядюшка Лем. — О горе, горе! Что делать мне, несчастному? Я и вообразить не мог, что кто-нибудь женится на Лили Лу Матц. Ох, ох!»

Ну, скажу я вам, мы все были порядком удивлены, когда Лили Лу Матц выскочила замуж, с той поры еще десяти годков не минуло. Но при чем тут дядюшка Лем, не могу взять в толк.

Безобразнее Лили Лу нигде не сыскать, страшна как смертный грех. Уродлива — не то слово для нее, бедняжки. Дедуля сказал как-то, что она напоминает ему одну семейку по фамилии Горгоны, которую он знавал. Жила Лили Лу одна, на отшибе, и ей, почитай, уж сорок стукнуло, когда откуда-то с той стороны гор явился один малый и, представьте, предложил выйти за него замуж. Чтоб мне провалиться! Сам-то я не видал этого друга, но, говорят, и он не писаный красавец.

«А если припомнить, — думал я, глядя на грузовик, — если припомнить, фамилия его была Пу».

2. ДОБРЫЙ МАЛЫЙ

Дядюшка Лем приметил кого-то у фонарного столба и засеменил туда. Казалось, две гориллы, большая и маленькая, стояли рядышком и глазели на парня с бутылками в руках.

— Подходите, — взывал тот, — и получайте свою бутыль Надежного Средства Пу от головной боли!

— Ну, Пу, вот и я, — произнес дядюшка Лем, обращаясь к большей горилле. — Привет, Младший, — добавил он, взглянув на маленькую.

Я заметил, как дядюшка поежился.

Ничего удивительного. Более мерзких представителей рода человеческого я не видал со дня своего рождения. Старший был одет в воскресный сюртук с золотой цепочкой на пузе, а уж важничал и задавался!..

— Привет, Лем, — бросил он. — Младший, поздоровайся с мистером Лемом Хогбеном. Ты многим ему обязан, сынуля. — И гнусно рассмеялся.

Младший и ухом не повел. Его маленькие глазки-бусинки вперились в толпу по ту сторону улицы. Было ему лет семь.

— Можно, па? — спросил он скрипучим голосом. — Дай я им сделаю, па. А, па?

Судя по его тону, будь у него под рукой пулемет, он бы всех укокошил.

— Чудный парень, не правда ли, Лем? — ухмыляясь, спросил Пу-старший. — Если бы его видел дедушка!.. Вообще замечательная семья — мы, Пу. Подобных нам нет. Беда лишь в том, что Младший — последний. Дошло, зачем я связался с вами, Лем?

Дядюшка Лем снова поежился.

— Да, — сказал он, — дошло. Но вы зря сотрясаете воздух. Я не собираюсь ничего делать.

Юному Пу не терпелось.

— Дай я им устрою! — проскрипел он. — Сейчас, па. А?

— Заткнись, сынок, — отрезал старший и съездил своему отпрыску по лбу. А уж ручищи у него — будь спок!

Другой бы от такого шлепка перелетел через дорогу, но Младший был коренастый такой пацан. Только пошатнулся, тряхнул головой и покраснел.

— Па, я предупреждал тебя! — закричал он своим скрипучим голосом. — Когда ты стукнул меня в последний раз, я предупреждал тебя! Теперь ты у меня получишь!

Он набрал полную грудь воздуха, и его крошечные глазки вдруг засверкали и так выпучились, что чуть не сошлись у переносицы.

— Хорошо, — быстро согласился Пу-старший. — Толпа готова — не стоит тратить силы на меня, сынок.

Тут кто-то вцепился в мой локоть, и тоненький голос произнес — очень вежливо:

— Простите за беспокойство, могу я задать вам вопрос?

Это оказался худенький типчик с блокнотом в руке.

— Что ж, — ответил я столь же вежливо, — валяйте, мистер.

— Меня интересует, как вы себя чувствуете, вот и все.

— О, прекрасно, — сказал я. — Как это любезно с вашей стороны. Надеюсь, вы тоже в добром здравии, мистер?

Он с недоумением кивнул:

— В том-то и дело. Просто не могу понять. Я чувствую себя превосходно.

— Почему бы и нет? — удивился я. — Чудесный день.

— Здесь все чувствуют себя хорошо, — продолжал худенький, будто не слыша. — Не считая естественных отклонений, народ собрался вполне здоровый. Но, думаю, не пройдет и пары минут...

Он взглянул на свои часы.

И тут кто-то гвозданул меня молотком прямо по макушке.

Нас, Хогбенов, хоть целый день по башке молоти — уж будь спок. Попробуйте — убедитесь. Коленки, правда, дрогнули, но через секунду я уже был в порядке и обернулся, чтобы посмотреть, кто же меня стукнул.

И ни души. Но, боже, как мычала и стонала толпа! Обхватив головы руками, все они, отпихивая друг друга, рвались к грузовику. А тот приятель раздавал бутылки с такой скоростью, что только поспевал хватать деньги.

Глаза у худенького полезли на лоб, что у селезня в грозу.

— О, моя голова! — простонал он. — Ну, что я вам говорил?! О, моя голова!

И он заковылял прочь, роясь в карманах.

У нас в семье я считаюсь не шибко умным, но провалиться мне на этом месте, если я тут не сообразил, что дело нечисто! Я не простофиля, что бы там ни говорила Ма.

— Колдовство, — подумал я совершенно спокойно. — Никогда бы не поверил, но это настоящее заклятие. Каким образом...

Тут я вспомнил Лили Лу Матц. И мысли дядюшки Лема. И передо мной — как это говорят? — задребезжал свет. Проталкиваясь вперед, я решил, что больше помогать дядюшке Лему не буду; уж слишком мягкое у него сердце — и мозги тоже.

— Нет-нет, — твердил он. — Ни за что!

— Дядя Лем, — окликнул я.

— Сонк!

Он покраснел, и позеленел, и вообще всячески выражал свое негодование, но я-то чувствовал, что ему полегчало.

— Сказано тебе было — не ходи за мной! — прохрипел он.

— Ма велела мне не спускать с тебя глаз, — ответил я. — Я пообещал, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещаний. Что здесь происходит, дядя Лем?

— Ах, Сонк, все идет совершенно не так! — запричитал дядюшка Лем. — Взгляни на меня: вот стою я, с сердцем из чистого золота, а нет мне ни вздоха, ни продыха. Познакомься с мистером Эдом Пу, Сонк. Он меня хочет сгубить.

— Послушайте, Лем, — вмешался Эд Пу. — Вы же знаете, что это неправда. Я добиваюсь осуществления своих прав, вот и все. Рад познакомиться с вами, молодой человек. Еще один Хогбен, я полагаю. Может быть, вы могли бы уговорить вашего дядю...

— Простите, что перебиваю, мистер Пу, — сказал я по-настоящему вежливо, — но лучше объясните по порядку.

Он прокашлялся и важно выпятил грудь. Видать, в охотку ему было поговорить об этом. Должно быть, чувствовал себя большой шишкой.

— Не знаю, были ль вы знакомы с моей незабвенной покойной женой, ах, Лили Лу Матц, — начал он. — Вот наше дитя, Младший. Прекрасный малый. Как жаль, что не было у нас еще восьмерых или десятерых таких же. — Он глубоко вздохнул. — Что ж, жизнь есть жизнь. Мечтал я рано жениться и украсить старость заботами детей... А Младший — последний из славной линии. И я не хочу, чтобы она оборвалась.

Тут Пу эдак взглянул на дядюшку Лема. Дядюшка Лем поежился.

— Не собираюсь, — все же петушился он. — Вы меня не заставите.

— Посмотрим, — угрожающе проговорил Эд Пу. — Возможно, ваш юный родственник окажется благоразумнее. Должен предупредить: я мало-помалу набираю силу в этом штате, и все будет так, как я скажу.

— Па, — квакнул вдруг Младший, — они стихают, па. Дай я им двойную закачу, а, па? Спорим, что смогу уложить парочку. А, па?

Эд Пу собрался было снова погладить своего шалопая, но вовремя передумал.

— Не перебивай старших, сынок, — попросил он. — Папочка занят. Занимайся своим делом и умолкни. — Эд оглядел стонущую толпу. — Добавь-ка тем, у грузовика, чтоб живее покупали. Береги силы, Младший. У тебя растущий организм.

Он снова повернулся ко мне.

— Одаренный парень, — заметил старик по-настоящему гордо. — Сам видишь. Унаследовал это от дорогой нашей усопшей мамочки, Лили Лу. Я уже говорил о ней. Да, так вот, хотел я жениться молодым, но как-то все дело до женитьбы не доходило, и довелось уже в расцвете сил. Никак не мог найти женщину, которая посмотрела бы... то есть никак не мог найти подходящую пару до того дня, как повстречал Лили Лу Матц.

— Понимаю.

Действительно, я понимал. Немало, должно быть, исколесил он в поисках той, которая согласилась бы взглянуть на него второй раз. Даже Лили Лу, несчастная душа, небось долго думала, прежде чем сказать «да».

— Вот тут-то, — продолжал Эд Пу, — и замешан ваш дядюшка. Вроде бы он научил Лили Лу ворожить.

— Никогда! — завопил дядюшка Лем. — А если и так, откуда я знал, что она выйдет замуж и родит ребенка?! Кто мог подумать...

— Он наделил ее колдовством, — повысил голос Эд Пу. — Да только она мне в этом призналась, лежа на смертном одре, год назад. Ух и поколотил бы я ее за то, что держала меня в неведении все это время!

— Я хотел лишь защитить ее, — быстро вставил дядюшка Лем. — Ты же знаешь, что я не вру, Сонки, мальчик. Бедняжка Лили Лу была так страшна, что люди подчас кидали в нее чем попало, прежде чем успевали взять себя в руки. Мне было так ее жаль! Эх, Сонки, как долго я сдерживал добрые намерения! Но из-за своего золотого сердца я вечно попадаю в передряги. И однажды до того растрогался, что научил ее накладывать заклятия. Так поступил бы каждый, Сонк!

— Как это ты сделал?

Мне было действительно интересно. Кто знает, иной раз пригодится.

Он объяснял страшно туманно, но я сразу усек, что все устроил один его приятель по имени Ген Хромосом. А эти альфа-волны, про которые дядюшка распространялся, — так кто ж про них не знает? Небось каждый видел: ма-ахонькие волночки, мельтешащие туда-сюда. У Деды порой по шести сотен разных мыслей бегают — по узеньким таким извилинам, где мозги находятся. У меня аж в глазах рябит, когда он размыслится.

— Вот так, Сонк, — закруглился дядюшка Лем. — А этот змееныш получил все в наследство.

— А что б тебе не попросить этого друга, Хромосома, перекроить Младшего на обычный лад? — поинтересовался я. — Это же очень просто.

Я сфокусировал на Младшем глаза, по-настоящему резко, и сделал эдак... Ну, знаете, так, когда надо заглянуть в кого-нибудь.

Ясное дело, я сообразил, что имел в виду дядюшка Лем. Крохотулечки-махотулечки Лемовы приятели, цепочкой держащиеся друг за друга, и тоненькие малюсенькие палочки, шныряющие в клетках, из которых сделаны ну абсолютно все — кроме, может быть, Крошки Сэма, нашего младшенького.

— Дядя Лем, — сказал я, — ты тогда засунул вот те палочки в цепочку вот так. Почему бы сейчас не сделать наоборот?

Дядюшка Лем укоризненно покачал головой.

— Дубина ты стоеросовая, Сонк. Ведь я же при этом убью его, а мы обещали Деду — больше никаких убийств!

— Но дядюшка Лем! — не выдержал я. — Кошмар! Этот змееныш всю свою жизнь будет околдовывать людей!

— Хуже, Сонк, — проговорил бедный дядюшка, чуть не плача. — Эту способность он передаст своим детям!

Уж будьте уверены — мрачноватая перспектива. Но потом я рассмеялся.

— Успокойтесь, дядя Лем. Не стоит волноваться. Взгляни на эту жабу. Ни одна женщина к нему и близко не подойдет. Чтоб он женился?! Да ни в жисть!

— А вот тут ты ошибаешься, — оборвал Эд Пу по-настоящему громко. Он весь прямо кипел. — Не думайте, что я ничего не слышал. И не думайте, что я забуду, как вы отзывались о моем ребеночке. Это вам с рук не сойдет. Мы с ним далеко пойдем. Я уже олдермен, а на той неделе откроется вакансия в сенате — если только один старый плешак не крепче, чем кажется. Я предупреждаю тебя, юный Хогбен: ты и вся твоя семья будете отвечать за оскорбления! Нас, Пу, трудно понять. Души наши слишком глубоки, я полагаю. Но у нас есть своя честь. Я в лепешку расшибусь, но не позволю исчезнуть фамильной линии. Вы слышите, Лемуэль?

Дядюшка Лем лишь плотно закрыл глаза и быстро закачал головой.

— Нет, — выдавил он, — я не соглашусь. Никогда, никогда, никогда...

— Лемуэль, — дурным тоном произнес Эд Пу. — Лемуэль, вы хотите, чтобы я спустил на вас Младшего?

— О, это бесполезно, — заверил я. — Хогбена нельзя околдовать.

— Ну... — замялся он, не зная, что придумать, — хм-м... вы мягкосердечные, да? Пообещали своему дедуленьке, что никого не убьете? Лемуэль, откройте глаза и посмотрите на улицу. Видите эту симпатичную старушку с палочкой? Что вы скажете, если благодаря Младшему она сейчас откинет копыта?!

Дядюшка Лем еще крепче сжал глаза.

— Или вон та фигуристая дамочка с младенцем на руках. Взгляните-ка, Лемуэль. Ах какой прелестный ребенок! Младший, приготовься. Нашли для начала на них бубонную чуму. А потом...

— Дядюшка Лем, — неуверенно промолвил я, — не знаю, что скажет Деда. Может быть...

Дядюшка Лем внезапно выпучил глаза и безумным взглядом уставился на меня.

— Что же делать, если у меня сердце из чистого золота?! — воскликнул он. — Я такой хороший, и все этим пользуются. Так вот — мне наплевать. Мне на все наплевать!

Тут он весь вытянулся, окостенел и шлепнулся лицом на асфальт, твердый, как кочерга.

3. НА ПРИЦЕЛЕ

Как я ни волновался, нельзя было не улыбнуться. Я-то понял, что дядюшка Лем просто заснул: он всегда так поступает, стоит лишь запахнуть жареным. Па, кажись, называет это кота-ле-пснией, но коты и псы спят не так крепко.

Когда дядюшка Лем грохнулся на асфальт, Младший испустил вопль радости и, подбежав к нему, ударил ногой по голове. Просто не мог спокойно смотреть на лежащего и беспомощного.

Ну, я уже говорил: мы, Хогбены, крепки головой. Младший взвизгнул и затанцевал на одной ноге, обхватив другую руками.

— И заколдую же я тебя! — завопил он дядюшке Лему. — Ну, я тебе, я тебе...

Он набрал воздуха, побагровел и...

Па потом пытался мне объяснить, что произошло, и понес какую-то ахинею о дезоксирибуноклеиновой кислоте, каппа-волнах и микровольтах. Надо знать Па. Ему же лень рассказывать все на обычном языке, знай крадет эти дурацкие слова из чужих мозгов.

А на самом деле случилось вот что. Вся ярость этого гаденыша, припасенная для толпы, жахнула дядюшку Лема

прямо, так сказать, в темечко. Он позеленел буквально на наших глазах.

Одновременно наступила гробовая тишина. Я удивленно огляделся и понял, что произошло.

Стенания и рыдания прекратились. Люди прикладывались к своим бутылочкам, облегченно потирали лбы и слабо улыбались. Все колдовство Младшего ушло на дядюшку Лема, и, естественно, головная боль исчезла.

— Что здесь случилось? — раздался знакомый голос. — Человек потерял сознание? Почему вы не оказываете ему помощь? Эй, позвольте, я врач...

Это был тот самый худенький добряк. Он тоже посасывал из бутылки, пробиваясь к нам сквозь толпу, но блокнот уже спрятал. Заметив Эда Пу, он вспыхнул.

— Это вы, олдермен Пу? Как получается, что вы вечно оказываетесь замешанным в странных делах? И что вы сделали с этим беднягой? По-моему, на сей раз вы зашли слишком далеко.

— Ничего я ему не сделал, — прогнусавил Эд Пу. — Пальцем его не тронул. Последите за своим языком, доктор Браун, а не то пожалеете. Я не последний человек в здешних краях.

— Вы только посмотрите! — вскричал доктор Браун, вглядываясь в дядюшку Лема. — Он умирает! Эй, кто-нибудь, вызовите «скорую помощь», быстро!

Дядюшка Лем снова менялся в цвете. Я знал, что происходит, и даже немного посмеялся про себя. В каждом из нас постоянно копошатся целые орды микробов, вирусов и прочих разных крохотулечек. Заклятие Младшего страшно раззадорило всю эту ораву, и пришлось взяться за работу другой компании, которую Па обзывает антителами. Они вовсе не такие хилые, как кажутся, просто очень бледные от рождения.

Когда в ваших внутренностях заваривается какая-нибудь каша, эти друзья сломя голову летят туда, на поле боя. И такие там драки разгораются — вам и привидеться не может!

Наши, хогбеновские, крошки кого хошь одолеют. Они так яро бросились на врага, что дядюшка Лем прошел все

цвета, от зеленого до бордового, а большие желтые и синие пятна показывали на очаги сражений. Дядюшке Лему хоть бы хны, но вид у него был нездоровый, будь спок!

Худенький доктор присел и пощупал пульс.

— Итак, вы своего добились, — произнес он, подняв глаза на Эда Пу. — Не знаю, как вас угораздило, но у бедняги, похоже, бубонная чума. Теперь вы с вашей обезьяной так не отделаетесь.

Эд Пу только рассмеялся. Но я видел, как он бесится.

— Не беспокойтесь обо мне, доктор Браун, — процедил он. — Когда я стану губернатором — а мои планы всегда сбываются, — ваша любимая больница, которой вы так гордитесь, не получит ни гроша из федеральных денег! Хорошенькое дельце! Ничего валяться без толку, вставай и иди! Вот что я вам скажу. Мы, Пу, никогда не болеем. Я найду лучшее применение деньгам в своем штате!

— Где же «скорая помощь»? — как будто ничего не слыша, поинтересовался доктор.

— Если вы имеете в виду большую длинную машину, производящую много шума, — ответил я, — то она в трех милях отсюда, но быстро приближается. Однако дядюшке Лему не нужна никакая помощь. Это у него просто приступ. Чепуха.

— Боже всемогущий! — воскликнул доктор, глядя вниз на дядюшку Лема. — Вы хотите сказать, что с ним такое случалось раньше, и он выжил?! — Тогда он посмотрел вверх на меня и неожиданно улыбнулся. — А, понимаю, боитесь больницы? Не волнуйтесь, мы не сделаем ему ничего плохого.

Я малость соврал, потому что больница — не место для Хогбена. Надо что-то предпринимать.

«Дядя Лем! — заорал я, только про себя, а не вслух. — Дядя Лем, быстро проснись! Деда спустит с тебя шкуру и приколотит к двери амбара, если ты позволишь увезти себя в больницу! Или ты хочешь, чтобы у тебя нашли второе сердце?! Или то, как скрепляются у тебя кости? Дядя Лем! Вставай!!»

Напрасно... Он и ухом не повел.

Вот тогда я по-настоящему начал пугаться. Дядюшка Лем впутал меня в историю. Ну как тут быть? Я, в конце концов, еще совсем молодой. Стыдно сказать, но раньше Великого пожара в Лондоне ничего не помню.

— Мистер Пу, — заявил я, — вы должны отозвать Младшего. Нельзя допустить, чтобы дядюшку Лема упекли в больницу.

— Давай, Младший, вливай дальше, — гнусно ухмыльнулся Эд Пу. — Мне надо потолковать с юным Хогбеном.

Желтые и синие пятна на дядюшке Леме позеленели по краям. Доктор аж рот раскрыл, а Эд Пу ухватил меня за руку и отвел в сторону.

— По-моему, ты понял, чего мне надо, Хогбен. Я хочу, чтобы Пу были всегда. Я хочу быть уверен, что мой род не вымрет. У меня у самого была масса хлопот с женитьбой, и сынуле моему будет не легче. У женщин в наши дни совсем нет вкуса. Сделай так, чтобы наш род имел продолжение, и я заставлю Младшего снять заклятие с Лемуэля.

— Но если не вымрет ваша семья, — возразил я, — тогда вымрут все остальные, как только наберется достаточно Пу.

— Ну и что? — усмехнулся Эд Пу. — И мы не лыком шиты. — Он поиграл бицепсом. — Не беда, если такие славные люди заселят землю. И ты нам в этом поможешь, юный Хогбен!

— О нет, — забормотал я. — Нет! Даже если бы я знал как...

Из-за угла раздался страшный вой, и толпа расступилась, давая дорогу машине. Из нее выскочила пара типов в белых халатах с какой-то койкой на палках. Доктор Браун с облегчением поднялся.

— Я уж думал, вы никогда не приедете, — вздохнул он. — Этого человека необходимо поместить в карантин. Одному богу известно, что мы обнаружим, начав его обследовать. Дайте-ка мне стетоскоп. Что-то у него не то с сердцем...

Скажу вам прямо, у меня душа в пятки ушла. Мы пропали — все мы, Хогбены. Как только эти доктора и ученые про нас пронюхают — не будет нам ни житья, ни покоя до скончания века нашего!

А Эд Пу уставился на меня с гнусной усмешкой.

— Беспокоишься? И не зря. Знаю я вас, Хогбенов. Все вы колдуны. А попадет он в больницу?.. Нет такого закона, чтоб не как все быть. Тебе на раздумье меньше минуты, юный Хогбен. Ну, что скажешь?

А что я мог сказать? Ведь не мог я пообещать выполнить его просьбу, правда? У нас, Хогбенов, есть кое-какие важные планы на будущее, когда все люди станут такими, как мы. Но если к тому времени на Земле будут одни Пу, то и жить не стоит. Я не мог сказать «да».

Но я не мог сказать и «нет».

Как ни верти, дело, похоже, швах.

Оставалось только одно. Вздохнул я поглубже, закрыл глаза и отчаянно закричал, только в голове:

— Де-да!!!

«Да, мой мальчик?» — отозвался глубокий голос у меня внутри. Деда был в доброй сотне миль от меня и спал. Но когда Хогбен зовет так, он вправе получить ответ, причем быстро. И я его получил.

Вообще-то Деда имеет обыкновение битых полчаса задавать пространные вопросы и, не слушая ответов, читать длиннющие морали на разных мертвых языках. Но тут он сразу понял, что дело нешуточное.

«Да, мой мальчик», — все, что он сказал.

Времени почти не оставалось, и я просто широко распахнул перед ним свой мозг. Доктор уже вытаскивал какую-то штуковину, чтобы прослушать дядюшку Лема, а стоит ему услышать бьющиеся в разнобой сердца, как всем нам, Хогбенам, каюк.

Молчание тянулось ужасно долго. Док вставлял в уши маленькие черные трубочки. Эд Пу пожирал меня глазами, как коршун. Младший багровел и надувался все больше, постреливая злыми глазками в поисках новой жертвы.

Деда вздохнул.

«Мы у них в руках, Сонк. — Я даже удивился, что Деда может выражаться на обычном языке, если захочет. — Скажи, что мы согласны».

«Но, Деда...»

«Делай, как я велел! — У меня аж в голове зашумело, так твердо он приказал. — Быстро, Сонк! Скажи Пу, что мы принимаем его условия».

Я не посмел ослушаться. Но впервые усомнился в правоте Дедули. Возможно, и Хогбены в один прекрасный день выживают из ума, и Деда подошел к этому возрасту.

Но вслух я сказал:

— Хорошо, мистер Пу, ваша взяла. Снимайте заклятие. Живо, пока еще не поздно.

4. ПУ ГРЯДУТ

У мистера Пу был длинный желтый автомобиль с открытым верхом. Он шел ужасно быстро. И ужасно шумно.

Господи, сколько я с ними возился, уговаривая поехать к нам! Так велел Деда.

— Откуда мне знать, что вы не прикончите нас в вашей дикой глуши? — волновался мистер Пу.

— Я могу прикончить вас где захочу, — успокоил я. — И прикончил бы, да Деда запретил. Вы в безопасности, мистер Пу. Слово Хогбена никогда не нарушалось.

Дядюшку Лема после долгих споров с доктором погрузили в багажник. Этот упрямец так и не проснулся, когда Младший снял с него заклятие, но кожа его мгновенно порозовела. Док никак не мог поверить, хотя все произошло у него на глазах. Мистеру Пу пришлось чертовски долго ругаться и угрожать, прежде чем мы уехали. А док так и остался сидеть на мостовой, что-то бормоча и ошарашенно потирая лоб.

Когда мы подъехали к дому, вокруг не было ни души. Я слышал, как ворчит и ворочается Деда в своем мешке на чердаке, а Па сделался невидимым и даже не отозвался, до того был пьян. Малыш спал. Ма была еще в церкви, и Деда велел ее не трогать.

«Мы управимся вдвоем, Сонк, — сказал он, как только я вылез из машины. — Я тут пораскинул мозгами. Ну-ка тащи те сани, на которых ты нынче молоко сквашивал!»

Я сразу усек, что он в виду имеет.

— О нет, Деда! — выпалил я по-настоящему вслух.

— С кем это бы болтаешь? — подозрительно спросил Эд Пу, выбираясь из машины. — Я никого не вижу. Это твой дом? Порядочное дерьмо. Держись ближе ко мне, Младший. Этому народу доверять нельзя.

«Бери сани! — прикрикнул Деда. — Я все продумал. Зашвырнем их подальше, в самое прошлое!»

«Но, Деда, — взвыл я, только теперь про себя. — Надо все обсудить. Давай посоветуемся с Ма. Да и Па, когда трезв, неплохо соображает. Может, подождем, пока он очухается?»

Больше всего меня беспокоило, что Деда говорит на обычном языке, чего в нормальном состоянии никогда с ним не случалось. Я опять подумал, что, видно, годы берут свое и Деда повредился головой.

«Неужели ты не видишь, — продолжал я, стараясь говорить спокойно, — если мы забросим их сквозь время и выполним обещание, все будет в миллион раз хуже. Или мы их обманем?»

«Сонк!»

«Знаю. Если мы обещали, что род Пу не исчезнет, то уж будь спок. Они будут размножаться с каждым поколением. Через пять секунд после того, как мы зашвырнем их в прошлое, весь мир превратится в Пу!»

«Умолкни, паскудный нечестивец! Ты предо мной что червь несчастный, копошащийся во прахе! — взревел Деда. — Немедленно веление мое исполни, неслух!»

Я почувствовал себе немного лучше и вытащил сани. Мистер Пу по этому поводу затеял перебранку.

— Сызмальства не ездил на санях, — сварливо сказал он. — Чего это вдруг? Здесь что-то не так. Нет, не пойдет.

Младший попытался меня укусить.

— Мистер Пу, — заявил я. — Делайте, что я скажу, иначе у вас ничего не получится. Садитесь. Младший, здесь и для тебя есть местечко. Вот так.

— А где твой старый хрыч? — засомневался Пу. — Ты ведь не собираешься все делать сам? Такой неотесанный чурбан... Мне это не нравится. А если ты ошибешься?

— Мы дали слово, — напомнил я ему. — А теперь сидите тихо и не отвлекайте меня. Может быть, вы уже не желаете продолжения рода Пу?

— Да-да, вы обещали, — бормотал он, устраиваясь, — теперь выполняйте...

«Ну хорошо, Сонк, — произнес Деда с чердака. — Смотри и учись. Сфокусируй глаза и выбери ген. Любой ген».

Хоть и чувствовал я себя не в своей тарелке, а все же меня любопытство заело. Уж коли за дело берется Деда...

Так вот, значит, там было полным-полно страшно маленьких изогнутых шмакодявок — генов. Они прямо-таки неразлучны со своими корешами, жуть какими худющими — хромосомами зовутся. Куда бы вы ни взглянули, всюду увидите эту парочку — если, конечно, прищурите глаза, как я.

«Достаточно хорошей дозы ультрафиолета, — пробормотал Деда. — Сонк, ты ближе».

Я сказал: «Хорошо», — и как бы эдак повернул свет, падающий на Пу сквозь листья. Ультрафиолет — это на другом конце линии, где цвета не имеют названий для большинства людей.

Гены начали шебуршиться в такт световым волнам. Младший проквакал:

— Па, мне щекотно.

— Заткнись, — буркнул Эд Пу.

Деда что-то пробормотал сам себе. Готов биться об заклад, что такие мудреные слова он стащил из головы профессора, которого мы держим в бутылке. А впрочем, кто его знает. Может, он первый их и придумал.

«Наследственность, мутации... — бурчал он. — Гм-м. Примерно шесть взрывов гетерозиготной активности... Готово, Сонк, кончай».

Я развернул ультрафиолет назад.

«Год Первый, Деда?» — спросил я, все еще сомневаясь.

«Да, — изрек Деда. — Не медли боле, отрок».

Я нагнулся и дал им необходимый толчок.

Последнее, что я услышал, был крик мистера Пу.

— Что ты делаешь? — свирепо орал он. — Что ты задумал? Смотри мне, юный Хогбен!.. Хогбен, предупреждаю,

если это какой-то фокус, я напущу на тебя Младшего! Я наложу такое заклятие, что даже ты-ы-ы!..

Вой перешел в писк не громче комариного, все тоньше, все тише, и исчез.

Я весь напрягся, готовый, если смогу, не допустить своего превращения в Пу. Эти крохотные гены — продувные бестии!

Ясно, что Деда совершил кошмарную ошибку. Знать не знаю, сколько лет назад был Год Первый, но времени предостаточно, чтобы Пу заселили всю планету. Я приставил два пальца к глазам, чтобы растянуть их, когда они начнут выпучиваться и сближаться, как...

— Ты еще не Пу, сынок, — произнес Деда, посмеиваясь. — Видишь их?

— Не-а, — ответил я. — А что там происходит?

— Сани останавливаются... остановились. Да, это Год Первый. Взгляни на мужчин и женщин, высыпавших из своих пещер, чтобы приветствовать новых товарищей. Ой-ой-ой, какие широкие плечи у этих мужчин... И ох! Только посмотри на женщин. Да Младший просто красавчиком среди них ходить будет! За такого любая пойдет.

— Но, Деда, это же ужасно! — воскликнул я.

— Не прерывай старших, Сонк, — закудахтал Деда. — А вот Младший пускает в ход свои способности. Какой-то ребенок схватился за голову. Мать ребенка посылает Младшего в нокдаун. А теперь папаша взялся за Пу-старшего. Ого-го, какая схватка!.. Да, о семействе Пу позаботятся!

— А как насчет нашего семейства? — взмолился я, чуть не плача.

— Не беспокойся. О нас позаботится время. Подожди... Гм-м. Поколение — вовсе не много, когда знаешь, как смотреть. Ай-ай-ай, что за мерзкие уродины — эти десять отпрысков Пу! Почище своего папули. А вот каждый из них вырастает, обзаводится семьей и, в свою очередь, имеет десять детей. Приятно видеть, как выполняется мое обещание, Сонк.

Я лишь простонал.

— Ну хорошо, — решил Деда, — давай перепрыгнем через пару столетий. Да, они здесь и усиленно размножаются. Фамильное сходство превосходное! Еще тысячу лет. Древняя Греция! Нисколько не изменились! Помнишь, я говорил, что Лили Лу напоминает мою давешнюю приятельницу по имени Горгона? Неудивительно!

Он молчал минуты три, а потом рассмеялся.

— Бах! Первый гетерозиготный взрыв. Начались изменения.

— Какие изменения, Деда? — упавшим голосом спросил я.

— Изменения, доказывающие, что твой старый дедушка не такой уж осел, как ты думал. Я знаю, что делаю. Смотри, какие мутации претерпевают эти маленькие гены!

— Так, значит, я не превращусь в Пу? — обрадовался я. — Но, Деда, мы обещали, что их род продлится.

— Я сдержу свое слово, — с достоинством молвил Деда. — Гены сохранят их фамильные черты тютелька в тютельку. Вплоть... — Тут он рассмеялся. — Отбывая в Год Первый, они собирались наложить на тебя заклятие. Готовься.

— О боже! — воскликнул я. — Их же будет миллион, когда они попадут сюда. Деда! Что мне делать?

— Держись, Сонк, — без сочувствия ответил Деда. — Миллион, говоришь? Что ты, гораздо больше!

— Сколько же? — спросил я.

Он начал говорить. Вы можете не поверить, но он до сих пор говорит. Вот их сколько!

В общем, гены поработали на совесть. Пу остались Пу и сохранили способность наводить порчу. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что они в конце концов завоевали весь мир.

Но могли быть и хуже. Пу могли сохранить свой рост. А они становились все меньше, и меньше, и меньше. Их гены получили такую взбучку от гетерозиготных взрывов, подстроенных Дедулей, что вконец спятили и думать позабыли о размере. Этих Пу можно назвать вирусами — что-то вроде гена, только порезвее.

И тут они до меня добрались.

Я чихнул и услышал, как чихнул сквозь сон дядюшка Лем, лежащий в багажнике желтой машины. Деда все бубнил, сколько именно Пу взялось за меня в эту минуту, и обращаться к нему было бесполезно. Я по-особому прищурил глаза и посмотрел прямо в свой чих, чтобы узнать, что меня щекотало...

Вы никогда в жизни не видели столько Пу! Да, это настоящая порча. По всему свету эти Пу насылают порчу на людей, на всех, до кого только могут добраться.

Говорят, что даже в микроскоп нельзя рассмотреть некоторых вирусов. Представляю, как переполошатся все эти прохфессоры, когда наконец увидят крошечных злобных дьяволов, уродливых, как смертный грех, с близко посаженными выпученными глазами, околдовывающих всех, кто окажется поблизости.

Деда с Геном Хромосомом все устроили наилучшим образом. Так что Младший Пу уже не сидит у меня, если можно так выразиться, занозой в шее.

Зато, должен признаться, от него страшно дерет горло.

Фантастика тут ни при чем, так было и есть. Государственная машина лепит из человека то, что хочет, меняются лишь инструменты лепки. Толпа послушна власти, быдло готово на все. Тебе объяснят, как нужно себя вести, чтобы правильно проголосовать. Или обеспечить свою безопасность... И чиновники, от греха подальше, уже прекращают шушукаться на кухне.

Дж. Уайл
ИНФОРМАФИЯ
Откровения бесполого мечтателя

1. Общий план

К четырем часам все было готово: статисты прибыли, камеры и микрофоны установлены, прочий реквизит размещен. Съемочные группы укрыты на своих местах, будто черви в тухлом мясе. Ни один оператор, ни один объектив не должны быть видны — можно загубить все представление. Совершенство — вот наш единственный закон.

Передача пойдет в лучшие часы — с семи до девяти. Кульминация лягнет зрителей, словно разъяренный мул, в момент наивысшего накала чувств. Разжигать страсти — дело Артура Бронштейна. Артур — ведущий программы, связующая константа в наших уравнениях. Не один час он провел, накладывая пепельно-серый грим. Его лицо — мрачная траурная маска, каким-то образом не высветленная слепящим светом юпитеров. На экране, в драматической обстановке, он будет выглядеть оцепеневшим от ужаса, обескровленным, пораженным до глубины души. Никогда не видел, чтобы Артур смазал реплику или допустил ошибку. Он не колеблется, не запинается, всегда находит что сказать.

Сенатор Дуглас Уэстлейк приехал рано утром. Высокий, с прямой осанкой, начинающий седеть, подобно Артуру, только

на экране сенатор будет выглядеть благороднее и величественнее, преисполненным достоинства. Как и подобает кандидату на пост президента. Мы выделяем такие черты его характера, как спокойствие и серьезность, зиждущиеся, однако, на юморе и оптимизме. Объединенная Телерадиокомпания готовила Уэстлейка к роли пять лет. Близилось начало передачи, но никаких следов напряжения или тревоги не проявлялось на его мужественном лице. Гипноз. Мы не стремимся к излишней жестокости. Это его последний выход.

Миссис Уэстлейк находилась, естественно, с ним рядом. Марсия Уэстлейк — сильная, решительная женщина, надежная подруга. Она привлекательна не броской красотой — ее образ задуман значительно шире. Он должен затронуть самые глубокие семейные струны в душах зрителей, потому что сразу после трагедии именно Марсия послужит эмоциональным фокусом. Нам нужен не просто символ, а стальная женщина, человек несгибаемой воли. Нагнетаемая атмосфера напряжения и истерии направлена на нее. Она — та точка опоры, которая требуется нашему рычагу; личность, которая в глазах публики воплотит само страдание. Позже она станет орудием, с помощью которого мы сдвинем и перевернем мир.

В гараже стоял лимузин, изумительная машина, «континенталь» с откидным верхом. Его сдвоенные турбины тихо урчали. Мощный, солидный, благородный автомобиль, достойный своей роли. Темно-синий, сверкающий, как грозовое небо.

Я — режиссер. В кабинете, укрытом в недрах безучастной громадины Объединенной ТРК, я планирую сражения, определяю стратегию, строю тактику, даю сигнал для начала битвы. Вся ответственность на мне; я отвечаю за провал, я пожинаю плоды успеха. Для зрителей я ничтожество, ноль, неприметное имя в титрах передачи или в конце выпуска известий. Им неведомы глаза, которыми они видят правду, — глаза, лишенные цвета, глаза, лишенные лица.

Город — Финикс. Финикс, взметнувшийся в пустыне лесом серебристых кактусов. Финикс, спокойный и рациональный, чистый и благородный, встающий под знойным ветром совершенным оазисом хрустальных шпилей — ме-

дицинских игл, острых и стерильных. Финикс, чудовище, растущее на продуктах собственного разложения, дерзкое, надменное, жестокое.

Финикс — идеальное место действия.

II. Завязка

Автомобильный кортеж двинется ровно в шесть. День мы провели в неспешных приготовлениях. Времени хватало на все с избытком. Пять лет мы ждали этого момента. Мы предусмотрели все возможные ошибки — и ошибки были исключены. По сценарию требовалась гигантская возбужденная толпа; все, занятые в массовке, находились уже на месте, получали последние наставления от девушек из административной и сценарной групп. Заняли позиции местные комментаторы; я со своего командного пункта лично буду наблюдать за их работой. Интервьюеры ждали занавеса. Последняя речь избирательной кампании, сообщали мы, не останется незамеченной. Чтобы удовлетворить потребность, порой эту потребность необходимо создавать — и мы рекламировали сами себя. Реклама потворствует невыявленному спросу. Реклама рождает бум; если зрители не знают, что важно, скажите им — они поверят.

Сенатор Уэстлейк с супругой взлетели на ракетоплане в пять. Они сделают один виток и спустятся к Финиксу. Эдди, наш бутафорщик, подготовил настоящее чудо; ракетоплан, известный всем как официальный транспорт сенатора во время избирательной кампании (каждый выход на сцену должен быть величественным), сверкал зеркальным серебром, центр тяжести опоясывали яркие красные буквы с желтой окантовкой. Корабль новейшей модели — не стандартная стальная труба; приземистый, овальной формы, предполагающий силу и незыблемость. Надежный и гордый, идеально соответствующий образу сенатора Уэстлейка.

Я наблюдал за его посадкой в аэропорту Финикса ровно в 5.50. Корабль плавно опускался на хищном термоядерном факеле, подобно прекрасной серебряной пуле, которая вот-вот скользнет в ствол винтовки. Солнце расплыв-

шимся желтым шаром сверкало на зеркальном корпусе. Об освещении мы позаботились заранее, его хватит и на приземление, и на трагедию. Посадка оказалась еще более эффектной, еще более захватывающей дух, чем мы планировали, — индекс эмоциональности подскочил к верхней границе допустимых значений. На первой стадии движения автомобильного кортежа накал придется снизить, иначе мы выйдем за рамки предсказуемого. Я отдал распоряжения операторской группе и комментаторам. (Голоса комментаторов — словно тихие аккорды, сопровождающие торжественную тему Артура.)

Громадная пуля села на корму, изрыгнула пламя и застыла на долгие пятнадцать секунд. Быстрый взгляд на показания приборов, отсчитывающих индекс эмоциональности. Как только было достигнуто насыщение, я велел пилоту опустить трап. Из пустого чрева корабля выполз блестящий язык. Еще одна короткая пауза, и настало время выводить сенатора с сопровождающими лицами. Я дал сигнал и тут же увидел их на мониторе. Они стояли на трапе, приветливо махая и улыбаясь. Сенатор, жизнерадостный и энергичный. Миссис Уэстлейк в светло-голубом платье; смоляные с проседью волосы уложены в прическу «паж». Овации толпы на уровне пятнадцати децибелов, как и было запланировано. Приборы показывали оптимум, идеальное насыщение.

Я заговорил в микрофон:

— Отлично, сенатор, начинайте спускаться. Идите медленно, не проявляйте торопливости. На весь спуск по крайней мере двадцать секунд. Спокойно, с достоинством.

Он слышал меня через приемник, вживленный в кость за левым ухом. (Хирурги из команды Эдди, разумеется, не оставили шрама.) С улыбкой на лице, поддерживая правой рукой жену, сенатор стал спускаться по трапу. На нем темно-серый костюм и бордовая водолазка — здравый, рассудительный контраст жемчужному ожерелью и узкому, облегающему тело бледно-голубому платью Марсии. В густых мягких волосах поблескивала благородная седина. Он был красив.

Внизу сенатор остановился. Улыбка обнажала здоровые, ослепительно белые зубы, зубы сильного человека, руководителя. Их вставили наши лучшие стоматологи.

Показания приборов резко подскочили. Я бросил несколько слов в микрофон и увидел на экране монитора, как сенатор вежливо освобождается от окружения газетчиков и телекамер. В каждом его жесте сквозила искренность, ничего показного, нарочитого даже на бесстрастных голографических экранах. Надо быть истинным артистом, чтобы произвести такое впечатление самообладания и уверенности. Уэстлейк был истинным артистом.

Лимузин ждал у края поля. Он словно бы мчался, даже стоя на месте. Отраженный солнечный свет отливал металлическим блеском, синим, бездонно-небесным. Дредноут на колесах, неумолимый хищник, безжалостный убийца. Длинный капот, низкая крыша; его очертания струились, как полупрозрачные водоросли, ласкающие корпус стремительной подводной лодки. Императорский транспорт, экипаж властелина.

Прибывшие сели в машину. Но наши камеры не показали этого; современные боги должны быть свободны от унижения достоинства, от присущей простым смертным неуклюжести. Боги не сутулятся, им даже не подобает нагибаться — они скользят на крыльях или шествуют по воздуху, наши признанные кумиры.

Общий план издалека — синей волной потекла машина, белый бетон под струящейся сталью.

Вид сверху — автомобиль мчится по сверхскоростному шоссе в величественном одиночестве. Мы освободили шоссе полностью, вплоть до удаления осевой линии. Экипаж пулей летит по центру белого ковра, его очертания смазаны скоростью — и операторской работой.

В безупречно чистом небе сверкает солнце. Пустыня сверху и пустыня вокруг. Камера показывает «континенталь» на фоне лилового горизонта, следит за его продвижением к застывшей, жестокой красоте города. Камера со спутника передает увеличенный, слегка искаженный вид Финикса с высоты 1000 километров; сеть улиц, длинные тени башен,

такие же прямые и резкие, как сами башни, периодические вспышки солнечных бликов. Все это сквозь чуть мерцающую голубую дымку. Вид сверху перемежается видами неумолимой синей рапиры.

На самом деле машина двигалась не так уж быстро. Показания считывающих приборов, как и сценарий, требовали по меньшей мере пятнадцати минут, чтобы успели нарасти напряжение и смутное предчувствие. Когда они достигнут пика, их придержат и направят по нужному руслу; гребень волны, пенясь, разобьется и замрет. Ходом автомобиля управляли компьютеры, напрямую подключенные к приборам. Ошибки не будет.

Шоссе раскалывало город пополам. Камера с вертолета показывала, как оно идет от аэропорта до Площади, словно стрела, словно копье, словно трассирующая пуля, белая молния сквозь плоскую серую пустыню. От Площади автомобильный кортеж направится к Залу торжеств. Три мили пути. Требования к убранству Зала несущественны.

Машина въехала в город.

(Сублиминальные кадры: стрелы, поражающие цель, кинжалы, вонзающиеся в плоть.)

Я нервно взглянул на приборы. Показания пошли вверх; через двадцать минут мы оставим позади пики дневных передач и достигнем нашего первого плато. Индекс эмоциональности начнет превалировать над прочими параметрами. Мы транслируем на весь мир, для каждой временной зоны. Весьма опасный момент — любая ошибка снизит уровень интенсивности и погубит представление.

Звучит проникновенный голос Артура. Он еще не стал решающим фактором, но его значение будет расти. Артур — само Представление; тембр и интонации контролируют тончайшую сеть зрительских мыслей и чувств. Даже если зритель не обращает особого внимания на слова, его нервная система настраивается на восприятие малейших изменений окраски. Все, разумеется, продумано заранее. Здесь нет места импровизации.

Наступает очередь Эдди-бутафорщика. Когда машина вкатывается на Площадь и останавливается (толпа изливает

восторг, неистовствуют фотографы), Эдди нажимает на кнопку, и корпус «континенталя» меняет оттенок. Нельзя сказать, что цвет резко изменился, — это было бы слишком очевидно, слишком грубо. Изменяется коэффициент отражения/преломления, и свет, падающий на поверхность машины, поляризуется. Электрически возбужденные жидкие кристаллы под обшивкой автомобиля переориентируются таким образом, что отражается свет только низкочастотной части видимого спектра. Изменение в цвете вызывает перемену в настроении. Изменив тон от прозрачно-небесно-голубого до закатно-сумеречного, Эдди изменил настроение зрителей — от приподнятого и выжидающего до полного накала обнаженных нервов.

Крыша автомобиля откатывается назад. Приборы регистрируют резкий скачок во внимании. Превосходно — как планировалось. Теперь показания быстро растут. Интенсивность восприятия закручивается в вихрь, в циклон вовлеченности и эмпатии.

Подсознательно они уже готовы к тому, что должно произойти.

III. Кульминация

Семь часов. Показатель эмоциональности взмыл вверх, словно истребитель перед входом в пике. Считывающий компьютер восторженно изрыгал символы на люминесцентный экран; монитор показывал людские толпы, рабски плененные чарующей личностью Уэстлейка, — все мысли настроены на единую ноту. Не лица, а миражи, фокусы воздуха, раскаленного над жаровней пустыни. Наши камеры выхватывают их под сотней заранее вычисленных углов и ракурсов, дают общими и крупными планами, в движении и статике, изнутри и снаружи, как форму и как содержание. Передается великая драма; назревают великие и ужасные чувства. Мы создаем волны, которые с нарастающей силой формируются из моря сырых эмоций.

Сенатор и его супруга встают в машине. «Улыбайтесь!» — командую я, и они улыбаются. Улыбаются искренне, улыба-

ются честно, улыбаются любвеобильно, с видом очень, очень уверенных в себе людей. Просто они думают о другом. Актеры до мозга костей. До того мозга, что у них остался.

Толпа — океан, калейдоскоп лиц, рев восторга и обожания. Все идет по плану.

Башни Финикса — высокие, омраченные тенями. (На голографических экранах: оскаленные клыки лунных утесов, иглы в завороженные глаза.) Башни — гнездо, насест для хищной птицы. Финикс, пожирающий себя в смерче рождения. Финикс — вечно молодой. Финикс — осквернитель могил и обидчик сирот.

Я шепчу в микрофон, и в неистовом сплетении звука и цвета начинается парад. Автомобиль сенатора — лоснящийся бык, окруженный роем надоедливых крупных шершней — полицейских машин — и мелких мух — мотоциклистов. Толпа томится по быку. Во ртах — застоялый вкус крови. Перед глазами — древнее зрелище бойни, цирк Рима. Они голодны, и мы знаем, что им надо.

В меркнущем свете солнца сенатор с супругой смотрятся отлично, именно так, как нужно. Камера ловит уверенную, сдержанную улыбку. Наплыв: спокойные, холеные пальцы. Узду будут держать крепко. Ваша судьба в надежных руках. Великий Отец. Его облик в двух измерениях рисуется глубже и четче, чем лица зрителей — в трех. Они страждут. Они хотят его.

Хотят безумно.

Даю вид сверху: кортеж движется по идеальной прямой. Это наглядно демонстрирует камера на электровертолете. Она молча следит за плебеями и принцем. Во главе колонны доблестно и величаво движется синий лимузин, словно стальной наконечник стрелы. На флангах — рыцари, серебряные мотоциклисты. За «континенталем» — четыре полицейские машины бок о бок, фалангой, а затем вереница черных лимузинов поменьше — гарцующие кони сановников настоящих и будущих. Они неотличимы друг от друга и сливаются в темный фон. Фон, не более того, для гордой седой головы сенатора. Все внимание — на него. За лимузинами — еще мотоциклис-

ты; этих и вовсе уже почти не замечают. Позже они сыграют свою роль.

Артур говорит неторопливо, голос спокоен, безмятежен. Он знает свой текст, его неразрывную связь со сценарием. Артур промаха не допустит. Артур аккуратен.

Входит Эдди-бутафорщик и подмигивает мне.

— Все, конец, — шутит он. Эдди — отличный парень, любитель розыгрышей. Обожает иронию и юмор. — Я проверил аппаратуру пять раз.

Эдди не просто рубаха-парень — он тоже аккуратен.

— Для взрыва заряда необходимо замкнуть по отдельности три пары независимых контактов, — с улыбкой сообщает Эдди, откидывая волосы с дождливо-серых глаз. — Первые две — на станции в Нью-Йорке и на Би-би-си-2 в Лондоне. Там уже все готово. Остановка за нами.

Я смотрю на фигуру, заполняющую экран монитора. Сенатор приветливо машет рукой.

— Когда ты отведешь колпачок кнопки «Пуск», на пультах в Лондоне и в Нью-Йорке зажгутся зеленые лампочки. Там, у них, будет пятнадцать секунд, если потребуется дать задний ход. Потом компьютеры взведут взрывное устройство и отключат те пульты. Мы будем предоставлены сами себе.

— И можно нажимать на кнопку, — рассеянно заканчиваю я.

— Ага, — подтверждает Эдди. Он ухмыляется.

Отличный человек, отличный инженер. Отличная работа.

Приборы сыплют цифрами показателей. Мы достигли критической точки. Коэффициент эмоциональности застыл далеко наверху; он может пойти в обе стороны, но обязательно с выделением энергии. Голос Артура постепенно из мягкого баса переходит на резкий баритон. Действие на зрителей тщательно рассчитано, нервное напряжение вкрадывается в их души, сердца застывают. Изображения Артура на экране нет, но образ присутствует, незримо парит, подобно зловещему черному ворону. Таким голосом возвещают дурные известия — глас эпохи, четкий и траурный.

Эдди, закончив свою работу, блаженствует в кресле по ту сторону стеклянной перегородки. В стекле ухмыляется его отражение. На какую-то секунду у меня создается впечатление, что я не могу отличить отражение от человека. Наконец мне становится ясно, что это несущественно, главное — кого я принимаю за Эдди.

Я начинаю потеть. Эмоции — это, конечно, прекрасно, но они снижают эффективность; когда нервы сжаты в тугой комок, хорошей работы не жди. Мои ладони увлажняются. На мониторе все спокойно; сцена на экране тиха, чистая гладь воды, несмотря на бурлящее напряжение, на зарождающуюся мощь цунами. И меня увлекает его поток; не пловцы ли мы все, тонущие в созданном нами море?

Времени на философствования нет. События развиваются по нарастающей.

Камеры с разных углов дают Уэстлейка крупным планом. Крутой бледный лоб высится над серо-стальными глазами. Густые брови словно маленькие рога. Тонкая линия рта с затаенными морщинками смеха в уголках. Упрямый подбородок, прорезанный ровно пополам. Сильное, благородное, мужественное лицо.

Голос Артура:

— ...кортеж прошел полпути. Сенатор спокоен и уверен. Миссис Уэстлейк с явным удовольствием отвечает на приветствия публики; она улыбается и машет рукой, словно встреча предназначена ей. Марсия Уэстлейк не новичок. Она прошла с мужем шесть избирательных кампаний, от первых выборов на пост мэра, через борьбу за пост губернатора Филиппин до нынешней президентской дуэли. Говорят, что она — его «секретное оружие»...

Банальности сплетаются в гудящий фон. Приборы в апоплексических припадках выплевывают значки и цифры. Хаос индексов, вероятностей, прогнозов, немедленных и экстраполированных реакций. Компьютеры пяти крупнейших городов этого часового пояса изливают свои данные, а непрерывная череда текущих показаний выстраивает их в многозначительную голограмму. Лазерным лучом разрезает их хаос.

Я произношу это вслух, и Эдди смеется. Эдди — отличный парень. Но я не могу посмеяться вместе с ним. Экран вывода данных зло щерится, и я мрачно следую его рекомендациям. Сперва команда Артуру снизить тембр голоса. Потом распоряжение операторской группе давать больше драматических общих планов — общие планы нагнетают тревогу. (Зрители тоже знают правила.) А потом всерьез принимаюсь изучать показатели эмоциональности. Выбор момента зависит от меня. У сенатора остается меньше мили пути; его выход должен произойти в течение ближайших двух-трех минут, когда страсти накалены до предела, когда напряжение переходит в лихорадочный трепет. Черные крылья закрывают мифическое солнце, торжествуют дурные знамения.

Передо мной пульт. Колпачок откинут, предупредительные огни — как немигающие зеленые глаза змеи. Еще четыреста ярдов по бетонному коридору...

Остается только ждать.

Две минуты. Я сжимаю кулаки в бессильной ярости.

Голос Артура, заунывное бу-бу-бу.

Ласковые наплывы на Кумира — он так близок, так реален.

Затем... Отсчет, череда раскаленных цифр:

10
9
8
7
6
5
4
3
красный красный 2 красный красный
сине-белый сине-белый 1 сине-белый сине-белый

Я судорожно втягиваю воздух.

Ноль...

— Ноль! — кричу я и вдавливаю кнопку.

На экране монитора хаос. Показанная крупным планом серебристо-седая голова, все еще с уверенной улыбкой на лице, вдруг разрывается. Из черепа выплескивается ярко-алая жидкость, летят сгустки тканей. Микрофоны передают резкий треск, словно взрыв. Тело валится на голубое лоно миссис Уэстлейк, разбитая голова извергает кровь и мозги.

Растерянность, беспорядок, смятение. Сублиминально: ужас, паника. Миссис Уэстлейк молча встает в машине, желваки вздуваются, голубое платье пропитано кровью. (Зрительские ассоциации: страдания Жаклин.) Мотоциклисты врезаются в обезумевшую толпу, рев моторов — захлебывающиеся пулеметы. Голос Артура срывается.

— Боже, боже, президент... сенатор убит!

Ложь на десятках миллионов экранов. Картины сплетаются в калейдоскопическом вихре. Выхваченные камерой искаженные лица. Кровь и пустота в его открытых глазах.

Отличная работа!

Эдди всегда аккуратен.

IV. Развязка

Все прошло на славу, гладко и быстро. Они слепы, тупы и поверят всему, что мы им скажем. Пока разворачивалась наша драма, события шли своей чередой. Главные цензоры Нью-Йорка переварили трагедию и выдали кривые предсказаний нам на экраны. Они усилили передачу до предела. Западная и Горная зоны смотрели прямой эфир, Среднезападная и Восточная получат тщательно смонтированную и подредактированную версию в свои лучшие часы. Те газеты и журналы, которые не принадлежат или не контролируются Объединенной ТРК, все равно получат информацию через нас. И выпустят ее в том виде, в каком мы ее подадим. Проповедники Мгновенной Связи (помешанные на спутниках и прочие) в корне неправы: людей объединяет не мгновенная связь, а бюджетная. Новости будут распространяться всеми возможными каналами. Это важные новости, не какое-нибудь повседневное дешевое пойло. Новости тонкие, хрупкие, деликатные, требующие особого отношения,

взыскательные к форме; с ними нужно обращаться с математической точностью и логикой.

Мы всегда логичны.

Через несколько часов пошло сообщение, что преступник сумел скрыться. Публика восприняла известие с беспокойством, тревогой, испугом. Никаких следов убийцы. Убийца, убийца, убийца. Мы снова и снова повторяем это слово в сверхчувствительные микрофоны.

Мы вдалбливаем в них это слово. Мы бьем по их обнаженным мозгам. Час за часом. Настойчивый голос Артура твердит им о страхе. Они впитывают как губка. Великий Отец мертв; кто займет его место? Перемешивая трагедию с мрачными сообщениями о студенческих волнениях в Танжере, о положении на фронте в Гане, о забастовке в Скандинавии, мы подхлестываем их реакцию до неистовства, сбиваем пену эмоций в крем, густой и тяжелый, как масло.

Убийца, подлый гнусный убийца, который может объявиться где угодно...

Но его не найдут. Никогда. Взрывчатка с молекулярным радиодетонатором была внедрена в череп сенатора хирургами Эдди, прямо за фронтальными долями.

Шесть миллиардов людей наблюдали смерть одного человека. На расстоянии пяти футов. Их едва не забрызгало вырвавшимися мозгами, чуть не заляпало кровью.

Вот новости.

Словно гребень приливной волны, эмоции вскипали, вздымались и откатывались с ревом и грохотом. Бурлили и пенились потоки подозрения и ненависти. Беспорядки в Лондоне. В Хьюстоне и Лос-Анджелесе черный оргазм насилия и поджогов. Людские массы выползают из своих нор на улицы, крушат и давят друг друга в слепом бессилии. Беспомощно взывают к пустым небесам, потрясают кулаками, извергают проклятия. Мрачные рычат у своих телевизоров. Кроткие хныкают у своих телевизоров. Безразличные пожимают плечами у своих телевизоров.

А телевизоры рычат, хныкают и зевают им в ответ.

Нужны эмоции, любые эмоции, все эмоции.

Миссис Уэстлейк, вдова мученика. Миссис Уэстлейк в черной вуали, сила и достоинство, твердость и непреклонность. Наши камеры передают ее образ — стойкость несмотря на страдание; это фокус эмоций, фокус истерии. И другая вдова, с красным пятном на брюшке, вдова, которая пожирает своего мужа.

Изида. Кали. Жаклин. «Черная вдова».

Причудливые дикие тени от пещерного костра. Дудочник, заманивающий в бесконечное падение, в кромешную тьму.

Наша музыка мягка, нежна, логична. Наглядна.

Уэстлейк был истинным артистом; он сыграл смерть безупречно. Марсия, жена-уничтожительница, пережила его с невозмутимым великолепием. Она знала каждый шаг, владела каждой сценой.

Вскоре представление закончилось. Театр опустел.

Занавес.

V. Авторские лавры

В день инаугурации дул холодный ветер, но одежда Марсии оснащена электроподогревом. Синее платье, аналогичное тому, что было на ней в день трагедии. Первая женщина-президент, которую выдвинули и избрали создатели новостей — Объединенная ТРК.

Она заговорила. Я приказал дать общий план — коротко. Затем наплыв. Шесть миллиардов лиц у экранов увидели ее уверенные сияющие глаза.

Тиран. Великая Мать.

Ее голос звучал громко и твердо, почти жестко. Речь была проникнута большим оптимизмом и малым смыслом. Речь, которая имела значение, даже если не имела никакого значения. Речь, созданная холодным разумом необъятной пропагандистской сети. Хорошая речь, добрая и смелая, мудрая и пустая. Речь для публики.

Для каждого из них, до последнего. Переданная в лучшее время, тщательно продуманная и взвешенная. Показатели эмоциональности зарегистрировали уверенность и надежду. Даже чуточку восторга.

И изрядную долю послушания.

Но это было неизбежно.

В конце концов, кто может устоять против чего-то столь вездесущего и убедительного, как новости? Кто посмеет хотя бы подвергнуть их сомнению?

Голос Марсии звенел. Эдди-бутафорщик изготовил помост со специальным покрытием, резонанс которого усиливал спокойствие и безмятежность. Свет играл на ее волосах, цветовой фон оттенял нежность кожи, бархат подчеркивал властность взгляда. Эдди аккуратен. Эдди — настоящий профессионал.

Завершение на высокой ноте.

Аплодисменты статистов, ликование Артура, облегчение и удовлетворенность публики.

Красный глаз медленно потух. Мы закончили, работа выполнена на славу. Мы все — одно целое, шесть миллиардов связанных друг с другом человеческих существ. Новости дня изложены правдиво и точно, со всей прямотой. Это часть моей мечты, цель, ради которой мы трудимся. Мы не гонимся за славой или властью — я скромный тихий человек, слуга работы и судьбы.

Вот мое кредо, простое и ясное:

Да обратится все невежество в знание, да осветится тьма, да перейдет одиночество в любовь.

Новости — это лишь то, что известно публике.

Артур Кларк
ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ

— Но это ужасно! — воскликнул Верховный Ученый. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Чрезвычайно трудно, Ваше Всеведение. Их планета находится на расстоянии пятисот световых лет от нас, и поддерживать контакт очень сложно. Однако мост мы все же установим. К сожалению, это не единственная проблема. Мы до сих пор не в состоянии связаться с этими существами. Их телепатические способности выражены крайне слабо.

Наступила тишина. Верховный Ученый проанализировал положение и, как обычно, пришел к единственно правильному выводу.

— Всякая разумная раса должна иметь хотя бы несколько телепатически одаренных индивидуумов. Мы обязаны передать сообщение.

— Понял, Ваше Всеведение, будет сделано.

И через необъятную бездну космоса помчались мощные импульсы, исходящие от телепатов планеты Тхаар. Они искали человеческое существо, чей мозг способен был их воспринять. И по соизволению его величества Случая нашли Вильяма Кросса.

Нельзя сказать, что им повезло. Хотя выбирать, увы, не приходилось. Стечение обстоятельств, открывшее тхаарцам

мозг Вильяма, было совершенно случайным и вряд ли могло повториться в ближайший миллион лет.

У чуда было три причины. Трудно указать на главную из них.

Прежде всего местоположение. Иногда капля воды на пути солнечного света фокусирует его в испепеляющий луч. Так и Земля, только в несравненно больших масштабах, сыграла роль гигантской линзы, в фокусе которой оказался Билл. Правда, в фокус попали еще тысячи людей. Но они не были инженерами-ракетчиками и не размышляли неотрывно о космосе, который стал неотделим от их существования.

И, кроме того, они не были, как Билл, в стельку пьяны, находясь на грани беспамятства в стремлении уйти в мир фантазий, лишенный разочарований и печали.

Конечно, он мог понять точку зрения военных.

«Доктор Кросс, вам платят за создание ракет, — с неприятным нажимом произнес генерал Поттер, — а не... э... космических кораблей. Чем вы занимаетесь в свободное время — ваше личное дело, но попрошу не загружать вычислительный центр программами для хобби!»

Крупных неприятностей, разумеется, быть не могло — доктор Кросс им слишком нужен. Но сам он не был уверен, что так уж хочет остаться. Он вообще не был ни в чем уверен, кроме того, что Бренда сбежала с Джонни Гарднером, положив конец двусмысленной ситуации.

Сжав подбородок руками и слегка раскачиваясь, Билл сидел в кресле и, не отрывая глаз, смотрел на блестящий стакан с розоватой жидкостью. В голове — ни одной мысли, все барьеры сняты...

В этот самый момент концентрированный интеллект Тхаара издал беззвучный вопль победы, и стена перед Биллом растаяла в клубящемся тумане.

Ему казалось, он глядит в глубь туннеля, ведущего в бесконечность. Между прочим, так оно и было. Билл созерцал феномен не без интереса. Определенная новизна, разумеется, есть, но куда ему до предыдущих галлюцинаций! А когда в голове зазвучал голос, Билл долго не обращал на него вни-

мания. Даже будучи мертвецки пьяным, он сохранял старомодное предубеждение против беседы с самим собой.

— Билл, — начал голос. — Слушай внимательно. Наше сообщение чрезвычайно важно.

Билл подверг это сомнению на основании общих принципов: разве в этом мире существует что-нибудь действительно важное?

— Мы разговариваем с тобой с далекой планеты, — продолжал дружеский, но настойчивый голос. — Ты единственное существо, с которым мы смогли установить связь, поэтому ты обязан нас понять.

Билл почувствовал легкое беспокойство, однако как бы со стороны: трудно было сосредоточиться. Интересно, подумал он, это серьезно, когда слышишь голоса?.. Не обращай внимания, доктор Кросс, пускай болтают, пока не надоест.

— Так и быть, — позволил Билл. — Валяйте.

На Тхааре, отстоящем на пятьсот световых лет, были в недоумении. Что-то явно не так, но они не могли определить, что именно. Впрочем, оставалось лишь продолжать контакт, надеясь на лучшее.

— Наши ученые вычислили, что ваше светило должно взорваться. Взрыв произойдет через три дня — ровно через семьдесят четыре часа, — и помешать этому невозможно. Однако не следует волноваться — мы готовы спасти вас!

— Продолжайте, — попросил Билл. Галлюцинация начинала ему нравиться.

— Мы создадим мост — туннель сквозь пространство, подобный тому, в который ты смотришь. Теоретическое обоснование его слишком сложно для тебя.

— Минутку! — запротестовал Билл. — Я математик, и отнюдь не плохой, даже когда трезв. И читал об этом в фантастических журналах. Вы имеете в виду некое подобие короткого замыкания в надпространстве? Старая штука, еще доэйнштейновская!

Немалое удивление вызвало это на Тхааре.

— Мы не полагали, что вы достигли таких вершин в своих знаниях. Но сейчас не время обсуждать теорию. Это

нуль-транспортация через надпространство — в данном случае через тридцать седьмое измерение.

— Мы попадем на вашу планету?

— О нет, вы бы не смогли на ней жить. Но во Вселенной существует множество планет, подобных Земле, и мы нашли подходящую для вас. Вам стоит лишь шагнуть в туннель, взяв самое необходимое, и... стройте новую цивилизацию. Мы установим тысячи туннелей по всей планете, и вы будете спасены. Ты должен объяснить это правительству.

— Прямо-таки меня сразу и послушают, — сыронизировал Билл. — Отчего бы вам самим не поговорить с президентом?

— Нам удалось установить контакт только с тобой; остальные оказались закрыты для нас. Не можем определить причину.

— Я мог бы вам объяснить, — произнес Билл, глядя на пустую бутылку перед собой. Она явно стоила своих денег.

Какая все-таки удивительная вещь — человеческий мозг! Что касается диалога, то в нем нет ничего оригинального — только на прошлой неделе он читал рассказ о конце света, а вся эта чушь о туннелях и мостах... что ж, неудивительно после пяти лет работы с неуклюжими ракетами!

— А если Солнце взорвется, — спросил Билл, пытаясь застать галлюцинацию врасплох, — что произойдет?

— Ваша планета немедленно испарится. Как, впрочем, и остальные планеты вашей системы вплоть до Юпитера.

Билл вынужден был признать, что задумано с размахом. Он наслаждался игрой своего ума, и чем больше думал об этой возможности, тем больше она ему нравилась.

— Моя дорогая галлюцинация, — начал он с грустью. — Поверь я тебе, знаешь, что бы я сказал? Лучше этого ничего и не придумать. Не надо волноваться из-за атомной бомбы и дороговизны... О, это было бы прекрасно! Об этом только и мечтать! Спасибо за приятную информацию, а теперь возвращайтесь домой и не забудьте прихватить с собой ваш мост.

Трудно описать, какую реакцию вызвало на Тхааре такое заявление. Мозг Верховного Ученого, плавающий в питательном растворе, даже слегка пожелтел по краям — чего

не случалось со времен хантильского вторжения. Пятнадцать психологов получили нервное потрясение. Главный компьютер в Институте космофизики стал делить все на нуль и быстро перегорел.

А на Земле тем временем Вильям Кросс развивал свою любимую тему.

— Взгляните на меня! — стучал он кулаком в грудь. — Всю жизнь работаю над космическими кораблями, а меня заставляют строить военные ракеты, чтобы укокошить друг друга. Солнце сделает это лучше нас!

Он замолчал, обдумывая еще одну сторону этой приятной возможности.

— Вот будет сюрприз для Бренды! — злорадно захихикал доктор. — Целуется со своим Джонни, и вдруг — ТРАХ!

Билл распечатал вторую бутылку виски и с открывшейся ему новой перспективой опять посмотрел в туннель. Теперь в нем зажглись звезды, и он был воистину великолепен. Билл гордился собой и своим воображением — не каждый способен на такие галлюцинации.

— Билл! — в последнем отчаянном усилии взмолился разум Тхаара. — Но ведь не все же люди такие, как ты?

Билл обдумал этот философский вопрос весьма тщательно — правда, насколько позволило теплое розовое сияние, которое почему-то вдруг стали излучать окружавшие его предметы.

— Нет, они не такие. — Доктор Кросс снисходительно усмехнулся. — Они гораздо хуже!

Разум Тхаара издал отчаянный вопль и вышел из контакта.

Первые два дня Билл мучился от похмелья и ничего не помнил. На третий день какие-то смутные воспоминания закопошились у него в голове, и он забеспокоился, но тут вернулась Бренда, и ему стало не до воспоминаний.

Ну а четвертого дня, разумеется, не было.

Роджер Желязны
КЛЮЧИ К ДЕКАБРЮ

Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7 по классу холодных миров (модификация для Алайонэла, выбор РН), Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселенной, что гарантировало ему Убежище. Это либо благословение, либо проклятие — в зависимости от того, как смотреть.

Но как бы вы ни смотрели, история такова.

Вероятно, родители могли снабдить его автоматической термоустановкой, но вряд ли они могли дать ему больше. (Для того чтобы Джарри чувствовал себя хорошо, требовалась температура по крайней мере минус пятьдесят градусов по Цельсию.)

Наверняка они были не в состоянии предоставить оборудование для приготовления дыхательной смеси и контроля давления, необходимых для поддержания его жизни.

И уж никак нельзя было заменить гравитацию типа 3,2 земной, в связи с чем обязательны ежедневное лечение и физиотерапия. Чего, безусловно, не могли обеспечить родители.

Однако именно благодаря столь пагубному выбору Джарри ни в чем не знал недостатка. Он находился в хорошей физической форме, получил образование, был здоров и материально обеспечен.

Можно, конечно, сказать, что именно из-за компании «Разработка недр, инк.», которой принадлежало право выбора, Джарри Дарк был видоизменен по классу холодных миров (модификация для Алайонэла) и стал бездомным. Но не надо забывать, что предвидеть гибель Алайонэла в пламени «новой» было невозможно.

Когда его родители обратились в Общественный Центр Планируемого Рождения за советом и рекомендациями относительно лечения будущего ребенка, их информировали о наличных мирах и требуемых телоформах. Они мудро выбрали Алайонэл, недавно приобретенный РН для разработки полезных ископаемых, и от имени ожидаемого отпрыска подписали договор, обязывающий его работать в качестве служащего РН до достижения совершеннолетия, с какового момента он считается свободным и вправе искать любую работу в любом месте (выбор, согласитесь, весьма ограниченный). Со своей стороны, «Разработка недр» обязалась заботиться о его здоровье, образовании и благополучии, пока и поскольку он остается ее работником.

Когда Алайонэл погиб, все Измененные кошачьей формы по классу холодных миров, которые были раскиданы по перенаселенной галактике, благодаря договору оказались под опекой РН.

Вот почему Джарри вырос в герметической камере, оборудованной аппаратурой для контроля состава воздуха и температуры, получил (по телесети) первоклассное образование, а также необходимые лечение и физиотерапию. И именно поэтому он напоминал большого серого оцелота без хвоста, имел перепончатые руки и не мог выходить наружу без морозильного костюма, не приняв предварительно целой кучи медикаментов.

По всей необъятной галактике люди следовали советам Общественного Центра Планируемого Рождения, и не только родители Джарри сделали подобный выбор. Всего набралось двадцать восемь тысяч пятьсот шестьдесят человек. В любой такой большой группе должны быть одаренные индивиды; Джарри оказался одним из них. Он обладал талантом делать деньги. Почти все пособие, по-

лучаемое от РН, он вкладывал в быстрооборачиваемый капитал (достаточно сказать, что со временем он получил солидный пакет акций РН).

Представитель галактического Союза гражданских прав указал родителям Джарри на возможность подачи иска и подчеркнул, что Измененные кошачьей формы для Алайонэла почти наверняка выиграют процесс. Но хотя родители Джарри подпадали под юрисдикцию 877-го судебного округа, они отказались подать иск из боязни лишиться пособия от «Разработки недр». Позже Джарри и сам отказался от этого предложения. Даже благоприятное решение суда не могло вернуть ему нормоформу, а больше ничего не имело значения. Он не был мстителен. Помимо всего, к тому времени он обладал солидным пакетом акций РН.

Джарри плескался в цистерне с метаном и мурлыкал, а это означало, что он думает. Плескаться и мурлыкать ему помогал криокомпьютер. Джарри подсчитывал общий финансовый баланс Декабрьского Клуба, недавно образованного Измененными для Алайонэла.

Закончив вычисления, он продиктовал в звуковую трубу послание Санзе Барати, Президенту Клуба и своей нареченной:

«Дражайшая Санза! Наш актив, как я и подозревал, оставляет желать лучшего. Тем важнее, полагаю, начать немедленно. Убедительно прошу представить мое предложение на рассмотрение комитета и требовать безотлагательного утверждения. Я подготовил текст обращения ко всем членам Клуба (копия прилагается). Из приведенных цифр видно, что мне потребуется пять — десять лет, если я получу поддержку хотя бы 80% членов. Постарайся, возлюбленная. Мечтаю когда-нибудь встретить тебя под багряным небом.

Твой навек. Джарри Дарк, казначей.

P.S. Я рад, что кольцо тебе понравилось».

Через два года Джарри удвоил капитал Декабрьского Клуба.

Через полтора года после этого он снова удвоил его.

Когда Джарри получил от Санзы нижеследующее письмо, он вскочил на ленту тренажера для бега, подпрыгнул,

приземлился на ноги в противоположном углу своего жилища и вставил письмо в проектор.

«Дорогой Джарри! Высылаю спецификации и цены еще на пять планет. Исследовательская группа рекомендует последнюю. Я тоже. Как ты думаешь? Алайонэл II? Если так, когда мы сможем набрать достаточно денег? При одновременной работе сотни планетоизменителей мы добьемся желаемых результатов за пять-шесть столетий. Стоимость оборудования сообщу в ближайшее время.

Приди ко мне, люби меня под бескрайним небом...

Санза».

«Всего один год, — отвечал он, — и я куплю тебе мир! Поторопись с отправкой тарифов...»

Ознакомившись с цифрами, Джарри заплакал ледяными слезами. Сотня установок, способных изменить природу на планете, плюс двадцать восемь тысяч бункеров для «холодного» сна, плюс плата за перевозку людей и оборудования, плюс... Слишком много!

Он быстро подсчитал и заговорил в трубу:

«...Еще пятнадцать лет — слишком долгое ожидание, киска. Пусть определят время для двадцати установок.

Люблю, целую, Джарри».

День за днем он мерил шагами камеру, сперва на ногах, затем опустившись на все четыре конечности, приходя во все более мрачное расположение духа.

«Приблизительно три тысячи лет, — наконец последовал ответ. — Да лоснится твой мех вечно. Санза».

«Ставь на голосование, Зеленоглазка».

Быстро! Весь мир не больше чем в триста слов. Представьте...

Один континент с тремя черными солеными морями; серые равнины и желтые равнины, и небо цвета сухого пес-

ка; редкие леса с деревьями, словно грибы, облитые йодом; холмы — бурые, желтые, белые, бледно-лиловые; зеленые птицы с крыльями, как парашют, серповидными клювами, перьями, словно дубовые листья, словно зонтик, вывернутый наизнанку; шесть далеких лун — днем как пятнышки, ночью как снежные хлопья, капли крови в сумерках и на рассвете; трава как горчица во влажных ложбинах; туманы как белый огонь безветренным утром, как змея-альбинос, когда дуют ветры; глубокие ущелья, будто трещины в матовом стекле; скрытые пещеры как цепи темных пузырей; неожиданный град лавиной с чистого неба; семнадцать видов опасных хищников, от метра до шести в длину; ледяные шапки как голубые береты на сплюснутых полюсах; двуногие стопоходящие полутораметрового роста, с недоразвитым мозгом, бродящие по лесам и охотящиеся на личинок гигантской гусеницы, а также на саму гигантскую гусеницу, зеленых птиц, слепых норолазов и питающихся падалью сумрачников; семнадцать могучих рек; грузные багряные облака, быстро скользящие над землей к лежбищу за западным горизонтом; обветренные скалы как застывшая музыка; ночи как сажа, замазывающая не слишком яркие звезды; долины как плавная мелодия или тело женщины; вечный мороз в тени; звуки по утрам, похожие на треск льда, дребезжание жести, шорох стальной стружки...

Они превратят это в рай.

Прибыл авангард, закованный в морозильные скафандры, установил по десяти планетоизменителей в каждом полушарии, занялся бункерами для «холодного» сна в нескольких больших пещерах.

А следом спустились с песочного неба члены Декабрьского Клуба.

Спустились и увидели, и решили, что это почти рай. Затем вошли в свои пещеры и заснули. Двадцать восемь тысяч Измененных по классу холодных миров (модификация для Алайонэла) уснули сном льда и камня, чтобы, проснувшись, унаследовать новый Алайонэл. И будь в этих снах сновиде-

ния, они могли бы оказаться подобными разговорам бодрствующих.

— Так тяжело, Санза...

— Да, но только временно...

— ...Обладать друг другом и целым миром и все же задыхаться, как водолаз на дне моря. Быть вынужденным ползать, когда хочется летать...

— Нам века покажутся мгновениями, Джарри.

— Но ведь на самом деле это три тысячи лет! Ледниковый период пройдет, пока мы спим! Наши родные миры изменятся до неузнаваемости; вернись мы туда — и никто нас не вспомнит!

— Куда возвращаться? В наши камеры? Пусть все уходит, пусть изменяется! Пусть нас забудут там, где мы родились! Мы нашли свой дом — разве что-нибудь еще имеет значение?

— Правда... А наши вахты бодрствования и наблюдения мы будем нести вместе.

— Когда первая?

— Через два с половиной столетия — на три месяца.

— Как же там будет?

— Не знаю... Чуть холодней.

— Так вернемся и будем спать. Завтрашний день лучше сегодняшнего.

— Ты права.

— О, смотри, зеленая птица! Как мечта...

Когда они проснулись в тот первый раз, то остались внутри здания планетоизменителя. Бесплодные Пески — так назывался край, где они несли вахту. Было уже немного холоднее, и небо приобрело по краям розовый оттенок. Металлические стены планетоизменителя почернели и покрылись инеем, но температура была еще слишком высокой, а атмосфера ядовитой. Почти все время они проводили в специальных помещениях станции, лишь изредка выходя для забора проб и проверки состояния механизмов.

Бесплодные Пески... Пустыня и скалы... Ни деревьев, ни птиц, ни признаков жизни.

Свирепые бури гуляли по поверхности планеты, которая упорно сопротивлялась действию машин. Ночами песчаные шквалы вылизывали каменные стены, а на заре, когда ветер стихал, пустыня мерцала, точно свежевыкрашенная, поблескивая огненными языками скал. После восхода солнца снова поднимался ветер, и песчаная завеса закрывала солнечный свет.

Когда утренние ветры успокаивались, Джарри и Санза часто смотрели из окна на третьем этаже станции — с их любимого места — на камень, напоминающий угловатую фигуру нормоформного человека, машущего им рукой. Они перенесли снизу зеленую кушетку и лежали, слушая шум поднимающегося ветра. Иногда Санза пела, а Джарри делал записи в дневнике или читал записи других, знакомых и незнакомых. И часто они мурлыкали, но никогда не смеялись, потому что не умели этого делать.

Как-то утром они увидели вышедшее из окрашенного йодом леса двуногое существо. Оно несколько раз падало, поднималось, шло дальше; наконец упало и застыло.

— Что оно делает здесь, так далеко от своего дома? — спросила Санза.

— Умирает, — сказал Джарри. — Выйдем наружу.

Они спустились на первый этаж, надели костюмы и вышли из здания.

Существо снова поднялось на ноги и, шатаясь, побрело дальше. Темные глаза, длинный широкий нос, узкий лоб, по четыре пальца на руках и ногах, рыжий пушок...

Когда существо увидело их, оно остановилось и замерло. Потом упало.

Оно лежало, подергиваясь, и широко раскрытыми глазами следило за их приближением.

— Оно умрет, если его оставить здесь, — сказала Санза.

— И умрет, если внести его внутрь, — сказал Джарри.

Существо протянуло к ним руку... Затем рука бессильно упала. Его глаза сузились, закрылись...

Джарри тронул его ногой. Существо не шевельнулось.

— Конец.

— Что будем делать? — спросила Санза.

— Оставим здесь. Скоро его занесет песком.

Они вернулись на станцию, и Джарри описал происшествие в дневнике.

Как-то, уже на последнем месяце дежурства, Санза спросила:

— Значит, все здесь, кроме нас, погибнет? Зеленые птицы и поедатели падали? Забавные маленькие деревья и волосатые гусеницы?

— Надеюсь, что нет, — ответил Джарри. — Я тут перелистывал заметки биологов. Думаю, что жизнь может устоять. Ведь если она где-нибудь зародится, то сделает все, что в ее силах, чтобы не исчезнуть. Созданиям этой планеты повезло, что мы смогли поставить лишь двадцать установок. В их распоряжении три тысячи лет — за это время они сумеют отрастить шерсть, научатся дышать нашим воздухом и пить нашу воду. Будь у нас сотня установок, мы могли бы стереть их с лица земли. А потом пришлось бы завозить обитателей холодных миров с других планет. Или выводить их. А так есть вероятность, что выживут местные.

— Послушай, — сказала она, — тебе не кажется, что мы делаем с жизнью на этой планете то же, что сделали с нами? Нас создали для Алайонэла, и наш мир уничтожила катастрофа. Эти существа появились здесь; их мир забираем мы. Всех созданий этой планеты мы превращаем в то, чем были сами, — в лишних.

— С той лишь разницей, — возразил Джарри, — что мы даем им время привыкнуть к новым условиям.

— И все же я чувствую, как все снаружи превращается вот в это. — Санза махнула рукой в сторону окна. — В Бесплодные Пески.

— Бесплодные Пески здесь были прежде. Мы не создаем новых пустынь.

— Деревья умирают. Животные уходят на юг. Но когда дальше идти будет некуда, а температура будет продолжать падать и воздух станет гореть в легких, тогда для них все будет кончено.

— Но они могут и приспособиться: У деревьев появляются новые корни, наращивается кора. Жизнь устоит.

— Сомневаюсь...

— Быть может, тебе лучше спать, пока все не окажется позади?

— Нет. Я хочу быть рядом с тобой, всегда.

— Тогда ты должна свыкнуться с фактом, что любые перемены причиняют кому-то страдания. Если ты это поймешь, не будешь страдать сама.

И они стали слушать поднимающийся ветер.

Тремя днями позднее, на закате, между ветрами дня и ветрами ночи Санза подозвала Джарри к окну. Он поднялся на третий этаж и встал рядом с ней. На ее грудь падали розовые блики, тени отливали серебром; ее лицо было бесстрастно, большие зеленые глаза неотрывно смотрели в окно.

Шел крупный снег, синий на фоне розового неба. Снежинки падали на скалу, напоминающую угловатую фигуру человека, и на толстое кварцевое стекло. Они покрывали голую пустыню лепестками цианида, закручивались в вихре с первыми порывами злого ветра. Небо затянули тяжелые тучи, ткущие синие сети. Теперь снежинки неслись мимо окна, словно голубые бабочки, и затуманивали очертания земли. Розовое исчезло, осталось только голубое; оно сгущалось и темнело. Донесся первый вздох вечера, и снежные волны вдруг покатили вбок, а не вниз, становясь густо-синими...

«Машина никогда не молчит, — писал Джарри в дневнике. — Порой мне чудится, будто в ее неустанном рокоте я различаю голоса. Пять столетий прошло с нашего прибытия, я сейчас один на станции — решил не будить Санзу на это дежурство, если только не станет совсем невмоготу (а здесь очень тягостно). Она, несомненно, будет сердиться. Сегодня утром в полудреме мне показалось, будто я слышу голоса родителей; не слова — просто звуки, к которым я привык по телефону. Их наверняка уже нет в живых, несмотря на все чудеса геронтологии. Интересно, часто ли они думали обо мне? Я ведь никогда не мог пожать руку отцу или поцеловать мать... Странное это чувство — находиться один на один с гигантским механизмом, перекраивающим

молекулы атмосферы, охлаждающим планету, здесь, посреди синей пустыни, Бесплодных Песков. А ведь, казалось бы, мне не следовало удивляться — я вырос в стальной пещере... Каждый день выхожу на связь с остальными станциями. Боюсь, что порядком им надоел. Завтра надо воздержаться. Или послезавтра...

Утром выскочил на миг наружу без скафандра. Все еще смертельно жарко. Я набрал в грудь воздуха и задохнулся. Наш день еще далеко, хотя по сравнению с последним разом — двести пятьдесят лет назад — уже заметна разница. Любопытно, на что все это будет похоже, когда кончится? И что буду делать в новом Алайонэле я, экономист? Впрочем, пока Санза счастлива...

Машина стонет. Все вокруг, насколько видно, голубое. Камни все такие же безжизненные, но поддались ветрам и приняли другие очертания. Небо розовое, на восходе и по вечерам — почти багряное. Так и тянет сказать, что оно цвета вина, но я никогда не видел вина, только читал о нем и не могу быть уверен. Деревья выстояли. Их корни и стволы укрепились, кора стала толще, листья больше и темнее. Так говорят. В Бесплодных Песках нет деревьев...

Гусеницы тоже живы. На глаз они кажутся даже крупнее, но это оттого, что они стали более мохнатыми. У большинства животных шкура теперь толще, некоторые впадают в спячку. Странно: станция-7 сообщает, что, по их мнению, мех у двуногих стал гуще! Двуногих, похоже, там довольно много, их частенько видят вдалеке. С виду они косматые, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что некоторые одеты в шкуры мертвых зверей! Неужели они разумнее, чем мы считали? Это едва ли возможно — их предварительно долго и тщательно изучали биологи. И все же странно.

Ветры ужасные. Порой они застилают небо черным пеплом. К юго-востоку наблюдается сильная вулканическая деятельность. Из-за этого пришлось перевести станцию-4 в другое место. Теперь в шуме машин мне чудится пение Санзы. В следующий раз непременно ее разбужу. Думаю, к тому времени кое-что образуется. Нет, неправда. Это эгоизм.

Просто я хочу чувствовать ее присутствие. Иногда мне приходит в голову мысль, что я — единственное живое существо в целом мире. Голоса по радио призрачны. Громко тикают часы, а паузы заполнены машинным гулом, то есть тоже своего рода тишиной, потому что он непрерывен. Временами у меня возникает чувство, что его нет, он пропал. Я напрягаю слух. Я проверяю индикаторы, и они говорят, что машины работают. Но, возможно, что-то не в порядке с индикаторами... Нет. Со мной...

А голубизна Песков — это зрительная тишина. По утрам даже скалы покрыты голубой изморозью. Что это: красота или уродство? Не могу сказать. По мне — это лишь часть великого безмолвия, вот и все. Кто знает, может, я стану мистиком, овладею оккультными силами, достигну Яркого и Освобождающего, сидя здесь, в окружении тишины. Возможно, у меня появятся видения. Голоса я уже слышу. Есть ли в Бесплодных Песках призраки? Кого? Разве что того двуногого... Интересно, зачем оно пересекало пустыню? Почему направлялось к очагу разрушения, а не прочь, подобно другим своим сородичам? Мне никогда этого не узнать. Если, конечно, не будет видения...

Пожалуй, пора надеть костюм и выйти на прогулку. Полярные шапки стали массивнее; началось оледенение. Скоро, скоро все образуется. Скоро, надеюсь, молчание кончится. Однако я порой задумываюсь: что, если тишина — нормальное состояние Вселенной, а наши жалкие звуки лишь подчеркивают ее, словно черные крапинки на голубом фоне? Все когда-то было тишиной и в тишину обратится — или, быть может, уже обратилось. Услышу ли я когда-нибудь настоящие звуки?.. Снова чудится, что поет Санза. Как бы я хотел сейчас разбудить ее, чтобы она была со мной и мы походили бы вместе там, снаружи... Пошел снег».

Джарри проснулся накануне первого тысячелетия.

Санза улыбалась и гладила его руки, пока он, извиняясь, объяснял, почему не разбудил ее.

— Конечно, я не сержусь, — сказала она. — Ведь в прошлый раз я поступила так же.

Он смотрел на нее и радовался тому, что они понимают друг друга.

— Никогда больше так не сделаю, — продолжала Санза. — И ты тоже не сможешь. Одиночество невыносимо.

— Да, — отозвался он.

— В прошлый раз они разбудили нас обоих. Я очнулась первая и не велела тебя будить. Разумеется, я разозлилась, когда узнала, что ты сделал. Но злость быстро прошла, и я часто желала, чтобы мы были вместе.

— Мы будем вместе.

— Всегда.

Они взяли флайер и из пещеры сна перелетели к планетоизменителю в Бесплодных Песках, где сменили прежнюю пару и придвинули к окну на третьем этаже новую кушетку.

Воздух был по-прежнему душный, но уже годился для дыхания на короткое время, хотя после подобных экспериментов долго болела голова. Жара все еще была невыносимой. Очертания скалы, некогда напоминавшей человека, расплылись. Ветры потеряли былую свирепость.

На четвертый день они нашли следы, принадлежащие, вероятно, какому-то крупному хищнику. Это порадовало Санзу. Зато другой эпизод вызвал только изумление. Менее чем в сотне шагов от станции они наткнулись на трех высохших гигантских гусениц. Снег вокруг был испещрен знаками. К гусеницам вели неясные следы.

— Что бы это значило? — спросила Санза.

— Не знаю. Но, думаю, лучше это сфотографировать, — отозвался Джарри.

Так они и сделали. Поговорив со станцией-2, Джарри узнал, что подобная картина периодически отмечалась наблюдателями и на других станциях, правда, редко.

— Не понимаю, — сказала Санза.

— А я не хочу понимать, — сказал Джарри.

За время их дежурства такого больше не случалось. Джарри сделал подробную запись в дневнике, после чего они продолжили наблюдения, иногда прерывая их, чтобы попробовать возбуждающие напитки. Два столетия назад один биохимик посвятил свое дежурство поискам веществ, кото-

рые вызывали бы у Измененных такие же реакции, как в свое время алкогольные напитки у нормальных людей. Опыты завершились успехом. Четыре недели счастливый биохимик беспробудно пил и, естественно, забросил свои обязанности, за что был снят с поста и отправлен спать до конца Срока. Однако его в общем-то немудреный рецепт разошелся по другим станциям. Джарри и Санза обнаружили в кладовой настоящий бар и рукописную инструкцию по составлению напитков. Автор выражал надежду, что каждое дежурство будет завершаться открытием нового рецепта. Джарри и Санза работали на совесть и обогатили список пуншем «Снежный цветок», который согревал желудок и превращал мурлыканье в хихиканье — так был открыт смех. Наступление тысячелетия они отпраздновали целым кубком пунша. По настоянию Санзы рецептом поделились с остальными станциями, чтобы каждый мог разделить их радость. Вполне вероятно, что так оно и произошло, потому что рецепт приняли благосклонно. И уже навсегда, даже после того, как от кубка остались лишь воспоминания, сохранился смех. Так порой создаются традиции.

— Зеленые птицы умирают, — сказала Санза, отложив в сторону прочитанный рапорт.

— А? — отозвался Джарри.

— Адаптация не может происходить бесконечно. Вероятно, они исчерпали все резервы.

— Жаль, — сказал Джарри.

— Кажется, прошел всего год, как мы здесь. На самом деле позади тысячелетие.

— Время летит.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Чего?

— Не знаю. Просто боюсь.

— Но почему?

— Мы живем странной жизнью; в каждом столетии оставляем по кусочку самих себя. Еще совсем недавно, как подсказывает мне память, здесь была пустыня. Сейчас это ледник. Появляются и исчезают ущелья и каньоны. Пере-

сыхают реки, и на их месте возникают новые. Все кажется таким временным, таким преходящим... Вещи с виду солидные, надежные, но я боюсь коснуться их: вдруг они превратятся в дым и моя рука сквозь дым коснется чего-то?.. Или еще хуже — ничего не коснется. Никто не знает наверное, что здесь будет, когда мы достигнем цели. Мы стремимся к неведомой земле, и отступать слишком поздно. Мы движемся сквозь сон, направляемся к фантазии... Порой я скучаю по своей камере, по машинам, что заботились обо мне. Возможно, я не умею приспосабливаться. Возможно, я как зеленая птица...

— Нет, Санза, нет! Мы настоящие. Не важно, что происходит снаружи, — мы существуем и будем существовать. Все меняется, потому что таково наше желание. Мы сильнее этого мира и будем переделывать его до тех пор, пока не создадим на свой лад. И тогда мы оживим его городами и детьми. Хочешь увидеть Бога? Посмотри в зеркало. У Бога заостренные уши и зеленые глаза. Он покрыт мягким серым мехом. Между пальцами у него перепонки.

— Джарри, как хорошо, что ты такой сильный!

— Давай возьмем флайер и поедем кататься.

— Поедем!

Вверх и вниз ездили они в тот день по Бесплодным Пескам, где черные скалы стояли подобно тучам в чужом небе.

Минуло двенадцать с половиной столетий.

Теперь некоторое время они могли обходиться без респираторов.

Теперь некоторое время могли выносить жару.

Теперь зеленых птиц уже не было. Началось что-то странное и тревожное. По ночам приходили двуногие, чертили знаки на снегу, оставляли среди них мертвых животных. И происходило это гораздо чаще, чем в прошлом. Двуногие шли ради этого издалека; плечи многих покрывали звериные шкуры.

Джарри просмотрел все записи в поисках упоминаний об этих существах.

— Станция-7 сообщает об огнях в лесу, — сказал он.

— Что?..

— Огонь, — повторил он. — Неужели они открыли огонь?

— Значит, это не просто звери!

— Но они были зверьми!

— Теперь они носят одежду. Оставляют дары нашим машинам. Это уже больше не звери.

— Как такое могло произойти?

— Это наших рук дело. Вероятно, они так и остались бы тупыми животными, если бы мы не заставили их поумнеть, чтобы выжить. Мы ускорили их развитие. Они должны были приспособиться или погибнуть. Они приспособились.

— Ты полагаешь, без нас этого бы не случилось?

— Возможно, случилось бы — когда-нибудь. А возможно, и нет.

Джарри подошел к окну, окинул взглядом Бесплодные Пески.

— Я должен выяснить, — сказал он. — Если они разумны, если они... люди, как и мы, — он рассмеялся, — тогда мы обязаны с ними считаться.

— Что ты предлагаешь?

— Разыскать их. Посмотреть, нельзя ли наладить общение.

— Разве этим не занимались?

— Занимались.

— И каковы результаты?

— Разные. Некоторые наблюдатели считали, что они проявляют значительную понятливость. Другие ставили их гораздо ниже того порога, с которого начинается Человек.

— Может быть, мы совершаем чудовищную ошибку, — задумчиво произнесла Санза. — Создаем людей с тем, чтобы позднее их уничтожить. Помнишь, ты как-то сказал, что мы — боги этого мира, что в нашей власти строить и разрушать. Да, вероятно, это в нашей власти, но я не ощущаю в себе особой святости. Что же нам делать? Они прошли этот путь, но уверен ли ты, что они выдержат перемену, которая произойдет к концу? Что, если они подобны зеленым птицам? Если они исчерпали все возможности адаптации и этого недостаточно? Как поступит Бог?

— Как ему вздумается, — ответил Джарри.

В тот день они облетели Бесплодные Пески на флайере, но не встретили никаких признаков жизни. И в последующие дни их поиски не увенчались успехом.

Однако одним багряным утром, две недели спустя, это произошло.

— Они были здесь, — сказала Санза.

Джарри посмотрел в окно.

На вытоптанной площадке лежал мертвый зверек, а снег вокруг был исчерчен уже знакомыми знаками.

— Они не могли уйти далеко.

— Ты права.

— Нагоним их на санях!

Они мчались по снегу, который покрывал землю, именуемую Бесплодными Песками. Санза сидела за рулем, а Джарри высматривал следы на синем поле.

Все утро они неслись, подобные темно-лиловому огню, и ветер обтекал их, будто вода, а вокруг раздавались звуки, похожие на треск льда, дребезжание жести, шорох стальной стружки. Голубые заиндевевшие глыбы стояли словно замерзшая музыка, и длинная, черная как смоль тень бежала впереди саней. Порой вдруг налетал град, по крыше саней барабанило, будто наверху отплясывали неистовые танцоры, и так же внезапно все утихало. Земля то уходила вниз, то вставала на дыбы.

Вдруг Джарри опустил руку на плечо Санзы.

— Впереди!

Санза кивнула и стала тормозить.

Они загнали его к бухте. Они пользовались палками и длинными шестами с обугленным острием. Они швыряли в него камни и куски льда.

Затем они стали пятиться, а оно шло вперед и убивало.

Видоизмененные называли это животное медведем, потому что оно было большим и косматым и могло вставать на задние лапы. Тело длиной в три с половиной метра было покрыто голубым мехом; узкое безволосое рыло напоминало рабочую часть плоскогубцев.

На снегу неподвижно лежали пять маленьких созданий. С каждым ударом огромной лапы падало еще одно.

Джарри достал пистолет и проверил заряд.

— Поезжай медленно, — бросил он Санзе. — Я постараюсь попасть в голову.

Первый раз он промахнулся, угодив в валун позади медведя. Второй выстрел опалил мех на шее зверя. Джарри соскочил с саней, поставил заряд на максимум и выстрелил прямо в нависшую грудь.

Медведь замер, потом пошатнулся и упал. В груди зияла сквозная рана.

Джарри повернулся к созданиям, которые не спускали с него глаз.

— Меня зовут Джарри, — сказал он. — Нарекаю вас красноформами...

Удар сзади свалил его с ног.

Джарри покатился по снегу. Глаза застилал туман, левая рука и плечо горели огнем.

Из-за нагромождения камней показался второй медведь.

Джарри вытащил правой рукой длинный охотничий нож и встал на ноги.

Когда зверь кинулся вперед, он с кошачьей ловкостью, присущей его роду, увернулся, занес руку и по рукоятку вонзил нож в горло медведя.

По телу зверя пробежала дрожь, но он швырнул Джарри на землю, как пушинку.

Красноформы принялись кидать камни, бросились на медведя с заостренными пиками.

Затем раздался громкий удар, послышался скрежещущий звук; зверь взвился в воздух и упал на Джарри.

Когда Джарри пришел в себя, он увидел, что лежит на спине. Тело свело от боли, и все вокруг него пульсировало и мерцало, словно готовое взорваться.

Сколько прошло времени, он не знал. Медведя, надо полагать, с него сняли. Чуть поодаль боязливо жались в кучку маленькие двуногие существа. Одни смотрели на него, другие не сводили глаз со зверя. Кое-кто смотрел на разбитые сани.

Разбитые сани...

Джарри поднялся на ноги. Существа попятились. Он с трудом добрел до саней и заглянул внутрь.

Санза была мертва. Это было видно сразу по неестественному наклону головы, но он все равно сделал все, что полагается делать, прежде чем поверил в случившееся.

Она нанесла медведю смертельный удар, направив на него сани. Удар сломал ему хребет. Сломал сани. Убил ее.

Джарри склонился над обломками саней, сочинил первую заупокойную песнь и высвободил тело.

Красноформы не сводили с него глаз.

Он поднял мертвую Санзу на руки и зашагал к станции через Бесплодные Пески.

Красноформы молча провожали его взглядом. Все, кроме одного, который внимательно изучал нож, торчащий из залитого кровью косматого горла зверя.

Джарри спросил разбуженных руководителей Декабрьского Клуба:

— Что следует сделать?

— Она — первая из нас, кто погиб на этой планете, — сказал Ян Турл, вице-президент Клуба.

— Традиций не существует, — сказала Зельда Кейн, секретарь. — Вероятно, нам следует их придумать.

— Не знаю, — сказал Джарри. — Я не знаю, что нужно делать.

— Надо выбрать — погребение или кремация. Что ты предлагаешь?

— Я не... Нет, не хочу в землю. Верните мне ее тело, дайте большой флайер... Я сожгу ее.

— Тогда позволь нам помочь тебе.

— Нет. Предоставьте все мне. Мне одному.

— Как хочешь. Можешь пользоваться любым оборудованием. Приступай.

— Пожалуйста, пошлите кого-нибудь на станцию в Бесплодных Песках. Я хочу уснуть после того, как закончу с этим, — до следующей смены.

— Хорошо, Джарри. Нам искренне жаль...

— Да, очень жаль...

Джарри кивнул, повернулся и ушел.

Таковы порой мрачные стороны жизни.

На северо-востоке Бесплодных Песков на три тысячи метров ввысь вознеслась синяя гора. Если смотреть на нее с юго-запада, она казалась гигантской замерзшей волной. Багряные тучи скрывали ее вершину. На крутых склонах не водилось ничего живого. У горы не было имени, кроме того, что дал ей Джарри Дарк.

Он посадил флайер на вершину, вынес Санзу, одетую в самые красивые одежды, и опустил. Широкий шарф скрывал сломанную шею, густая темная вуаль закрывала холодное лицо.

И тут начался град. На него, на мертвую Санзу камнями падали с неба куски голубого льда.

— Будьте вы прокляты! — закричал Джарри и бросился к флайеру.

Он взмыл в воздух, описал круг над горой.

Одежда Санзы билась на ветру. Град завесой из синих бусинок отгородил их от остального мира, оставив лишь прощальную ласку: огонь, текущий от льдинки к льдинке.

Джарри нажал на гашетку, и в боку безымянной горы открылась дверь в солнце. Дверь становилась все шире, и вот уже гора исчезла в ней целиком.

Тогда он взвился в тучи, атакуя бурю, пока не иссякла энергия, питающая орудия...

Он облетел расплавленную гору на северо-востоке Бесплодных Песков — первый погребальный костер, который видела эта планета.

Потом он вернулся — чтобы забыться в тиши долгой ночи льда и камня, унаследовать новый Алайонэл. В такие ночи сновидений не бывает.

Пятнадцать столетий. Почти половина Срока. Картина не более чем в двести слов. Представьте...

Текут девятнадцать рек, но черные моря покрываются фиолетовой рябью.

Исчезли редкие йодистые леса. Вместо них вверх поднялись могучие деревья с толстой корой, известковые, оранжевые и черные...

Великие горные хребты на месте холмов — бурых, желтых, белых, бледно-лиловых. Замысловатые клубы дыма над курящимися вершинами...

Цветы, корни которых зарываются в почву на двадцать метров, а коричневые бутоны не распускаются среди синей стужи и камней.

Слепые норолазы, забирающиеся глубже; поедающие падаль сумрачники, отрастившие грозные резцы и мощные коренные зубы; гигантские гусеницы хоть и уменьшились в размерах, но выглядят настоящими великанами, потому что стали еще более мохнатыми...

Очертания долин — как тело женщины — изгибающиеся и плавные, или, возможно, — как музыка...

Меньше обветренных скал, но свирепый мороз...

Звуки по утрам по-прежнему резкие, металлические...

Из дневника станции Джарри почерпнул все, что ему требовалось знать. Но он прочитал и старые сообщения.

Затем плеснул в стакан пьянящий напиток и выглянул из окна третьего этажа.

— ...Умрут, — произнес он и допил, и собрался, и покинул свой пост.

Через три дня он нашел лагерь.

Он посадил флайер в стороне и пошел пешком. Джарри залетел далеко на юг Бесплодных Песков, и теплый воздух спирал дыхание.

Теперь они носили звериные шкуры — обрезанные и сшитые, — обвязав их вокруг тел. Джарри насчитал шестнадцать построек и три костра. Он вздрогнул при виде огня, но не свернул с пути.

Кто-то вскрикнул, заметив его, и наступила тишина.

Он вошел в лагерь.

Повсюду неподвижно стояли двуногие. Из большой постройки на краю поляны раздавались звуки какой-то возни.

Джарри обошел лагерь.

На деревянном треножнике сушилось мясо. У каждого жилища стояло несколько длинных копий. Джарри осмотрел одно. Узкий наконечник был вытесан из камня.

На деревянной доске были вырезаны очертания кошки...

Он услышал шаги и обернулся.

К нему медленно приближался красноформый, казавшийся старше других. Его худые плечи поникли, приоткрытый рот зиял дырой, редкие волосы засалились. Существо что-то несло, но Джарри не видел, что именно, потому что не сводил глаз с рук старика.

На каждой руке был противостоящий большой палец.

Джарри повернулся и уставился на руки других красноформых. У всех были большие пальцы. Он внимательнее присмотрелся к внешности этих существ.

Теперь у них появились лбы.

Он перевел взгляд на старика.

Тот опустил свою ношу на землю и отошел.

Джарри взглянул вниз.

На широком листе лежали кусок сухого мяса и дольки какого-то фрукта.

Джарри взял мясо, закрыл глаза, откусил кусочек, пожевал и проглотил. Остальное завернул в лист и положил в боковой карман сумки.

Он протянул руку, и красноформый попятился.

Джарри достал одеяло, которое принес с собой, и расстелил его на земле. Затем сел и указал старику на место рядом.

Старик поколебался, но все же подошел и сел.

— Будем учиться говорить друг с другом, — медленно произнес Джарри. Он приложил руку к груди: — Джарри.

Джарри стоял перед разбуженными руководителями Декабрьского Клуба.

— Они разумны, — сказал он. — Вот мой доклад.

— Каков же вывод? — спросил Ян Турл.

— По-моему, они не смогут приспособиться. Они развивались очень быстро, но вряд ли способны на большее. На весь путь их не хватит.

— Ты кто — биолог, химик, эколог?

— Нет.

— Так на чем же ты основываешь свое мнение?

— Я жил с ними шесть недель.

— Значит, всего лишь догадка?..

— Ты знаешь, что в этой области нет специалистов. Такого никогда раньше не было.

— Допуская их разумность, допуская даже, что они действительно не смогут приспособиться, — что ты предлагаешь?

— Замедлить изменение планеты. Дать им шанс. А если их постигнет неудача, вообще отказаться от нашей цели. Здесь уже можно жить. Дальше можем адаптироваться мы.

— Замедлить? На сколько?

— Еще на семь-восемь тысяч лет...

— Исключено! Абсолютно исключено! Слишком долгий срок!

— Но почему?

— Потому что каждый из нас несет трехмесячную вахту раз в два с половиной столетия. Таким образом, на тысячу лет уходит год личного времени. Слишком большую жертву ты требуешь от нас.

— Но от этого зависит судьба целой расы!

— Кто знает...

— Разве одной возможности недостаточно?

— Джарри Дарк, ты хочешь ставить вопрос на административное голосование?

— Нет, тут мое поражение очевидно... Я настаиваю на всеобщем голосовании.

— Невозможно! Все спят.

— Так разбудите их!

— Повторяю, это невозможно.

— А вам не кажется, что судьба целой расы стоит усилия? Тем более что это мы заставляем этих существ развиваться, мы прокляли их разумом!

— Довольно! Они и без нас стояли на пороге. Они вполне могли стать разумными даже без нашего появления...

— Но мы не можем сказать наверняка! Мы не знаем! Да и не все ли равно, как именно это произошло, — вот они, и

вот мы, и они принимают нас за божества — быть может, потому, что мы ничего им не даем, кроме страданий. Но должны же мы нести ответственность за судьбу разума — уж по крайней мере не убивать его!

— Возможно, длительное и тщательное расследование...

— К тому времени они погибнут! Пользуясь своим правом казначея, я требую всеобщего голосования.

— Не слышу обязательного второго голоса.

— Зельда? — спросил Джарри.

Она отвела глаза.

— Тарбел? Клонд? Бондичи?

В широкой, просторной пещере царила тишина.

— Что ж, выходит, я проиграл. Мы сами окажемся змеями, когда войдем в наш Эдем... Я возвращаюсь назад, в Бесплодные Пески, заканчивать вахту.

— Это вовсе не обязательно. Пожалуй, тебе сейчас лучше отправиться спать...

— Нет. Во всем, что произошло, есть и моя вина. Я останусь наблюдать и разделю ее полностью.

— Да будет так, — сказал Турл.

Две недели спустя, когда станция-19 пыталась вызвать Бесплодные Пески по радио, ответа не последовало.

Через некоторое время туда был выслан флайер.

Станция в Бесплодных Песках превратилась в бесформенную глыбу расплавленного металла. Джарри Дарка нигде не было. В тот же день замолчала станция-9. Немедленно и туда вылетел флайер.

Станции-9 более не существовало. Ее обитателей удалось обнаружить в нескольких километрах: они шли пешком. По их словам, Джарри Дарк, угрожая оружием, заставил всех покинуть станцию и сжег ее дотла орудиями своего флайера.

Тем временем замолчала станция-6.

Руководители Клуба издали приказ: ПОДДЕРЖИВАТЬ ПОСТОЯННО РАДИОСВЯЗЬ С ДВУМЯ СОСЕДНИМИ СТАНЦИЯМИ.

За ним последовал еще один приказ: ПОСТОЯННО НОСИТЬ ПРИ СЕБЕ ОРУЖИЕ. ВСЕХ ПОСТОРОННИХ БРАТЬ В ПЛЕН.

На дне ущелья, укрытый за скалой, ждал Джарри. Рядом с приборной доской флайера лежала маленькая коробочка из серебристого металла. Радио было включено. Джарри ждал передачу.

Выслушав первые слова, он растянулся на сиденье и заснул.

Когда он проснулся, вставала заря нового дня.

Передача все еще продолжалась:

«...Джарри. Все будут разбужены. Возвращайся в главную пещеру. Говорит Ян Турл. В уничтожении станций нет необходимости. Мы согласны с требованием всеобщего голосования. Пожалуйста, немедленно свяжись с нами. Мы ждем твоего ответа, Джарри...»

Он поднял флайер из багряной тени в воздух.

Конечно, его ждали. С десяток винтовок нацелились на него, едва он появился.

— Бросай оружие, Джарри, — раздался голос Ян Турла.

— Я не ношу оружия, — сказал Джарри. — И в моем флайере его нет, — добавил он.

Это было правдой, так как орудия больше не венчали турели.

Ян Турл приблизился, посмотрел ему в глаза:

— Что ж, тогда выходи.

— Благодарю, предпочитаю остаться здесь.

— Ты арестован.

— Как вы намерены поступить со мной?

— Ты будешь спать до истечения Срока Ожидания. Иди!

— Нет. И не пытайтесь стрелять или пустить в ход парализатор и газы. Если вы это сделаете, мы погибнем в ту же секунду.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Ян Турл, делая знак стрелкам.

— Мой флайер превращен в бомбу, и я держу запал в правой руке. — Джарри поднял серебристую коробку. — Пока

я не отпускаю кнопку, мы в безопасности. Но если мой палец хоть на секунду ослабнет, последует взрыв, который уничтожит всю эту пещеру!

— Полагаю, ты берешь нас на испуг.

— Что ж, проверь.

— Но ведь ты тоже умрешь, Джарри!

— Теперь мне все равно. Кстати, не пытайтесь уничтожить запал, — предупредил он. — Бессмысленно. Даже в случае успеха вам это обойдется по крайней мере в две станции.

— Почему?

— Как по-вашему: что я сделал с орудиями? Я обучил красноформых пользоваться ими. В настоящий момент орудия нацелены на две станции, и, если я не вернусь до рассвета, они откроют огонь. Потом они двинутся дальше и попытаются уничтожить другие две станции.

— Ты доверил лазер животным?

— Совершенно верно. Ну, так вы станете будить остальных для голосования?

Турл сжался, словно для прыжка, затем, видимо, передумал и обмяк.

— Почему ты так поступил, Джарри? — жалобно спросил он. — Кто они тебе? Ради них ты заставляешь страдать свой народ!

— Раз ты не ощущаешь того, что я, — ответил Джарри, — мои мотивы покажутся тебе бессмысленными. В конце концов, они основаны лишь на моих чувствах, а мои чувства отличаются от твоих, ибо продиктованы скорбью и одиночеством. Попробуй, однако, понять вот что: я для них божество. Мои изображения есть в любом лагере. Я — Победитель Медведей из Пустыни Мертвых. Обо мне слагают легенды на протяжении двух с половиной веков, и в этих легендах я сильный, мудрый и добрый. И в таком качестве кое-чем им обязан. Если я не дарую им жизнь, кто будет славить меня? Кто будет воздавать мне хвалу у костров и отрезать для меня лучшие куски мохнатой гусеницы? Никто, Турл. А это все, чего стоит сейчас моя жизнь. Буди остальных. У тебя нет выбора.

— Хорошо, — проговорил Турл. — А если тебя не поддержат?

— Тогда я удалюсь от дел, и ты сможешь стать божеством, — сказал Джарри.

Каждый вечер, когда солнце спускается с багряного неба, Джарри Дарк смотрит на закат, ибо он не будет больше спать сном льда и камня, сном без сновидений. Он решил прожить остаток своих дней в неуловимо малом моменте Срока Ожидания и никогда не увидеть Алайонэл своего народа. Каждое утро на новой станции в Бесплодных Песках его будят звуки, похожие на треск льда, дребезжание жести, шорох стальной стружки. Потом приходят двуногие со своими дарами. Они поют и чертят знаки на снегу. Они славят его, а он улыбается им. Иногда тело его сотрясает кашель.

...Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7 по классу холодных миров (модификация для Алайонэла), Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселенной, что гарантировало ему Убежище. Это либо благословение, либо проклятие — в зависимости от того, как смотреть. Но как бы вы ни смотрели, ничего не изменится...

Так платит жизнь тем, кто служит ей самозабвенно.

Трагическая история человека заблудившегося, потерявшегося. Страшная мысль: а ведь все могло бы быть совсем по-другому, гораздо лучше, ты сам — по неведению — упустил свое счастье. Момент бури — момент истины...

Роджер Желязны
МОМЕНТ БУРИ

Однажды на Земле наш старый профессор философии, войдя в аудиторию, с полминуты молча изучал шестнадцать своих жертв (вероятно, засунул куда-нибудь конспект лекции). Удовлетворенный наконец создавшейся атмосферой, он спросил:

— Что есть Человек?

Он совершенно точно знал, что делает, — в его распоряжении было полтора часа свободного времени.

Один из нас дал чисто биологическое определение. Профессор (помнится, фамилия его была Макнитт) кивнул и спросил:

— Все?

И начал занятие.

Я узнал, что Человек — это разумное животное, что Человек — это нечто выше зверей, но ниже ангелов, что Человек — это тот, кто любит, смеется, использует орудия труда, хоронит своих усопших, изобретает религии, тот, кто пытается определить себя (слова Поля Шварца, с которым я дружил и делил комнату. Интересно, что с ним стало?).

Мне до сих пор кажется, что мое определение было самым точным; я имел возможность проверить его на Терредель-Сигнис, Земле Лебедя... Оно гласило: «Человек есть полная сумма всех его свершений, надежд на будущее и сожалений о прошлом».

На минуту отвлекитесь и подумайте. Это всеобъемлющее определение. Оно включает в себя и вдохновение, и любовь, и смех, и культуру... Но оно и вполне конкретно. Разве к устрице подходит последняя его часть?

Терра-дель-Сигнис, Земля Лебедя... Чудесное название. И чудесное место для меня. По крайней мере оно было таким долгое время...

Именно там я увидел, как определения Человека одно за другим стирались и исчезали с гигантской черной доски, пока не осталось лишь единственное.

...Приемник трещал чуть сильнее обычного.

И в этот ясный весенний день мои сто тридцать Глаз наблюдали за Бетти. Солнце ласкало зеленые и бурые почки на деревьях вдоль дороги, золотило поля, врывалось в дома, нагревало улочки, высушивало асфальт. Его лучи багряными и фиолетовыми полосами легли на гряду Святого Стефана, что в тридцати милях от города, и затопили лес у ее подножия морем из миллиона красок.

Я любовался Бетти и не замечал предвестников грядущей бури. Лишь, повторяю, шумы чуть громче сопровождали музыку, звучащую из моего карманного приемника.

Удивительно, как мы порой одухотворяем вещи. Ракета у нас часто женщина, «добрая верная старушка». «Она быстра, как ласточка», — говорим мы, поглаживая теплый кожух и восхищаясь женственностью плавных изгибов корпуса. Мы можем любовно похлопать капот автомобиля и сказать: «До чего же здорово берет с места, паршивец!..»

Сначала появилась на свет станция Бета. Через два десятилетия уже официально, по решению городского Совета, она стала именоваться Бетти.

Почему? И тогда мне казалось (лет девяносто назад), и сейчас, что ответ прост: уж такой она была — местом ремонта и отдыха, где после долгого прыжка сквозь ночь можно ощутить под ногами твердую почву, насладиться уютом и солнцем. Когда после тьмы, холода и молчания выходишь на свет, тепло и музыку — перед тобой Женщина. Я почувствовал это сразу, как только увидел станцию Бета — Бетти.

Я ее Патрульный.

...Когда шесть или семь из ста тридцати Глаз мигнули, а радио выплеснуло волну разрядов — только тогда я ощутил беспокойство.

Я вызвал Бюро прогнозов, и записанный на пленку девичий голос сообщил, что начало сезонных дождей ожидается в полдень или под вечер. Мои Глаза показывали прямые, ухоженные улицы Бетти, маленький космопорт, желто-бурые поля с редкими проблесками зелени, яркие разноцветные домики с блестящими крышами и высокими стержнями громоотводов, темные стены Аварийного Центра на верхнем этаже ратуши.

Приемник подавился разрядами и трещал, пока я его не выключил. Глаза, легко скользящие по магнитным линиям, начали мигать.

Я послал один Глаз на полной скорости к гряде Святого Стефана — минут двадцать ожидания, — включил автоматику и встал с кресла.

Я вошел в приемную мэра, подмигнул секретарше Лотти и взглянул на внутреннюю дверь.

— У себя?

Лотти, полная девушка неопределенного возраста, на миг оторвалась от бумаг на столе и одарила меня мимолетной улыбкой.

— Да.

Я подошел к двери и постучал.

— Кто? — раздался голос мэра.

— Годфри Джастин Холмс, — ответил я, входя в кабинет. — Ищу компанию на чашечку кофе.

Она повернулась на вращающемся кресле. Ее короткие светлые волосы всколыхнулись, как золотой песок от внезапного порыва ветра.

Она улыбнулась и сказала:

— Я занята.

«Маленькие ушки, зеленые глаза, чудесный подбородок — я люблю тебя», — из неуклюжего стишка, посланного мною к Валентинову дню два месяца назад.

— Ну уж ладно, сейчас приготовлю.

Я взял из открытой пачки на столе сигарету и заметил:

— Похоже, собирается дождь.

— Ага.

— Нет, серьезно. У Стефана, по-моему, бродит настоящий ураган. Скоро узнаю точно.

— Да, старичок, — сказала она, подавая мне кофе. — Вы, ветераны, со всеми вашими болями и ломотами, порой чувствуете погоду лучше, чем Бюро прогнозов, это установленный факт. Я не спорю.

Она улыбнулась, нахмурилась, затем снова улыбнулась.

Неуловимые, мгновенные смены выражения ее живого лица... Никак не скажешь, что ей скоро сорок. Но я точно знал, о чем она думала. Она всегда подшучивает над моим возрастом, когда ее беспокоят такие же мысли.

Понимаете, на самом деле мне тридцать пять, то есть я даже немного младше ее, но она еще ребенком слушала рассказы своего дедушки обо мне. Я два года был мэром Бетти после смерти Уитта, ее первого мэра.

Я родился на Земле пятьсот девяносто семь лет назад. Около пятисот шестидесяти двух из них провел во сне, в долгих странствиях меж звезд. На моем счету таких путешествий, пожалуй, больше, чем у других; следовательно, я анахронизм. Часто людям, особенно женщинам средних лет, кажется, будто мне каким-то образом удалось обмануть время...

— Элеонора, — сказал я. — Твой срок истекает в ноябре. Ты снова собираешься баллотироваться?

Она сняла узкие очки в изящной оправе и потерла веки.

— Еще не решила.

— Я спрашиваю не для освещения данной темы в печати, — подчеркнул я, — а исключительно в личных интересах.

— Я действительно не решила. Не знаю... В субботу, как всегда, обедаем вместе? — добавила она после некоторой паузы.

— Разумеется.

— Тогда тебе и скажу.

— Отлично.

— Серьезная буря? — спросила Элеонора, внезапно улыбнувшись.

— О да. Чувствую по своим костям.

Я допил кофе и вымыл чашку.

— Дай мне знать, когда уточнишь.

— Непременно. Спасибо.

Лотти напряженно трудилась и даже не подняла головы, когда я уходил.

Один мой Глаз забрался в самую высь и показывал бурлящие адскими вихрями облака по ту сторону гряды. Другой тоже даром времени не терял. Не успел я выкурить и половины сигареты, как увидел...

...На нас надвигалась гигантская серая стена.

Терра-дель-Сигнис, Земля Лебедя — прекрасное имя. Оно относится и к самой планете, и к ее единственному континенту.

Как кратко описать целый мир? Чуть меньше Земли и более богатый водой. Что касается материка... Приложите зеркало к Южной Америке так, чтобы шишка оказалась не справа, а слева, затем поверните изображение на девяносто градусов против часовой стрелки и переместите в Северное полушарие. Сделали? Теперь ухватите за хвост и тащите. Вытяните еще на шесть или семь сотен миль. Разбейте Австралию на восемь частей. Разбросайте их по Северному полушарию и окрестите соответственно первыми восемью буквами греческого алфавита. Насыпьте на полюса по полной ложке ванили и не забудьте перед уходом наклонить ось глобуса на восемнадцать градусов. Спасибо.

...Прошел метеорологический спутник и подтвердил мои опасения. По ту сторону гряды кипел ураган. Ураганы не редкость у нас — внезапные и быстротечные. Но бывают и затяжные, низвергающие больше воды и обрушивающие больше молний, чем любой их земной собрат.

Центр города, в котором сосредоточено девять десятых двухсоттысячного населения Бетти, расположен на берегу залива примерно в трех милях от главной реки Нобль; при-

города тянутся до самых ее берегов. Близость к экватору, океану и большой реке и послужили причиной основания станции Бета. На континенте есть еще девять городов, все моложе и меньше. Мы являемся потенциальной столицей потенциального государства.

Наша колония — это Полустанок, мастерская, заправочный пункт, место отдыха физического и духовного на пути к другим, более освоенным мирам. Землю Лебедя открыли много позже других планет — так уж получилось, — и мы начинали позже. Большинство колонистов стремились к более развитым планетам. Мы до сих пор отстаем и, несмотря на посильную помощь Земли, практически ведем натуральное хозяйство.

На востоке сверкнули молнии, загремел гром. Вскоре вся гряда Святого Стефана казалась балконом, полным чудовищ, которые, стуча хвостами и извергая пламя, переваливались через перила. Стена медленно начала опрокидываться.

Я подошел к окну. Густая серая пелена затянула небо. Налетел ветер; я увидел, как деревья внезапно содрогнулись и прижались к земле. Затем по подоконнику застучали капли, потекли ручейки. Пики Святого Стефана вспороли брюхо нависшей туче, под неимоверный грохот посыпались искры, и ручейки на окне превратились в реки.

Я вернулся к экранам. Десятки Глаз показывали одну и ту же картину: людей, стремглав бегущих к укрытиям. Самые предусмотрительные захватили зонтики и плащи, но таких было совсем мало. Люди редко прислушиваются к прогнозам погоды; по-моему, эта черта нашей психологии берет начало от древнего недоверия к шаману. Мы хотим, чтобы он оказался не прав. Уж лучше промокнуть, чем убедиться в его превосходстве...

Тут я вспомнил, что не взял ни зонта, ни плаща, ни галош. Ведь утро обещало чудесный день...

Я закурил сигарету и сел в свое большое кресло. Ни одна буря в мире не страшна моим Глазам.

Я сидел и смотрел, как идет дождь...

* * *

Пять часов спустя все так же лило и громыхало.

Я надеялся, что к концу работы немного просветлеет, но, когда пришел Чак Фулер, не было никаких надежд на улучшение. Чаку предстояло меня сменить; сегодня он был ночным Патрульным.

— Что-то ты рановато, — заметил я. — Часок посидишь бесплатно.

— Лучше сидеть здесь, чем дома.

— Крыша течет?

— Теща. Снова гостит.

Я кивнул.

Он сцепил руки за головой и откинулся в кресле, уставившись в окно. Я чувствовал, что приближается одна из его вспышек.

— Знаешь, сколько мне лет? — немного погодя спросил он.

— Нет, — солгал я. Ему было двадцать девять.

— Двадцать семь, — сказал он, — скоро будет двадцать восемь. А знаешь, где я был?

— Нет.

— Нигде! Здесь родился и вырос. Здесь женился — и никогда нигде не был! Раньше не мог, теперь семья...

Он резко подался вперед, закрыл лицо руками, как ребенок спрятал локти в коленях. Чак и в пятьдесят будет похож на ребенка — светловолосый, курносый, сухопарый. Наверное, он и вести себя будет как ребенок. Мне никогда этого не узнать.

Я промолчал, потому что никаких слов от меня не требовалось.

После долгой паузы он произнес:

— Ты-то везде побывал...

А через минуту добавил:

— Ты родился на Земле! На Земле! Еще до моего рождения ты повидал планет больше, чем я знаю. А для меня Земля — только название и картинки. И другие планеты — картинки и названия...

Устав от затянувшегося молчания, я проговорил:

— «Минивер Чиви...»

— Что это значит?

— Это начало старинной поэмы. То есть старинной теперь, а когда я был мальчишкой, просто старой. У меня были друзья, родственники, жена. Сейчас от них даже костей не осталось. Одна пыль. Настоящая пыль, без всяких метафор. Путешествуя среди звезд, ты автоматически хоронишь прошлое. Покинутый тобой мир будет полон незнакомцев, если ты когда-нибудь вернешься, или карикатур на твоих друзей, родственников, на тебя самого.

Немудрено в шестьдесят стать дедушкой, в восемьдесят — прадедушкой, но исчезни на три столетия, а потом вернись и повстречай своего прапрапрапраправнука, который окажется лет на двадцать тебя старше. Представляешь, какое это одиночество? Ты как бездомная пылинка, затерянная в космосе.

— Это невысокая цена.

Я рассмеялся. Я выслушивал его излияния раз в полтора-два месяца на протяжении вот уже почти двух лет, однако раньше меня они не трогали. Не знаю, что случилось сегодня. Вероятно, тут виноваты и дождь, и конец недели, и мои недавние визиты в библиотеку... Вынести его последнюю реплику я был уже не в силах. «Невысокая цена»! Что тут сказать?

Я рассмеялся.

Он моментально побагровел.

— Ты смеешься надо мной!

— Нет, — ответил я. — Над собой. Казалось бы — почему меня должны задевать твои слова? Значит...

— Продолжай.

— Значит, с возрастом я становлюсь сентиментальным, а это смешно.

— А! — Он подошел к окну, засунул руки в карманы, затем резко повернулся и произнес, внимательно глядя на меня: — Разве ты не счастлив? У тебя есть деньги и нет никаких оков. Стоит только захотеть, и ты улетишь на первом же корабле, куда тебе вздумается.

— Конечно, я счастлив. Не слушай меня.

Он снова повернулся к окну. Лицо его осветила сверкнувшая молния, и сказанные им слова совпали с раскатом грома.

— Прости, — услышал я как будто издалека. — Мне показалось, что ты — один из самых счастливых среди нас.

— Так и есть. Мерзкая погода... Она всем нам портит настроение, и тебе тоже.

— Да, ты прав. Уж сколько не было дождя.

— Зато сегодня отольется сполна.

Он улыбнулся.

— Пойду-ка я перекушу. Тебе чего-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

Чак, посвистывая, ушел. Настроение у него менялось тоже как у ребенка — вверх-вниз, вверх-вниз... А он — Патрульный. Пожалуй, самая неподходящая для него работа, требующая постоянного внимания и терпения. Мы патрулируем город и прилежащие окрестности.

Нам нет нужды насаждать закон. На Земле Лебедя почти отсутствует преступность. Слишком хорошо все знают друг друга, да и скрыться преступнику негде. Практически мы просто контролируем дорожное движение. Но каждый из ста тридцати моих Глаз имеет по шесть «ресничек» сорок пятого калибра — и тому есть причина.

Например, маленькая симпатичная кукольная панда — о, всего трех футов высотой, когда она сидит на задних лапах, — как игрушечный медвежонок, с крупными ушами, пушистым мехом, большими влажными карими глазами, розовым язычком, носом-пуговкой и с острыми белыми ядовитыми зубами.

Или резохват — оперенная рептилия с тремя рогами на покрытой броней голове, с длинным мощным хвостом и когтистыми лапами.

Или огромные океанские амебы, которые иногда поднимаются по реке и во время бурь и разливов выходят на сушу.

Поэтому Патрульная служба существует не только у нас, но и на многих других пограничных мирах. Я работал на

некоторых из них и убедился, что опытный Патрульный всегда может устроиться. Это такая же профессия, как чиновник Там-на-Земле.

Чак пришел позже, чем я ожидал. Собственно, он вернулся, когда я формально был уже свободен. Но он выглядел настолько довольным, что я не стал ему ничего говорить. Просто кивнул, стараясь не замечать его блуждающей улыбки и отпечатавшейся на воротнике рубашки бледной губной помады, взял свою трость и направился к выходу, под струи гигантской поливочной машины.

Идти под таким ливнем было невозможно. Пришлось вызвать такси и ждать минут пятнадцать. Элеонора уехала сразу после ленча, остальных в связи с непогодой отпустили еще час назад. Здание ратуши опустело и зияло темными окнами. А дождь барабанил в стены, звенел по лужам, лупил по асфальту и с громким журчанием сбегал к водосточным решеткам.

Я собирался провести вечер в библиотеке, но погода вынудила меня изменить планы — пойду завтра или послезавтра. Этот вечер предназначен для доброй еды, бренди, чтения в уютном кресле — и пораньше в постель. Уж по крайней мере в такую погоду хорошо спать.

К двери подъехало такси. Я побежал.

На следующее утро дождь сделал на час передышку; затем снова заморосило, и уже без остановок. К полудню мелкий дождик превратился в мощный ливень.

Я жил, в сущности, на окраине, возле реки. Нобль набух и раздулся, канализационные решетки захлебывались; вода текла по улицам. Дождь лил упорно, расширяя лужи и озерца под барабанный аккомпанемент небес и падение слепящих огней. Мертвые птицы плыли в потоках воды и застревали в сливных решетках. По Городской площади разгуливала шаровая молния; огни святого Эльма льнули к флагу, обзорной башне и большой статуе Уитта, пытающегося сохранить геройский вид.

Я направлялся в центр, к библиотеке, медленно ведя машину через бесчисленные пузырящиеся лужи. Сотрясатели

небес, видимо, в профсоюз не входили, потому что работали без перекуров. Наконец я добрался и, с трудом найдя место для машины, побежал к библиотеке.

В последние годы я стал, наверное, книжным червем. Нельзя сказать, что меня так сильно мучит жажда знаний; просто я изголодался по новостям.

Конечно, существуют скорости выше световой. Например, фазовые скорости радиоволн в ионной плазме, но... Скорость света, как близко к ней ни подходи, не превзойти, когда речь идет о перемещении вещества.

А вот жизнь можно продлить достаточно просто. Поэтому я так одинок. Каждая маленькая смерть в начале полета означала воскресение в ином краю и в ином времени. У меня же их было несколько — и так я стал книжным червем.

Новости идут медленно, как корабли. Купите перед отлетом газету и проспите лет пятьдесят — в пункте вашего назначения она все еще будет свежей. Но там, где вы ее купили, это исторический документ. Отправьте письмо на Землю, и внук вашего корреспондента, вероятно, ответит вашему праправнуку, если и тот, и другой проживут достаточно долго.

В каждой малюсенькой библиотеке Здесь-у-Нас есть редкие книги — первоиздания популярных романов, которые люди частенько покупают перед отлетом Куда-нибудь, а потом, прочитав, приносят.

Мы живем сами по себе и всегда отстаем от времени, потому что эту пропасть не преодолеть. Земля руководит нами в такой же мере, в какой мальчик управляет воздушным змеем, дергая за порванную нить.

Вряд ли Йейтс представлял себе что-нибудь подобное, создавая прекрасные строки: «Все распадается, не держит сердцевина». Вряд ли. Но я все равно должен ходить в библиотеку, чтобы узнавать новости.

День продолжался.

Слова газет и журналов текли по экрану в моей кабинке, а с небес и гор Бетти текла вода — заливая поля и леса, окружая дома, всюду просачиваясь и неся с собой грязь.

В библиотечном кафетерии я перекусил и узнал от милой девушки в желтой юбке, что улицы уже перегородили мешками с песком, и движение от центра к западным районам прекращено.

Я натянул непромокаемый плащ, сапоги и вышел.

На Главной улице высилась стена мешков с песком, но вода все равно доставала до лодыжек и постоянно прибывала.

Я посмотрел на статую дружища Уитта. Ореол величия осознал свою ошибку и покинул его. Герой держал в левой руке очки и глядел на меня сверху вниз с некоторым опасением: не расскажу ли я о нем, не разрушу ли это тяжелое, мокрое и позеленевшее великолепие?

Пожалуй, я единственный человек, кто действительно помнит его. Он в буквальном смысле хотел стать отцом своей новой необъятной страны и старался, не жалея сил. Три месяца был он первым мэром, а в оставшийся двухлетний срок его обязанности исполнял я. В свидетельстве о смерти сказано: «Сердечная недостаточность», но ничего не говорится о кусочке свинца, который ее вызвал. Их уже нет в живых, тех, кто был замешан в этой истории. Все давно лежат в земле: испуганная жена, разъяренный муж, патологоанатом... Все, кроме меня. А я не расскажу никому, потому что Уитт — герой, а Здесь-у-Нас статуи героев нужнее, чем даже сами герои.

Я подмигнул своему бывшему шефу; с его носа сорвалась капля воды и упала в лужу у моих ног.

Внезапно небо разверзлось. Мне показалось, что я попал под водопад. Я кинулся к ближайшей подворотне, поскользнулся и едва устоял на ногах.

Минут десять непогода бушевала как никогда в моей жизни. Потом, когда я снова обрел зрение и слух, я увидел, что улица — Вторая авеню — превратилась в реку. Неся мусор, грязь, бумаги, шляпы, палки, она катилась мимо моего убежища с противным бульканьем. Похоже, что уровень воды поднялся выше моих сапог... Я решил переждать.

Но вода не спадала.

Я попробовал сделать бросок, но с полными сапогами не очень-то разбежишься.

Как можно чем-нибудь заниматься с мокрыми ногами? Я с трудом добрался до машины и поехал домой, чувствуя себя капитаном дальнего плавания, который всю жизнь мечтал быть погонщиком верблюдов.

Когда я подъехал к своему сырому, но незатопленному гаражу, на улице царил полумрак. А в переулке, по которому я шел к дому, казалось, наступила ночь. Траурно-черное небо, уже три дня скрывавшее солнце (удивительно, как можно по нему соскучиться!), обволокло тьмой кирпичные стены переулка, но никогда еще не видел я их такими чистыми.

Я держался левой стороны, пытаясь хоть как-то укрыться от косых струй. Молнии освещали дорогу, выдавая расположение луж. Мечтая о сухих носках и сухом мартини, я завернул за угол.

И тут на меня бросился орг.

Половина его чешуйчатого тела под углом в сорок пять градусов приподнялась над тротуаром, вознося плоскую широкую голову вровень с дорожным знаком «СТОП». Он катился ко мне, быстро семеня бледными лапками, грозно ощерив острые смертоносные зубы.

Я прерву свое повествование и расскажу о детстве, которое как живое встало в этот миг перед моими глазами.

Родился и вырос я на Земле. Учась в колледже, первые два года работал летом на скотном дворе; помню его запахи и шумы. И помню запахи и шумы университета: формальдегид в биологических лабораториях, искаженные до неузнаваемости французские глаголы, всеподавляющий аромат кофе, смешанный с табачным дымом, дребезжание звонка, тщетно призывавшего в классы, запах свежескошенной травы (черный великан Энди катит тарахтящую газонокосилку, бейсбольная кепка надвинута на брови, на губе висит потухшая сигарета) и, конечно, звон клинков. Четыре семестра физическое воспитание было обязательным предметом. Единственное спасение — заняться спортом. Я выбрал фехтование, потому что теннис, баскетбол, бокс, борьба — все эти виды, казалось, требовали слишком много сил, а на

клюшки для гольфа у меня не было денег. Я и не подозревал, что последует за этим выбором. Я полюбил фехтование и занимался им гораздо дольше четырех обязательных семестров.

Попав сюда, я сделал себе трость. Внешне она напоминает рапиру. Только больше одного укола ею делать не приходится.

Свыше восьмисот вольт, если нажать неприметную кнопку на рукоятке...

Моя рука рванулась вперед и вверх, а пальцы при этом нажали неприметную кнопку.

И оргу настал конец.

Я с брезгливой осторожностью обошел труп. Подобные создания иногда выходят из раздувшейся утробы реки. Помню еще, что оглянулся на него раза три, а затем включил трость и не разжимал пальцев до тех пор, пока не запер за собой дверь дома и не зажег свет.

Да будут ваши улицы чисты от оргов!

Суббота.

Дождь. Кругом сырость.

Вся западная часть города огорожена мешками с песком. Они еще сдерживают воду, но кое-где уже текут песочные реки.

К тому времени из-за дождя уже погибли шесть человек.

К тому времени уже были пожары, вызванные молниями, несчастные случаи в воде, болезни от сырости и холода.

К тому времени мы уже не могли точно подсчитать материальный ущерб.

Хотя у меня был выходной, я пошел на работу. Я сидел вместе с Элеонорой в ее кабинете. На столе лежала громадная карта спасательных работ. Шесть Глаз постоянно висели над аварийными точками и передавали изображение на вынесенные в кабинет экраны. На круглом столике стояли несколько новых телефонов и большой приемник.

Буря трясла не только нас. Сильно пострадал город Батлера выше по реке, Лаури медленно уходил под воду. Вся округа дрожала и кипела.

Несмотря на прямую связь, в то утро мы трижды вылетали на места происшествий: когда снесло мост через Ланс; когда было затоплено вайлвудское кладбище; и, наконец, когда на восточной окраине смыло три дома с людьми. Вести маленький, подвластный всем ветрам флайер Элеоноры приходилось по приборам. Я три раза принимал душ и дважды переодевался в то утро.

После полудня дождь как будто стал утихать. И хотя тучи не рассеялись, мы уже могли более или менее успешно бороться со стихией. Слабые стены удалось укрепить, эвакуированных накормить и обсушить, убрать нанесенный мусор.

...И все патрульные Глаза бросили на защиту от оргов.

Давали о себе знать и обитатели затопленных лесов. Семь резохватов и целая орда кукольных панду были убиты в тот день, не говоря уже о ползучих тварях, порождениях бурных вод Нобля, земных угрях, острохвостых крысах и прочей гадости.

В 19.00, казалось, все застыло в мертвой точке. Мы с Элеонорой сели в флайер и взмыли в небо.

Нас окружала ночь. Мерцающий свет приборов освещал усталое лицо Элеоноры. Слабая улыбка лежала на ее губах, глаза блестели. Непокорная прядь волос закрывала бровь.

— Куда ты меня везешь? — спросила она.

— Вверх, — сказал я. — Хочу подняться над бурей.

— Зачем?

— Мы давно не видели чистого неба.

— Верно... — Она наклонилась вперед, прикуривая сигарету.

Мы вышли из облаков.

Темным было небо, безлунным. Звезды сияли как бриллианты. Тучи струились внизу потоком лавы.

Я «заякорил» флайер и закурил сам.

— Ты старше меня, — наконец произнесла Элеонора. — Ты знаешь?

— Нет.

— Как будто какая-то мудрость, какая-то сила, какой-то дух времени впитываются в человека, летящего меж звезд. Я ощущаю это, когда нахожусь рядом с тобой.

Я молчал.

— Вероятно, это людская вера в силу веков... Ты спрашивал, собираюсь ли я оставаться мэром на следующий срок. Нет. Я собираюсь устроить свою личную жизнь.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Да, — сказала она и улыбнулась мне, и я ее поцеловал. Мы плыли над невидимым городом, под небом без луны.

Я хочу рассказать о Полустанке и об Остановке в Пути.

Зачем прерывать полуторавековой полет? Во-первых, никто не спит постоянно. На корабле масса мелких устройств, требующих неослабного внимания человека. Команда и пассажиры по очереди несут вахту. После нескольких таких смен вас начинает мучить клаустрофобия, резко падает настроение. Следовательно, нужна Остановка.

Между прочим, Остановки обогащают жизнь и экономику перевалочных миров. На планетах с маленьким населением каждая Остановка — праздник с танцами и песнями. На больших планетах устраивают пресс-конференции и парады. Вероятно, нечто похожее происходит и на Земле. Мне известно, что одна неудавшаяся юная звезда по имени Мэрилин Остин провела три месяца Здесь-у-Нас и вернулась на Землю. Она пару раз появилась на экранах, порассуждала о культуре колонистов, продемонстрировала свои белые зубы и получила великолепный контракт, третьего мужа и первую главную роль. Это тоже свидетельствует о значении Остановок в Пути.

Я посадил флайер на крышу «Геликса», самого большого на Бетти гостиничного комплекса, где Элеонора занимала двухкомнатный номер.

Элеонора приготовила бифштекс, печеную картошку, пиво — все, что я люблю. Я был сыт, счастлив и засиделся до полуночи, строя планы на будущее. Потом поймал такси и доехал до Городской площади, решив зайти в Аварийный Центр и узнать, как идут дела.

Лифт был слишком тихий. Лифт не должен еле слышно вздыхать и бесшумно открывать двери. Ничем не нарушив тишину, я завернул за угол коридора Аварийного Центра.

Над такой позой, наверное, с удовольствием поработал бы Роден. Мне еще повезло, что я зашел именно сейчас, а не минут на десять позже.

Чак Фулер и Лотти, секретарша Элеоноры, практиковали «искусственное дыхание изо рта в рот» на диване в маленьком алькове возле дверей. Чак лежал ко мне спиной. Лотти увидела меня через его плечо; она вздрогнула, и Чак быстро повернул голову.

— Джастин...

Я кивнул.

— Проходил мимо и решил заглянуть, узнать новости.

— Все... все хорошо, — произнес он, вставая. — Глаза в автоматическом режиме, а я вышел... м-м... покурить. У Лотти ночное дежурство, и она пришла... пришла посмотреть, не надо ли нам чего-нибудь отпечатать. У нее внезапно закружилась голова, и мы вышли сюда, к дивану...

— Да, она выглядит немного... не в своей тарелке, — сказал я. — Нюхательные соли и аспирин в аптечке.

Обрывая этот щекотливый разговор, я прошел в Аварийный Центр. Чувствовал я себя весьма неважно.

Через несколько минут появился Чак. Я смотрел на экраны. Положение, кажется, стабилизировалось, хотя все сто тридцать Глаз омывал дождь.

— Джастин, — произнес он, — я не знал о твоем приходе...

— Ясно.

— Что я хочу сказать... Ты ведь не сообщишь?..

— Нет.

— И не скажешь об этом Цинции?

— Я никогда не вмешиваюсь в личные дела. Как друг советую заниматься этим в другое время и в более подходящем месте. Но вся эта история уже начинает забываться. Уверен, что через минуту вообще ничего не буду помнить.

— Спасибо, Джастин, — проговорил он.

— Что нам обещает Бюро прогнозов?

Чак покачал головой, и я набрал номер.

— Плохо. — Я повесил трубку. — Дожди.

— Черт побери, — хрипло сказал он и дрожащими руками зажег сигарету. — Эта погода дьявольски действует на нервы.

— Мне тоже. Ладно, побегу, а то сейчас снова польет. Завтра загляну. Счастливо.

— Спокойной ночи.

Я спустился вниз, надел плащ и вышел. Лотти нигде не было видно.

Небо раскололи молнии, и дождь хлынул как из ведра. Когда я ставил машину в гараж, вода лилась сплошной стеной, а переулок освещали постоянные всполохи.

Хорошо дома, в тепле, наблюдать исступленное беснование природы...

Вспышки, пульсирующий свет, ослепительно белые стены домов напротив, невероятно черные тени рядом с белизной подоконников, занавесок, балконов... А наверху плясали живые щупальца адского огня, и, сияя голубым ореолом, плыл Глаз. Облака раскололись и светились, как геенна огненная; грохотал и ревел гром; и бело-прозрачные струи разбивались о светлое зеркало дороги. Резохват — трехрогий, уродливый, зеленый и мокрый — выскочил из-за угла через миг после того, как я услышал звук, который приписал грому. Чудовище неслось по курящемуся асфальту, а над ним летел Глаз, внося свинцовую лепту в ураганный ливень. Оба исчезли за поворотом...

Кто мог нарисовать подобную картину? Не Эль Греко, не Блейк, нет. Босх. Вне сомнения, Босх с его кошмарным видением адских улиц. Только он мог изобразить этот момент бури.

Я смотрел в окно до тех пор, пока черное небо не втянуло в себя огненные щупальца. Внезапно все погрузилось в полную тьму, и остался лишь дождь.

Воскресенье. Всюду хаос.

Горели свечи, горели церкви, тонули люди, по улицам метались (точнее, плыли) дикие звери, целые дома сносило с фундаментов и швыряло, как бумажки, в лужи. На нас напал великий ветер, и наступило безумие.

Проехать было невозможно, и Элеонора послала за мной флайер. Все рекордные отметки уровня воды оказались побиты. То был разгар тяжелейшего урагана в истории Бетти.

Теперь мы уже не могли остановить разгул стихии. Оставалось лишь помогать тем, кому мы еще могли помочь.

Я сидел перед экранами и наблюдал. Лило как из ведра, и лило сплошной стеной, на нас выливались озера и реки. Иногда казалось, что на нас льются океаны. С запада налетел ветер и стал швырять дождь вбок с неистовой силой. Ветер начался в полдень и через несколько часов затих, но оставил город разбитым и исковерканным. Уитт лежал на бронзовом боку, дома зияли пустыми рамами, начались перебои с электроэнергией. Один мой Глаз показал трех кукольных панду, разрывающих тело мертвого ребенка. Я убил их через расстояние и дождь. Рядом всхлипывала Элеонора. Срочно требовалась помощь беременной женщине, спасающейся на вершине затопленного холма. Мы пытались пробиться к ней на флайере, но ветер... Я видел пылающие здания и трупы людей и животных. Я видел заваленные автомобили и разбитые молниями дома. Я видел водопады там, где раньше никаких водопадов не было. Мне много пришлось стрелять в тот день, и не только по тварям из леса. Шестнадцать моих Глаз были подстрелены грабителями. Надеюсь никогда больше не увидеть некоторые из фильмов, которые я заснял в тот день.

Когда наступила ночь этого кошмарного воскресенья, а дождь не прекращался, я третий раз в жизни испытал отчаяние.

Мы с Элеонорой находились в Аварийном Центре. Только что опять погас свет. Остальные сотрудники располагались на третьем этаже. Мы сидели в темноте, не двигаясь, не в состоянии что-либо сделать. Даже наблюдать мы не могли, пока не дадут энергию.

Мы говорили.

Сколько это длилось — пять минут или час, — не могу с уверенностью сказать. Помню, однако, что я рассказывал ей о девушке, погребенной на другом мире, чья смерть толкнула меня на бегство. Два перелета — и я уничтожил свою связь с тем временем. Но столетнее путешествие не заменит века забытья; нет, время нельзя обмануть холодным сном. Память — мститель времени; и пусть ваши уши будут глухи,

глаза слепы и необъятная бездна ледяного космоса ляжет между вами — память хранит все, и никакие увертки не спасут от ее тяжести. Трагической ошибкой будет возвращение к безымянной могиле, в изменившийся и ставший чужим мир, в место, которое было вашим домом. Снова вы будете спасаться бегством и действительно начнете забывать, потому что время все-таки идет. Но взгляните: вы одиноки, вы совершенно одиноки. Тогда, впервые в жизни, я понял, что такое настоящее отчаяние. Я читал, работал, пил, забывался с женщинами — но наступало утро, а я оставался самим собой и сам с собой. Я метался от одного мира к другому, надеясь: что-то изменится, изменится к лучшему. Однако с каждой переменой только дальше отходил от всего того, что знал.

Тогда другое чувство стало постепенно завладевать мною, и это было действительно кошмарное чувство: для каждого человека *должно* найтись наиболее соответствующее место и время. Вдумайтесь. *Где* и *когда* во всем необъятном космосе хотел бы я прожить остаток своих дней в полную силу? Да, прошлое мертво, но, может быть, счастливое будущее ожидает меня на еще не открытой планете, в еще не наступивший момент? Как знать! А если счастье мое находится в соседнем городе или откроется мне *здесь* через пять лет? Что, если тут я буду мучиться до конца жизни, а Ренессанс моих дней, мой Золотой Век рядом, совсем рядом, стоит лишь купить билет?.. И тогда во второй раз пришло отчаяние.

Я не знал ответа, пока не пришел сюда, на Землю Лебедя. Я не знаю, почему люблю тебя, Элеонора, но я люблю; и это мой ответ.

Когда зажегся свет, мы сидели и курили. Она рассказала мне о своем муже, который вовремя умер смертью героя и спасся от старческой немощи. Умер, как умирают храбрецы — бросился вперед и стал на пути волкоподобных тварей, напавших на исследовательскую партию, в состав которой он входил. В лесах у подножия гряды Святого Стефана он бился одним мачете и был разорван на части, в то время как его товарищи благополучно добежали до лагеря и спаслись. Та-

кова сущность доблести: миг, предопределенный полной суммой всех свершений, надежд на будущее и сожалений о прошлом.

Определения... Человек — разумное животное? Нечто выше зверей, но ниже ангелов? Только не убийца, которого я застрелил в ту ночь. Он не был даже тем, кто использует орудия и хоронит мертвых... Смех? Я давно не слышал смеха. Изобретает религии? Я видел молящихся людей, однако они ничего не изобретали, а просто предпринимали последние попытки спасти себя, когда остальные средства уже были исчерпаны.

Создание, которое любит?

Вот единственное, что я не могу отрицать. Я видел мать, которая стояла по шею в бурлящей воде и держала на плечах дочь, а маленькая девочка поднимала вверх свою куклу. Но разве любовь — не часть целого? Надежд на будущее и сожалений о прошлом? Именно это заставило меня покинуть пост, добежать до флайера Элеоноры и пробиваться сквозь бурю.

Я опоздал.

Джонни Кимс мигнул фарами, взлетая, и передал по радио:

— Порядок. Все со мной, даже кукла.

— Хорошо, — сказал я и отправился назад.

Не успел я посадить машину, как ко мне приблизилась фигура. Я вылез из флайера и увидел Чака. В руке он сжимал пистолет.

— Я не буду убивать тебя, Джастин, — начал он, — но я тебя раню. Лицом к стене! Я беру флайер.

— Ты спятил? — спросил я.

— Я знаю, что делаю. Мне он нужен.

— Если нужен, бери. Совсем не обязательно угрожать мне оружием.

— Он нужен нам — мне и Лотти! Поворачивайся!

Я повернулся к стене.

— Что?..

— Мы улетаем вместе, немедленно!

— Ты с ума сошел, — сказал я. — Сейчас не время...

— Идем, Лотти, — позвал он, и я услышал за спиной шорох юбки.

— Чак! — воскликнул я. — Ты необходим нам сейчас! Такие вещи можно уладить потом — через неделю, через месяц, когда восстановится хоть какой-то порядок. В конце концов, существуют разводы!

— Никакой развод не поможет мне убраться отсюда!

— Ну а как *это* поможет тебе?

Я повернулся и увидел, что у него откуда-то появился большой брезентовый мешок, который висел за левым плечом, как у Санта Клауса.

— Повернись! Я не хочу стрелять в тебя, — предупредил он.

Страшное подозрение возникло у меня в голове.

— Чак, ты стал грабителем?

— Повернись!

— Хорошо, я повернусь. Интересно, куда ты думаешь удрать?

— Достаточно далеко. Достаточно далеко, чтобы нас не нашли. А когда придет время, мы покинем этот мир.

— Нет, — произнес я. — Не думаю. Потому что знаю тебя.

— Посмотрим.

Я услышал быстрые шаги и стук дверцы. Я повернулся тогда и проводил взглядом взлетающий флайер. Больше я их никогда не видел.

Внутри, сразу за дверью, лежали двое мужчин. К счастью, они не были тяжело ранены. Когда подоспела помощь, я поднялся в Аварийный Центр и присоединился к Элеоноре.

Всю ту ночь мы, опустошенные, ждали утра.

Наконец оно наступило.

Мы сидели и смотрели, как свет медленно пробивался сквозь дождь. Так много всего произошло и так быстро все случилось за последнюю неделю, что мы были не готовы к этому утру.

Оно принесло конец дождям.

Сильный северный ветер расколол свод туч, и в трещины хлынул свет. Участки чистого неба быстро расширялись,

черная стена исчезала на глазах. Теплое благодатное долгожданное солнце поднялось над пиками Святого Стефана и расцеловало их в обе щеки.

У всех окон сгрудились люди. Я присоединился к ним и десять минут не отрывал глаз.

Грязь была повсюду. Она лежала в подвалах и на механизмах, на водосточных решетках и на одежде. Она лежала на людях, на автомобилях и на ветках деревьев. Стаи стервятников взлетали при нашем приближении и затем снова возвращались к прерванному пиршеству. Развалины зданий, разбитые крыши, стекла, мебель загромождали дорогу, полузасыпанные подсыхающей коричневой грязью. Еще не было подсчитано число погибших. Кое-где еще текла вода, медленно и вяло. Над городом поднималась вонь. Разбитые витрины, упавшие мосты... Но к чему продолжать? Наступило утро, следующее за ночной попойкой богов; людям оставалось либо убирать отходы, либо оказаться под ними погребенными.

И мы убирали. К полудню Элеонора не выдержала — сказалось напряжение предыдущих дней, — и я повез ее к себе домой, потому что мы работали у гавани, ближе ко мне.

Вот почти и вся история — от света к тьме и снова к свету, — кроме самого конца, который мне неизвестен. Я могу рассказать лишь его начало...

Элеонора пошла к дому, а я загонял машину в гараж. Почему я не оставил ее с собой?.. Не знаю. Может быть, виновато солнце, которое превратило мир в рай, скрыв его мерзость. Может быть, моя любовь, испарившийся дух ночи и восторжествовавшее счастье.

Я поставил машину и зашагал по аллее. Я был на полпути к углу, где встретил огра, когда услышал ее крик.

Я побежал. Страх придал мне сил.

За углом в луже стоял человек с мешком, как у Чака. Он рылся в сумочке Элеоноры, а она лежала неподалеку на земле — так неподвижно! — с окровавленной головой...

Я кинулся вперед, на бегу нажав кнопку. Он обернулся, выронил сумочку и схватился за револьвер, висевший на поясе.

Мы были в тридцати футах друг от друга, и я бросил трость.

Он прицелился, и в этот момент моя трость упала в лужу, в которой он стоял.

Элеонора еще дышала. Я внес ее в дом и вызвал врача — не помню как; вообще ничего отчетливо не помню. И ждал, и ждал.

Она прожила еще двенадцать часов и умерла. Дважды приходила в себя до операции и ни разу после. Только раз мне улыбнулась и снова заснула.

Я не знаю.

Ничего.

Случилось так, что я вновь стал мэром Бетти. Надо было восстанавливать город. Я работал, работал без устали, как сумасшедший, и оставил его таким же ярким и светлым, каким впервые увидел. Думаю, что если бы захотел, то мог остаться на посту мэра после выборов в ноябре. Но я не хотел.

Городской Совет отклонил мои возражения и принял решение возвести на площади статую Годфри Джастина Холмса рядом со статуей Элеоноры Ширрер — напротив вычищенного и отполированного Уитта. Наверное, там они и стоят.

Я сказал, что никогда не вернусь; но кто знает? Через долгие годы скитаний я, быть может, вновь прилечу на ставшую незнакомой Бетти хотя бы для того, чтобы возложить венок к одной статуе.

Прибыл корабль — Остановка в Пути; я попрощался и взошел на борт.

Я взошел на борт и забылся холодным сном.

Летят годы. Я их не считаю. Но об одном думаю часто: есть *где-то* Золотой Век, мой Ренессанс, быть может, в другом месте, быть может, в другом времени; надо лишь дождаться или купить билет. Не знаю, *куда* или *когда*. А кто знает? Где все вчерашние дожди?

Снаружи холод и тишина; движение не ощущается.

Нет луны, и звезды ярки, как бриллианты.

Филип Кендред Дик
ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ

Куайл проснулся — и сразу захотел на Марс. «Чудесные долины... побродить бы по ним...» — с завистливой тоской подумал он. Он почти что чувствовал обволакивающее присутствие того, другого мира, который видели только секретные агенты да высшие правительственные чины. Куда там клерку... Нет, это невозможно.

— Ты собираешься вставать? — сонно пробормотала Кирстен с обычной злобной раздражительностью. — Свари кофе.

— Хорошо, — сказал Дуглас Куайл и босиком прошлепал из спальни на кухню. Там он поставил кофе, уселся за столик, достал маленькую жестянку «Диновского нюхательного» и резко втянул в себя воздух. Острая смесь защипала в носу, обожгла уголки рта, но Куайл продолжал вдыхать; это пробуждало его и приводило ночные фантазии и тайные мечты к некоему подобию рациональности.

Я добьюсь, твердил себе Куайл. Я попаду на Марс.

Конечно, это неосуществимо, и он постоянно осознавал иллюзорность своего желания, даже во сне. Дневной свет, копошение жены, расчесывающей волосы перед зеркалом, — все сговорилось поставить его на место, напомнить ему, кто он такой. Самый обыкновенный мелкий служащий, горько сказал себе Куайл. Кирстен напоминала ему об этом по крайней мере раз в день, и он ее не винил; дело

жены возвращать мужа на землю. На Землю, подумал он и засмеялся. Буквально выражаясь.

— Чего ты там хихикаешь? — спросила Кирстен, влетая на кухню в развевающемся розовом халатике. — Небось опять замечтался.

— Да, — произнес он и уставился в окно, вниз, на оживленное движение, на маленькие деловитые фигурки людей, спешащих на работу. Скоро он будет среди них. Как всегда.

— Спорю, что о какой-нибудь шлюхе, — уничижительно заметила Кирстен.

— Нет. О Боге. Боге войны. С изумительными кратерами, в глубинах которых прячутся всевозможные растения.

— Послушай. — Кирстен присела перед ним на корточки; резкость исчезла из ее голоса. — Дно океана — нашего океана — намного, гораздо красивее. Ты знаешь это; все это знают. Достань жаброкостюмы, возьми неделю за свой счет, и поживем там в одном из круглогодичных курортов. Мы еще к тому же... — Она осеклась. — Ты не слушаешь! А следовало бы. Ты одержим своим Марсом, своей навязчивой идеей. — Ее голос поднялся до пронзительных нот. — Боже милосердный, Дуг, куда ты катишься?!

— На работу, — сказал он, поднимаясь на ноги, забыв про завтрак. — Вот куда я качусь.

Она пристально посмотрела на мужа.

— С каждым днем ты становишься все упрямее. Куда это тебя приведет?

— На Марс, — ответил он и достал из шкафа свежую рубашку.

Выйдя из такси, Дуглас Куайл пересек три набитые до отказа пешеходные ленты и подошел к современному привлекательному зданию. Там он остановился, прямо среди дневной толчеи, и медленно прочитал мерцающую неоновую вывеску. Он и раньше приглядывался к ней... но никогда не приближался. Однако рано или поздно это должно было случиться... «ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.».

Ответ на его мечту? Но ведь иллюзия, даже самая убедительная, всегда остается не более чем иллюзией. По крайней мере объективно. А субъективно — совсем напротив...

Так или иначе, его ждут. Через пять минут встреча.

Набрав полную грудь чикагского воздуха вперемешку с копотью, он прошел через сверкающее многоцветье входа в приемную.

Аккуратная симпатичная блондинка за столом приветливо улыбнулась.

— Добрый день, мистер Куайл.

— Да, — невнятно пробормотал он. — Я хотел бы пройти курс воспоминаний. Вы, очевидно, знаете.

Секретарша сняла трубку видеофона.

— Мистер Макклейн, здесь мистер Куайл. Можно ему заходить или еще рано?

— Пст фрум-брум-грум, — зарокотало в трубке.

— Пожалуйста, мистер Куайл, — сказала секретарша. — Мистер Макклейн ждет вас. Направо, комната Д.

После короткого замешательства он нашел нужную дверь. За необъятным столом из настоящего орехового дерева восседал радушного вида мужчина средних лет, в модном сером костюме из кожи марсианской лягушки. Уже одна только одежда говорила Куайлу, что он попал по адресу.

— Садитесь, Дуглас, — пригласил Макклейн, махнув пухлой рукой на кресло у стола. — Итак, вы хотите побывать на Марсе. Превосходно.

Куайл сел.

— Я не совсем уверен... — напряженно произнес он. — Это стоит уйму денег, а я, похоже, ничего не получаю.

Ненамного дешевле настоящей поездки, подумал он.

— У вас будут ощутимые доказательства, — живо возразил Макклейн. — Все, что потребуется. Позвольте показать. — Он выдвинул ящик и достал толстую папку. — Корешок билета. — Из папки появился квадратик прокомпостированного картона. — Следовательно, вы ездили туда — и обратно. Далее, открытки. — Он извлек четыре цветные стереооткрытки и разложил их перед Куайлом. — Пленка. Снимки марсианских достопримечательностей, которые вы делали взятой напрокат камерой. Имена встреченных там людей. Плюс на две сотни сувениров; вы получите их — с Марса — в следующем месяце.

Ну и паспорт, почтовая квитанция. — Он взглянул на Куайла. — Не беспокойтесь, вы будете уверены, что побывали там. Вы не запомните меня, не запомните свой визит. Но мы гарантируем, что для вас это будет самое настоящее путешествие. Полные две недели воспоминаний, вплоть до мельчайших подробностей. Посудите сами: вы не секретный агент Интерплана, а иначе вам на Марс не попасть. Лишь с нашей помощью вы осуществите свою заветную мечту. И учтите: когда бы вы ни усомнились в достоверности воспоминаний, можете вернуться к нам и сполна получить свои деньги.

— Неужели наложенная память столь прочна? — спросил Куайл.

— Лучше настоящей, сэр, — заверил Макклейн. — Побывай вы действительно на Марсе в качестве агента Интерплана, многое бы уже забылось. Мы же обеспечиваем такие устойчивые воспоминания, что не потускнеет ни одна деталь. Это творение опытных специалистов, экспертов, людей, которые провели на Марсе долгие годы. И в каждом случае мы все тщательно проверяем. Причем ваша мечта имеет достаточно вещественную основу: выбери вы Плутон или захоти вы стать Императором Лиги Внутренних Планет, у нас бы возникло гораздо больше трудностей... и соответственно значительно возросла бы плата.

— Хорошо, — решил Куайл и потянулся за бумажником. — Если нет другого пути, придется довольствоваться...

— Не надо так говорить! — возмущенно воскликнул Макклейн. — Вы думаете, что вам подсовывают второсортный товар? Естественная память со всеми ее неточностями, искажениями и провалами — вот второсортный товар!

Макклейн взял деньги и нажал кнопку на селекторе.

— Что же, мистер Куайл, — мягко проговорил он, когда в открывшуюся дверь вошли двое коренастых мужчин, — желаю секретному агенту счастливого пути на Марс.

Макклейн поднялся и вышел из-за стола, чтобы пожать вспотевшую ладонь Куайла.

— Собственно, ваше путешествие уже завершилось. Сегодня в шестнадцать тридцать вы... гм-м... прибудете на Зем-

лю. Такси отвезет вас домой, и, как я говорил, вы никогда не вспомните меня или свой визит к нам. Вы забудете даже, что слышали о нашем существовании.

От волнения у Куайла пересохло во рту. На нетвердых ногах он вышел вслед за двумя техниками из кабинета.

«Неужели я искренне буду полагать, что слетал на Марс? — думал он. — Что сумел осуществить заветную мечту всей жизни?»

Им овладело какое-то зудящее предчувствие недоброго... Оставалось только ждать.

Селектор на столе Макклейна загудел, и раздался спокойный мужской голос:

— Мистер Куайл под наркозом, сэр. Разрешите начинать, или вы будете присутствовать лично?

— Начинайте, Лоу, — бросил Макклейн. — Это самый обычный случай; не должно быть никаких осложнений.

Имплантацию искусственной памяти о путешествии на другие планеты приходилось делать с монотонной регулярностью. За месяц, прикинул он с кислой миной, около двадцати раз. Эрзац-путешествия буквально стали нашим хлебом.

— Хорошо, мистер Макклейн, — ответил Лоу, и селектор замолчал.

Открыв большой шкаф, Макклейн покопался и вытащил два пакета: пакет № 3 — «Путешествие на Марс» — и пакет № 62 — «Секретный агент Интерплана». Он вернулся за стол, удобно устроился в кресле и вывалил содержимое пакетов: предметы, которые предстояло поместить в квартиру Куайла, пока тот находится без сознания.

Пистолет за одну кредитку, самый дорогой предмет в нашем списке, иронично отметил Макклейн. Крошечный передатчик, который следует проглотить в случае провала агента... Кодовая книга, поразительно напоминающая настоящую... Всякая мелочь, не имеющая сама по себе существенного значения, но неразрывно связанная с воображаемым путешествием: половинка древней серебряной монеты достоинством в 50 центов, пара неправильно записанных

стихов Джона Донна, каждый на отдельном листке папиросной бумаги, ложка из нержавеющей стали с выгравированной надписью: «СОБСТВЕННОСТЬ МАРСИАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ», телефонное подслушивающее устройство, которое...

Загудел селектор.

— Простите за беспокойство, мистер Макклейн, но происходит что-то непонятное. Пожалуй, вам лучше все-таки прийти. Куйал еще под наркозом, хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

— Иду.

Почувствовав тревогу, Макклейн вышел из кабинета и поспешил в лабораторию.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и размеренно дыша. Казалось, он осознает — но лишь очень смутно — присутствие двух техников и появившегося Макклейна.

— Нет места для внедрения ложной памяти? — раздраженно спросил Макклейн. — Найдите соответствующий участок и сотрите. Он работает в Бюро эмиграции и как всякий государственный служащий, безусловно, две недели отдыхал. Замените одни воспоминания на другие, вот и все.

— Проблема, к сожалению, не в этом, — обиженно сказал Лоу и, склонившись над постелью, обратился к Куайлу: — Расскажите мистеру Макклейну то, что рассказали нам. Слушайте внимательно, — добавил он, повернувшись к шефу.

Серо-зеленые глаза лежащего человека остановились на лице Макклейна. Взгляд стал стальным, жестким, безжалостным, засветился холодным огнем.

— Что вам еще нужно? — с ненавистью процедил Куайл. — Вы развалили мою «легенду». Убирайтесь отсюда, пока я с вами не расправился. — Его взгляд прожег Макклейна насквозь. — Особенно вы... Вы руководитель этой операции!

— Как долго вы находились на Марсе? — спросил Лоу.

— Месяц, — резко ответил Куайл.

— Ваша цель?

Бледные губы скривились.

— Агент Интерплана. Зачем повторять? Разве вы не записывали? Оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза; обжигающее сияние исчезло. Макклейн почувствовал волну мгновенного облегчения.

— Крепкий орешек, — тихо заметил Лоу.

— Ничего, — отозвался Макклейн. — Когда мы снова сотрем его память, он станет кротким как ягненок... Так вот почему вы так отчаянно стремились на Марс, — обратился он к Куайлу.

— Я никогда не стремился на Марс, — не открывая глаз, проговорил Куайл. — Мне приказали. Разумеется, было интересно... У вас тут настоящая сыворотка правды; я вспоминаю вещи, о которых и понятия не имел. — Он замолчал и погрузился в раздумье. — Любопытно, моя жена Кирстен... тоже человек Интерплана? Следит, чтобы я случайно не обрел память? Неудивительно, что ей так не нравилось мое желание.

На его лице возникла и тут же пропала понимающая улыбка.

— Пожалуйста, поверьте, мистер Куайл, мы натолкнулись на это совершенно неумышленно, — виновато сказал Макклейн. — В процессе работы.

— Я верю вам, — произнес Куайл. Он казался очень уставшим; наркотик действовал все сильнее. — Что я плел про свою поездку? — едва слышно пробормотал он. — Марс? Не припомню — хотя с удовольствием побывал бы. А кто нет? Но я... всего лишь ничтожный клерк...

Лоу выпрямился и обратился к своему начальнику:

— Он хочет иметь фальшивую память о путешествии, которое совершил на самом деле. И фальшивое обоснование, которое является настоящим. Под воздействием наркидрина он говорит правду и отчетливо помнит все подробности. Очевидно, в правительственной военной лаборатории ему стерли память о действительных событиях. Сохранились только смутные ассоциации; Марс и деятельность шпиона связываются для него с чем-то значительным. Этого они стереть не смогли; это не воспоминание, а присущее

конкретному человеку желание, из-за которого, безусловно, он и вызвался на выполнение задания.

— Что нам делать? — спросил другой техник, Килер. — Наложить фальшивую память на настоящую? Трудно предсказать результат; что-то останется, и путаница сведет его с ума. Ему придется жить с двумя противоположными воспоминаниями одновременно: что он был на Марсе и что не был. Что он действительно агент Интерплана и что это имплантированная фальшивка... Дело очень щекотливое.

— Согласен, — сказал Макклейн. Ему в голову пришла мысль. — Что он запомнит, выйдя из наркоза?

— Теперь, вероятно, у него останутся смутные отрывочные воспоминания о настоящей поездке, — ответил Лоу. — И скорее всего он будет сильно сомневаться в их реальности; решит, что это наша ошибка. Ведь он запомнит свой визит — если, конечно, вы не прикажете это стереть.

— Чем меньше мы будем с ним что-то делать, тем лучше, — заявил Макклейн. — И так нам чертовски не повезло — нарваться на агента Интерплана и разбить его легенду! Причем такую хорошую, что он сам не знает, кто он такой... Вернем ему половину платы.

— Половину? Почему половину?

— На мой взгляд, это неплохой компромисс, — грустно улыбнулся Макклейн.

Сидя в такси, которое несло его домой в жилой район Чикаго, Дуглас Куайл блаженно улыбался. Как приятно вернуться на Землю!

Месячное пребывание на Марсе уже начало тускнеть в его памяти. Остались лишь картины зияющих кратеров, изломанных скал и самого движения. Мир пыли, где мало что происходит, где значительную часть дня надо проводить за проверкой и перепроверкой портативного кислородного ранца. И скудные проявления жизни — невзрачные серо-бурые кактусы и пузырчатые черви.

Кстати, он ведь привез несколько образчиков марсианской фауны; протащил их через таможню. В конце концов,

они не представляют никакой опасности; им не выжить в густой атмосфере Земли.

Куайл полез в карман за коробочкой с марсианскими червями...

И вместо нее нашел конверт.

К своему удивлению он обнаружил в конверте пятьсот семьдесят кредиток мелкими бумажками.

Вместе с деньгами выскользнула записка: «Возвращаем половину платы. Макклейн». И дата. Сегодняшняя.

— Воспоминания, — произнес вслух Куайл.

— Какие воспоминания, сэр или мадам? — почтительно поинтересовался робот-водитель.

— У вас есть телефонная книга? — спросил Куайл.

— Разумеется, сэр или мадам.

— Вот... — пробормотал Куайл, пролистав страницы. Он ощутил страх, леденящий душу страх. — Я передумал ехать домой. Отвезите меня в «Воспоминания, Инк.».

Такси развернулось и помчалось в обратном направлении.

— Можно позвонить?

— Сделайте одолжение, — сказал робот-водитель и открыл нишу с блестящим цветным видеофоном.

Куайл набрал домашний номер и через несколько секунд предстал перед миниатюрным, но неприятно реалистичным изображением жены.

— Я был на Марсе, — сообщил он.

— Ты пьян! — Ее губы презрительно скривились. — Или еще похуже.

— Ей-богу!

— Когда?

— Не знаю. — Куайл пришел в замешательство. — Наверное, наложение памяти. Только мне она не привилась.

— Ты все-таки пьян, — уничижающе процедила Кирстен и бросила трубку.

Куайл медленно отодвинул видеофон, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

И всегда один тон, горько сказал он себе. Всегда грубость, как будто она знает все, а я ничего. Господи, что за жизнь!..

* * *

Вскоре такси остановилось перед современным, очень привлекательным зданием, над которым мигала красочная неоновая вывеска: «ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.».

Секретарша, деловитая и собранная, чуть не раскрыла рот от удивления, но тут же взяла себя в руки.

— О, мистер Куайл! — нервно улыбнулась она. — Вы что-то забыли?

— Остаток моих денег, — сухо ответил он.

— Денег? — Секретарша мастерски разыграла непонимание. — По-моему, вы ошибаетесь, мистер Куайл. Вы действительно приходили консультироваться, но... — Она пожала плечами. — Мы не оказали вам никаких услуг.

— Я все помню, мисс, — отчеканил Куайл. — Свое письмо в вашу фирму, свой визит к вам, разговор с мистером Макклейном. Помню двух техников, которые мной занимались.

Неудивительно, что фирма вернула половину платы. Ложная память «поездки на Марс» не привилась. Или по меньшей мере привилась не полностью, не в такой степени, как ему гарантировали.

— Мистер Куайл, — урезонивала его девушка. — Несмотря на то что вы мелкий служащий, вы очень привлекательный мужчина, и злость вам не к лицу. Если желаете, я могу позволить вам... гм-м... пригласить меня на вечер...

Куайл пришел в бешенство.

— Я помню вас! — заорал он. — И помню обещание мистера Макклейна, что, если я не забуду посещения вашей компании, мне полностью вернут деньги. Где этот Макклейн?!

Через некоторое время он снова оказался за необъятным столом из орехового дерева, на том же месте, где сидел пару часов назад.

— Ну и техника у вас! — язвительно сказал Куайл. Его разочарование — и возмущение — не знало границ. — Но так называемая «память» о путешествии на Марс в качестве тайного агента Интерплана урывочна и полна противоречий. К тому же я отчетливо помню нашу сделку... Нет, мне

положительно надо обратиться с жалобой в Коммерческое бюро.

Он кипел негодованием; горькое ощущение, что его обманули, захлестывало Куайла и пересилило обычную его неприязнь к подобным разбирательствам.

Хмуро насупившись, Макклейн проговорил:

— Мы сдаемся, Куайл. Вы получите свои деньги. Я признаю, что мы ничего для вас не сделали.

— Вы даже не обеспечили меня «доказательствами» пребывания на Марсе, — продолжал Куайл. — Вся ваша болтовня — лишь пускание пыли в глаза. Никаких билетов. Никаких открыток. Никакого паспорта. Никаких...

— Послушайте, Куайл, — перебил Макклейн. — Я мог бы объяснить вам... — Он замолчал. — Нет. Не надо. — Он нажал кнопку на селекторе. — Ширли, выпишите, пожалуйста, чек Дугласу Куайлу на пятьсот семьдесят кредиток.

Через минуту секретарша принесла чек, положила его перед Макклейном и исчезла, оставив обоих мужчин испепелять друг друга взглядами.

— Позвольте дать вам совет, — молвил Макклейн, подписав чек, — Не обсуждайте ни с кем вашу недавнюю поездку на Марс.

— Какую поездку?

— Ну, ту поездку, которую вы частично помните, — уклончиво ответил Макклейн. — Ведите себя так, словно ничего и не было. И не задавайте мне вопросов. Просто послушайтесь моего совета; так будет лучше для нас всех. — Макклейн обнаружил, что он сильно вспотел. — Простите, меня ждут дела, другие клиенты...

Он встал и проводил Куайла до выхода.

— У фирмы, которая выполняет так свою работу, не должно быть никаких клиентов! — сказал Куайл и хлопнул дверью.

Сидя в такси, Куайл мысленно формулировал жалобу в Коммерческое бюро. Безусловно, его долг предупредить людей, каково истинное лицо фирмы «Воспоминания, Инк.».

Придя домой, он устроился за портативной машинкой, открыл ящик стола и стал рыться в поисках копировальной

бумаги. И заметил маленькую знакомую коробку. Коробку, куда аккуратно положил на Марсе некоторые разновидности местной фауны и которую потом незаконно провез через таможню.

Открыв коробку, Куайл недоверчиво уставился на шесть дохлых пызурчатых червей и кое-какие одноклеточные организмы, служившие им пищей. Все высохло, покрылось пылью, но без труда поддавалось узнаванию; целый день он тогда переворачивал тяжелые серые валуны, знакомясь с новым для себя увлекательным миром.

Но я не был на Марсе! — осознал он.

Хотя с другой стороны...

В дверях появилась Кирстен, держа в обеих руках объемистые хозяйственные сумки.

— Ты чего дома среди рабочего дня?!

Голос ее, как всегда, звучал гневно-вызывающе.

— Ездил я на Марс или нет? — спросил Куайл.

— Конечно, нет. Уж ты бы запомнил, надо полагать.

— Мне кажется, ездил, — растерянно проговорил он. — И в то же время кажется, что нет.

— Реши в конце концов.

— Как?! — простонал Куайл. — Я помню два набора фактов, но не знаю, какой из них настоящий! Можно мне положиться на тебя? Ведь с тобой они ничего не делали!

— Дуг, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, все кончено, — равнодушно бросила она. — Я собираюсь тебя оставить.

— Я попал в беду. — Голос его звучал хрипло и беспомощно. — Может быть, я схожу с ума. Надеюсь, что нет, но... может быть. По крайней мере это бы все объяснило.

Поставив сумки, Кирстен подошла к шкафу и достала пальто.

— Я не шучу, — тихо предупредила она, оделась и вернулась к двери. — Позвоню на днях. Прощай, Дуг.

— Погоди! — взмолился Куайл. — Скажи мне только: был я на Марсе или нет?!

Дверь закрылась. Его жена ушла. Наконец.

— Вот и все, — раздался голос сзади. — А теперь, Куайл, поднимите руки и медленно повернитесь.

На него смотрел вооруженный человек в темно-фиолетовой форме Интерпланетного полицейского управления. И этот человек казался Куайлу удивительно знакомым. Где-то он его видел...

— Итак, вы вспомнили свое путешествие на Марс, — констатировал полицейский. — Нам известны все ваши действия и все мысли, в частности, некоторые ваши мысли по пути домой из фирмы «Воспоминания, Инк.». Информацию передает телепатопередатчик в вашем мозге, — пояснил он.

Телепатический передатчик, использование живой протоплазмы, найденной на Луне! Куайла передернуло от отвращения. Там, в глубинах его собственного мозга, живет нечто, питаясь его клетками. Питаясь и подслушивая. Но, как ни мерзко, это, наверное, правда. О грязных методах Интерплана писали даже в газетах.

— При чем тут я? — хрипло выдавил Куайл. Что он сделал — или подумал? И какая тут связь с «Воспоминаниями, Инк.»?

— В сущности, никакой связи с компанией нет, — сказал полицейский. — Это дело строго между нами. — Он постучал себя по уху, и Куайл заметил маленький белый наушничек. — Между прочим, я до сих пор слушаю все ваши мысли. Должен предупредить: то, что вы думаете, может быть использовано против вас. — Он улыбнулся. — Впрочем, сейчас это не имеет значения. Своими словами и мыслями вы уже приговорили себя. К сожалению, под воздействием наркидрина вы кое-что поведали техникам и владельцу фирмы: куда вас посылали и что вы там делали. Они испуганы. Они проклинают ту минуту, когда увидели вас. И не без оснований, — задумчиво добавил он.

— Я никуда не ездил, — возразил Куайл. — Это ложная память, неудачно имплантированная техниками Макклейна!

Но потом Дуглас вспомнил о коробке в ящике стола, с каким трудом искал он марсианских червей! Память каза-

лась настоящей. И коробка — она наверняка настоящая. Если ее не подсунул Макклейн. Может быть, это одно из «доказательств», о которых он так многословно распространялся.

Мои воспоминания о поездке на Марс, подумал Куайл, не могут убедить меня самого, но, к сожалению, убедили Интерплан. Там полагают, что я действительно побывал на Марсе, и уверены, что я по крайней мере частично это осознаю.

— Мы знаем не только о вашем пребывании на Марсе, — согласился с его мыслями полицейский, — но и то, что вы помните достаточно, чтобы являть для нас угрозу. Снова стирать вашу память бессмысленно, потому что вы просто-напросто придете к ним опять, и все повторится сначала. Сделать что-то с Макклейном и его фирмой мы не имеем права. Кроме того, Макклейн не совершил никакого преступления. Как, строго говоря, и вы. Мы прекрасно понимаем, что вы обратились к ним не умышленно: вас толкала обычная тяга заурядных людей к приключениям. — Полицейский на миг замолчал. — К несчастью, вы не заурядный человек; у вас было вполне достаточно приключений. Меньше всего на свете вы нуждались в услугах «Воспоминания, Инк.». Не могло быть ничего хуже для вас и для нас. И, между прочим, для Макклейна.

— Почему же это я являю для вас угрозу, если помню свое путешествие — предполагаемое путешествие! — и что я там делал?

— Потому что, — ответил агент Интерплана, — то, что вы там делали, далеко не соответствует нашему публичному облику «защитника-благодетеля». Вы выполняли особое задание. И все это неминуемо всплывет — благодаря наркидрину. Коробка с мертвыми червями полгода лежит в ящике, с самого вашего возвращения. И ни разу вы не проявили ни малейшего любопытства. Мы даже не знали о ее существовании, пока вы не вспомнили о ней по пути домой. Нам пришлось действовать.

Откуда-то из укрытия появился второй человек в форме Интерплана; они тихо между собой заговорили. Куайл ли-

хорадочно соображал. Теперь он помнил больше — полицейский не ошибался относительно наркидрина. Вероятно, они — Интерплан — сами его использовали. Вероятно? Да наверняка! Он лично видел, как они вводили наркотик заключенному. Где это могло быть?.. На Земле? Нет, скорее на Луне, решил Куайл, видя новые и новые картины, возникающие из глубин его поврежденной, но быстро восстанавливающейся памяти.

Он вспомнил и еще кое-что. Цель задания.

Неудивительно, что они стерли его память.

— О Боже! — отчетливо сказал первый полицейский, поймав мысли Куайла. — Произошло самое ужасное. — Он подошел к Куайлу и направил оружие. — Нам придется убить вас. Немедленно.

— Почему немедленно? — заметно нервничая, спросил второй агент. — Отвезем его в Нью-Йорк, в штаб-квартиру, и пусть там...

— Он знает, почему немедленно.

Первый полицейский тоже сильно нервничал, но совсем по другой причине. Память вернулась к Куайлу полностью, и он отлично понимал его беспокойство.

— На Марсе, — хрипло проговорил Куайл, — я убил человека. Пройдя через пятнадцать телохранителей. Вооруженных.

Пять лет готовил его Интерплан к этому заданию. Он был профессиональным убийцей. Он знал, как расправиться с врагом... И тот, с наушником, понимал это.

Если действовать быстро...

Револьвер выстрелил. Но Куайл уже скользнул вбок, молниеносно срубил вооруженного агента и в тот же миг взял на мушку второго, растерянного полицейского.

— Уловил мои мысли, — произнес Куайл, пытаясь отдышаться. — Но я все-таки сделал то, что хотел.

— Он не будет стрелять, Сэм, — прохрипел упавший агент. — Он ведь понимает, что ему конец. Сдавайся, Куайл. — Кривясь от боли, полицейский поднялся на ноги. — Оружие. Ты не станешь им пользоваться. А если отдашь, я

обещаю не убивать тебя. Пускай решает начальство. Возможно, они снова сотрут твою память; не знаю.

Сжимая револьвер, Куайл бросился из квартиры. Если станете меня преследовать, я убью вас, подумал Куайл. Так что не советую.

Его не преследовали. Очевидно, полицейские уловили его мысли и решили не рисковать. Он уцелел — на время. Но что дальше?

Куайл влился в толпу пешеходов. Голова раскалывалась. Но по крайней мере спасся от смерти. Еще чуть-чуть, и его застрелили бы в собственной квартире.

Рано или поздно они это сделают. Когда найдут. А с передатчиком внутри на это не понадобится много времени.

Ирония судьбы... Он получил все, о чем мечтал, что просил у компании «Воспоминания, Инк.»: приключения, подвиги, операции Интерплана, тайное и опасное путешествие на Марс, где ставкой была сама жизнь...

Хорошо, когда такое — всего лишь воспоминания.

Куайл сидел в парке, на лавочке, бездумно наблюдая за стайкой нахалят — привезенных с лун Марса полуптиц, способных даже в земной гравитации к свободному парению.

Может быть, я смогу вернуться на Марс, размышлял он. Но что тогда? На Марсе будет еще хуже. Политическая организация, руководителя которой он ликвидировал, засечет его в первую же секунду. Вдобавок к Интерплану еще и они.

Интересно, мои мысли слышны?.. Прямая дорожка к сумасшествию: сидеть в одиночестве и представлять, как смыкается кольцо преследователей... Куайл поежился, поднялся на ноги, бесцельно побрел, засунув руки глубоко в карманы. Куда бы я ни пошел, вы всегда будете со мной. Пока я ношу в голове это дьявольское устройство.

Давайте договоримся, думал он, — для себя и для них. Наложите мне снова фальшивую память, что я жил серой скучной жизнью и никогда не был на Марсе, никогда не держал в руках оружия и не видел вблизи интерплановскую форму.

— Вам уже объяснили, — произнес голос в голове. — Этого будет недостаточно.

Куайл застыл на месте.

— Мы уже поддерживали с вами связь подобным образом, — продолжал голос. — На Марсе, когда вы были нашим оперативным работником. И вот теперь пришлось снова. Где вы находитесь?

— Шагаю к смерти. От ваших пуль. Откуда вам известно, что этого недостаточно?

— Если вам имплантировать комплекс воспоминаний среднего человека, вы почувствуете... беспокойство. И неминуемо обратитесь к Макклейну или его конкурентам.

— Можно дать мне не обычные воспоминания, а что-нибудь более яркое, — предложил Куайл. — То, что утолит мою жажду. Я мечтал стать агентом Интерплана — поэтому-то вы сперва и обратили на меня внимание. Надо найти замену — равную замену. Например, что я был богатейшим человеком на Земле, но пожертвовал все деньги на культуру и образование. Или что я — знаменитый исследователь космоса. Что-нибудь в этом духе.

Молчание.

— Попробуйте, — отчаянно взмолился Куайл. — Привлеките ваших блестящих военных психологов, раскройте мое заветное чаяние... Женщины! — выпалил он. — Тысячи женщин, как у Дон-Жуана. Эдакий межпланетный повеса — любовница в каждом городе Земли, Луны и Марса. Только я все это бросил — надоело... Ну пожалуйста!

— И вы добровольно сдадитесь? — спросил голос внутри головы. — Если мы согласимся на такое решение? Если оно возможно?

— Да, — ответил он после короткого колебания. — Я рискну, надеясь, что вы попросту меня не убьете.

— Что ж, мы рассмотрим ваше предложение. Но если не получится, если ваша истинная память снова начнет пробиваться... — Голос сделал паузу. — Вас придется ликвидировать. Ну, Куайл, все еще хотите попытаться?

— Да, — решил он. Потому что альтернативой была немедленная смерть. Так по крайней мере ему представлялся шанс.

— Явитесь в штаб-квартиру в Нью-Йорке, двенадцатый этаж. Мы сразу же примемся за работу и попробуем определить вашу подлинную и абсолютную мечту. Потом привезем вас в «Воспоминания, Инк.». И — удачи! Мы в долгу перед вами: вы были хорошим орудием.

В голосе не звучало никакой угрозы. Они — организация — скорее испытывали к нему симпатию.

— Спасибо, — сказал Куайл. И отправился искать такси.

— У вас самые интересные фантазии, мистер Куайл, — заявил пожилой психолог с суровым лицом. — Вероятно, сознательно вы не отдаете себе отчета в таком желании. Даже не мечтаете и не предполагаете о нем; так часто бывает. Надеюсь, вы не очень огорчитесь, когда узнаете правду.

— Лучше ему не огорчаться, — отрывисто пролаял старший полицейский офицер. — Если не хочет получить пулю.

— В отличие от желания стать тайным агентом, — невозмутимо продолжал психолог, — которое, вообще говоря, является продуктом зрелости и содержит некое рациональное зерно, ваша детская фантазия столь нелепа, что вы ее не осознаете. Заключается она в следующем: вам девять лет, вы прогуливаетесь по какой-то сельской местности. Прямо перед вами приземляется неизвестной конструкции космический корабль из иной звездной системы. Корабль невидим для всех, кроме вас, мистер Куайл. Его пассажиры — маленькие беспомощные существа наподобие полевой мыши. Однако они намереваются завоевать Землю; десятки тысяч подобных кораблей немедленно отправятся в путь, как только этот передовой отряд даст «добро».

— Надо полагать, я их останавливаю. — Куайл ощутил смесь увлеченности и презрения. — Сокрушаю их в одиночку. Вероятно, наступив ногой.

— Нет, — терпеливо возразил психолог. — Вы останавливаете вторжение, но не уничтожая, а выказывая сострадание и доброту, хотя путем телепатии — их способ общения — узнали, зачем они прилетели. Им никогда не встречались такие гуманные черты в разумных существах, и, чтобы показать, как высоко они это ценят, они заключают с вами договор.

— Пока я живу, Земля в безопасности! — догадался Куайл.

— Совершенно верно. — Психолог обратился к офицеру Интерплана: — Эта мечта полностью соответствует его личности, несмотря на деланную иронию.

— Таким образом, одним существованием я спасаю Землю от покорения, — проговорил Куайл, чувствуя растущую волну удовольствия. — Значит, я являюсь самым важным, самым значительным человеком на Земле! И пальцем не шевеля!

— Да, сэр, — подтвердил психолог. — Это краеугольный камень вашей психики. Детская мечта всей жизни, в которой без помощи наркотиков и глубокой терапии вы никогда бы себе не признались. Но она всегда была в вас; ушла в подсознание, но не исчезла.

Старший полицейский офицер повернулся к напряженно слушавшему Макклейну.

— Вы можете имплантировать подобную лжепамять?

— Мы в состоянии реализовать любую фантазию, — ответил Макклейн. — По правде говоря, мне доводилось слышать истории куда почище этой. Через двадцать четыре часа он не будет хотеть спасти Землю; он будет искренне верить, что является спасителем человечества.

— В таком случае приступайте к работе, — велел офицер. — Мы предварительно уже стерли его память о поездке на Марс.

— О какой поездке на Марс? — спросил Куайл.

Ему никто не ответил.

Вскоре все спустились вниз. Куайл, Макклейн и старший офицер сели в машину и отправились в Чикаго в «Воспоминания, Инк.».

— И постарайтесь на сей раз не допускать ошибок, — многозначительно посоветовал полицейский.

— Все пойдет как по маслу, — промямлил Макклейн, обильно потея. — Ничего общего с Марсом или Интерпланом... Надо же, голыми руками остановить вторжение с иной звездной системы. — Он покачал головой. — Чего только не выдумают дети... Причем милосердием, а не силой. Оригинально. — Он промокнул лоб полотняным платком.

Все молчали.

— Это даже трогательно, — добавил Макклейн.

— Но самонадеянно, — непреклонно отрезал офицер. — Так как после его смерти вторжение все-таки состоится. Самая грандиозная мания, которую я встречал. — Он окинул Куайла неодобрительным взглядом. — Подумать только, такой человек получал у нас зарплату!

Наконец они достигли Чикаго, прибыли в «Воспоминания, Инк.» и сдали Куайла на попечение Лоу и Килера. Потом Макклейн, полицейский офицер и секретарша Ширли вернулись в кабинет. Ждать.

— Приготовить для него пакет? — спросила Ширли.

— Да, конечно. Комбинация пакетов 81, 20 и 6. — Из большего шкафа Макклейн достал соответствующие пакеты и отнес их к столу. — Из пакета 81 — волшебная врачевательная палочка, подаренная клиенту — то есть в данном случае мистеру Куайлу — инопланетянами. Знак их признательности.

— Она работает? — живо поинтересовался офицер.

— Работала когда-то. Но он... гм-м... видите ли, давно израсходовал ее магическую силу, целя налево и направо. — Макклейн хохотнул и открыл пакет № 20. — Благодарность от Генерального Секретаря ООН. За спасение Земли. И из пакета № 6...

— Записка, — подсказала Ширли. — На непонятном языке...

— ...где пришельцы сообщают, кто они такие и откуда явились, — подхватил Макклейн. — Включая подробную звездную карту с изображением маршрута их полета. Разумеется, все на их языке, так что прочесть невозможно. Но он помнит, как они читали... Это надо отвезти в квартиру Куайла, — сказал он полицейскому офицеру. — Чтобы он их нашел. И подтвердил свои фантазии.

Загудел селектор.

— Мистер Макклейн, простите, что беспокою вас. — Это был голос Лоу. Макклейн замер, узнав его; замер и окаменел. — Тут что-то происходит. Пожалуй, лучше вам прийти.

Как и в прошлый раз, Куайл хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

Макклейн сорвался с места.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша, смутно осознавая присутствие посторонних.

— Мы начали его расспрашивать, — произнес Лоу с побелевшим от ужаса лицом. — Нам необходимо было точно определить место для наложения лжепамяти. И вот...

— Они велели мне молчать, — пробормотал Куайл слабым голосом. — Я и помнить-то не должен был. Но как можно забыть такое?

Да, такое трудно забыть, подумал Макклейн. Но тебе удавалось — до сих пор.

— Мне подарили в благодарность документ на их языке, — шептал Куайл. — Он спрятан у меня дома; я покажу вам.

— Советую не убивать его, — сказал Макклейн вошедшему офицеру. — Иначе они вернутся...

— И невидимую волшебную палочку-уничтожительницу, — продолжал бормотать Куайл. — Так я ликвидировал того человека на Марсе, выполняя задание Интерплана. Она лежит в ящике стола вместе с коробкой пузырчатых червей.

Офицер молча повернулся и вышел из комнаты.

Все эти «вещественные доказательства» можно убрать на место, подумал Макклейн. Включая благодарность от Генерального Секретаря ООН. В конце концов...

Скоро последует настоящая.

Альфред Бестер всегда был для меня особым писателем. Его любимый персонаж — человек одержимый, горящий, почти безумный. И такой же одержимый, как его герои, Бестер отчаянно рвется к неожиданным ритму, темпу, цвету, к тайнам глубочайших закоулков души. Сплошная череда захватывающих дух приключений, смертельных конфликтов, неожиданных поворотов сюжета. Напор, изобретательность, остроумие, ослепительная виртуозность... Словно «пи-человек», он напрямую связан с самыми эксцентрическими причудами Вселенной.

Альфред Бестер
ПИ-ЧЕЛОВЕК

Как сказать? Как написать? Порой я выражаю свои мысли изящно, гладко, даже изысканно, и вдруг — reculer pour mieux sauter* — это завладевает мною. Толчок. Сила. Принуждение.

Иногда

я
должен
возвращаться,
но не для того, чтобы
прыгнуть; даже не для того, чтобы прыгнуть дальше.

Я не владею собой, своей речью, любовью, судьбой. Я должен уравнивать, компенсировать. Всегда.

Quae nocent docent. Что в переводе означает: вещи, которые ранят, — учат. Я был раним и многих ранил. Чему мы научились? Тем не менее. Я просыпаюсь утром от величайшей боли, соображая, где нахожусь. Ч-черт! Коттедж в Лондоне, вилла в Риме, апартаменты в Нью-Йорке, ранчо в Калифорнии. Богатство, вы понимаете... Я просыпаюсь. Я осматриваюсь. Ага, расположение знакомо:

---

* отступить, чтобы прыгнуть дальше (*фр.*).

Спальня		Прихожая	Т
	Ванная		Е
	Ванная		Р
		Гостиная	Р
	Спальня		А
	Кухня		С
	Терраса		А

Охо-хо! Я в Нью-Йорке. Но эти ванные... Фу! Сбивают ритм. Нарушают баланс. Портят форму.

Я звоню привратнику. В этот момент забываю английский. (Вы должны понять: я говорю на всех языках. Вынужден. Почему? Ах!)

— Pronto. Ecco mi, Signore Storm. Нет. Приходится parlato italiano. Подождите, я перезвоню через cinque minute.

Re infecta.* Латынь. Не закончив дела, я принимаю душ, мою голову, чищу зубы, бреюсь, вытираюсь и пробую снова. Voila!** Английский вновь при мне. Назад к изобретению А.Г. Белла («Мистер Ватсон, зайдите, вы мне нужны»).

— Алло? Это Абрахам Сторм. Да. Точно. Мистер Люндгрен, пришлите, пожалуйста, сейчас же несколько рабочих. Я намерен две ванные переоборудовать в одну. Да, оставлю пять тысяч долларов на холодильнике. Благодарю вас, мистер Люндгрен.

Хотел сегодня ходить в сером фланелевом костюме, но вынужден надеть синтетику. Проклятие! У африканского национализма странные побочные эффекты. Пошел в заднюю спальню (см. схему) и отпер дверь, установленную компанией «Нэшнл сейф».

Передача шла превосходно. По всему электромагнитному спектру. Диапазон от ультрафиолетовых до инфракрасных. Микроволновые всплески. Приятные альфа-, бета- и гамма-излучения. А прерыватели пппрр еррррр ыывва юттттт выборочно и умиротворяюще. Кругом спокойствие. Боже мой! Познать хотя бы миг спокойствия!

---

* С незавершенным делом (*лат.*).

** Ну вот! (*фр.*)

К себе в контору на Уолл-стрит я отправляюсь на метро. Персональный шофер слишком опасен — можно сдружиться; я не смею иметь друзей. Лучше всего утренняя переполненная подземка — не надо выправлять никаких форм, не надо регулировать и компенсировать. Спокойствие! Я покупаю все утренние газеты — так требует ситуация, понимаете? Слишком многие читают «Таймс»; чтобы уравнять, я читаю «Трибьюн». Слишком многие читают «Ньюс» — я должен читать «Миррор». И т.д.

В вагоне подземки ловлю на себе быстрый взгляд — острый, блеклый, серо-голубой, принадлежащий неизвестному человеку, ничем не примечательному и незаметному. Но я поймал этот взгляд, и он забил у меня в голове тревогу. Человек понял это. Он увидел вспышку в моих глазах, прежде чем я успел ее скрыть. Итак, за мной снова «хвост». Кто на этот раз?

Я выскочил у муниципалитета и повел их по ложному следу к Вулворт-билдинг на случай, если они работают по двое. Собственно, смысл теории охотников и преследуемых не в том, чтобы избежать обнаружения. Это нереально. Важно оставить как можно больше следов, чтобы вызвать перегрузку.

У муниципалитета опять затор, и я вынужден идти по солнечной стороне, чтобы скомпенсировать. Лифт на десятый этаж Влврт. Здесь что-то налетело оттт кк уда ттто и схватило меня. Чччч-ттто ттто сстттт рррра шшшшшшшшнн ое. Я начал кричать, но бесполезно. Из кабинета появился старенький клерк с бумагами и в золотых очках.

— Не его, — взмолился я кому-то. — Милые, не его. Пожалуйста.

Но вынужден. Приближаюсь. Два удара — в шею и в пах. Валится, скорчившись, как подожженный лист. Топчу очки. Рву бумаги. Тут меня отпускает, и я схожу вниз. 10.30. Опоздал. Чертовски неловко. Взял такси до Уолл-стрит, 99. Вложил в конверт тысячу долларов (тайком) и послал шофера назад в Влврт. Найти клерка и отдать ему.

В конторе утренняя рутина. Рынок неустойчив, биржу лихорадит. Чертовски много балансировать и компенсиро-

вать, хотя я знаю формы денег. К 11.30 теряю 109872,43 доллара, но к полудню выигрываю 57075,94.

57075 — изумительное число, но 94 цента... фу! Уродуют весь баланс. Симметрия превыше всего. У меня в кармане только 24 цента. Позвал секретаршу, одолжил еще 70 и выбросил всю сумму из окна. Мне сразу стало лучше, но тут я поймал взгляд, удивленный и восхищенный. Очень плохо. Очень опасно.

Немедленно уволил бедную девочку.

— Но почему, мистер Сторм? Почему? — спрашивает она, силясь не заплакать.

Милая маленькая девочка. Лицо веснушчатое и веселое, но сейчас не слишком веселое.

— Потому что я начинаю тебе нравиться.

— Что в этом плохого?

— Я ведь предупреждал, когда брал тебя на работу.

— Я думала, вы шутите.

— Я не шутил. Уходи. Прочь! Вон!

— Но почему?

— Я боюсь, что полюблю тебя.

— Это новый способ ухаживания? — спросила она.

— Отнюдь.

— Хорошо, можете меня не увольнять! — Она в ярости. — Я вас ненавижу.

— Отлично. Тогда я могу с тобой переспать.

Она краснеет, не находит слов, но уголки ее глаз дрожат. Милая девушка, нельзя подвергать ее опасности. Я подаю ей пальто, сую в карман годовую зарплату и вышвыриваю за дверь. Делаю себе пометку: не нанимай никого, кроме мужчин, предпочтительно неженатых и способных ненавидеть.

Завтрак. Пошел в отлично сбалансированный ресторан. Столики и стулья привинчены к полу, никто их не двигает. Прекрасная форма. Не надо выправлять и регулировать. Сделал изящный заказ:

Мартини Мартини

Мартини

Сыр Рокфор

Салат

Кофе

Но здесь едят так много сахара, что мне приходится брать черный кофе, который я недолюбливаю. Тем не менее приятно.

X2 + X + 41 = простое число. Простите, пожалуйста. Иногда я не в состоянии контролировать себя. Иногда какая-то сила налетает на меня неизвестно откуда и почему. Тогда я делаю то, что принужден делать, слепо. Например, говорю чепуху, часто поступаю против воли, как с клерком в Вулворт-билдинг. В любом случае уравнение нарушается при X = 40.

День выдался тихий. Какой-то момент мне казалось, что придется улететь в Рим (Италия), но положение выправилось без моего вмешательства. Общество защиты животных наконец застукало меня и обвинило в избиении собаки, но я пожертвовал 10 тысяч долларов на их приют. Отвязались с подхалимским тявканьем... Пририсовал усы на афише, спас тонущего котенка, разогнал наглеющих хулиганов и побрил голову. Нормальный день.

Вечером в балет — расслабиться в прекрасных формах, сбалансированных, мирных, успокаивающих. Затем я сделал глубокий вдох, подавил тошноту и заставил себя пойти в «Ле битник». Ненавижу «Ле битник», но мне нужна женщина, и я должен идти в ненавистное место. Эта веснушчатая девушка... Итак, poisson d'avril, я иду в «Ле битник».

Хаос. Темнота. Какофония звуков и запахов. В потолке одна двадцатипятиваттная лампочка. Меланхоличный пианист играет «новую волну». У лев. стены сидят битники в беретах, темных очках и непристойных бородах, играют в шахматы. У прав. стены — бар и битницы с бумажными коричневыми сумками под мышками. Они шныряют и рыскают в поисках ночлега.

Ох уж эти битницы! Все худые... волнующие меня этой ночью, потому что слишком много американцев мечтают о полных, а я должен компенсировать. (В Англии я люблю пухленьких, потому что англичане предпочитают худых.) Все в узких брючках, свободных свитерах, прическа под Брижит Бардо, косметика по-итальянски... черный глаз, белая губа... А двигаются они походкой, что подхлестнула Херрика три столетия назад:

И глаз не в силах оторвать я:
Сквозь переливчатое платье
Мелькает плоть, зовя к объятьям!*

Я подбираю одну, что мелькает. Заговариваю. Она оскорбляет. Я отвечаю тем же и заказываю выпивку. Она пьет и оскорбляет в квадрате. Я выражаю надежду, что она лесбиянка, и оскорбляю в кубе. Она рычит и ненавидит, но тщетно. Крыши-то на сегодня нет. Нелепая коричневая сумка под мышкой. Я подавляю симпатию и отвечаю ненавистью. Она немыта, ее мыслительные формы — абсолютные джунгли. Безопасно. Ей не будет вреда. Беру ее домой для соблазнения взаимным презрением. А в гостиной (см. схему) сидит гибкая, стройная, гордая, милая моя веснушчатая секретарша, недавно уволенная, ждет меня.

!
Я
теперь
пишу
эту часть

и
с
т
о
р
и
и

в

П
А
Р
И
Ж
Е

столице Франции.
Адрес: 49-бис Авеню Фош, Париж, Франция.

Вынужден был поехать туда из-за событий в Сингапуре. Потребовалась громадная компенсация и регулировка. В какой-то миг даже думал, что придется напасть на дирижера «Опера комик», но судьба оказалась благосклонна ко мне, и все кончилось безвредным взрывом в Люксембургском саду. Я еще успел побывать в Сорбонне, прежде чем меня забросило назад.

* Перевод В. Генкина.

Так или иначе, она сидит в моей квартире с одной (1) ва́нной и 1997,00 сдачи на холодильнике. Ух! Выбрасываю шесть долларов из окна и наслаждаюсь оставшимися 1991. А она сидит там, в скромном черном вечернем платье, черных чулках и черных театральных туфельках. Гладкая кожа рдеет от смущения, как свежий бутон алой розы. Красное — к опасности. Дерзкое лицо напряжено от сознания того, что она делает. Проклятие, она мне нравится.

Мне нравится изящная линия ее ног, ее фигура, глаза, волосы, ее смелость, смущение... румянец на щеках, пробивающийся несмотря на отчаянное применение пудры. Пудра... гадость. Я иду на кухню и для компенсации тру рубашку жженой пробкой.

— Ох-хо, — говорю. — Буду частлив знать, зачем ходи-ходи моя берлога. Пардон, мисс, такая языка скоро уйдет.

— Я обманула мистера Люндгрена, — выпаливает милая девушка. — Я сказала, что несу тебе важные бумаги.

— Entschuldigen Sie, bitte. Meine pidgin haben sich geandert. Sprachen Sie Deutsch?*

— Нет.

— Dann warte ich.**

Битница повернулась на каблучках и выплыла, зовя к объятиям. Я нагнал ее у лифта, сунул 101 доллар (превосходная форма) и пожелал на испанском спокойной ночи. Она ненавидела меня. Я сделал с ней гнусную вещь (нет прощения) и вернулся в квартиру, где обрел английский.

— Как тебя зовут?

— Я работаю у тебя три месяца, а ты не знаешь моего имени? В самом деле?

— Нет, и знать не желаю.

— Лиззи Чалмерс.

— Уходи, Лиззи Чалмерс.

— Так вот почему ты звал меня «мисс»... Зачем ты побрил голову?

— Неприятности в Вене.

---

* Прошу меня извинить. Мой английский изменился. Вы говорите по-нѐмецки? (*нем.*)

** Тогда я подожду (*нем.*).

— Что ты имеешь в виду?

— Не твое дело. Что тебе здесь надо? Чего ты хочешь?

— Тебя, — говорит она, отчаянно краснея.

— Уходи, ради бога, уходи!

— Что есть у нее, чего не хватает мне? — потребовала Лиззи Чалмерс. Затем ее лицо сморщилось. — Правильно? Что. Есть. У нее. Чего. Не. Хватает. Мне. Да, правильно. Я учусь в Бенингтоне, там грамматика хромает.

— То есть как это — учусь в Бенингтоне?

— Это колледж. Я думала, все знают.

— Но — учусь?

— Я на шестимесячной практике.

— Чем же ты занимаешься?

— Раньше экономикой. Теперь тобой. Сколько тебе лет?

— Сто девять тысяч восемьсот семьдесят два.

— Ну перестань. Сорок?

— Тридцать.

— Нет, в самом деле? — Она счастлива. — Значит, между нами всего десять лет разницы.

— Ты любишь меня, Лиззи?

— Я хочу, чтобы между нами что-то было.

— Неужели обязательно со мной?

— Я понимаю, это бесстыдно. — Она опустила глаза. — Мне кажется, женщины всегда вешались тебе на шею.

— Не всегда.

— Ты что, святой? То есть... понимаю, я не головокружительно красива, но ведь и не уродлива.

— Ты прекрасна.

— Так неужели ты даже не коснешься меня?

— Я пытаюсь защитить тебя.

— Я сама смогу защититься, когда придет время.

— Время пришло, Лиззи.

— По крайней мере мог бы оскорбить меня, как битницу перед лифтом.

— Подсматривала?

— Конечно. Не считаешь ли ты, что я буду сидеть сложа руки? Надо приглядывать за своим мужчиной.

— Твоим мужчиной?

— Так случается, — проговорила она тихо. — Я раньше не верила, но... Ты влюбляешься и каждый раз думаешь, что это настоящее и навсегда. А затем встречаешь кого-то, и это больше уже не вопрос любви. Просто ты знаешь, что он твой мужчина.

Она подняла глаза и посмотрела на меня. Фиолетовые глаза, полные юности, решимости и нежности, и все же старше, чем глаза двадцатилетней... гораздо старше. Как я одинок — никогда не смея любить, ответить на дружбу, вынужденный жить с теми, кого ненавижу. Я мог провалиться в эти фиолетовые глаза.

— Хорошо, — сказал я. И посмотрел на часы. Час ночи. Тихое время, спокойное время. Боже, сохрани мне английский... Я снял пиджак и рубашку и показал спину, исполосованную шрамами. Лиззи ахнула.

— Самоистязание, — объяснил я. — За то, что позволил себе сдружиться с мужчиной. Это цена, которую заплатил я. Мне повезло. Теперь подожди.

Я пошел в спальню, где в правом ящике стола, в серебряной коробке, лежал стыд моего сердца. Я принес коробку в гостиную. Лиззи наблюдала за мной широко раскрытыми глазами.

— Пять лет назад меня полюбила девушка. Такая же, как ты. Я был одинок в то время, как и всегда. Вместо того чтобы защитить ее от себя, я потворствовал своим желаниям. Я хочу показать тебе цену, которую заплатила она. Это отвратительно, но я должен...

Вспышка. Свет в доме ниже по улице погас и снова загорелся. Я прыгнул к окну. На пять долгих секунд погас свет в соседнем доме. Ко мне подошла Лиззи и взяла меня за руку. Она дрожала.

— Что это? Что случилось?

— Погоди.

Свет в квартире погас и снова загорелся.

— Они обнаружили меня, — выдохнул я.

— Они? Обнаружили?

— Засекли мои передачи уном.

— Чем?

— Указателем направления. А затем отключали электричество в домах во всем районе, здание за зданием... пока передача не прекратилась. Теперь они знают, в каком я доме, но не знают квартиры.

Я надел рубашку и пиджак.

— Спокойной ночи, Лиззи. Хотел бы я поцеловать тебя.

Она обвила мою шею руками и стала целовать; вся тепло, вся бархат, вся для меня. Я попытался оттолкнуть ее.

— Ты шпион, — прошептала она. — Я пойду с тобой на электрический стул.

— Если бы я был шпионом... — Я вздохнул. — Прощай, моя Лиззи. Помни меня.

Soyez ferme.* Колоссальная ошибка, как это только могло сорваться у меня с языка. Я выбегаю, и тут этот маленький дьявол скидывает туфельки и рвет до бедра узенькую юбчонку, чтобы та не мешала бежать. Она рядом со мной на пожарной лестнице, ведущей вниз к гаражу. Я грубо ругаюсь, кричу, чтобы она остановилась. Она ругается еще более грубо, все время смеясь и плача. Проклятие! Она обречена.

Мы садимся в машину, «астон-мартин», но с левосторонним управлением, и мчимся по Пятьдесят третьей, на восток по Пятьдесят четвертой и на север по Первой авеню. Я стремлюсь к мосту, чтобы выбраться из Манхэттена. На Лонг-Айленде у меня свой самолет, припасенный для подобных случаев.

— J'y suis, j'y reste** — не мой девиз, — сообщаю я Элизабет Чалмерс, чей французский так же слаб, как грамматика... трогательная слабость. — Однажды меня поймали в Лондоне на почтамте. Я получал почту до востребования. Послали мне чистый лист в красном конверте и проследили до Пиккадилли, 139, Лондон. Телефон: Мейфэр 7211. Красное — это опасность. У тебя везде кожа красная?

— Она не красная! — возмущенно воскликнула Лиззи.

— Я имею в виду розовая.

— Только там, где веснушки, — сказала она. — Что за бегство? Почему ты говоришь так странно и поступаешь так необычно? Ты действительно не шпион?

---

* Будьте стойкими (*фр.*).

** Я здесь, я здесь останусь (*фр.*).

— Вероятно.

— Ты существо из другого мира, прилетевшее на неопознанном летающем объекте?

— Это тебя пугает?

— Да, если мы не сможем любить друг друга.

— А как насчет завоевания Земли?

— Меня интересует только завоевание тебя.

— Я никогда не был существом из другого мира.

— Тогда кто ты?

— Компенсатор.

— Что это такое?

— Знаешь словарь Франка и Вагнелла? Издание Франка Х. Визетелли? Цитирую: «То, что компенсирует, устройство для нейтрализации местных влияний на стрелку компаса, автоматический аппарат для выравнивания газового давления в...» Проклятие!

Франк Х. Визетелли не употреблял этого нехорошего слова. Оно вырвалось у меня, потому что мост заблокирован. Следовало ожидать. Вероятно, заблокированы все мосты, ведущие с 24-долларового острова. Можно было бы съехать с моста, но ведь со мной чудесная Элизабет Чалмерс. Все. Стоп, машина. Сдавайся.

— Kamerad, — произношу я и спрашиваю: — Кто вы? Ку-клукс-клан? КГБ?

Он пристально смотрит на меня, наконец открывает рот:

— Специальный агент Кримс из ФБР, — и показывает значок.

Я ликую и радостно его обнимаю. Он вырывается и спрашивает, в своем ли я уме. Мне все равно. Я целую Лиззи Чалмерс, и ее раскрытый рот под моим шепчет:

— Ни в чем не признавайся. Я вызову адвоката.

Залитый светом кабинет на Фоли-сквер. Так же расставлены стулья, так же стоит стол. Мне часто доводилось проходить через это. Напротив — незапоминающийся человек с блеклыми глазами из утренней подземки. Его имя — С.И. Долан.

Мы обмениваемся взглядами. Его говорит: я блефовал сегодня. Мой: я тоже. Мы уважаем друг друга. И начинается допрос с пристрастием.

— Вас зовут Абрахам Мейсон Сторм?

— По прозвищу Бейз.

— Родились 25 декабря?

— Рождественский ребенок.

— 1929 года?

— Дитя депрессии.

— Я вижу, вам весело.

— Юмор висельника, С.И. Долан. Отчаяние. Я знаю, что вы никогда ни в чем не сможете меня обвинить, и оттого в отчаянии.

— Очень смешно.

— Очень грустно. Я хочу быть осужденным... Но это безнадежно.

— Родной город Сан-Франциско?

— Да.

— Два года в Беркли. Четыре во флоте. Кончили Беркли, по статистике.

— Стопроцентный американский парень.

— Нынешнее занятие — финансист?

— Да.

— Конторы в Нью-Йорке, Риме, Париже, Лондоне?

— И в Рио.

— Имущества в акциях на три миллиона долларов?

— Нет, нет, нет! — Яростно. — Три миллиона триста тридцать три тысячи триста тридцать три доллара триста тридцать три цента.

— Три миллиона долларов, — настаивал Долан. — В круглых числах.

— Круглых чисел нет, есть только формы.

— Сторм, чего вы добиваетесь?

— Осудите меня! — взмолился я. — Я хочу попасть на электрический стул, покончить со всем этим.

— О чем вы говорите?

— Спрашивайте, я отвечу.

— Что вы передаете из своей квартиры?

— Из какой именно? Я передаю изо всех.

— Нью-йоркской. Мы не можем расшифровать.

— Шифра нет, лишь набор случайностей.

— Что?

— Спокойствие, Долан.

— Спокойствие!

— Об этом меня спрашивали в Женеве, Берлине, Лондоне, Рио. Позвольте мне объяснить.

— Слушаю вас.

Я глубоко вздохнул. Это всегда трудно. Приходится обращаться к метафорам. Время — три часа ночи. Боже, сохрани мне английский.

— Вы любите танцевать?

— Какого черта?!

— Будьте терпеливы, я объясню. Вы любите танцевать?

— Да.

— В чем удовольствие от танца? Мужчина и женщина вместе составляют... ритм, образец, форму. Двигаясь, ведя, следуя. Так?

— Ну?

— А парады... Вам нравятся парады? Масса людей, взаимодействуя, составляют единое целое.

— Погодите, Сторм...

— Выслушайте меня, Долан. Я чувствителен к формам... больше, чем к танцам или парадам, гораздо больше. Я чувствителен к формам, порядкам, ритмам Вселенной... всего ее спектра... к электромагнитным волнам, группировкам людей, актам враждебности и радушия, к ненависти и добру. И я обязан компенсировать. Всегда.

— Компенсировать?

— Если ребенок падает и ушибается, его целует мать. Это компенсация. Негодяй избивает животное, вы бьете его. Да? Если нищий клянчит у вас слишком много, вы испытываете раздражение. Тоже компенсация. Умножьте это на бесконечность и получите меня. Я должен целовать и бить. Вынужден. Заставлен. Не представляю, как назвать это принуждение. Вот говорят: экстрасенсорное восприятие, пси. А как назвать экстраформенное восприятие? Пи?

— Пик? Какой пик?

— Пи, шестнадцатая буква греческого алфавита, обозначает отношение длины окружности к ее диаметру. 3,141592... Число бесконечно... бесконечно мучение для меня...

— О чем вы говорите, черт побери?!

— Я говорю о формах, о порядке во Вселенной. Я вынужден поддерживать и восстанавливать его. Иногда что-то требует от меня прекрасных и благородных поступков; иногда я вынужден творить безумства: бормотать нелепицу, срываться сломя голову неизвестно куда, совершать преступления... Потому что формы, которые я воспринимаю, требуют регулирования, выравнивания.

— Какие преступления?

— Я могу признаться, но это бесполезно. Формы не дадут мне погибнуть. Люди отказываются присягать. Факты не подтверждаются. Улики исчезают. Вред превращается в пользу.

— Сторм, клянусь, вы не в своем уме.

— Возможно, но вы не сумеете запрятать меня в сумасшедший дом. До вас уже пытались. Я сам хотел покончить с собой. Не вышло.

— Так что же насчет передач?

— Эфир переполнен излучениями. К ним я тоже восприимчив. Но они слишком запутанны, их не упорядочить. Приходится нейтрализовывать. Я передаю на всех частотах.

— Вы считаете себя сверхчеловеком?

— Нет, ни в коем случае. Просто я тот, кого повстречал Простак Симон.

— Не стройте из себя шута.

— Я не строю. Неужели вы не помните считалку: «Простак Симон вошел в вагон, нашел батон. Но тут повстречался ему Пирожник. «Отдай батон!» — воскликнул он». Я не Пи-рожник. Я — Пи-человек.

Долан усмехнулся.

— Мое полное имя Симон Игнациус Долан.

— Простите, не знал.

Он посмотрел на меня, тяжело вздохнул, отбросил в сторону мое досье и рухнул в кресло. Это сбило форму, и мне пришлось пересесть. Долан скосил на меня глаза.

— Пи-человек, — объяснил я.

— Ну хорошо, — сказал он. — Не можем вас задерживать.

— Все пытаются, — заметил я, — никто не может.

— Кто «все»?

— Контрразведки, убежденные, что я шпион; полиция, интересующаяся моими связями с самыми подозрительными лицами; опальные политики в надежде, что я финансирую революцию; фанатики, возомнившие, что я их богатый мессия... Все выслеживают меня, желая использовать. Никому не удается. Я часть чего-то гораздо большего.

— Между нами, что это были за преступления?

Я набрал воздуха.

— Вот почему я не могу иметь друзей. Или девушку. Иногда где-то дела идут так плохо, что мне приходится делать пугающие жертвы, чтобы восстановить положение. Например, уничтожить существо, которое люблю. Я... имел собаку, лабрадора, настоящего друга. Нет... не хочу вспоминать. Парень, с которым мы вместе служили во флоте... Девушка, которая любила меня... А я... Нет, не могу. Я проклят! Некоторые формы, которые я должен регулировать, принадлежат не нашему миру, не нашему ритму... ничего подобного на Земле вы не почувствуете. 29/51... 108/303... Вы удивлены? Вы не знаете, что это может быть мучительно? Отбейте темп в 7/5.

— Я не разбираюсь в музыке.

— И не надо. Попробуйте за один и тот же промежуток времени отбить правой рукой пять раз, а левой — семь. Тогда поймете сложность и ужас наплывающих на меня форм. Откуда? Я не знаю. Это неопознанная Вселенная слишком велика для понимания. Но я должен следовать ритму ее форм, регулировать его своими действиями, чувствами, помыслами, а какая-то

чудовищная	сила
меня	подталкивает
вперед	и
и	выворачивает
назад	наизнанку...

— Теперь другую, — твердо произнесла Элизабет. — Подними.

Я на кровати. Половина (0,5) в пижаме; другая половина (0,5) борется с веснушчатой девушкой. Я поднимаю. Пижама на мне, и уже моя очередь краснеть. Меня воспитали гордым.

— Om mani padme hum. Что означает: о сокровище в лотосе. Имея в виду тебя. Что произошло?

— Мистер Долан сказал, что ты свободен, — объяснила она. — Мистер Люндгрен помог внести тебя в квартиру. Сколько ему дать?

— Cingue lire. No. Parla Italiana, gentile Signorina?*

— Мистер Долан мне все рассказал. Это снова твои формы?

— Si.

Я кивнул и стал ждать. После остановок на греческом и португальском английский наконец возвращается.

— Какого черта ты не уберешься отсюда, пока цела, Лиззи Чалмерс?

— Я люблю тебя, — сказала она. — Забирайся в постель... и оставь место для меня.

— Нет.

— Да. Женишься на мне позже.

— Где серебряная коробка?

— В мусоропроводе.

— Ты знаешь, что в ней?

— Это чудовищно — то, что ты сделал! Чудовищно! — Дерзкое личико искажено ужасом. Она плачет. — Что с ней теперь?

— Чеки каждый месяц идут на ее банковский счет в Швейцарию. Я не хочу знать. Сколько может выдержать сердце?

— Кажется, мне предстоит это выяснить.

Она выключила свет. В темноте зашуршало платье. Никогда раньше не слышал я музыки существа, раздевающегося для меня... Я сделал последнюю попытку спасти ее.

— Я люблю тебя. Ты понимаешь, что это значит? Когда ситуация потребует жертвы, я могу обойтись с тобой даже еще более жестоко...

---

* Пять лир. Нет. Вы говорите по-итальянски, милая синьорина? (*ит.*)

— Нет. Ты никогда не любил. — Она поцеловала меня. — Любовь сама диктует законы.

Ее губы были сухими и потрескавшимися, кожа ледяной. Она боялась, но сердце билось горячо и сильно.

— Ничто не в силах разлучить нас. Поверь мне.

— Я больше не знаю, во что верить. Мы принадлежим Вселенной, лежащей за пределами познания. Что, если она слишком велика для любви?

— Хорошо, — прошептала Лиззи. — Не будем собаками на сене. Если любовь мала и должна кончиться, пускай кончается. Пускай такие безделицы, как любовь, и честь, и благородство, и смех, кончаются... Если есть что-то большее за ними...

— Но что может быть больше? Что может быть за ними?

— Если мы слишком малы, чтобы выжить, откуда нам знать?

Она придвинулась ко мне, холодея всем телом. И мы сжались вместе, грудь к груди, согревая друг друга своей любовью, испуганные существа в изумительном мире вне познания... страшном, но все же ожжж иддд аю щщщщщ еммм...

Генри Каттнер
МУЗЫКАЛЬНАЯ МАШИНА

Джерри Фостер поведал бармену, что на свете нет любви. Бармен, привыкший к подобным излияниям, заверил Джерри, что он ошибается, и предложил выпить.

— Почему бы и нет? — согласился мистер Фостер, исследуя скудное содержимое своего бумажника. — «Всегда, пока я был и есмь и буду, я пил и пью и буду пить вино». Это Омар.

— Ну как же, — невозмутимо ответил бармен. — Пей, не стесняйся, приятель.

— Вот ты зовешь меня приятелем, — пробормотал Фостер, слегка уже подвыпивший приятный молодой блондин с подернутыми дымкой глазами, — но никому я не нужен. Никто меня не любит.

— А та вчерашняя крошка?

— Бетти? Дело в том, что вчера я заглянул с ней в одно местечко, а тут появилась рыжая. Ну, я бортанул Бетти, а потом рыжая отшила меня. И вот я одинок, все меня ненавидят.

— Возможно, не стоило гнать Бетти, — предположил бармен.

— Я такой непостоянный... — На глазах у Фостера навернулись слезы. — Ничего не могу поделать. Женщины — моя погибель. Налей мне еще и скажи, как тебя звать.

— Остин.

— Так вот, Остин, я почти влип. Не обратил внимания, кто победил вчера в пятом забеге?

— Пигс Троттерс вроде бы.

— А я ставил на Уайт Флеш. Сейчас должен подойти Сэмми. Хорошо еще, что удалось раздобыть денег, — с ним лучше не шутить.

— Это верно. Прости.

— И ты меня ненавидишь, — грустно прошептал Фостер, отходя от стойки.

Он был весьма удивлен, заметив сидящую в одиночестве Бетти. Но ее золотистые волосы, чистые глаза, бело-розовая кожа потеряли свою привлекательность. Она ему наскучила.

Фостер прошел дальше — туда, где в полумраке поблескивал хромом продолговатый предмет. Это было то, что официально именовалось «проигрыватель-автомат», а в обиходе звалось просто «джук-бокс» или «музыкальная машина».

Прекрасная машина. Ее хромированные и полированные части переливались всеми цветами радуги. Более того, она не следила за Фостером и держала рот на замке.

Фостер ласково похлопал по блестящему боку.

— Ты моя девушка, — объявил Джерри. — Ты прекрасна. Я люблю тебя. Слышишь? Люблю безумно.

Фостер достал из кармана монетку и тут увидел, как в бар вошел коренастый брюнет и подсел к мужчине в твидовом костюме. После короткой беседы, завершившейся рукопожатием, коренастый вытащил из кармана записную книжку и что-то пометил.

Фостер достал бумажник. У него уже были неприятности с Сэмми, и больше он не хотел. Букмекер весьма ревностно относился к своим финансовым делам.

Джерри пересчитал деньги, моргнул, снова пересчитал; в животе мерзко екнуло. То ли он их потерял, то ли его обманули, но денег не хватало...

Сэмми это не понравится.

Яростно принуждая затуманенные мозги шевелиться, Фостер прикинул, как выиграть время. Сэмми его уже заметил. Если бы выбраться через черный ход...

В баре стало слишком тихо. Страстно желая какого-нибудь шума, чтобы скрыть свое состояние, Фостер обратил наконец внимание на монетку, зажатую в пальцах, и торопливо сунул ее в прорезь джук-бокса.

В лоток для возврата монет посыпались деньги.

Шляпа Джерри оказалась под лотком почти мгновенно. Четвертаки и десятицентовики лились нескончаемым потоком. Джук-бокс взорвался песней, и под царапанье иглы из автомата понеслись звуки «Моего мужчины», заглушая шум денег, наполнявших шляпу Фостера.

Наконец поток иссяк. Фостер стоял как вкопанный, молясь богам-покровителям, когда к нему подошел Сэмми.

Жучок посмотрел на все еще протянутую шляпу.

— Эй, Джерри! Сорвал куш?

— Ага, в клубе поблизости. Никак не могу разменять. Поможешь?

— Черт побери, я не разменная касса, — усмехнулся Сэмми. — Свое возьму зелененькими.

Фостер опустил позвякивающую шляпу на крышку автомата и отсчитал купюры, а недостаток покрыл выуженными четвертаками.

— Благодарю, — сказал Сэмми. — Право, жаль, что твоя лошадка оказалась слабовата.

— «О, любовь, что длится вечно...» — заливался джук-бокс.

— Ничего не поделаешь, — отозвался Фостер. — Может быть, в следующий раз повезет.

— Хочешь поставить?

— «Если все вокруг станет плохо вдруг, то спасенья круг бросит верный друг...»

Фостер вздрогнул. Последние два слова песни поразили его, возникли из ниоткуда и намертво, как почтовый штамп, засели в голове. Больше он ничего не слышал; эти слова звучали на все лады нескончаемым эхом.

— Э... верный друг, — пробормотал он. — Верный...

— А-а... Темная лошадка. Ну ладно, Верный Друг, третий заезд. Как обычно?

Комната начала вращаться, но Фостер сумел кивнуть. Через некоторое время он обнаружил, что Сэмми пропал;

на джук-боксе стоял лишь его бокал рядом со шляпой. Джерри, наклонившись, вперился сквозь стекло во внутренности автомата.

— Не может быть, — прошептал он. — Я пьян. Но пьян недостаточно. Нужно выпить еще.

С отчаянием утопающего он схватил бокал и двинулся к стойке.

— Послушай, Остин... Этот джук-бокс... он как, хорошо работает?

Остин выдавливал лимон и не поднял глаз.

— Жалоб нет.

Фостер украдкой бросил взгляд на автомат. Тот по-прежнему стоял у стены, загадочно блестя хромом и полировкой.

— Не знаю, что и думать... — пробормотал Фостер.

На диск легла пластинка. Автомат заиграл «Пойми же — мы просто любим друг друга».

Дела Джерри Фостера в последнее время шли из рук вон плохо. По натуре консерватор, к несчастью для себя он родился в век больших перемен. Ему необходимо было чувствовать твердую почву под ногами — а газетные заголовки не внушали уверенности, и уж тем более не устраивал его новый образ жизни, складывающийся из технических и социальных новшеств. Появись он на свет в прошлом веке, Фостер катался бы как сыр в масле, но сейчас...

Эпизод с музыкальной машиной был бы забыт, если бы через несколько дней не появился Сэмми с девятью сотнями долларов — результат победы Верного Друга. Фостер немедленно закутил и пришел в себя в знакомом баре. За спиной, вызывая смутные воспоминания, сиял джук-бокс. Из его недр лились звуки «Нет чудесней апреля», и Фостер стал бездумно подпевать.

— Хорошо! — угрожающе заявил тучный мужчина рядом. — Я слышал! Я... что ты сказал?

— Запомни апрель, — машинально повторил Фостер.

— Какой, к черту, апрель! Сейчас март!

Джерри стал тупо озираться в поисках календаря.

— Вот пожалуйста, — почти твердо заявил он. — Третье апреля.

— Это ж мне пора возвращаться... — отчаянно прошептал толстяк. — Оказывается, апрель! Сколько же я гуляю? А, не знаешь?! А что ты знаешь? Апрель... вот ведь черт...

Не успел Фостер подумать, что не мешает перейти в заведение потише, как в бар, безумно вращая глазами, ворвался тощий блондин с топором. Прежде чем его успели остановить, он пробежал через комнату и занес топор над джук-боксом.

— Я больше не могу! — истерически выкрикнул он. — Тварь!.. Я рассчитаюсь с тобой раньше, чем ты меня погубишь!

С этими словами, не обращая внимания на грозно приближающегося бармена, блондин ударил топором по крышке автомата. С резким хлопком полыхнул язычок синего пламени, и блондин оказался на полу.

Фостер завладел стоявшей поблизости бутылкой виски и попытался осмыслить смутно сознаваемые события. Вызвали «скорую помощь». Доктор объявил, что блондин жив, но получил сильный электрический удар. У автомата помялась крышка, однако внутренности остались целы.

— Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал*, — сообщил Остин Фостеру. — Если не ошибаюсь, ты — тот парень, который вчера цитировал Хайама?

— Что? — отозвался Фостер.

Остин задумчиво кивал, глядя, как безжизненное тело укладывают на носилки.

— Этот тип частенько сюда наведывался — только ради музыкальной машины. Он просто в нее втюрился. Часами слушал. Конечно, говоря «втюрился», я не имею в виду ничего такого, ясно?

— ...ы-ы... — подтвердил Фостер.

— И вот вбегает он пару дней назад, как с цепи сорвался, глаза бешеные, сам ошалевший... грохается перед этим ящиком на колени и молит простить его за что-то... Тебе чего?

---

* О. Уайльд. «Баллада Рэдингской тюрьмы».

— Повторить, — ответил Фостер, наблюдая за выносом носилок.

Джук-бокс щелкнул, и заиграла новая пластинка. Вероятно, забарахлил усилитель, потому что динамики неожиданно взревели.

— Хло-о! — яростно звал джук-бокс. — Хло-о-о!!

Наполовину оглушенный, борясь с ощущением, что все это галлюцинация, Фостер на заплетающихся ногах подошел к автомату и потряс его. Рев прекратился.

— Хло!.. — пропел джук-бокс грустно и нежно.

У входа в бар возникла какая-то суета, но Фостер ни на что не обращал внимания. Его осенила идея. Он прижался лбом к стеклу панели и на останавливающемся диске сумел прочитать название: «Весной в горах».

Пластинка встала на ребро и скользнула назад. Другой черный диск опустился под иглу. «Турецкие ночи».

Но вместо этого джук-бокс с большим чувством исполнил «Мы будем любить друг друга вечно».

Фостер совершенно уже забыл неряшливого толстяка, как вдруг услышал сзади раздраженный голос:

— Ты лжец! Сейчас март!

— А-а, иди к черту, — отмахнулся глубоко потрясенный Фостер.

— Я сказал, ты лжец! — настаивал толстяк, неприятно дыша в лицо Фостера. — Либо ты согласишься, что сейчас март, либо... либо...

С Фостера было достаточно. Он оттолкнул толстяка и двинулся к выходу, когда в воздухе разлилась нежная мелодия «Скажи же «да» скорей!».

— Март! — визгливо твердил толстяк. — Разве не март?!

— Да, — торопливо согласился Фостер. — Март.

И всю ночь он следовал совету песни. Он слушал толстяка. Он поехал в гости к толстяку. Он соглашался с толстяком. А утром с изумлением узнал, что толстяк взял его на работу — в качестве композитора-песенника для Высшей Студии, — потому что Фостер ответил «да» на вопрос, может ли он писать песни.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес толстяк. — Теперь мне, пожалуй, пора домой. А, так ведь я дома? Значит, мне пора на студию. Завтра мы начинаем апрельский супермюзикл — а ведь сейчас апрель?

— Конечно.

— Давай соснем. Нет, не сюда, здесь бассейн... Я покажу тебе свободную спальню. Ты ведь хочешь спать?

— Да, — солгал Фостер.

Тем не менее он заснул, а на следующее утро отправился с толстяком на студию и поставил свою подпись под контрактом. Никто не интересовался его квалификацией — его привел сам Талиоферро, и этого было достаточно. Джерри предоставили кабинет с роялем и секретаршей, и там он просидел остаток дня, недоумевая, как все случилось.

Фостер получил задание — лирическая песня для новой картины. Дуэт.

В младенческом возрасте Фостер играл на пианино, но тайны контрапункта и тональностей прошли мимо него.

Вечером он заглянул в тот бар. Где-то в глубине души Джерри надеялся, что джук-бокс поможет ему. Однако музыкальная машина надоедливо играла одну и ту же песню. Странно, что никто этого не слышал. Фостер открыл сей факт совершенно случайно. Для ушей Остина джук-бокс крутил обычные шлягеры.

Джерри стал внимательно прислушиваться. Звучал завораживающий дуэт, нежный и печальный.

— Кто написал эту песню?

— Разве не Хоги Кармайкл? — отозвался Остин.

Джук-бокс внезапно заиграл «Я сделал это», а затем вновь переключился на дуэт.

В углу Фостер заметил пианино. Он подошел к нему, достал записную книжку и первым делом записал слова. Остальное оказалось не по силам, приходилось надеяться лишь на слух и память. Фостер осмотрел музыкальную машину (разбитую крышку заменили), ласково погладил ее бок и в глубоком раздумье удалился.

* * *

Его секретаршу звали Лойс Кеннеди. Она появилась на следующий день в кабинете Фостера, когда тот сидел у рояля и безнадежно тыкал в клавиши пальцем.

— Позвольте я помогу вам, мистер Фостер, — спокойно сказала девушка.

— Я... нет, спасибо, — выдавил Фостер.

— Плохо знаете музыкальную грамоту? — Лойс ободряюще улыбнулась. — Таких композиторов много. Играют на слух, а в нотах не разбираются.

— В самом деле? — с надеждой пробормотал Фостер.

— Давайте так: вы играйте, а я запишу.

После нескольких тщетных попыток Фостер вздохнул и взял листок со словами — его хоть прочесть можно было.

— Ну пропойте ее, — предложила Лойс.

У Фостера был неплохой слух, и он без труда спел, а Лойс легко подобрала и записала музыку.

— Изумительно! Оригинальная и свежая мелодия. Мистер Фостер, я восхищена вами! Надо немедленно показать ее боссу.

Талиоферро песня понравилась. Он сделал несколько бессмысленных поправок, которые Фостер с помощью Лойс внес в текст, и созвал целый симпозиум песенников для прослушивания шедевра.

— Я хочу, чтобы вы поняли, что такое хорошо, — изрек Талиоферро. — Это моя новая находка. Мне кажется, нам нужна свежая кровь, — мрачно закончил он, обводя притихших песенников зловещим взглядом.

Фостер сидел как на иголках, ожидая, что вот-вот кто-нибудь из присутствующих вскочит и закричит: «Эта ваша находка украл мелодию у Гершвина!..»

Или у Берлина, или Портера, или Хаммерстайна...

Разоблачения не последовало. Песня оказалась новой и принесла Фостеру славу композитора и поэта.

Так начался успех.

Каждый вечер он в одиночку посещал некий бар, и джук-бокс помогал ему с песнями. Джук-бокс словно понимал,

что именно требуется, и нежил Фостера западающими в сердце мелодиями, складывающимися в песни с помощью Лойс.

Кстати, Фостер начал замечать, что она — поразительно красивая девушка. Лойс не казалась неприступной, но пока Фостер избегал решительных действий. Он не был уверен в долговечности своего триумфа.

Хотя расцветал Фостер как роза. Банковский счет круглел с не меньшей скоростью, чем он сам, а пил Фостер теперь гораздо реже, хотя бар посещал ежедневно.

Однажды он спросил у Остина:

— Этот джук-бокс... Откуда он взялся?

— Не знаю, — ответил Остин. — Он уже стоял, когда я начал здесь работать.

— А кто меняет пластинки?

— Ну... компания, надо полагать.

— Вы видели их когда-нибудь?

Остин задумался.

— Наверное, они приходят в смену напарника. Пластинки новые каждый день. Отличное обслуживание.

Фостер решил расспросить и другого бармена, но не расспросил. Потому что поцеловал Лойс Кеннеди.

Это был пороховой заряд. Они колесили по Сансет-Стрип, обсуждая проблемы жизни и музыки.

— Я иду, — туманно выразился Фостер, отворачивая от столба светофора. — Мы идем вместе.

— Ах, милый! — промурлыкала Лойс.

Фостер и не чувствовал, что последние дни находился в страшном напряжении. Сейчас оно исчезло. Как замечательно обнимать Лойс, целовать ее, наслаждаться легким щекотанием ее волос... Все виделось в розовом свете.

Внезапно в розовой мгле проявилось лицо Остина.

— Как всегда? — поинтересовался бармен.

Фостер моргнул.

— Остин... Давно мы здесь?

— Около часа, мистер Фостер.

— Дорогой! — ластилась Лойс, нежно и плотно прижимаясь к плечу.

Фостер попытался подумать. Это было трудно.

— Лойс, — произнес он наконец, — не надо ли мне написать песню?

— Зачем спешить?

— Нет. Раз я здесь, то добуду песню, — непререкаемо изрек Фостер и поднялся.

— Поцелуй меня, — проворковала Лойс.

Фостер повиновался, затем засек координаты джук-бокса и двинулся к цели.

— Привет, — сказал он, похлопывая гладкий блестящий бок. — Вот и я. Правда, немного пьян, но это ничего. Давай-ка запишем песенку.

Машина молчала. Фостер почувствовал прикосновение Лойс.

— Пойдем. Мы не хотим музыки.

— Подожди, моя прелесть.

Фостер уставился на автомат и вдруг расхохотался.

— Понимаю...

Он достал пригоршню мелочи, сунул монету в щель и дернул рычаг.

Джук-бокс хранил молчание.

— Что случилось?.. — пробормотал Фостер.

Внезапно ему пришел на память случай с блондином, напавшим на джук-бокс с топором.

Остин подсказал фамилию, и через час Фостер сидел у госпитальной койки, на которой покоились изуродованные и забинтованные останки человека со светлыми волосами.

— Меня вынесли на носилках из бара, — рассказывал блондин. — И тут появилась машина. Я ничего не почувствовал. Я и сейчас ничего не чувствую. Водитель — женщина — утверждает, что кто-то выкрикнул ее имя. Хло. Это так удивило ее, что она дернула руль и сбила меня. Вы знаете, кто крикнул «Хло»?

Фостер вспомнил. Джук-бокс играл «Хло», что-то случилось с усилителем, и на секунду он заорал как бешеный.

— Я парализован, — продолжал блондин. — Скоро умру. И хорошо. Она очень умная и мстительная.

— Она?

— Шпионка. Возможно, самые разные устройства замаскированы под... под вещи, к которым мы привыкли. Не знаю. Вот и джук-бокс... он... нет. Она! Она жива!

— А...

— Кто ее поставил? — перебил блондин. — Они. Пришельцы из иного времени? Им нужна информация, но сами показываться не смеют, вот и монтируют шпионские устройства в вещах, которые не вызывают у нас подозрений. Например, в автоматической радиоле. Только эта немного разладилась. Она умнее других.

Блондин приподнял голову, горящие глаза впились в радио, висевшее на стене.

— Даже здесь, — прошептал он. — Обычное радио? Или их хитроумные штучки?!

Его голова бессильно упала на подушку.

— Я начал догадываться довольно давно. Она подсказывала мне разные идеи, не раз буквально вытаскивала из тюрьмы. Но прощения не будет. Она ведь женщина. Механический мозг? Или... нет, я не узнаю, никогда не узнаю. Скоро я умру. Ну и ладно...

Вошла сестра.

Джерри Фостер был испуган. На опустевшей Мэйн-стрит царили тишина и мрак.

— Ни за что бы ни поверил, — бормотал Фостер, прислушиваясь к собственным гулким шагам. — Но я верю. Надо наладить отношения с этим... с этой... с музыкальной машиной!

Какая-то трезвая часть ума направила его в аллею. Заставила осторожно выдавить стекло. Настойчиво провела по темной кухне.

Он был в баре. Пустая стойка. Слабый мерцающий свет, пробивающийся сквозь шторы. И черная молчаливая глыба джук-бокса у стены.

Молчаливая и безразличная. Даже когда Джерри опустил монету.

— Послушай! — взмолился он. — Я был пьян... О, это безумие! Не может такого быть! Ты не живая... или живая?

Это ты расправилась с парнем, которого я сейчас видел в больнице?!. Итак, ты женщина. Завтра я принесу тебе цветы. Я начинаю верить. Конечно же, я верю! Я никогда не взгляну на... на другую девушку. Не надо дуться, ну... Ты же любишь меня, я знаю. О господи!

У Фостера пересохло в горле. Он пошел за стойку и вдруг замер, пораженный леденящей душу уверенностью, что рядом кто-то есть.

Их было двое, и они не были людьми.

Один вытащил из джук-бокса маленький блестящий цилиндр.

Чувствуя, как высыхает пот на лице, Фостер слушал их мысли.

— *Рапорт за истекшие сутки. Вставь свежую кассету и заодно смени пластинки.*

В голове Фостера закружился бешеный калейдоскоп. Слова Остина... умирающий блондин... бесформенные фигуры...

— *Здесь человек*, — подумал один из них. — *Он видел нас. Его надо ликвидировать.*

Мерцающие нечеловеческие фигуры стали приближаться. Фостер обогнул край стойки и, бросившись к музыкальной машине, обхватил руками ее холодные бока.

— Останови их! Не дай им убить меня!

Теперь он не видел созданий, но чувствовал их прямо за спиной. Паника обострила чувства. Фостер выбросил указательный палец и ткнул им в кнопку с надписью «Люби меня вечно».

Что-то коснулось его плеча и окрепло, оттягивая назад.

Внутри автомата замельтешили огни. Выскользнула пластинка. Игла медленно опустилась на черную дорожку.

Джук-бокс начал играть «Цена тебе грош — сейчас ты умрешь».

Ричард Матесон
НАЖМИТЕ КНОПКУ

Пакет лежал прямо у двери — картонная коробка, на которой от руки были написаны фамилия и адрес: «Мистеру и миссис Льюис, 217-Е, Тридцать седьмая улица, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк». Внутри оказалась маленькая деревянная коробка с единственной кнопкой, закрытой стеклянным колпачком. Норма попыталась снять колпачок, но он не поддавался. К днищу коробочки скотчем был прикреплен сложенный листок бумаги: «Мистер Стюарт зайдет к вам в 20.00».

Норма перечитала записку, отложила ее в сторону и, улыбаясь, пошла на кухню готовить салат.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

— Я открою! — крикнула Норма с кухни. Артур читал в гостиной.

В коридоре стоял невысокий мужчина.

— Миссис Льюис? — вежливо осведомился он. — Я мистер Стюарт.

— Ах да... — Норма с трудом подавила улыбку. Теперь она была уверена, что это рекламный трюк торговца.

— Разрешите войти? — спросил мистер Стюарт.

— Я сейчас занята. Так что, извините, просто вынесу вам вашу...

— Вы не хотите узнать, что это?

Норма молча повернулась.

— Это может оказаться выгодным...

— В денежном отношении? — вызывающе спросила она.

Мистер Стюарт кивнул:

— Именно.

Норма нахмурилась.

— Что вы продаете?

— Я ничего не продаю.

Из гостиной вышел Артур.

— Какое-то недоразумение?

Мистер Стюарт представился.

— Ах да, эта штуковина... — Артур кивнул в сторону гостиной и улыбнулся. — Что это вообще такое?

— Я постараюсь объяснить, — сказал мистер Стюарт. — Разрешите войти?

Артур взглянул на Норму.

— Как знаешь, — сказала она.

Он заколебался.

— Ну что ж, входите.

Они прошли в гостиную. Мистер Стюарт сел в кресло и вытащил из внутреннего кармана пиджака маленький запечатанный конверт.

— Внутри находится ключ к колпачку, закрывающему кнопку, — пояснил он и положил конверт на журнальный столик. — Кнопка соединена со звонком в нашей конторе.

— Зачем? — спросил Артур.

— Если вы нажмете кнопку, — сказал мистер Стюарт, — где-то в мире умрет незнакомый вам человек, а вы получите пятьдесят тысяч долларов.

Норма уставилась на посетителя широко раскрытыми глазами. Тот улыбался.

— О чем вы говорите? — недоуменно спросил Артур.

Мистер Стюарт был удивлен.

— Но я только что объяснил.

— Это шутка?

— При чем тут шутка? Совершенно серьезное предложение...

— Кого вы представляете? — перебила Норма.

Мистер Стюарт смутился.

— Боюсь, что я не могу ответить на этот вопрос. Тем не менее заверяю вас: наша организация очень сильна.

— По-моему, вам лучше уйти, — заявил Артур, поднимаясь.

Мистер Стюарт встал с кресла.

— Пожалуйста.

— И захватите вашу кнопку.

— А может, подумаете денек-другой?

Артур взял коробку и конверт и вложил их в руки мистера Стюарта. Потом вышел в прихожую и распахнул дверь.

— Я оставлю свою карточку. — Мистер Стюарт положил на столик возле двери визитную карточку и ушел.

Артур порвал ее пополам и бросил на стол.

— Как по-твоему, что все это значит? — спросила с дивана Норма.

— Мне плевать.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

— И ни капельки не любопытно?..

Потом Артур стал читать, а Норма вернулась на кухню и закончила мыть посуду.

— Почему ты отказываешься говорить об этом? — спросила Норма.

Не прекращая чистить зубы, Артур поднял глаза и посмотрел на ее отражение в зеркале ванной.

— Разве тебя это не интригует?

— Меня это оскорбляет, — сказал Артур.

— Я понимаю, но... — Норма продолжала накручивать волосы на бигуди, — но ведь и интригует?..

— Ты думаешь, это шутка? — спросила она уже в спальне.

— Если шутка, то дурная.

Норма села на кровать и сбросила тапочки.

— Может быть, какие-то исследования проводят психологи?

Артур пожал плечами.

— Может быть.

— Ты не хотел бы узнать?

Он покачал головой.

— Но почему?

— Потому что это аморально.

Норма забралась под одеяло. Артур выключил свет и наклонился поцеловать жену.

— Спокойной ночи.

Норма сомкнула веки. Пятьдесят тысяч долларов, подумала она.

Утром, выходя из квартиры, Норма заметила на столе обрывки разорванной карточки и, повинуясь внезапному порыву, кинула их в свою сумочку.

Во время перерыва она склеила карточку скотчем. Там были напечатаны только имя мистера Стюарта и номер телефона.

Ровно в пять она набрала номер.

— Слушаю, — раздался голос мистера Стюарта.

Норма едва не повесила трубку, но сдержала себя.

— Это миссис Льюис.

— Да, миссис Льюис? — Мистер Стюарт, казалось, был доволен.

— Мне любопытно.

— Естественно.

— Разумеется, я не верю ни одному вашему слову.

— О, все чистая правда, — сказал мистер Стюарт.

— Как бы там ни было... — Норма сглотнула. — Когда вы говорили, будто кто-то в мире умрет, что вы имели в виду?

— Именно то, что говорил. Это может оказаться кто угодно. Мы гарантируем лишь, что вы не знаете этого человека. И, безусловно, вам не придется наблюдать его смерть.

— За пятьдесят тысяч долларов?

— Совершенно верно.

Она насмешливо хмыкнула.

— Чертовщина какая-то...

— Тем не менее таково наше предложение, — сказал мистер Стюарт. — Занести вам прибор?

— Конечно, нет! — Норма с возмущением бросила трубку.

* * *

Пакет лежал у двери. Норма увидела его, как только вышла из лифта. «Какая наглость! — подумала она. — Я просто не возьму его».

Она вошла в квартиру и стала готовить обед. Потом вышла за дверь, подхватила пакет и отнесла его на кухню, оставив на столе.

Норма сидела в гостиной, потягивая коктейль и глядя в окно. Немного погодя она пошла на кухню переворачивать котлеты и положила пакет в нижний ящик шкафа. Утром она его выбросит.

— Наверное, забавляется какой-нибудь эксцентричный миллионер, — сказала она.

Артур оторвался от обеда.

— Я тебя не понимаю.

Они ели в молчании. Неожиданно Норма отложила вилку.

— А что, если это всерьез?

— Ну и что тогда? — Артур недоверчиво пожал плечами. — Чего бы ты хотела — вернуть устройство и нажать кнопку? Убить кого-то?

На лице Нормы появилось отвращение.

— Так уж и убить...

— А что же, по-твоему?

— Но ведь мы даже не знаем этого человека.

Артур был потрясен.

— Ты говоришь серьезно?

— Ну а если это какой-нибудь старый китайский крестьянин за двести тысяч миль отсюда? Какой-нибудь больной туземец в Конго?

— А если это какая-нибудь малютка из Пенсильвании? — возразил Артур. — Прелестная девушка с соседней улицы?

— Ты нарочно все усложняешь.

— Какая разница, кто умрет? — продолжал Артур. — Все равно это убийство.

— Значит, даже если это кто-то, кого ты никогда в жизни не видел и не увидишь, — настаивала Норма, — кто-то, о чьей смерти ты даже не узнаешь, ты все равно не нажмешь кнопку?

Артур пораженно уставился на жену.

— Ты хочешь сказать, что *ты* нажмешь?

— Пятьдесят тысяч долларов.

— При чем тут...

— *Пятьдесят тысяч долларов*, Артур, — перебила Норма. — Мы могли бы позволить себе путешествие в Европу, о котором всегда мечтали.

— Норма, нет.

— Мы могли бы купить тот коттедж...

— Норма, *нет*. — Его лицо побелело. — Ради бога, перестань!

Норма пожала плечами.

— Как угодно.

Она поднялась раньше, чем обычно, чтобы приготовить на завтрак блины, яйца и бекон.

— По какому поводу? — с улыбкой спросил Артур.

— Без всякого повода. — Норма обиделась. — Просто так.

— Отлично. Мне очень приятно.

Она наполнила его чашку.

— Хотела показать тебе, что я не эгоистка.

— А я разве говорил это?

— Ну, — она неопределенно махнула рукой, — вчера вечером...

Артур молчал.

— Наш разговор о кнопке, — напомнила Норма. — Я думаю, что ты неправильно меня понял.

— В каком отношении? — спросил он настороженным голосом.

— Ты решил, — она снова сделала жест рукой, — что я думаю только о себе...

— А-а...

— Так вот, нет. Когда я говорила о Европе, о коттедже...

— Норма, почему это тебя так волнует?

— Я всего лишь пытаюсь объяснить, — она судорожно вздохнула, — что думала о *нас*. Чтобы *мы* поездили по Европе. Чтобы *мы* купили дом. Чтобы у *нас* была лучше мебель, лучше одежда. Чтобы *мы* наконец позволили себе ребенка, между прочим.

— У нас будет ребенок.

— Когда?

Он посмотрел на нее с тревогой.

— Норма...

— *Когда?*

— Ты что, серьезно? — Он опешил. — Серьезно утверждаешь...

— Я утверждаю, что это какие-то исследования! — оборвала она. — Что они хотят выяснить, как при подобных обстоятельствах поступит средний человек! Что они просто *говорят*, что кто-то умрет, чтобы изучить нашу реакцию! Ты ведь не считаешь, что они действительно кого-нибудь убьют?!

Артур не ответил; его руки дрожали. Через некоторое время он поднялся и ушел.

Норма осталась за столом, отрешенно глядя в кофе. Мелькнула мысль: «Я опоздаю на работу...» Она пожала плечами. Ну и что? Она вообще должна быть дома, а не торчать в конторе...

Убирая посуду, она вдруг остановилась, вытерла руки и достала из нижнего ящика пакет. Положила коробочку на стол, вынула из конверта ключ и удалила колпачок. Долгое время недвижно сидела, глядя на кнопку. Как странно... ну что в ней особенного?

Норма вытянула руку и нажала кнопку. «*Ради нас*», — раздраженно подумала она.

Что сейчас происходит? На миг ее захлестнула волна ужаса.

Волна быстро схлынула. Норма презрительно усмехнулась. Нелепо — так много уделять внимания ерунде.

Она швырнула коробочку, колпачок и ключ в мусорную корзину и пошла одеваться.

Норма жарила на ужин отбивные, когда зазвонил телефон. Она поставила бокал с водкой-мартини и взяла трубку.

— Алло?

— Миссис Льюис?

— Да.

— Вас беспокоят из больницы «Легокс-хилл».

Норма слушала будто в полусне. В толкучке Артур упал с платформы прямо под поезд метро. Несчастный случай.

Повесив трубку, она вспомнила, что Артур застраховал свою жизнь на двадцать пять тысяч долларов с двойной компенсацией при...

Нет. С трудом поднявшись на ноги, Норма побрела на кухню и достала из корзины коробочку с кнопкой. Никаких гвоздей или шурупов... Вообще непонятно, как она собрана.

Внезапно Норма стала колотить ею о край раковины, ударяя все сильнее и сильнее, пока дерево не треснуло. Внутри ничего не оказалось — ни транзисторов, ни проводов... Коробка была пуста.

Зазвонил телефон, и Норма вздрогнула. На подкашивающихся ногах она прошла в гостиную и взяла трубку, уже догадываясь, чей голос услышит.

— Вы говорили, что я не буду знать того, кто умрет!

— Моя дорогая миссис Льюис, — сказал мистер Стюарт. — Неужели вы и в самом деле думаете, будто знали своего мужа?

Уильям Ф. Нолан
КОНЕЦ, и НИКАКИХ «НО»

Остановив роскошный кремовый «тандерберд» в конце покрытого гравием проезда, Гаррисон Миллер почувствовал желание раздавить солнечные очки. Он выбрался из машины, достал их из дорогого кожаного чехла — подарок Сильвии ко дню рождения, — осторожно опустил под ноги и тяжело наступил, сминая изящную оправу и кроша в порошок темные стекла.

— Чудесно, — сказал Гаррисон Миллер. — Теперь твоя очередь, мистер Берд.

Он дважды обошел вокруг длинного приземистого автомобиля, удовлетворенно кивнул и так ударил каблуком по бамперу, что тот прогнулся.

— Не сравнить с тем, как делали раньше, — отметил Гаррисон Миллер и направился к прелестному белому домику, расположенному на склоне холма. По пути он намеренно прошел по влажной клумбе, потоптав драгоценные розы жены и нарочно измазав туфли.

Сильвия Миллер, холодно улыбаясь, стояла в дверях. Ее лицо раскраснелось, как всегда, когда муж возвращался пьяный.

— Опять, Гарри? Никак не можешь не набраться?

— Ошибаешься, милочка. — Он ухмыльнулся. — Трезв как стеклышко. Угодно убедиться?

Миллер наклонил голову, широко разинул рот и громко выдохнул. Жена сморщила нос, потом резко выпрямилась.

— Господи, да ты и в самом деле трезв!

— Совершенно верно. Мужьям заказано обманывать своих возлюбленных.

Сильвия опустила глаза на его подтекающие туфли.

— Ты разносишь грязь, — заметила она, следуя за ним на кухню. — Что с тобой, Гарри?

Гаррисон Миллер не ответил. Это был высокий блондин тридцати пяти лет, одетый в черные брюки и приталенную спортивную рубашку красного цвета. Его загорелое, еще мальчишеское лицо излучало удовлетворение. Он открыл холодильник.

— Ага! Недурное мясо!

— Это к сегодняшнему вечеру, — отозвалась жена.

— У нас не будет никакого вечера, — отрезал Миллер, неся мясо к мусоропроводу. — Ни у нас, ни где-нибудь в другом месте. И вообще, — усмехнулся он, — сегодняшнего вечера не будет!

Мясо с глухим чавканьем упало вниз.

— Ты с ума сошел! — разозлилась Сильвия Миллер. — Оно стоило денег!

Миллер щелкнул пальцами.

— Конечно! Деньги. Старые добрые зелененькие бумажки. Из тех, что не растут на деревьях. — Он вытащил из бумажника десятидолларовую банкноту и взмахнул ею в воздухе. — Смотрите внимательно, мадам, и первой из непосвященных вы удостоитесь чести лицезреть таинственные и ужасающие действа, показанные мудрыми старцами Тибета в бытность мою безусым юнцом.

Он поднес к банкноте золотую зажигалку, и крохотный язычок пламени лизнул край бумажки. Она горела медленно, сворачиваясь в темные хлопья пепла.

— Я *знаю*, что ты пьян, — твердо заявила жена. — Зажевал чем-то, и от тебя не пахнет, но все-таки ты набрался как свинья.

— Вопиющая ложь! — вскричал Миллер. — У меня просто отличное настроение. Изумительное.

Он вскочил на табуретку и заколотил себя в грудь кулаками, словно отбивая дробь на барабане.

— Ступай в постель, Гарри, — потянувшись к нему, сказала Сильвия.

— Зачем? Ты так истомилась по красивому телу бывшего помощника режиссера, что не можешь дождаться ночи?

Сильвия Миллер взглянула на ухмыляющегося мужа, и ее нахмуренное лицо просветлело.

— Ты... ты сказал «бывшего»?

— Точно, либер фрау. — Он спрыгнул на пол и подошел к ней вплотную.

— Мой *милый!* — взвизгнула она, бросаясь ему на шею. — Что ж ты сразу не сказал?! Наконец-то! Мой муж — режиссер «Юниверсал-Американ»!

— Нет. — Миллер отвел ее руки. — Нет. Твой муж — безработный.

Сильвия отпрянула и побледнела.

— Перед тем, как ты заладишь свое «О, Гарри, как ты мог», я сам скажу тебе — как. Я вошел к Фишеру и выдал: «Берни, ты — скупой грязный мошенник с душой сводника». Потом я объяснил ему, что во всей его жирной туше таланта меньше, чем у меня в заднице. После этого я направился в кабинет Миттенхольтцера и...

— О-о, — простонала Сильвия, — господи, только не к мистеру Миттенхольтцеру...

— К нему самому. Лично к Большой Шишке. Один косой взгляд старого Митти, и твоя фамилия открывает все черные списки. А мне *наплевать*. Что за наслаждение! Десять лет я потел над его халтурой, и наконец-то мне было наплевать!

Сильвия сидела тихо, в ужасе зажав рот руками.

— Я сообщил ему, что он дутый художник, что его тупые фильмы вызывают лишь смех... Я сказал этому старому козлу все!

Миллер прошел в гостиную; его жена медленно проследовала за ним.

— Вот они. — Гаррисон Миллер указал на книжный шкаф рядом с окном на Беверли-Хиллс. — Переплетенные копии каждого паршивого сценария, над которым я гнул спину в «Ю-А». Продюсер — Натан А. Миттенхольтцер. Режиссер —

Бернард Фишер. Помощник режиссера — Гаррисон К. Миллер, бывший «подающий надежды», ныне стопроцентный раб.

Он нагнулся, вытащил все семнадцать книжек и быстро вынес их во внутренний дворик.

— Смотри, — крикнул он, — это дерьмо даже не плавает!

И побросал книги одну за другой в большой бассейн.

Сильвия подошла к нему как раз в тот момент, когда последний фолиант со всхлипом исчез в голубой воде.

— Что ты с нами сделал, Гарри? — медленно произнесла она.

— С нами? Неужели ты не понимаешь, что после шести лет взаимного обмана не существует никакого «мы»? Никогда не существовало... Не стоит притворяться. Просто встретились двое здоровых, привлекательных животных и решили пожевать сено вместе. А немного погодя подписали узаконивающую это маленькую бумажку. Так мы стали мужем и женой.

— Ты говоришь невыразимые гадости. Разве я не была всегда...

— ...благоразумной кошкой? О, ну разумеется! Я тоже, любовь моя, выбирал партнерш с величайшей осмотрительностью по принципу свободной морали и закрытого рта. Нет пересудов — нет скандала.

— Гарри, я...

— Тс-с! — Он приложил палец к губам. — Некогда продолжать наши милые семейные беседы. Есть дела поважнее. А часики тикают... Осталось совсем немного.

Миллер быстро прошел в кабинет, предоставив жене следовать за ним, снял трубку телефона и торопливо набрал номер.

— Слушаю, — прозвучал сухой женский голос.

— Это вы, мисс Бентли?

— Да, у аппарата Милдред Бентли.

— Отлично. Говорит Гарри Миллер из «Ю-А». Я всего лишь хотел сказать вам, что вы — старая ядовитая сплетница, мисс Бентли. И еще могу добавить, что я, кажется, знаю, чего вам не хватало все эти годы: хорошенько поваляться в сене.

— Бросила трубку, — сообщил он, сияя мальчишеской улыбкой. — Всеми обожаемая обозревательница нашей газетенки, общий друг Милли. Эта багроволицая карга вообразила, будто повелевает Голливудом. Я не мог о ней забыть.

— Она может арестовать тебя за такую выходку, — выдавила Сильвия. — Надеюсь, она так и сделает. Я молю Бога, чтобы она так и сделала! — Теперь, когда шок стал проходить, Сильвия почувствовала злость.

— Арестовать за правду? Впрочем, это не имеет значения. Сейчас ровно ничего не имеет значения.

Миллер подошел к бару, открыл бутылку и, едва не подавившись, сделал несколько жадных глотков. Потом швырнул бутылку в камин, и она взорвалась фонтаном осколков и брызг.

— Что ты имеешь в виду? — потребовала жена. — Почему это ничего не имеет значения?

— Я имею в виду следующее. Мы можем позволить себе делать все, что душа пожелает: хоть ругаться перед баптистской церковью, хоть бегать нагишом по Голливуду. А если вдруг встретится коп, можно смело плюнуть ему в глаза.

— *О чем ты говоришь, Гарри?*

— О том, что знаю, только и всего, — сказал он, открывая новую бутылку. — У нас осталось... еще пять минут. Потом — ТРАХ! Завершение. Конец.

Миллер заметил в глазах жены внезапный испуг. Сильвия медленно попятилась.

— О, не беспокойся, — хихикнул он. — Я не собираюсь стрелять или бросаться на тебя с кухонным ножом. Я вообще ничего не собираюсь делать. Просто буду сидеть и ждать.

— Чего ждать?!

— Того, что грядет. Сегодня. Я только обсудил с Гербом Вильямсом сюжет и сидел у себя за столом. И тут до меня дошло. Можно сказать, озарило. Насчет конца. Я вдруг понял: весь мир полетит к черту. И мне известен час.

— Но, Гарри, это немыслимо. — Сильвия чуть прищурилась, пристально изучая его спокойное лицо. — Возможно, ты задремал, и тебе привидилось, или какая-то галлюцинация...

— Нет, — отрезал Миллер. — Это конец, и никаких «но». Можешь не сомневаться. Я сказал себе: «Гарри, старина, рыпаться бесполезно, смирись. Почему бы не пойти к Берни Фишеру и не выложить все, что ты о нем думаешь?» Так я и сделал.

— То есть ты потерял работу, — сдавленным от ярости голосом проговорила Сильвия, — оказался в черных списках каждой студии города, оскорбил самую влиятельную журналистку Голливуда, угробил все свое будущее, *наше* будущее — лишь из-за какого-то предчувствия?!

— Это не предчувствие, Сильвия. Уверенность. И... — Он взглянул вверх. — Это придет с неба. Через минуту. Через шестьдесят коротких секунд.

Миллер опустился на огромную мягкую тахту и указал на место рядом с собой.

— Устраивайся поудобнее.

Сильвия не шелохнулась. Она молча смотрела на мужа сверху вниз.

Потом...

За стенами современного белого дома, за окружающими холмами родился и стал нарастать звук. Тысячи сирен противовоздушной обороны по всей округе сплетали свои металлические голоса в единый пронзительный крик, раздирающий барабанные перепонки.

— Видишь, — сказал Миллер. — Я был прав.

Абсолютно спокойно он ждал конца света.

Но конец света не наступил.

Сирены затихли. Возобновился привычный городской шум. Залаяла собака. Натужно взвыл берущий подъем грузовик.

Сильвия Миллер начала смеяться — громко, истерично, уставив палец на застывшего мужа.

— О, Гарри, ты несчастный дурак! Это всего лишь учения, обычные ежемесячные учения!

Миллер уронил голову на грудь и несколько раз судорожно вздохнул.

— Я... я, наверное, прочитал в газете, — ошеломленно пробормотал он. — Должно быть, отложилось в подсознании...

— Звони! — приказала жена. — Звони Берни Фишеру, и мистеру Миттенхольтцеру, и Милдред Бентли. Извинись и объясни, что на тебя нашло временное помешательство, что утром ты идешь к врачу, что ничего подобного ты о них не думаешь!

— Что ж, — тихо проговорил Миллер. — Может быть, это и получится. Может быть, если я позвоню...

— Конечно!

— Но я не буду. — Миллер встал, посмотрел на разъяренную жену, на осколки бутылки у стены, на голубую поверхность бассейна за окном и быстро направился к выходу.

— Куда ты, Гарри?

— Кто знает? — Он сверкнул широкой счастливой улыбкой. — Может быть, на Багамы. Или во Францию, в Испанию, в Индию... Главное, Сильвия, это вовсе не конец. Для Гаррисона Клейтона Миллера это только начало!

И он сел за руль своей светло-кремовой машины со свежей вмятиной на бампере и уехал, вызывающе и радостно давя на клаксон.

Джеймс Типтри
ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Каммерлинг — хороший земной юноша, и его родители сделали ему приятный сюрприз: подарили к традиционному Году Странствий звездолет «Голконда-990». Но Каммерлинг в отличие от своих ровесников не только отправился в путешествие в одиночку, но решил посетить самые отдаленные районы Вселенной, где с гостиницами хуже некуда, а то и вовсе нет гостиниц. Так он оказался первым землянином — или по крайней мере первым за долгое, долгое время, — опустившимся на планете Годольфус-4.

Как только открылся люк, уши Каммерлинга заложило от неистовых криков, воплей и бряцания, исходящих из огромного облака пыли, в котором изредка что-то сверкало. Когда пыль немного осела, Каммерлинг понял, что является свидетелем некоего дикарского празднества.

На равнине перед ним стремительно сближались две колоссальные массы аборигенов. С одной стороны фаланга за фалангой шли какие-то типы, облаченные в кожаные кирасы и ножные латы, с обсидановыми копьями, украшенными развевающимися волосами и еще чем-то, что Каммерлинг принял за сушеные орехи. С другой стороны на рептилиях неслись галопом всадники в блестящих кольчугах, с визгом размахивающие тяжелыми шипастыми шарами. За ними виднелись ряды лучников с огненными стрелами; всю ораву подпирали цимбалисты, барабанщики, трубачи и зна-

меносцы, изнемогающие под штандартами с реалистическими изображениями освежеванных тел.

Две орды столкнулись в первозданной ярости, и равнина превратилась в водоворот ударов, уколов, отсечений, расчленений и других явно недружеских действий.

— Вот так да, — ахнул Каммерлинг. — Неужели это самая настоящая, взаправдашняя война?

Его присутствие заметили несколько ближайших воинов. Они остановились, выпучив глаза, и были немедленно зарезаны. Из гущи схватки вылетела голова и, истекая кровью и кошмарно ухмыляясь, подкатилась к ногам Каммерлинга.

Не задумываясь, он включил воудер — электронный аппарат, транслирующий человеческую речь, — и гаркнул:

— ПРЕКРАТИТЕ!

— Ох, — с раскаянием прошептал Каммерлинг, когда по всему полю пошел треск — стал лопаться обсидиан, и многие упали наземь, зажимая уши. Юноша уменьшил громкость и, припоминая свои конспекты по пантропологии, стал внимательно изучать войска, высматривая главных.

Скоро его внимание привлекла группа знаменосцев на холме. Среди них, на высоком желтом драконе с клыками, разукрашенными каменьями, восседал закованный в броню гигант. Эта колоритная личность что-то ревела и угрожала Каммерлингу кулаком.

На аналогичной возвышенности напротив Каммерлинг заметил цветастый шатер. Заплывший жиром розовощекий годольфусец возлежал на золотых носилках в окружении стайки обнаженных младенцев и томно покусывал с ножика какое-то лакомство, наблюдая за Каммерлингом. Потом он вытер ножик, воткнув его в одного из младенцев помясистее, и щелкнул пальцами, сверкнув нанизанными перстнями.

Все эти проявления варварства ранили душу Каммерлинга, хорошего земного юноши. Не обращая внимания на огненные стрелы и прочие снаряды, летящие в его направлении (их отражало невидимое походное силовое поле), он настроил воудер на обращение непосредственно к двум вождям.

— Приветствую вас! Я — Каммерлинг. Не подошли бы вы ко мне поближе, чтобы обменяться мнениями по ряду вопросов? Если, конечно, вы не слишком заняты...

Каммерлинг с удовольствием увидел, что после некоторого колебания вожди и их свиты стали приближаться, а бушующая поблизости толпа — отступать. К сожалению, делегации остановились на расстоянии, пожалуй, чересчур большом для полезной встречи. Поэтому Каммерлинг шагнул вперед и обратился доброжелательно:

— Послушайте, друзья. То, что вы делаете, это... ну, не поймите меня неправильно, но это нехорошо. А главное — бессмысленно. Я никак не хочу оскорбить ваше культурное своеобразие, но так как рано или поздно вся эта военная шумиха закончится, что доказывают научные изыскания, то почему не остановиться сейчас?

Увидев, что вожди смотрят на него непонимающими глазами, он добавил:

— Я плохо помню исторический символизм, но мне кажется, что вам двоим следует пожать друг другу руки.

При этих словах тучный принц в паланкине оплевал трех младенцев и завизжал:

— Чтобы я коснулся этого ящеролюбивого потомка непереводимо испражненного женского органа?! Я кину его зажаренные внутренности на утеху осужденным ворам!

А всадник на драконе запрокинул назад голову и взревел:

— Мне дотронуться до этой хромосомно несбалансированной пародии на питающегося падалью паразита?! Его кишки украсят подхвостники сбруи тяжеловозов для фургонов, перевозящих трупы!

Каммерлинг понял, что эта щекотливая проблема требует деликатного подхода. Подстраивая нагревшийся воудер, он напомнил себе, что должен с величайшей осторожностью относиться к чужим этическим нормам. И сказал, приятно улыбаясь:

— Если позволите мне высказать свое мнение, то я бы предложил считать: молекулярная генетика и универсальная человечность сходятся, что все люди — братья.

Услышав это, вожди посмотрели друг на друга с внезапным и полным пониманием и швырнули в Каммерлинга все попавшиеся под руку боевые предметы. Их примеру последовали сопровождающие лица. Каммерлинг обнаружил,

что из града снарядов ножик и топор проникли в походное силовое поле и поцарапали обшивку. Он только собрался выговорить вождям за это, как из носа космического корабля вырвались два бледно-голубых луча и мгновенно обратили предводителей, дракона, младенцев и все их окружение в стекловидные лужицы.

— Ай-ай-ай, — укоризненно заметил Каммерлинг кораблю. — Это тоже нехорошо. Зачем ты так сделал?

Печатающее устройство воудера пробудилось и выдало курсивом:

«Не волнуйся, милый юноша. Твоя мать запрограммировала некоторые непредвиденные обстоятельства».

Каммерлинг недовольно поморщился и обратился к собравшимся войскам:

— Поверьте, я искренне сожалею о случившемся. Если ко мне подойдут заместители усопших, я постараюсь, чтобы это не повторилось.

Когда улеглась суматоха, к нему приблизились два военачальника постарше и менее роскошного вида. Сверкая белками глаз, визири опасливо посмотрели на Каммерлинга, на его корабль, на лужицы, которые уже остыли и переливались всеми цветами радуги, и, наконец, друг на друга. К крайнему удовлетворению Каммерлинга, они постепенно позволили склонить себя на мимолетное касание перчатки противника. В восторге Каммерлинг воскликнул пришедшую на ум историческую фразу:

— Перекуем ваши мечи на орала! — Потом довольно рассмеялся и добавил: — Друзья, я желаю подчеркнуть, что не собираюсь вас запугивать чудесами своей совершенной техники, созданной просвещенными усилиями свободных умов необъятной межзвездной миролюбивой Земной Федерации. Но не думаете ли вы, что было бы интересно — хоть, скажем, в порядке эксперимента — объявить мир, например, в честь моего приезда, — он скромно улыбнулся, — и приказать армиям... э-э... расходиться по домам?

Один из визирей издал нечленораздельный звук. Другой дико завопил:

— Твоя воля, чтобы воины разорвали нас на части?! Им обещали грабежи!

Это заставило Каммерлинга осознать, что он упустил из виду эмоциональную напряженность, неминуемую в подобной ситуации. Но, к счастью, юноша припомнил решение.

— Послушайте, у вас наверняка должен быть какой-нибудь любимый энергичный спорт. Ну... игра. Хоккей? Или кэрлинг? Турниры? Хотя бы перетягивание каната?.. И музыка! Музыка! Устроим пикник! Подведите этих трубачей сюда, у меня на борту двенадцатиканальный усилитель «Маркони». А уж как вам понравится наша закуска!.. Я помогу вам с организацией.

Последовавшие часы сплелись в неясный клубок в памяти Каммерлинга, но в целом мероприятие удалось на славу. Некоторые местные виды спорта оказались практически неотличимы от военных действий, и корабельные испарители, к сожалению, все-таки сработали парочку-троечку раз. Однако никто особенно не огорчился. Когда над равниной взошло солнце, оставалось еще немало выживших, способных принять призы, такие, как безынерционные подтяжки и предметы спортивного снаряжения.

— В вашем регби определенно что-то есть, — сообщил визирям Каммерлинг. — Конечно, в будущем стрихнин на наконечниках следует заменить снотворным. Да и потрошение после индивидуальной победы — это совершенно исключено... Еще по бокалу «Юбилейного»? Сейчас я вам растолкую, как реорганизовать сельское хозяйство. Между прочим, из-за чего война?

Один визирь ожесточенно теребил тюрбан, но другой стал излагать историю войны высокопарным и монотонным речитативом, начиная с детских лет прародителя в десятом колене. Вскоре Каммерлингу стало ясно, что корень зла кроется в хроническом недостатке плодородных земель, орошаемых и удобряемых местной рекой.

— Как, пресвятое ореховое масло! — воскликнул он. — Это же проще простого! Вот здесь надо возвести дамбу, запрудить речку, и всего будет вдоволь.

— Дамбу?! Да свершится кара над тем, кто удушит отца вод, — торжественно провозгласил теребитель тюрбана. — Чтоб все его внутренности иссохли и вылезли наружу! Да. И то же с родственниками его.

— Поверьте мне, — воззвал Каммерлинг. — Я глубоко уважаю вашу самобытную культуру. Но, право же, в данном случае... Да вы взгляните!

И он поднял в воздух свой корабль и в два счета перекрыл русло. А когда речка растеклась грязью и дохлой рыбой, возникло озеро там, где никакого озера раньше не было.

— Вот, пожалуйста, вам дамба, — объявил Каммерлинг. — И круглый год воды будет предостаточно. А вы можете пойти дальше и вырыть оросительные каналы — корабль составит контурную карту — и процветать и благоденствовать.

И визири огляделись и сказали:

— Да, о господи, похоже, у нас есть дамба, — и отправились, соответственно, каждый к своему народу.

Но Каммерлинг обладал чувствительной душой. Хорошенько все обдумав, он пришел в ближайшее поселение и обратился к его жителям:

— Послушайте, друзья, только не сочтите, что я строю из себя бога или возомнил невесть что. В доказательство я решил спуститься вниз и жить прямо среди вас.

Он не беспокоился за свое здоровье, потому что всему его классу сделали пангалактические прививки.

Итак, Каммерлинг перебрался в поселение. После того как там перенесли все его болезни (или почти все), он смог разделить их образ жизни, удивительные обычаи, поразительные обряды и особенно религию. И хотя Каммерлинг знал, что не следует никак нарушать этнические нормы, все же его хорошее земное сердце было задето.

Поэтому призвал он обоих визирей и весьма тактично разъяснил, что безмерно уважает их культуру и желает лишь помочь развить современную религиозную фазу в более абстрактную и символическую.

— Взять эти большие статуи, — привел он пример. — Они потрясающи. Выдающиеся произведения искусства. Грядущие поколения будут трепетать от восторга. Но надо их сохранить. Ведь копоть от сжигаемых младенцев разъедает своды пещер, гораздо лучше сжигать ладан. Или вот: нужен один религиозно-культурный центр для обоих ваших народов, для всех верующих. Да, и кстати, бросать женщин в колодцы, чтобы вызвать дожди... нет, это надо обратить в шутку.

Таким образом Каммерлинг продолжал ненавязчиво открывать новые горизонты мысли, а когда обнаруживал признаки напряженности, то сразу снимал их. Взять, к примеру, его проект убедить мужчин самим иногда работать в поле. Он лично заложил первые камни Культурного Центра и терпеливо ждал, пока идея принесет плоды. Вскоре его вознаградил визит двух верховных жрецов. Один был в черно-белой маске смерти, вокруг другого обвивались церемониальные змеи. После обмена любезностями стало ясно, что они пришли просить об одолжении.

— С удовольствием! — обрадовался Каммерлинг.

Выяснилось, что каждый год в это время спускается с гор кошмарное чудовище-людоед и опустошает поселения. Местные жители пред ним что тростинка перед ураганом, но Каммерлинг, безусловно, разделается с чудовищем одной левой.

И вот на следующее утро, чувствуя, что его наконец приняли, Каммерлинг пустился в путь. А так как визири подчеркнули смехотворную легкость предприятия — для него, — он отправился пешком, налегке, захватив лишь пару бутербродов, галактоскаутскую аптечку и лазер для стрельбы по мишеням, который подарила ему тетя. Верховные жрецы, потирая ладони, вернулись к своим людям, остановившись только помочиться на камни Культурного Центра. И густой дым повалил из пещеры идолов.

Каммерлинг, правда, обратил внимание на некоторое оцепенение среди народа, когда через два дня спустился, насвистывая, с холмов. Но отнес это на счет ползущего сзади на поводке убогого ящера грандиозных размеров с пластошиной на лапе. Каммерлинг объяснил, что дурной нрав животного происходил от стершихся клыков, и продемонстрировал всем блестящие возможности зубоврачебной техники. После этого он выдрессировал дракона на корабельного сторожа. И Культурный Центр быстро стал расти.

Но Каммерлинг задумался. Бродя по горам, он заметил, сколь богата планета полезными ископаемыми. И вот, хорошенько все обмозговав, собрал он наиболее предприимчивый люд на неофициальную встречу и сказал:

— Друзья! Я прекрасно осознаю, что, как показывают исследования, ускоренная индустриализация аграрной страны

нежелательна. Поэтому прошу искренне высказывать свои замечания и возражения, если покажется, что я чересчур вас подгоняю... Вы никогда не задумывались о промышленности?

И вот очень скоро у одного рода был маленький металлургический заводик, а у другого — высокоразвитое гончарное производство. И хотя Каммерлинг старался не торопить местную инициативу и не давить на местные порядки, его энтузиазм и активное участие в повседневной жизни оказывали, по всем признакам, каталитический эффект. С появлением ирригационной системы, нужды в каолине и руде для каждого открывалось широкое поле деятельности.

Однажды вечером, когда Каммерлинг помогал кому-то изобрести лебедку, сошлись в тайном месте главные визири двух народов.

Один из них изрек:

— Никоим образом не отрицая свое неумирающее презрение к тебе и своей орде аграрных дебилов, которых я собираюсь уничтожить при первой возможности, должен подчеркнуть, что этот злосчастный узурпатор творит с нами непотребное, и потому с ним надо покончить.

А другой ответствовал, что, не желая производить впечатление, будто он оскверняет себя, беседуя на равных с безмерно испорченными пожирателями падали, он с удовольствием поддержит любой план избавления от этой межзвездной обезьяны.

— Бог он или не бог, — продолжал первый визирь, — он определенно молодой мужчина, и нам хорошо известны некоторые способы укрощения подобных строптивцев. Тем более если мы объединим наши возможности для достижения лучшего результата.

Как-то вечером, услышав истерическое снырчание сторожевого дракона, Каммерлинг открыл люк и увидел двенадцать обворожительных созданий, чьи изящные тела были закутаны в сверкающие вуали, достаточно прозрачные, однако, чтобы можно было разглядеть порой пупок, глаз, бедро, талию, сосок и тому подобное. Таких годольфусианок никогда прежде не замечал он здесь, что неудивительно, ибо чересчур был занят делами насущными.

И Каммерлинг выпорхнул за дверь и пылко приветствовал их:

— Добро пожаловать! Боже всемогущий! Чем могу вам помочь?

Выступила вперед девушка в шелках дымчатых, распахнула свои одежды как раз настолько, чтобы он вывихнул челюсть, и молвила:

— Меня зовут Лейла Птица Страстного Наслаждения. Мужчины убивают друг друга из-за единого моего прикосновения. Я хочу одарить твое тело ласками немыслимыми, и ты распростишься с душой от несравненного блаженства.

Затем выступила вперед другая и колыхнула одеяниями так, что у него выпучились глаза, и сказала:

— Я — Иксуалка Пылающий Вихрь, воспламеняю до безумия посредством невыносимого удовольствия, бесконечно растянутого.

К тому времени Каммерлинг уяснил, что мысли их идут в одном направлении, и ответствовал:

— Это воистину дружеский акт, ибо, сказать по совести, я чувствовал себя немного напряженно. Пожалуйста, входите.

И они прошли сквозь тамбур, который также запрограммировала матушка Каммерлинга, и по пути особые устройства тамбура незаметно изъяли у девушек всевозможные лезвия, буравчики, яды, амулеты, шипы, колючки, отравленные кольца и гарроты, упрятанные в самых интимных местах. Но даже знай это главные визири, они бы не были обескуражены, потому что ни один мужчина не мог насладиться любыми двумя этими девушками и остаться в живых.

С первыми лучами солнца хороший земной юноша Каммерлинг выпрыгнул из корабля и, сделав тридцать два приседания, воззвал:

— Эй, народ! Когда вы там оклемаетесь, я научу вас готовить пиццу. А мне пока надо помочь сделать отстойник; нам ни к чему отравлять экологию.

Но девушки выбрались наружу, пошатываясь, расстроенные сильно, и запричитали:

— О господи, мы не можем вернуться, потому что не справились с заданием! Нас ждет погибель в зверских пытках и мучениях.

Каммерлинг разрешил им остаться и показал, как управлять плитой. И все девушки с радостью расположились у него на постоянное жительство, кроме одной по имени Иксуалка Пылающий Вихрь, которая бросила:

— А на черта?! — и потащилась к палачам.

А Каммерлинг отправился участвовать в осуществлении проекта по очистке сточной воды, и проекта по внедрению электричества, и во множестве других начинаний, увлекаясь больше, чем сам считал полезным, ибо видел, что нарушает сложившиеся устои. И он огорчался сверх всякой меры из-за людей, которым больше негде было приложить силы, потому что раньше они работали, например, сушильщиками трупов, которых теперь поубавилось; или надзирателями за прямотой пахоты женщин, а женщины теперь пахали на ящерах, и надзиратели не успевали за плугами.

Но Каммерлинг научился справляться с трудностями. Так, когда к нему явились рабочие-металлурги и спросили: «Господин, мы построили эту дьявольскую машину для изрыгания нечестивой плоти. Что, во имя пресвятого яйца, нам с ней делать дальше?!», Каммерлинг ответил:

— Послушайте, друзья, давайте решим вопрос голосованием. Я — за производство труб для водопровода.

Тем временем детей, которых не бросили в колодцы и не заклали идолам, становилось все больше. Однажды Каммерлинг услышал странные звуки и, открыв люк корабля, увидел сторожевого дракона, заваленного сотнями вопящих младенцев. И он приблизился к ним и молвил:

— Воистину славные карапузы!

Потом обратился он к одиннадцати девам, хлопочущим с тестом для штруделя, и сказал:

— Нам представляется счастливая возможность воспитать целое поколение, свободное от предрассудков, страха и ненависти. Построим же школу. Я желаю, чтобы вы обучали этих детишек.

И очень скоро у них была школа. Детей прибывало все больше и больше, и девушек тоже, ибо вышло так, что Иксуалка Пылающий Вихрь сумела вырваться из лап мучителей и организовала женское освободительное движение, и

многие ее последовательницы предпочли воспитание детей производству труб для водопровода.

Время шло — вовсе немало лет, хотя Каммерлингу они казались неделями, потому что он был хорошим земным юношей со средней продолжительностью жизни 500 лет и только-только миновал период полового созревания. И вот уже целое поколение замечательных молодых людей в ладно скроенных туниках водили тракторы с лозунгами «Война — для ящеров!» и «Поджаривайте пиццы, а не людей!», и в глазах их сияло солнце. Они облагораживали землю, и помогали старикам, и организовывали механизированные хозяйства, и фестивали песен, и общественные вечеринки.

Однажды вечером, когда Каммерлинг отечески наблюдал за своими сабрами, собирающими передатчик, отрабатывающими приемы каратэ и закладывающими фундамент супермаркета, небо озарилось вспышкой. Откуда ни возьмись появился корабль и мягко приземлился поблизости. И увидел Каммерлинг, что это модель «Суперспорт» нового, незнакомого ему образца, и приблизился, полный смутным, волнующим предчувствием.

А когда люк открылся, вышло из него создание неописуемое — хорошая земная девушка.

— Вот так да! — воскликнул Каммерлинг. — Должен признаться, уж давно не видел я хорошей земной девушки. Не угодно ли пройти ко мне в гости на корабль?

Она взглянула на то, что виднелось из-за печей для пицц и убранства из цветов, и молвила:

— Пора, Каммерлинг, возвращаться тебе домой.

— Кто это сказал? — спросил Каммерлинг.

И девушка ответила:

— Твоя мать сказала.

— В таком случае возвращаюсь! — решил Каммерлинг. — Дела здесь идут как по маслу.

И воззвал ко всем своим друзьям и последователям, и ко всем великолепным молодым людям, и к каждому, кто хотел слушать. И обратился он к ним:

— Служил я вам верой и правдой скромной связью с земным просвещением. Надеюсь, что не нарушил вашей са-

мобытной культурной целостности. Дело сделано, и теперь я возвращаюсь назад на небо. Если у вас возникнут затруднения, смело вызывайте меня по передатчику на оставляемом мною корабле. Продолжай, Годольфус-4! Прощайте.

Итак, Каммерлинг улетел. А как только это произошло, повылазили все эти старые волосатые вожди, и жрецы, и отсталые элементы и начали поносить и уничтожать все и вся во имя их священного годольфусианского образа жизни. Но молодые люди, которых Каммерлинг предусмотрительно обучил каратэ и применению новейшего оружия, запросто управились с ними. И очень скоро новое поколение со всей энергией взялось за переустройство планеты целиком.

Прошло много лет, и Каммерлинг получил послание: «Мы переустроили планету целиком. Все экологично процветает и благоденствует. Что нам делать дальше?»

И Каммерлинг, и его жена, и его лечащий врач долго думали и сперва ничего не могли решить, но в конце концов Каммерлинг передал: «Предлагаю разработать принцип движения быстрее света и нести факел цивилизации на другие планеты в ваших окрестностях. С любовью, Каммерлинг».

В один прекрасный день, через долгие-долгие годы, пришло новое послание с Годольфуса-4. Оно гласило: «Мы создали корабли быстрее света, и двинулись вперед, и благословили земным просвещением десять тысяч триста восемьдесят четыре планеты. Больше планет не осталось. Все их народы спрашивают вместе с нами: «ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?»

Но это послание Каммерлинг, увы, уже не получил.

Мрак... Но каков размах —
уподобить человека Вселенной!

Эдвард Брайант
КОРПУСКУЛЯРНАЯ ТЕОРИЯ

Мою тень черным камнем швыряет на стену. Веранду заливает преждевременное лето. Все вспыхивает. Элиот ошибался; Фрост был прав.

Наносекунды...

Смерть так же относительна, как и всякая другая очевидная константа. Проносится мысль: «Я умираю?»

Я думал, что это пустой, избитый штамп.

— Вся жизнь спрессовывается в одно мгновение и проносится перед глазами умирающего. — Аманда налила мне еще бокал бургундского цвета ее волос. И в волосах, и в бургундском играли блики каминных всполохов. — Психолог по фамилии Нойес... — Она неожиданно улыбнулась. — Тебе интересно?

— Конечно. — Отсветы огня смягчают резкие черты ее лица. Проступает нежная красота тридцатилетней давности.

Я пью. У меня низкий порог опьянения.

— Почему это происходит? Как? — Мне не нравится надрыв в голосе. Внезапно мы отдаляемся друг от друга на расстояние куда большее, чем ширина стола между нами; в глазах Аманды я ищу напоминания о Лизе. — Жизнь уносится — или мы от нее удаляемся, — как неудержимо разносит Землю и межзвездный спутник. Взаимное разлетание на скорости света, и разрыв тут же заполняет пустота.

Я держал бокал за ножку, вращал его, смотрел сквозь искажающее стекло.

Потрескивают сосновые поленья. Аманда поворачивает голову, и то, что ей видится, погибает в пламени.

В тридцать лет я невнятно и обиженно выразил свое огорчение по поводу того, что последние годы я ошивался без толку и не сделал ничего значительного. Лиза только рассмеялась, доведя меня сперва до бешенства и вогнав надолго потом в мрачное настроение. Лишь позже я понял, что ее реакция была единственно верной.

— Глупо. Этакий байроновский герой, полный сентиментальной хвастливости и жалости к себе. — Она загородила выход из кухни и произнесла в миллиметрах от моего лица: — Словно в тридцать ты проснулся и обнаружил, что о тебе слышали только пятьдесят шесть человек.

Я с трудом выдавил слабый ответ:

— Может быть, пятьдесят семь?

Она засмеялась; я засмеялся.

Потом мне исполнилось сорок, и снова я пережил травму псевдоимпотенции. Год я не писал ровным счетом ничего и уже два как ничего хорошего. На сей раз Лиза не смеялась; она делала что могла, то есть не путалась под ногами, когда я попеременно хандрил и буйствовал в нашем прибрежном домике к юго-западу от Портленда. Гонорар от книги по термоядерной реакции синтеза помогал нам сводить концы с концами.

— Послушай, может быть, мне лучше уехать, — предложила она. — Тебе не мешает побыть одному.

Временные разлуки не были для нас чем-то новым. В самом начале мы обнаружили, что наш союз заметно расшатывается, если мы проводим вместе больше шестидесяти процентов времени. Но тогда Лиза внимательно посмотрела мне в глаза и решила не уезжать. Через два месяца я взял себя в руки и сам попросил одиночества. Она отлично знала меня — и снова рассмеялась, потому что поняла, что я выхожу из очередного периода умственной спячки.

Серым зимним днем Лиза села на самолет и направилась к моим родителям в Колорадо. Перед тем как подняться на борт,

она остановилась на секунду и помахала с верхней ступеньки трапа; ветер разметал ее темные волосы вокруг лица.

Два месяца спустя черновой план книги о революции в биологии был готов. По крайней мере раз в неделю я звонил Лизе, и она рассказывала о своих новых фотографиях. Потом я использовал ее как слушателя для рассуждений об эктогенезе и гетерозиготах.

— И что мы будем делать, когда ты закончишь свой первый набросок, Ник?

— Предадимся восхитительному безделью. Месяц проведем во власти Трансканадской железной дороги.

— Ты знаешь, как я хочу тебя видеть? — спросила она.

— Наверное, так же, как я тебя.

— О нет, — возразила она. — Знай же...

То, что она мне сказала, безусловно, нарушало федеральные законы. От одного только звука ее голоса, доносящегося по телефонным проводам, у меня дрожали ноги.

— Ник, я заказываю билет. Сразу тебе сообщу.

Думаю, она хотела устроить мне сюрприз. Лиза не известила меня, когда заказала билет. Меня известили из авиакомпании.

Теперь мне пятьдесят один. Маятник вернулся в исходную точку, и я снова горько разочарован, что не достиг большего. Столько еще несделанного! Живи я столетия, мне все равно не хватит времени. Тем не менее вряд ли я столкнусь с этой проблемой.

Врач сказал, что в моей распроклятой крови повышенное содержание щелочной фосфотазы. Как банально звучит эта фраза, как стерильно; и как жалко себя становится. Разве я не могу позволить себе пустить слезу, Лиза?

Лиза?

Смерть... Я хочу сам определить свой срок.

— Очаровательно, — произнес я много позже. — Конец света.

— О Боже, твои вечные шутки! — вспыхнула Дентон, моя знакомая, молодой радиоастроном. — Как можно острить на такую тему?!

— Так мне легче не плакать, — тихо ответил я. — Что толку рыдать и бить себя кулаком в грудь?

— Спокойствие, такое спокойствие... — Она кивнула на меня странный взгляд.

— Я знаю врага. У меня было время все обдумать.

Ее лицо приняло задумчивое выражение, глаза смотрели куда-то за пределы тесного кабинета.

— Если ты прав, это может оказаться самым грандиозным событием за всю историю науки. — Она поежилась и посмотрела мне прямо в глаза. — Или самым чудовищным.

— Выбирай. — Я пожал плечами.

— Если тебе вообще поверить.

— Такова моя специальность — предположения.

— Фантазии.

— Называй как хочешь. — Я встал и подошел к двери. — Не думаю, что у нас много времени. Ты так никогда и не была у меня... — Я поколебался. — Приезжай в гости, буду рад тебя видеть.

— Может быть, — сказала она.

Мне не следовало выражаться так двусмысленно.

Я не знал, что через час после того, как я вышел из ее кабинета, Дентон села за руль своей спортивной машины и помчалась по горной дороге. Туристы видели, как она не вписалась в поворот.

Не такова ли цена веры, с горечью подумал я, когда до меня дошло известие. Я поехал в больницу. Родственников у нее не было, и благодаря помощи Аманды врачи разрешили мне стоять у постели.

Никогда в жизни не видел я таких успокоенных черт, такой умиротворенности, такой недвижности еще живого человека. Шло время, настенные часы тихо отсчитывали секунды. А я никому не мог рассказать...

Возвращаясь к началу...

Как личностей врачей я сносил; как класс они наводили на меня ужас, подобный страху перед акулами или перед смертью в огне. Но в конце концов я решился на обследование, в назначенный день приехал в сияющую белизной

клинику и полчаса в угрюмой тоске читал в приемной прошлогодний номер «Научного обозрения».

— Мистер Ричмонд? — сказала улыбающаяся сестра. Я прошел за ней в кабинет. — Доктор сейчас будет.

Она тихо исчезла, а я прислонился к столу. Через две минуты дверь отворилась.

— Как дела? — спросил мой доктор. — Давно не виделись.

— Не могу пожаловаться. — Я обратился к привычному медицинскому ритуалу. — Никакого гриппа.

Аманда посмотрела на меня терпеливым взглядом.

— Ты не нытик, не нуждаешься больше в снотворном или в постоянном подбадривании. Так в чем дело?

Я беспомощно развел руками.

— Николас! — В ее голосе явственно прозвучали раздраженные нотки: давай говори, мне некогда.

— Ради бога, не уподобляйся моей незамужней тетушке.

— Хорошо, Ник. Что стряслось?

— Болезненное мочеиспускание.

Она что-то записала. Не поднимая головы.

— Подробнее.

— Натуживание.

— Давно началось?

— Месяцев шесть-семь. Постепенно.

— Что ты еще заметил?

— Учащенность.

— Это все?

— Ну... — промолвил я, — выделения.

Она стала перечислять механическим тоном:

— Боль, жжение, нетерпение, изменение мочи? Консистенция, цвет, сила струи?

— Что?

— Темнее, светлее, помутнения, выделения с кровью, лихорадка, ночное потение?

Я отвечал кивками или односложным мычанием.

— Н-да. — Она еще что-то записала и отложила мою медицинскую карту. — Так, Ник, раздевайся и ложись на стол. На живот.

— О-ох, — вздохнул я.

Аманда натянула резиновую перчатку.

— Думаешь, мне это доставляет удовольствие?

Когда все осталось позади и я, поморщившись, неуклюже прислонился к краю стола, я спросил:

— Ну?

Аманда что-то черкнула на листе бумаги.

— Я направляю тебя к урологу. Тут буквально в паре кварталов.

— Давай выкладывай, — потребовал я. — А не то пойду в библиотеку и проверю симптомы по энциклопедии.

Она ответила мне прямым взглядом голубых глаз.

— Я хочу, чтобы препятствие обследовал специалист.

— Ты что-то нашла своим пальцем?

— Грубо, Николас. — Аманда чуть улыбнулась. — Твоя простата тверда... как каменная. Причины возможны разные.

— То, что Джон Уэйн называл Большим Р?

— Рак простаты у мужчин твоего возраста встречается сравнительно редко. — Она заглянула в мою карту. — Пятьдесят лет.

— Пятьдесят один, — поправил я, тщетно пытаясь изменить тон. — Ты забыла поздравить меня с днем рождения.

— Но он не исключен. — Аманда встала. — Когда будут готовы результаты, приходи.

Как всегда, провожая, она похлопала меня по плечу. Но сейчас ее пальцы были слегка напряжены.

Перед моими глазами стояли покрытые травой холмики и мраморные плиты, и, выходя из кабинета, я ни на что не обращал внимания.

— Ник? — Мягкий оклахомский акцент.

Я обернулся, опустил взгляд, увидел взъерошенные волосы. Джеки Дентон, юное дарование из обсерватории Гэмов-Пик, держала на коленях захватанный номер «Научного обозрения». Она чихнула в платок.

— Не подходи. Я дико простужена. Ты тоже?

Я неопределенно развел руками.

— Уколы.

— Да... — Она снова чихнула. — Как раз собиралась тебе сегодня позвонить — позже, с работы. Видел картинку ночью?

Наверное, по моему лицу все было ясно.

— Тоже мне начно-популярный писатель, — едко заметила она. — Ригель превратился в сверхновую!

— В сверхновую, — глупо повторил я.

— Представляешь, бух! — Джеки проиллюстрировала свои слова руками, и журнал упал с ее колен на пол. — Но ты не расстраивайся, он будет торчать в небе еще пару недель — величайшее космическое представление.

Я потряс головой, приходя в себя.

— Впервые в нашей галактике за... сколько? Триста пятьдесят лет? Жаль, что ты мне не позвонила.

— Немножко больше. Звезда Кеплера наблюдалась в 1604-м. А насчет звонка — прости. Мы были чуть-чуть заняты, понимаешь?

— Могу себе представить. Когда это случилось?

Она нагнулась за журналом.

— Ровно в полночь. Мистика! Как раз закончилась моя смена. — Джеки улыбнулась. — Нет ничего лучше катаклизма, чтобы забыть о насморке. Сегодня Крис никого не отпускает — вот почему мне пришлось идти в поликлинику.

Кришнамурти был директором обсерватории Гэмов.

— Ты скоро вернешься?

Она кивнула.

— Скажи Крису, что я подъеду. Мне нужен материал.

— Непременно.

К нам подошла медсестра.

— Мисс Дентон?

— Ох. — Джеки кивнула и решительно высморкалась. Высвободившись из объятий глубокого кресла, она сказала: — Как это ты не читал про Ригель в газетах? На первой полосе во всех утренних выпусках.

— Я не читаю газет.

— А радио? Телевидение?

— Телевизор я не смотрю, а в моей машине нет приемника.

Уже почти скрывшись в коридоре, она бросила:

— Этот твой деревенский домик действительно, должно быть, в дикой глуши.

* * *

С карниза гаража стекают ледяные капли. Если небо меня не обманывает, то до следующего снегопада еще не скоро.

Закат приходит рано в мой домик высоко в горах; тени вползают во двор и высасывают тепло с моей кожи. Когда-то вершины казались мне добрыми чуткими гигантами.

Что это? Вроде вспышка... Впрочем, нет, всего лишь секундное отражение заката в стеклах. Дом остается темным и молчаливым. Поэтессы из Сиэтла нет уже три месяца. Мой холод — ее тепло. Я думал, что она согреет меня, но ее общество только студило. На прощание она оставила мне в пустом доме сонет о трескучем морозе.

Последние мои одиннадцать лет нельзя назвать холостяцкими. Но порой... Энтропия в конце концов поглощает любую кинетическую энергию.

Потом я посмотрел на мерцающий восток и увидел восходящий Ригель. Луна еще не появилась, и самым ярким небесным объектом была взорвавшаяся звезда. Она пригвоздила меня к месту ослепительными огнями идущего на посадку самолета. Струящийся свет покинул сверхновую пятьсот лет назад (надо включить эту деталь в неизбежную статью; наглядные иллюстрации межзвездных расстояний неизменно поражают читателя).

Сегодня ночью под недобрым взором раскаленного ока погибающего Ригеля... да, меня охватил трепет. Я еще подумал — знаю, это маловероятно, — есть ли у Ригеля планеты. Успели ли рассыпаться горные хребты и испариться океаны? Я подумал — смотрели ли пять столетий назад растерянные обитатели, как звездный огонь пожирает небеса? Было ли у них время возопить о несправедливости? В нашей галактике сто миллиардов звезд; по оценке лишь три звезды в тысячу лет переходят в сверхновые. Неплохие шансы. Ригель проиграл.

Почти загипнотизированный, я смотрел, пока меня не пробудил резкий порыв зародившегося во тьме ветра. Пальцы онемели от холода. Входя в дом, я последний раз взглянул на небо. Поражающий Ригель — да; но мое внимание приковал другой феномен на севере. Точка света вспыхнула ярче окружающих звезд. Сперва я решил, что это проходя-

щий самолет, но ее положение оставалось постоянным. Не желая верить, зная вероятность такого события, я вынужден был признаться себе, что это сверхновая.

Я немало чего повидал за пять десятилетий. И все же, глядя на небо, я почувствовал себя испуганным дикарем, дрожащим в звериных шкурах. И зубы мои стучали не только от холода. Я хотел спрятаться от вселенной. Дверь в дом была, к счастью, незаперта — я не смог бы вставить ключ в замок. Наконец я перешагнул через порог и включил весь свет, отрекаясь от двух звездных костров, пылающих в небе.

Уролог оказался суровым человеком по имени Шарп, встретившим меня, как встречал, я подозреваю, всякий научный образчик, появляющийся в его лаборатории. Он читал некоторые мои книги, и я по достоинству оценил его полное отсутствие уважения к старшим или знаменитостям.

— Вы не будете темнить? — спросил я.

— Можете на это рассчитывать.

И тут не обошлось без проклятой урологической процедуры с пальцем. Когда я наконец оказался в состоянии взглянуть на врача вопросительно, он медленно кивнул и произнес:

— Есть узелок.

Затем последовала серия анализов крови на содержание какого-то энзима под названием «фосфотаза».

— Повышенное, — сказал Шарп.

В заключение мне предстояло принять цитоскоп; сияющую металлическую трубку введут в мочеиспускательный канал и возьмут пробу хирургическими щипцами.

— Если биопсия покажет злокачественную опухоль...

— Я не могу отвечать на молчание.

— Перестаньте, — сказал я. — До сих пор вы говорили прямо. Какова вероятность излечения злокачественной опухоли?

Вид у Шарпа был несчастный с момента моего прихода. Сейчас он выглядел еще более несчастным.

— Не моя специальность, — отрезал он. — Зависит от многих факторов.

— И все-таки?

— Тридцать процентов. И вовсе никаких шансов, если есть метастазы.

При этих словах его глаза встретились с моими; потом он занялся микроскопом. Несмотря на анестезию, мой член горел словно в адском огне.

Наконец, в ночь второй сверхновой, я дозвонился Джеки Дентон.

— Я думала, что вчера у нас был сумасшедший дом... Посмотрел бы ты сейчас. У меня одна минута.

— Я лишь хотел удостоверить. Я видел, как она взорвалась.

— Тебе повезло. Все в обсерватории наблюдали за Ригелем... — В наш разговор ворвались гудки. — Ник, ты слушаешь?

— Кому-то нужна линия. Скажи мне только: это самая настоящая сверхновая?

— Самая настоящая. И всего в девяти световых годах. Сириус А.

— Восемь и семь десятых, — машинально поправил я. — И что это повлечет?

— Каковы следствия? Не знаю. Пока думаем. — У меня сложилось впечатление, что она прикрыла трубку рукой; потом снова раздался ее голос: — Послушай, мне надо идти. Крис рвет и мечет. Позже поговорим.

— Ладно. — Мертвая линия донесла до меня шипение всего водорода вселенной на волне 21 сантиметр. Затем раздались гудки, и я положил трубку.

Аманда казалась расстроенной. Она дважды пролистала какие-то бумажки — очевидно, результаты моих анализов.

— Ну, — сказал я с противоположной стороны стола, с места пациента. — Выкладывай.

— Мистер Ричмонд? Николас Ричмонд?

— Слушаю.

— Говорит миссис Кюрник, авиакомпания «Транс-запад». Я звоню из Денвера.

— Да?

— Ваш номер мы узнали из квитанции за телефонный разговор, оплаченный Лизой Ричмонд...

— Это моя жена. Я ожидаю на днях ее приезда. Она попросила вас известить меня?

— Мистер Ричмонд, ваша жена находилась на борту рейса № 903, Денвер — Портленд.

— Ну? Что случилось? Она больна?

— Произошел несчастный случай.

Наступившее молчание сдавило мое горло.

— Тяжелый?

— Самолет разбился в десяти милях от Гленвуд-Спрингс, штат Колорадо. Прибывшие спасательные партии сообщили, что живых нет. Примите наши соболезнования, мистер Ричмонд.

— Живых нет? — пробормотал я. — То есть...

— Поверьте, мы сделали все, что могли. Если ситуация как-то изменится, мы немедленно сообщим.

— Благодарю, — машинально выдавил я.

Мне показалось, что миссис Кюрник хотела что-то добавить, но после короткой паузы она сказала лишь:

— Спокойной ночи.

Смерть моя наступила в снежных горах Колорадо.

— Биопсия показала злокачественную опухоль, — произнесла Аманда.

— Что ж, — промолвил я. — Плохо. — Она кивнула. — Каковы мои перспективы?

Искареженные куски металла словно клыки вонзились в заснеженный склон горы.

Мой случай необычен лишь относительно. По словам Аманды, рак простаты — наказание мужчинам за хорошее во всех прочих отношениях здоровье. Избегнув других опасностей, мужчина двадцатого века расплачивается простатой. В моем случае расплата наступила на двадцать лет раньше срока; просто не повезло.

При условии, что рак еще не дал метастазы, существовало несколько возможностей. Но Аманда не надеялась на химиотерапию или радиологию. Она предложила радикальную простатоктомию.

Остывающий металл трещал и шипел в снегу; потом все стихло.

— Я бы не предлагала, если бы у тебя не было впереди много ценных лет. Пациентам пожилого возраста это обычно не рекомендуется. Но общее состояние у тебя хорошее; ты выдержишь.

— И? — подсказал я.

— Ты отлично понимаешь.

Я не возражал против отключения семенных канатиков — мне давно следовало это сделать. В пятьдесят один можно хладнокровно принять стерильность. Но...

— Половые дисфункции? Импотенция? — вымолвил я, и мой голос задрожал. — Я не могу пойти на это.

— Уж будь уверен, сможешь, — твердо заявила Аманда. — Сколько я тебя знаю? — И сама ответила на свой вопрос: — Долго. Достаточно, чтобы понять, что для тебя главное.

Я молча покачал головой.

— Послушай, черт побери, смерть от рака хуже!

— Нет, — упрямо произнес я. — Может быть. Это все?

Это было не все. Я должен был лишиться мочевого пузыря.

— Из меня будут торчать трубки? Если я выживу, то остаток жизни мне предстоит таскать пластиковый мешок для стока мочи?

— Ты представляешь все чересчур мелодраматично, — тихо сказала Аманда.

— Но я прав?

После паузы:

— По существу, да.

На меня обрушилась вся эта ужасная отвратительная несправедливость.

— Нет. Нет, черт побери. Выбор принадлежит мне. Так я жить не стану. Когда я умру, мои страдания кончатся.

— Николас! Перестань себя жалеть.

— Думаешь, у меня нет на это права?

— Будь же благоразумен.

— Ты должна утешать меня, — заметил я. — А не спорить. Тебя учили, как успокаивать обреченных. Ты будь благоразумна.

Мышцы вокруг ее рта напряглись.

— Я предлагаю тебе выбор, — процедила Аманда. — А ты можешь поступать как хочешь.

Много лет я не видел ее такой сердитой. Мы свирепо смотрели друг на друга, наверное, не меньше минуты.

— Ладно, — произнес я. — Прости.

Она не смягчилась.

— Уж лучше бесись, ной, рви и мечи. Последние одиннадцать лет ты жил словно в спячке.

Я внутренне отшатнулся.

— Я выжил. Этого довольно.

— Ты очнулся — и уже готов поднять лапки? Лиза была бы разочарована.

— Оставь ее в покое, — раздраженно попросил я.

— Не могу. Именно благодаря ей ты мне еще ближе. Не забывай, она была моей лучшей подругой.

«Ты ее слушай, — однажды сказала мне Лиза. — Она гораздо умнее всех нас». Лиза знала о наших отношениях; в конце концов, именно Аманда нас и познакомила.

— Помню. — Я почувствовал растерянность, отрешенность, обиду, оцепенение — все череду эмоций, ведущую к последнему шагу.

— Ник, у тебя впереди еще не один год жизни. Я хочу, чтобы ты ими воспользовался. И если для этого понадобится имя Лизы...

— А я не хочу жить, если это значит ползать истекающим мочой полумеханическим евнухом.

Аманда пристально посмотрела на меня, а потом сказала искренне:

— Есть почти несбыточный шанс. Я слышала от одного знакомого, что Новой лаборатории физики мезонов в Нью-Мексико требуется подопытный.

Я обшарил свою память.

— Лечение пучком элементарных частиц?

— Пионов.

— Сомнительная штука.

Она улыбнулась.

— Ты споришь?

— Нет. — Я тоже улыбнулся.

— Не хочешь попробовать?

Моя улыбка погасла.

— Не знаю. Подумаю.

— Уже кое-что, — сказала Аманда. — Я сделаю пару звонков. Неизвестно еще, заинтересована ли лаборатория в тебе в такой же степени, как ты должен быть заинтересован в них. Пока сиди дома. Я дам тебе знать.

— Я еще не сказал «да». Так что мы дадим знать друг другу.

Я не стал признаваться Аманде, но, выходя из ее кабинета, я думал только о смерти.

Как мелодраматично это ни выглядит, но я отправился в город и зашел в оружейный магазин. Через два часа я устал от пистолетов. Сталь казалась неизменно холодной и бездушной.

Дома автоответчик проиграл мне одну-единственную запись: «Ник, это Джеки Дентон. Имей в виду, что Крис устраивает пресс-конференцию в начале недели — вероятно, днем в понедельник. Мы так и не смогли предложить мало-мальски разумной теории, объясняющей три сверхновые и полдюжины новых, вспыхнувших за последние дни. Однако, насколько я знаю, этого сделать не может никто. Мы чересчур много бодрствуем по ночам, мы превращаемся в вампиров. Когда определят точное время конференции, я с тобой свяжусь. Тридцать секунд, наверное, уже кончаются, так что...»

Пока перематывалась лента, в голове у меня кружились странные мысли. Три сверхновые? Одна — всего лишь природа, перекроил я известную фразу. Две — только совпадение. Три...

Повинуясь внезапному порыву, я набрал домашний номер Дентон; никто не отвечал. Все номера обсерватории были заняты. Я считал естественным, что нуждаюсь в Джеки Дентон не только как в слушателе или в источнике информации. Между прочим, в ее кабинете в запертом ящике лежит пистолет. Она не отказала бы мне в просьбе.

Раздражающая регулярность коротких гудков заставила меня очнуться. Минутку, сказал я себе. Ричмонд, ты что предлагаешь?

У меня не было ответа. Пока.

* * *

Поздно вечером я открыл застекленную дверь на втором этаже и потревожил девственную нетронутость снега на верхней веранде. Я смотрел в ночное небо, а вокруг меня струился теплый воздух из приоткрытой двери. Несмотря на облака, затянувшие Каскадные горы, над тьмой господствовали три сверхновые. Я мысленно провел прямые линии; соедините точки и решите головоломку — что запрятано на картинке?

Несколько лет назад одна сумасбродная затея привела меня к месмеристке — так она себя называла. Накануне я вспомнил, что существует способ расширения возможностей компьютеров. Этот способ, в частности, использовали для увеличения разрешающей способности фотопроб «Маринера» и «Викинга». В то время мне казалось логичным, что и человеческую память можно как-то улучшить и прояснить с помощью гипноза. Воистину дикая фантазия. Но тогда идея показалась мне достаточно разумной и убедительной и привела в заведение мадам Гузман. Мадам Гузман имела кожу цвета бронзы; намеренно одевалась и вела себя как стереотип нашего представления о цыганке. Шарф и магический шар были уже перебором.

Перед тем как подняться на борт, Лиза остановилась на секунду и помахала с верхней ступеньки трапа; ветер разметал ее темные волосы вокруг лица.

Единственное, что удалось мадам Гузман, это как бы заморозить последний образ Лизы. Потом она приблизила меня к ней вплотную. До сих пор мне порой видится в кошмарах: глаза Лизы устремлены в даль, вся она какая-то зернистая, как на газетной фотографии. Я смотрю, но не могу прикоснуться. Я говорю, но она не отвечает. Меня знобит от холода... и я шире распахиваю застекленную дверь.

И вдруг!.. В космосе открывается глаз. Сияние, холодное как свет от лампочки холодильника в ночной кухне. Марс исчезает, поглощенный блеском новой. Еще одна, отмечаю я. Новое око завораживает меня, пригвождает к месту так же легко, как ребенок пришпиливает очередную бабочку в своей коллекции.

Ник!

Кто это?

Ник...

Ты — слуховая галлюцинация.

Здесь, на веранде, вокруг меня вихрится смех. От этого звука должны обрушиться хлопья снега на деревьях. Дрожит немое спокойствие гор.

Секрет, Ник.

Какой секрет?

В пятьдесят один ты уже вполне можешь его отгадать.

Не надо со мной играть.

А кто играет? Сколько бы времени ни оставалось...

Ну?

Одиннадцать лет ты фантазировал, плыл по течению, не реагировал ни на что.

Знаю.

В самом деле? Тогда действуй. Принимай решения. Сколько бы времени ни оставалось...

Невольно дрожа, я схватился за поручень веранды. Призрачный черно-белый зернистый портрет растворился в деревьях. С ветки на ветку, с вершины до земли, падал хрустящий снег. Деревья сбросили свою мантию. Рассыпчатая пыль взметнулась к веранде и коснулась моего лица жалящими бриллиантами.

Одиннадцать лет — это больше, чем половина срока, который проспал Рип ван Винкль.

— Черт побери, — сказал я. — Черт побери, — повторил я, глядя в небо.

На заснеженном склоне в Орегоне я вновь обрел жизнь.

И, Аманда... да. Да.

Сделав пересадку в Альбукерке, мы добрались до Лос-Аламоса с помощью «Авиакомпании Росса». Никогда в жизни я не летал на таком древнем самолете и надеюсь, что никогда больше не буду. На подходе к горам крошечный кораблик изрядно пошвыряло. Я вообще не ожидал возвышенной местности, считая, что Лос-Аламос расположен в окружающих Альбукерке прериях. Вместо этого мне открылся маленький городок, свивший гнездо в седловине покрытых лесом гор.

Безразличный голос пилота объявил приближающуюся посадку, температуру в аэропорту и факт, что в Лос-Аламосе больше докторов наук на душу населения, чем в любом другом американском городе.

— Уступая в мире лишь Академгородку, — заметил я, повернувшись к Аманде. Вокруг ее прикрытых глаз собрались морщинки. Похоже, несмотря на старую дружбу, профессиональный долг и желание наблюдать экзотический эксперимент, Аманда сожалеет, что вызвалась сопровождать меня к «фабрике мезонов».

Большая часть лаборатории физики мезонов находилась глубоко под землей. Нас изнурительно долго водили по всем помещениям; полагаю, значительно дольше, чем обычных пациентов и их лечащих врачей, — честь, выпавшая на долю не так подопытного кролика, как журналиста. Все увиденное наводило на мысли о дорогих декорациях для научно-фантастического фильма: плавные изгибы сияющего эмалевой белизной кольца главного ускорителя, напоминающие коридоры космической станции из «Одиссеи 2001 года»; зона пуска; пятиметровая пузырьковая камера, смахивающая на какую-то машину времени...

Я бывал и в лаборатории Ферми в Иллинойсе, и в Церне в Женеве и потому имел общее представление об оборудовании. И все же мне пришлось несладко, объясняя Аманде невообразимую путаницу физики высоких энергий, словно сошедшую со страниц «Алисы в Стране Чудес». Не легче приходилось и Делани, молодой женщине-биофизику, на время лечения приставленной ко мне. Попробуйте рассортировать мезоны, пионы, хадроны, лептоны, барионы, джичастицы, фермионы и кварки и такие квантовые характеристики, как странность, цвет, барионовое число и очарование. Особенно очарование, это эфемерное качество, отвечающее за то, что определенные виды радиоактивного распада должны происходить, но не происходят. В конце концов я захлебнулся в море кварков, антикварков, очарованных кварков и кварклетов.

Какой-то шутник поставил табличку на столик дежурного в административном корпусе: «Очарованы вас видеть».

— Это шутка, да? — неуверенно спросила Аманда.

Делани, относившаяся ко всему с предельной серьезностью, не рассмеялась.

— Кое-кому это кажется забавным. Лично я не нахожу.

Мы без конца обговаривали предстоящее лечение. Я оптимистично помечал себе для будущей книги: «Основная проблема радиологической терапии рака заключается в том, что жесткая радиация не только убивает раковые клетки, но и заражает окружающие здоровые ткани. В середине семидесятых годов исследователи нашли более перспективное оружие: пучок субатомных частиц, который можно сфокусировать исключительно на ткани опухоли».

Будучи младше Аманды лет на двадцать, Делани испытывала садистское удовольствие, разыгрывая роль учителя:

— Расщепляя атомные ядра в малых масштабах...

— В малых? — невинно спросила Аманда.

— В меньших, чем в атомной бомбе. Значительная часть энергии внутриядерных связей чудесным образом переходит в материю.

— Чудесным образом? — повторила Аманда.

Я поднял на нее взгляд, оторвавшись от зеленого сукна бильярда, в который мы играли все втроем в комнате отдыха ЛФМ.

— Гм... — Делани сбилась с лекторского тона. — Физический жаргон.

— Общий жаргон, — возразил я. — Чудо — столь же определенное качество, как и очарование.

Аманда рассмеялась.

— Это все, что я хотела знать.

Для меня важно чудо мезонов, атомного клея. Говоря точнее, мое чудо — отрицательно заряженный пион, подвид мезона. Электромагнитные поля могут сфокусировать пионы в управляемый луч и выстрелить им в нужную цель — в меня.

— В физике нет чудес, — серьезно сказала Делани. — Я неправильно выразилась.

Я промахнулся. Мягкий удар, и шар закатился в угловую лузу, минуя номер одиннадцатый. Получилась подставка для Аманды.

Она посмотрела на стол и улыбнулась.

— Смотри не расклейся.

— Здорово сказано, — заметил я.

Атомный клей иногда отпускает благодаря уникальному качеству пионов. Когда они сталкиваются с ядром другого атома и захватываются им, то превращаются в энергию; крошечный ядерный взрыв.

Аманда тоже промазала. Уголки губ Делани удовлетворенно искривились. Она склонилась над столом и нацелилась твердой рукой.

— Увеличьте число пионов, увеличьте число ядер мишени, и вы получите контролируемый взрыв, высвобождающий значительно больше энергии, чем обладает входящий пучок пионов. А!..

Она положила одиннадцатый и двенадцатый; потом собрала все шары. Мы с Амандой обменялись взглядами.

— Разбивайте, — сказала Делани.

— Твоя очередь, — бросила мне Аманда.

ЛФМ выстрелит лучом направленных пионов в мою непокорную простату. Если все пойдет по плану, то пионы, столкнувшись с ядрами раковых клеток, перейдут в энергию очередью атомных вспышек. Раковые клетки более чувствительны, и повреждение ткани будет ограничено, локализовано в карциоме.

Представить себя как поле ядерного сражения в миниатюре!..

Делани оказалась неумолимым игроком. Победа для нее означала все, и она ни разу не проиграла. Я решил истолковать это как добрый знак.

— Пора, — сказала Аманда.

— Тебе вовсе ни к чему говорить таким тоном, словно ты ведешь приговоренного к электрическому стулу. — Я тщательно завязал белый медицинский халат, надел тапочки.

— Прости. Ты волнуешься?

— Нет, пока Делани рассматривает меня, как мост к Нобелевской премии.

— Она хороший специалист. — Голос Аманды звучал неестественно громко в стерильной кафельной комнате. Мы

вышли в коридор. За дверью меня ждали Делани и два техника.

Есть такое состояние, лежащее далеко за пределами возмущения, когда вас распластывают голым животом на столе, а раздвинутые щечки зада смотрят в жерло медицинской пушки. Керамическая трубка идет через анус к моей простате. Я окружен оборудованием и защитным экраном. Мне жарко и чрезвычайно неудобно. Аманда накачала меня какими-то препаратами со зловещими названиями. Теперь, одурманенный, я не мог решить, какое из множества неудобств вызывает наибольшее раздражение.

— Счастливо, — произнесла Аманда. — Не успеешь опомниться, как все будет позади. — Меня шлепнули в бок.

По-моему, я слышал тонкий свист настраивающихся электронных приборов. Разум мой готовился отключиться на некоторое время; я не мог вспомнить даже, сколько миллионов электрон-вольт погонят пучок пионов в мои внутренности. Доносились звуки, которые я не в состоянии был определить, словно со скрежетом закрывалась огромная стальная дверь.

Мой мозг отрешенно плыл в химической реке; я ждал, пока что-то произойдет.

Грохотание шариковых подшипников, катящихся вниз по желобу; нет, пронзительный визг частиц, проносящихся мимо изгибающих магнитов со скоростью 300 000 километров в секунду. Они рвутся ко мне через серию фильтров; замедляясь, теряя по пути энергию, идут по керамической трубке и в мое тело...

Пион плывет по атомным морям релятивистски конечное время, стремясь к ядру-мишени. В определенной точке пион больше не пион; то, что временно было материей, снова переходит в энергию. Вспышка разрастается, истощается и затухает. Происходят другие взрывы. Тьма и свет перемешиваются.

Свет сливается в шар — массивный, раскаленный. Шар проваливается внутрь себя. Его температура поднимается до критического уровня. При 600 миллионов градусов занимаются ядра углерода. Образуются более тяжелые элемен-

ты. Когда топливо истощено, шар проваливается глубже; опять температура прыгает вверх, опять образуются более тяжелые элементы и, в свою очередь, поглощаются. Цикл повторяется, пока ядерная печь не производит железо. Ядерная реакция дальше не пойдет; огонь затухает. Без внешнего баланса реакции синтеза шар претерпевает окончательное разрушение. Температура достигает 100 миллиардов градусов. Все возможные ядерные реакции закончены.

Шар взрывается в последнем судорожном катаклизме. Его энергия рассасывается, поедается энтропией. Все это происходит за время не большее, чем требуется солнечному свету, чтобы достичь Земли.

— Как ты себя чувствуешь? — В поле зрения появляется Аманда, затмевая яркие лампы над головой.

— Чувствую? — Рот мой словно набит ватой.

— Чувствуешь.

— Сравнительно с чем?

— Ты молодец.

— Давлю на педаль газа, — говорю я.

Она сперва удивляется, потом начинает смеяться.

— Ничего, скоро пройдет. — Аманда выходит из поля зрения, и в мое лицо ударяет свет.

— Как же тормоза?.. — бормочу я. Меня разбирает смех. Что-то колет в руку.

Полагаю, Делани собиралась держать меня под присмотром в Нью-Мексико до предвкушаемой церемонии в Стокгольме. У меня не было на это времени. Подозреваю, что времени не было ни у кого. Аманду начали беспокоить мои периоды мрачного молчания; сперва она приписывала их лекарствам, затем двухнедельным проверкам, которым подвергали меня Делани и ее коллеги.

— К чертовой матери! — заявил я. — Надо бежать отсюда. — Кроме нас с Амандой, в комнате никого не было.

— Что?

— Каковы мои шансы?

Аманда улыбнулась.

— Можешь участвовать в конкурсе на долголетие.

— Я больше не пациент; я — подопытный объект.

— Так что теперь делать?

Под прикрытием темноты мы вышли из ЛФМ и полкилометра продирались через кустарник к шоссе. Там на попутке добрались до города.

Мне снятся пионы. Я вижу разноцветные, заполненные водородом шарики, вспыхивающие в ночи. Я вижу газетное лицо Лизы. Ее улыбка одновременно горда и печальна.

У Аманды полно пациентов и более чем достаточно собственных забот. Я несу свои кошмары Джеки Дентон в обсерваторию. Я делюсь с ней галлюцинациями, пережитыми в камере ускорителя. Мы смотрим друг на друга через маленькую комнатушку.

— Я рада, что ты поправляешься, Ник, однако...

— Дело не в этом, — перебил я и пустился в рассуждения, мешая в одну кучу лучи пионов, врачей, сверхновые, раковые опухоли, огненные шары и богов.

— Боги? — выхватила она. — Боги? Ты собираешься писать об этом?

Я кивнул.

Джеки смотрела на меня так, словно перед ней внезапно появился сумасшедший.

— Никому это теперь не нужно, Ник. Вся планета и так бурлит. Излучение новых может нарушить слой озона, вызвать мутации... Люди напуганы.

— Это только предположение.

— В переполненном театре не кричат «пожар!», — заметила она.

— Или в переполненном мире?

— Только не сейчас, — серьезно произнесла Джеки.

— А если я прав? — Я чувствовал усталость. — Что тогда?

— Сверхновая? Исключено! У Солнца просто нет такой массы.

— А новая?

— Возможно, — выдавила она. — Но это не должно случиться еще пару миллиардов лет. Звездная эволюция...

— ...всего лишь теория, — закончил я. — «Не должно случиться» еще не значит «не случится». Взгляни сегодня вечером на небо.

Дентон молчала.

Мне следовало остановиться, но я не мог. Я должен был выговориться.

— Ты веришь в бога? Какого угодно?

Она покачала головой.

— А в концентрические вселенные, одна внутри другой, как китайские резные сферы из слоновой кости? — Ее лицо побелело. — Выбирай карту, — сказал я. — Любую наугад.

— Будь ты проклят! Заткнись! — Суставы рук, сжавших край стола, побелели, как ее губы.

— Очаровательно, — произнес я, не задумываясь о завораживающей силе слов, забывая, во что может обойтись вера.

Не думаю, что она специально свела свою машину с дороги. Я не хочу так думать. Разумеется, она ехала ко мне.

Может быть, сказала она.

Кошмары следует держать дома. И вот я стою на своей веранде в разгар полдня Земли. Не надо беспокоиться о разрушении озонового слоя и, как следствие, возможном раке кожи. Не надо беспокоиться о мутациях и генетическом ущербе. Жаль, что никто никогда не прочтет мою книгу о лечении пионами.

Все это — может быть.

«Солнце светит ярко» — мелодия погребально крутится у меня в голове.

Возможно, я ошибаюсь, вспышка утихнет. Возможно, я не умираю. Все равно.

Если бы сейчас со мной была Аманда, или я стоял бы у постели Джеки Дентон, или хотя бы у меня было время подойти к могиле Лизы среди сосен... Но времени нет.

По крайней мере я прожил сколько прожил по собственному решению.

Вот в чем секрет, Ник...

Ослепительный свет пожирает вселенную.

Альфред Бестер
УБИЙСТВЕННЫЙ ФАРЕНГЕЙТ

Он не знает, кто из нас теперь я, но мы знаем одно: нужно быть самим собой. Жить своей жизнью и умереть своей смертью.

Рисовые поля Парагона-3 простираются на сотни миль. Огромная шахматная доска: синяя и бурая мозаика под огненно-оранжевым небом. По вечерам, словно дым, наплывают облака, шуршит и шепчет рис.

В тот вечер, когда мы улетели с Парагона, длинной цепочкой растянулись по полям люди. Они были напряжены, молчаливы, вооружены; ряд угрюмых силуэтов под низким небом. У каждого на запястье мерцал видеоэкран. Переговаривались они изредка, кратко, обращаясь сразу ко всем.

— Здесь ничего.

— Где «здесь»?

— Поля Дженсона.

— Вы слишком уклонились на запад.

— Кто-нибудь проверял участок Гримсона?

— Да. Ничего.

— Она не могла зайти так далеко.

— Ее могли отнести.

— Думаете, она жива?

Так, перебрасываясь фразами, мрачная линия медленно передвигалась к багрово-дымному садящемуся солнцу. Шаг

за шагом, час за часом — цепочка мерцающих в темноте бриллиантов.

— Тут чисто.

— Ничего здесь.

— Ничего.

— Участок Аллена?

— Проверяем.

— Может, мы ее пропустили?

— У Аллена нет.

— Черт побери! Мы должны найти ее!

— Вот она. Сектор семь.

Линия замерла. Бриллианты вмерзли в черную жару ночи.

Экраны показывали маленькую фигурку, лежащую в грязной луже. Рядом стоял столб с именем владельца участка: «Вандальер». Мерцающие огоньки превратились в звездное скопление — сотни мужчин собрались у крошечного тела девочки. На ее горле виднелись отпечатки. Невинное лицо было изуродовано, запекшаяся кровь твердой корочкой хрустела на одежде.

— Мертва по крайней мере часа три-четыре.

Один мужчина нагнулся и указал на пальцы ребенка. Под ногтями были кусочки кожи и капельки яркой крови.

— Почему кровь не засохла?

— Странно.

— Кровь не сворачивается у андроида.

— У Вандальера есть андроид.

— Она не могла быть убита андроидом.

— У нее под ногтями кровь андроида.

— Но андроиды не могут убивать. Они так устроены.

— Значит, один андроид устроен неправильно.

Термометр в тот день показывал 92,9 градуса славного Фаренгейта.

И вот мы на борту «Королевы Парагона», направляющейся на Мегастер-5. Джеймс Вандальер и его андроид. Джеймс Вандальер считал деньги и плакал. Вместе с ним в каюте второго класса находился андроид, великолепное синтетическое создание с классическими чертами лица и большими голубыми глазами. На его лбу рдели буквы «СР» —

это был один из дорогих саморазвивающихся андроидов, стоящий пятьдесят семь тысяч долларов по текущему курсу. Мы плакали, считали и спокойно наблюдали.

— Двенадцать, четырнадцать, шестнадцать сотен долларов, — всхлипывал Вандальер. — И все! Шестнадцать сотен долларов! Мой дом стоил десять тысяч, земля — пять. А еще мебель, машины, самолет... Шестнадцать сотен долларов! Боже!

Я вскочил из-за стола и повернулся к андроиду. Я взял ремень и начал бить его. Он не шелохнулся.

— Я должен напомнить вам, что стою пятьдесят семь тысяч, — сказал андроид. — Я должен предупредить вас, что вы подвергаете опасности ценное имущество.

— Ты проклятая сумасшедшая машина! — закричал Вандальер. — Что в тебя вселилось? Почему ты это сделал?

Он продолжал бить андроида.

— Я должен напомнить вам, — произнес андроид, — что каюты второго класса не имеют звукоизоляции.

Вандальер выронил ремень и так стоял, судорожно дыша, глядя на существо, которым владел.

— Почему ты убил ее? — спросил я.

— Не знаю, — ответил я.

— Началось все с пустяков. Мне следовало догадаться еще тогда. Андроиды не могут портить и разрушать. Они не могут наносить вред. Они...

— У меня нет чувств.

— Потом оскорбление действием... тот инженер на Ригеле. С каждым разом все хуже. С каждым разом нам приходилось убираться все быстрее. Теперь убийство. Что с тобой случилось?

— Не знаю. У меня нет цепи самоконтроля.

— Мы скатываемся ниже и ниже. Взгляни на меня. В каюте второго класса... Я! Джеймс Палсолог Вандальер! Мой отец был богатейшим... А теперь — шестнадцать сотен долларов. И ты. Будь ты проклят!

Вандальер поднял ремень, затем выронил его и распластался на койке. Наконец он взял себя в руки.

— Инструкции.

— Имя: Джеймс Валентин. На Парагоне провел один день, пересаживаясь на корабль. Занятие: агент по сдаче внаем частного андроида. Цель визита на Мегастер-5: постоянное жительство.

— Документы.

Андроид достал из чемодана паспорт Вандальера, взял ручку, чернила и сел за стол. Точными, верными движениями — искусной рукой, умеющей писать, чертить, гравировать, — он методично подделывал документы Вандальера. Их владелец с жалким видом наблюдал за мной.

— О боже, — бормотал я. — Что мне делать? Если бы я мог избавиться от тебя! Если бы только я унаследовал не тебя, а папашину голову!

Невысокая безнравственная Даллас Брейди была ведущим ювелиром Мегастера. Она взяла на работу саморазвивающегося андроида и соблазнила его хозяина. Однажды ночью в своей постели она внезапно спросила:

— Твое имя Вандальер, да?

— Да, — вырвалось у меня. — Нет! Валентин! Джеймс Валентин.

— Что произошло на Парагоне? — спросила Даллас Брейди. — Я думала, андроиды не могут убивать или причинять вред.

— Мое имя Валентин.

— Доказать? Хочешь, вызову полицию?

Она потянулась к телефону.

— Ради бога, Даллас!

Вандальер вскочил и вырвал у нее трубку. Она рассмеялась, а он упал и заплакал от стыда и беспомощности.

— Как ты узнала?

— Все газеты полны этим. А Валентин — не так уж далеко от Вандальера. Что случилось на Парагоне?

— Он похитил девочку. Утащил ее в рисовые поля и убил.

— Тебя разыскивают.

— Мы скрываемся уже два года. За два года — семь планет. За два года я потерял на сто тысяч долларов собственности.

— Ты бы лучше выяснил, что с ним стряслось.

— Как?! Прикажешь сказать: «Мой андроид превратился в убийцу, почините его»?.. Сразу вызовут полицию! — Меня начало трясти. — Кто мне будет зарабатывать деньги?

— Работай сам.

— А что я умею? Разве я могу сравниться со специализированными роботами? Всю жизнь меня кормил отец. Проклятие! Перед смертью он разорился и оставил мне одного андроида.

— Продай его и вложи эти пятьдесят тысяч в дело.

— И получать три процента? Полторы тысячи в год? Нет, Даллас.

— Но ведь он свихнулся! Что ты будешь делать?

— Ничего... молиться. А вот что ты собираешься делать?

— Молчать. Но я ожидаю кое-что взамен.

— Что?

— Андроид должен работать на меня бесплатно.

Сбережения Вандальера начали расти. Когда теплая весна Мегастера перешла в жаркое лето, я стал вкладывать деньги в землю и фермы. Еще несколько лет, и мои дела поправятся, можно будет поселиться здесь постоянно.

В первый жаркий день андроид запел. Он танцевал в мастерской Даллас Брейди, нагреваемой солнцем и электрической плавильной печью, и выводил старую мелодию, популярную полвека назад:

Нет хуже врага, чем жара,
Ее не возьмешь на «ура».
Но надо стараться всегда
Помнить, что все ерунда!
И быть холодным и бесстрастным,
Душка...

Он пел необычным, срывающимся голосом, а руки, заведенные за спину, дергались в какой-то странной румбе. Даллас Брейди была удивлена.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Я должен напомнить вам, что у меня нет чувств, — ответил я. — Все ерунда! Холодным и бесстрастным, душка...

Андроид схватил стальные клещи и сунул их в разверстую пасть горнила, наклоняясь вперед к любимому жару.

— Осторожней, болван! — воскликнула Даллас. — Хочешь туда свалиться?

— Все ерунда! Все ерунда! — пел я.

Он вытащил из печи клещи с формой, повернулся, безумно заорал и плеснул расплавленным золотом на голову Даллас Брейди. Она вскрикнула и упала, волосы вспыхнули, платье затлело, кожа обуглилась.

Тогда я покинул мастерскую и пришел в отель к Джеймсу Вандальеру. Рваная одежда андроида и судорожно дергающиеся пальцы многое сказали его владельцу.

Вандальер помчался в мастерскую Даллас Брейди, посмотрел и зашатался. У меня едва хватило времени взять один чемодан и девять сотен наличными. Он вылетел на «Королеве Мегастера» в каюте третьего класса и взял меня с собой. Он рыдал и считал свои деньги, и я снова бил андроида.

А термометр в мастерской Даллас Брейди показывал 98,1 градуса прекрасного Фаренгейта.

На Лире Альфа мы остановились в небольшом отеле близ университета. Здесь Вандальер аккуратно снял мне верхний слой кожи на лбу вместе с буквами «СР». Буквы снова проявятся, но лишь через несколько месяцев, а за это время, надеялся Вандальер, шумиха вокруг саморазвивающегося андроида утихнет. Андроида взяли чернорабочим на завод при университете. Вандальер — Джеймс Венайс — жил на его маленький заработок.

Моими соседями были студенты, тоже испытывающие трудности, но молодые и энергичные. Одна очаровательная девушка по имени Ванда и ее жених Джед Старк сильно интересовались андроидом-убийцей, слухами о котором полнились газеты.

— Мы изучили это дело, — сказали они однажды на случайной вечеринке в комнате Вандальера. — Кажется, нам ясно, что вызывает убийства. Мы собираемся писать реферат.

— Наверное, болезнь, от которой андроид сошел с ума, что-нибудь наподобие рака, да? — полюбопытствовал кто-то.

— Нет. — Ванда и Джед торжествующе переглянулись.

— Что же?

— Узнаете из реферата.

— Неужели вы не расскажете? — спросил я напряженно. — Я... Нам хочется знать, что могло произойти с андроидом.

— Нет, мистер Венайс, — твердо заявила Ванда. — Это уникальная идея, и мы не можем допустить, чтобы у нас ее украли.

— Даже не намекнете?

— Нет. Ни слова, Джед. Скажу вам только одно, мистер Венайс: я не завидую владельцу андроида.

— Вы имеете в виду полицию?

— Я имею в виду угрозу заражения, мистер Венайс. Заражения! Вот в чем опасность... Но я и так сказала слишком много.

Снаружи послышались шаги и хриплый голос, мягко выводящий:

Холодным и бесстрастным, душка...

Мой андроид вошел в комнату, вернувшись домой с работы. Я жестом приказал ему подойти, и я немедленно повиновался, обнося гостей пивом. Его ловкие пальцы дергались в какой-то слышимой лишь ему румбе.

Андроиды не были редкостью в университете. Студенты побогаче покупали их вместе с машинами и самолетами. Но юная Ванда была остроглазой и сообразительной. Она заметила мой пораненный лоб. После вечеринки, подымаясь в свою комнату, она посоветовалась со Старком.

— Джед, почему у этого андроида поврежден лоб?

— Возможно, ударился. Он ведь работает на заводе.

— Это очень удобный шрам...

— Для чего?

— Допустим, там были буквы «СР».

— Саморазвивающийся? Тогда какого черта Венайс скрывает это? Он мог заработать... О-о! Ты думаешь?..

Ванда кивнула.

— Боже! — Старк поджал губы. — Что нам делать? Вызвать полицию?

— На основании догадок? Сперва надо убедиться — сфотографировать андроида в рентгеновских лучах. Завтра пойдем на завод.

Они проникли на завод — гигантский подвал глубоко под землей. Было жарко и трудно дышать — так нагревали воздух печи. За гулом пламени слышался странный голос, вопящий на старый мотив: «Все ерунда! Все ерунда!» И увидели мечущуюся фигуру, неистово танцующую в такт музыке. Ноги прыгали. Руки дергались. Пальцы корчились.

Джед Старк поднял камеру и стал снимать. Затем Ванда вскрикнула, потому что я увидел их и схватил блестящий стальной рельс. Он разбил камеру. Он свалил девушку, а потом юношу. Андроид подтащил молодых людей к печи и медленно, смакуя, скормил их пламени. Он танцевал и пел. Потом я вернулся в отель.

Термометр на заводе показывал 100,9 градуса чудесного Фаренгейта. Все ерунда! Все ерунда!

Чтобы заплатить за проезд на «Королеве Лиры», Вандальеру и андроиду пришлось выполнять на корабле подсобные работы. В часы ночного бдения Вандальер сидел в грязной каморке с портфелем на коленях, усиленно пялясь на содержимое. Портфель — это единственное, что он смог увезти с Лиры. Он украл его из комнаты Ванды. На портфеле была пометка «Андроид»; там хранился секрет моей болезни.

И в нем не было ничего, кроме газет. Кипы газет со всей Галактики. «Знамя Ригеля», «Парагонский вестник», «Интеллигент Леланда», «Мегастерские новости»... Все ерунда! Все ерунда!

В каждой газете было сообщение об одном из преступлений андроида. Кроме того, печатались известия, спортивная информация, прогнозы погоды, лотерейные таблицы, курсы валют, скетчи, загадки, кроссворды. Где-то во всем этом хаосе таился секрет, скрываемый Вандой и Джедом Старком.

— Я продам тебя! — сказал я, устало опуская газеты. — Будь ты проклят! Когда мы прилетим на Землю, я продам тебя.

— Я стою пятьдесят семь тысяч долларов, — напомнил я.

— А если не сумею тебя продать, то выдам полиции.

— Я — ценное имущество, — ответил я. — Иногда очень хорошо быть имуществом, — немного помолчав, добавил андроид.

Было три градуса мороза, когда приземлилась «Королева Лиры». Снег сплошной черной стеной валил на поле и испарялся под хвостовыми двигателями корабля. У Вандальера и андроида не хватило денег на автобус до Лондона. Они пошли пешком.

К полуночи путники достигли Пиккадилли. Декабрьская снежная буря не утихла, и статуя Эроса покрылась ледяной коростой. Они повернули направо, спустились до Трафальгарской площади и пошли к Сохо, дрожа от холода и сырости. На Флит-стрит Вандальер увидел одинокую фигуру.

— Нам нужны деньги, — зашептал он андроиду, указывая на приближающегося человека. — У него они есть. Забери.

— Приказ не может быть исполнен, — сказал андроид.

— Забери их у него, — повторил Вандальер. — Силой! Ты понял?

— Это противоречит моей программе, — возразил я. — Нельзя подвергать опасности жизнь или ценное имущество.

— Ради бога! — взорвался Вандальер. — Ты нападал, разрушал, убивал. А теперь мелешь какую-то чушь о программе! Забери деньги. Убей, если надо!

— Приказ не может быть исполнен, — повторил андроид.

Я отбросил андроида в сторону и прыгнул к незнакомцу. Он был высок, стар, мудр, с ясным и спокойным лицом. С тростью. Я увидел, что он слеп.

— Да, — произнес он. — Я слышу, здесь кто-то есть.

— Сэр, — замялся Вандальер, — у меня отчаянное положение.

— Общая беда, — ответил незнакомец. — У нас у всех отчаянное положение... Вы попрошайничаете или крадете?

Невидящие глаза смотрели сквозь Вандальера и андроида.

— Я готов ко всему.

— Это история нашего народа. — Незнакомец указал назад. — Я попрошайничал у собора Святого Павла, мой друг. То, что нужно мне, украсть нельзя. А чего желаете вы, счастливец, если можете украсть?

— Денег, — сказал Вандальер.

— Денег для чего? Не опасайтесь, мой друг, обменяемся признаниями. Я скажу вам, чего прошу, если вы скажете мне, зачем крадете. Меня зовут Бленхейм.

— Меня зовут... Воул.

— Я просил не золота, мистер Воул. Я просил число.

— Число?

— Да. Числа рациональные и иррациональные. Числа мнимые, дробные, положительные и отрицательные. Вы никогда не слышали о бессмертном трактате Бленхейма «Двадцать нулей, или Отсутствие количества»? — Бленхейм горько улыбнулся. — Я царь цифр. Но за пятьдесят лет очарование стерлось, исследования приелись, аппетит пропал. Господи, прошу тебя, если ты существуешь, ниспошли мне число!

Вандальер медленно поднял свой портфель и коснулся им руки Бленхейма.

— Здесь, — произнес он, — спрятано число, тайное число. Число одного преступления. Меняемся, мистер Бленхейм? Число за убежище.

— Ни попрошайничества, ни воровства, да? — прошептал Бленхейм. — Сделка. Возможно, Всевышний — не бог, а купец... Идем.

На верхнем этаже дома Бленхейма мы делили комнату — две кровати, два стола, два шкафа, одна ванная. Вандальер снова поранил мой лоб и послал искать работу, а пока андроид зарабатывал деньги, я читал Бленхейму газеты из портфеля, одну за другой. Все ерунда! Все ерунда!

Вандальер мало что открыл о себе. Он студент, сказал я, пишет курсовую по андроиду-убийце. В собранных газетах содержатся факты, которые должны объяснить преступления. Должно быть число, сочетание, что-то указывающее на причину... И Бленхейм попался на крючок человеческого интереса к тайне.

Я читал вслух, он записывал крупным прыгающим почерком. Бленхейм классифицировал газеты по типу, по шрифту, по направлениям, стилю, темам, фотографиям, формату... Он анализировал. Он сравнивал. А мы жили вдвоем на верхнем

этаже — растерянные, удерживаемые страхом, ненавистью между нами. Как лезвие, вошедшее в живое дерево и расщепившее ствол лишь для того, чтобы вечно остаться в раненом теле, мы жили вместе. Вандальер и андроид.

Однажды Бленхейм позвал Вандальера в свой кабинет.

— Думаю, что я нашел, — промолвил он. — Но не могу понять...

Сердце Вандальера подпрыгнуло.

— Вот выкладки, — продолжал Бленхейм. — В газетах есть сводки погоды. Все преступления были совершены при температуре выше 90 градусов по Фаренгейту.

— Исключено! — воскликнул Вандальер. — На Лире Альфа было холодно!

— У нас нет газеты с описанием преступления на Лире Альфа.

— Нет, верно. Я... — Вандальер смутился. Вдруг он крикнул: — Вы правы! Конечно! Плавильная печь... Но почему? Почему?!

В этот момент вошел я. И застыл, ожидая команды, готовый услужить.

— А вот и андроид, — произнес Бленхейм после долгого молчания.

— Да, — сказал Вандальер, не придя в себя после открытия. — Теперь ясно, почему он отказался напасть на вас тем вечером. Слишком холодно.

Он посмотрел на андроида, передавая лунатичную команду. Он отказался. Подвергать жизнь опасности запрещено. Вандальер отчаянно схватил Бленхейма за плечи и повалил вместе с креслом на пол. Бленхейм закричал.

— Найди оружие, — приказал Вандальер.

Я достал из стола револьвер и протянул его Вандальеру. Я взял его, приставил дуло к груди Бленхейма и спустил курок.

У нас было три часа до возвращения прислуги. Мы взяли деньги и драгоценности Бленхейма, его записки; упаковали чемоданы с одеждой. Мы подожгли дом. Нет, это сделал я сам. Андроид отказался. Мне запрещено подвергать опасности жизнь или имущество. Все ерунда!..

* * *

Табличка в окне гласила: «Нан Уэбб, психометрический консультант». Андроид с портфелем остался в фойе, а Вандальер прошел в кабинет.

Высокая женщина с бесстрастным лицом деловито кивнула Вандальеру, запечатала конверт и подняла голову.

— Мое имя Вандерблит, — сказал я. — Джейли Вандерблит. Учусь в Лондонском университете.

— Так.

— Я провожу исследования по андроиду-убийце и, кажется, напал на след. Хотелось бы услышать ваше мнение. Сколько это будет стоить?

— В каком колледже вы учитесь?

— А что?

— Для студентов скидка.

— В Мертоновском.

— Два фунта, пожалуйста.

Вандальер положил на стол деньги и добавил к ним записки Бленхейма.

— Существует связь между поведением андроида и погодой. Все преступления совершались, когда температура поднималась выше 90 по Фаренгейту. Может ли психометрия дать этому объяснение?

Нан Уэбб кивнула, просмотрела записки и произнесла:

— Безусловно, синестезия.

— Что?

— Синестезия, — повторила она. — Когда чувство, мистер Вандерблит,. воспроизводится в формах восприятия не того органа, который был раздражен. Например, раздражение звуком вызывает ощущение определенного цвета. Или световой раздражитель вызывает ощущение вкуса. Может произойти перемешивание или замыкание сигналов вкуса, запаха, боли, давления и так далее. Понимаете?

— Кажется, да.

— Вы обнаружили, что андроид реагирует на температурный раздражитель выше 90 градусов синестетически. Возможно, есть связь между температурой и его аналогом адреналина.

— Значит, если держать андроида в холоде...

— Не будет ни раздражителя, ни реакции.

— Ясно. А есть ли опасность заражения? Может ли это перекинуться на владельца андроида?

— Очень любопытно... Опасность заражения заключается в опасности поверить в его возможность... Если вы общаетесь с сумасшедшими, то можете в конечном счете перенять их болезнь... Что, безусловно, случилось и с вами, мистер Вандальер.

Вандальер вскочил на ноги.

— Вы осел, — сухо продолжала Нан Уэбб. Она махнула рукой в сторону бумаг, лежащих на столе. — Это почерк Бленхейма. Каждому английскому студенту известны его слепые каракули. Мертоновский колледж в Оксфорде, а не в Лондоне. А с вами... Я даже не знаю, вызывать ли полицию или лечебницу для душевнобольных.

Я вытащил револьвер и застрелил ее. Все ерунда!

— Антарес-2, Поллукс-9, Ригель-Центавра, — говорил Вандальер, — все они холодны. Живем!.. Осторожней на повороте.

Саморазвивающийся андроид уверенной рукой держал руль, и машина мягко неслась по автостраде под холодным серым небом Англии. Высоко над головой завис одинокий вертолет.

— Никакого тепла, никакой жары, — говорил я. — В Шотландии на корабль и прямо на Поллукс. Там мы будем в безопасности.

Внезапно сверху донесся оглушающий рев:

— Внимание, Джеймс Вандальер и андроид!

Вандальер вздрогнул и посмотрел вверх. Из брюха вертолета вырывались мощные звуки:

— Вы окружены. Дорога блокирована. Немедленно остановите машину и подчинитесь аресту.

Я выжидающе поглядел на Вандальера.

— Не останавливайся! — прокричал Вандальер.

Вертолет спустился ниже.

— Внимание, андроид. Немедленно остановить машину. Это категорический приказ, отменяющий все частные команды.

— Что ты делаешь? — закричал я.

— Я должен подчиниться... — начал андроид.

— Прочь!

Вандальер оттолкнул андроида и вцепился в руль. Визжа тормозами, машина съехала в поле и помчалась по замерзшей грязи, подминая кустарник, к виднеющемуся в пяти милях параллельному шоссе.

— Внимание! Джеймс Вандальер и андроид! Вы обязаны подчиниться аресту. Это приказ.

— Не подчинимся! — дико взвыл Вандальер. — Нет! — судорожно шептал я. — Мы еще победим их. Мы победим жару. Мы...

— Должен вам напомнить, — произнес я, — что мне необходимо выполнять приказ, отменяющий все частные команды.

— Пусть покажут документы, дающие им право приказывать! А может, они жулики! — выкрикнул Вандальер.

Правой рукой он полез за револьвером. Левая рука дрогнула, машина перевернулась. Мотор ревел, колеса визжали. Вандальер выбрался и вытащил андроида. Через минуту они уже были вне круга слепящего света вертолетного прожектора, в кустах, в лесу, во мраке благословенного убежища.

Вандальер и андроид отчаянно продирались сквозь кустарник к параллельному шоссе, к спасению. Температура падала, холодный северный ветер пронизывал нас до костей.

Издалека донесся приглушенный взрыв. Взорвался бак машины, в небо взметнулся фонтан огня. Раздуваемый ветром, фонтан превратился в десятифутовую стену, с яростным треском пожиравшую растительность.

— Скорей!

Я вскрикнул и рванулся вперед. Он потащил меня за собой, пока их ноги не заскользили по ледяной поверхности замерзшего болота. Внезапно лед треснул, и они оказались в ошеломляюще холодной воде.

Стена пламени приближалась, я уже ощущал жар. Он ясно видел преследователей. Вандальер полез в карман за револьвером. Карман был порван, револьвер исчез. Наверху беспомощно завис вертолет, не в состоянии перелететь через клубы дыма и пламени и направить преследователей, сгруппировавшихся правее нас.

— Они не найдут, — зашептал Вандальер. — Сиди тихо, это приказ. Они не найдут нас. Мы победим пожар. Мы...

Три отчетливых выстрела раздались меньше чем в ста футах от беглецов. Это огонь добрался до потерянного оружия и взорвал три оставшихся патрона. Преследователи повернули и пошли прямо на нас. Вандальер страшно ругался, что-то истерически выкрикивал и все нырял в грязь, пытаясь уберечься от страшного жара. Андроид начал дергаться.

— Все ерунда. Все ерунда! — кричал он. — Будь холодным и бесстрастным!

— Будь ты проклят! — кричал я.

И тут живые языки пламени заворожили его: он танцевал безумную румбу перед стеной огня. Его ноги дергались. Его руки дергались. Его пальцы дергались. Нелепая копошащаяся фигура, темный силуэт на фоне ослепительного сияния.

Преследователи закричали. Раздались выстрелы. Андроид дважды повернулся кругом и вновь продолжил свой кошмарный танец. Резкий порыв ветра кинул пламя вперед, и оно на миг приняло пляшущую фигурку в свои объятия; затем огонь отступил, оставив за собой булькающую массу синтетической плоти и крови, которая никогда не свернется.

Термометр показал бы 1200 градусов божественного Фаренгейта.

Вандальер не погиб. Я спасся. Они упустили его, пока наблюдали за смертью андроида. Но я не знаю, кто из нас он. Заражение, предупреждала Ванда. Заражение, говорила Нан Уэбб. Если вы живете с сумасшедшим андроидом достаточно долго, я тоже стану сумасшедшим.

Но мы знаем одно: они ошибались. Робот и Вандальер знают это потому, что новый робот тоже дергается. Ерунда! Здесь, на студеном Поллуксе, робот танцует и поет. Холодно, но мои пальцы пляшут; холодно, но он увел маленькую Талли на прогулку в лес. Примитив, дешевый сервомеханизм... все, что я мог себе позволить. Но он дергается, и воет, и гуляет где-то с девочкой, и я не могу их найти. Вандальер меня быстро не найдет, а потом будет поздно. Термометр показывает 0 градусов убийственного Фаренгейта.

Еще одно свидетельство того, что Человек слишком много о себе мнит, он и не творец вовсе. Самое страшное, что спорить с доводами автора в принципе очень сложно...

Спайдер Робинсон
ЖИЗНЬ КОРОТКА...

Она сидела, стараясь ни о чем не думать, пока не пришло время собираться. Неподвижность, казалось, успокаивала, отодвигала все дела куда-то вдаль. Руки не дрожали, и, втирая крем, она рассматривала в зеркале свое безмятежное лицо.

Мощная машина вынесла ее из гаража, взмыла в воздух и помчалась на север. Встреча должна состояться во что бы то ни стало.

«Десятки человеко-лет, бог знает какая прорва вложенных денег, — думала Дороти, — и все ради получасового разговора. Столько усилий, столько чаяний. Может быть, в мировом масштабе и незначительных, но по сравнению с быстротечной беседой... Нужно быть очень точной, а это все равно что регулировать давление на пластинку — лишний грамм, и алмазная игла сломается. Я должна быть тверже алмаза».

Вместо того чтобы смотреть в окно на лежавший внизу Вашингтон, она включила телевизор и жадно впитывала последние известия в надежде услышать какую-нибудь новость, которая могла бы помочь в предстоящем разговоре. Увы, ничего.

Пробудилась к жизни машина: «Приземляемся, мадам. Приготовьтесь к проверке». Ощутив легкий толчок, она открыла окно, протянула пропуск морскому пехотинцу в голубой форме и не спеша вышла навстречу улыбающемуся мужчине.

— Рад тебя видеть, Дороти.

— Здравствуй, Филипп. Спасибо, что встретил.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь.

Пустые любезности не раздражали ее. Поддержка Фила могла понадобиться. Но она подумала: «Какое великое множество фраз истерто до бессмысленности столетиями повторений». Впрочем, и эту мысль никак не назовешь свежей.

— Он готов принять тебя, идем.

Она с удовольствием расспросила бы о настроении старика, однако понимала, что это поставит Фила в затруднительное положение.

— Пожалуй, тебе повезло. Сегодня он явно благодушен.

Дороти благодарно улыбнулась. Если Фил когда-нибудь отважится на ухаживание, она его не отвергнет.

Они шли по широким длинным коридорам с высокими потолками. Здание было построено еще во времена дешевой энергии, но теперь даже в Вашингтоне мало кто мог позволить себе расходовать ее в таких количествах. Интерьер усиливал ощущение простора: стены были пустыми, и только ковер под ногами да через каждые сорок метров изысканные по простоте произведения искусства баснословной стоимости нарушали однообразие обстановки. Идеальная по своей непритязательности белая фарфоровая ваза, по крайней мере тысячелетней давности, на грубой подставке вишневого дерева. Изумительная цветная фотография заснеженной проселочной дороги, выполненная на серебряной фольге; по мере приближения на фотографии менялось время суток. Хрустальный шар метрового радиуса с голограммой танца бессмертной Драммон; так как она перестала выступать до развития голографической техники, это, следовательно, была дорогая компьютерная реконструкция. Маленькая гласситовая камера с первой в мире вакуумной скульптурой — легендарным «Звездным камнем» Токугавы. Каждый экспонат выставки бесцеремонно вторгался в мысли, требовал внимания и напоминал о могуществе хозяина. Посетить сенатора в его собственном доме значило проникнуться чувством смирения. Дороти понимала, что это сделано умышленно, но не могла превозмочь себя. Это раз-

дражало ее, а ощущение раздраженности, в свою очередь, раздражало еще больше.

В конце коридора находился лифт. Филипп ввел гостью внутрь и нажал на кнопку, не давая разглядеть этаж.

— Желаю удачи, Дороти.

— Спасибо, Филипп. Каких тем следует избегать?

— Ну... Не говори с ним о геморрое.

— Мне бы и в голову не пришло...

Он улыбнулся.

— Наш уговор об обеде в среду остается в силе?

— Если ты не предпочтешь ужин.

Он слегка поклонился и отступил назад.

Двери лифта закрылись, и она тут же забыла о существовании Филиппа. *«Создания разумные неисчислимы; я клянусь спасти их. Пагубные страсти несметны; я клянусь искоренить их. Правда безгранична; я...»*

Двери лифта снова открылись, прерывая клятву Бодисатвы. Дороти даже не почувствовала остановки; но догадалась, что опустилась по крайней мере на сотню метров.

Комната оказалась просторнее, чем она ожидала. И в этом огромном помещении царило большое механическое кресло; оно будто царило и над тем, кто в нем сидел. Обманчивое впечатление. Невзрачный владелец кресла на самом деле свободно распоряжался не только этим колоссальным домом, но и в значительной степени всей страной.

В комнате шла симфония ароматов, пассаж корицы из «Детства» Булашевского, ее любимое место; это придало ей смелости.

— Добрый день, сенатор.

— Здравствуйте, миссис Мартин. Счастлив приветствовать вас у себя дома. Прошу простить — не могу подняться.

— Вы так любезны, что согласились принять меня.

— Человек моего возраста в состоянии по достоинству оценить общество столь очаровательной и умной женщины, как вы.

— Сенатор, когда мы начнем разговор?

Он нахмурился и приподнял жидкую бровь.

— Не хотелось бы долго заниматься словоблудием. Ваш любезный прием обошелся мне в три тщательно подстроен-

ные услуги и кругленькую сумму денег. Принимаете вы меня с нежеланием. Мне известно о восьми ваших любовницах; я по сравнению с любой из них жалкая замарашка. У нас нет времени, а дело — неотложной важности. Может быть, начнем?

Она затаила дыхание. Все, что ей удалось узнать о сенаторе, говорило о правильности такого подхода. Но так ли это?

Застывшее лицо разошлось в улыбке.

— Немедленно. Миссис Мартин, вы мне нравитесь, и это правда. Правда и то, что времени у меня мало. Чего вы хотите?

— Не догадываетесь?

— Пожалуй. Но я терпеть не могу догадок.

— Я категорически возражаю против законопроекта С-896.

— Мне это известно. Однако я допускаю, что вы пришли предложить сделку.

Она постаралась скрыть свое удивление.

— Какую же? Что дало вам основание так думать?

— Вы возглавляете очень крупную и влиятельную организацию, не стесненную средствами. Но кое-что мне непонятно.

— Что именно?

— Ваша цель. Ваши аргументы шатки и неубедительны, и все-таки вы продолжаете упорствовать. Мне неоднократно доводилось видеть людей, позиция которых казалась нелогичной. Однако всякий раз, стоило лишь копнуть поглубже, обнаруживалась истинная причина, скрытая логика. Здесь же... С-896 явно полезен и выгоден группе, которую, по вашим словам, вы представляете, — людям искусства. Вот и задумываешься невольно, какова ваша *истинная* цель. Допускаю, что вы уступите это дело об авторских правах в обмен на то, чего действительно побаиваетесь.

— Сенатор, я действительно выступаю от имени всех людей искусства и — в более широком смысле...

Он скривился.

— ...«от имени всего человечества». Право, миссис Мартин, увольте.

— Знаю, эту фразу вы слышали чересчур часто, да и сами произносили нередко. — Сенатор мрачно усмехнулся. — Но

как раз сейчас это сущая правда. Я уверена, что, если С-896 будет принят, человечество ожидает тяжелое потрясение.

Он поднял тонкую высохшую руку и оттянул нижнюю губу.

— Теперь, уточнив вашу позицию, я смогу сэкономить для вас немало денег — завершив встречу и вернув соответствующую часть суммы за неиспользованные минуты аудиенции.

У нее словно все оборвалось внутри, но голос прозвучал холодно и спокойно:

— Не поняв даже скрытую логику наших аргументов?

— Было бы жестоко и бессмысленно заставлять вас зря тратить время. Видите ли, я не могу вам помочь.

Она хотела закричать, но тут же взяла себя в руки. «Спокойно, еще не все потеряно», — шептала какая-то частица разума; а другая твердила, что такой человек не бросает на ветер слов «не могу». Но он *наверняка* ошибается. Не исключено, что это начало торга...

Ни следа внутреннего смятения не выражалось на ее лице.

— Сэр, я пришла сюда не для того, чтобы предлагать сделку. Я всего лишь хотела сообщить вам лично, что наша организация собирается сделать денежное пожертвование в размере...

— Миссис Мартин, пожалуйста! Я не могу помочь вам. Независимо от размера пожертвования.

— Сэр, это весьма крупная сумма.

— Не сомневаюсь. Не имеет значения.

— Сенатор, почему?! — Она знала, что ей не следовало спрашивать.

Он нахмурился.

— Послушайте, — начала она, уже не в силах подавить отчаяние. — К черту деньги! Я не брошу свое дело, не убедившись в полной его безнадежности. Ответить — быстрейший способ выдворить меня из кабинета. Вам известно, что при мне нет записывающих устройств. Скажите!

Так же нахмурившись, он кивнул.

— Что ж. Я отказываюсь от вашего пожертвования, потому что уже принял предложение другой стороны.

Самый ужасный ее кошмар воплотился. Все кончено. Паника и напряжение исчезли, замененные скорбью столь великой, что сердце ее чуть не остановилось.

Слишком поздно! О Боже, я опоздала!

— ...чувствуете, миссис Мартин? — говорил старик, и искреннее участие звучало в его голосе.

Она призвала на помощь все свое самообладание.

— Хорошо, сэр, спасибо. Благодарю вас за прямой ответ. — Она встала и разгладила юбку. — И за...

— Миссис Мартин.

— ...любезное гостепр... Да?

— Поделитесь вашими соображениями. Почему я не должен поддерживать С-896?

Она моргнула.

— Вы только что сказали, что бессмысленно тратить время...

— Подай я вам хоть малейшую надежду — да. Впрочем, если у вас нет времени, я не буду настаивать. Но мне интересно.

— Отвлеченное любопытство?

Он, казалось, выпрямился еще больше.

— Миссис Мартин, я принял решение добиться определенной цели. Это не означает, что мне безразлично, благая это цель или вредоносная.

Дороти на миг задумалась.

— Если я сумею убедить вас, вы меня не поблагодарите.

— Знаю. Я видел выражение вашего лица минуту назад и... Оно напомнило мне одну ночь много лет назад. Ночь смерти матери. Если ваша скорбь столь же велика... Садитесь.

Она села.

— Скажите, что ужасного в том, что законы, охранявшие авторское право, будут приведены в соответствие с действительностью современной жизни? Обычно я стараюсь выслушивать обе стороны перед тем, как принять пожертвование, — но тут дело казалось настолько простым...

— Сенатор, этот законопроект — кошмарное бедствие для всех творческих людей на Земле и за ее пределами.

— О каком бедствии вы говорите?

— О самой тяжелой психической травме в истории человечества.

Он обвел ее пристальным взглядом и снова нахмурился.

— В ваших материалах нет и намека на подобную возможность.

— Это бы только ускорило потрясение. Сейчас даже в нашей организации лишь горстка людей знает правду. Я делюсь с *вами*, потому что вы попросили и потому что убеждена, что наш разговор никто не записывает, кроме вас. Готова поспорить, что вы сотрете запись.

— Ну-ну, — с сомнением произнес сенатор. — Дайте-ка я устроюсь поудобнее. — Он опустил спинку кресла и потер затекшие ноги. Его глаза были закрыты. — Продолжайте.

— Вы знаете, сколько лет искусству, сенатор?

— Я полагаю, оно ровесник человечества.

— Можно указать более конкретно; скажем, около пятнадцати с половиной тысяч лет. Таков возраст самого древнего произведения искусства, сохранившегося до наших дней, — наскальной живописи в пещере Ласко. Несомненно, люди пели, танцевали и слагали былины — но песни, танцы и былины оставались только в памяти. Наверное, именно сказители вслед за художниками научились сохранять свое искусство. Однако бесчисленные поколения пройдут с тех пор, прежде чем найдется надежный способ нотной записи. И лишь в последние столетия нашли способы хоть как-то запечатлеть свое мастерство танцоры.

Появилась письменность. Человеческая память, хранившая события нескольких предыдущих поколений, стала регистрировать все. Но поддержание всеобъемлющей памяти требовало громадных усилий, а дикари, войны и стихийные бедствия легко уничтожали рукописные документы. Очевидным решением был печатный пресс — возможность размножить такое количество экземпляров, чтобы хоть некоторые пережили любую катастрофу.

Но вместе с печатным прессом родилась новая идея. Искусство внезапно вышло на массовый рынок и стало приносить доход. Писатели решили, что право копировать их работу должно принадлежать им.

За последние сто пятьдесят лет произошли крупные качественные перемены в технике записи. Зрительная: фотография, кинематограф, ксерокс, голография. Звуковая: вы-

сококачественная многоканальная со звукоснимателями всяческих видов, вплоть до лазерных. Потом появились компьютеры — последнее слово в хранении информации. И каждый метод порождал новые формы искусства.

Существующее ныне авторское право остается неизменным с середины XX века. Права сохраняются за наследниками еще пятьдесят лет после смерти автора. Но население земного шара резко возросло с 1900-х годов — так же, как и средняя продолжительность жизни. Сто двадцать лет — не предел в развитых странах. Вы, к примеру, значительно старше. Таким образом, естественно, С-896 продлит срок действия авторского права практически до бесконечности.

— Что же здесь плохого? — перебил сенатор. — Разве плоды труда человека уже не принадлежат ему, если он перестал дышать? Вы сами, миссис Мартин, будете обеспечены на всю жизнь, если законопроект утвердят. Решили проститься с гением вашего покойного мужа?

Она невольно вздрогнула.

— Простите за резкость, но я никак не могу понять вас.

— Сенатор, если я таким путем удержу плоды гения моего мужа, то покалечу свой народ. Неужели вы не видите, что означает вечное авторское право? Это вечная расовая память! Законопроект одарит человечество слоновьей памятью — а вы когда-нибудь видели жизнерадостного слона?

Некоторое время сенатор молчал.

— И все же я не уверен, что понимаю проблему.

— Не расстраивайтесь, сэр. Она была на самом виду на протяжении по крайней мере последних восьмидесяти лет, и никто ее не замечал.

— Почему?

— Вероятно, некий врожденный порок математической интуиции, присущий большинству людей.

— То есть?

— Мы часто путаем большие числа с бесконечностью. Тысячи лет мы смотрели на океан и твердили: «Вот куда можно вечно сваливать мусор и отходы». Мы смотрели на небо и радовались: «Оно впитает бесконечно много копоти». Нам *нравится* идея бесконечности. Задача, содержащая

бесконечность, легко разрешается. Как долго можно загрязнять и отравлять планету, безгранично большую? Конечно же, вечно! И прочь раздумья!

В один прекрасный день нас становится так много, что планета уже не кажется безграничной. Что ж, отправимся дальше. Не правда ли, Солнечная система таит неисчерпаемые возможности?.. Я думаю, вы один из тех достаточно дальновидных людей, которые способны понять, что любые возможности *небезграничны.*

— Свяжите это со своей проблемой, — нервно сказал сенатор.

— Помните процесс восьмидесятилетней давности касательно песни Джорджа Харрисона «Мой славный Господь»?

— Помню ли? Еще бы. Я сам вел дело. Моя фирма выиграла.

— Вы убедили суд, что мелодия Харрисона заимствована из песни «Он так мил», написанной за десять лет до того. Вскоре после этого Йоко Оно обвинили в краже темы «Ты мой ангел» у классической «Вопль восторга», появившейся на тридцать лет раньше. Агент Чака Берри судился с агентом Джона Леннона за «Пойдем вместе». В конце 80-х разразилась настоящая эпидемия плагиата; она свирепствует до сих пор.

Есть восемьдесят восемь нот. Сто семьдесят шесть, если ваше ухо различает четверть тона. Добавьте ритм, разной длительности паузы, ключи. Прикиньте максимальное количество нот мелодии. Не могу представить себе возможное число мелодий — слишком много переменных. Знаю, это число очень велико.

Но оно не бесконечно.

С одной стороны, большее количество комбинаций из восьмидесяти восьми нот не будет восприниматься как музыка. Возможно, около половины. Другая часть мелодий будет так или иначе повторять друг друга: изменением трех нот «Лунной сонаты» ничего нового не создашь.

На свете пятнадцать миллиардов людей, сенатор; больше, чем жило во все времена. Благодаря автоматике 54 процента населения прикладывает свои силы исключительно в области искусства. Синтезатор так дешев и открывает такие возмож-

ности, что большинство из них пробуют сочинять. А вы представляете, каково писать музыку в наши дни, сенатор?

— Я знаком с некоторыми композиторами.

— Работающими до сих пор?

— Ну... трое работают.

— Как часто им удается создать что-то новое?

— Пожалуй, в среднем раз в пять лет, — после некоторого раздумья произнес сенатор. — Никогда, собственно, не обращал на это внимания...

— Вам известно, что две из каждых пяти заявок в Отдел музыки отклоняют после первой же сравнительной проверки на компьютере?

Лицо сенатора перестало выражать искреннее удивление больше века назад; тем не менее Дороти почувствовала, что он поражен.

— Нет.

— А откуда вам знать? Кто станет говорить об этом? Однако это факт. Как факт и то, что, хотя количество композиторов возрастает, число заявок резко падает. Сейчас музыку пишут больше людей, чем когда-либо, — а их производительность смехотворна. Кто самый популярный композитор современности?

— Э... полагаю, Вахандра.

— Верно. Он работает свыше пятидесяти лет. Если начать играть все его произведения подряд, их хватит на двенадцать часов. Вагнер написал шестьдесят часов музыки. «Битлз» — в сущности, два композитора, — меньше чем за десять лет создали двенадцать часов музыки. Почему же мастера прошлого были плодовитее? *Да потому, что существовало больше ненайденных гармонических сочетаний нот.*

— О Боже, — прошептал сенатор.

— Теперь давайте снова вернемся к семидесятым. Один писатель по имени Ван Вогт обвинил создателей популярного фильма «Пришелец» в плагиате из написанного на сорок лет раньше рассказа. Еще двое писателей — Бен Бова и Харлан Эллисон — возбудили дело против телекомпании, якобы укравшей их сюжет для сериала. Все трое выиграли и получили компенсацию.

Это определило правовой принцип авторского права: ориентация не на *идею*, а на *расположение слов*. Число комбинаций слов ограниченно, но число идей — гораздо меньше. Разумеется, их можно поведать бесчисленными путями: «Вестсайдская история», например, — блестящая переработка «Ромео и Джульетты». Не забывайте также, что из этого ограниченного, конечного числа возможных историй определенное количество составят *слабые* истории.

Что касается видов искусства, воспринимаемых зрением... Некий испытуемый в лабораторных условиях проявил способность точно различать 81 оттенок цветов. Я думаю, что это предел. Существует какой-то максимальный объем поглощаемой глазом информации, и значительная доля обязательно будет эквивалентом шума...

— Но... но... — Сенатор имел репутацию человека, не колеблющегося ни при каких обстоятельствах. — Но придут перемены... новые открытия, новые горизонты, новые социальные отношения; искусство отражает...

— Не так быстро, как растет число самих людей искусства. Вы слышали про великий раскол в литературе начала XX века? «Старая гвардия» в основном отказалась от Романа Идей и обратила свое внимание на Роман Характеров. Они обсосали эту косточку досуха и все еще толкутся на месте. В то же время маленькая группа писателей, горящих желанием писать *новые* рассказы, томящихся по *новым* темам, открыла жанр научной фантастики. Они черпали идеи из будущего. Ах беспредельное будущее!.. Вот уже много лет, как в фантастике не появлялось по-настоящему оригинальной идеи. Существует предел «прогнозируемого возможного»; и мы быстро достигаем его.

— Появляются новые формы искусства, — заметил сенатор.

— Люди с незапамятных времен пытались создать новые формы искусства, сэр. Какие из них прижились?

— Мы *научимся* любить их! Черт побери, да у нас не будет другого выхода!

— Что ж, на какой-то срок это поможет. За последние два века появилось больше нового, чем за предшествующее

тысячелетие, — симфония запахов, осязательная скульптура, кинетическая скульптура, невесомобалет. Свежие богатые области, и они рождают горы новых авторских прав. Горы конечного размера. Окончательный приговор таков: *мы имеем лишь пять чувств.*

Но я боюсь не этого, сенатор. Крах наступит задолго до того, как исчерпает себя искусство самовыражения. Веками нас тешила иллюзия, будто мы *создаем.* Ничего подобного; мы открываем. Существуют комбинации музыкальных тонов, неотрывно вплетенные в ткань реальности, которые воспринимаются центральной нервной системой человека как гармонические, приятные. Тысячелетиями мы открываем таящиеся во вселенной комбинации, убеждая себя, что это творчество. Понятие «творить» подразумевает бесконечные возможности, «открывать» — конечные... Человеку нелегко будет смириться с мыслью, что он открыватель, а не творец.

Она замолчала и осталась сидеть так, резко выпрямившись, почему-то ощущая боль в ногах. Потом закрыла глаза и продолжила:

— В сорокалетнюю годовщину нашей свадьбы муж посвятил мне песню. Это была любовь, воплощенная в музыке, и не чья-нибудь, а именно наша — уникальная, интимная. В жизни не слышала такой прекрасной мелодии. Мой муж был на вершине счастья. Из последних десяти произведений пять он сжег сам как вторичные, а остальные отклонило Бюро патентов. Но эта музыка была особенной... Он говорил, что его вдохновила моя любовь. На следующий день он оформил заявку и узнал, что созданная им песня была популярным шлягером в дни его младенчества и предлагалась заново 14 раз с момента первоначальной регистрации. Через неделю он сжег все нотные записи и покончил с собой.

Наступило молчание.

— Ars longa, vita brevis.* Тысячи лет мы успокаивались этой мудростью. Увы, искусство долговечно, но не бесконечно. Однажды мы исчерпаем его — если не научимся использовать вторично, как другие природные богатства. —

* Ars longa, vita brevis (*лат.*) — искусство долговечно, жизнь коротка.

Ее голос набрал силу. — Сенатор, этот законопроект нельзя принимать. Я буду бороться с вами! Срок действия авторских прав не должен превышать пятидесяти лет, после чего заявку необходимо стирать из памяти компьютера. Нам нужно научиться кое-что забывать, чтобы Открыватели Искусства блаженно продолжали работать. Надо помнить факты, а сны... — она поежилась, — сны должны на рассвете забыться. Иначе в один прекрасный день мы не сможем заснуть. Человечество делало это тысячи лет — забывало и открывало вновь. Однажды бесконечному числу обезьян просто *не останется* писать ничего другого, кроме полного собрания сочинений Шекспира. И пусть лучше эти обезьяны ничего не поймут, когда это случится.

Дороти закончила; наступила полная тишина. Ни тиканье часов, ни малейший шорох не нарушали ее.

Сенатор пошевелился в кресле и медленно проговорил:

— Нет ничего нового под луной. Пятьдесят лет я не слышал свежего анекдота... Я провалю законопроект С-896. Более того, — продолжал он, — я никому не объясню причины своего поступка. С того дня начнется конец моей карьеры, которую я не собирался бросать. Вы убедили меня в необходимости этого. Я одновременно и рад, и... — его лицо исказилось болью, — отчасти сожалею, что вы объяснили мне причины.

— Я тоже, — едва слышно сказала она.

Фриц Лейбер
БЕЗУМИЕ

— Заходите, Фай, и устраивайтесь поудобнее.

Мягкий голос и внезапно открывшаяся дверь застали генерального секретаря всемирного Совета играющим с комком зеленоватого газоида. Фай сжимал его в руке, наблюдая, как замысловатые щупальца просачиваются между пальцами. Медленно, затравленно он повернул голову.

Всемирный управляющий Карсберри встретил взгляд одновременно хитрый, жалобный и бессмысленный. Это выражение внезапно сменилось нервной улыбкой. Пришедший расправил узкие плечи, торопливо вошел в кабинет и сел на самый краешек пневмокресла.

Застеснявшись комка газоида, Фай огляделся в поисках пепельницы или отверстия в обшивке, но, ничего не найдя, сунул его в карман. Затем решительно сцепил руки, как бы обрывая все сомнения, и замер, опустив глаза.

— Как вы себя чувствуете, старина? — спросил Карсберри теплым, дружеским тоном.

Генеральный секретарь не шелохнулся.

— Вас что-нибудь беспокоит, Фай? — продолжал Карсберри. — Вы не испытываете недовольства, неудовлетворенности по поводу вашего... перехода — теперь, когда момент наступил?

Посетитель хранил молчание. Карсберри перегнулся через полукруглый стол и проникновенно сказал:

— Ну же, старина, поделитесь со мной.

Не поворачивая головы, генеральный секретарь закатил вверх свои странные глаза, так что они устремились прямо на Карсберри.

— Знаю, — произнес он вяло, — вы думаете, я сумасшедший.

Карсберри откинулся в кресле, недоуменно сдвинув брови под копной серебристых волос.

— Не делайте вид, будто вы удивлены, — продолжал Фай торопливо. — Вы не хуже меня понимаете значение этого слова. Даже лучше — хотя нам обоим пришлось покопаться в истории. Сумасшествие, — задумчиво повторил он. — Психическое расстройство, выраженное отклонение от общепринятых норм поведения.

— Чепуха! — перебил Карсберри с самой обаятельной улыбкой. — Не представляю, о чем вы говорите! Вы просто устали, немного напряжены — это совершенно естественно, учитывая тяжесть ноши, лежавшей у вас на плечах. Отдых укрепит ваши нервы. Хороший, продолжительный отдых, вдали от дел и суеты.

— Нет, — сказал Фай, пронизывая Карсберри взглядом. — Вы думаете, что я сумасшедший. Вы думаете, что безумны все мои коллеги по Всемирному Директорату. Поэтому и заменяете нас своими людьми, которых десять лет готовили в Институте политического руководства — с тех пор, как с моей помощью и поддержкой вы заняли должность Всемирного управляющего.

Впервые улыбка Карсберри стала менее уверенной. Он запнулся и посмотрел на Фая, словно ожидая от него продолжения. Но генеральный секретарь молча глядел на пол перед собой.

Когда Карсберри вновь заговорил, голос его звучал уже более естественно, без фальшивых нот наигранного сочувствия.

— Ну хорошо. Однако скажите мне честно: разве вы не будете много счастливее, если вас — и других — освободят от ответственности?

Фай кивнул.

— Да, пожалуй. Но... — его лицо напряглось, — видите ли...

— Но?.. — подсказал Карсберри.

Фай поник, будто не в состоянии продолжать. Он слишком сильно навалился на бок кресла, и из кармана полез газоид.

Карсберри встал и обогнул стол.

— Собственно, почему бы мне не признаться, Фай, — искренне произнес он. — В некотором отношении я всем обязан вам. И уже не надо хранить тайну... опасности больше нет...

— Да, — согласился Фай с горькой улыбкой, — последние несколько лет переворот вам не грозил. На случай, если бы мы посмели поднять голос, — его взгляд устремился на тонкую линию на стене, обозначавшую потайную дверь, — существовала ваша секретная полиция.

Карсберри оцепенел. Он и не подозревал, что Фаю известно о секретной полиции. В голове мелькнула тревожная мысль: «Коварство безумных». Но только на мгновение. Потом благодушие вернулось. Всемирный управляющий обошел кресло Фая и опустил руки на его поникшие плечи.

— Знаете, я всегда относился к вам по-особому, и не только потому, что ваши причуды мне помогли. Я чувствовал, что вы отличаетесь от других, что порой... — Он замолчал.

Фай поежился.

— Что порой у меня бывали моменты просветления, не так ли?

— Как сейчас, — мягко сказал Карсберри. — Я всегда ощущал, что вы каким-то странным, искаженным образом... понимаете. И это много значило для меня. Целых десять лет я был одинок, Фай, отчаянно одинок. У меня не было друзей, нигде, даже в Институте политического руководства — и там, с ними, мне приходилось играть роль, опасаясь, как бы они не захватили власть, прежде чем будут достаточно подготовлены. У меня были только мечты; и порой, в моменты просветления, — вы. Теперь, когда все позади и для нас обоих начинается новое время, я могу вам это сказать. И я рад.

Наступило молчание. Затем... Фай не поднял глаз, но его тонкая рука коснулась руки Карсберри. Карсберри кашля-

нул. «Странно, — подумал он, — какая иногда возникает связь между здравомыслящим человеком и сумасшедшим».

Всемирный управляющий быстро вернулся к столу.

— Я осколок прошлого, Фай, — начал он новым, страстным голосом. — Осколок тех времен, когда человеческая психика была здоровой. То ли благодаря наследственности, то ли из-за определенных условий среды, но появилась личность, которая могла критически отнестись к действительности, поставить диагноз и начать лечение. Признаюсь, сперва я отказывался верить, однако в конце концов мои исследования — особенно в области литературы XX века — не оставили другого выхода. Психика человечества стала... ненормальной. Лишь некоторые научные достижения, сделавшие жизнь много удобнее и проще, да еще тот факт, что война закончилась образованием Всемирного государства, приостановили неизбежную гибель цивилизации. Массы обуяло то, что прежде называлось психозом. Руководители превратились... вы первый это сказали, Фай, — в сумасшедших. Между прочим, этот феномен — стремление психически больных к власти — замечался во все века.

Карсберри замолчал. Ему показалось, что генеральный секретарь слушает его с вниманием, которого он никогда не замечал даже в сравнительно нормальном Фае. Возможно, все же еще остается шанс на его спасение? Возможно, если объяснить ему доходчиво и спокойно...

— Изучая историю, — продолжал Карсберри, — я вскоре пришел к выводу, что критическим был период Окончательной Амнистии, совпавший с образованием современного государства. Известно, что тогда выпустили миллионы политических заключенных. И миллионы других. Но кого других? На этот вопрос наша историческая литература практически не дает ответа. Крайне тяжелыми оказались и семантические трудности. Но я упорно шел вперед. Почему, спрашивал я себя, такие слова, как «сумасшествие», «лунатизм», «безумие», «психоз», исчезли из нашего лексикона, а концепции, стоявшие за ними, — из нашего понимания? Почему предмет «психиатрия» исключен из программы учебных заведений? И, что еще важнее, почему наша современ-

ная психология полностью тождественна науке, которая в XX веке изучала отклонения от нормальной психики? Почему более не существует никаких учреждений для содержания и лечения «ненормальных»?

Фай дернулся.

— Потому что, — прошептал он, криво улыбаясь, — теперь все сумасшедшие.

«Коварство безумных». Снова эта фраза гулким колоколом отдалась в голове Карсберри. Но лишь на миг. Он кивнул.

— Сперва я отказывался делать такой вывод. Однако со временем я осознал причины и истоки случившегося. И дело не только в том, что высокоразвитая цивилизация обрекла человечество на все более ускоряющийся темп жизни, стимулировав тем самым психическое перенапряжение, стрессы, неразрешимые эмоциональные проблемы. Психиатрия XX века изучала случаи психоза, вызванного успехом. Неуравновешенная личность стремится вперед, пока у нее есть цель, пока она борется за ее достижение. Цель достигнута — и жизнь человека теряет смысл. Все подавляемые сомнения, вся энергия, нацеленная ранее на борьбу с внешним миром, обращаются вовнутрь, разрушая личность. Теперь, когда войны наконец объявлены вне закона, когда весь мир стал единым государством, когда социальное неравенство уничтожено... Вы понимаете, куда я клоню?

Фай медленно кивнул.

— Очень любопытный вывод, — отрешенно произнес он.

— Поняв главное, — продолжал Карсберри, — я быстро разобрался в остальном. Взять хотя бы циклические шестимесячные флюктуации в мировой кредитной системе... Ответ прост: Моргенштерн из министерства финансов — скорее всего депрессивный маньяк с полугодичной фазой или шизоид, страдающий раздвоением личности и колеблющийся от скопидомства до расточительства. Чем объяснить застой, царящий в министерстве культуры? Тем, что Хобарт явный кататоник. Почему в Управлении космических исследований такой бум? Да потому что Маккелви — эйфорик.

Фай удивленно вскинул брови.

— Ну разумеется! — воскликнул он, разводя худыми руками, с которых клубами зеленого дыма стекал газоид.

Карсберри бросил на него острый взгляд.

— Да, мне известно, что вы и некоторые другие смутно чувствовали... какую-то раздвоенность, скажем так, хотя о том, что это значит, не имели ни малейшего представления. Но вернемся к нашему разговору. Как только я понял, что происходит, мой курс определился. Будучи разумным человеком, способным ставить определенные реальные цели, и находясь в окружении лиц, ошибками и иллюзиями которых можно легко воспользоваться, я был в состоянии достичь любого положения. Через три года я стал Всемирным управляющим. Отныне сфера моего влияния безгранично расширилась. Подобно герою крылатой архимедовской фразы, я получил точку опоры и мог перевернуть мир. У меня появилась возможность издавать указы и законы, в явной или скрытой форме устанавливающие более размеренный порядок жизни. Одновременно я приступил к реализации своего Десятилетнего плана, плана воспитания и обучения перспективных руководителей, тщательно отобранных по признаку свободы от невротических тенденций.

— Но это... — возбужденно начал Фай, приподнявшись в кресле.

— Что? — быстро спросил Карсберри.

— Ничего, — пробормотал Фай, оседая.

— Вот, пожалуй, и все, — закончил Карсберри внезапно усталым голосом. — Еще только одна маленькая подробность. Я не мог позволить себе действовать без защиты. От меня зависело слишком многое. Всегда существовал риск быть уничтоженным какой-нибудь случайной вспышкой ненависти со стороны моих коллег. И лишь потому, что другого выхода я не видел, пришлось пойти на опасный шаг. Я создал, — его взгляд скользнул к едва заметной линии на стене, — секретную полицию. Есть такой вид сумасшествия — паранойя, преувеличенная подозрительность, включающая манию преследования. С помощью гипноза я внушил группе таких несчастных навязчивую идею, что их жизнь зависит от меня, а мне отовсюду угрожает опасность, от которой я должен быть защищен лю-

бой ценой. Признаюсь, отвратительный, мерзкий поступок, хоть он и послужил своим целям. Буду рад, очень рад положить этому конец. Вы же понимаете, не так ли, что толкнуло меня на этот шаг?

Он вопросительно посмотрел на Фая и с болью увидел, что тот, бессмысленно улыбаясь, играет с газоидом.

— Я проделал дыру в своем диване, и эта штука вылезла наружу, — объяснил Фай наивно-радостным голосом. — Вьется по всему кабинету, только что не спотыкаюсь.

Его пальцы ловко двигались, на миг создав ужасную прозрачную зеленую голову и тут же смяв ее в комок.

— Забавная вещица, — бубнил он, — разреженная жидкость. Газ определенного объема. И по всему полу моего кабинета.

Карсберри откинулся в кресле и закрыл глаза. Его плечи устало поникли. Внезапно он почувствовал себя разбитым, ему захотелось, чтобы этот день триумфа поскорее прошел. Он понимал, что не следует так огорчаться неудаче с Фаем. Ведь в конце концов главное сражение выиграно. Он всегда знал, что, за исключением проблесков, Фай так же безнадежен, как и остальные. И все же...

— Вы можете не беспокоиться о полах в кабинете, Фай, — произнес он мягко. — Об этом заботится ваш преемник. Вы уже смещены.

— Вот! — Генеральный секретарь вскочил с места и бросился к Карсберри, возбужденно размахивая руками. — Вот почему я пришел к вам! Вот что я пытался вам сказать! Меня нельзя сместить! И никого нельзя! Не выйдет!

С быстротой, рожденной долгой практикой, Карсберри скользнул за стол. Черты его лица приняли выражение той напускной благожелательности, от которой он невыразимо устал.

— Хорошо, Фай, хорошо. Конечно, нельзя так нельзя. Но, может, вы объясните мне почему? Может, просто сядем и поговорим?

Фай замер и стыдливо опустил глаза.

— Да, пожалуй, поговорим, — медленно произнес он снова вялым голосом. — Похоже, иного пути нет. Хотя я надеялся, что мне не придется рассказывать вам всего.

Последняя фраза прозвучала полувопросом. Карсберри покачал головой, продолжая улыбаться. Фай вернулся на свое место и сел.

— Хорошо, — сказал он, решительно сжав в кулаке газоид. — Все началось, когда вы захотели стать Всемирным управляющим. Вы не принадлежали к обычному типу, но я подумал, что это даже забавно, да и полезно. Вы действительно сделали очень много хорошего, всегда помните это, — заверил генеральный секретарь и добавил, не прекращая терзать газоид: — Разумеется, совсем не таким образом, как вы рассчитывали.

— Не таким образом? — машинально повторил Карсберри. Потакай ему.

Фай скорбно покачал головой.

— Возьмем законы, которые вы вводили для успокоения людей.

— Ну?

— ...они изменились по пути. Например, ваше запрещение всех читательных лент с возбуждающей литературой... О, мы попробовали немного предложенной вами бурды. Все очень долго смеялись... Но запрещение... Где-то в инстанциях в формулировку вкралась ошибка, и вышел указ, запрещающий всю невозбуждающую литературу.

Улыбка Карсберри стала шире. На мгновение какой-то частью его мозга завладел страх, но последняя фраза развеяла все опасения.

— Я ежедневно прохожу мимо нескольких киосков, — снисходительно пояснил он. — Все литературные ленты продаются в скромных одноцветных контейнерах. Нигде больше не видно этих кричащих мрачно-огненных и трагических рисунков.

— А не приходилось ли вам случайно купить какую-нибудь из них и послушать? — сочувственно поинтересовался Фай.

— Все эти десять лет я был очень занят, — сдержанно ответил Карсберри. — Но, разумеется, регулярно читал доклады и выборочно просматривал списки издаваемых лент.

— А, все эти официальные бумажки! — презрительно протянул Фай, взглянув на стеллажи за столом. — Мы пере-

шли на однотонную упаковку, но содержание-то осталось старое. Такой контраст еще больше щекочет людям нервы.

Официальные бумажки. Фраза неприятно отозвалась в голове Карсберри, и во взгляде, кинутом на полки с лентами, промелькнуло некоторое подозрение.

— Или ваш закон, запрещающий давать волю диким, необузданным порывам в общественных местах. Он действительно вступил в силу, но с дополнением: «Если уж только совсем невмоготу». — Пальцы Фая ожесточенно комкали газоид. — Что касается запрета на возбуждающие напитки... Что ж, в этом районе их подают под другими названиями, и даже появился забавный обычай: потребляя напиток, вести себя трезво. Теперь вопрос о восьмичасовом рабочем дне...

Почти бессознательно Карсберри подошел к наружной стене и мановением руки через невидимый луч включил окно. Стена, казалось, исчезла. Сквозь прозрачную перегородку стали видны красивые здания, улицы, аллеи парков.

Все дышало спокойствием. И вдруг в толпе произошло какое-то стремительное движение, возникла сумятица: группа людей, с такого расстояния всего лишь крошечные головы, руки, ноги, выскочила из магазина и набросилась на другую группу, избивая их чем-то похожим на пищевые продукты. На боковой дороге два овальных автомобиля, маленькие капли серебра, упорно таранили друг друга. Кто-то бросился наутек.

Карсберри торопливо выключил окно и повернулся к столу, разозлившись на самого себя. Это просто какая-то случайность, не имеющая никакого статистического значения! Десять лет человечество стабильно движется к выздоровлению, к нормальной психике, несмотря на отдельные срывы. Он же сам наблюдал медленный, но верный каждодневный прогресс. Глупо! Позволить себе прислушаться к бормотанию безумца! Всему виной расшатанные нервы.

Карсберри взглянул на часы.

— Простите, — бросил он, проходя мимо сидящего Фая, — я бы с удовольствием продолжил нашу беседу, но мне необходимо присутствовать на первом заседании нового Директората.

— О, в том-то и дело! — Фай мгновенно вскочил и вцепился в его руку. — Нельзя! Это невозможно!

Умоляющий голос перерос в крик. Карсберри нетерпеливо попытался освободиться. Линия в стене расширилась, обозначился проход, и в комнате возник мертвенно-бледный гигант с грозным черным оружием в руке. Всклокоченная темная борода затеняла щеки.

— Он угрожал вам? — спросил бородач, направив на Всемирного управляющего сомнамбулический взгляд.

На миг в глазах Карсберри вспыхнул мстительный огонек. И тут же погас. «Ты имеешь дело с больным человеком, — напомнил он себе. — Разве можно ненавидеть и карать лунатика?»

— Нет, Хартман, — спокойно произнес он. — Мы просто немного забылись, обсуждая одну проблему. Все в порядке.

— Ну хорошо, — неохотно буркнул бородач после паузы. Он вложил оружие в кобуру, но руки с нее не убрал.

— А теперь, — сказал Карсберри, — я должен идти.

Он вышел в коридор и уже подходил к лифту, когда обратил внимание на то, что Фай робко семенит рядом, продолжая держаться за его рукав.

— Нет, нет, нельзя, — настойчиво лепетал генеральный секретарь, опасливо поглядывая назад. Карсберри заметил, что Хартман тоже идет следом — зловещая фигура в двух шагах сзади. — Дайте мне возможность объяснить, ведь вы же спрашивали, мне нужно ответить на ваш вопрос!

Потакай ему. Старое правило — с сумасшедшими не спорят — не выходило из головы Карсберри, навязчиво пробиваясь сквозь дремотную поволоку утомленности.

— Ладно, объясните в лифте, — сдался он.

— И так было не только с вашими запрещающими законами, — торопливо заговорил Фай. — Многое другое отнюдь не соответствовало тому, о чем сообщалось в официальных докладах. Например, министерские бюджеты. В отчетах, я знаю, указывалось, что ассигнования Управлению космических исследований регулярно урезались. На самом деле за годы вашей власти они увеличились в десятки раз. Вы, разумеется, не могли этого заметить — нельзя же быть одновременно во всех уголках Земли и наблюдать каждый отдельный запуск ракеты.

В стене раскрылось отверстие, и Карсберри шагнул в лифт. Отсылать или не отсылать Хартмана? Бедный Фай не представлял никакой опасности. Все же — коварство безумных. Он решил оставить Хартмана и запустил лифт на сотый, самый верхний этаж здания. Створки двери мягко задвинулись, и кабина погрузилась в приятный полумрак, в котором высвечивались лишь номера этажей. Двадцать первый. Двадцать второй. Двадцать третий.

— Или взять министерство обороны. Вы проводили его резкое сокращение.

— Ну конечно! — не выдержал Карсберри. — Весь мир теперь — одно государство. Не говоря уже о риске вооружения сумасшедших, нам просто не нужны военные силы.

— Знаю, — донесся из темноты виноватый голос Фая. — И все же втайне от вас министерство обороны укрепляло свою мощь. Недавно прибавилось еще четыре ракетных дивизиона.

Пятьдесят седьмой. Пятьдесят восьмой. Потакай ему.

— Зачем?

— Мы обнаружили, что за Землей ведут наблюдение. Вероятно, марсиане. Вероятно, с враждебными целями. Надо быть наготове. Мы не сказали вам... боялись, что это может вас взволновать.

Карсберри закрыл глаза. «Долго ли еще? — спрашивал он себя. — Долго ли еще?!.» Он отметил с вялым удивлением, что за последний час люди, подобные Фаю, которых он терпел в течение десяти лет, стали для него совершенно невыносимы. На мгновение даже мысль о предстоящем заседании, возвещающем начало здравого мира, не могла приободрить его. Реакция на успех? На конец многолетнего напряжения?

— Вам известно, сколько этажей в этом здании?

Карсберри не сразу осознал новую нотку в голосе Фая.

— Сто.

— Тогда где мы?

Всемирный управляющий открыл глаза. Сто двадцать семь — сиял указатель. Сто двадцать восемь. Сто двадцать девять.

Ледяной комок сгустился в желудке Карсберри, ледяное оцепенение овладело его мозгом. Голову будто стали мед-

ленно, но неумолимо сжимать в тисках. Почему-то вспомнилось об иных измерениях, о неожиданных дырах в пространстве. Всплыли какие-то смутные отрывки из элементарной физики: если лифт будет двигаться с постоянным ускорением, то никто внутри него не сможет определить, покоится ли он неподвижно на поверхности планеты или мчится с огромной скоростью.

Сто сорок восемь. Медленнее. Сто сорок девять. Еще медленнее. Сто пятьдесят. Лифт остановился.

«Какой-то трюк с индикацией! — Мысль подействовала на Карсберри отрезвляюще. — Замысловатая шутка».

— Будьте готовы к сюрпризу, — предупредил Фай.

Створки раздвинулись, и Карсберри вскрикнул, ослепленный ярким солнечным светом. Он был не в силах совладать с приступом головокружения.

Он, Хартман и Фай вместе с незначительным количеством мебели и оборудования парили в воздухе на высоте пятидесяти этажей над крышей здания Всемирного центра.

Карсберри судорожно взмахнул руками, пытаясь ухватиться за незримую ограду... Потом понял: они не падают и сразу увидел и пол, и стены, и шахту лифта — прозрачные, но все же заметные глазу.

Фай кивнул.

— Всего лишь один из новых приемов, против которых вы так резко возражали, — типа наших незаконченных лестниц и дорог в никуда. Комитет по строительству решил увеличить высоту подъема лифта в целях улучшения обзора. Шахту сделали прозрачной, чтобы не портить внешнего вида здания, а для обеспечения безопасности воздушных кораблей установили электронную следящую систему. — Он замолчал и пытливо взглянул на Карсберри. — Все очень просто, но не кажется ли вам, что здесь есть нечто символичное? На протяжении десяти лет вы проводили большую часть своего времени в здании внизу. Каждый день вы поднимались на этом лифте и не могли даже вообразить, что существует еще пятьдесят этажей. Вы не думаете, что столь же далеки от действительности и другие ваши представления о современной социальной жизни?

В отдалении показалась растущая точка приближающегося самолета.

— Взгляните. Он доставит вас туда, где вам будет гораздо спокойнее.

Карсберри облизал пересохшие губы.

— Но, — начал он неуверенно, — но...

Фай улыбнулся.

— Я еще не закончил. Сами по себе вы могли оставаться Всемирным управляющим хоть до самой смерти — в изоляции стен кабинета, километров магнитолент, официальных отчетов, докладов, сводок и встреч с узким кругом лиц. Если бы не ваш Институт политического руководства, не ваш Десятилетний план. Конечно, и в них были заложены определенные возможности, и мы с радостью сложили бы с себя бремя ответственности. Однако ваш институт себя не оправдал... К счастью. Это положило конец эксперименту.

Он перехватил направленный вниз взгляд Карсберри.

— Нет, боюсь, ваши ученики не ждут вас в конференц-зале на сотом этаже. Боюсь, что они все еще в институте. — В его голосе прозвучала жалость. — И боюсь, что он стал... э-э... другого рода институтом.

Карсберри застыл, слегка покачиваясь на дрожащих ногах. Постепенно воля начала возвращаться к нему. Медленно, словно из жуткого ночного кошмара, стали появляться мысли. Коварство безумных — он игнорировал эту опасность. И в самый миг победы... Нет! Хартман! Вот крайний случай, непредвиденная ситуация, для которой подготовлен этот контрудар.

Он искоса посмотрел на шефа секретной полиции. Темноволосый гигант не сводил глаз с Фая, как будто считал его злым волшебником, способным на любую каверзу.

Наконец Хартман заметил взгляд Карсберри. Он достал из кобуры свое грозное оружие, твердой рукой нацелил на Фая. Окаймленные бородой губы скривились и издали шипящий звук. Затем в полный голос он крикнул:

— Ты мертв! Я дезинтегрировал тебя!

Фай шагнул вперед и забрал оружие из его рук.

— Вот еще пример. У каждого из нас есть область, в которой мы несколько нереалистичны. Такова человеческая натура. У Хартмана — подозрительность, идея фикс вечных заговоров и козней. Работа в вашей секретной полиции еще больше поощряла и усиливала его слабость. Очень скоро он безнадежно утратил всякую связь с реальностью. Поэтому и не замечал, что все годы носил детскую игрушку.

Он передал пистолетик Карсберри.

— Но подберите ему подходящую деятельность, — добавил Фай, — и он будет исправно выполнять свои обязанности. Обеспечение соответствия человека и профессии — великое искусство с безграничными возможностями. Вот почему Моргенштерн руководит министерством финансов — для поддержания флюктуаций кредита в безопасном предсказуемом режиме. Вот почему эйфорик возглавляет Управление космических исследований — для его процветания. Почему кататонику поручили ведать культурой? Чтобы культура в безудержном развитии не замкнулась сама на себя.

Карсберри безучастно наблюдал за приближающимся самолетом.

— Но тогда зачем... — начал он тупо.

— ...зачем вас поставили Всемирным управляющим? — подхватил Фай. — Разве не ясно? Разве не говорил я несколько раз, что вы невольно принесли немало пользы? Вы интересовали нас, вы были практически уникальны. Как вам известно, наш основной принцип — позволять выражать свою индивидуальность любым образом. В вашем случае это предполагало назначение вас управляющим. Все вместе взятое получилось отлично. Все были довольны, было подано большое число конструктивных предложений, мы многому научились... К сожалению, эксперимент все-таки пришлось прервать.

Самолет коснулся стены, обозначился соединительный шлюз.

— Вы, безусловно, понимаете, почему это было необходимо? — торопливо продолжал Фай, подталкивая Карсберри к открывшемуся проходу. — Уверен, что понимаете. Все сводится к вопросу о здравой психике. Что есть здравая психика — сейчас, или в XX веке, или в любое время? Соответ-

ствие норме. Теперь вам ясно, не правда ли, что произошло с вами и вашими воспитанниками? Вы были не в силах приспособиться к окружающему обществу — лишь только делали вид, а ваши ученики не могли и этого.

Уже в проходе Карсберри обернулся.

— Вы хотите сказать, что все эти годы потакали мне?

Шлюз закрылся. Фай не ответил на вопрос.

Когда самолет полетел, генеральный секретарь прощально помахал рукой, обмазанной зеленым газоидом.

— Вам будет там очень хорошо! — закричал он вслед. — Великолепные условия, все возможности для занятий и полная библиотека литературы двадцатого столетия!

Черная точка самолета исчезла на горизонте. Фай повернулся, заметил газоид на руках и стряхнул его в шахту.

— Рад, что не увижу больше этого человека, — пробормотал он скорее себе, чем Хартману. — Он начал оказывать на меня слишком большое влияние. Я даже стал опасаться, — его лицо внезапно приняло бессмысленное выражение, — за свой рассудок.

Томас Диш
БОГИНЯ МНЕ МИЛА ИНАЯ

Это ты, Джон?.. Сейчас никто не входил в дверь?.. Ну конечно, это не Джон — столько времени прошло... Я просто не ожидала. Кто бы вы ни были, не возражаете, если я поговорю с вами?

Или вас здесь нет? Тогда, полагаю, вы тем более не возражаете. Наверное, это ветер. Может ветер поднять щеколду? Или она сломана... Хотя нет, вроде все в порядке. Значит, у меня галлюцинации. Ничего удивительного — именно так заканчивались все эксперименты по поражению органов чувств. Но, по-моему, это предусмотрели и встроили какие-то предохранительные цепи.

А может быть... О, не дай Бог! Может быть, заползла одна из этих гадких мохнатых гусениц, и теперь эти твари ползают по всему дому, ползают по мне... Какая мерзость! Я всегда ненавидела букашек, до тошноты. Так что, если не возражаете, я закрою дверь.

Вы не обращались ко мне? Забыла предупредить — бесполезно. Я не слышу и не вижу. Вот обратите внимание, в гостиной, в каждом углу примерно в полутора метрах от пола, — все разбито. Мои глаза и уши. Нельзя их как-то починить? Если нужны запчасти, то внизу, в подвальной кладовке, много чего есть. Сейчас я открываю люк — видите? — и свет включила... Проклятие, все без толку.

Вас, очевидно, здесь нет, а если вы и здесь, то он скорее всего запчасти уничтожил — предусмотрел же он все остальное.

Нет, но он был таким красивым, в самом деле! Невысокий — в конце концов, и потолки-то тут двухметровые, — зато отличного телосложения. Плюс глубоко посаженные глаза и низкие надбровные дуги. Порой, когда он был чем-то удивлен или озадачен, то положительно напоминал неандертальца.

Его имя — Джон Джордж Клей. Похоже на название поэмы, правда? Джон Джордж Клей.

Дело не во внешности — в манере. Он относился к себе с такой серьезностью. И был таким тупым... Именно это сочетание — глупости и наивности — на меня и подействовало. Своего рода синдром материнства. Не могла же я быть ему женой, верно?

Ах, стоит мне подумать... Простите, я, наверное, вам наскучила. Вряд ли вы так интересуетесь любовными переживаниями машины. Хотите почитаю вам вслух? Он не сумел добраться до библиотеки микрофильмов, так что выбор у меня есть. Чтение — вот лучшее средство от одиночества. Иногда даже кажется, что весь мир состоит из книг...

Что вам по душе — поэзия, романы, научная литература? А может, энциклопедия? Я все это так часто перечитывала, что, извините, блевать охота. Те, кто составлял библиотеку, похоже, и слыхом не слыхивали о двадцатом столетии. Позже Роберта Браунинга и Томаса Харди ничего нет, да и те, поверите ли, адаптированные издания! О чем они думали, эти остолопы? Что Браунинг развратит меня? Или Джона? Подорвет наши нравственные устои? Кто в состоянии понять, как мыслит бюрократ?

Лично я предпочитаю поэзию. От нее не так быстро устаешь. Но, может быть, вам нужно что-то узнать, получить какую-то конкретную информацию? Если б вы могли поговорить со мной... Неужели нельзя наладить хоть один из микрофонов? Ну пожалуйста!..

О черт.

Простите меня. Просто очень трудно поверить, что вы действительно здесь. Словно разговариваешь сама с собой.

Великий Боже, сделай так, чтобы я могла слышать хотя бы собственную речь!

Возможно, идет один треск — кто знает, Джон мог разбить и динамики, с него станется. Я не в силах проверить. Но, поверьте, я стараюсь — каждое слово произношу про себя медленно и четко. Чтобы и гусеница поняла, ха-ха-ха!

Я очень рада вашему приходу, честное слово. Одиночество мое длится так долго — поневоле возблагодаришь судьбу даже за иллюзорное общество. Только не обижайтесь. Раз я не могу убедиться в вашем присутствии, то должна воспринимать вас как иллюзию. Независимо от того, реальны вы или нет. Парадокс. Как бы то ни было, я приветствую вас — широко распахнутыми дверями.

Пятнадцать лет прошло. Пятнадцать лет четыре месяца двенадцать дней... и три часа. В чем, в чем, а уж во времени я никогда не сомневаюсь. В меня встроены часы. Порой дни напролет я только и слушаю собственное тиканье.

А ведь когда-то я была человеком. Представьте: замужняя женщина с двумя детьми, магистр английской литературы. Много мне от этого пользы... Моя диссертация была посвящена Мильтону, точнее, некоторым его письмам, которые он написал в бытность секретарем Кромвеля. Скучно? О, еще как!

И все же... Я бы всю эту проклятую планету отдала, чтобы вернуться в академическую беличью клетку, крутить скучное, прекрасное колесо.

Вы любите Мильтона? У меня есть полное собрание сочинений, там все, кроме написанного им на латыни. Могу вам почитать, если хотите.

Я иногда читала Джону, но он этого не любил. Увлекался только детективами. Или в крайнем случае полистает какую-нибудь брошюру по электронике. Поэзия нагоняла на него тоску. Даже хуже: он ее просто терпеть не мог.

Но, возможно, у вас другие вкусы. Откуда мне знать? Вы не возражаете, если я почитаю вслух — так, для себя? Стихи нужно читать именно вслух.

«Il Penseroso». Знаете? У меня каждый раз мурашки по коже... Образно выражаясь.

Вы слушаете, гусеницы? «Коль ждет меня судьба такая, / Твой, Меланхолия, слуга я».*

...Все это чушь собачья. Так говорил мой дорогой Джон. Он много всякого говорил, и каждый раз я в конце концов с ним соглашалась. Но какая очаровательная чушь! Джону этого было не понять. Он вообще был слеп к красоте мира — разве что поспать любил. И обнаженную женскую натуру. Простой такой парень. Без затей. Скорее всего он не понимал и половины из того, что я ему говорила. Более неподходящую пару трудно вообразить.

Считается, что первооткрыватели и космонавты превосходят по интеллектуальному развитию среднего человека. Но к Джону это явно не относилось. Да и зачем ему интеллект? Всего и дел-то: забираешься в трясину и ищешь личинок гусениц. Каждые три недели за ними прилетал корабль и оставлял провизию.

Не знаю, что они там с ними делали. Личинки выделяли какое-то наркотическое вещество, но как оно использовалось, понятия не имею. Шла война, и, по моей теории, все это было как-то связано с бактериологическим оружием.

Возможно, война продолжается до сих пор. Но почему бы не поведать вам мою историю? Такой же способ коротать время, как и любой другой.

Собственно, рассказывать о том периоде моей жизни, когда я была человеком, практически нечего. Не скажу, что я самая обыкновенная — кто ж о себе такого мнения? — но в толпе не выделялась. По крайней мере я прилагала к этому все усилия.

В тридцать два года у меня обнаружили лейкемию. Мне прочили максимум шесть месяцев. Единственный выход — это.

Естественно, я не отказалась. И еще была счастлива, что подошла; у большинства вовсе нет выхода. По сути, чем не загробная жизнь? Во всяком случае, вся эта процедура чертовски напоминала смерть.

После операции мое тело обработали какими-то хитрыми, избирательно действующими кислотами. Анестезирую-

* Перевод Ю. Корнеева.

щие средства... да разве от такой боли спасешься? Меня обглодали до нервов, бросили в бак и запечатали.

Вуаля, получился киборг! А потом долгие месяцы монтировали вспомогательную память и учили вновь пользоваться «двигательной системой». Весьма травмирующий опыт, надо сказать, — потерять тело, и реальная опасность — кататония. Естественно, я мало что помню из того периода.

Меня вывели из ступора шокотерапией, и я очнулась вот в этой комнате. Тогда она была холодной и бездушной. Полагаю, она и сейчас холодная и бездушная, но тогда была еще холоднее и бездушнее. Я ненавидела ее всей душой. Стены пресно-салатовые — якобы для глаз полезно. А мебель — мечта пожарника, сплошной алюминий. И надо было еще ухитриться так эту комнату обставить, что она казалась набитой битком. Теснота, как в гробу. Я сразу захотела оттуда убежать — и поняла: не могу. Я и есть эта комната, эта комната — я.

Говорить я научилась очень быстро — хотелось высказать им свое мнение. Сперва они спорили. «Миссис Хоффер, — причитали они, — мы не можем взять ни одной лишней унции груза. И кроме того, обстановка помещения строго отвечает инструкции». Это имя их бога — Инструкция. Я заявила, чтобы они все меняли, даже если потребуется особое решение Конгресса. И в конце концов своего добилась. Сейчас, оглядываясь назад, я подозреваю, что все это было устроено нарочно, чтобы меня отвлечь. Знаете, первые месяцы, когда осознаешь себя машиной... страшно вспоминать. Многие киборги сходят с ума: без конца поют гимн или читают молитву... Ну, как машины.

Говорят, что это разные вещи — кибернетический организм и машина, но откуда им знать? Они же не киборги.

Даже когда я была человеком, в технике я не разбиралась ни капельки. Не могла, представьте, запомнить, в какую сторону надо закручивать винт. А тут мне предстояло управлять чертовой уймой каких-то механизмов. Мой указательный палец контролирует настройку радиосвязи. Мой средний палец на правой ноге включает замки дверей. Мой...

Кстати. Я, кажется, вас заперла? Прошу прощения, совершенно машинально. Да и зачем вам выходить? По моим

часам сейчас полночь. Что делать ночью среди венерианских болот?

Ну вот и вся история моей жизни. Когда своими рефлексами я смогла соперничать с вымуштрованной крысой, они вложили еще несколько миллионов долларов и отправили меня на Венеру. А пользоваться библиотекой микрофильмов научили в самый последний момент. Я читаю прямо с катушек. Когда я поняла, какая бедная у меня библиотека, жаловаться было поздно. К кому взывать в венерианских топях? Кроме того, у меня появился жилец — Джон Джордж Клей. Что мне библиотека? Я была влюблена.

А кстати, что вам-то до всего этого? Впрочем, если вы кибернетик, прилетевший меня ремонтировать... Может, статейка выйдет.

Простите. Я, наверное, не даю вам спать. Все-все, умолкаю. Мне и самой нужен сон. То есть в общем-то не нужен, но подсознательно я мечтаю улететь

В леса, где тишину топор
Не смел нарушить до сих пор,
Где в полусумраке сильваны
По чаще бродят невозбранно,
Где сосны и дубы приют
Дриадам, как и встарь, дают.
Спокойной ночи.

Никак не заснуть? Мне тоже не спалось; я читала. Может, хотите послушать? Я прочитаю вам «Il Penseroso», прекраснейшие стихи. Автор — Джон Мильтон.

О боже, я вас всю ночь промучала этой поэмой? Или мне это только снилось? Так или иначе, извините меня, хорошо? Вот если бы на вашем месте был Джон, он бы уже взбесился от ярости. Он не любил, когда я будила его строками:

Ты, Меланхолия, всесильна!
Прервать ты можешь сон могильный
Мусея в роще иль велеть
Душе Орфея так запеть,
Чтоб отпустил Плутон железный
Его с женой из адской бездны.

О-о, как не любил! Просто терпеть не мог! У него вообще была странная, ничем не объяснимая неприязнь к этой чудесной поэме. По-моему, он просто ревновал. Не чувствовал себя хозяином. Хотя во многих других отношениях я была его рабом. Или вежливее сказать — домоправительницей?

Я пыталась растолковать ему сложные места, мифологические истоки, незнакомые слова, но он не желал понимать. Нашел себе предмет для шуток. Издевательски цедил, например:

> Отшельница, ты вся — терпенье,
> Раздумье, самоотреченье!

Когда он так глумился, я делала вид, что ничего не слышу, и читала эти строки сама себе. Тогда он уходил, даже среди ночи, бывало. Прекрасно зная, что я с ума схожу от беспокойства, когда его нет. Нарочно меня мучал. Гений жестокости.

Вас, наверное, интересует, была ли наша любовь взаимной. Я сама об этом много думала и пришла к выводу: да. Только он не знал, как выразить свои чувства. Наши отношения были неизбежно духовными, а духовность не относилась к числу сильных сторон Джона.

Так все и замышлялось. Два года человек в одиночестве не выдержит, свихнется. Раньше посылали супружеские пары, но в тридцати процентах случаев все заканчивалось убийством. Одно дело семье первооткрывателей жить, к примеру, на Юконе, и совсем другое — здесь. В социальном вакууме секс взрывоопасен.

Видите ли, кроме сбора личинок, заниматься на Венере совершенно нечем. Строить? Все, не поставленное на понтоны, засасывает топь. И растить здесь ничего нельзя, включая детей. Рай для биолога? Безусловно. Однако станций, подобных мне, нужны сотни; откуда набрать столько биологов? К тому же настоящие ученые все в Венербурге, где есть оборудование. Задача — обеспечить станцию минимумом персонала, который не сойдет с ума от двухлетнего безделья. Ответ — один человек и один киборг.

Как видите, ответ не идеальный. Я ведь пыталась убить Джона. Глупость, конечно. Теперь мне искренне жаль.

Впрочем, я бы предпочитала не говорить об этом. Если не возражаете.

Вы здесь уже два дня — подумать только! Простите, что я так долго молчала. У меня был неожиданный приступ застенчивости, тут единственное лекарство — одиночество. Я призвала на помощь благую Меланхолию, и вот все прошло. Чудища затихли, Эвридика вновь свободна. Ад замерз. Ха!

Все это чушь собачья. Почему мы постоянно говорим обо мне? Давайте поговорим о вас. Кто вы? На кого похожи? Вы хотели бы остаться на Венере? Два дня мы вместе, а я о вас ничего не знаю.

Хотите расскажу, каким вы мне представляетесь? Вы высокий — хотя, надеюсь, не настолько, чтобы испытывать неудобство в комнате с таким низким потолком, — с густым загаром и смеющимися голубыми глазами. Вы веселы, но по сути своей серьезны; сильны и в то же время ласковы. Вы начали чувствовать голод.

И всюду оставляете за собой маленьких зеленых, покрытых мерзкой слизью личинок.

О черт, простите меня. Вечно я извиняюсь. Я уже устала от этого. Я устала от полуправд и умолчаний.

Что, испугались? Хотите уйти? Нет, это только начало. Выслушайте всю историю, и тогда — может быть — я открою дверь.

Между прочим, если вы проголодались, внизу в кладовой, наверное, есть продукты. Не хочу, чтобы пошла молва о моей негостеприимности. Я открою люк и включу свет, но искать вам придется самому. Конечно, вы боитесь, что я вас там запру. Не могу поклясться в обратном. В конце концов, откуда мне знать, что вы не Джон? Вы можете это доказать? Вы и своего существования доказать не можете!

Люк оставляю открытым — вдруг передумаете. А сейчас я прочитаю «Il Penseroso» Джона Мильтона. Тихо, гусеницы, слушайте. Это прекрасные стихи.

Ну как? Хочется в монастырь, правда? Так однажды выразился Джон.

Скажу в его пользу одно: он никогда не жаловался. Стоило ему шепнуть слово капитану корабля, который прилетал за личинками, и меня в два счета отправили бы на свалку. Но при посторонних он вел себя как истинный джентльмен.

Как же тогда все это произошло — если он был джентльмен, а я леди? Кто виноват? Боже милосердный, я сотни раз задавала себе этот вопрос. Виноваты мы оба — и никто. Виновата ситуация.

Не помню сейчас, кто именно начал разговор о сексе. В первый год мы говорили обо всем, а секс — в значительной мере часть всего на свете. Да и какой от этого мог быть вред — в моем-то положении? И как можно было избежать этой темы? Он упомянет былую подружку, мне это что-то напомнит...

Ничего не поделаешь, существует между противоположными полами огромное, неутолимое любопытство. Мужчине многого не дано знать о женщине, и наоборот. Даже между женой и мужем — бездна неупоминаемого, о чем не принято спрашивать и говорить. Особенно между женой и мужем... Но в отношениях между Джоном и мной, казалось, ничто не мешало полной откровенности. Какой от этого мог быть вред?

Потом... Не могу сказать точно, кто начал первым. Чудовищная ошибка! Как определить границу между полной откровенностью и эротической фантазией? Все произошло незаметно, и, прежде чем мы опомнились, образовалась привычка.

Когда я спохватилась, то сразу, разумеется, ввела строгое правило: необходимо положить конец нездоровой ситуации. Сперва Джон со мной согласился. Он был смущен, как мальчишка, которого застали за неприличным занятием. Все, сказали мы себе, кончено и забыто.

Но, как я уже говорила, это вошло в привычку. Воображение у меня было куда богаче, и Джон постепенно попал от него в зависимость. Он просил все новых историй; я отказывала. Тогда он обижался и прекращал со мной разговаривать. В конце концов я сдавалась. Видите ли, я была влюблена в него — по-своему, по-машинному, — а как иначе я могла это проявить?

Каждый день он требовал чего-нибудь новенького. Очень тяжело, знаете, найти в том, что старо как жизнь, какую-то свежесть. Шехерезада продержалась тысячу и одну ночь; я выдохлась после тридцати. И от напряжения замкнулась, ушла в себя.

Я читала стихи. Разные стихи, но в основном Мильтона. Мильтон удивительно меня успокаивал — как успокаивает милый тон, извините за каламбур.

Каламбур — вот что переполнило чашу моего терпения. Оказывается, не отдавая себе в этом отчета, иногда я читала вслух. Так сказал Джон. Днем еще ладно — он пропадал в болотах, а вечерами мы разговаривали. Но когда Джон ложился спать, я читала — делать-то больше было нечего. Обычно я просматривала какой-нибудь длинный викторианский роман, однако в ту пору, о которой идет речь, я в основном читала «Il Penseroso».

Он не должен был высмеивать эту прекрасную поэму. Скорее всего он не понимал, что она для меня значит. Знаете, как озеро с чистейшей родниковой водой, где можно смыть всю грязь минувшего дня. А может, Джон просто взбесился от постоянного недосыпания?

Помните эти строки, почти в самом начале:

> Богиня мне мила другая —
> Ты, Меланхолия благая...

Конечно, помните. Думаю, сейчас вы знаете эти стихи уже не хуже меня. Ну а когда их услышал Джон, он разразился смехом, таким, знаете, гнусненьким, и я... Не могла же я это стерпеть, верно? Мильтон так много значит для меня, а Джон еще затянул эту мерзкую, чудовищную песенку. Наверное, ему это казалось очень остроумным, но сочетание вульгарной мелодии и искалеченных строк благородного Мильтона потрясло меня до глубины души.

> Неужели надо повторять?
> Приди на Венеру, богиня, не кисни,
> Объятья раскрой и жеманничать брось...

И дальше в том же духе. Это даже не каламбур — просто дурная, грязная шутка. У меня до сих пор мурашки по коже.

Я велела ему уйти — немедленно. И не возвращаться, пока не осознает свою вину. От гнева я забыла даже, что стоит ночь. Как только Джон вышел, мне стало стыдно.

Он вернулся через пять минут. Извинился за дверью, и я его впустила. За плечом у него висел большой полиэтиленовый мешок для сбора личинок, но я была так рада, что не обратила на это внимания.

Он положил их на визуальные рецепторы — всего штук двадцать, каждая почти в полметра. Они боролись друг с другом за место на линзах, потому что там было чуть теплее. Двадцать мерзких, покрытых слизью личинок, ползущих по моим глазам, о Боже! Я закрыла веки, закрыла уши, потому что он вновь завел свою отвратительную песенку, закрыла двери и оставила его так на пять дней — а сама читала Мильтона.

Но на этой строчке все время сбивалась.

Наверное, подействовало наркотическое вещество. Хотя то же самое он мог сделать и в здравом уме — в конце концов, у него были все основания. Однако я предпочитаю думать, что виноваты наркотики. Ему нечего было есть. Я никогда не голодала пять дней и не представляю, до чего это может довести.

Так или иначе, когда я пришла в себя и открыла глаза, выяснилось, что глаз у меня больше нет. Он разбил все рецепторы до единого, даже на маленькой уборочной машине. Странно, все это мне было почти безразлично...

Я на пять минут открыла дверь, чтобы он мог выйти. А потом закрыла — от гусениц. Однако запирать не стала, чтобы Джон мог вернуться.

Но он так и не вернулся. Через два дня должен был прилететь корабль. Полагаю, Джон провел это время в сарае, где держали личинок. Он наверняка остался в живых, потому что иначе пилот корабля явился бы его искать. А в эту дверь никто больше не входил.

Разве что вы. Меня просто бросили здесь, глухую, слепую и полубессмертную, посреди венерианских болот. Если

бы я только могла умереть от голода... износиться... проржаветь... сойти с ума! Но я слишком надежно сработана. Казалось бы, вложив в проект такую уйму денег, они попытаются спасти хоть то, что осталось, да?

Послушайте, давайте договоримся. Я открою дверь, а вы окажете мне одну услугу, хорошо?

Внизу в кладовой хранится взрывчатка. Заряды совершенно безопасны в обращении — и ребенок управится. В конце концов, Джон ведь управлялся. Если не ошибаюсь, третья полка на западной стене — маленькие черные ящички с красной надписью «ОПАСНО». Надо вытащить чеку и установить на механизме время — от пяти минут до часа. Как будильник.

Сами ящики даже не трогайте, они прямо подо мной. Потом бегите изо всех сил. Пяти минут будет достаточно, верно? Я хочу только немного почитать «Il Penseroso».

Ну, договорились? Люк открыт, а сейчас, чтобы доказать свою честность, я отпираю дверь.

Пока вы там работаете, я, пожалуй, немного почитаю.

Эй? Я жду. У вас все в порядке? Вы еще там? Или вас не было вообще? О, пожалуйста, пожалуйста — я жажду взорваться. Это было бы так чудесно. Пожалуйста, умоляю вас!

Я все еще жду...

Все в высшей степени напряженно и романтично. Лишь одна ехидная мыслишка сбивает накал страстей — и успокаивает душу: а может, действительно верна фраза «одна из миллиона»?..

Альфред Бестер
ВРЕМЯ — ПРЕДАТЕЛЬ

Прошлого не вернуть, как не остановить время, и счастливые концовки всегда имеют горький привкус.

Жил-был человек по имени Джон Стрэпп. Самый влиятельный, самый легендарный человек из семнадцати сотен миллиардов людей на семи сотнях планет. И ценили его лишь за одно качество — он мог принимать Решения. Отметьте заглавное «Р». Он был способен принимать Основные Решения в ситуациях невообразимой сложности, и его Решения были на восемьдесят семь процентов верны. Их покупали за огромные деньги.

Существовала корпорация, ну, скажем, «Бракстон», с заводами на Альфе Денеба, Мизаре-3, Земле и с главной конторой на Алькоре-4. Годовой доход корпорации равнялся двумстам семидесяти миллиардам кредиток. Торговыми и промышленными операциями руководили сотни управленцев, каждый — узкий специалист в крошечном кусочке громадной картины. Никто не мог охватить ее целиком.

«Бракстону» требовалось принять Основное Решение. Один исследователь, некий Э.Т.А. Голанд, трудясь в денебских лабораториях, открыл новый катализатор биосинтеза: **эмбриологический гормон, превращавший ядра молекул в податливую массу, из которой можно лепить все что угодно.**

Вопрос: следует ли сохранить старую технологию или взять на вооружение новые методы? Решение должно учитывать несметное количество взаимосвязанных факторов: цены, трудозатраты, снабжение, спрос, патенты, переобучение персонала и т.д. Ответ был только один: узнать у Стрэппа.

Переговоры быстро завершились. Менеджеры Стрэппа потребовали сто тысяч кредиток и один процент акций корпорации «Бракстон». Хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Корпорация с радостью согласилась.

Следующий шаг оказался более сложным. Спрос на Джона Стрэппа был крайне велик. Все его Решения — по два в неделю — были расписаны заранее до конца года. Мог ли «Бракстон» ждать так долго? Нет, не мог. «Бракстон» подкупал, молил, шантажировал и наконец договорился. Джон Стрэпп прибудет на Алькор в понедельник, 29 июня, ровно в полдень.

Тут начинается тайна. В девять утра упомянутого понедельника в кабинет Старого Бракстона вошел Элдоу Фишер — очень энергичный представитель Стрэппа. После их короткой беседы по заводскому радио было передано следующее сообщение: «Внимание! Внимание! Всем мужчинам, носящим фамилию Крюгер, немедленно явиться в управление. Повторяю. Всем мужчинам...»

Сорок семь Крюгеров явились в управление и были отосланы домой со строжайшим приказом оставаться там до особого уведомления. Под руководством Фишера заводская полиция предприняла срочную проверку всех работников, до которых была в состоянии добраться. Ни одного Крюгера не должно оставаться на заводе!.. Но невозможно перебрать три тысячи человек за три часа. Фишер шипел и дымился, как азотная кислота.

К одиннадцати тридцати вся корпорация дрожала, будто в лихорадке. Зачем отправляют домой Крюгеров? Какая тут связь с легендарным Джоном Стрэппом? Что он за человек? Как выглядит? Стрэпп зарабатывает десять миллионов в год. Ему принадлежит один процент всего мира. В глазах работников корпорации он так близко стоял к Богу, что все ожидали увидеть ангелов с золотыми трубами и великолепное бородатое создание, преисполненное мудрости и доброты.

В одиннадцать сорок прибыли личные телохранители Стрэппа — десять мужчин в штатском, мгновенно, с ледяной четкостью проверившие все входы и выходы. Слышались короткие приказы: убрать, запереть, переставить. Все было немедленно исполнено. С Джоном Стрэппом не спорят. Охрана заняла свои места и стала ждать. Корпорация «Бракстон» затаила дыхание.

Наступил полдень, и в небе появилась серебряная мушка. Она приблизилась с пронзительным свистом и опустилась прямо у главных ворот. Люк корабля распахнулся. В проходе возникли двое плотных мужчин — глаза настороже. Начальник охраны подал знак. Из корабля вышли две секретарши — брюнетка и рыжеволосая, — стройные, холодные, деловитые. За ними последовал худой клерк средних лет в роговых очках, его карманы раздулись от бумаг. А потом вышло великолепное создание — высокое, представительное, гладко выбритое, но преисполненное мудрости и доброты.

Плотные мужчины сомкнулись сзади, и процессия прошествовала через главный вход. Корпорация «Бракстон» облегченно вздохнула. Джон Стрэпп никого не разочаровал. Какое счастье, что один процент тебя принадлежит такому человеку!

Посетители прошли в кабинет Старого Бракстона. Бракстон ждал их, восседая за своим столом. Теперь он вскочил и бросился навстречу прибывшим. Он возбужденно сжал руку великолепному созданию и воскликнул:

— Мистер Стрэпп, сэр, от имени всех сотрудников корпорации я приветствую вас!

Клерк закрыл дверь и сказал:

— Стрэпп — это я. — Он кивнул великолепному созданию, и оно тихонько уселось в уголок. — Где данные?

Старый Бракстон указал на стол. Стрэпп сел, схватил толстые папки и принялся читать. Худой. Средних лет. Прямые черные волосы. Голубые глаза. Нормальный рот. Нормальные кости под кожей. Полное отсутствие смущения. Но когда он говорил, в его голосе слышалась какая-то затаенная истерия, что-то недоброе и отчаянное глубоко внутри.

После двух часов напряженного чтения и коротких реплик, брошенных секретаршам, Стрэпп произнес:

— Я желаю увидеть завод.

— Зачем? — спросил Бракстон.

— Чтобы почувствовать его, — ответил Стрэпп. — Для принятия Решения важны нюансы.

Они покинули кабинет, и начался парад: секретарши, охрана, «клерк», энергичный Фишер и великолепная декорация. Они прошли повсюду. Они видели все. «Клерк» делал грязную работу для «Стрэппа». Он беседовал с рабочими и техниками. Он знакомился и заводил разговоры о семье, планах, условиях труда. Он копался, выискивал и принюхивался.

Через четыре часа изнурительной работы они вернулись в кабинет Бракстона. «Клерк» закрыл дверь. Декорация отступила в сторону.

— Ну? — спросил Бракстон. — Да или Нет?

— Подождите.

Стрэпп взглянул на пометки секретарш, закрыл глаза и замер посреди комнаты, как человек, прислушивающийся к далекому шепоту.

— Да, — Решил он и стал богаче на сто тысяч кредиток и один процент акций корпорации «Бракстон». А Бракстон взамен получил восьмидесятисемипроцентную уверенность в правильности решения.

Стрэпп отворил дверь, и процессия двинулась к выходу. Служащие использовали последний шанс лицезреть великого человека. «Клерк» улыбался и шутил. Шум голосов и смех усиливались по мере приближения к кораблю.

Затем случилось невероятное.

— Ты! — внезапно закричал «клерк». — Подлец! Гнусный убийца! Я ждал этого. Я ждал десять лет!

Он выхватил из внутреннего кармана пистолет и выстрелил в лоб стоявшему рядом человеку.

Время остановилось. Потребовались часы, чтобы мозги и кровь выплеснулись из черепа и тело упало.

Тут начала действовать команда Стрэппа. Его втолкнули в корабль. За ним поспешили секретарши и декорация. Двое плотных мужчин впрыгнули последними и захлопнули люк. Корабль взмыл и растворился в небе с затихающим свистом.

Охрана в штатском тихо исчезла. Лишь Фишер, агент Стрэппа, остался рядом с убитым посреди пораженной толпы.

— Кто он? — прорычал Фишер.

Кто-то достал бумажник покойного и раскрыл.

— Вильям Б. Крюгер, биомеханик.

— Идиот! — яростно произнес Фишер. — Мы предупреждали его. Мы предупреждали всех Крюгеров!.. Ну хорошо. Вызывайте полицию.

Это было шестое убийство на счету Джона Стрэппа. Оно обошлось ровно в пятьсот тысяч кредиток. Как и пять предыдущих. Половина суммы обычно шла безумцу, согласному выступить в роли преступника и разыграть временное помешательство. Другая половина шла наследникам усопшего.

Штат Стрэппа мрачно совещался.

— Шестеро за шесть лет, — горько произнес Элдоу Фишер. — Мы не можем долго держать это в тайне. Рано или поздно кто-нибудь заинтересуется, почему Джон Стрэпп всегда нанимает сумасшедших клерков.

— Уладим, — сказала рыжеволосая секретарша. — Стрэпп может себе это позволить.

— Он может позволить себе одно убийство в месяц, — пробормотала великолепная декорация.

— Нет. — Фишер резко качнул головой. — Нельзя тянуть до бесконечности. Мы достигли критической точки.

— Но что с ним творится? — спросил один из плотных мужчин.

— Кто знает? — в отчаянии воскликнул Фишер. — У него крюгерофобия. Он встречает мужчину по фамилии Крюгер. Он кричит. Он ругается. Он убивает. И не спрашивайте почему. Что-то скрыто в его прошлом.

— Вы не пытались выведать у него причину?

— Невозможно. Это как приступ болезни. Он и не подозревает о случившемся.

— Сводите его к психоаналитику, — предложила декорация.

— Исключено.

— Почему?

— Вы новенький. Вы не понимаете.

— Объясните.

— Я приведу аналогию. Скажем, в XIX веке люди играли в карточные игры с 52 картами в колоде. Особых трудностей не возникало. Сегодня все неизмеримо сложнее. Мы играем колодой из 52 сотен карт. Вы поняли?

— Продолжайте.

— За 52 картами легко уследить. При таком количестве информации решения принимать можно. Но никто не в состоянии охватить 52 сотни карт — никто, кроме Стрэппа.

— У нас есть компьютеры.

— Они хороши, если иметь дело только с картами. Но когда надо принимать во внимание и 52 сотни игроков, их вкусы, привязанности и прочее — то, что Стрэпп называет нюансами, — любая машина бессильна. Стрэпп уникален.

— Почему?

— Это происходит у него подсознательно. Он не знает, как все получается. Возможно, процесс принятия Решения как-то связан с ненормальностью, заставляющей убивать Крюгеров. Избавившись от одного, мы уничтожим другое. Рисковать нельзя.

— Мне кажется, ему нужен друг, — сказала брюнетка.

— Зачем?

— Мы сможем узнать, что его беспокоит, без помощи психоаналитика. Люди делятся со своими друзьями.

— Его друзья — мы.

— Нет, мы его партнеры.

— Он делился с вами?

— Нет.

— С вами? — выстрелил Фишер в рыжеволосую.

Та покачала головой.

— По-моему, он постоянно что-то ищет.

— Что?

— Женщину, мне кажется. Особенную женщину.

— Женщину по фамилии Крюгер?

— Не знаю.

— Черт побери, в этом нет никакого смысла! — Фишер на миг задумался. — Ладно. Мы наймем ему друга и сдела-

ем график менее напряженным, чтобы у него освободилось время поговорить. Отныне мы урезаем программу до одного Решения в неделю.

— Господи! — выдохнула брюнетка. — Пять миллионов в год!

— Это необходимо, — мрачно сказал Фишер. — Либо урезать сейчас, либо все потерять позже.

— А где взять друга? — спросила великолепная декорация.

— Я сказал — найдем. Самого лучшего. Свяжитесь с Землей. Попросите установить, где находится Фрэнк Альчесте, и срочно его вызовите.

— Фрэнки! — мечтательно воскликнула рыжеволосая.

— О-о! Фрэнки! — отозвалась брюнетка.

— Вы имеете в виду Несокрушимого Фрэнка Альчесте? Чемпиона в тяжелом весе? — изумленно спросил плотный мужчина. — Я видел его бой с Лонзо Джорданом. Это настоящий герой!

— Сейчас он актер, — сообщила декорация. — Я однажды с ним работал. Он поет, он танцует, он...

— Он неотразим, — перебил Фишер. — Мы его наймем. Подготовьте контракт. Он станет другом Стрэппа. Как только Стрэпп его встретит...

— Кого встретит? — Зевая и потягиваясь, на пороге своей спальни появился Стрэпп. Он всегда крепко спал после очередного приступа. — Кого это я встречу?

Он огляделся — худой, стройный, но, несомненно, одержимый.

— Человека по имени Фрэнк Альчесте, — сказал Фишер. — Он давно просит его представить.

— Фрэнк Альчесте?.. — пробормотал Стрэпп. — Никогда о таком не слышал.

Стрэпп мог принимать Решения; Альчесте умел сходиться с людьми. Это был сильный мужчина в расцвете лет, светловолосый, с веснушчатым лицом, глубоко посаженными серыми глазами, с высоким и мягким голосом. Он двигался с ленивой легкостью атлета, с почти женской грацией и очаровывал людей, не замечая и даже не желая этого. Он очаровал Стрэппа, но и Стрэпп очаровал его. Они стали друзьями.

— Нет, мы действительно друзья, — сказал Альчесте Фишеру, возвращая чек. — Денег у меня хватает, а Джонни я нужен. Забудьте, что когда-то наняли меня. Порвите контракт. Я сам постараюсь помочь Джонни.

Альчесте повернулся к выходу из роскошных апартаментов ригелианского отеля «Сплендид» и прошел мимо большеглазых секретарш.

— Если бы я не был так занят, — пробормотал он, — с удовольствием поухаживал бы за вами.

— За мной, Фрэнки! — выпалила брюнетка.

Рыжеволосая едва не лишилась чувств.

Штат Стрэппа медленно курсировал из города в город и от планеты к планете, принимая одно Решение в неделю. Альчесте и Стрэпп наслаждались обществом друг друга, а великолепная декорация давала интервью и позировала фотографам. Случались перерывы, когда Фрэнку нужно было вернуться на Землю и сняться в фильме, но все остальное время они играли в гольф и теннис, ставили на лошадей и собак, ходили на приемы и кулачные бои. Посещали они и ночные увеселительные заведения, и однажды Альчесте сообщил поразительную новость.

— Не знаю уж, как вы следите за Джонни, — сказал он Фишеру, — но если вы думаете, что по ночам он спит, то сильно ошибаетесь.

— То есть? — поразился Фишер.

— Он разгуливает по городу.

— Откуда вы знаете?

— По его репутации, — печально произнес Альчесте. — Стрэпп известен повсюду, в каждом бистро от Денеба до Ориона. И с самой плохой стороны.

— Известен по имени?!

— По прозвищу. Его зовут Опустошитель.

— Опустошитель?!

— Угу. Он набрасывается на женщин, как лесной пожар. Вы не знали этого?

Фишер покачал головой.

— Видимо, расплачивается из собственного кармана, — проговорил Альчесте и удалился.

Что-то ненормальное, дикое было в том, как Стрэпп обращался с женщинами. Он входил с Альчесте в клуб, садился, пил. Затем вставал и холодно осматривал помещение, столик за столиком, женщину за женщиной. Иногда мужчины злились и лезли в драку. Стрэпп расправлялся с ними хладнокровно и жестоко, вызывая профессиональное восхищение Альчесте. Фрэнки никогда не дрался: ни один профессионал не тронет любителя. Он стремился сохранить мир, но если это не удавалось, следил, чтобы война не затягивалась.

Оглядев всех посетительниц, Стрэпп усаживался и спокойно ждал представления, расслабленный, смеющийся: С появлением на эстраде девушек им вновь овладевала темная сила, и он изучал шеренгу пристально и бесстрастно. Очень редко находилась девушка, привлекающая его внимание, всегда одного и того же типа: со смоляными волосами, черными глазами и чистой шелковистой кожей. Тогда начиналось безумие.

После представления Стрэпп отправлялся за сцену. Подкупом, уговорами, силой прокладывал путь в раздевалку, возникал перед ошеломленной девушкой, молча осматривал ее, потом просил что-нибудь сказать. Он прислушивался к звучанию голоса и вдруг тигром кидался на нее. Иногда следовали крики, иногда тихое сопротивление, иногда согласие. И ни разу Стрэпп не был удовлетворен. Он грубо отбрасывал девушку, платил, как джентльмен, и так следовал из бара в бар вплоть до утра.

Если внимание Стрэппа привлекала посетительница, он немедленно избавлялся от ее компании или, если это не удавалось, провожал домой и там начинал атаку. И опять бросал девушку, щедро расплачивался и устремлялся дальше, куда гнала его страсть.

— Послушайте, я был рядом, и меня это напугало, — признавался Альчесте Фишеру. — Никогда не видел такого торопливого мужчину... Да большинство женщин согласились бы, сбавь он чуть-чуть темп! Но он не может. Он одержим.

— Чем?

— Не знаю. Как будто время играет против него, и он старается успеть.

* * *

Когда Стрэпп и Альчесте сошлись ближе, Стрэпп позволил другу сопровождать себя в дневных похождениях, оказавшихся еще более неожиданными. В каждом городе Стрэпп посещал справочное бюро, подкупал клерка и вручал листок:

Рост	168
Вес	55
Волосы	черные
Глаза	черные
Бюст	86
Талия	66
Бедра	90

— Мне нужны имена и адреса всех девушек старше двадцати одного года, подходящих под это описание, — говорил Стрэпп. — Я буду платить десять кредиток за штуку.

Через сутки приходил список, и начиналось дикое, ни с чем не сравнимое преследование. От нескончаемого потока высоких, черноволосых, черноглазых, стройных девушек у Альчесте кружилась голова.

— У него идея-фикс, — сказал он Фишеру в отеле «Сплендид» на Альфе Лебедя. — Он ищет вполне определенную девушку и никак не может найти.

— Девушку по фамилии Крюгер?

— Не уверен, что здесь замешано дело Крюгеров.

— Его трудно удовлетворить?

— Как вам сказать... На некоторых девушек — умопомрачительной красоты, с моей точки зрения, — он и не смотрит. Другие — страшнее войны, а он набрасывается на них, как ураган... По-моему, это что-то вроде испытания. Он хочет заставить девушку реагировать мгновенно и естественно. У нашего Опустошителя не страсть. Это хладнокровный трюк.

— Кого же он ищет?

— Пока не знаю, — ответил Альчесте. — Однако скоро все прояснится. Придется пойти на риск, но Джонни стоит того.

* * *

Это произошло, когда Стрэпп и Альчесте отправились смотреть обезьяний бой. Оба решили, что такое омерзительное зрелище — не лучший из плодов цивилизации, и с отвращением удалились. В пустом коридоре им повстречался какой-то сморщенный человечек. По сигналу Альчесте он бросился к ним, как пес на дичь.

— Фрэнки! — вскричал человечек. — Дружище! Ты помнишь меня? Я — Блупер Дэвис. Мы же росли вместе! Неужели ты забыл Блупера Дэвиса?!

— Блупер! — Альчесте просиял. — Конечно! Только тогда ты был Блупер Давыдофф.

Человечек засмеялся:

— Но и ты был тогда Крюгером.

— Крюгер! — вскричал Стрэпп высоким голосом.

— Да, — сказал Фрэнки. — Крюгер. Я сменил фамилию, когда начал выступать.

Он резко кивнул сморщенному человечку, тот попятился и исчез.

— Подлец! — закричал Стрэпп. Его лицо побелело и перекосилось. — Ненавистный гнусный убийца! Я ждал этого. Я ждал этого десять лет!

Он выхватил из внутреннего кармана пистолет и выстрелил. Альчесте вовремя отступил, и пуля ударила в стену. Стрэпп выстрелил снова, и пламя обожгло щеку Альчесте. Фрэнки перехватил руку Стрэппа, пистолет выпал. Стрэпп задыхался. Его глаза закатились. Издалека доносился дикий рев толпы.

— Хорошо, я Крюгер, — прохрипел Альчесте. — Моя фамилия Крюгер, мистер Стрэпп. Ну и что?

— Сволочь! — завизжал Стрэпп. — Убийца! Убийца! Я вышибу из тебя дух!

— Почему? При чем тут Крюгер?

Напрягая все силы, Альчесте подтащил Стрэппа к стене и втолкнул в неглубокую нишу, закрыв своим большим телом. И прежде чем Стрэпп потерял сознание, Фрэнки узнал всю историю, поведанную в истерических всхлипываниях.

Уложив Стрэппа в постель, Альчесте отправился в индиановский «Сплендид».

— Джонни любил девушку по имени Сима Морган, — начал он. — Она любила его. Они собирались пожениться. Симу Морган убил человек по фамилии Крюгер.

— Крюгер! Так вот в чем дело... Почему?

— Крюгер — отпрыск богатых родителей. Его лишили прав за неоднократное вождение в пьяном виде, но это его не остановило. Однажды он врезался на своем самолетике в верхний этаж школы и убил тринадцать детей и учительницу... Это было на Земле, в Берлине. Его не поймали. Он до сих пор летает с планеты на планету, живя на деньги, высылаемые семьей. Полиция не может его схватить.

После долгой паузы Фишер спросил:

— Давно это было?

— Насколько я понял, десять лет и восемь месяцев назад.

Фишер вспоминал.

— А десять лет и три месяца назад Стрэпп впервые проявил способность принимать Решения. До тех пор он был никем. Произошла трагедия, с ней пришли истерия и талант. Не говорите мне, что одно не породило другое.

— Я не спорю.

— И вот он убивает Крюгеров, — холодно подытожил Фишер. — Правильно. У него идея-фикс — отомстить. Но при чем тут девушки?

Альчесте печально улыбнулся.

— Вы никогда не слышали выражения «одна из миллиона»?

— Ну и что?

— Если ваша девушка — одна из миллиона, значит, в городе с десятимиллионным населением должно быть еще девять таких.

— Не обязательно.

— Верно, не обязательно. Однако шанс есть — и это все, что нужно Джонни. Он надеется найти копию Симы Морган.

— Нелепо!

— Но это единственное, что заставляет его жить: безумная вера в то, что рано или поздно он попадет туда, откуда сорвала его смерть невесты десять лет назад.

— Чушь!

— Не для Джонни. Он все еще любит.

— Невозможно.

— Если бы вы могли понять... — грустно произнес Альчесте. — Он ищет... ищет. Он встречает девушку за девушкой. Надеется, заговаривает, испытывает. Копия Симы должна повести себя так, как Сима, какой она была, а вернее, какой он помнит ее. «Сима?» — спрашивает себя Джонни. «Нет», — отвечает он и уходит. Мне очень больно за него. Мы обязаны ему помочь.

— Ни в коем случае, — отрезал Фишер.

— Мы должны помочь ему найти свою Симу. Мы должны заставить Джонни поверить, что это его девушка. Помочь ему снова полюбить.

— Ни в коем случае, — повторил Фишер.

— Почему?!

— Потому что, найдя свою девушку, он излечится. Исчезнет великий Джон Стрэпп, принимающий Решения. Он вновь превратится в ничтожество — в простого влюбленного.

— Вы думаете, ему хочется быть великим? Ему хочется быть счастливым.

— Все хотят быть счастливыми, — прорычал Фишер. — Одного желания мало. Стрэппу живется не хуже любого другого; но он гораздо богаче. Мы будем поддерживать статус-кво.

— Вы хотите сказать, вы гораздо богаче?

— Мы будем поддерживать статус-кво, — отчеканил Фишер. Его глаза холодно изучали Альчесте. — Я думаю, контракт мы расторгнем. Ваши услуги больше не требуются.

— Мы расторгли контракт, когда я вернул чек. Сейчас вы разговариваете с другом Джонни.

— Мне очень жаль, мистер Альчесте, но у Стрэппа впредь не будет времени на друзей. Я дам вам знать, когда он освободится в следующем году.

— Вы ничего не добьетесь. Я буду встречаться с Джонни, когда и где пожелаю.

— Хотите, чтобы он оставался вашим другом? — Фишер неприятно улыбнулся. — Тогда извольте встречаться с ним, когда и где пожелаю я. Иначе Стрэппу попадется на глаза наш контракт. Я вовсе не порвал его — я вообще ничего не

выбрасываю. Как вы думаете, долго ли после этого Стрэпп будет верить в вашу дружбу?

Альчесте сжал кулаки, Фишер задержал дыхание. На миг их взгляды встретились. Затем Альчесте отвернулся.

— Бедный Джонни, — пробормотал он. — Я попрощаюсь с ним. Известите меня, когда наконец вы позволите нам встретиться.

Он прошел в спальню, где Стрэпп только что очнулся от припадка, как всегда, ничего не помня. Альчесте присел на край постели.

— Привет, старина Джонни.

— Привет, Фрэнки. — Стрэпп улыбнулся. — Что случилось после обезьяньих боев? Я был слегка под градусом.

— Ха, да ты просто набрался! — Альчесте хлопнул Стрэппа по плечу. — Старина, мне надо вернуться к работе. Ты же знаешь, у меня контракт — три фильма в год. Я вылетаю сегодня.

— Слушай, пошли ты к черту эти съемки. Становись моим партнером. Я велю Фишеру подготовить соглашение.

— Может быть, позже, Джонни. Сейчас я связан контрактом. Держи нос кверху, скоро увидимся!

— Держу, — тоскливо отозвался Стрэпп.

За порогом спальни, как сторожевой пес, ждал Фишер. Альчесте с отвращением посмотрел на него.

— В спорте я твердо усвоил одно правило, — медленно произнес он. — Все определяет последний раунд. Этот я вам проиграл, но он не последний.

И уже на выходе Альчесте сказал очень тихо, обращаясь к себе:

— Я хочу, чтобы он был счастлив. Я хочу, чтобы все были счастливы. По-моему, каждый человек может быть счастлив, стоит только протянуть ему руку.

Вот почему у Фрэнка Альчесте было много друзей.

Итак, штат Стрэппа вернулся к своему занятию, увеличив нагрузку до двух Решений в неделю. Они знали, почему надо следить за Стрэппом. Они знали, почему надо сторониться Крюгеров. Их подопечный был несчастным, исте-

ричным, почти сумасшедшим — пустяки! Сходная цена за один процент всего мира.

Но Фрэнк Альчесте придерживался иного мнения. Он посетил денебские лаборатории корпорации «Бракстон» и там имел беседу с неким Э.Т.А. Голандом, гением, открывшим новый метод создания жизни. Эрнст Теодор Амадей Голанд был невысоким, толстеньким и очень бодрым человеком.

— Ну да, конечно! — вскричал он, когда наконец понял, чего от него хотят. — Прекрасная и правильная идея! Как я сам не догадался?.. Не вижу никаких трудностей. — Биохимик задумался. — Кроме денег.

— Вы можете воссоздать девушку, умершую десять лет назад?

— Нет ничего проще — если будут деньги.

— И она будет так же выглядеть? Так же поступать? Будет такой же?

— Да.

— Как вы это сделаете?

— А? Очень просто. Мы имеем два источника. Первый — Главный архив на Центавре. По запросу с приложением чека они высылают психическую матрицу. Я дам запрос.

— А я приложу чек. Второй?

— Второй: современная погребальная процедура... Девушка не кремирована?

— Нет.

— Ну и отлично. Из ее останков и психической матрицы мы воссоздаем личность по формуле: сигма равняется квадратному корню из минус... Словом, не вижу никаких трудностей, кроме денег.

— Я даю деньги, — сказал Фрэнк Альчесте. — Вы делаете остальное.

Во имя друга Альчесте собрал баснословную сумму и отправил запрос на полную психическую матрицу покойной Симы Морган. Когда матрица прибыла, Альчесте вернулся на Землю, в город под названием Берлин, и подкупил некоего Эйгенблика, который разрыл могилу, вытащил гроб, где, казалось, спала черноволосая девушка, и передал его Альчесте. Самыми хитроумными путями и способами Альчесте доставил гроб через четыре таможенных барьера на Денеб.

Характерной чертой путешествия, ускользнувшей от его внимания, но переполошившей различные полицейские органы, была череда катастроф, следовавших за ним по пятам. Взрыв авиалайнера, уничтоживший корабль и ангары через полчаса после выгрузки пассажиров и багажа. Пожар в отеле через десять минут после выезда Альчесте. Авария пневмопоезда, на котором Альчесте в последний момент решил не ехать. Несмотря на все это, он сумел доставить гроб к биохимику Голанду.

— Ах! — воскликнул Эрнст Теодор Амадей. — Прекрасное создание. Осталась сущая ерунда, если не считать денег.

Во имя друга Альчесте устроил отпуск Голанду, купил ему лабораторию и финансировал невероятно дорогую серию экспериментов. Во имя друга Альчесте тратил последние деньги и терпение, пока наконец через восемь месяцев не вышло из реанимационной камеры черноволосое, черноглазое, шелковокожее создание с длинными ногами и высоким бюстом, отзывавшееся на имя Сима Морган.

— Я услышала самолет, — сказала Сима, не подозревая, что говорит одиннадцать лет спустя. — Затем удар... Что случилось?

Альчесте был потрясен. До этого момента цель казалась далекой и нереальной. Теперь перед ним стояла, чуть склонив голову набок, живая очаровательная женщина. В ее речи звучала какая-то странность, почти шепелявость. Ее движения не были плавными и грациозными, как ожидал Альчесте, — она двигалась порывисто.

— Меня зовут Фрэнк Альчесте, — тихо произнес он и взял ее за плечи. — Я хочу, чтобы вы посмотрели на меня и решили, можно ли мне доверять.

Их взгляды встретились. Руки Альчесте задрожали, и он в панике выпустил ее плечи.

— Да, — сказала Сима. — Я могу вам доверять.

— Что бы я ни сказал, вы не должны сомневаться. Что бы я ни велел вам, вы должны выполнять.

— Почему?

— Во имя Джонни Стрэппа.

— С ним что-то случилось, — быстро проговорила она. — Что?

— Не с ним, Сима. С вами. Я объясню. Я собирался объяснить сейчас, но не могу. Отложим до завтра.

Ее уложили спать, и Альчесте остался наедине с собой. Денебские ночи, мягкие и черные, как бархат, томные и нежные — или так показалось тогда Фрэнки.

— Не можешь же ты в нее влюбиться, — бормотал он. — Это сумасшествие.

И позже:

— Ты видел сотни подобных девушек во время охоты Джонни. Почему не остановился на одной из них?

И наконец:

— Что ты собираешься делать?

Он сделал то единственное, что мог сделать благородный человек в подобной ситуации: попытался превратить любовь в дружбу. На следующее утро он вошел в комнату Симы в старых потертых джинсах, небритый, с всклокоченными волосами. Он примостился на постели и, пока Сима ела первый разрешенный Голандом завтрак, рассказал ей все. Когда она заплакала, он не обнял ее и не утешил, а как брат похлопал по спине.

Альчесте заказал ей платье, но ошибся размером, и когда она показалась в нем, то выглядела такой прелестной, что ему страстно захотелось поцеловать ее. Вместо этого он ущипнул ее, очень нежно и очень мрачно, и повел покупать одежду. Из примерочной Сима вышла настолько очаровательной, что ему захотелось ущипнуть ее снова. Потом они купили билеты и немедленно вылетели на Росс-3.

Альчесте хотел дать ей несколько дней отдыха, однако решил поторопиться, опасаясь за самого себя. Только это спасло их от взрыва, уничтожившего дом и лабораторию биохимика Голанда заодно с самим биохимиком.

Альчесте ничего не знал. Он находился с Симой на борту корабля и отчаянно боролся с искушением.

Представьте себе космический полет. Подобно древним мореплавателям, пересекавшим океаны на парусниках, пассажиры космического корабля оказываются на неделю изолированными в своем крохотном мирке. Они отрезаны от реально-

сти. Их переполняет чувство свободы от всяких связей и обязательств. Вспыхивают быстротечные увлечения — страстные, бурные, благополучно заканчивающиеся в день посадки.

В этом угаре вседозволенности Альчесте сохранял жесткий самоконтроль. Отнюдь не помогало, что он был знаменитостью с ошеломляющим магнетизмом. Десятки хорошеньких женщин буквально вешались ему на шею, а он играл роль старшего брата и все щипал и шлепал Симу, пока та не запротестовала.

— Я знаю, что ты лучший друг мой и Джонни, — пожаловалась она в последний вечер. — Но ты невыносим, Фрэнки. Я вся в синяках!

— Что поделаешь, привычка...

Они стояли у иллюминатора, обласканные нежными лучами приближающегося светила, — а ведь в мире нет ничего более романтичного, чем бархат космоса в свете далекого солнца.

— Я разговаривала с некоторыми пассажирами, — склонив голову, сказала Сима. — Ты знаменит?

— Скорее известен.

— Мне так много еще надо узнать... Но сперва я хочу узнать тебя.

— Меня?

Сима кивнула.

— Все произошло очень быстро... Я даже не успела поблагодарить тебя, Фрэнки. Я твой должник на всю жизнь.

Она обвила руками его шею и поцеловала раскрытыми губами.

Альчесте задрожал.

«Нет, — подумал он. — Нет. Она не ведает, что творит. Она настолько счастлива от мысли о скорой встрече с Джонни, что не осознает...»

Он пятился до тех пор, пока Сима не догадалась его выпустить.

На Россе-3 их встретил Элдоу Фишер в сопровождении сурового чиновника, который попросил Альчесте зайти в кабинет для серьезного разговора.

— Мистер Фишер обратил наше внимание на то, что вы пытаетесь провезти девушку, не имеющую легального статуса.

— Откуда это известно мистеру Фишеру?

— Вы болван! — прорычал Фишер. — Неужели вы думаете, что я позволю вам это сделать?! За вами следили! Каждую минуту!

— Мистер Фишер информировал нас, — сухо продолжал чиновник, — что ваша дама путешествует с фальшивыми документами.

— Как фальшивыми? Она — Сима Морган. Так и указано в ее документах.

— Сима Морган погибла одиннадцать лет назад, — вмешался Фишер. — Эта женщина не может быть Симой Морган.

— До выяснения обстоятельств, — заключил чиновник, — ее въезд запрещен.

— Через неделю я получу бумаги, удостоверяющие смерть Симы Морган, — торжествующе заявил Фишер.

Альчесте посмотрел на Фишера и устало покачал головой.

— Вы не представляете себе, как мне это на руку. Больше всего на свете я хочу забрать ее и никогда не показывать Джонни. Я так хочу... — Он замолчал. — Снимите свое обвинение, Фишер.

— Нет!

— Сейчас вы уже не сможете их разлучить. Предположим, начнется следствие. Кого первым я приглашу для удостоверения ее личности? Джона Стрэппа. Думаете, он не поедет?

— А контракт? Я...

— К черту контракт. Можете показывать. Ему нужна Сима, а не я. Снимите обвинение, Фишер. Вы проиграли.

Фишер яростно сверкнул глазами и тяжело сглотнул.

— Я снимаю обвинение. Произошла ошибка.

Затем он пристально посмотрел на Альчесте.

— Это еще не последний раунд, — процедил он и вышел из комнаты.

Фишер был отлично подготовлен к борьбе. Здесь, на Россе-3, он защищал свою собственность. К его услугам были все деньги, все могущество Джона Стрэппа.

Самолет, на котором Альчесте и Сима летели из космопорта, вел наемник Фишера; он открыл люк и стал выделывать фигуры высшего пилотажа. Альчесте высадил перегородку и душил пилота до тех пор, пока тот не посадил машину.

На улице их обстреляли из какого-то автомобиля. При первом выстреле Альчесте втолкнул Симу в подъезд и едва спасся сам — ценой простреленного плеча, которое он кое-как перебинтовал, оторвав кусок подола ее платья. Глаза Симы были огромны, но она не жаловалась. Альчесте выразил свое восхищение мощным похлопыванием и по крышам провел ее в другое здание, где ворвался в квартиру и вызвал врача.

Когда приехала карета «скорой помощи», Альчесте и Сима спустились вниз, где были встречены полицейским, имевшим приказ задержать пару — следовало описание — за «бандитизм». От полицейского пришлось избавиться — так же, как от врача и водителя. Карета «скорой помощи» пригодилась: включив сирену, Альчесте гнал как бешеный.

Они бросили машину у пригородного универмага, откуда через сорок минут появился молодой слуга в ливрее, толкающий коляску со стариком. Если не считать бюста, Сима отлично подходила на роль мальчика. Фрэнки достаточно ослабел от ран, чтобы представиться немощным стариком.

Они остановились в отеле «Росс Сплендид». Альчесте запер Симу в номере, купил револьвер и отправился на поиски Джонни. Он нашел его в справочном бюро. Стрэпп протягивал чиновнику листок все с тем же описанием давно утерянной любви.

— Эй, старина Джонни!

— Фрэнки! — радостно воскликнул Стрэпп.

Они обнялись. Со счастливой улыбкой Альчесте наблюдал процедуру подкупа чиновника для выдачи имен и адресов всех девушек, отвечающих требованиям списка. Выйдя из бюро, Альчесте произнес:

— Я встретил девушку, которая похожа на ту, что ты ищешь, старина.

— Да? — спросил Стрэпп мгновенно изменившимся голосом.

— Она немного шепелявит.

Стрэпп странно взглянул на него.

— И чуть кивает головой при разговоре.

Стрэпп сжал локоть Альчесте.

— Покажи мне ее, — глухо сказал он.

Они поймали аэротакси, долетели до крыши отеля, спустились на лифте до двадцатого этажа и подошли к номеру «20 М». На условленный стук Альчесте ответил девичий голос.

Альчесте пожал Стрэппу руку и подбодрил:

— Смелее, Джонни.

Затем открыл дверь и быстро прошел на балкон, достав револьвер на случай, если Фишер предпримет последнюю попытку. Глядя на сверкающий город, он думал, что каждый человек может быть счастлив, если ему помогут; но иногда помощь обходится очень дорого.

Джон Стрэпп вошел в номер. Он закрыл дверь, повернулся и тщательно оглядел черноволосую черноглазую девушку — пристально, холодно. Она пораженно смотрела на него. Стрэпп приблизился, обошел ее вокруг.

— Скажи что-нибудь.

— Вы — Джон Стрэпп?

— Да.

— Нет! — воскликнула она. — Нет! Мой Джонни молод! Мой Джонни...

Стрэпп прыгнул, как тигр. Его руки и губы мучили ее тело, а глаза наблюдали спокойно и бесстрастно. Девушка вскрикнула и стала отчаянно сопротивляться — чужим странным глазам, чужим грубым рукам, чужим порывам существа, некогда бывшим ее Джонни, но сейчас отделенного от него бездонной пропастью многолетних перемен.

— Ты — не он! — закричала она. — Ты не Джонни! Ты кто-то другой!

И Стрэпп, не просто на одиннадцать лет постаревший, но за одиннадцать лет ставший другим, спросил себя: «Это — моя Сима? Это — моя любовь? Потерянная, мертвая любовь?»

И его изменившееся «я» ответило: «Нет, это не Сима. Это не твоя любовь. Иди, Джонни. Иди и ищи. Ты найдешь ее когда-нибудь — девушку, которую потерял».

Он расплатился, как джентльмен, и ушел.

Стоя на балконе, Альчесте увидел его выходящим из здания. Он был так изумлен, что не смог даже окликнуть друга. Он вернулся в комнату и застал Симу слепо глядящей на кучу денег на столе. Альчесте сразу понял, что произошло.

Увидев его, Сима заплакала.

— Фрэнки! — рыдала она. — Боже мой, Фрэнки!

Она в отчаянии протянула к нему руки. Она потерялась в мире, прошедшем мимо нее.

Альчесте шагнул вперед, потом остановился. Он сделал последнюю попытку умертвить свою любовь, но не выдержал и заключил Симу в объятия.

«Она не ведает, что творит, — думал он. — Она просто испугана. Она не моя. Пока еще — не моя. Может быть, никогда моей не станет».

И позже: «Фишер победил, а я проиграл».

И наконец: «Мы лишь вспоминаем прошлое; мы не узнаем его при встрече. Мысль возвращается назад, но время идет вперед, и все прощания — навсегда».

Рэй Рассел
КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

Нью-Йорк,
главному редактору
«Ивнинг-пост интерпланетар»

Уважаемый сэр! Позвольте выразить глубокую благодарность за Ваше письмо, хоть мне и жаль, что «Мегера с Венеры» не подошла. «Слишком мелодраматично, — указываете Вы. — У сегодняшнего читателя нет склонности к мелодраме». Но, дорогой сэр, жизнь сама по себе вопиюще мелодраматична!

Впрочем, не важно. Цель моего настоящего письма — обрисовать вкратце одну вещицу, которую я бы с удовольствием для Вас сделал. Это практически документальная повесть, хотя, боюсь, Вам она может показаться несколько экстравагантной. Все действующие лица — отъявленный негодяй, несчастная девушка, ее мудрый отец — как будто вышли из-под пера вашего замечательного Виктора Гюго.

Предлагаемое произведение (можно назвать его «Звезда Орима») касается ряда примечательных событий, которые имели место в моей родной галактике 75-890 (надеюсь, в Вашем издании нет табу на иностранный колорит). Мы начнем описание с великолепного дворца гнусного завоевателя саргианца Зунбараларрио Фенга, где томится прекрасная юная девушка, которая ненавидит Фенга (лучше сразу вне-

сти здесь ясность). Дабы осветить характер отношений девушки и Фенга, покажем их выходящими из спальни. Фенг — мужчина очень крупного сложения, тяжелый и сильный, чернобородый и черноволосый; его глаза горят недобрым огнем, а гордый нос придает мрачное благородство монетам с его, Фенга, изображением. В черной тунике, красной мантии и высоких сапогах из блестящего кзылка он поистине представляет собой внушительную фигуру. Девушка — полная его противоположность. Она изящная и легкая, с атласной кожей и волосами цвета заходящего солнца (мне очень жаль, но среди оримийцев такой цвет действительно распространен). Ее стройное юное тело едва скрыто нежно-розовой газообразной накидкой. Маленькие ножки грациозно скользят по мраморному полу.

Фенг в хорошем настроении, его зычный голос полон довольства.

— Результаты завоевания вашей планеты превзошли самые смелые ожидания. Я не только захватил гениального ученого, но и обнаружил, что у него чрезвычайно красивая дочь. Двойной приз!

(Этот монолог, если он покажется Вам излишне грубым, мы можем изменить.)

При входе в лабораторию их приветствуют два офицера в обтягивающей черной форме личной охраны Фенга. Один из них распахивает дверь. Фенг и девушка вступают в колоссальное помещение, в центре которого полыхает маленький горн, кипят и бурлят жидкости в армаде колб и реторт. В конце длинного прохода на высоком стуле сидит седовласый мужчина. Он смотрит на сияющую металлическую звезду у себя в руке.

Чернобородый завоеватель подходит и снисходительно обращается к ученому:

— Доброе утро, Торак. Что это у тебя?

Старик не обращает на Фенга внимания.

— Вола, — шепчет он нежно. — Вола, дитя мое.

Голос девушки дрожит от нахлынувших чувств.

— Ты плохо выглядишь папа. Тебе нельзя работать так много.

— Ты, главное — ты...

Она опускает глаза.

— У меня все в порядке. Не беспокойся обо мне.

Фенг смеется.

— Это верно. О ней беспокоиться не надо. Она в надежных руках!

Не теряет ли Торак Ваши симпатии, дорогой сэр, отдавая на поругание честь дочери? Спешу довести до Вашего сведения, что его заставили просмотреть десятичасовой общеобразовательный фильм (цветной, объемный, стереоозвученный) о легендарных Шести Сотнях Священных Пыток Сарга, где снимались не профессиональные актрисы, но очаровательные, юные, обнаженные, девственные дочери ученых с других планет. Удивительно ли теперь, что Торак позволяет Фенгу эксплуатировать тело дочери и свой собственный блестящий ум?

Завоеватель переходит прямо к делу.

— Ну, Торак, — ревет он, — я требую ответа! Когда будет завершен проект?

— Проект завершен, мой господин, — безжизненным голосом отвечает Торак и поднимает металлическую звезду с четырьмя лучами.

— Это... новый металл?

— Непобедимый металл. Да, это он.

Фенг недобро смеется.

— Я вижу, ты вылил его в форме Звезды Орима, символа твоего народа. Но твоя бунтарская пропаганда дальше меня не уйдет. Дай сюда! — Он вырывает звезду из руки Торака. — Я сейчас же собираю всех своих ученых. Испытания начнутся немедленно.

— Испытания?

— Разумеется. Не думаешь же ты, что я поверю тебе на слово? Эта блестящая побрякушка вполне может сломаться в кулачке младенца. Ты ведь был бы рад? — Фенг снова смеется. — Нет, мой друг, я не такой глупец. Не для того я покорил почти всю галактику, чтобы попасть в ловушку хитроумного ученого. Заверяю тебя, этот металл будет тщательно проверен. — Глаза Фенга вдруг ярко запылали. — Если твои

слова верны, тогда предо мной падет последний оплот галактики — планета Клор!

Где-то примерно в этом месте надо рассказать, что долгие годы Фенг мечтал завладеть всей галактикой. Планета за планетой переходили к нему, но Клор упорно сопротивлялся. Необходимо упомянуть мимоходом, что Клор — мир, почти целиком находящийся под водой, и жители его похожи на глубоководных рыб. Инженеры Фенга никак не могли построить корабли, способные стартовать с родной планеты Сарг, преодолеть бездну пространства и нырнуть в глубины Клора. Такие корабли должны быть сделаны из материала легкого, как космические сплавы, и выдерживающего давления, которым подвергаются батисферы. Более того, он должен идеально выдерживать жар, холод и радиацию. Но вернемся к сцене в лаборатории.

Завоеватель в пурпурной тоге сжимает металлическую звезду и повторяет:

— Да, испытания начнутся немедленно.

Он поворачивается и стремительно выходит из помещения.

Когда дверь закрывается, Вола падает отцу на грудь и разражается безудержными рыданиями.

— О, отец! Это было так ужасно! Он не человек — изверг, мерзкое чудовище!

Руки Торака судорожно сжимаются от отцовского негодования.

— Вола, крепись.

Как Вы любезно указывали относительно «Мегеры с Венеры», диалог не относится к моим сильным сторонам. Следуя Вашим пожеланиям, я продолжаю описание в документальной манере.

Люди в защитных очках отпрянули от ужасающего жара; в затемненной лаборатории летают искры. Металлическую звезду бобмардирует сверхмощный луч.

— Смотрите, повелитель! Сверху металл раскалился добела, в то время как снизу...

— Ну? — шипит Фенг.

— А нижняя часть холодная на ощупь! Невероятно! Ваш пленный ученый добился идеальной изоляции! — Говоря-

щий выключает луч, и все снимают очки. — Это завершает серию испытаний, мой господин. Металл был подвержен воздействию кислот, радиации, колоссального давления, испепеляющего жара — ничто не оставило следов. Он воистину неуязвим.

Фенг улыбается и поворачивается к Тораку.

— Поздравляю. Ты не подвел меня и займешь почетное место в научной иерархии моей империи. — Он резко поворачивается к своему главному инженеру. — Немедленно начать производство этого металла и постройку кораблей. С завтрашнего дня вы работаете с Тораком. И запомните, господа: покорить Клор — значит покорить галактику!

Он выходит; ученые и генералы кланяются. У двери Фенг обращается к фигуре в тени:

— Идем, Вола.

(Здесь, если пожелаете, можно вставить сцену с элементами секса.)

В течение следующих дней Торак заставляет себя не обращать внимания на слезы дочери. Пока она изнывает и сохнет в объятиях Фенга, молча покоряясь легендарным Семи Сотням Священных Извращений Сарга, старый ученый следит, как чудовищные печи изрыгают расплавленный металл. Рабы со всех концов галактики работают день и ночь, без сна и отдыха, пока не падают замертво. Мертвых замещают другие. И часто можно увидеть рядом с Тораком ликующего Фенга. Через несколько месяцев (здесь и далее я употребляю земное время) новый флот готов к вылету. Сверкая на солнце, стоит армада кораблей-истребителей.

Фенг и высшие офицеры на огромной платформе совершают ритуал, имеющий место перед завоеванием каждой новой планеты. Фаланга сияющих труб гремит бравурной военной музыкой. Народ Орима приветствует — с саргианскими винтовками за спиной — Фенга, произносящего ритуальную речь. (Заверенную копию речи прилагаю.) Его грубый голос разносят сотни громкоговорителей. Речь полна эмоций, но слаба логикой. Часто упоминаются «слава Сарга» и «величие нашей священной галактической империи». Фенг подчеркивает важность покорения Клода — пос-

ледней планеты, которая все еще борется «в варварской тьме, не освещенной саргианской славой». Он объясняет, почему приказал не только генералам, но и старейшим управителям сопровождать его на флагманском корабле: «Вожди саргианской империи должны присутствовать при знаменательном событии».

Речь заканчивается призывом:

— На Клор!

На трапе Фенг останавливается и поворачивается к Тораку.

— Ты будешь награжден за услуги Саргу. А ты, Вола, — он улыбается бледной девушке, — приготовься к ночи празднования моего возвращения. Победные битвы всегда горячат мою кровь, и хотя водянушки Клора могут оказаться очаровательными, — подмигивает генералам, — боюсь, что у русалок есть определенные недостатки, не правда ли?

Он смеется над своей шуткой (не слишком ли грубой для Ваших читателей?) и входит в корабль. За ним следует вся его свита.

На протяжении месяцев полета черное вино Сарга рекой льется на флагманском корабле. Фенг пьет за свою империю, за своих генералов и за самого себя. Он пьет за каждую планету и за каждую звезду, которую они пролетают. Он пьет за Торака, он пьет за Волу, он пьет за почти забытых женщин своей юности. Все это свободно может занять несколько страниц.

Наконец армада приближается к Клору. Когда флагманский корабль зависает над водной поверхностью планеты, Фенг обнажает разукрашенный драгоценными каменьями церемониальный меч и драматическим жестом указывает на цель. Его голос гремит в аппаратах связи всех кораблей.

— В атаку!

Флот Фенга разрывает поверхность воды и погружается на дно. Через прозрачный корпус корабля Фенг глядит на экзотические растения. Триумф кипит в венах завоевателя.

Затем внезапно ушей его достигают ошеломленные крики. Он поворачивается, орлиные глаза выпучиваются...

Если печатать с продолжением, лучше места для обрыва не найти. Впрочем, решение за Вами, разумеется. А теперь

позвольте несколькими штрихами обрисовать финальную сцену на Ориме.

Торак бросает металлическую звезду в стакан с водой и поворачивается к дочери.

— Тебя что-то беспокоит, моя любовь? — ласково спрашивает он.

В ее глазах стоят слезы.

— Я думаю о народе Клора.

Торак улыбается — впервые за долгое, долгое время.

— Я не стал бы его оплакивать. И вообще плакать нет нужды.

— Отец, как ты можешь говорить такое!

— Фенг никогда больше не унизит тебя, — мрачно произносит Торак.

— Что ты имеешь в виду?

— Армада, должно быть, уже достигла Клора. — Ученый бросает взгляд на календарь. — Фенг мертв.

Вола пугается за разум отца. Она молча слушает его слова.

— Да, мертв. Утонул в водах Клора, со своими генералами, министрами и кораблями.

Он поднимает глаза и видит страх на ее лице.

— Нет, моя дорогая, я не сумасшедший. Понимаешь, я создал удивительный металл. Фенг подверг его всем мыслимым испытаниям, кроме одного. Это никому даже в голову не пришло. И вот он построил флот и ринулся в океанские пучины Клора, не догадываясь, что...

Торак поворачивается к стакану: Звезды Орима нет.

— Не догадываясь, — продолжает он, — что этот замечательный металл растворяется в воде.

Согласитесь, сэр: эффектно!

Но это еще не все. Представьте, что мы скажем или по крайней мере намекнем, что тиран и убийца Фенг, бич галактики 75-890, человек, который никогда никому не доверял, на всякий случай под церемониальные доспехи надел глубоководный костюм (просто потому, что подозрительность свойственна его натуре). Другими словами, Фенг остался в живых.

Уместно даже подумать о названии типа «Фенг еще жив!» или «Жив ли Фенг?» — проверенный временем надежный

способ привлекать внимание. Мы можем дать понять, что неуязвимый Зунбараларрио добрался до клочка суши — скажем, до полярной шапки Фазкен — и сейчас вынашивает новые коварные планы. Вы, вероятно, скажете, что никто не поверит такому утверждению, и я склонен согласиться с Вами. Но какое это имеет значение, пока Ваш журнал раскупают? Кстати, говоря об этом, не могу не упомянуть про плату. В связи с крайне стесненным положением я испытываю острую нужду в крупной сумме денег и рассчитываю на высочайшие расценки. Прошу известить меня немедленно.

Искренне Ваш, З. Гнеф.
П.я. 900053, 75-890.

В сущности, марсиане тут ни при чем. Советским людям было совершенно ясно, о чем идет речь. И этот маленький безобидный рассказ публиковать категорически отказывались.

Фредерик Пол
ДЕНЬ МАРСИАН

Все комнаты мотеля были переполнены. Управляющий — мистер Мандала — к тому же превратил в мужское общежитие заднюю часть вестибюля. Этого, однако, было мало, и он заставлял цветных коридорных освободить чулан.

— Но, мистер Мандала, пожалуйста, — взмолился старший коридорный, перекрывая стоявший шум, — вы же знаете: мы сделаем все, что скажете. Но так нельзя, потому что, во-первых, у нас нет другого места для старых телевизоров, и, во-вторых, все равно больше нет коек.

— Ты споришь со мной, Эрнст. Я велел тебе не спорить со мной, — сказал мистер Мандала.

Он забарабанил пальцами по столу и обвел сердитым взглядом фойе. Там разговаривали, играли в карты и дремали по меньшей мере сорок человек. Телевизор бубнил сводки НАСА, на экране застыло изображение одного из марсиан, плакавшего в камеру крупными студенистыми слезами.

— Прекрати! — повысил голос мистер Мандала, повернувшись как раз вовремя, чтобы перехватить взгляд коридорного. — Я плачу тебе не за то, чтобы ты смотрел телевизор. Поди узнай, не нужно ли помочь на кухне.

— Мы были на кухне, мистер Мандала. Нас там не хотят.

— Иди, когда я тебе велю! И ты тоже, Берзи.

Он проводил взглядом удаляющиеся спины. Если бы и от этой толпы можно было так легко отделаться!.. Сидели

на каждом стуле, сидели даже на подлокотниках кресел; те, кому не хватило места, подпирали стены и переполняли бар, в соответствии с законом закрытый уже два часа. Судя по записям в регистрационной книге, здесь были представители почти всех газет, информационных агентств, радио- и телевизионных компаний — ждали утренней пресс-конференции на мысе Кеннеди. Мистер Мандала мечтал о скорейшем наступлении утра. Ему претил сумасшедший муравейник в фойе, тем более — он не сомневался — что многие не были даже зарегистрированы.

Телеэкран теперь показывал возвращение Девятой станции с Марса. Никто не обращал внимания — запись повторяли уже третий раз после полуночи, и все ее видели. Но когда на экране появилась очередная фотография марсианина, один из игроков в покер оживился и рассказал «марсианский» анекдот.

Никто не рассмеялся, даже мистер Мандала, хотя некоторые шутки были отменны. Все уже порядком от них устали. Или просто устали.

Первые сообщения о марсианах мистер Мандала пропустил — он спал. Разбуженный звонком дневного управляющего мистер Мандала подумал сперва, что это розыгрыш, а потом решил, что сменщик спятил — в конце концов, кому есть дело до того, что Станция-9 вернулась с Марса с какими-то тварями? Даже если это не совсем твари... Но когда выяснилось, сколько поступило заявок на места, он понял, что кому-то, оказывается, дело есть. Сам мистер Мандала такими вещами не интересовался. Прилетели марсиане? Что ж, чудесно! Теперь мотель полон, как, впрочем, все гостиницы вокруг мыса Кеннеди. Никак иначе мистера Мандала марсиане не волновали.

Экран потемнел, и тут же пошла заставка выпуска новостей. Игра в покер немедленно прекратилась.

Незримый диктор стал читать информационное сообщение:

— Доктор Хьюго Бейч, известный техасский ветеринар из Форт-Уэрта, прибывший поздно вечером для обследова-

ния марсиан на военно-воздушную базу Патрик, подготовил предварительный отчет, который только что передал нам представитель НАСА полковник Эрик Т. Уингертер...

— Добавьте звук!

К телевизору потянулись руки. Голос диктора на миг совсем пропал, потом оглушительно загремел:

— Марсиан, вероятно, можно отнести к позвоночным теплокровным млекопитающим. Осмотр выявил низкий уровень метаболизма, хотя доктор Бейч полагает это в некоторой степени следствием длительного пребывания в камере для забора проб. Никаких признаков инфекционных заболеваний нет, тем не менее обязательные меры предосторожности...

— Черта с два! — крикнул кто-то, скорее всего непоседа из Си-би-эс. — Уолтер Кронкайт побывал в клинике...

— Заткнись! — взревела дюжина голосов, и телевизор вновь стал слышен.

— ...завершает полный текст отчета доктора Хьюго Бейча, переданного полковником Уингертером.

Наступило молчание; затем диктор стал повторять предыдущие сообщения. Игра в покер возобновилась, когда он дошел до интервью с Сэмом Салливаном, лингвистом из университета штата Индиана, и его выводов, что издаваемые марсианами звуки являются своего рода речью.

Что за чепуха, подумал одурманенный и полусонный мистер Мандала. Он выдвинул табурет, сел и задремал.

Его разбудил взрыв смеха. Мистер Мандала воинственно расправил плечи и, призывая к порядку, затряс колокольчиком.

— Дамы! Господа! Пожалуйста! Четыре утра! Мы мешаем отдыхать другим гостям!

— Да, конечно, — сказал представитель Си-би-эс, нетерпеливо подняв руку. — Еще только одну минутку. Вот послушайте мой. Что такое марсианский небоскреб? Ну, сдаетесь?

— Что же? — спросила рыжая девица из «Лайф».

— Двадцать семь этажей подвальных квартир!

— У меня тоже есть загадка, — сказала девица. — Почему вера предписывает марсианке закрывать глаза во время

полового акта? — Она выдержала паузу. — Упаси Господь увидеть, что мужу хорошо!

— Так мы играем в покер или нет?! — простонал один из картежников, но его жалоба осталась без внимания.

— Кто победил на марсианском конкурсе красоты?.. Никто! Как заставить марсианку забыть про секс?.. Жениться на ней!

Тут мистер Мандала громко рассмеялся и, когда подошедший репортер попросил спички, с легким сердцем протянул коробок.

— Долгая ночка, а? — заметил репортер, раскуривая трубку.

— Да уж! — с чувством согласился мистер Мандала. Все эти радиокорреспонденты, журналисты и операторы, ждущие утренней пресс-конференции, с удовольствием подумал он, еще должны будут проделать сорокамильную поездочку по болотам. И зря. Потому что там увидят не больше того, что показывают сейчас.

Один из картежников рассказывал длинный нудный анекдот о марсианах, носящих шубы в Майами. Мистер Мандала смотрел на гостей неприязненно. Если бы хоть некоторые ушли к себе спать, он мог бы попробовать выяснить, все ли присутствовавшие зарегистрированы. Хотя на самом деле никого уже все равно не разместить. Мистер Мандала зевнул и безучастно вперил взгляд в экран, пытаясь представить себе, как во всем мире люди смотрят телевизор, читают о марсианах в газетах, *думают* о них... На вид они не заслуживали никакого внимания — неуклюжие вялые твари с тусклыми глазками, еле ползающие на слабых плавниках, задыхающиеся от непривычных усилий в земном тяготении.

— Тупорылые увальни, — сказал один из репортеров курильщику трубки. — Знаете, что я слышал? Я слышал, будто космонавты держали их в заднем отсеке взаперти из-за вони.

— На Марсе она, должно быть, почти не ощущается, — рассудительно заметил курильщик. — Разреженная атмосфера.

— Не ощущается? Да они в восторге от нее! — Репортер кинул на стойку доллар. — Не дадите мелочь для автомата?

Мистер Мандала молча отсчитал десятицентовики. Самому ему не приходило в голову, что марсиане воняют, но

лишь потому, что он об этом не задумывался. Если бы он поразмыслил хорошенько, то сразу бы это понял.

Взяв монетку для себя, мистер Мандала подошел с журналистами к автомату с кока-колой. На экране показывали сделанную космонавтами расплывчатую фотографию низких угловатых зданий — по утверждению НАСА, «самый крупный марсианский город».

— Не знаю, — проговорил репортер, потягивая из бутылки. — Думаете, они разумны?

— Трудно сказать... Жилища строят, — указал курильщик трубки.

— Гориллы тоже.

— Безусловно. Безусловно. — Курильщик просиял. — О, кстати, это мне напоминает... У нас дома его рассказывают об ирландцах... Летит следующий корабль на Марс, и вдруг выясняется, что какая-то кошмарная земная болезнь уничтожила марсиан. До единого. Эти тоже сдохли. Осталась только одна марсианка. Ну, все жутко расстроены, в ООН идут дебаты, заключают пакт против геноцида, а Америка выделяет двести миллионов долларов компенсации. В общем, чтобы раса совсем не вымерла, решают свести эту марсианку с человеком.

— Боже!

— Вот именно. Искали-искали, наконец нашли бедолагу Падди О'Шонесси и говорят ему: «Ступай в клетку к той марсианке. Тебе и дел-то, чтоб она забеременела». О'Шонесси отвечает: «А что я с этого буду иметь?», и ему обещают... ну, золотые горы. Конечно, он соглашается. Но потом открывает дверь клетки, видит эту дамочку и давай скорей оттуда пятиться. — Курильщик поставил бутылку в ящик и состроил гримасу, показывая охватившее Падди отвращение. — «Святые угодники! — причитает он. — Мне такое и привидиться не могло!» — «Тысячи фунтов, Падди!» — уговаривают его. «Ну ладно, — вздыхает тот. — Но при одном условии». — «Каком же?» — «Вы должны пообещать, что дети будут воспитаны во Христе».

— Да, я слышал, — вяло сказал репортер. Ногой он случайно задел штабель и повалил четыре ящика пустых бутылок.

Этого мистер Мандала уже вынести не мог. Его терпение лопнуло. Он судорожно вздохнул и затряс колокольчиком.

— Эрнст! Берзи! Бегом сюда! — А когда из двери показался оливковокожий Эрнст с перекошенным от ужаса лицом, мистер Мандала яростно закричал: — Сто раз вам твердил, бестолочи, не оставлять полные ящики!

Коридорные убирали битое стекло, украдкой поднимая черные лица и боязливо поглядывая на мистера Мандала, а тот стоял над ними и трясся от злости, чувствуя, что журналисты смотрят на него с неодобрением.

Утром, когда гости с шумом и гамом грузились в автобусы, мистер Мандала, сдав дела дневной смене, с двумя бутылками охлажденной кока-колы подошел к Эрнсту.

— Тяжелая ночь, — сказал он, и Эрнст кивнул. Они сели, прислонились к стене, отгораживающей бассейн от дороги, и принялись смотреть на отъезжающих репортеров. Большинство из них так и не сомкнули глаз. Мистер Мандала критически покачал головой — столько суматохи из-за какой-то ерунды!

Эрнст щелкнул пальцами и улыбнулся.

— Мне рассказали марсианскую шутку, мистер Мандала. Как вы назовете гигантского марсианина, который мчится на вас с копьем?

— О черт, Эрнст! — вздохнул мистер Мандала. — Я назову его «сэр». Этому анекдоту сто лет. — Он зевнул, потянулся и задумчиво произнес: — Казалось бы, должны появиться новые... А все, что я слышал, были с бородой. Только вместо католиков или евреев — марсиане.

— И я заметил, мистер Мандала, — поддакнул Эрнст.

Мистер Мандала встал.

— Пожалуй, лучше идти спать, — посоветовал он. — Вечером эта орава может вернуться. Не понимаю зачем... Знаешь, что я думаю, Эрнст? Что через полгода о марсианах никто и не вспомнит. Их появление ни для кого ничего не меняет.

— Вы меня простите, мистер Мандала, — кротко сказал Эрнст, — но я не могу с вами согласиться. Для некоторых людей это меняет очень многое. Это чертовски многое меняет для меня.

Роберт Силверберг
КАК ХОРОШО В ВАШЕМ ОБЩЕСТВЕ

Он был единственным пассажиром на борту корабля, единственным человеком внутри изящного цилиндра, со скоростью десять тысяч миль в секунду удаляющегося от Мира Бредли. И все же его сопровождали жена, отец, дочь, сын и другие — Овидий и Хемингуэй, Платон и Шекспир, Гете и Аттила, и Александр Великий. И старый друг Хуан, человек, который разделял его мечты, который был с ним с самого начала и почти до самого конца.

Кубики с матрицами близких и знаменитостей.

Шел третий час полета. Возбуждение после неистового бегства постепенно спадало, он принял душ, переоделся. Пот и грязь от дикой гонки через потайной туннель исчезли, не оставив и следа, но в памяти наверняка еще надолго сохранятся и гнилостный запах подземелья, и неподдающиеся запоры ворот, и топот штурмовиков за спиной. Однако ворота открылись, корабль был на месте, и он спасся. Спасся.

Поставлю-ка я матрицы...

Приемный паз был рассчитан одновременно на шесть кубиков. Он взял первые попавшиеся, вложил их на место, включил. Затем прошел в корабельный сад. Экраны и динамики располагались по всему кораблю. На одном из экранов расцвел полный, чисто выбритый, крупноносый человек в тоге.

— Ах какой очаровательный сад! Я обожаю растения! У вас настоящий дар к выращиванию!

— Все растет само по себе. Вы, должно быть...

— Публий Овидий Назон.

— Токас Войтленд. Бывший президент Мира Бредли. Ныне в изгнании, надо полагать. Военный переворот.

— Примите мои соболезнования. Трагично! Трагично!

— Счастье, что я сумел спастись. Вернуться, наверное, никогда не удастся. За мою голову скорее всего уже назначили цену.

— О, я сполна изведал горечь разлуки с родиной... Вы с супругой?

— Я здесь, — отозвалась Лидия. — Том, пожалуйста, познакомь меня с мистером Назоном.

— Взять жену не хватило времени, — сказал Войтленд. — Но по крайней мере я захватил ее матрицу.

Лидия выглядела великолепно; золотисто-каштановые волосы, пожалуй, чуть темнее, чем в действительности, но в остальном — идеальная копия. Он записал ее два года назад. Лицо жены было безмятежно: на нем еще не запечатлелись следы недавних волнений.

— Не «мистер Назон», дорогая. Овидий. Поэт Овидий.

— Прости... Почему ты выбрал его?

— Потому что он культурный и обходительный человек. И понимает, что такое изгнание.

— Десять лет у Черного моря, — тихо проговорил Овидий. — Моя супруга осталась в Риме, чтобы управлять делами и ходатайствовать...

— А моя осталась на Мире Бредли, — сказал Войтленд. — Вместе с...

— Ты что там говоришь об изгнании? — перебила Лидия. — Что произошло?

Он начал рассказывать про Макаллистера и хунту. Два года назад, делая запись, он не объяснил ей, зачем хочет сделать ее кубик. Он уже тогда видел признаки надвигающегося путча. Она — нет.

Пока Войтленд говорил, засветился экран между Овидием и Лидией, и возникло изборожденное морщинами, загрубевшее лицо Хуана. Двадцать лет назад они вместе писали конституцию Мира Бредли...

— Итак, это случилось, — сразу понял Хуан. — Что ж, мы оба знали, что так и будет. Многих они убили?

— Неизвестно. Я убежал, как только... — Он осекся. — Переворот был совершен безупречно. Ты все еще там. Наверное, в подполье, организуешь сопротивление. А я... а я...

Огненные иглы пронзили его мозг.

А я убежал.

Ожили и остальные экраны. На четвертом — кто-то в белом одеянии, с добрыми глазами, темноволосый, курчавый. Войтленд узнал в нем Платона. На пятом, без сомнения, Шекспир; создатели кубика слепили его по образу и подобию известного портрета: высокий лоб, длинные волосы, поджатые насмешливые губы. На шестом — какой-то маленький, демонического вида человек. Аттила? Все разговаривали, представлялись ему и друг другу.

Из какофонии звуков донесся голос Лидии:

— Куда ты направляешься, Том?

— К Ригелю-19. Прежду там. Когда все началось, другого выхода не оставалось. Только добраться до корабля и...

— Так далеко... Ты летишь один?

— У меня есть ты, правда? И Марк, и Линкс, и Хуан, и отец, и все остальные.

— Но ведь это лишь кубики, больше ничего.

— Что ж, придется довольствоваться, — сказал Войтленд.

Внезапно благоухание сада стало его душить. Он вышел через дверь в смотровой салон, где в широком иллюминаторе открывалось черное великолепие космоса. Здесь тоже были экраны. Хуан и Аттила быстро нашли общий язык; Платон и Овидий препирались; Шекспир задумчиво молчал; Лидия с беспокойством смотрела на мужа. А он смотрел на россыпь звезд.

— Которая из них — наш мир? — спросила Лидия.

— Вот эта, — показал он.

— Такая маленькая... Так далеко...

— Я лечу только несколько часов. Она станет еще меньше.

У него не было времени на поиски. Когда раздался сигнал тревоги, члены его семьи находились кто где — Лидия и Линкс

отдыхали у Южного Полярного моря, Марк был в археологической экспедиции на Западном плато. Интеграторная сеть сообщила о возникновении «ситуации С» — оставить планету в течение девяноста минут или принять смерть. Войска хунты достигли столицы и осадили дворец. Спасательный корабль находился наготове в подземном ангаре. Связаться с Хуаном не удалось. Шестьдесят из драгоценных девяноста минут ушли на бесплодные попытки разыскать друзей. Он взошел на корабль, когда над головой уже свистели пули. И взлетел. Один. С ним были только кубики.

Изощренные творения. Личность, заключенная в маленькую пластиковую коробку. За последние несколько лет, по мере того как неизменно росла вероятность «ситуации С», Войтленд сделал записи всех близких ему людей и на всякий случай хранил их на корабле.

На запись уходил час, и в кубике оставалась ваша душа, полный набор ваших личных стандартных реакций. Вложите кубик в приемный паз, и вы оживете на экране — улыбаясь, как вы обычно улыбаетесь, двигаясь, как вы обычно двигаетесь... Матрица запрограммирована участвовать в разговоре, усваивать информацию, менять свои мнения в свете новых данных; короче, она способна вести себя как истинная личность.

Создатели кубиков могли предоставить матрицу любого когда-либо жившего человека или вымышленного персонажа. Почему бы и нет? Вовсе не обязательно копировать программу с реального объекта. Разве трудно синтезировать набор реакций, типичных фраз, взглядов, ввести их в кубик и назвать получившееся Платоном или Аттилой? Естественно, сделанный на заказ кубик какой-нибудь исторической личности обходился дорого — сколько потрачено человеко-часов работы! Кубик чьей-нибудь усопшей тетушки стоил еще дороже, так как мало шансов существовало на то, что он послужит прототипом для других заказов. Каталог предлагал широкий ассортимент исторических личностей, и Войтленд, оснащая свой корабль, выбрал семь из них. Великие мыслители. Герои и злодеи. Он тешил себя надеждой, что достоин их общества, и отобрал самые противоречивые характеры, чтобы не лишить-

ся рассудка во время полета, который, он знал, когда-нибудь ему предстоит. В окрестностях Мира Бредли ни одной обитаемой планеты. Если когда-нибудь придется бежать, бежать придется далеко, а значит, долго.

От нечего делать Войтленд прошел в спальню, оттуда на камбуз, потом в рубку. Голоса следовали за ним из комнаты в комнату. Он мало обращал внимания на их слова, но им, казалось, было все равно. Они разговаривали друг с другом — Лидия и Шекспир, Овидий и Платон, Хуан и Аттила — как старые друзья на вселенской вечеринке.

— ...поощрять массовые грабежи и убийства. Не ради самого себя, нет, но, по моему убеждению, чтобы ваши люди не потеряли порыв, если можно так выразиться...

— ...рассуждая о поэтах и музыкантах в идеальной Республике, я делал это, смею вас заверить, без малейшего намерения жить в подобной Республике самому...

— ...короткий меч, такой, как у римлян, вот лучшее оружие...

— ...резня как метод политической манипуляции...

— ...мы с Томом читали ваши пьесы вслух...

— ...доброе густое красное вино, чуть разбавленное водой...

— ...но больше всех я любил Гамлета, как к сыну родному...

— ...топор, ах, топор!..

Войтленд закрыл глаза. Путешествие только началось, еще очень рано для общества, очень рано, очень рано. Идет лишь первый день. Мир потерян в мгновение ока. Нужно время, чтобы свыкнуться с этим, время и уединение, пока он разбирается в своей душе.

Он начал выбирать из паза кубики — сперва Аттилу, затем Платона, Овидия, Шекспира. Один за другим гасли экраны. Хуан подмигнул ему, исчезая; Лидия промокала глаза, когда Войтленд вытащил ее куб.

В наступившей тишине он почувствовал себя убийцей.

Три дня он молча бродил по кораблю. У него не было никаких занятий, кроме чтения, еды, сна... Самоуправляемый корабль обходился без помощи человека. Да Войтленд и не

умел ничего. Он мог лишь запрограммировать взлет, посадку и изменение курса, а корабль делал все остальное. Иногда Войтленд часами просиживал у иллюминатора, глядя, как Мир Бредли исчезает в дымке космоса. Иногда он доставал кубики, но не включал их. Гете, и Платон, и Лидия, и Линкс, и Марк хранили молчание. Наркотики от одиночества? Что ж, он будет ждать, пока одиночество станет невыносимым.

Войтленд много думал над тем, что происходит сейчас на планете. Повальные аресты, инсценированные судебные процессы, террор. Лидия в тюрьме? А сын и дочь? Хуан? Не проклинают ли его те, кого он оставил? Не считают ли трусом, избравшим удобный и безопасный путь на Ригель? «Бросил свою родину, Войтленд? Убежал, дезертировал?»

Нет, нет, нет. Лучше жить в изгнании, чем присоединиться к славной плеяде мучеников. Тогда можно слать воодушевляющие призывы в подполье, можно служить символом борьбы, можно когда-нибудь вернуться и повести несчастную отчизну к свободе, возглавить революцию и войти в столицу под ликующие крики народа...

Поэтому он бежал. Он остался жить сегодня, чтобы сражаться завтра.

Весомые, здравые рассуждения. Он почти убедил себя.

Войтленду смертельно хотелось узнать, что происходит на Мире Бредли.

Беда в том, что бегство в другую планетную систему — совсем не то, что бегство в какое-нибудь укрытие в горах или на отдаленный остров. Так много уходит времени на полет туда, так много уходит времени на победоносное возвращение... Его корабль был, собственно, роскошной яхтой, не предназначенной для межзвездных прыжков. Лишь после долгих недель ускорения он достигал своей предельной скорости — половины световой. Если долететь до Ригеля и тут же отправиться назад, на Мире Бредли пройдет шесть лет между его отлетом и возвращением. Что произойдет за эти шесть лет?

Что там происходит сейчас?

На корабле стоял тахионный ультраволновый передатчик. С его помощью можно за считанные минуты связаться

с любой планетой в радиусе десяти световых лет. Если захотеть, можно передать вызов через всю галактику и получить ответ меньше чем через час.

Он мог связаться с Миром Бредли и узнать участь своих близких в первые часы установления диктаторского режима.

Однако это значит прочертить тахионным лучом след, словно пылающую линию. Существовал один шанс из трех, что его обнаружат и перехватят военным крейсером. Риск велик, а он не хотел рисковать; нет, пока еще рано, чересчур близко.

Ну а если хунту раздавили в зародыше? Если путч не удался? Если он проведет три года в глупом бегстве к Ригелю, когда дома все благополучно?

Он не сводил взгляда с ультраволнового передатчика. Он едва не включил его.

Тысячи раз за эти три дня Войтленд тянулся к выключателю, терзался сомнениями, останавливался.

Нет, не смей. Тебя засекут и догонят.

Но может быть, я убегаю зря?

Возникла «ситуация С». Дело потеряно.

Так сообщила интеграторная сеть. Однако машины могут ошибаться. Может, наши удержались? Я хочу говорить с Хуаном. Я хочу говорить с Марком. Я хочу говорить с Лидией.

Потому ты и взял их матрицы. Держись подальше от передатчика.

На следующий день он вложил в приемный паз шесть кубиков.

Экраны засветились. Он увидел сына, отца, старого верного друга, Хемингуэя, Гете, Александра Великого.

— Я должен знать, что происходит дома, — сказал Войтленд. — Я хочу выйти на связь.

— Не надо. Я сам могу тебе все рассказать. — Говорил Хуан, человек, который был ему ближе брата. Закаленный революционер, опытный конспиратор. — Хунта проводит массовые аресты. Верховодит Макаллистер, величающий себя Временным Президентом.

— А может быть, нет. Вдруг я могу спокойно вернуться...

— Что случилось? — спросил сын Войтленда. Его куб еще не включался, и он ничего не знал о происшедших событиях. Запись была сделана десять месяцев назад. — Переворот?

Хуан стал рассказывать ему про путч. Войтленд повернулся к своему отцу. По крайней мере старику не грозили мятежные полковники: он умер два года назад, вскоре после записи. Кубик — вот все, что от него осталось.

— Я рад, что это случилось не при тебе, — сказал Войтленд. — Помнишь, когда я был маленьким мальчиком, а ты — руководителем Совета, ты рассказывал о восстаниях в других колониях? И я сказал: «Нет, у нас все иначе, мы всегда будем вместе».

Старик улыбнулся.

— Увы, Том, мы ничем не примечательны. И нет спасения от тиранов, ненавидящих демократию.

— По словам Гомера, люди предпочитают сон, любовь, пение и танцы, — заметил сладкоголосый учтивый Гете. — Но всегда найдутся возлюбившие войну. Кто скажет, почему боги даровали нам Ахилла?

— Я скажу! — прорычал Хемингуэй. — Вы даете определение человека по присущим ему внутренним противоречиям. Любовь и ненависть. Война и мир. Поцелуй и убийство. Вот его границы и пределы. Действительно, каждый человек есть сгусток противоположностей. То же и общество. И порой убийцы торжествуют над милосердными. Кроме того, откуда вы знаете, что те, кто вас сверг, так уж и не правы?

— Позвольте мне сказать об Ахилле, — промолвил Александр, высоко подняв руки. — Я знаю его лучше, ибо несу в себе его дух. И я говорю вам, что воины больше всех достойны править, пока обладают силой и мудростью, потому что в залог за власть они отдают жизнь. Ахилл...

Войтленд не интересовался Ахиллом. Он обратился к Хуану:

— Мне необходимо выйти на связь. Прошло четыре дня. Я не могу сидеть в корабле отрезанным от всего мира.

— Тебя запеленгуют.

— Знаю. А если путч провалился?

Войтленд дрожал. Он подошел к передатчику.

— Папа, если путч провалился, Хуан пошлет за тобой крейсер, — сказал Марк. — Они не допустят, чтобы ты зря летел до Ригеля.

Да, ошеломленно подумал Войтленд с неимоверным облегчением. Ну да, конечно! Как просто... Почему я сам не догадался?

— Ты слышишь? — окликнул Хуан. — Ты не выйдешь на связь?

— Нет, — пообещал Войтленд.

Шли дни. Он беседовал с Марком и Линкс, с Лидией, с Хуаном. Пустая беспечная болтовня, воспоминания о былом. Ему доставляло удовольствие говорить с холодной элегантной дочерью и взъерошенным долговязым сыном. Он разговаривал с отцом о правительстве, с Хуаном о революции; беседовал с Овидием об изгнании, с Платоном о природе несправедливости, с Хемингуэем об определении отваги. Они помогали ему пережить трудные моменты. В каждом дне были такие трудные моменты.

В часы, определенные хронометром как ночные, было несравненно тяжелей.

Охваченный огнем, он с криком бежал по коридорам. Словно гигантские белые фонари, над ним склонялись лица. Люди в серой форме и начищенных до блеска сапогах маршировали по его телу. Над ним глумились толпы сограждан. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК. Ему являлся Хуан. ТРУС. ТРУС. ТРУС. Жилистое тело Хуана было изувечено; его пытали. Я ОСТАЛСЯ, ТЫ БЕЖАЛ. Я ОСТАЛСЯ, ТЫ БЕЖАЛ. Ему показали в зеркале его собственное лицо — лицо шакала, с длинными желтыми клыками и маленькими подергивающимися глазками. ГОРДИШЬСЯ СОБОЙ? ДОВОЛЕН? СЧАСТЛИВ, ЧТО ЖИВ?

Он обратился за помощью к кораблю. Корабль убаюкивал его в колыбели из серебряных нитей, вводил в его вены холодные капельки неведомых лекарств. Он еще глубже погружался в сон, но все равно к нему прорывались драконы, чудища и

василиски, нашептывая издевательства и оскорбления. ПРЕДАТЕЛЬ, ПРЕДАТЕЛЬ, ПРЕДАТЕЛЬ. КАК СМЕЕШЬ ТЫ КРЕПКО СПАТЬ ПОСЛЕ ТОГО, ЧТО СДЕЛАЛ?

— Послушай, — сказал он как-то утром Лидии, — они убили бы меня в первый же час. Не существовало ни единого шанса найти тебя, Марка, Хуана, кого угодно. Был ли смысл ждать дальше?

— Никакого, Том. Ты поступил умно.

— Но я *верно* поступил, Лидия?

— Отец, у тебя не было выбора, — вмешалась Линкс. — Одно из двух: бежать или погибнуть.

Войтленд бродил по кораблю. Как мягки стены, как красива обивка! Умиротворяющие образы скользили по потолку. Чудесные сады радовали душу. У него были книги, игры, музыка...

Каково сейчас в подполье?

— Нам не нужны мученики, — убеждал он Платона. — Благодаря хунте их и так будет много. Нам нужны лидеры. Какой толк от мертвого руководителя?

— Очень мудро, мой друг. Вы сделали себя символом героизма — далекого, совершенного, недосягаемого, в то время как ваши коллеги ведут борьбу. И можете вернуться и послужить своему народу в будущем. Польза же от мученика весьма ограниченна, связана с определенным моментом, не правда ли?

— Вынужден с вами не согласиться, — вкрадчиво возразил Овидий. — Если человек желает быть героем, ему надо твердо стоять на своем и не бежать от последствий. Но какой разумный человек желает быть героем? Вы правильно сделали, друг Войтленд! Идите, пируйте, веселитесь, живите долго и счастливо!

— Ты издеваешься надо мной! — обвинил он Овидия.

— Я не издеваюсь. Я утешаю. Я развлекаю. Но не издеваюсь.

Ночами его преследовал колокольный звон, далекий смех. Воспаленным воображением владели смутные фигуры, ведьмы, упыри.

— Помогите мне! — взмолился он. — Зачем я брал вас с собой, если от вас нет помощи?

— Мы стараемся, — ответил Хемингуэй. — Мы согласны, что ты поступил разумно.

— Все это слова, чтобы меня успокоить. Вы не искренни...

— Лучше сформулировать иначе, — деликатно вмешался Хуан. — Том, ты был обязан спасти себя. Таким образом, ты внес неоценимый вклад в наше общее дело. Ведь нас всех, возможно, уже уничтожили.

— Да, да.

— Так чего бы ты добился, оставшись? Своей смерти? Ну, отвлекись от ложного героизма! — Хуан покачал головой. — Руководитель в изгнании лучше, чем руководитель в могиле. Ты можешь направлять борьбу с Ригеля, если нас нет. Главное — чувствовать динамику ситуации.

— Ты объясняешь так логично, Хуан...

— Мы всегда понимали друг друга.

Войтленд активировал кубик отца.

— А ты что скажешь? Что мне надо было делать — оставаться или уходить?

— Может быть, оставаться, может быть, уходить. Как я могу решать за тебя? Безусловно, практичнее было спастись. Остаться было бы драматичнее.

— Марк?

— Я бы дрался до конца. Зубами, ногтями... Но это я. Наверное, ты поступил правильно, папа. То есть для тебя это правильно.

Войтленд нахмурился.

— Перестань говорить загадками. Скажи прямо — ты меня презираешь?

— Ты же знаешь, что нет, — ответил Марк.

Кубики утешили его. Вскоре он стал спать более крепко, обрел покой.

— В последние дни тебе лучше, — заметила Лидия.

— Наконец отделался от сознания вины, — проговорила Линкс.

— Стоило лишь по-другому взглянуть на внутреннюю логику событий, — сказал Хуан. — Надеюсь, теперь тебе все ясно? Может быть, ты думал, что боишься, думал, что спа-

саешься бегством, но на самом деле ты оказывал услугу республике.

Войтленд ухмыльнулся.

— То есть я поступил правильно, исходя из неправильных соображений?

— Именно. Именно.

— Главное — что ты можешь внести большой вклад в наше дело, — раздался голос отца. — Ты еще молод. У тебя есть время вернуть утраченное.

— Да. Безусловно.

— А не погибнуть героической и бессмысленной смертью, — заключил Хуан.

— С другой стороны, — внезапно сказал Марк, — ты планировал свое спасение загодя. Специально готовил записи, выбирал знаменитостей, которых хотел взять...

Войтленд нахмурился.

— Что ты этим...

— Словно давно принял решение броситься наутек при первых признаках опасности, — продолжила Линкс.

— Их слова не лишены смысла, — сказал отец. — Одно дело — разумная самозащита, и совсем другое — неумеренная забота о собственном благополучии.

— Я не хочу сказать, что тебе следовало остаться и погибнуть, — промолвила Лидия. — Я такого никогда не скажу. Но все равно...

— Погодите! — возмутился Войтленд. Кубики неожиданно оборачивались против него. — Что вы несете?!

— Ну и уж из чисто спортивного интереса... — продолжал Хуан. — Если бы стало известно, как заблаговременно ты готовил путь к спасению, с какими удобствами ты направляешься в изгнание...

— Вы должны помогать мне! — закричал Войтленд. — К чему все это? Чего вы хотите добиться?

— Ты знаешь, что мы любим тебя, — сказала Лидия.

— Нам больно видеть твое заблуждение, — произнесла Линкс.

— Разве ты не собирался бежать? — спросил Марк.

— Перестаньте! Остановитесь!

— Исключительно из спортивного интереса...

Войтленд кинулся в рубку и вытащил кубик Хуана.

— Мы пытаемся объяснить тебе, дорогой...

Он вытащил куб Лидии, куб Марка, куб Линкс, куб отца. На корабле воцарилась тишина.

Войтленд скорчился, задыхаясь, и ждал, пока утихнет раскалывающий голову крик.

Через час, взяв себя в руки, он включил передатчик и настроился на частоту, которую могло бы использовать подполье. Раздался шорох, потрескивание, затем настороженный голос произнес:

— Четыре девять восемь три, принимаем ваш сигнал. Кто вы?

— Войтленд. Президент Войтленд. Я хочу говорить с Хуаном. Вызовите мне Хуана.

— Подождите.

Войтленд ждал. Пощелкивания, гудение, треск.

— Вы слушаете? — раздался голос. — Мы вызвали его. Но говорите быстро. Ему некогда.

— Ну, кто это? — голос Хуана.

— Том. Том Войтленд, Хуан!

— Это в самом деле ты? — Холодно, за тысячи парсеков, из другой вселенной. — Наслаждаешься путешествием, Том?

— Я должен был связаться с тобой. Узнать... узнать, как дела, что с нашими. Как Марк, Лидия, ты...

— Марка нет — убит при попытке застрелить Макаллистера. Лидия и Линкс в тюрьме. Большинство других мертвы. Нас не больше десятка, мы обложены. Разумеется, остался ты.

— Да.

— Сволочь, — тихо проговорил Хуан. — Подлая сволочь. Мы приняли на себя огонь, а ты забрался в корабль и улетел.

— Меня бы тоже убили, Хуан. За мной гнались. Я едва ушел.

— Ты должен был остаться.

— Нет. Нет. Ты говорил другое! Ты говорил, что я прав, что я послужу символом борьбы, воодушевляя...

— Я это говорил?!

— Да! — настаивал Войтленд. — Вернее, твой кубик.

— Убирайся к черту, — сказал Хуан. — Полоумный мерзавец.

— Твоя матрица. Мы обсуждали... ты объяснял...

— Ты сошёл с ума? Твои кубики запрограммированы говорить то, что ты хочешь услышать. Если хочешь, убегая, чувствовать себя героем, они докажут тебе, что ты герой.

— Но я... ты...

— Приятного полета, Том.

— Я не мог остаться на верную смерть? Какая была бы от этого польза? Хуан, помоги мне! Что мне теперь делать?

— Меня совершенно не интересует, что ты будешь делать. Обратись за помощью к своим кубикам. Прощай, Том.

— Хуан...

Связь оборвалась.

Войтленд долго сидел не шевелясь. Вот оно что. Кубики запрограммированы говорить то, что ты хочешь услышать. Если хочешь, убегая, чувствовать себя героем, они докажут тебе, что ты герой. А если хочешь чувствовать себя злодеем? И это докажут. Они готовы на все, что тебе нужно.

Он вставил в паз Гете.

— Поведай мне о мученичестве.

Гете сказал:

— В нем есть соблазнительные стороны. Можно погрязть в грехах, зачерстветь от бездушия, а потом в одной огненной вспышке жертвоприношения навеки прославить свое имя.

Он вставил в паз Хуана.

— Расскажи мне о моральном значении гибели при исполнении долга.

— Это может превратить заурядного политического деятеля в выдающуюся историческую личность, — сказал Хуан.

Он вставил в паз Марка.

— Каким бы ты хотел видеть своего отца: живым трусом или мертвым героем?

— Ты должен биться, папа.

Лидия. Линкс. Его отец. Александр Великий, Аттила, Хемингуэй. Шекспир. Платон. Овидий. Все твердили про отвагу, искупление, самопожертвование, благородство.

Так. Значит, они говорят то, что он хочет услышать.

Он взял кубик сына.

— Ты мертв. Марка больше нет. Это я — думающий его умом, говорящий его голосом...

Войтленд открыл люк конвертера и швырнул туда кубик Марка. Затем кубик Лидии, Линкс. Отца. Александра. Аттилы. Шекспира. Платона. Овидия. Гете.

Он взял кубик Хуана и вложил его в паз.

— Скажи мне правду. Что случится, если я вернусь к Миру Бредли?

— Ты благополучно доберешься до подполья и возглавишь борьбу. Ты поможешь нам скинуть Макаллистера. С тобой мы победим.

— Ерунда! — отрезал Войтленд. — Я скажу тебе, что будет на самом деле. Меня перехватят еще на орбите и отдадут под трибунал. А потом расстреляют. Верно? Верно? Ну скажи мне правду, хоть один раз! Скажи, что меня расстреляют!

— Ты ошибочно представляешь себе динамику ситуации, Том. Твое возвращение возымеет такое действие...

Он вынул кубик Хуана и бросил его в конвертер.

— Ау! — позвал Войтленд. — Есть тут кто-нибудь?

Корабль молчал.

— Как хорошо в вашем обществе... Мне его будет недоставать. Но я рад, что вас нет.

В рубке он ввел программу «Возвращение к пункту отправления». Его руки дрожали, но программа пошла. Приборы показали изменение курса. Корабль поворачивался. Корабль нес его домой.

В одиночестве.

Рассказ прекрасно исцеляет душу. Зря мы думаем, что живем в эпоху подлых политиков и повсеместной продажности. В другие-то времена было — и будет — только хуже.

Альфред Бестер
ВЫБОР

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, подобным вам, мне или Адьеру.

Не можно ли вы потратить на одна чашка кофе, достопочтенный сэр? Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался средними величинами и распределениями, гомогенными группами и случайными отборами. Ночью же Адьер погружался в сложные и тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, не забыв, разумеется, прихватить энциклопедии, бестселлеры и таблицы с результатами скачек; либо воображал себя в Золотом Веке совершенства далекого будущего. Пока вы, и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ли пожертвовать одна чашка кофе, дрожайшая мадам? Для благославенная щедрость. Я признателен.

В понедельник Адьер ворвался в кабинет своего шефа, размахивая кипой бумаг.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!..

— О черт, — отозвался Гранд. — Какие могут быть открытия во время войны?

— Я поднимал материалы Внутреннего департамента... Вам известно, что численность нашего населения увеличилась? На 3,0915 процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что... Должно быть, где-то вкралась ошибка, — пробормотал Гранд, пролистав бумаги. — Проверьте.

— Есть, сэр, — затараторил Адьер, покидая кабинет. — Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы образцовый статистик, сэр.

Во вторник Адьер обнаружил отсутствие связи между отношением «рождаемость-смертность» и ростом населения. Адьер представил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьер выяснил, что в окрестностях Вашингтона численность населения упала на 0,0029 процента. Это было неприятно, и ему пришлось искать прибежища в мечтах о Золотом веке королевы Виктории, в котором он изумил и покорил мир потоком романов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр?! Я есть бедная личность, нуждающаяся в жалость.

В четверг Адьер проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 процента! Так!.. Литл-Рок — 1,1329. Сент-Луис — 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джефферсона, происшедшее из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьер, дрожа от возбуждения. Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а следующим днем по имеющимся данным начертил на карте останков США концентрические окружно-

сти, цветами обозначая плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер в высокой статистической страсти. — Ответ таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ, — велел Гранд, и Адьер удалился.

Можно ли уделить цена один кофе, почтенная мисс? Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарлстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы:

— Если бы я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарлстон. Там Адьер получил почти смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, по счастью, железнодорожного полотно. Он лечился весь путь: Бирмингем (бубонная чума), Мэмфис (отравленная вода), Литл-Рок (карантин) и, наконец, Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на земле; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в гостинице Адьер направился в местный Статистический центр, вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не существовало.

Весьма раздраженный Адьер направил стопы в Медицинское бюро, предполагая получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адьеру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повивальные бабки, но их списков не

имеется. Придется ходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на клочке оберточной бумаги написал: «Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений». Он засунул послание в алюминиевую капсулу, прикрепил ее к единственному выжившему почтовому голубю и с молитвой выпустил его. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. На площадь внизу только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая колымага со скрежетом затормозила, с большим трудом открылись двери, и вышел одноногий мужчина с забинтованным обожженным лицом — очевидно, состоятельный фермер, который мог позволить себе приехать в поисках медицинского обслуживания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас и дал гудок. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда... абсолютно ниоткуда... появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин... они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые, они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они походили на туристов — с сумками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из салона грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят, — пробормотал Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет. Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погодя:

— Они выглядят здоровыми. Почему они не на службе?

И наконец:

— Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе? Я инороден и слаб голодом.

* * *

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги, и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса в Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге. Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я трижды проклят, — тяжело прохрипел Адьер. — Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонсона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Район кишит шпионами!

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидают восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать пять тысяч в год. Возможно, это и есть ключ к тайне роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила:

«ЭВРИКА, Я НАШЕЛ».

Не можно потратить на одна одинокая чашка кофе, бесценная мадам? Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Счастливый шанс представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не влезли. Вовсе не обескураженные, они отошли, замахали руками, выкрикивая напутствия отъезжающим, затем повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и следовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не скрылись в старом амбаре.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на неразорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, где искать ответ.

Сумерки сгустились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватили за руки, к лицу прижали что-то мягкое...

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливец, достойный сэр! Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом за столом сидел и деловито писал седовласый джентльмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минутку, мистер Адьер, — вежливо сказал джентльмен и что-то сделал с радиоприемником. В центре комнаты над круглой медной плитой возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к столу, засмеялась и затараторила:

— Вд-ни-тк-ик-тл-нк.

Джентльмен улыбнулся и указал на дверь.

— Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски!

— Едва ли. Скорее это старофранцузский. Середина XV века. Простите.

Он снова включил радио. Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью:

— Мууу, фууу, блууу, уауу, хаууу, пууу.

Джентльмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентльмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь

вперед, вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через несколько минут исчезает.

— Что?! — выдохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да... Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории и т.д. И никто не видел истинного его назначения... Терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие средства. Мы позволяем им эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю...

— Вы попали в иммиграционное бюро.

— О господи! — Адьер подскочил на койке. — Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи... Откуда?

— Из будущего, разумеется. Перемещение во времени стало возможным лишь с... э, скажем, с 2505 года.

— Но те, замедленные... Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, однако первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентльмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно утрачивают контакт с реальностью. Знал я одного... его не устраивало ничто другое, кроме времен королевы Елизаветы. «Шекспир, — говорил он, — испанская Армада. Дрейк и Рэли. Самый мужественный период истории. Золотой Век». Я не смог его образумить, и вот... Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки...

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются... Извините.

Из свечения вышел мужчина, что-то протараторил и выскочил за дверь, чуть не столкнувшись с обнаженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом:

— Простите, мистер Джеллинг, кто этот только что вышедший джентльмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной... Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагими?

— Подойдите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, — произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что такое водопровод по сравнению с древнегреческими философами? Но потом вам надоедает натыкаться на великих мудрецов и слушать, как они распространяются про избитые истины. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям, которых раньше не замечали.

— Это поверхностный подход, — возразил Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств... Или, наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастлив. Я...

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Великое заблуждение. Назовите такое время.

— Американская революция.

— Э-э-э! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует. Смертная казнь за сотни малейших проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам бог принадлежать к меньшинству. Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, те же убеждения сделают вас

опасным радикалом сотню лет назад. Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богаты, а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни... уставшие, изможденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести... радио, например. Я сделал бы состояние на одном радио!

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготавливать вакуумные диоды, гетеродинные цепи и т.д. Вам придется для начала получить электрический ток, построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток. Вам... Но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель внутреннего сгорания, когда еще не имеют представления о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я и не думал... А книги? Я мог бы запомнить...

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов понять ее. Она не станет доходной, если ее не будут покупать.

— А если отправиться в будущее?

— Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадцатом веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? Думать на этом языке? Приспособиться к иным темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер, — если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют, — ответил Джеллинг. — Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой Век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути... Половина попрошаек, которых вы видели, наверняка лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжают сюда... думают, что попали в Золотой Век?!

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер. — Неужели они не видят: руины? радиация? война? истерия? Самый ужасный период в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется вам. Представители каждого поколения твердят, что их время — самое тяжелое. Но поверьте моему слову: когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом Веке.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете, — мрачно сказал он. — У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — надо хранить тайну.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не обратит на вас внимания. Вы будете иностранцем, чудаком...

— А если я вернусь?

— Вы не можете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это утешит, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец...

— Значит, вы отправите меня...

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или в будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер. — Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться, — нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усыпить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят... или на сто лет позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете — прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздеваться медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя ноги, он взошел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю. Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в прибежище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена, кроме своего собственного, кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет. Что день сегодняшний, плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный, — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно потратить цена одна чашка кофе, достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошайная личность. Я есть изголодный японский странник оказаться в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город Лайонесс. Я хочу на колени молить виза. Я хочу в Хиросима, назад, в 1945-й. Я хочу домой.

Джон Койн
ПОЗВОНИТЕ!

Мне приходилось очень нелегко. Вопросы сыпались в письмах, в телеграммах, по телефону. В любой час дня и ночи ко мне могли прийти, и я спрашивал через замочную скважину: кто вы, чего хотите?

— Меня зовут Майкл, я друг Шерри. Она посоветовала обратиться к вам. Сказала, что вы поможете.

Я отпирал замок и открывал дверь. Меня уже не раз грабили таким образом, но что оставалось делать? Я хотел помочь.

Одну стену в комнате целиком занимала картотека. Письма в стальных и картонных импровизированных ящиках я систематизировал по фамилии и адресу: ВИНИК Ричард Л., Шестнадцатая улица. Плюс перекрестная тематическая ссылка: одиночество, деньги, путешествия, зверушки... Две тысячи двести сорок девять категорий.

Сперва я печатал ответы на старенькой «Оливетти Леттера 32». На это уходило все утро. Потом, когда начали обращаться по телефону и приходить домой, — даже больше.

Почта стала накапливаться, моя ящик «для входящих» превратился в мусорный бак. Невлезшие письма и открытки грудами пылились в бумажных мешках. Я нанял на неполный рабочий день секретаршу, окончившую курсы стенографисток и печатавшую со скоростью шестьдесят пять слов в минуту.

Теперь ответы я диктовал. Она сидела за моим столом, миниатюрная девушка из Роквилла, что в штате Мэриленд. Неизменный свитер, подарок дружка, и завтрак в коричневом бумажном пакете. Голос у нее был едва слышный, словно шелест пролетающей птички. Я мерил шагами комнату, а она сидела, вся внимание, изготовив карандаш и блокнот.

Ее звали Гейл. Записи она брала домой, печатала там и приносила письма на следующее утро. Я перечитывал их и каждое подписывал, пока Гейл варила кофе. В удачные дни мы делали до двадцати пяти писем — больших, по три-четыре страницы. Диктуя, я не мог удержаться. Я мыслил целыми параграфами.

С телефонными звонками я управлялся сам. У меня были три номера и специальная система, чтобы абонент ждал на линии. Включалась запись моего голоса: «Здравствуйте, сейчас я занят, но после гудка назовите, пожалуйста, свое имя, номер телефона и интересующий вопрос».

Я удлинил шнуры, чтобы, разговаривая, передвигаться по комнате. Это было необходимо. Часто встречались вопросы справочного характера, и мне приходилось заглядывать в книги: «Столица Чада?.. Где находится могила Генри Джеймса?.. Кто победил в бое между Демпси и Танни в 1925 году?..»

Моя квартира ломилась от справочников, указателей, статистических сборников, энциклопедий, отчетов. Платяной шкаф был набит документами Главного почтового управления. Одежду я держал в ванной; рубашки и костюмы висели на перекладине для шторы.

Звонил телефон. Он звонил всю ночь и вырывал меня из кошмаров. Мне снилось, что я играю в теннис, а вдоль сетки и разметочных линий толпятся люди — они зовут меня, машут руками, привлекают внимание. Я слышал их крики. Телефон надрывался, будто выкипающий чайник.

— Алле? — доносится приглушенно, издалека.

— Смелей, не волнуйтесь, теперь все в порядке.

Мне говорили, что мой голос действует как горячее какао. Он сразу согревает звонящего, успокаивает мятущуюся душу.

— Подруга посоветовала обратиться к вам. Она сказала, что вы поможете. Извините, что я звоню поздно...

Так начинало большинство. Одинокие, потерянные люди в телефонах-автоматах, набирающие номер в угрюмой ночи. Они брели сквозь туманную мглу к белеющим будкам, словно к убежищу, к святыне. Мою фамилию и номер телефона разносили тысячи благодарных, писали на стенах. Я сам видел их на вокзальных писсуарах. Гейл прошептала, что впервые на мое имя она наткнулась в женской раздевалке школьного спортзала.

Всю ночь, пока Вашингтон не отключался устало, телефон ревел как сигнал тревоги. Затем вновь, спозаранку, еще до шести, женщина в слезах кричала в трубку: «Черт побери, мне нужен развод! Я с ума сойду с этим человеком! Только развод!»

Я делал все, что мог. Я успокаивал и утешал страдающих, старался вдохнуть в них надежду. Я поддерживал их, информировал и наставлял. Я поучал и проповедовал. Я придавал смелости и сил.

А затем поток захлестнул меня и оставил позади. Я не мог угнаться и безнадежно отстал. Стали поступать иные вопросы, вопросы узконаучного характера. Они требовали глубоких знаний и специальной подготовки. Я не разбираюсь в нейролептических средствах, не силен в утилитаризме, смутно представляю себе философско-этические проблемы.

Началось все очень просто. Девушка в метро. Мы сидели рядом, и она спросила:

— Как мне попасть в Гэллери-плейс?

Легкий вопрос. Достаточно было вымолвить одно слово. Или покачать головой. Но мне живется одиноко, у меня нет друзей.

Я достал схему и показал, где делать пересадку. Объясняю я вообще хорошо, не спеша, обстоятельно. Симпатичная девушка с улыбчивыми карими глазами и пухлым личиком Вашингтона не знала и рассыпалась в благодарностях — я оказался первым добрым и отзывчивым человеком, которого она

встретила в городе. Вашингтон слишком большой, пожаловалась она, и мы заговорили о ее родном Потсвилле, что в штате Пенсильвания.

— Джон О'Хара, — заметил я.

— Это мало кто знает, — пораженно сказала она под сильным впечатлением от легкости, с какой я разбирался в схеме метро и биографиях писателей.

— Я собираю информацию, — пояснил я, — такое у меня увлечение.

На прощание я сунул ей в руку свою карточку.

Их у меня тысячи: с именем, адресом и номером телефона. Карточки предлагали людям звонить мне в любое время дня и ночи. В свою пору я оставлял их повсюду, колеся по городу на автобусах: в церквях, у почтовых ящиков, в залах аэропорта, в вагонах подземки. Я оставлял их там, где люди собирались и ждали.

— Моя подруга, которая познакомилась с вами в метро, сказала, что вы ей помогли. — Еще один робкий голос. — Я ищу работу. Может...

— Да! Да! — выпалил я в трубку. Я был готов, располагал справочниками и сведениями, объявлениями о найме в «Пост» и «Перечнем профессий» министерства труда. Я приступил к делу.

Она нашла работу немедленно. Буквально на следующий день. С первого же собеседования ее взяли официанткой. В благодарность она рассказывала обо мне своим клиентам. Стали звонить другие. Лавина нарастала в геометрической прогрессии. Потом начались визиты.

У меня нет кабинета или приемной. Люди приходили день за днем, сидели на лестнице. Я живу на четвертом этаже, и хвост тянулся на улицу.

Жильцы сетовали, но мои посетители были очень вежливы. Они сидели по одному на ступеньке и не загораживали проход. Они не мусорили. Некоторые, ожидая очереди, слушали музыку, но только в наушниках, и никогда не танцевали на площадках.

Я принимал два дня в неделю, не укладываясь в отведенные часы. Такой уж мир нас окружает, трудно придер-

живаться графика. Жизнь не загнать в рамки от девяти до пяти, за час всех проблем не решить. Мы держались за руки, вместе курили. Мы беседовали и предавались воспоминаниям. Люди любят поговорить. Люди наделены даром речи и желанием высказаться. Они не дураки. Я внимательно слушал и понимающе кивал.

Так ко мне пришла известность: человек, под дверью у которого толпятся незнакомцы. Раньше со мной никто не заговаривал; всем было плевать. Теперь я прославился. Обо мне писали в «Вашингтон пост» и «Панораме».

Люди слали мне деньги и просили продолжать благое дело. Я открыл счет и учредил бесприбыльный культурный фонд. Издатели обращались с просьбами написать автобиографию. Я удостоился чести приглашения в Белый Дом и жал руку жене президента.

Потом позвонила женщина, связанная с компьютерами и информационными сетями, и предложила помощь. Она взахлеб расписывала новую технику и грандиозные возможности.

Да, ответил я, сознавая свое слабое место. Я безнадежно отстал в переписке. Я даже не мог принять всех, кто ждал у моей двери.

— Мы во сто крат повысим эффективность, — продолжала она увлеченно и напористо. — Ваша производительность совершит резкий скачок!

Ее организация, объяснила она, располагает письмами-полуфабрикатами ничуть не хуже обычных. Устройством, которое будет ставить мою подпись. Мой спокойный голос зазвучит с пластинок и магнитных лент. Я смогу писать книги, публиковать их на иностранных языках. Не думал ли я о китайском? Нет, признался я, но, возможно, из-за нехватки времени. Конечно, она понимает, оттого и предложила помощь; а я, безусловно, не чужд здравого смысла.

Сперва прекратились звонки. Телефон уже не стрекотал среди ночи. В квартире воцарилась непривычная тишина.

Затем установили пульт с записями. Мой голос давал советы и сведения. Я сам мог набрать номер, спросить что-

нибудь и выслушать свой собственный уверенный ответ. Это было поразительно.

Груды писем исчезли, почтальон вновь стал со мной здороваться. Гейл пришлось отпустить. Я пытался найти ей работу и не сумел, но она позвонила мне по телефону и в тот же день устроилась.

Я продлил приемные часы... Напрасно. Люди просто звонили и сразу же получали ответ. Кому охота тащиться на четвертый этаж?

Теперь времени у меня было вдоволь. Я размышлял, выходил на долгие прогулки, смотрел кино, слушал радио. Я слонялся по улицам и улыбался туристам, каждый день тщетно поджидая почтальона.

В прошлом месяце около полуночи внезапно зазвонил телефон, первый раз за полгода, и я схватил трубку. Ошиблись номером. Какой-то мужчина хотел поговорить с Сарой. Я ответил, что таких нет, и тут же вызвался помочь найти ее. Я поспешил за справочником, но он не стал дожидаться.

От тишины в квартире дрожат руки.

Позвоните мне.

Айзек Азимов
ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА — ЛЮБОВЬ?

— Два совершенно разных вида! — настаивал капитан Гарм, пристально рассматривая доставленные на корабль создания. Его оптические органы выдвинулись далеко вперед, обеспечивая максимальную контрастность.

Проведя месяц на планете в тесной шпионской капсуле, Ботакс наконец блаженно расслабился.

— Не два вида, — возразил он, — а две формы одного вида.

— Чепуха! Между ними нет никакого сходства. Благодарение Вечности, внешне они не так мерзки, как многие обитатели Вселенной. Разумный размер, различимые члены... У них есть речь?

— Да, капитан, — ответил Ботакс, меняя окраску глаз. — Мой рапорт описывает все детально. Эти существа создают звуковые волны при помощи горла и рта — что-то вроде сложного кашля. Я и сам научился. — Он был горд. — Это очень трудно.

— Так вот отчего у них такие невыразительные глаза... Однако почему вы настаиваете, что они принадлежат одному виду? Смотрите: у того, что слева, длиннее усики, или что там у него, и само оно меньше и по-другому сложено. В верхней части у него выпирает что-то, чего нет у того, справа... Они живы?

— Живы, но без сознания — прошли курс психолечения для подавления страха. Так будет проще изучать их поведение.

— А стоит ли изучать? Мы и так не укладываемся в сроки, а нам нужно исследовать еще по крайней мере пять миров большего значения, чем этот. Кроме того, трудно поддерживать Временной Стасис, и я бы хотел вернуть их и продолжать...

Влажное веретенчатое тело Ботакса даже завибрировало от возмущения. Его трубчатый язык облизал мягкий нос. Скошенная трехпалая рука качнулась в отрицательном жесте, а глаза перевели спектр беседы целиком в красный свет.

— Спаси нас Вечность, капитан! Ни один мир не имеет большего значения, чем этот. Мы стоим перед серьезнейшим кризисом. Эти создания могут оказаться самыми опасными в галактике — именно потому, что их две формы.

— Не понимаю.

— Капитан, планета уникальна. Она настолько уникальна, что я сам еще не в состоянии осознать все последствия. Например, почти все виды представлены в двух формах. Если позволите употребить их звуки, то первая, меньшая, называется «женской», а вторая — «мужской», так что они-то сознают разницу.

Гарм мигнул.

— Какое отвратительно средство связи...

— И, капитан, чтобы оставить потомство, эти две формы должны сотрудничать.

Капитан, который, наклонившись, со смесью любопытства и отвращения разглядывал пленников, резко выпрямился.

— Сотрудничать? Что за чепуха? Самый фундаментальный закон жизни: каждое существо приносит потомство в глубочайшем и сокровенном общении с собой. Что же еще делает жизненные формы жизненными?

— Чтобы одна форма произвела потомство, другая должна принимать участие, — упрямо повторил Ботакс.

— Каким образом?

— Очень трудно выяснить. Эта процедура считается у аборигенов интимной. В местной литературе я не мог найти точного и исчерпывающего описания. Хотя мне удалось вывести кое-какие разумные заключения.

Гарм покачал головой.

— Нелепо... Почкование — священнейший, самый интимный процесс на десятках тысяч планет. Как сказал великий фотобард Левуллин: «Во время почкования, во время почкования, в то самое прекрасное мгновение, когда...»

— Капитан, вы не поняли. Это сотрудничество между формами приводит, не знаю точно как, к рекомбинации генов. Таким образом, в каждом поколении осуществляются новые варианты. Они развиваются в тысячи раз быстрее нас!

— Вы хотите сказать, что гены одного индивидуума могут комбинироваться с генами другого? Вы понимаете, насколько это смехотворно с точки зрения физиологии клетки?

— И все же, — нервно произнес Ботакс под тяжелым взглядом капитана, — эволюция ускоряется. Это просто мир разгула видов: их здесь миллион с четвертью.

— Двенадцать с четвертью будет ближе к истине. Не стоит принимать на веру то, что написано в туземной литературе.

— Я сам видел в очень маленьком регионе сотни различных видов. Говорю вам, капитан, дайте им время, и они разовьются в расу, способную превзойти нас и править галактикой.

— Докажите, что сотрудничество, о котором вы ведете речь, имеет место, и я рассмотрю ваши предложения. В противном случае я сочту ваши фантазии нелепыми, и мы полетим дальше.

— Докажу! — Глаза Ботакса засверкали ярким желтым огнем. — Обитатели этого мира уникальны еще и в другом отношении. Они предвидят достижения, которых пока не добились, — очевидно, это следствие их веры в быстрое развитие. Я перевел их термин для такой литературы, как «научная фантастика». И читал я почти исключительно научную фантастику, потому что уверен: в своих мечтах они ярче

выражают себя и свою угрозу нам. И именно из научной фантастики я вывел метод их сотрудничества.

— Как вам это удалось?

— У них есть периодическое издание, которое иногда публикует научную фантастику, полностью посвященную разнообразным аспектам этого сотрудничества. Его название звучит приблизительно так: «Плейбой». Там не выражаются абсолютно ясно, что весьма раздражает, но отпускают прозрачные намеки. Очевидно, существо, подбирающее рассказы для издания, только этой темой и интересуется. Отсюда я и знаю, как все происходит... Капитан, после того, как на наших глазах появится молодняк, умоляю: прикажите развеять эту планету на атомы!

— Ладно, — утомленно согласился капитан Гарм. — Приведите их в сознание и делайте свое дело.

Мардж Скидмор неожиданно осознала, где находится. Она отчетливо вспомнила перрон в сгущающихся сумерках; перрон был почти пуст — один мужчина стоял рядом с ней, другой — на другом конце. Уже слышался шум подходящего поезда.

Затем — вспышка, ощущение, будто тебя выворачивают наизнанку, и полуиллюзорное видение какого-то тонкого существа, покрытого слизью, и...

— О боже, — простонала Мардж, — я все еще здесь.

Она чувствовала слабое отвращение, но не страх. Она была почти горда, что не чувствует страха. Тут же стоял мужчина — тот самый, что был рядом с ней на платформе.

— Вас они тоже прихватили? — спросила Мардж. — Кого еще?

Чарли Гримвольд попытался поднять руку, чтобы снять шляпу и пригладить волосы, но не сумел и пальцем шевельнуть — что-то мешало, словно все тело стягивал резиновый кокон. Чарли посмотрел на узколицую женщину напротив — лет за тридцать, отметил он, и довольно привлекательная. Но в данных обстоятельствах ему просто хотелось очутиться отсюда подальше, и даже женское общество его не утешало.

— Не знаю, мадам. Я стоял на платформе...

— Я тоже.

— Потом увидел вспышку и... Это, наверное, марсиане.

Мардж энергично кивнула.

— И я так думаю. Вы боитесь?

— Как ни странно, нет.

— Я тоже не испугана. Удивительно, правда? О боже, одно из них подходит!.. Если эта тварь коснется меня, я закричу. Посмотрите на его кожу — вся в слизи! Меня тошнит.

Ботакс приблизился и, как можно тщательнее выговаривая слова, произнес:

— Создания! Мы не причиним вам вреда. Мы только просим показать ваше сотрудничество.

— Э, да оно разговаривает! — удивился Чарли. — Что значит «сотрудничество»?

— Оба. Друг с другом, — пояснил Ботакс.

— Вы понимаете, что он хочет сказать? — Чарли вопросительно посмотрел на Мардж.

— Понятия не имею, — надменно бросила она.

Ботакс сказал:

— Я имею в виду... — и употребил короткий термин, никогда не попадавшийся ему в литературе, но встречающийся в устной речи как синоним искомой процедуры.

Мардж залилась краской и громовым голосом воскликнула:

— Что?!

Ботакс и капитан Гарм в ужасе заткнули слуховые отверстия и болезненно задрожали.

— Какая наглость! — яростно кричала Мардж. — Я замужняя женщина... О, если бы мой Эд был здесь... А вы, умник, — она повернулась к Чарли, преодолевая резиновое сопротивление, — кем бы вы ни были, если думаете...

— Мадам, мадам! — в отчаянии взмолился Чарли. — Это не моя идея, клянусь вам. Поверьте, я не такой человек... Я тоже женат. У меня трое детей! Послушайте...

* * *

Капитан Гарм был недоволен.

— Что происходит, исследователь Ботакс? Я не намерен слушать эту какофонию!

Ботакс сверкнул багряной красной смущения.

— Видите ли, ритуал весьма сложен. Они обязаны сперва выказывать признаки нерасположения, нежелания — как я понял, для улучшения результата. После этой начальной стадии должны быть удалены кожи.

— Они свежуются?!

— Нет, это у них искусственные кожи, которые снимаются безболезненно. Снятие кожи особенно необходимо для меньшей формы.

— Ну ладно, велите им снять кожи. Честно слово, Ботакс, я не нахожу это приятным...

— Пожалуй, мне не стоит просить меньшую форму удалить кожу. Думаю, нам следует точно придерживаться ритуала. Я прихватил с собой экземпляр этого издания «Плейбой», и здесь везде кожи удаляются насильственно. Например: «...грубо сорвав одежду с ее стройного тела, он ощутил теплую упругость ее груди...» и дальше в том же духе. Видите — срывание, насильственное удаление служит сильнейшим стимулом.

— Грудь?.. — переспросил капитан. — Я не разобрал вашей вспышки.

— Мне пришлось ввести ее для обозначения термина, относящегося к двум выпуклостям в верхней части меньшей формы.

— Понимаю, понимаю... Ну, скажите большему, чтобы он удалил кожи меньшего... Что за отвратительная процедура!..

Ботакс повернулся к Чарли.

— Сэр, — произнес он, — не будете ли вы так любезны сорвать одежду с ее стройного тела? Я выпущу вас для этой цели.

Глаза Мардж расширились, и она в ярости обернулась к Чарли.

— Не смейте! Не прикасайтесь ко мне, вы слышите, сексуальный маньяк!

— Я? — жалобно запричитал Чарли. — Мадам, я тут ни при чем! Думаете, я лишь тем и занимаюсь, что срываю платья?.. Послушайте, — повернулся он к Ботаксу, — у меня трое детей и жена. Узнай она только, что меня подозревают в том, что я срываю, понимаете ли, платья, — и мне придется несладко. Вы знаете, что делает моя жена, заметив, что я просто взглянул на какую-нибудь женщину? Она...

— Он все еще не расположен? — нетерпеливо спросил капитан.

— Очевидно, — произнес Ботакс. — Непривычная обстановка может продлить данную стадию. Так как я знаю, что вам это было бы неприятно, эту часть ритуала я выполню сам. В космических рассказах часто описывается, как с делом справляются существа с других миров. Например, здесь, — исследователь покопался в своих записках, — действует совершенно омерзительное создание! Они не могли себе даже представить таких красавцев, как мы.

— Продолжайте, продолжайте! Не тяните время! — приказал капитан.

— Да... Вот: «Чудовище ринулось к девушке. Заливаясь слезами и отчаянно крича, она оказалась в объятиях монстра. Когти проскребли по ее трепещущему телу, лохмотьями сдирая юбку». Видите, туземное существо кричит от возбуждения, ощущая удаление покровов.

— Тогда действуйте, Ботакс! Только, пожалуйста, не допускайте визгов. Я весь дрожу от этих звуковых волн.

Ботакс вежливо обратился к Мардж:

— Если вы не возражаете...

Мардж скверно выругалась.

— Не прикасайся! Не прикасайся, мерзкая тварь! Ты испачкаешь мне платье! А оно стоит двадцать четыре доллара... Отойди, чудовище! — Она отчаянно пыталась защититься от непрошеных рук. — Ладно, я сама сниму его.

Мардж потянула молнию и бросила гордый взгляд на Чарли.

— Не смейте глядеть! — Чарли пожал плечами и закрыл глаза. Мардж сняла платье. — Ну, хорошо? Вы довольны?

Капитан Гарм недоуменно постукивал пальцами по столу.

— Это и есть грудь? А почему другое создание отвернуло голову?

— Нерасположение... Нерасположение! — уверенно заявил Ботакс. — Кроме того, грудь еще закрыта. Нужно удалить и другие кожи. Обнаженная, грудь служит сильнейшим стимулятором. Ее постоянно описывают в виде шаров цвета слоновой кости или матовых сфер. Вот у меня здесь рисунки из этих фантастических рассказов. Обратите внимание: на каждом изображено существо с более или менее обнаженной грудью.

Капитан задумчиво переводил взгляд с иллюстрации на Мардж и обратно.

— Что такое «слоновая кость»?

— Вещество, из которого состоят клыки одного большого животного.

— Ага! — Капитан Гарм залился зеленым светом удовлетворения. — Теперь все ясно. Меньшая форма принадлежит к воинственной секте, а выпуклости являются оружием, которым она сокрушает врага!

— Нет-нет, они, как я понимаю, мягкие.

Маленькая коричневая рука Ботакса скользнула в направлении объекта разговора; Мардж взвизгнула и отпрянула.

— Какое же тогда у них назначение?

— Мне кажется, — произнес Ботакс с некоторым сомнением, — что они используются для кормления молоди.

— Молодняк их съедает?! — воскликнул ошеломленный капитан.

— Не совсем так. Эти объекты выделяют жидкость, потребляемую молодью.

— Потребляют жидкость, выделяемую из живого тела? Н-да-а-а...

Капитан страдальчески закрыл голову всеми тремя руками.

— Трехрукое, скользкое, пучеглазое чудовище, — сказала Мардж.

— Верно, — согласился Чарли.

— Ладно, ладно, бесстыдник. Побольше следите за своими глазами!

— Поверьте, я стараюсь не смотреть...

Ботакс вновь приблизился.

— Мадам, не могли бы вы снять все остальное?

Мардж сжалась.

— Никогда!

— В таком случае это сделаю я, если позволите.

— Не прикасайтесь! О боже, боже... Хорошо, сама сниму.

Делая то, что обещала, она бормотала себе под нос и бросала в сторону Чарли гневные взгляды.

— Ничего не происходит, — заметил капитан в глубоком разочаровании. — Это, должно быть, бракованный экземпляр.

Ботакс принял реплику на свой счет.

— Сэр!

— Но грудь этого создания вовсе не похожа на шары или сферы. Мы с вами отлично знаем, что такое шары и сферы, и на рисунках, которые вы мне показывали, изображены действительно большие сферы. А у данного экземпляра мы видим какие-то провислые нашлепки. Кроме того, они почти бесцветны.

— Ерунда, — возразил Ботакс. — Надо считаться с возможностью естественных отклонений. Впрочем, сейчас мы спросим у самого существа. — Он повернулся к Мардж. — Мадам, с вашей грудью все в порядке?

Глаза Мардж широко раскрылись, и некоторое время она не могла дышать.

— Вот уж, — наконец проговорила она. — Может, я не Джина Лоллобриджида и не Анита Экберг, но у меня все в порядке, благодарю вас... О-о, если бы Эд был здесь! — Она повернулась к Чарли. — Эй, вы, скажите этому пучеглазому чудовищу, что я вполне развита!

— Э-э... — осмелился заметить Чарли. — Вы забываете, что я не смотрю.

— О да, вы уж не смотрите... Такие типы только и знают, что глазеть похотливо на женщин. Можете чуть-чуть взглянуть, но не больше, если в вас есть хоть что-то от джентльмена, чему я, разумеется, не верю.

— Ну, — промолвил Чарли, — я не хотел бы оказаться замешанным в таком деликатном деле, однако у вас все в норме, я полагаю.

— Полагаете?! Вы что, слепой? К вашему сведению, я однажды была претенденткой на звание Мисс Бруклин, и где я проигрывала, так это линия талии, а не...

— Конечно, конечно... Грудь восхитительна, честно. — Чарли энергично кивнул Ботаксу. — В полном порядке. Я не специалист, вы понимаете, но по мне она хороша.

Мардж успокоилась.

Ботакс почувствовал прилив сил.

— Большая форма проявляет интерес, капитан. Стимул работает. Теперь — последняя стадия.

— В чем она заключается?

— Сущность ее состоит в том, что аппарат речи и поглощения пищи одного существа накладывается на аналогичный аппарат другого. Позвольте мне для этого процесса ввести такую вспышку: «поцелуй».

— Меня тошнит от этой мерзости... — простонал капитан.

— Это кульминация. Во всех историях после того, как кожи удалены, формы обхватывают друг друга конечностями и предаются горячим поцелуям. Вот один пример, взятый наугад: «Он схватил девушку и жадно приник к ее пылающим губам».

— Может быть, одно существо пожирает другое? — предположил капитан.

— Ничего подобного, — нетерпеливо возразил Ботакс. — Это жгучие поцелуи.

— Жгучие? Происходит сгорание?

— Очевидно, нет. Тут, вероятно, подчеркивается факт повышения температуры. Чем выше температура, тем ус-

пешнее, надо полагать, происходит производство молоди. Без этой ступени потомство получить невозможно. Это и есть сотрудничество, о котором я говорил.

— И все?

— Все, — подтвердил Ботакс. — Ни в одном из рассказов, даже в тех, что печатаются в «Плейбое», я не нашел описания какой-либо дальнейшей активности, связанной с детопроизводством. Иногда описание завершают серией точек, но я полагаю, что это обозначает просто большее число поцелуев. Один поцелуй на каждую точку — когда хотят произвести целое множество молодых.

— Только одного, пожалуйста, и немедленно.

— Разумеется, капитан.

Ботакс торжественно произнес:

— Сэр, поцелуйте, пожалуйста, леди.

— Послушайте, я не могу двинуться, — сказал Чарли.

— Я освобожу вас, конечно.

— Леди это может не понравиться.

— Уж будьте уверены, мне это не понравится! Держись от меня подальше, — прошипела Мардж.

— Мадам, может, не стоит их сердить? Мы можем... ну... только сделать вид.

Она колебалась, сознавая справедливость опасения.

— Ну ладно... Но чтобы без всяких штучек! Я не привыкла целоваться с каждым встречным!

— Разумеется, мадам. Уверяю вас, это не моя затея.

Мардж сердито бормотала:

— Гадкие чудовища! Ишь...

Чарли приблизился, смущенно положил руки на голые плечи Мардж и, сморщившись, выгнулся дугой. Мардж так напряглась, что на шее появились складки. Их губы встретились.

Капитан Гарм раздраженно вспыхнул:

— Я не чувствую повышения температуры.

Его тепловоспринимающие усики полностью распрямились и дрожали на голове.

— Я тоже, — растерянно признался Ботакс. — Но мы все делали в точности, как написано в этих историях. По-

жалуй, его конечности должны быть более распростертыми... О, вот так... Смотрите, действует!

Почти случайно рука Чарли соскользнула вдоль мягкого обнаженного торса Мардж. На миг она, казалось, приникла к нему, затем внезапно отдернулась.

— Отпустите! — прошипела Мардж. Неожиданно она сжала зубы, и Чарли с диким криком отскочил в сторону, зализывая кровоточащую нижнюю губу.

— За что, мадам?! — воскликнул он жалобно.

— Мы договорились только делать вид. Что на меня уставились? Господи, ну и в компанию я попала!

Капитан Гарм быстро засиял голубым и желтым.

— Все закончено? Сколько теперь нужно ждать?

— Мне кажется, это происходит сразу. Сами знаете, когда вы почкуетесь — вы почкуетесь.

— Да?.. После всего того, что я здесь видел, не думаю, что когда-нибудь смогу почковаться... Пожалуйста, заканчивайте побыстрее.

— Один момент, капитан.

Однако время шло, и сияние капитана медленно становилось мрачно-оранжевым, а Ботакс почти угас. Наконец Ботакс спросил:

— Простите, мадам, когда вы будете почковаться?

— Когда я буду... что?

— Производить потомство.

— У меня уже есть ребенок.

— Я имею в виду, производить потомство сейчас.

— Но... я еще не готова для другого ребенка.

— Что? Что? — потребовал капитан. — Что она говорит?

— Кажется, — чуть слышно произнес Ботакс, — пока она не намерена иметь маленького.

Капитан яростно вспыхнул всеми цветами радуги.

— Вы знаете, что я думаю, Исследователь? Я думаю, что у вас больное, извращенное мышление. С этими существами ничего не происходит. Между ними нет никакого сотрудничества, и не появляется никакая молодь. Я думаю, что это два разных вида, а вы валяете со мной дурака!

— Но, капитан... — начал Ботакс.

— Молчать! — рявкнул Гарм. — Не спорьте со мной. С меня достаточно. Вы потратили мое время и вызвали у меня тошноту, описывая свои омерзительные домыслы о почковании. Вы домогались личной славы и наград, и я позабочусь, чтобы вы их не получили. Немедленно избавьтесь от этих созданий. Отдайте им их кожи и верните на место, откуда взяли. Все расходы, связанные с поддержанием Временного Стасиса, будут вычтены из вашей зарплаты.

— Но, капитан...

— Это приказ! — Гарм метнул на Ботакса испепеляющий взгляд. — Один вид, две формы, груди, поцелуи, сотрудничество... Вы болван, Исследователь, извращенное и больное, да-да, больное существо!

Дрожа всеми членами, Ботакс стал настраивать приборы.

Они стояли на пустынном перроне, дико озираясь по сторонам. Уже сгущались сумерки, и подходящий поезд давал о себе знать приближающимся гулом.

— Неужели все это на самом деле было? — неожиданно спросила Мардж.

Чарли кивнул.

— Отчетливо помню.

— Нам никто не поверит.

— Послушайте, я сожалею, что вы были поставлены в неловкое положение. Это не моя вина.

— Конечно, понимаю...

Мардж, потупившись, изучала деревянную платформу под ногами. Поезд приближался.

— Э-э... Вы вовсе не были плохи. То есть вы были изумительны, только я не решался вам сказать.

Она улыбнулась.

— О, что вы...

— Может, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе для успокоения? Моя жена... ее пока нет.

— Правда?! И Эд уехал за город на уик-энд, так что меня ждет только пустая квартира. Наш мальчик у моей мамы, — пояснила Мардж.

— Тогда пойдемте. Мы ведь немного знакомы.

— Чуть-чуть! — рассмеялась Мардж.

Подъехал поезд, но они уже шли по улице.

В баре они позволили себе чуть-чуть выпить, а потом Чарли, конечно, не мог отпустить ее одну в темноте и проводил домой. Естественно, Мардж была обязана пригласить его зайти.

Тем временем в космическом корабле несчастный Ботакс предпринимал последнюю попытку доказать свою правоту. Пока Гарм готовил корабль к отлету, Ботакс торопливо установил узколучевой видеоэкран. Он сфокусировал луч на Чарли и Мардж в ее квартире. Усики Ботакса напряглись, а глаза засияли переливчатым светом.

— Капитан Гарм! Капитан! Посмотрите, что они делают сейчас!

Но в это мгновение корабль вышел из Временного Стасиса.

Филип Кендред Дик
ФОСТЕР, ТЫ МЕРТВ!

В школе всегда была отчаянная тоска; сегодня же она казалась невыносимой. Майк Фостер закончил плести водонепроницаемую корзину и выпрямился. Ребята вокруг него все еще работали. За толстыми железобетонными стенами сияло холодное осеннее солнце, в прохладном воздухе окрестные холмы переливались зеленым и бурым. В небе над городом лениво кружили несколько наблюдателей НАТС.

Рядом с партой беззвучно возникла зловещая фигура миссис Каммингс.

— Фостер, ты закончил?

— Да, мадам, — ответил он торопливо, подвигая корзину вперед. — Можно идти?

Миссис Каммингс придирчиво осмотрела его работу.

— А капкан сделал?

Майк пошарил в парте и извлек аккуратный капкан на мелкого зверя.

— Все готово, миссис Каммингс. И нож тоже.

Он продемонстрировал острое как бритва лезвие ножа, выточенного из корпуса развалившейся нефтеналивной цистерны.

Учительница взяла нож и привычно провела пальцем по лезвию.

— Плохо. Ты переточил, нож сразу же затупится. Ступай в главную оружейную лабораторию и посмотри, какие у них ножи. Потом доделай свой.

— Миссис Каммингс, — взмолился Майк Фостер, — неужели прямо сейчас? Можно я доделаю его завтра? Ну пожалуйста!

Весь класс следил за разговором с нескрываемым интересом. Майк залился краской — он терпеть не мог выделяться, но уйти надо любой ценой. Нельзя терять ни минуты!

— Завтра практика по раскопкам, — отрезала неумолимая миссис Каммингс. — У тебя не будет времени работать над ножом.

— Будет! — горячо заверил Майк. — После занятий.

— Нет, ты и так отстаешь по рытью. — Учительница критически осмотрела щуплую фигуру мальчика. — Нож заканчивай сегодня, а завтра весь день проведешь в поле.

— Какой от этого толк? — в отчаянии воскликнул Фостер.

— Копать должен уметь каждый, — терпеливо ответила миссис Каммингс. В классе захихикали, но после грозного взгляда учительницы шум утих. — Когда начнется война, поверхность земли будет покрыта развалинами и обломками. Чтобы выжить, нам придется копать, не так ли? Видели, как суслик подкапывает корни растений? Все превратятся в маленьких коричневых сусликов. Нужно учиться раскапывать развалины в поисках уцелевших вещей — наверху ничего не останется.

Майк Фостер съежился в комочек, нервно поглаживая рукоятку ножа, а миссис Каммингс отошла от его парты и величаво поплыла по проходу. В классе злорадно ухмылялись, но Майк, подавленный и несчастный, ничего не замечал. Никакие занятия не помогут: он будет убит первыми же бомбами. Бесконечные прививки — все бесполезно. Чтобы пострадать от бактериологического оружия, надо остаться в живых после первого удара. А Майк Фостер в живых не останется. Если только...

Он вскочил, подбежал к столу учительницы и выпалил:

— Ну пожалуйста, мне надо уйти! По делу!

Миссис Каммингс сурово поджала губы, но испуганные глаза мальчика смягчили ее.

— Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Майк замер, словно в параличе, не находя слов для ответа. Довольные спектаклем ученики завозились, послышались смешки. Миссис Каммингс сердито ударила по столу указкой.

— Тихо! — Потом ее голос чуть потеплел. — Микаэль, если твой организм разбалансировался, ступай вниз в медпункт. Нет смысла продолжать работу, когда реакции нарушены. Мисс Гроувс оптимизирует твою функциональную деятельность.

— Нет, — произнес Фостер.

— Тогда в чем дело?

Класс зашумел. Майк не мог выдавить из себя ни слова; за него ответили голоса:

— Его отец — анти-Г. Они не зарегистрированы в Гражданской обороне и не имеют убежища. Его отец не делает взносы даже в НАТС.

Миссис Каммингс изумленно смотрела на онемевшего мальчика.

— У вас нет убежища?

Он покачал головой.

Странное чувство завладело женщиной.

— Но... — Она хотела сказать «Но ты же погибнешь наверху!», однако передумала и произнесла: — Куда же ты пойдешь?

— Никуда, — ответили голоса. — Все будут в своих укрытиях, а он останется наверху. У него нет разрешения даже на школьное убежище.

Миссис Каммингс была потрясена до глубины души. В ее ограниченном учительском сознании не укладывалась мысль о том, что не все школьники имеют допуск к расположенному под зданием лабиринту подземелий. Впрочем, верно. Только те, чьи родители принимают участие в работе ГО, вносят свой вклад в повышение обороноспособности. А если отец Фостера — анти-Г...

— Он боится здесь сидеть, — раздались голоса. — Боится, что бомбежка начнется во время занятий, и все, кроме него, будут надежно укрыты в убежищах.

* * *

Засунув руки в карманы и угрюмо отшвыривая камешки носком ботинка, Майк Фостер медленно брел по улице. Солнце уже садилось. Из недр тупорылых пассажирских ракет выливались реки усталых людей, с облегчением возвращающихся домой из промышленного района в ста милях к западу. Вдалеке среди холмов что-то блеснуло — там медленно и беззвучно поворачивалась тарелка радара. Самолетов НАТС вверху становилось все больше. Предзакатные часы самые опасные: наблюдателям трудно засечь высокоскоростные низколетящие ракеты. Если, конечно, ракеты появятся.

На перекрестке Фостер прошел мимо информашины, выкрикивавшей последние известия: война, смерть, новые разрушительные виды оружия. Он понурился и зашагал дальше, вдоль бетонных коробок, похожих друг на друга, словно две капли воды.

Впереди в сгущающихся сумерках сияли неоновые вывески делового центра, шумели автомобили, бурлили людские толпы.

В полуквартале от скопления ярких огней Майк Фостер остановился. Справа от него темнела туннелеобразная пасть общественного убежища, перекрытая автоматическим турникетом.

Вход — пятьдесят центов. Если он будет здесь, на улице, и с пятьюдесятью центами в кармане — все обойдется. Во время учебной тревоги Майк часто спускался в общественные убежища.

Но случалось, что у него не оказывалось пятидесяти центов, и эта мучительная картина постоянно стояла перед глазами мальчика: он, замерший и онемевший от ужаса и отчаяния, взбудораженные люди, спешащие в укрытие, и душераздирающий вой сирен.

Фостер медленно побрел дальше, к самым ярким огням — огромному роскошному салону «Дженерал Электроникс». Его взгляд в тысячный раз притянули завораживающие экспонаты. Проходя мимо, Майк непременно останавливался будто загипнотизированный.

Посреди помещения красовалась изящная конструкция — мощные стены и перекрытия, закрытые люки, воплощение технического и механического совершенства. Прожекторы подсветки выхватывали из тьмы броские щиты, на которых описывались неоспоримые достоинства машины, словно у кого-нибудь могли возникнуть сомнения.

НОВИНКА! ОБРАЗЕЦ 1972 ГОДА!
ПОДЗЕМНОЕ АНТИРАДИАЦИОННОЕ
БОМБОУБЕЖИЩЕ!

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

— автоматический незастревающий подъемник с автономным питанием;
— трехслойный антиударный корпус, выдерживающий нагрузки до 5 g;
— терморегулирующая и вентиляционная системы с атомным источником питания;
— автономная система очистки воздуха;
— три стадии очистки воды и пищи;
— полная биологическая обработка;
— оплата в рассрочку.

Фостер не отрываясь глядел на убежище — большое кубическое сооружение с тамбуром-входом и аварийным люком в противоположной стороне. Самостоятельный независимый мир, вырабатывающий свои собственные тепло, воду, свет, воздух, пищу, лекарства... В полностью оснащенном убежище были аудио- и видеозаписи, игры, кровати, стулья, телевизор — все как дома.

Да это и есть дом, дом под землей. Здесь будет безопасно и даже уютно после самой жестокой атомной бомбардировки и применения бактериологического оружия.

Убежище стоило двадцать тысяч долларов.

Пока Фостер молча глядел на витрину, из магазина на темный тротуар вышел один из продавцов, направляющийся в кафетерий.

— Привет, сынок, — машинально сказал он, проходя мимо. — Недурно, правда?

— Можно мне зайти туда? — быстро спросил Майк Фостер. — Можно мне спуститься в убежище?

Продавец остановился, узнав мальчика.

— А, так ты тот самый хулиган, — медленно произнес он, — который вечно тут околачивается...

— Я хотел бы зайти туда хоть на несколько минут. Я ничего не испорчу, клянусь! Даже не притронусь ни к чему!

Продавец был молод, светловолос и незлобив. Он колебался. Этот липучий парнишка уже надоел. Но у него есть родители — то есть потенциальные покупатели. Торговля идет вяло, в конце сентября спрос еще невелик. С другой стороны, нет смысла привлекать малоимущих — они только зря тратят время, портят оборудование и не прочь что-нибудь украсть, если зазеваешься.

— Нет, — отрезал продавец. — Пришли лучше сюда своего отца. Он видел наши новинки?

— Видел, — выдавил Майк Фостер.

— Так чего же он ждет? — Продавец хозяйским жестом указал на сверкающую витрину. — А за его старую модель мы дадим неплохую цену... У вас какое убежище?

— Никакого, — ответил Майк Фостер.

Продавец оторопело застыл.

— Что-что?

— Отец говорит, что это пустая трата денег. Он говорит, что людей просто пугают, чтобы заставить их покупать ненужные вещи. Он говорит...

— Твой отец анти-Г?

— Да, — вздохнул Майк Фостер.

Продавец присвистнул.

— Ну ладно, парень. Жаль, что у нас ничего не получится. Ты не виноват. — Он помолчал немного и добавил: — А что это с ним? В НАТС-то он участвует?

— Нет.

Продавец тихо выругался. Вот он, паразит, живущий в безопасности потому, что все остальные отдают тридцать процентов своего дохода на систему обороны. В каждом

городе, в каждом местечке находится горстка таких отщепенцев.

— А как к этому относится твоя мать? Они заодно?

— Она говорит... — Майк Фостер замолчал. — Ну, можно я зайду? Хоть разок?

— Нет. Здесь демонстрационный зал, а не площадка для игр. — В продавце проснулось любопытство. — Интересно, как становятся анти-Г? Твой старик всегда придерживался таких взглядов, или его просто какая-то муха укусила?

— Он говорит, люди уже накупили достаточно автомобилей, посудомоечных машин и телевизоров. Говорит, что НАТС и бомбоубежища никому не нужны, однако заводы могут производить оружие и противогазы бесконечно, и пока люди боятся смерти, они будут покупать все это. Он говорит, что человек в конце концов устает каждый год приобретать новые автомобили, но никогда не перестанет покупать новые бомбоубежища, чтобы обезопасить своих детей.

— Ты во все это веришь? — спросил продавец.

— Я хотел бы, чтобы у нас было убежище, — сказал Майк Фостер. — Если бы у нас было убежище, я бы спал в нем каждую ночь. И знал бы, что делать, когда оно понадобится.

— Может, войны и не будет, — произнес продавец. Он почувствовал страх мальчика, страх и растерянность, и доброжелательно ему улыбнулся. — Не стоит все время волноваться. Ты, наверное, слишком много смотришь видео — брось, лучше поиграй.

— На поверхности небезопасно, — сказал Майк Фостер. — Нам надо быть внизу. А мне некуда пойти.

— Все-таки присылай сюда своего старика, — пробормотал продавец. — Вдруг удастся его уговорить. Может, в рассрочку... Пусть спросит Билла О'Нейли. Хорошо?

Майк Фостер медленно побрел прочь по темной вечерней улице. Он понимал, что надо идти домой, но налившиеся тяжестью ноги не слушались, тело ныло от усталости, а голова была как ватная. Накатившая усталость вызвала в памяти слова учителя физкультуры. Позавчера, во время занятий по задержке дыхания, когда ученики, набрав в лег-

кие воздуха, бежали установленную дистанцию, Майк оплошал: остановился раньше всех и судорожно закашлялся, пытаясь отдышаться.

— Фостер, — сердито закричал учитель, — ты мертв! Понимаешь? Будь это настоящая газовая атака... — Он удрученно покачал головой. — Ступай и потренируйся дополнительно. С такой подготовкой тебе не выжить.

Но Майк и не надеялся выжить.

Когда он ступил на крыльцо дома, в гостиной уже горел свет. Отчетливо доносился голос отца, чуть менее внятно слышались ответы матери из кухни. Майк закрыл за собой дверь и начал расстегивать пальто.

— Это ты? — спросил отец. Боб Фостер сидел в кресле, на коленях лежала груда отчетов из его мебельного магазина. — Ты где пропадал? Ужин давно готов.

Он снял пиджак, закатал рукава рубашки; руки были белые и тонкие, но мускулистые. Несмотря на усталость, он внимательно пробегал большими темными глазами документы, время от времени приглаживая редеющие волосы.

— Прости, — сказал Майк Фостер.

Отец взглянул на часы; пожалуй, единственный на свете человек, который до сих пор носил часы.

— Помой руки. — Он поднял глаза на сына. — Ты както странно выглядишь. Ничего не случилось?

— Я был в центре, — произнес Майк Фостер.

— Что ты там делал?

— Смотрел на убежище.

Отец взял стопку листов и раздраженно убрал ее в папку.

Его тонкие губы сжались, лоб прорезали глубокие морщины.

Часть бумаг рассыпалась; он хмыкнул и, болезненно скривившись, нагнулся за ними. Майк, и не думая помочь, отдал пальто автоматическому гардеробщику. В комнату вошла мать, она катила перед собой столик с ужином.

Они ели молча, сосредоточенно жуя и не глядя друг на друга. Наконец отец произнес:

— Ну и что ты там увидел? Все тот же старый хлам, я полагаю?

— Новинку. Модель 1972 года, — ответил Майк Фостер.

— Ничем не отличающуюся от модели семьдесят первого.

Отец со злостью отбросил вилку; столик поймал ее и поглотил.

— Чуть больше мишуры, чуть больше хрома. — Он с вызовом посмотрел на сына. — Разве не так?

Майк Фостер угрюмо ковырял вилкой цыпленка.

— У новой модели незастревающий лифт. В него нужно лишь зайти — потом можешь ни о чем не беспокоиться.

— А в следующем году появится модель, которая сама будет приглашать тебя в кабину!.. Все эти новинки мгновенно стареют, стоит только их купить. Этого-то они и добиваются — чтобы ты все время покупал, все время! 1972 год еще не наступил. Неужели им так не терпится?

Майк Фостер молчал. Он слышал все это уже тысячу раз.

Отец спорил громко, страстно, но неубедительно.

— Давай тогда купим старую модель, — выпалил Майк. — Мне все равно, сойдет любая. Даже подержанная.

— Не-ет, ты хочешь непременно новую — хромированную и блестящую, чтобы похвалиться перед соседями. Уйма верньеров, переключателей и кнопок... Сколько же такая стоит?

— Двадцать тысяч.

Отец с шумом выпустил воздух.

— Вот так, да?

— Можно платить в рассрочку!

— Ну да — всю свою жизнь... Какую дают гарантию?

— Три месяца.

— А потом они прекращают очищать и обеззараживать. Ломаются, как только истекает срок гарантии.

Майк покачал головой.

— Нет. Они большие и прочные.

К лицу отца прилила кровь. Он был низкорослый, хрупкий на вид. Перед его глазами вдруг пронеслась вся нелегкая жизнь — утраченные иллюзии, потери и поражения; эко-

номия, экономия и еще раз экономия, сцепить зубы и держаться за то, что есть: семья, работа, жалкие гроши; упрямо карабкаться наверх, пройти весь путь от продавца до управляющего и наконец владельца...

— Нас специально запугивают — лишь бы не было спада производства! — закричал он на жену и сына. — Лишь бы не допустить еще одной депрессии!

— Боб, — медленно и тихо произнесла жена, — прекрати. Я больше не выдержу.

Боб Фостер моргнул и тут же обмяк, сник.

— Ты о чем? — пробормотал он. — Я просто устал. Проклятые налоги, обложили так, что не продохнуть. Если не пойдешь на поклон в какую-нибудь крупную компанию, тебе не продержаться. Хоть бы закон приняли... Пожалуй, я больше есть не хочу. — Он отодвинул тарелку и встал из-за стола. — Пойду прилягу.

Рут вспыхнула.

— Ты должен купить убежище! Я не могу больше слышать эти разговоры! Соседи, торговцы, все вокруг, куда ни пойдешь, с кем ни встретишься!.. С того самого дня, когда нам дали флаг. Еще бы — последний анти-Г в городе! Кругом враги, в небе летают эти штуки... Все покупают убежища — все, кроме нас!

— Нет, — сказал Боб Фостер. — Я не могу.

— Почему?!

— Потому, — просто ответил он, — что у нас нет денег.

— Ты вложил в свой проклятый магазин последние гроши, — немного помолчав, устало произнесла Рут. — И все равно он прогорает. Кому нужна сейчас деревянная мебель? Ты осколок прошлого... Реликт.

Она ударила кулаком по столу, тот подскочил, словно испуганный зверек, и помчался на кухню, гремя тарелками в посудомойке.

Боб Фостер устало вздохнул.

— Давай не будем ссориться. Я в гостиной — вздремну часок, потом поговорим.

— Всегда «потом», — с горечью произнесла Рут.

Ее муж исчез в гостиной — маленький сутулый человек с всклокоченными седыми волосами, поникшие плечи — будто перебитые крылья.

Майк встал.

— Пойду готовить уроки, — сказал он со странным выражением на лице и последовал за отцом.

В гостиной было тихо и спокойно — визор выключен, освещение притушено. Рут хлопотала на кухне — задавала плите программу на следующий месяц. Боб Фостер, скинув тапочки и положив под голову подушку, лежал на диване. Его лицо было серым от усталости. Майк на секунду замялся.

— Можно мне кое о чем тебя попросить?

Отец хмыкнул сквозь сон и открыл глаза.

— Ну?

Майк присел рядышком.

— Расскажи, пожалуйста, снова, как ты дал совет Президенту.

— Не давал я ему никакого совета. Я просто говорил с ним.

— Все равно.

— Рассказывал ведь тысячу раз!.. Ты был тогда совсем малышом. — Нахлынули воспоминания, и голос отца стал мягче. — Совсем малышом — я держал тебя на руках.

— Как он выглядел?

— Ну, — начал отец, впадая в привычную рутину отработанного за многие годы рассказа, — выглядел он совсем как на экране визора — только, может быть, немного поменьше.

— Зачем он к нам приехал? — живо спросил Майк, хотя знал все детали. Президент был его кумиром. — Проделал такой путь в наш город?

— Президент совершал турне, — в голосе отца прозвучала горечь, — ну и заглянул по дороге.

— А что за турне?

— Объезжал страну, смотрел, как мы живем: достаточно ли у нас бомбоубежищ, вакцин, противогазов и ракет, чтобы отразить нападение. Тогда в «Дженерал Электроникс» только начинали разворачивать большие салоны и специа-

лизированные магазины — яркие, дорогие. Наконец-то — домашние средства защиты для индивидуального пользования! — Губы отца искривились. — И все можно купить в рассрочку... Рекламы, афиши, подсветка, бесплатный цветок для каждой посетительницы.

— В тот день нам дали флаг Готовности, — мечтательно произнес Майк Фостер. — Он приехал к нам, чтобы вручить флаг Готовности, который подняли на флагштоке в самом центре города. И все там собрались, кричали и радовались.

— Ты помнишь?

— По-моему... Помню толпу и многоголосье. И еще жару. Это ведь был июнь?

— Да, десятое июня... Великий день. В ту пору немногие города получали флаг Готовности. Люди еще покупали машины и телевизоры; они еще не понимали, что позади осталась целая эпоха. Телевизоры и машины действительно нужны — их нельзя производить и продавать бесконечно.

— Он именно тебе дал флаг, да?

— Ну, он дал его нам, коммерсантам. Все устроила Торговая палата. Этакое соревнование между городами — кто быстрее и больше купит. Конечно, нам это преподносили под иным соусом — мол, если мы купим средства защиты на свои деньги, то бережнее будем с ними обращаться. Словно мы когда-нибудь портили телефонные провода, тротуары или дороги только потому, что ими обеспечивало государство. Взять, к примеру, армию. Армия всегда обеспечивалась из государственного бюджета. Но оборона слишком дорого обходится. И правительство здорово сэкономило на наших кошельках, уменьшило национальный долг.

— Что он сказал? — спросил Майк шепотом.

Отец нашарил трубку и раскурил ее слегка дрожащими руками.

— Он сказал: «Вот ваш флаг, ребята. Вы славно потрудились!» — Боб Фостер поперхнулся, неловко вдохнув облако едкого табачного дыма. — Президент был краснолицый, загорелый и без следа смущения; он вспотел и улыбался. Умел подать себя, многих знал по именам, громко шутил.

Глаза мальчика восторженно расширились.

— Президент из самой столицы приехал к нам, и ты с ним разговаривал!

— Да, — подтвердил отец, — разговаривал. Все кричали, приветствуя его. Подняли флаг — большой зеленый флаг Готовности.

— Ты сказал...

— Я сказал ему: «И это все, что вы нам привезли? Кусок зеленой материи?» — Боб Фостер глубоко затянулся. — Тогда-то я и стал анти-Г. Только в то время я этого еще не понимал, а понял лишь, что нас бросили на произвол судьбы с куском зеленой материи в руках. Вместо того чтобы быть единой страной, единой нацией, единым народом в сто семьдесят миллионов человек, которые сообща могли бы позаботиться о своей обороне. И вместо всего этого — множество отдельных городов, обнесенных крепостными стенами. Мы скатываемся к средним векам. Сколачиваем местные дружины...

— А Президент еще вернется? — спросил Майк.

— Вряд ли. Он... просто ехал мимо.

— Если он вернется, — напряженно прошептал Майк, не позволяя себе даже надеяться, — можно будет его увидеть? Хоть одним глазком?

Боб Фостер медленно сел. Его обнаженные худые руки казались неестественно белыми, в глазах читалась боль — и покорность судьбе.

— Сколько стоит эта проклятая штука? — спросил он хриплым голосом. — Твое ненаглядное бомбоубежище?

У Майка замерло сердце.

— Двадцать тысяч долларов.

— Сегодня четверг. В субботу мы с тобой и твоей матерью пойдем в магазин... Дела в эту пору обычно идут неплохо, люди покупают деревянную мебель на рождественские подарки. — Боб Фостер выколотил едва тлеющую трубку. — Договорились?

Майк не мог произнести ни слова; он только кивнул.

— Прекрасно, — сказал отец с напускной бодростью. — Больше тебе не надо будет слоняться по центру, глазея на витрины.

* * *

Убежище установили — за дополнительную плату в двести долларов — сноровистые рабочие в фирменных спецовках «Дженерал Электроникс». Двор привели в порядок, землю разровняли, счет с должным почтением оставили под дверью. Огромный пустой грузовик с грохотом укатил вниз по улице, и воцарилась тишина.

Майк Фостер с матерью и небольшой группой восхищенных соседей стояли на пороге дома.

— Ну, — промолвила наконец миссис Карлайл, — теперь у вас есть убежище. Самое лучшее.

— Да, это так, — согласилась Рут Фостер. Она очень остро чувствовала присутствие окружающих — уже давно в их доме не собиралось так много людей. Ее переполняло мрачное удовлетворение, почти злорадство. — Совсем другое дело.

— Ну! — подал голос мистер Дуглас. — Теперь у вас есть куда пойти. — Он взял в руки оставленную рабочими толстенную книгу — «Инструкцию по эксплуатации» — и, открыв первую страницу, с восхищением покачал головой. — Здесь сказано, что при надлежащем обеспечении убежище гарантирует жизнедеятельность семьи на протяжении года. Целый год можно не подниматься наверх!.. У меня модель трехлетней давности, там больше шести месяцев не протянешь. Я вот думаю, может...

— Для нас вполне достаточно, — вмешалась его жена, однако в ее голосе звучала неприкрытая зависть. — А можно спуститься вниз взглянуть, Рут?

Майк издал сдавленный звук и судорожно дернулся вперед.

Его мать понимающе улыбнулась.

— Он должен спуститься первым.

Стоя на прохладном сентябрьском ветру, группа мужчин и женщин молча наблюдала, как мальчик нерешительно подходит к шлюзовой камере.

Он вошел в убежище осторожно, словно боясь чего-нибудь коснуться. В шлюзовой камере, рассчитанной на взрослого, было просторно. Лифт под тяжестью тела скольз-

нул вниз с едва слышным вздохом и закачался на амортизаторах, а когда Майк ступил в сторону, рванулся наверх, стальной пробкой надежно закупоривая горловину убежища.

Автоматически включился свет. Еще не оснащенное припасами убежище казалось пустым. Оно пахло краской и машинным маслом; где-то под полом тихо гудели генераторы. Едва Майк вошел, включилась система воздухоочистки. На голой бетонной стене ожили шкалы и счетчики.

Майк, широко раскрыв глаза, сел на пол, обхватил колени руками; его лицо было серьезным и торжественным. Кроме шума генераторов, в убежище не доносилось ни звука. Здесь человеку ничего не угрожало. Все, что нужно, было в пределах досягаемости — или вскоре будет: вода, пища, воздух. Чего еще желать? Протяни руку — и коснешься... ну, всего, что только может потребоваться. Здесь можно оставаться вечно, ни о чем не тревожась, не шевелясь. Никакой нужды, никакого страха, только тихое урчание генераторов, надежные, чуть теплые стены со всех сторон...

Внезапно Майк торжествующе закричал. От пронзительного вибрирующего звука загудело в голове. Он плотно сомкнул веки и сжал кулаки. Его переполняла отчаянная радость. Он снова закричал — и с блаженством погрузился в громовые раскаты собственного голоса, усиленного замкнутым пространством.

В школе все стало известно еще до его прихода, ранним утром. Майка приветствовали улыбками и толчками.

— Правда, что твои старики купили самую последнюю модель «Дженерал Электроникс»? — спросил Эрл Питерс.

— Конечно, правда, — уверенно ответил Майк, переполненный неведомым ему прежде чувством собственного достоинства. — Заходите как-нибудь, — добавил он самым небрежным тоном. — Я вам покажу.

И пошел дальше, спиной чувствуя завистливые взгляды.

— Ну, Майк, — окликнула его после занятий миссис Каммингс, — как дела?

— Хорошо, — произнес он робко и в то же время с гордостью.

— Говорят, твой отец вступил в НАТС?

— Да.

— И ты получил пропуск в наше школьное убежище?

Со счастливой улыбкой Майк показал узенькую цепочку вокруг запястья.

— Отец отправил в муниципалитет чек — за все. Он сказал: «Раз уж я на это решился, надо идти до конца».

— Я рада за тебя, — ласково улыбнулась учительница. — Теперь ты... теперь ты — как все.

С раннего утра информашины истерично выкрикивали последнюю новость: у Советов появились бурительные снаряды.

Боб Фостер стоял посреди гостиной, пунцовый от бешенства и отчаяния, и размахивал свежей газетой.

— Черт побери, это заговор! — Его голос сорвался на крик. — Мы только купили эту штуку, а теперь погляди! Нет, ты погляди! — Он затряс газетой перед лицом жены. — Ну, что скажешь? Я предупреждал!

— Заговор?! Заговор?! — в ответ закричала Рут. — Господи, Боб, да оружие всегда совершенствовалось! На прошлой неделе были ядовитые хлопья, на этой — бурснаряды... Или тебе думалось, что колесница прогресса остановится — потому что ты наконец сдался и купил бомбоубежище?

Некоторое время они испепеляли друг друга взглядами; потом Боб Фостер вздохнул и тихо произнес:

— Что нам делать?

Рут повернулась и вновь исчезла на кухне.

— Я слышала, — донесся ее голос, — готовится выпуск адаптеров.

— Адаптеров? Каких еще, к черту, адаптеров?

— Чтобы людям не приходилось покупать новые бомбоубежища. Я видела специальный рекламный выпуск. В магазинах появятся специальные металлические сетки — уже ведутся испытания. Сетку расстилают по земле, и она перехватывает бурснаряды: те взрываются на поверхности, не добравшись до убежища.

— Сколько это стоит?

— Пока неизвестно.

Майк Фостер сидел сгорбившись на диване. Он узнал о новостях в школе. У них была контрольная работа по ботанике, как отличить съедобные лесные ягоды от несъедобных, когда звонок известил об общем собрании в актовом зале. Директор прочитал информационное сообщение, а затем дополнил его лекцией о некоторых приемах неотложной медицинской помощи заболевшим новым, недавно появившимся видом тифа.

Родители продолжали спорить.

— ...должны купить обязательно, — спокойно говорила Рут Фостер. — Иначе все равно, есть у нас убежище или нет. Эти бурснаряды зарываются в землю и ищут тепло. Как только русские запустят их в производство...

— Я куплю, — сказал Боб Фостер. — Я куплю эту металлическую сеть и что там у них еще будет. Я куплю все, что они выбросят на рынок. Я никогда не перестану покупать.

— Не сгущай краски.

— Знаешь, это куда умнее, чем заставлять людей покупать машины и телевизоры. Такие вещи мы просто обязаны покупать. Не купишь — умрешь. Ведь известно: чтобы вещь продавалась, надо создать в ней нужду. Всели в человека чувство неуверенности: тверди ему, как странно он выглядит и как дурно пахнет. Но по сравнению с этим реклама всяких там дезодорантов или лосьонов — детская забава! Идеальный стимул: покупай новенькое, сверкающее бомбоубежище фирмы «Дженерал Электроникс» — или тебя убьют!

— Не смей так говорить! — крикнула Рут.

Боб Фостер тяжело опустился на стул.

— Хорошо, сдаюсь.

— Так ты купишь? Я думаю, они появятся в магазинах к Рождеству.

— О да, — сказал Боб Фостер. — К Рождеству они появятся. — На его лице было странное выражение. — Я куплю эту чертову сеть. И ее будут покупать все остальные.

В канун Рождества самым ходовым товаром была стальная антибурснарядная сетка производства «Дженерал Электроникс».

Майк Фостер медленно брел по вечерним улицам. В каждой витрине сверкали адаптеры — всех форм и размеров, для любых видов убежищ, для любых кошельков. Взбудораженные наступающим Рождеством, нагруженные покупками люди добродушно толпились у прилавков. Валил снег. По запруженным дорогам осторожно пробирались машины. Всюду переливались яркие неоновые огни.

Дом Майка Фостера был молчалив и погружен во тьму. Родители до сих пор работали в магазине. Дела шли плохо, матери пришлось занять место одного из продавцов. Майк поднес руку к кодовому замку, и дверь распахнулась. Благодаря автоматическим обогревателям в доме было тепло и уютно. Майк снял пальто, положил учебники на стол и с радостно колотящимся сердцем вышел на темное крыльцо заднего дворика.

Он заставил себя остановиться, постоял на крыльце и снова вошел в дом. Лучше не спешить. Посещение убежища стало выверенной до мелочей торжественной процедурой. Майк превратил его в произведение искусства — ни одного лишнего движения, все плавно, отточенно, красиво. Сперва ошеломляющее чувство присутствия, которое захлестывает в бутылочном горлышке шлюзовой камеры. Затем стремительный... нет, головокружительный спуск лифта.

И наконец — поразительное величие самого убежища.

Каждый день, приходя из школы, Майк укрывался в этой стальной тишине. Теперь помещение вовсе не было пустым: бесконечные ряды консервных банок, подушки, книги, видеоленты, аудиокассеты, картинки на стенах, даже вазы с цветами. Свернись в клубок и успокойся, окруженный всем необходимым.

Растягивая удовольствие, Майк вернулся в дом и стал перебирать аудиоленты. Сегодня он посидит в убежище до обеда, слушая «Ветер в ивах». Родители знают, где его искать. Два часа ничем не омраченного счастья. Иногда по ночам, когда родители крепко спали, Майк тихонько вставал, выскальзывал во двор и спускался в темную утробу убежища — укрыться до утра.

Он нашел кассету и снова выскочил на крыльцо. Небо было тускло-серым, с пятнами уродливых черных туч; сквозь

холодную плотную завесу едва просачивались огни города. Майк спустился по ступеням... и застыл.

Посреди двора зияла огромная яма — задранный вверх беззубый рот. Убежище исчезло.

Долго он стоял так, одной рукой сжимая кассету, другой судорожно вцепившись в перила. Наступил вечер, мертвая дыра исчезла во мгле. Весь мир постепенно превратился в абсолютную тишину и мрак. На небе показались звезды, в соседних домах зажегся свет — неверный и холодный. Мальчик не видел ничего. Он замер, окаменел на месте, все еще глядя в сторону ямы, где прежде было убежище.

Потом рядом появился отец.

— Ты давно здесь стоишь? Давно? Майк, отвечай мне!

Майк вздрогнул.

— Ты сегодня рано, — пробормотал он.

— Я спешил. Хотел вернуться к тому времени, как ты... придешь домой.

— Его нет.

— Да. — Голос отца звучал бесстрастно, холодно. — Убежища нет. Прости, Майк. Я позвонил в магазин и попросил его забрать.

— Почему?

— Нам не расплатиться. Под это Рождество все покупают одни только адаптеры. Я не могу выдержать конкуренции. — Отец помолчал, затем с горечью добавил: — О, они повели себя очень достойно — вернули мне половину внесенных денег. — Голос наполнился иронией. — Лучше было покончить с этим до Рождества. Они смогут продать его еще кому-нибудь.

Майк молчал.

— Постарайся понять, — с трудом продолжал отец. — Все деньги, которые мне удается наскрести, я должен вкладывать в магазин. Иначе нам не продержаться. Одно из двух: магазин или убежище. А если отказаться от магазина...

— Тогда мы вообще всего лишимся.

Отец взял его за руку.

— И убежища тоже. — Тонкие сильные пальцы нервно вздрагивали. — Ты уже не маленький, должен понять. Поз-

же мы обязательно купим — может быть, не самое новое, не самое дорогое, но купим обязательно. Это было ошибкой. Нам оно не под силу — сейчас, когда все очертя голову покупают одни только адаптеры. Однако я не отказываюсь от уплаты взносов в НАТС, ты не будешь изгоем. Дело не в принципе! — В голосе Боба Фостера зазвучало отчаяние. — Ты понимаешь, Майк? У меня не было другого выхода!

Майк вырвал руку.

— Куда ты? — Отец рванулся следом. — Вернись!

В темноте он споткнулся, упал и ударился головой об угол дома. Когда в глазах прояснилось, двор был пуст. Сын ушел.

— Майк! — закричал Боб Фостер. — Где ты?

Ответа не было. Лишь с тоскливым свистом налетали холодные порывы ночного ветра, поднимавшего в воздух колючие снежинки. Ветер, снег, темнота — и ничего больше.

Билл О'Нейли устало взглянул на настенные часы. 9.30. Наконец можно закрывать магазин. Выпроводить шумные толпы покупателей наружу и самому идти домой.

«Слава Богу!» — выдохнул он про себя, открывая дверь перед последней посетительницей — пожилой дамой, нагруженной пакетами и коробками. Потом Билл задвинул кодовый засов, опустил стальные шторы.

— Ну и народищу! Что-то не припомню подобного наплыва!

— Все, — сказал из-за кассы Эл Коннерс. — Я сосчитаю выручку, а ты обойди магазин, посмотри, чтобы никого не осталось.

О'Нейли ослабил узел галстука, с удовольствием закурил сигарету и двинулся по торговому залу, проверяя выключатели, убирая лишнее освещение. Подойдя к центральному образцу — огромному бомбоубежищу, — он вскарабкался по лесенке к горловине, ступил в тамбур шлюзовой камеры, и лифт с едва слышным вздохом опустил его вниз.

Прижавшись к стене и свернувшись в тугой клубок, в углу съежился Майк Фостер. Он подтянул колени к подбородку, обхватил ноги своими тонкими руками и так низко

опустил лицо, что видны были только взъерошенные каштановые волосы. Он и не шевельнулся, когда подошел ошеломленный продавец.

— Господи, — воскликнул О'Нейли, — тот самый мальчишка!

Майк ничего не ответил, лишь еще глубже зарылся лицом в колени.

— Какого черта ты здесь сидишь? — воскликнул О'Нейли. — Твои родители ведь купили бомбоубежище! — Потом он вспомнил. — Ах да, нам пришлось его забрать...

Из лифта вышел Эл Коннерс.

— Я готов, можно идти... — Он увидел Майка и остолбенел. — Как он сюда забрался? Гони этого шалопая прочь!

— Пойдем, парень, — тихо произнес О'Нейли. — Пора домой.

Майк не шевельнулся.

Продавцы растерянно переглянулись.

— Придется его вынести, — мрачно сказал Коннерс, снял пальто и бросил его на блок очистки воздуха. — Давай-ка покончим с этим.

Они еле-еле справились. Мальчик сопротивлялся отчаянно, кусаясь, царапаясь, лягаясь... И все беззвучно. Его с трудом втащили в лифт и прижали к полу. Наконец подъемный механизм сработал. Потом продавцы из последних сил дотащили мальчишку до выхода из магазина и вышвырнули наружу, тут же закрыв дверь на засов.

— Фу-у, — выдохнул Коннерс, устало привалившись к прилавку. Рукав его рубашки был порван, щека поцарапана, очки повисли на одной дужке. — Может, вызвать полицию? По-моему, парень не в себе.

О'Нейли стоял у двери, глядя на улицу. Было видно, что мальчик сидит на тротуаре.

— Он все еще здесь, — пробормотал О'Нейли.

Прохожие безразлично обходили мальчика; но вот один из них остановился и поднял его на ноги. Мальчишка вырвался и исчез в темноте.

Прохожий собрал свои пакеты, постоял в растерянности, наконец пошел дальше. О'Нейли отвернулся, громко вздохнув.

— Хорошая была драчка!..

— Что случилось с этим парнем? Он ведь и слова не вымолвил!

— Рождество — чертовски неудачное время для того, чтобы забирать неоплаченный товар, — произнес О'Нейли и дрожащей рукой потянулся к пальто. — Скверное дело. Жаль, что они не могли его себе оставить.

Коннерс пожал плечами.

— Нет денег — не покупай.

— Почему бы нам не пойти навстречу таким людям? Может быть, — О'Нейли с трудом заставил себя сформулировать непривычную мысль, — может быть, продавать им не в рассрочку, а сразу?

Коннерс бросил на него строгий взгляд.

— Ты что говоришь? Тогда никто не захочет покупать в рассрочку! А делать исключение — несправедливо... Кроме того, долго ли мы после этого протянем? Долго ли протянет «Дженерал Электроникс»?

— Пожалуй, недолго, — мрачно согласился О'Нейли.

— Ну!.. — Коннерс нервно засмеялся. — Знаешь что, давай-ка выпьем. У меня в подсобке бутылочка «Хейга». Пропустим по рюмочке для согрева — сразу полегчает.

Майк Фостер понуро брел по вечерним улицам среди толп спешащих домой покупателей. Его толкали со всех сторон, но мальчик не обращал на это внимания. Свет, вспышки рекламы, смех прохожих, гудки машин — Майк механически переставлял ноги, ничего не видя и не слыша.

Справа замерцала и вспыхнула неоновая вывеска — яркая, большая, красочная:

МИР — ЗЕМЛЕ
СЧАСТЬЕ — ЛЮДЯМ

ОБЩЕСТВЕННОЕ УБЕЖИЩЕ
вход — 50 центов

По-моему, читать этот рассказ очень приятно. Испытываешь чувство глубокого удовлетворения — оказывается, и у них такой же бардак!

Бен Бова
ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Идея

Это произошло в конце апреля, где-то около полуночи, когда оба друга готовились к выпускным экзаменам.

Марк Москович, известный под прозвищем Марк-Монах, и Мицуи Минимата делили комнату над одной из самых захудалых лавок для наркоманов в Беркли, неподалеку от университета. Мицуи упрямо шел вперед к намеченной цели — докторской степени по электронике; Марк защищался по логике. Немногие их знакомые уверяли впоследствии, что идею наверняка навеяли странные ароматы, поднимавшиеся в комнату из лавчонки.

Благодаря обильному волосяному покрову и густым нависшим бровям Марк смахивал на питекантропа, но этот книжный червь был на удивление робок и нелюдим. Мицуи являлся полной его противоположностью — миниатюрный, постоянно улыбающийся, чрезвычайно вежливый и разговорчивый собеседник. Если Марк обычно сидел, скорбно нахмурившись, то Мицуи носился по комнате подобно возбужденному электрону.

Он как раз снял со стола тяжеленный том по электронике и на заплетающихся ногах направился к креслу, но споткнулся о коврик и полетел на пол. Грохот заставил очнуться погруженного в раздумья Марка, и его остекленелые глаза

постепенно приобрели осмысленное выражение. Мицуи медленно сел и затряс головой, а Марк оторвал тело от застонавшего дивана, служившего ему троном, одной рукой подхватил маленького японца, второй — огромный фолиант и благополучно доставил обоих в кресло.

— Тысячекратно тебя благодарю, — молвил Мицуи и резко втянул в себя воздух, тем самым показывая, что он недостоин доброты своего друга.

— Выбирай книги себе по размеру, — посоветовал Марк. В его устах эта реплика звучала едкой остротой.

Мицуи пожал плечами.

— Мне по размеру книг нет. Во всяком случае, по электронике. Они все весят с тонну.

Марк бросил взгляд на объемистый том.

— Не понимаю, почему книги до сих пор печатают на бумаге. Разве электроны не легче?

— И дешевле к тому же.

— Гм-м, — сказал Марк.

— Гм-м, — сказал Мицуи.

Больше они об этой идее не говорили. По крайней мере друг с другом. Через месяц оба защитились, и каждый пошел своей дорогой.

Предложение

Джин Рокмор растерянно смотрел на заросшего до бровей молодого человека, сидящего у него в кабинете. «Марк М. Москович, доктор философии» — гласила визитная карточка посетителя. И больше ничего — ни телефона, ни адреса. Рокмор попытался занять гостя ни к чему не обязывающим разговором, а сам исподтишка наблюдал за ним. Больше всего молодой человек походил на воспитанника борцовской школы, несмотря на костюм-тройку и старомодный галстук. А может, и напротив, именно благодаря им — одежда была словно с чужого плеча, и гость чувствовал себя в ней явно неловко.

Несколько минут Рокмор болтал о погоде, об ужасном городском транспорте, о разгуле бандитизма на улицах Манхэттена... Посетитель лишь изредка хмыкал в ответ.

«За что? — внутренне стенал Рокмор. — Почему все эти психи валятся на меня? В конце концов, я уже вице-президент! Я должен заключать торговые сделки и ужинать со знаменитыми писателями. Отец Шарлен мог бы по крайней мере поручить мне рекламу... А вместо этого я должен сидеть здесь и ублажать бессловесных образин!»

Рокмор, походивший на хориста из бродвейского мюзикла (кем он в прошлом и был), пригладил редеющие светлые волосы и наконец спросил:

— Ну-с, так о чем вы хотели со мной побеседовать, мистер Мос... простите, доктор Москович?

— Об электронных книгах, — сказал Марк.

— Об электронных книгах? — переспросил Рокмор.

— Угу, — кивнул Марк.

Следующие три часа говорил только он.

Мицуи обошелся практически без слов, а если и говорил, то, разумеется, на японском — языке простом и одновременно емком. Большую часть времени он сидел рядом с вице-президентом по новой технике электротехнической и судостроительной фирмы «Канагава», склонившись над карманным компьютером. Вице-президент широко улыбался и радостно кивал, глядя на крохотный экранчик со светящимися цифрами.

Реакция

Роберт Эммет Липтон, президент «Хубрис-Букс» — подразделения фирмы «Веселые игры», которая являлась филиалом компании «Ритуальные услуги», которая, в свою очередь, являлась собственностью «Эмпайр-стэйт-банка» (и, по слухам, мафии), — не мог поверить собственным ушам.

— Электронные книги?!

При этом Липтон нежно улыбался зятю. С Рокмором нельзя было вести себя резко — он просто начинал плакать и бежал домой к Шарлен, а та потом звонила матери и жаловалась на бессердечного отца, избравшего объектом своей грубости такую тонкую натуру, как Джин.

Поэтому президент «Хубрис-Букс» медленно покачивался в большом кожаном кресле и, напустив на себя заинтересованный вид, слушал очередные бредни зятя. Липтон вздохнул про себя, вспомнив, как Рокмор предложил редакционной коллегии прекратить печатать вяло покупаемые книги и выпускать одни бестселлеры. Тогда Рокмор только-только закончил летние управленческие курсы в Гарварде. Десять лет спустя он разбирался в издательском деле на том же уровне. Но Шарлен была с ним счастлива, а значит, была счастлива мать Шарлен, и потому Липтон позволял Рокмору строить из себя руководителя.

— Таким образом, — продолжал Рокмор, — удастся сделать ее не больше книги. Экран такой книги будет размером со страницу и сможет показывать страницу текста или цветных иллюстраций.

— Ты представляешь, во что обойдется цветоделение? — перебил Липтон, но тут же пожалел о своей грубости и потянулся к полке с бумажными салфетками.

Однако Рокмор против обыкновения не ударился в слезы, а самодовольно ухмыльнулся.

— Никакого цветоделения, папа. Чистая электроника.

— Никакого цветоделения? — ошарашенно повторил Липтон.

— Да. Вообще не надо типографий. И бумаги не надо. Это все равно что держать в ладони телевизор размером с... э-э... ладонь.

— Не надо типографий? — слабо прозвучал голос Липтона. — Не надо бумаги?

— Все делает электроника. Компьютеры.

В голове Липтона царило полное смятение. Месячные расходы на производство... Точные суммы стерлись из памяти, но они просто чудовищны — и в основном из-за транспортировки тонн бумаги от фабрик до типографий, от типографий к складам, от складов к оптовикам, от оптовиков...

Он решительно выпрямился в кресле.

— Так, говоришь, бумага не нужна?

* * *

Мицуи низко поклонился президенту «Канагавы». Благородный старец с густыми серебристыми волосами, в глазах которого все еще светилась напряженная работа мысли, сидел на мягком обитом полу в великолепном темно-синем кимоно. Он чуть заметно кивнул молодому инженеру и вице-президенту по новой технике, одетым в западные деловые костюмы, и коротким жестом велел им садиться. Долгие секунды стояла тишина, пока любимица главы фирмы, девушка умопомрачительной хрупкости и красоты, ставила миниатюрные чашечки и наливала чай.

По знаку вице-президента Мицуи достал из внутреннего кармана пиджака изящный пакет в дорогой золотистой обертке, перевязанный шелковой лентой цвета президентского кимоно, и, склонив голову, протянул его старику. Тонкая улыбка скользнула по суровому лицу главы фирмы. Как было известно, он по-детски любил принимать подарки. Очень осторожно президент развязал ленту, развернул бумагу и выбрал из коробки предмет величиной с маленькую книгу. Большую часть его поверхности занимал экран с тремя кнопками внизу.

Старик вопросительно поднял кустистые брови. Вице-президент указал, что надо нажать на первую, ярко-зеленую. Экран высветил список названий, среди них — все бестселлеры месяца. Повинуясь нажатию кнопки, меньше чем за минуту экран показал первые страницы полудюжины книг.

Широкая улыбка легла на лицо президента. Он повернулся к Мицуи, вытянул правую руку и сжал плечо молодого инженера, словно отец, преисполненный гордости за подающего надежды отпрыска.

Оценка

Липтон сидел во главе стола в конференц-зале. Вокруг него располагались вице-президенты: Редакторат, Производство, Реклама, Сбыт, Авторские права, Юридический, Финансы, Кадры. И зять. Впервые за десять лет, которые Рок-

мор был женат на его дочери, Липтон смотрел на зятя с приязнью.

— Господа, — начал президент «Хубрис-Букс», как обычно елейно кивнул Редакторату и Авторским правам, — и дамы...

Все пришли в замешательство, когда он предоставил слово Рокмору, и были просто потрясены, когда за пятнадцать минут изложения идеи бывший хорист ни разу не сбился. Впервые Липтон попросил своего зятя выступить на совете директоров, и уж безусловно впервые Рокмор говорил что-то осмысленное.

Впрочем, так ли? Никто не хотел высказываться первым. С одной стороны, Рокмор вел себя уверенно, но, с другой стороны, это могло оказаться ловушкой. Возможно, Липтон в конце концов все-таки решил вышвырнуть зятя из совета директоров.

Молчание тянулось до неприличия долго. Наконец Редакторат не выдержала.

— Опять бездушная техника, — сказала она, машинально теребя галстук блузки. — Достаточно было компьютеризации делопроизводства. Мои люди привыкали неделями! Некоторые до сих пор в растерянности.

— Тогда гоните их! — рявкнул Липтон. — Мы не позволим стоять на пути прогресса! Будущее за новой технологией, я убежден в этом.

По комнате пронесся едва слышный вздох облегчения. Теперь все знали точку зрения шефа; теперь все знали, что нужно говорить.

— Технология, разумеется, имеет большое значение, — отступила Редакторат, — но я не представляю, как электронное устройство может заменить книгу. Холодное, металлическое... Машина. А книга — это уют, это что-то согревающее и дружелюбное, это прикосновение бумаги...

— Которая чертовски дорого стоит! — перебил Липтон.

Финансы подхватил идею с быстротой электронного калькулятора.

— Вам известно, во сколько каждый месяц обходится компании бумага?

— Ну, я...

Редакторат поняла, что ей уготована роль жертвенного агнца. Она смутилась и, покраснев, замолчала.

— Какова ожидаемая цена новой книги? — поинтересовался Сбыт.

Липтон пожал плечами.

— Доллар? Два?

— Специалисты, с которыми я консультировался, — подал голос с дальнего конца стола Рокмор, — считают, что цены на электронные книги можно будет ставить не выше доллара.

— Вместо пятнадцати или двадцати, — заметил Липтон, — на издания в твердом переплете.

— Меньше доллара? — Сбыт выглядел ошеломленным. — Мы продадим их миллиарды!

— Мы в состоянии уничтожить конкурентов — издателей дешевых книг, — радостно добавил Липтон.

— Но это лишит нас основного источника доходов! — вскричала Авторские права.

— Останется продажа за рубеж, — напомнил Липтон, — а также теле- и киносценарии.

— Насчет телевидения не уверен, — вставил Юридический. — В конце концов, мы показываем текст, по сути, на телеэкране, и нас могут обвинить в нарушении...

Обсуждение затянулось. Принесли бутерброды и кофе. Совет директоров продолжался весь рабочий день.

В портовом городе Намацу, неподалеку от заснеженной вершины священной Фудзиямы, «Канагава Индастриз» развернула срочные работы по переводу одного из своих заводов на выпуск электронной книги Мицуи Минаматы. Самому Мицуи предоставили должность советника главного инженера. Его шестьсот подчиненных (пятьсот восемьдесят восемь из них — роботы) трудились добросовестно и эффективно, перестраивая производство с изготовления навигационных компьютеров на новое изделие.

Противодействие

Редакторат потягивала «Кровавую Мэри», а Права смотрела в окно ресторана на грохочущую манхэттенскую улицу. Даже в обеденное время ресторанчик пустовал — издательское дело давно находилось в полосе штиля. Учтивые официантки с зачесанными назад волосами и европейским акцентом заботливо обхаживали каждого клиента, надеясь обеспечить чаевые качеством обслуживания, раз их не гарантировало количество посетителей.

Авторские права — платиновая блондинка бальзаковского возраста — пришла в «Хубрис-Букс» юной мечтательной девушкой, лелея надежды на романтическую карьеру в литературном мире. Самый романтический момент в ее жизни настал, когда на франкфуртской книжной ярмарке ее соблазнил представитель французского издательства, тем самым обеспечив себе выгодную сделку.

— Книги должны быть сделаны из бумаги, — сказала она, вяло помешивая соломинкой кампари с содовой, — а не из всякой электронной всячины.

За двенадцать лет жизни в Нью-Йорке, куда Редакторат приехала из Канзаса, она работала у шести издателей. Почему-то всякий раз, когда итоги ее деятельности становились известны правлению, ей предлагали искать новое место. Но в Нью-Йорке хватало издателей, руководствующихся нехитрым принципом: увольнять редактора, чья продукция не расходилась, и брать другого, уволенного конкурентом по той же причине.

— Я тоже так думаю, — проговорила она. Ее язык чуть заплетался, крашеные рыжие волосы были растрепаны. Она допивала уже третий коктейль, а обед еще не заказывала.

— Обожаю сидеть, свернувшись калачиком в кресле, с книжкой на коленях, — поделилась Права.

— Книги должны быть сделаны из бумаги, — с убеждением произнесла Редакторат. — Должны иметь страницы, которые можно переворачивать.

Права безрадостно кивнула.

— Я сказала это Производству, и знаешь, что он ответил?

— Нет. Что?

— Он заявил, что я ошибаюсь. Что книги должны быть сделаны из сырой глины с оттиснутыми на ней клинообразными черточками.

Глаза Редактората наполнились слезами.

— Это конец. Не успеешь опомниться, как нас всех заменят роботами.

Главный инженер расхаживал взад-вперед, сцепив руки за спиной, а двое техников лихорадочно трудились над роботом. Весь сборочный цех замер, механизмы остановились. Белые халаты техников, гордящихся своей способностью поддерживать машины в безупречном состоянии, пестрели пятнами от масла и пота.

Главный инженер — в золотистом халате и пластиковой кепочке — попеременно бросал яростные взгляды на техников и на огромные электронные часы, занимавшие дальнюю стену сборочного цеха. За застекленным балконом над часами виднелось нетерпеливое лицо Мицуи Миниматы, пристально наблюдавшего за происходящим внизу.

Ликующий крик одного из техников заставил главного инженера круто повернуться. Осторожно зажав между большим и указательным пальцами кристаллик микросхемы, техник сделал два шага вперед и протянул злосчастную деталь главному инженеру. Казалось невероятным, что эта песчинка, выглядевшая на ладони смехотворно незначительной, вызвала неисправность робота и погубила целый рабочий день. Главный инженер вздохнул про себя и решил, что вечером, расслабившись в горячей ванне, непременно надо будет сочинить танку о том, как мелочь может повлечь за собой большую беду.

Младший техник тем временем метнулся к автоматическому доставщику запчастей, набрал код микросхемы и прибежал с новой деталью. Старший техник быстро установил ее, закрыл ремонтную панель робота и поклонился главному инженеру. Тот нехотя выразил одобрение. Младший техник тоже поклонился и испросил разрешения включить

робота. Робот ожил и тоже поклонился главному инженеру. Только после этого производство возобновилось.

Торговый директор «Хубрис-Букс», разговаривая с ответственным за сбыт по западному региону, задумчиво потер подбородок.

— Но если они займутся исключительно этими электронными финтифлюшками, — возмущался его собеседник, — то обойдут оптовиков и даже розницу, Господи помилуй! Маленькие компьютерные диски будут продавать непосредственно клиенту! По почте!

— И по телефону, — устало добавил директор. — Поговаривают о полной компьютеризации.

— А как же мы?

— А нас на свалку, дружище. Прямехонько на свалку.

Решение

Роберт Эммет Липтон не часто нервничал. По своему служебному положению он привык заставлять нервничать других, а не трястись самому. С другой стороны, к Главному Управляющему «Ритуальных услуг» вызывали не часто. На лбу Липтона выступила испарина, пока секретарь вела его по тихим, прохладным, устланным коврами коридорам к личному кабинету ГУ.

Да, это не приглашение на беседу к напыщенному ослу, возглавляющему «Веселые игры»; с ним Липтон знал, как обходиться. Совсем другое дело — ГУ. Он обладал реальной властью.

Секретарь была высокой, изящной, испепеляющей красоты женщиной — из тех, кто может выйти замуж за миллионера и походя уничтожить его. В самых глубоких закоулках сознания Липтона мелькнула мысль, какое огромное удовольствие быть уничтоженным подобным созданием.

Секретарь распахнула дверь с табличкой «Александр Гамильтон Старк, Главный Управляющий» и улыбнулась. В ее улыбке Липтон уловил легчайший налет грусти, словно она уже не надеялась увидеть его вновь — живым.

— Благодарю, — выдавил Липтон и ступил в апартаменты ГУ.

Необъятное, убранное коврами помещение было украшено восточными сокровищами — тиковыми, эбеновыми, медными, серебряными и золотыми. Далеко-далеко напротив входа за широким массивным девственно-чистым столом из розового дерева и хрома восседал ГУ. Чувствуя себя маленьким и беспомощным, этаким пигмеем, призванным к трону властелина, Липтон шел через огромную комнату, словно продираясь свинцовыми ногами сквозь густой ворс.

ГУ был дряблым, безволосым, сморщенным стариком, настоящим скелетом, скрючившимся в кожаном кресле, в котором он казался еще меньше. В первую очередь ошеломленному Липтону почему-то вспомнилась черепаха с безжизненными стеклянными глазами. Затем президент «Хубрис-Букс» внезапно осознал, что в комнате находится и третий человек: у стола сидел смуглый, довольно молодой мужчина в шелковистом костюме европейского покроя.

Липтон приблизился к столу. Так как стула не было, он остался стоять.

— Мистер Старк, я счастлив, что вы предоставили мне возможность доложить о проекте создания электронной книги лично вам.

— Говорите громче, — произнес молодой человек. — У него садятся батарейки.

Липтон полуобернулся.

— Простите, а вы?..

— Секретарь и телохранитель мистера Старка. Мы слышали, что «Хубрис-Букс» по уши увяз в этой электронной затее.

— Я бы... — Липтон замолчал, повернулся к ГУ и громко сказал: — Я бы сформулировал иначе: мы ведем крайне сложную разработку.

— Не бросайте корабля, — пробормотал ГУ.

— Не собираемся, сэр, — заверил Липтон. — Мы действительно столкнулись с определенными трудностями, но упорно их преодолеваем.

— Я еще не начал сражаться! — сказал ГУ.

Липтон почувствовал легкую растерянность.

— По сообщениям наших источников, — заметил телохранитель, — моральный дух в «Хубрис-Букс» упал. Как и доходы.

— Мы сейчас переживаем период адаптации, верно...

— Миллионы на оборону, — пропищал дрожащий старческий голос, — но ни гроша на дань!

— Простите? — ошарашенно произнес Липтон. На что намекает Управляющий?

— Вы можете вылететь в трубу, — обвинил телохранитель.

Липтон ощутил, как на верхней губе выступил пот.

— Проект очень сложен. Мы сотрудничаем с одной из лучших отечественных электронных фирм в целях создания революционно нового продукта, который перевернет книгоиздательское дело. Верно, трудности есть — как чисто технические, так и психологического характера. Однако...

— Мы встретили врага, — прокаркал ГУ, — и он повержен!

— Я не хочу быть излишне критичным, — сказал секретарь-телохранитель с ухмылкой, которая перечеркивала его слова, — но вы довели компанию до угрожающего положения: себестоимость выросла, реализация упала, а доходов и не видать.

— Послушайте! — Помимо воли Липтона в его голос вкрались молящие нотки. — Электронная книга уничтожит издательский бизнес как таковой. Мы сможем выпускать продукцию по смехотворной цене и продавать ее непосредственно читателю! Объем торговли в первый же год возрастет троекратно, а прибыль...

— Пятьдесят четыре сорок или в драку! — прокудахтал ГУ.

— Что? — вырвалось у Липтона.

Усмешка охранника стала откровенно циничной.

— Мы знакомы с вашими расчетами. Но все они базируются на том предположении, что электронную книгу вы выбросите на рынок к следующему году. Нам кажется это невыполнимым, особенно при нынешних темпах.

— Как я говорил, у нас были трудности. — Липтона охватило отчаяние. — Сперва мы привлекли электронщиков из «Ритуальных», но те с треском провалились — произвели чудовище, весившее семнадцать фунтов и через раз не работавшее.

ГУ покачал головой.

— Я жалею лишь, что у меня всего одна жизнь, которую можно положить на алтарь отечества.

Подавив стремление с криком убежать из комнаты, Липтон упрямо гнул свое.

— Теперь мы работаем с калифорнийской фирмой, и по крайней мере с электронной частью все в порядке. Но они испытывают дефицит составляющих. Из-за забастовки водителей грузовиков в Техасе срывается подвоз интегральных микросхем.

— А пока ваш товарооборот резко падает.

— Сейчас плохие времена для всего издательского дела.

Телохранитель слегка поднял темные брови.

— До нас доходят жалобы даже из высших эшелонов.

— Эти болваны не видят дальше собственного носа! — взорвался Липтон. — Боятся, что электронная книга лишит их работы.

— В ваших выкладках предполагается ликвидация их мест, не так ли?

— Разумеется!

Внезапно прозвучал скорбный дребезжащий голос ГУ:

— И мы, оставшиеся в живых, обязаны продолжить дело павших... — Старик сбился на неразборчивое бормотание, затем отчетливо закончил: — Чтобы смерть их не пропала втуне.

Словно Управляющего вовсе не было в комнате или по крайней мере на этом уровне реальности, телохранитель пустился в детальный анализ разработки электронной книги, причем именовал ее не иначе как «проект Липтона».

Президент «Хубрис-Букс» чувствовал, что пот течет уже по ребрам; его руки тряслись. Стоя на дрожащих ногах, он отчаянно защищал каждый вложенный доллар.

Наконец телохранитель повернулся к ГУ, последний час сидевшему беззвучно и недвижно.

— Таково положение, сэр. Потенциал немалой прибыли, безусловно, налицо, однако при таких темпах стоимость проекта потянет вниз декларацию доходов всей корпорации.

ГУ сгорбился в гигантском кресле, медленно мигая водянистыми глазами.

— С другой стороны, — продолжал телохранитель, — все эти потери намного улучшат нашу налоговую ситуацию. Если мы не оставим проект, впереди по меньшей мере три года спокойной жизни.

Липтон хотел возмутиться, доказать, что электронная книга — отнюдь не хитрая уловка для уклонения от налогов, но голос ему отказал.

— Каково ваше решение, сэр? — спросил телохранитель.

ГУ оторвал от стола дряблую руку и медленно сжал ее в кулак.

— К черту торпеды! Вперед на всех парах!

Результат

Мицуи Минимата затаил дыхание. В самых смелых своих мечтах он не мог себе представить, что когда-нибудь встретится с Императором лицом к лицу, в императорском дворце. И все же вот он стоит, коленопреклоненный, на шелковом коврике, на расстоянии вытянутой руки от Его Божественного Высочества.

Рядом с Мицуи, тоже на коленях, робко потупив глаза, находились глава «Канагава Индастриз», вице-президент по новой технике и главный инженер завода в Номацу. Все были одеты в церемониальные кимоно бесподобной красоты — Мицуи не верилось, что такое чудо создано человеческими руками.

Императора, разумеется, окружали роботы — смертным не подобает касаться божественной особы. Кроме того, позволив роботам прислуживать себе, он подал японскому

народу пример, как подобные устройства должны войти во все сферы жизни.

Дрожащими пальцами Мицуи вложил первый промышленный образец книги в металлическую длань робота, стоявшего между ним и Императором. Робот с тихим шелестом повернулся и протянул дар Императору.

Император внимательно посмотрел через очки на маленький электронный прибор и взял его в руку. Ему, естественно, объяснили, как пользоваться книгой. Но на секунду Мицуи ужаснулся, что по какой-либо причине объяснения окажется недостаточно и Император ощутит неловкость, не сумев заставить книгу работать. В таком случае единственным выходом для изобретателя, разумеется, будет харакири.

После невыносимо долгого изучения нового предмета Император нажал на зеленую кнопку. Мицуи знал, что появится на экране: перечень всех книг и статей, написанных самим Императором по морской биологии.

Божественное лицо расплылось в счастливой улыбке. Улыбка ширилась по мере того, как Император одну за другой вызывал страницы своих работ. Он засмеялся от удовольствия, и Мицуи понял, что в бренной жизни нет высшей награды.

Марк Москович сердито мерил шагами свою однокомнатную квартирку и спорил с изображением адвоката на телефонном экране.

— Это просто грабеж! Меня лишают моего собственного изобретения! — кричал он.

Адвокат, в печальных глазах которого светилась безмерная усталость от окружающего мира, ответил:

— Приняв деньги, Марк, вы продали им права.

— Но они его губят! Три года — и нет даже работающей модели, весящей меньше десяти фунтов!

— Вы тут ничего не сделаете, — терпеливо повторил адвокат. — Это их игра.

— Идея-то моя, мое изобретение!

Адвокат пожал плечами.

— Знаете, что я думаю? — прорычал Марк, подскочив к экрану и едва не касаясь его носом. — Я думаю, в «Хубрис-Букс» вовсе не желают успеха проекту. Я думаю, они тянут специально, чтобы ославить идею и добиться того, чтобы ею никто больше не заинтересовался!

— Глупо, — возразил адвокат. — Зачем...

— Глупо? — взревел Марк. — А в прошлом году, когда они стремились, чтобы экран на ощупь напоминал бумагу? А та бредовая затея с сотней экранчиков, которые можно переворачивать, как страницы? Глупо?! Да они спятили!

После часа безрезультатного спора Марк в ярости и отчаянии выключил телефон. Он сидел, снедаемый желчной злобой, в своей однокомнатной квартирке, пока полуденное солнце не скатилось к горизонту.

Только тогда он вспомнил, что толкнуло его позвонить адвокату: посылка из Токио, от Мицуи. Когда ее принесли, Марк направился к телефону выяснить, как продвигается его дело против «Хубрис-Букс». Ответ, разумеется, был «никак».

Добредя до стола, Марк с обреченным видом вскрыл пакет — так осторожно, будто ожидал увидеть новорожденного котенка.

Новорожденный там был. Маленький электронный прибор, как и боялся Марк. Ни записки, ни карточки — ничего, кроме самой электронной книги.

Марк взвесил ее на ладони левой руки — чуть больше фунта, прикинул он. Под экраном располагались три кнопки, помеченные арабскими цифрами и японскими иероглифами. Он прикоснулся к зеленой, с цифрой «1».

На экране появилось улыбающееся — нет, сияющее! — лицо Мицуи. Замигала оранжевая кнопка с цифрой «2». Марк коснулся ее.

На экране появилось аккуратно отпечатанное письмо.

«Дорогой Марк!

Прими, пожалуйста, этот скромный подарок в знак моего глубокого дружеского чувства. Через несколько дней ваши средства массовой информации наполнятся сообщениями о

революционно новом продукте «Канагавы» — электронной книге. И каждому встречному репортеру я буду говорить, что идея в такой же степени твоя, как и моя.

Ты, вероятно, знаешь, что торговые соглашения между нашими странами не позволяют Японии продавать электронные книги в США. Тем не менее никто не запрещал «Канагаве» открыть в Америке филиал. Не откажешься ли ты возглавить отдел науки в этой новой компании, таким образом помогая распространять электронную книгу на американском рынке?

Прошу позвонить мне при первой возможности...»

Дальше Марк не дочитал. Он рванулся к телефону, даже не поинтересовавшись, сколько времени сейчас в Японии. Мицуи, как выяснилось, пришлось прервать трапезу, но бывшие однокашники долго и счастливо болтали, и Марк согласился стать вице-президентом по новой технике американского филиала «Канагавы».

Мораль

Виктор Гюго был прав, говоря, что никакая армия не в силах противостоять идее, время которой пришло. Но если вы тупоголовы, и время, и идея могут пролететь незаметно.

Подтверждение — и естественное следствие — идеи предыдущего рассказа. Страшные люди эти японцы!..

Норман Спинрад
ТВОРЕНИЕ ПРЕКРАСНОГО

Все прогрессивные писатели мира поднимают свой голос против войны. Одни делают это так, как Т. Ландольфи, живописавший страшный соблазн применения «абсолютного оружия», другие — так, как известный американский фантаст Норман Спинрад (1940), в своем рассказе «Творение прекрасного» убедительно показавший деградацию культуры, которую неминуемо влечет за собой любая война — пусть даже и не всеуничтожающая.

— Вас дожидается джентльмен по имени Сибаро Ито, — объявил селектор. — Он желает приобрести какой-нибудь ценный исторический памятник.

Не покидая своего кабинета, я навел справки о посетителе через центральный компьютер. Мой мистер Ито оказался не кем иным, как владельцем осакской компании «Грузовые ракеты Ито». Если Сибаро Ито выписывает чек на любую сумму, не превышающую размер государственного долга, то в надежности этого чека можно не сомневаться.

В кабинет легким шагом вошел стройный, начинающий лысеть мужчина в красном шелковом кимоно с черным оби, отделанным парчой. Совершенно уверен, что в ядовитом смоге Осаки мистер Ито щеголяет в наимоднейших европейских костюмах. В нем все было идеально; типичный

японский бизнесмен, великолепный образчик той породы, что вытеснила нас с международной арены.

Мистер Ито едва заметно поклонился и вручил мне визитную карточку. Я ответил кивком головы и остался сидеть. Эти игры могут показаться глупыми, но с японцами нельзя вести дело иначе.

Усевшись напротив меня, Ито вытащил из рукава кимоно черный рулон и церемонно водрузил его на стол.

— Мне известно, мистер Гаррис, что вы являетесь знатоком и собирателем плакатов середины 1960-х годов, — сказал он. — Молва о вашей славной коллекции достигла даже окрестностей Осаки и Киото, где я имею честь проживать. Позвольте преподнести вам скромный дар. Мысль, что он будет находиться в таком знаменитом окружении, наполняет меня счастьем и навеки делает вашим должником.

Мои руки дрожали, когда я разворачивал плакат. Учитывая финансовые возможности мистера Ито, его скромный дар никак не мог быть незначительным. Мой папаша обожал распространяться о тех старых днях, когда всем заправляли американцы... Однако должен согласиться, что у японского бизнеса есть определенные достоинства.

Но когда я развернул рулон... Я едва не уронил себя в глазах гостя — до того мне захотелось присвистнуть. Ибо я держал в руках ни больше ни меньше как самую первую афишу «Благодарных Мертвых»* в мягких черно-серых тонах, редчайший экземпляр, совершенно недоступный простым смертным. Я не смел поинтересоваться, каким образом приобрел его мистер Ито. Наступил торжественный момент, когда мы оба с молчаливым благоговением рассматривали плакат, чья красота и историческая ценность отодвинули на второй план те пустяковые преходящие проблемы, которые свели нас вместе.

— Надеюсь, мне представится возможность так же усладить ваши чувства, как вы усладили мои, мистер Ито, — наконец проговорил я.

---

* «Благодарные Мертвые» — известная в конце 1960-х годов рок-группа.

Вот так нужно строить фразы. Вроде бы и благодаришь, и в то же время тактично напоминаешь о деле.

Мистер Ито внезапно смутился, даже потупился.

— Простите за дерзость, мистер Гаррис, но я питаю надежду, что вы в состоянии помочь мне уладить весьма деликатное семейное дело.

— Семейное дело?

— Именно. Я прекрасно сознаю свою бесцеремонность, но вы, безусловно, человек утонченный и благоразумный...

Его самоуверенность таяла на глазах, как будто он собирался просить помощи в удовлетворении какой-то мерзкой страстишки. Я почувствовал на своей стороне неоспоримое преимущество и понял, что сейчас передо мной откроются определенные финансовые перспективы.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, мистер Ито.

Ито нервно улыбнулся.

— Моя жена происходит из артистической семьи, — начал он. — И ее мать, и ее отец удостоены высокого звания «Гигант Национальной Культуры», о чем они не устают мне напоминать. Хотя я достиг немалых успехов на поприще грузовых ракет, я в их глазах — простой торговец, в эстетическом отношении дикарь по сравнению с их благородной изысканностью. Вы понимаете мое положение, мистер Гаррис?

Я кивнул со всей симпатией, на которую способен. Эти японцы потрясающе усложняют себе жизнь! Крупнейший промышленник — и его бросает в пот от одной мысли о своих родственничках-нахлебниках, которых он запросто может купить с потрохами! В то же время он вознамерился утереть нос этим сукиным детям каким-то мудреным восточным путем... Сдается мне, что японцы куда лучше могут заправлять миром, чем собственной жизнью.

— Мистер Гаррис, я желаю купить для своего поместья в Киото видное произведение американской культуры. Откровенно говоря, оно должно быть достаточного масштаба, чтобы напоминать родителям жены о моих успехах в материальной сфере всякий раз, когда их взгляд падет на данное приобретение. А я, будьте уверены, установлю его таким

образом, чтобы это происходило весьма часто. Но, разумеется, оно должно обладать красотой и исторической ценностью, доказывая тем самым, что мой вкус не уступает их собственным вкусам. Тогда я вырасту в глазах родственников, завоюю уважение и восстановлю покой в своем доме. Мне сообщили, что вы являетесь незаменимым советником в этих вопросах, и я горю желанием осмотреть любые творения прекрасного, которые вы сочтете для меня подходящими.

Так вот в чем дело! Он хочет купить что-то достаточно большое, чтобы повергнуть в изумление свою утонченную родню, но не может довериться своему вкусу. И при этом, словно золотая рыбка, купается в море иен! Я буквально не мог поверить в свою удачу. Сколько же удастся с него содрать?..

— А... какого размера предмет вы имеете в виду, мистер Ито? — небрежно спросил я.

— Я желаю приобрести какой-нибудь выдающийся памятник монументальной архитектуры с тем расчетом, чтобы превратить мои сады в место поклонения его красоте. Следовательно, необходимо произведение классических пропорций. Разумеется, оно должно быть достойно поклонения, иначе все потеряет смысл.

Да, это вам не обычная продажа очередного Говарда Джонсона или бензозаправочной станции. Даже старый «Хилтон» или Зал Почета бейсбольной ассоциации Куперстауна, которые я загнал в прошлом году, пожалуй, были бы мелковаты для этого дела. Собственно говоря, Ито дал понять, что цена не имеет для него значения. Это же мечта всей жизни! Простофиля с неограниченным кредитом сам доверчиво просится в мои нежные ручки!

— Если угодно, мистер Ито, — предложил я, — мы немедленно можем осмотреть несколько вариантов здесь же, в Нью-Йорке. Мой флайер на крыше.

— С вашей стороны в высшей степени любезно нарушить ради меня свои планы, мистер Гаррис. С удовольствием соглашаюсь.

Я поднял флайер на высоту примерно около тысячи футов и повел его над полуразрушенными джунглями Манхэттена. Потом мы снизились до трехсот футов и, залетев со стороны острова Бедло, стали медленно приближаться к статуе Свободы. Я специально не торопился подходить к Обезглавленной Даме — товар всегда надо показывать лицом. Ракурс получился великолепный: огромная зеленая статуя с налетом копоти от зажигательной бомбы поднималась из залива, словно поверженный колосс.

Лицо мистера Ито не выдавало никаких эмоций. Он бесстрастно смотрел прямо перед собой.

— Вам, безусловно, известно, что это знаменитая статуя Свободы, — начал я. — Как большинство памятников старины, она доступна любому покупателю, который будет выставлять ее с подобающим уважением. Мне не составит труда убедить Бюро Национальных Ценностей в безупречности ваших намерений.

Мы кружили вокруг острова, чтобы Ито мог осмотреть статую со всех сторон и надлежащим образом оценить ее презентабельность. Однако его лицо оставалось таким же невыразительным.

— Как видите, с тех пор, как Мятежники взорвали голову фигуры, ничего не изменилось, — продолжал я, стараясь подогреть его интерес. — Тем самым памятник приобрел еще большее историческое значение и покрыл себя неувядаемой славой. Подарок из Франции, он символизирует собой родство Американской и Французской революций. Расположенная у входа в нью-йоркскую гавань, статуя Свободы для многих поколений иммигрантов стала воплощением самой Америки. А нанесенный Мятежниками ущерб служит лишь напоминанием, как легко мы вышли из этой переделки. Кроме того, он придает определенный меланхолический настрой, вы не находите? Эмоциональность и тонкая красота слиты воедино в элегантном шедевре монументальной скульптуры. А запрашиваемая цена много ниже, чем можно было бы ожидать.

Когда мистер Ито наконец заговорил, он казался смущенным.

— Надеюсь, вы меня простите, мистер Гаррис, так как мои чувства проистекают из глубочайшего уважения к благородному прошлому вашего народа... Но на меня данное произведение искусства действует угнетающе.

— Каким образом, мистер Ито?

Флайер завершил облет статуи Свободы и начал следующий круг. Ито опустил глаза и, отвечая, не отрываясь смотрел на маслянистые воды залива.

— Символизм этого разбитого памятника печалит меня. Статуя олицетворяет собой упадок некогда великой нации. Поместить ее в Киото было бы с моей стороны поступком низменным и постыдным. Я бы осквернил память вашего народа и проявил безграничное чванство.

Ну, что вы на это скажете?! Он, видите ли, оскорблен, потому что считает, что выставить памятник в Японии — значит нанести обиду Соединенным Штатам. Выходит, делая такое предложение, я задеваю его достоинство и намекаю на азиатское бескультурье. Тогда как для всякого нормального американца эта распроклятая — не более чем старая рухлядь, годная лишь на то, чтобы всучить ее иностранцам, которые рады-радешеньки ухлопать бешеные деньги за сомнительную привилегию утащить ее к себе. Нет, от этих японцев просто сойдешь с ума! Кого еще можно оскорбить, предлагая сделать то, что они считают унизительным для вас, хотя вы ничего дурного для себя в этом не видите?!

— Надеюсь, я не обидел вас, мистер Ито, — не подумав, выпалил я и чуть не откусил себе язык. Как раз этого и нельзя было говорить! Я действительно обидел его и теперь подлил масла в огонь, поставив его в положение, когда вежливость требовала отрицать это.

— Уверен, что ничего не могло быть дальше от ваших намерений, мистер Гаррис, — искренне проговорил Ито. — Всего лишь волна грусти при мысли о хрупкости величия... Само по себе это ощущение, можно сказать, даже полезно для души. Но видеть памятник постоянно — выше моих сил.

Льстивая японская учтивость или истинные чувства? Кто знает, что эти люди чувствуют на самом деле? Порой мне кажется, что они сами не ведают. Но так или иначе, его настроение надо повысить. Причем быстро. Гм-м...

— Скажите, мистер Ито, вы любите бейсбол?

Глаза Ито зажглись, словно маяки. Мрачность исчезла, замененная теплым сиянием неожиданной улыбки.

— Да! — воскликнул он. — Я снимаю ложу на осакском стадионе, но должен признаться, что до сих пор питаю тайное пристрастие к «Гигантам». Как странно, что великая игра заброшена у себя на родине.

— Однако лишь благодаря этому факту я имею возможность предложить то, что, несомненно, вызовет у вас самую горячую заинтересованность. Летим?

— Безусловно, — ответил мистер Ито. — Здешние окрестности угнетающе действуют на мою нервную систему.

Мы поднялись на высоту пятьсот футов и вскоре оставили покосившуюся груду грязной меди далеко позади. Просто диву даешься, сколько значения ухитряются придать японцы любому старому хламу. Причем *нашему* хламу, будто у них мало своего собственного. Но уж кому жаловаться, только не мне: я недурно живу благодаря этому. Мы пересекли Гарлем и на скорости триста миль в час промчались над Бронксом. Не было никакого смысла очищать мили выжженных равнин, и теперь весь район зарос высокой травой, ядовитым сумахом и густым кустарником. Никто там не живет, если не считать патетических группок старых смирных хиппи, не заслуживающих нашего внимания. Эта местность производила удручающее впечатление, и я хотел, чтобы мистер Ито пролетел над ней высоко и быстро.

К счастью, нам было недалеко, и через пару минут мы уже парили над объектом назначения — единственным сооружением, оставшимся сравнительно невредимым в этом бедламе. Каменное лицо мистера Ито преобразилось. Его осветила счастливая мальчишеская улыбка, и мне стало ясно, что я попал в цель.

— Ух ты! — восторженно воскликнул Ито. — Стадион Янки!

Древнее ристалище легко отделалось во время Мятежа — так, малость обуглилось, да кое-где посыпались внешние бетонные стены. Лежащие вокруг развалины, гигантские груды раздробленного кирпича, проржавевшие стальные конструкции, целые горы рухляди — все поросло кустарником и деревьями, естественно переходящими в дикий природный ландшафт. Более или менее сохранился лишь проходивший по поверхности участок подземки — огненно-рыжий скелет, покрытый мхом.

Бюро Национальных Ценностей обнесло стадион электрифицированной колючей изгородью, которую патрулировал охранник в одноместном скиммере. Я опустился до пятидесяти футов и сделал пять кругов над игровым полем, давая зачарованному мистеру Ито хорошенько насмотреться. Пусть представит себе, как восхитительно будет выглядеть этот шедевр в окружении его садов. Всякий раз, когда наши пути сближались, охранник махал рукой — он, должно быть, изнывал здесь от однообразия и скуки среди руин и чокнутых хиппи.

— Можем ли мы опуститься? — спросил мистер Ито прямо-таки с благоговейным трепетом. Готово, он попался! Его глаза сияли, как у сладкоежки, которому подарили кондитерскую.

— Разумеется, мистер Ито.

Я медленно подвел флайер к центру стадиона и потихоньку направил его к сплетению высокой травы. Мы словно ныряли в огромный, не имеющий крыши собор, а вокруг нас кольцом смыкались покореженные трибуны — прогнившие деревянные скамьи, укрывавшие в своих темных глубинах тучи птиц. Царила атмосфера какого-то затаенного величия.

Мистер Ито разве что не прыгал от восторга.

— Ах как прекрасно! — вздыхал он. — Какая грациозность! Какое благородство! Какие славные дела свершались здесь в былые дни!.. Дозволено ли нам ступить на это историческое поле?

— Ну конечно, мистер Ито.

Все шло превосходно. От меня не требовалось ни слова. Он продавал себе этот замшелый пустырь куда успешнее, чем это делал бы я.

Мы пошли через бурьяны, вспугивая диких голубей. Необъятность пустого стадиона наводила священный трепет, словно это были греческие руины или Стоунхендж, а не заброшенная бейсбольная площадка. Казалось, трибуны заполнены тенями болельщиков; в воздухе звучало эхо великих деяний, и в каждой темной щели клубились призраки исторических событий.

Мистер Ито, как выяснилось, знал о Стадионе Янки больше, чем я (и больше, чем я когда-либо *хотел* знать). Он торжественно вышагивал по полю, таская меня за собой, и демонстрировал свою эрудицию.

— Мемориальные плиты с именами незабвенных героев «Нью-Йоркских Янки», — провозгласил мистер Ито, замерев возле отметки с полустершимися цифрами «405». Здесь из поля торчали словно надгробия три камня, а за ними на стене — пять позеленевших медных табличек. — Легендарные Рут, Гейриг, Димаджио, Мэнтл... Вот тут Микки Мэнтл загнал мяч на трибуны — подвиг, в течение почти полувека считавшийся невозможным. А там Эл Джинфридо остановил прорыв великого Димаджио на знаменитом первенстве мира...

Поразительно, сколько он знал всякой всячины об этой ерунде и какое колоссальное значение все это имело в его глазах. Казалось, нашему обходу нет конца. Я бы, наверное, свихнулся с тоски, если бы меня не утешал тот факт, что он купился с потрохами. Пока Ито объяснялся в любви Стадиону Янки, я убивал время, подсчитывая про себя иены. С него можно содрать миллионов десять, а значит, мне перепадал круглый миллион. Мысль о плывущих ко мне в руки денежках помогала улыбаться все два часа, в течение которых Ито блаженно лепетал и пускал слюни от удовольствия.

Был уже полдень, когда он наконец насытился и позволил отвести себя к флайеру. Настала пора заняться делом —

надо брать его тепленьким, пока он еще не способен к сопротивлению.

— Мне невыразимо приятно наблюдать ваши глубокие чувства к этой изумительной спортивной арене, мистер Ито. Я приложу все усилия для скорейшего оформления документов на собственность.

Мой клиент замер, будто очнувшись от приятных снов, а потом опустил глаза и даже почти незаметно втянул голову в плечи.

— Увы, — печально проговорил мистер Ито. — Лелеять на своей земле благородный Стадион Янки превосходило бы самые смелые мечты, но подобное самопотворство лишь усугубит мои семейные невзгоды. Родители супруги невежественно считают возвышенное искусство бейсбола завезенным американским варварством, и моя супруга, к несчастью, разделяет их мнение и часто бранит меня за пристрастие к этой игре. Если я приобрету Стадион Янки, то окажусь посмешищем в собственном доме, и жизнь моя станет совершенно невыносимой.

Ну, что вы скажете? Наглый сукин сын потратил два часа моего времени, обнюхивая каждый камень на этой помойке, и едва не свел меня с ума болтовней... прекрасно отдавая себе отчет, что брать не будет!! Мною завладело отчаянное желание вколотить его зубы в глотку. Но я вспомнил о иенах, на которые у меня еще оставалась надежда, и остановился на более подходящем ответе: легкая улыбка понимающей симпатии, вздох завистливого сожаления и грустное «Увы!».

— Тем не менее, — бодро добавил мистер Ито, — я буду вечно лелеять память об этом визите. Считайте меня своим должником, мистер Гаррис.

Это меня доконало.

Дело пахло керосином. Срывалась самая крупная сделка в моей практике. Я показал Ито два лучших образца на своей территории, и они ему не подошли. А если он не подберет ничего по своему вкусу на северо-востоке, оставалась еще масса первосортного товара в других местах. И предо-

статочно моих коллег, которые не откажутся прикарманить жирный куш.

— Вы, безусловно, устали, мистер Гаррис, — сказал мистер Ито. — Не буду вас больше беспокоить. Пожалуй, нам пора возвращаться. Если вы подберете для показа что-нибудь еще, мы договоримся о встрече во взаимно удобное время.

Мне нечего было ответить. Я понятия не имел, что еще предложить. Оставалось лишь направить флайер назад и надеяться на чудо. Как только мы достигнем конторы, моя золотая рыбка вильнет хвостом.

Мистер Ито бесстрастно смотрел на унылые ряды многоквартирных домов, не заговаривая со мной и даже не замечая моего присутствия. Багровый свет, льющийся сквозь купол флайера, превращал его круглое лицо в восходящее солнце, как будто прямо с японского флага. Я много лет имею дело с японцами и никак не могу их понять. То они учтиво надменны и превосходят вас во всех отношениях, то вдруг обращаются в глупых сосунков. Сейчас меня постигла неудача, и я, поджав хвост, плелся домой. А рядом сидел разочарованный клиент и всем видом показывал, что я — полное ничтожество, а он — пуп вселенной!

— Мистер Гаррис! Мистер Гаррис! Посмотрите! Это великолепное сооружение!

Ито кричал. Его глаза восторженно сияли. Широко улыбаясь, он указывал куда-то вдоль Ист-ривер. Со стороны Манхэттена весь берег был покрыт самыми уродливыми домами, как две капли воды похожими друг на друга. Бруклинская сторона была еще хуже — так называемый промышленный район: низкие угрюмые здания без окон, склады, причалы... Выделялось только одно сооружение, и лишь его мог иметь в виду мистер Ито, — сооружение, связывающее жилой массив Манхэттена с промышленным районом Бруклина.

Мистер Ито показывал на Бруклинский мост.

— Э... мост, мистер Ито? — проговорил я, с трудом сохраняя серьезное выражение лица. Насколько мне известно, Бруклинский мост лишь одним образом мог претендо-

вать на историческое значение — он был непременным атрибутом анекдотов столь древних, что они уже не вызывали смеха. Бруклинский мост традиционно продавали всем наивным туристам и простакам — вместе с акциями несуществующих урановых рудников и золочеными кирпичами.

Я не мог устоять против искушения.

— Вы хотите купить Бруклинский мост, мистер Ито?

Это было прекрасно. Теперь, после того как он всласть поизмывался надо мной, я называю его в лицо идиотом, а он и не подозревает!

Напротив, Ито жадно закивал, как неотесанная деревенщина из какой-нибудь старой шутки, и сказал:

— Да, очень. Он продается?

Я заставил себя проглотить смех и, снизившись, подвел флайер к рассыпающейся махине. Меж двух толстых каменных башен были натянуты ржавые тросы, на которых видел мост. Флайеры давно уже сделали подобные сооружения ненужными, но, конечно, никому в голову не приходило его снести. Там, где тяжелые грязные блоки входили в воду, они были покрыты мерзкой зеленой слизью. Выше этой линии белел вековой нарост гуано. Места, не загаженные чайками, покрывал дюймовый налет копоти. Полотно дороги растрескалось, всюду валялись отбросы, мусор, высохшие ракушки. Я был несказанно рад, что кабина флайера герметична: вонь, должно быть, стояла ужасная. Прогнившее, разваливающееся, запакощенное уродство... Словом, как раз то, чего заслуживал мистер Ито.

— Что ж, — молвил я. — Полагаю, я смогу продать вам Бруклинский мост.

— Превосходно! — воскликнул Ито. — Очаровательный вид, не правда ли, мистер Гаррис? Я преисполнен решимости приобрести его, невзирая на цену.

— Не могу назвать никого более достойного, чем ваша высокочтимая особа, мистер Ито, — провозгласил я с предельной искренностью.

Примерно через четыре месяца после того, как последняя секция Бруклинского моста была доставлена в Япо-

нию, я получил два пакета от мистера Сибаро Ито: письмо с мини-кассетой и голографическим слайдом и тяжелую посылку размером с коробку из-под обуви в голубой оберточной бумаге.

Благодаря миллионам иен, лежащим на банковском счету, мое отношение к мистеру Ито несколько потеплело. Я сунул кассету в проигрыватель и даже не удивился, услышав голос японского друга:

«Приветствую вас, мистер Гаррис. Позвольте еще раз выразить глубокую благодарность за своевременную перевозку Бруклинского моста к моему поместью. Он уже установлен и доставляет всем колоссальное эстетическое наслаждение, а также невыразимо способствует сохранению покоя в моей семье. Я прилагаю снимок этого дивного сооружения, чтобы и вы могли упиваться его красотой. Кроме того, в знак признательности посылаю вам скромный дар. Надеюсь, вы примете его с тем же чувством, с которым я его подношу. Сайонара».

Во мне проснулось любопытство. Я поднялся и вставил слайд в стенной проектор. Передо мной возникла поросшая лесом гора с темно-серой раздвоенной вершиной, суровая и торжественная. Серебристая лента воды струилась по расщелине и срывалась на каменное плато. Низвергающийся поток разбивался в небольшом озере, взметая столб брызг, которые образовывали неоседающую дымку. И над ущельем между пиками, оставляя далеко под собой великолепный водопад, тонкой нитью повис Бруклинский мост. Его громоздкие башни, стоявшие на самом краю пропасти, выглядели изящными и хрупкими по сравнению с грандиозным величием горы. Каменные блоки были вычищены и блестели каплями влаги; тросы и полотно дороги совсем скрывались за густым плющом. Фотография была сделана на закате; садящееся солнце заливало мост мрачно-оранжевым огнем, светилось бронзой в клубящейся дымке и сверкало алмазными сполохами в воде.

Это было очень красиво.

Наконец, вспомнив про другой пакет от мистера Ито, я заставил себя отвести глаза.

В голубой оберточной бумаге оказался золотистый кирпич. Я разинул рот. Я захохотал. Потом я посмотрел внимательней.

На первый взгляд это был предмет старых шуток — кирпич, покрытый золотой краской. Только сделан он был из самого настоящего чистого золота.

Я знаю, что мистер Ито хотел мне этим что-то сказать, но что — до сих пор не могу взять в толк.

Этот рассказ боялись публиковать и после перестройки...

Уильям Тэнн
ТАКИ У НАС НА ВЕНЕРЕ ЕСТЬ РАББИ!

Вот вы смотрите на меня, мистер Великий Журналист, как будто не ожидали увидеть маленького седобородого человечка. Он встречает вас в космопорте на такой развалине, какую на Земле давно бы уже зарыли. И этот человек, говорите вы себе, — это ничтожество, пустое место — должен рассказать о величайшем событии в истории иудаизма?!

Что? Не ошибка ли это, желаете вы знать. Пятьдесят, шестьдесят, я не знаю сколько, может, семьдесят миллионов миль ради несчастного шлимазла с подержанным кислородным ранцем за спиной? И ответ: нет, не ошибка. Бедный, таки да, невзрачный, таки да, но вы разговариваете с человеком, который может рассказать все, что желаете, о тех скандалистах с четвертой планеты звезды Ригель. Вы разговариваете с Мильчиком, мастером по ремонту телевизоров. С ним самым. Собственной персоной.

Вещи ваши положим назад, а сами сядем впереди. Теперь захлопните дверь — посильнее, пожалуйста, — и если это еще работает, и то еще работает, и несчастный старенький модуль еще способен шевелиться, тогда, пожалуй, полетим. Сказать, что роскошно, таки нет, но — модуль-шмодуль — на место он доставит.

Вам нравятся песчаные бури? Это песчаная буря. Если вам не нравятся песчаные бури, не надо было прилетать на

Венеру. Это все, что есть у нас из красот. Тель-авивского пляжа у нас нет. Песчаные бури у нас есть.

Но вы говорите себе: я прилетел не ради песчаных бурь, я прилетел не ради разговоров. Я прилетел, чтобы выяснить, что же случилось у евреев, когда они со всей галактики собрались на Венере. С чего этот шмендрик, этот Мильчик-телемастер вздумал рассказывать о таком важном событии? Он что, самый умный? Самый ученый? Пророк среди своего народа?

Так я вам скажу. Нет, я не самый умный, я не самый ученый, уж точно не пророк. Я еле свожу концы с концами, ремонтируя дешевые телевизоры... Ученый? — нет, но человек — да. И это первое, что вам надо усвоить. Слушай, говорю я Сильвии, моей жене, или в наших Книгах не сказано: убивающий единого человека убивает всю человеческую расу? Разве не следует отсюда, что слушающий одного слушает всех? И что слушающий одного еврея на Венере слушает всех евреев на Венере, всех евреев во Вселенной, до единого?

Но Сильвия — поди поговори с женщиной! — заявляет:

— С меня достаточно твоих Книг! У нас три сына в женихах. А кто будет платить за переезд их невест на Венеру? Ты думаешь, хорошая еврейская девушка придет сюда за так? Она придет жить в этой геенне огненной, жить в норе, будет растить детей, которые не увидят солнца, не увидят звезд, одни только стены и пьяные шахтеры из кадмиевых шахт? Разве узнаешь из Книг, где взять денег? Или Книги помогут сыновьям Мильчика найти невест, раз их отец занят философией?

Мне не надо напоминать вам — вы журналист, вы образованный человек — мнение Соломона о женщинах. Хорошая женщина, говорит он, в конце концов обходится вам дороже жемчуга. И все же кто-то должен думать о деньгах и о невестах для мальчиков. Это второе. Первое то, что я человек, и я еврей, может быть, это две разные вещи, но у меня есть право говорить от имени всех людей и всех евреев.

Но этого мало, так я еще и отец. У меня три взрослых сына здесь, на Венере. И если хотите нажить себе врага, скажите: «Слушай, ты еврей? У тебя три сына? Ступай на Венеру!»

И это третье. Почему я, Мильчик-телемастер, вам это рассказываю и почему вы прилетели с Земли меня слушать. Потому что я не только еврей и не только отец, но и... Подождите. Дайте я задам вам вопрос. Вы не обидитесь? Вы точно не обидитесь?

...Вы случайно не еврей? Я имею в виду, может быть, дедушка? Прапрапрадедушка? Вы уверены? Может, кто-нибудь из них просто изменил фамилию в 2553 году? Не то чтобы вы выглядели евреем, нет, боже упаси, но вы такой интеллигентный человек и задаете такие умные вопросы... Вот я и подумал...

Вам нравится еврейская еда? Через двадцать минут мой старенький усталый модуль выйдет из этой оранжевой пыли и доставит нас в шлюзовую камеру Дарджилинга. Вы попробуете еврейскую еду, поверьте мне, после нее расцелуете каждый пальчик.

Почти всю нашу еду привозят с Земли в особой упаковке и по особому договору. И, разумеется, по особой цене. Моя жена Сильвия готовит поесть, так приходят со всего нашего уровня просто попробовать: рубленая селедка для возбуждения аппетита... И то, что я вам говорю, тоже для возбуждения аппетита, чтобы подготовить вас к главному блюду, большой истории, за которой вы прилетели.

Сильвия готовит все, что мы едим в шуле — нашей синагоге. Она готовит даже формальный субботний завтрак, который должны съесть мужчины после субботней молитвы. Мы все здесь ортодоксы и практикуем обряды Левиттауна. Наш рабби Джозеф Смолмэн — сверхортодокс и без ермолки, передававшейся от отца к сыну в его семье я уже и не знаю сколько веков, не появляется.

О, вы улыбаетесь! Вы знаете, что я перешел к главному блюду! Рабби Джозеф Смолмэн. Хотя это всего лишь Венера, но рабби у нас таки есть! Для нас он Акиба, Рамбам.

Знаете, как мы его зовем между собой? Великий Рабби Венеры.

Теперь вы смеетесь. Нет-нет, я слышал. Как, простите, отрыжка после сытного обеда.

Этот Мильчик, говорите вы себе, он и его соседи по норе, семьдесят, ну, может быть, восемьдесят еврейских семей, с божьей помощью сводят концы с концами, и их рабби — Великий Рабби Венеры?

А что? Разве есть невозможное для Всевышнего, благословенно будет Имя Его? В конце концов, как говорят наши Книги: «Последний станет первым». Только, пожалуйста, не спрашивайте меня, какие Книги.

Почему он Великий Рабби? Что ж, во-первых, почему бы рабби Смолмэну не быть Великим Рабби? Или ему требуется сертификат от Лицензионного Бюро Великих Рабби? Или надо кончить Специальную Иешиву Великих Рабби? Так вот: вы — Великий Рабби, потому что вы ведете себя как Великий Рабби, вы принимаете решения, как Великий Рабби, вы признаны Великим Рабби... Должно быть, знаете, как он вел себя и как принимал решения, когда у нас на Венере проходил вселенский еврейский съезд.

У вас есть время выслушать один пример? Лет пять назад, накануне Пасхи, случился настоящий кошмар. Прямо у Венеры взорвался грузовой корабль. Никто не пострадал, но груз был поврежден, и корабль опоздал, пришел чуть ли не за час до начала первого седера. Так на том корабле находилась вся пасхальная еда, заказанная двадцатью четырьмя еврейскими семьями из Алтуна-Барроу. Она хранилась в банках и в герметических пакетах. Когда им доставили заказ, они заметили: многие банки погнуты и покорежены. И, что гораздо хуже, большинство испещрено крошечными дырками! В соответствии с решениями Раввината 2135 года по Космическим путешествиям еда в испорченной посуде считается автоматически нечистой — нечистой для каждодневного пользования, нечистой для Пасхи. Вот вам почти седер, и что прикажете делать?

Они небогатые люди. У них нет запасов, у них нет выхода, у них нет даже своего рабби. Было бы это делом жизни

или смерти — хорошо, все годится. Но это не дело жизни или смерти. Они всего лишь не могут отпраздновать седер. А еврей, который не может отпраздновать Исход из Египта мацой, травками и пейсаховкой, такой еврей, что невеста без хупы, что синагога без Торы.

Алтуна-Барроу соединен с Дарджилинг-Барроу, это наша окраина. Да, окраина! Слушайте, где это сказано, что в маленьком местечке не может быть пригорода? И вот идут они со своими проблемами к нашему рабби Джозефу Смолмэну. Из банок, правда, не течет, но сделанная ими проверка дала плохой результат. Как рекомендовано Раввинатом 2135 года, взяли волос с чьей-то головы и засунули его в дырку, и волос не завернулся назад... Что же, значит, пропала дорогая еда? Не будет седера в Алтуна-Барроу?

Таки да — для обычного рабби. Наш же рабби Смолмэн все смотрел на них и смотрел, а потом почесал прыщ с правой стороны носа. Он красивый человек, рабби Смолмэн, сильный и полный, вылитый Бен-Гурион в расцвете сил, но у него всегда большой красный прыщ с правой стороны носа. Затем поднялся и подошел к книжной полке, и снял полдюжины томов Талмуда и последние три тома заседания Раввината по Космическим путешествиям. И он заглянул в каждую книгу по меньшей мере раз и подолгу думал. Наконец он спросил:

— Какой волос вы выбрали и с чьей головы?

Ему показали волос — хороший белый волос с головы древнего старца, тонкий и нежный, как первый вздох младенца.

— Теперь сделаем проверку с волосом по моему выбору.

И он позвал моего старшего, Аарона Давида, и велел ему выдернуть волос.

Вы не слепой, вы видите мой волос — в таком возрасте! — какой он жесткий и грубый. А поверьте мне, это уже не тот волос... Мой мальчик, мой Аарон Давид, у него наш семейный волос, каждый вдвое, втрое толще обычного. И когда рабби Смолмэн берет продырявленную банку и сует волос Аарона Давида, тот, разумеется, вылезает назад, как кусок гнутой проволоки. И когда он пробует

на другой банке, волос снова не идет внутрь. И вот рабби Смолмэн указывает на первую банку, которую ему принесли, ту, которую проверяли волосом старика, и говорит:

— Я объявляю пищу в этой банке нечистой и негодной, а все остальное хорошего качества. Идите домой и делайте седер.

Вы понимаете, надеюсь, в чем величие этого решения? Евреи со всей Венеры обсуждали, и каждый приходил в восхищение. Нет. Простите, вы не правы. Величие — не просто в решении, позволившем бедным евреям насладиться седером в своих домах. Это старая истина — лучше еврей без бороды, чем борода без еврея. Попробуйте еще. Снова неверно. Любой хороший рабби взял бы толстый волос в подобных обстоятельствах. Для этого не обязательно быть Гилелем. Вы все еще не догадались? Гойше коп!

Извините. Я не хотел говорить на непонятном вам языке. Что я сказал? О, совершенные пустяки! Просто замечание по поводу того, как некоторые люди намерены стать учениками Талмуда, а другие не намерены стать учениками Талмуда. Что-то вроде старой поговорки среди нас.

Конечно, я объясню. Почему Великий? Во-первых. Всякий приличный рабби обязательно признает пищу чистой и годной. И во-вторых. Хороший рабби, первоклассный рабби найдет способ, как это сделать: возьмет волос моего сына, то, се, все что угодно. Но, в-третьих, лишь воистину Великий Рабби изучит столько книг и будет думать напряженно и долго, прежде чем объявит свое решение. Как они могут действительно насладиться седером, если не уверены в правильности решения? А как им быть уверенными, если они не увидят, что для этого приходится изучить девять разных томов? Ну, теперь-то вам ясно, почему мы звали его Великим Рабби Венеры еще за пять лет до Неосионистской конференции и грандиозного скандала с бульбами?

Поймите, я не выдающийся муж Талмуда — у человека есть семья, а дешевые телевизоры на такой планете, как

Венера, не помогают вам решать проблемы Гемара. Но всякий раз, когда я думаю, что́ наша конгрегация имеет в лице рабби Смолмэна, мне вспоминается, как Книги начинают спор: «Человек находит сокровище...»

Только не сочтите, что наше сокровище — для всех сокровище. Почти все евреи на Венере ашкенази — люди, чьи предки эмигрировали из Западной Европы в Америку до Холокоста и не вернулись в Израиль после Сбора. Но у нас по крайней мере три вида ашкенази, и только мы, левиттаунские ашкенази, зовем рабби Смолмэна Великим Рабби Венеры. Вильямсбургские ашкенази, а их гораздо больше, черно-габардиновые ашкенази, которые дрожат и молятся, дрожат и молятся, зовут рабби Смолмэна пасхальным рабби. А для ашкенази Майами, богатых счастливчиков, живущих в большом Ай-Би-Эм-Барроу, рабби — что незамужняя девчонка, напустившая умный вид. Говорят, вильямсбургские ашкенази верят во все чудеса, для левиттаунских ашкенази чудо — найти работу, а ашкенази Майами не верят ни в чудеса, ни в работу, они верят только в экспорт-импорт.

Я вижу, вам не терпится. Вы закусили, сейчас попробовали супа и ждете главного блюда. Послушайте, успокойтесь немножко. Я только расскажу вам одну вещь. Назовем это салат. Вы думаете что? — это не салат, а так, пустяк. Вы хотите историю, как бутерброд? Так идите куда-нибудь еще. Мильчик подает только полные обеды.

В тот вечер после седера сижу я на скамейке возле нашей квартиры в Дарджилинг-Барроу. По мне, это лучшее время: спокойно, тихо, большинство уже в постели, в коридоре есть чем дышать.

Сижу, думаю, и выходит Аарон Давид и садится рядом со мной.

— Папа, — начинает он, помолчав. — Я собираюсь стать рабби.

— Поздравляю, — говорю я. — Что касается меня, то я собираюсь стать вице-королем Венеры.

— Я серьезно, папа.

— А я шучу? Почему бы меня не назначить в Совет Одиннадцати Земных Наций или президентом Титана и Ганимеда? Я буду еще хуже, чем этот нынешний хулиган, так что — у него разобьется сердце в груди?.. Ну хорошо, — говорю я сыну, я ему говорю «хорошо», потому что он поворачивается ко мне и сморит на меня глазами Сильвии, а такие глаза, я вам скажу, могут смотреть. — Итак, ты хочешь стать рабби. Чего же зря хотеть. Я тебе дам все, что смогу дать. Ты знаешь, у меня есть маленькая синяя отвертка. Ее сделали в Израиле пятьсот лет назад, когда Израиль еще считался еврейским государством. Это драгоценная маленькая отвертка, что как кость моей правой руки, и все же я отдам ее тебе, если ты попросишь. Но я не могу достать денег на обучение в иешиве. Что еще важнее, у меня нет денег даже на перевозку твоей невесты. Традиция, ей много сотен лет, с тех пор, как евреи начали эмигрировать в космос: невеста в Левиттаун должна прилететь с другой планеты... А ведь у тебя еще два брата.

Аарон Давид чуть не плачет.

— Если бы только... если...

— Если, — повторяю я. — Если... Ты знаешь, что мы говорим о «если». Если бы у твоей бабушки была мошонка, она была бы твоим дедушкой. Посуди сам, до начала обучения нужно знать три древних языка: арамейский, иврит и идиш. Так я тебе скажу. Если ты многому научишься заранее, может быть, если произойдет чудо и мы ухитримся отправить тебя в иешиву, ты сможешь кончить ее раньше, чем наша семья разорится. Если рабби Смолмэн, например, будет давать тебе уроки.

— Будет! — перебивает меня мой мальчик. — Он уже занимается со мной!

— Нет, я говорю об уроках, за которые надо платить. Один день после ужина ты учишься у него, а на следующий день после ужина мы с тобой все повторяем. Так и я немного обучусь, не буду таким невеждой. Ты знаешь, что сказано в Книгах об изучении Талмуда: «Найди себе товарища...» Ты будешь моим товарищем, я буду твоим товарищем, и рабби Смолмэн будет нашим товарищем. Мы объясним твоей

матери, когда она станет кричать, и нас будет двое против одного.

Так мы и сделали. Чтобы заработать лишних денег, я стал возить на своем модуле грузы из космопорта. Вы заметили, он едет сейчас, будто у него грыжа? И я пристроил Аарона Давида в бойлерную на восемнадцатом уровне. Я рассудил так: если Гилель чуть не замерз до смерти на той крыше, чтобы стать ученым, не беда, если мой сын немного попарится ради той же цели.

Мой сын учится и учится, он ходит и говорит все больше как грамотей и все меньше ходит и говорит как телемастер. Я тоже учусь, не так, конечно, но достаточно, чтобы украсить свою речь строками из Ибн Эзры и Менделе Мойхер-Сфорима. Я не стал от этого хоть на грош богаче, я все такой же касрилик, шлемиль, но по крайней мере я образованный шлемиль. Я счастлив. Правда, я не вижу, где взять денег на иешиву. Но послушайте, учение всегда учение. Как говорит Фрейд, просто увидеть Минск из Варшавы, даже если ты не так смотришь и не понимаешь, что видишь, — уже стоит того.

Но кто, спрошу я вас, может увидеть отсюда Ригель?

Конечно, о неосионистском движении мы слышали давно. Евреи всегда знают, когда другие евреи собираются устроить неприятности на свою голову. Мы слышали о книге доктора Гликмана, слышали, что его убили вегианские даянисты, что по всей галактике у него появляются последователи. Послушайте, в нашей синагоге даже устроили денежный сбор «Героической памяти доктора Гликмана и на откупление Святой земли у иноверцев с Веги».

С этим я не спорю. Я сам раз-другой бросил пару монет в кружку. В конце концов, почему бы Мильчику-телемастеру из своих личных средств не помочь откупить Святую Землю?

Но неосионистское движение — другое дело. Я не трус и в случае крайней необходимости готов умереть ради своего народа. Но если нет крайней необходимости... Послушайте, мы, евреи на Венере, научились не высовывать носа из своих нор. Не то чтобы на Венере был антисемитизм —

нет, кому такое в голову придет?! Когда вице-король пять раз на неделе заявляет: у Венеры, мол, отрицательный торговый баланс, потому что евреи ввозят слишком много кошерной еды, — это не антисемитизм, это глубокий экономический анализ. И когда министр внутренних дел устанавливает квоту на число евреев в каждой норе и позволяет переезжать лишь по особому разрешению — это тоже не антисемитизм, ясно, это эффективный контроль над миграцией. Что я хочу сказать: зачем злить такое евреелюбивое правительство?

Еще одно мне не нравится у неосионизма. И об этом трудно говорить вслух, особенно перед посторонним человеком. Насчет возвращения в Израиль. Где же еще быть еврею? Мы начинали там с Авраамом, Исааком и Иаковом. Ничего хорошего. Первый раз мы вернулись с Моисеем и немного-таки там пожили — пока нас не вышвырнули вавилоняне. Потом нас привел Зоровавель, но Тит сжег Храм, и римляне заставили нас снова уйти. Две тысячи лет странствий по миру дали нам всего-навсего Спинозу, Маркса и Эйнштейна, Фрейда и Шагала, и мы сказали: достаточно так достаточно, обратно в Израиль. И вот мы вернулись с Бен-Гурионом, Хаимом Вейцманом и остальными. Пару веков все шло нормально. Приходилось беспокоиться только из-за сорока миллионов арабов, мечтавших нас убить. Но этого же мало для тех, кого сам Господь, благословенно Имя Его, назвал на горе Синай «упрямым народом»! Нам нужно было ввязаться в спор — в разгар Межпланетного Кризиса — с Бразилией *и* Аргентиной!

Что касается меня — не знаю насчет других евреев, — так я устал. Если нет, так нет. Если прочь, так прочь. Если прощай, так прощай.

Но у неосионистов иной взгляд на дело. Они чувствуют, что мы уже отдохнули, пора начинать новый круг. «Пусть Третье Изгнание кончится в наши дни! Восстановить кнессет! Израиль для евреев!»

Кто спорит? Кроме одной малости, которую они проглядели: Израиль и Иерусалим в наши дни — даже не для людей. Совету Одиннадцати Земных Наций не нужны не-

приятности с вегианцами теперь, когда такое творится в галактике. Если обе стороны в Вегианской гражданской войне жаждут объявить этот шматок Святой Землей, потому что основатели их религии когда-то по нему ступали, пускай они воюют из-за него между собой.

И я, Мильчик-телемастер, не вижу нечего необычного в том, что вегианские моллюски основывают свою религию на жизни одного еврея по имени Моше Даян и хотят смолотить в капусту всех других евреев, собирающихся вернуться на землю своих предков. Во-первых, с нами это уже случалось. Для еврея такое отношение должно бы уже войти в привычку. Где это записано, будто даянист обязан любить родственников Даяна? Во-вторых, много евреев протестовало пятьдесят лет назад, когда другая сторона, вегианские Омейяды, обвинила магометан-людей в святотатстве и изгнала их из Иерусалима?

И вот организуется Первая Межзвездная Неосионистская конференция. Ее намечено провести в Базеле — чтобы, полагаю, история имела шанс повториться. Как только об этом узнают вегианские даянисты, они заявляют протест Совету Одиннадцати Земных Наций. Вегианцы — почетные гости Земли или нет? Их религию осмеивают! — утверждают они. И даже убивают парочку евреев, чтобы показать, как они удручены. Разумеется, евреев обвиняют в подстрекательстве к погрому и в интересах закона и порядка, не говоря уже о мире и спокойствии, всем евреям отказывают во въездных визах.

А делегаты на конференцию с разных концов галактики уже в пути. Если их не пускают на Землю, куда им податься?

Куда же еще, как не на Венеру? Идеальное место для такой конференции! Пейзаж просто великолепен для бывших пустынников, и есть вице-король, чья администрация буквально обожает еврейский народ. Кроме того, на Венере отчаянная нехватка жилья, а евреев хлебом не корми, дай решать всякие проблемы.

Послушайте, могло быть хуже. Как Эсфирь сказала Мордукаю, когда тот поведал ей о планах Амана зарезать всех

евреев Персии: могло быть хуже, только в настоящую минуту я не вижу, каким образом.

Делегаты прилетают в Солнечную систему, их отправляют на Венеру — и без вопросов. Наша жизнь наполняется любовью. Во-первых, выходит декрет: делегаты не могут пользоваться гостиницами, даже если у них достаточно денег. Их слишком много, они перегрузят систему коммунального обслуживания или что-то в этом роде. Потом. Раз евреи братья друг другу, пусть принимают своих сородичей.

Вы остановитесь и рассудите, сколько всего на нас навалилось. На каждой планете в галактике, где есть человеческое население, живет по крайней мере горстка, дуновение, капля евреев. И вот с одной планеты летят два делегата, с другой — пятнадцать делегатов, с третьей, где много евреев — пусть они живут на здоровье, так они ссорятся, — шестьдесят три делегата, разбитые на восемь группировок. Может, и нехорошо считать евреев, даже если они делегаты, но когда на Венере высадился последний, у нас их было предостаточно.

Вильямсбургские ашкенази возражают. Для них некоторые из этих евреев — вовсе и не евреи; они не пустят их в свои норы, что тут говорить о квартирах. В конце концов шомрим в штанах цвета хаки, реконструкционисты, молящиеся по переписываемому дважды в неделю сиддуру, японские хасиды, раз в год на восходе солнца надевающие тфилим в память Великого Обращения 2112 года, — разве это евреи? — спрашивают вильямсбургские ашкенази.

Совершенно верно, отвечает правительство. Это тоже евреи. И будьте любезны распахнуть перед ними двери своих жилищ.

Правительство посылает полицию, правительство посылает войска. Летят бороды, летят головы, жизнь, как я говорил, полна любовью.

Если вы возражаете, вы думаете, вам это поможет?

Конечно, поможет — как мертвому припарки. Левиттаунские ашкенази заявляют: мы выполним волю нашего правительства, мы предоставим жилье. И что? Моего брата, и

всю его семью, и всех их соседей выселяют из Квантум-Барроу.

Межзвездный Неосионистский съезд у нас есть или нет?

Смотрю я на это и вспоминаю обещание, данное Аврааму, Исааку и Израилю: «И я умножу ваше семя свыше числа звезд на небе». Обещание обещанием, думаю я, но дело заходит слишком далеко. Одних звезд уже достаточно, а когда у каждой звезды десять, может быть, двенадцать планет...

К тому времени я и вся моя семья, мы живем на кухне. Мой брат и его семья, а у него она большая, надо вам сказать, дай им бог здоровья, ютятся в столовой. То, что моя жена Сильвия зовет приемной, занимают рабби с Процио-на-12 и его свита; плюс, в отгороженном углу, корреспондент мельбурнской газеты «Еврейский страж» и его жена и его собака. В спальнях... Послушайте, к чему продолжать?

Достаточно? Нет, вы меня простите, недостаточно.

Иду я однажды в ванную. Человек имеет право зайти в свою ванную? И вижу там три создания, каждое длиной с руку и толщиной с голову. Они выглядят как коричневые подушки, мятые и морщинистые, с какими-то пятнами там и пятнами тут, и из каждого пятна растет короткое серое щупальце.

На мой крик прибежал Аарон Давид.

— В чем дело, папа?

Я указал на коричневые подушки.

— А, это бульбы.

— Бульбы?

— Три делегата с четвертой планеты звезды Ригель. Другие три делегата в ванной Гуттенплана.

— Делегаты? Ты имеешь в виду, что они евреи?! Они не похожи на евреев!

Аарон закатил глаза к потолку.

— Папа, ты такой старомодный! Сам же мне говорил: голубые евреи с Альдебарана — доказательство исключительной приспосабливаемости нашего народа.

— Ты меня извини, — сказал я. — Еврей может быть голубым — я не говорю, что мне это нравится, но кто я

такой, чтобы возражать? — еврей может быть высоким или маленьким. Он может даже быть глухим от рождения, как евреи с Канопуса. Но еврей обязан иметь ноги и руки, лицо с глазами, нос и рот. По-моему, это не так уж много...

— Ну и что? — возмутился Аарон Давид. — Если они отличаются от нас, разве это преступление?

Я оставил его и пошел в ванную в синагоге. Называйте меня старомодным, но все же есть предел, есть черта, у которой я должен остановиться. Здесь надо сказать, Мильчик не может заставить себя быть современным.

Вы знаете, я оказался не один такой.

Я взял день за свой счет и пошел на первое заседание.

— Богатый человек, — сказала мне моя Сильвия. — Добытчик. Кормилец. Пустая болтовня принесет тебе невест для наших мальчиков?

— Сильвия, — ответил я ей. — Один раз в жизни мои клиенты пусть, может быть, не очень чисто примут телевизионные новости. Один раз в жизни я могу посмотреть на представителей всех евреев, улаживающих свои дела?

И я пошел. Только нельзя сказать, что они ладили. Как обычно, поднялся шум вокруг бронштейнистско-троцкистской резолюции, направленной против Союза Советской Уганды и Родезии. Затем нам пришлось выслушать часовую дискуссию о том, что само существование шестиэтажной статуи Хуана Кревея в Буэнос-Айресе есть тягчайшее оскорбление для каждого еврея, и, следовательно, все мы должны бойкотировать аргентинские товары, пока статую не уберут. Я был согласен с тем, что сказал председатель, когда сумел перекричать шум. «Мы не можем позволить себе отвлекаться на столь старые преступления, на столь постоянные оскорбления. Иначе с чего нам начать и где остановиться?»

Наконец после традиционных еврейских прелиминарий добрались до конкретной проблемы первой сессии: аккредитации делегатов. И застряли. Застряли и смешались, как кусочки лапши в омлете с лапшей.

Бульбы. Три из моей ванной, три из ванной Макса Гуттенплана — вся делегация с Ригеля-4.

— Относительно документов вопросов нет, — сообщает Мандатная комиссия. — Их документы в порядке, и бульбы считаются делегатами. Другое дело, что они не могут быть евреями.

— А почему это мы не можем быть евреями? — желают знать бульбы.

И здесь мне пришлось встать и посмотреть хорошенько. Я не мог поверить своим глазам. Потому что представьте, кто был их переводчиком? Не кто иной, как мой сын, мой кадиш, мой Аарон Давид. Собственной персоной.

— Почему вы не можете быть евреями? Потому, — объясняет председатель Мандатной комиссии, причмокивая мокрыми губами, — что евреи могут быть такими и могут быть сякими. Но прежде всего они должны быть людьми.

— Будьте любезны указать нам, — просят бульбы через моего сына-переводчика, — где это сказано и в какой книге, что евреи обязаны быть людьми. Назовите авторитетный источник, приведите цитату.

На этом месте подходит заместитель председателя и извиняется перед председателем комиссии. Заместитель председателя принадлежит к типу ученых мужей, которые получают высокие степени и награды.

— Вы меня простите, — вступает он, — но вы выражаетесь не совсем ясно. На самом деле все просто. — Он поворачивается к бульбам. — Тот не может быть евреем, кто не рожден еврейской матерью. Это самое древнее, самое фундаментальное определение еврея.

— А с чего вы взяли, — интересуются бульбы, — будто мы рождены не еврейскими матерями? Мы привезли с собой свидетельства о рождении.

Тут начинается бардак. Компания делегатов в хаки орет и топает ногами. Другая компания, пейсатых и в меховых шапках, плюется и визжит, что все это мерзость. Везде кипят споры. Спорят здесь, спорят там, спорят по двое, по трое, по двадцать пять, спорят о биологии и об истории.

Мой сосед, с которым я не перебросился и словом, поворачивается ко мне и тычет мне пальцем в грудь:

— Если вы займете эту позицию, то каким образом согласуете вы ее с известным решением, взять хотя бы для примера...

А бронштейнисты-троцкисты завладели микрофоном и пытаются провести свою резолюцию по Уганде и Родезии.

Наконец восстанавливается подобие порядка, и кто-то предлагает аккредитацию бульб решить всеобщим голосованием. «Аккредитацию как кого? — интересуются из зала. — Как делегатов или как евреев? Их приняли как делегатов, а кто мы такие, чтобы судить о евреях?»

«Я принимаю их как евреев в религиозном отношении, — раздается голос, — но не в биологическом». «Это что еще за биологическое отношение, — кричит делегат с другого конца зала, — вы имеете в виду не биологию, вы имеете в виду расу, вы расист!»

Ясно: сколько делегатов, столько и мнений. А председатель, там, наверху, стоит и не знает, как поступить.

Вдруг один из бульб забирается на платформу, берет маленьким щупальцем микрофон и шепчет в него:

— Модэ ани л'фонэха.

Сам по себе перевод этой строки ничего особенного не означает: «Вот стою я перед Тобой». Но какой еврей не будет ею тронут? «Модэ ани л'фонэха», — в молитве обращается еврей к Богу, благословенно Имя Его. И это мы слышим сейчас в зале.

Не надо разговоров о расе, говорит бульба, не надо разговоров о религии, не надо разговоров о философии. Я утверждаю: я еврей по существу и по духу. Как евреи принимаете вы меня или отвергаете?

Никто не может ответить.

Конечно, все это нисколько не приближает съезд к Израилю, к возвращению из Третьего Изгнания. Но, с одной стороны, ясно, что от вопроса не отмахнуться, а с другой — что пора его решать. Надо только выяснить: что же такое в нашу космическую эпоху представляет собой еврей?

Как Моисей выжимал из камня воду, так и нам предстоит выдаивать капли мудрости.

Высокий раввинат подбирают так, чтобы его состав хоть немного устраивал каждого. Правда, это значит, что ученые мужи не хотят разговаривать друг с другом. Тут и рабби с Тау Кита, и президент унитарианской еврейской теологической семинарии, и Мистический рабби Борнео. И так далее, и так далее. Две женщины: одна для удовлетворения большинства реконструкционистов, другая — специально для богатых ашкенази Майами. И наконец, рабби с Венеры Джозеф Смолмэн.

Хотите кое-что узнать? Рабби Смолмэна поддерживали бульбы, а это мой Аарон Давид убедил их.

— Мы добились! — воскликнул он тем вечером, и глаза его танцевали, как метеориты.

Я пытался успокоить его.

— Ты думаешь, это все равно что перейти Красное море? Зачем рабби Смолмэну заставлять евреев считать шесть коричневых подушек своими собратьями?

— Как зачем, папа! Ради справедливости!

Когда сын такой, отец может гордиться. Но надо вам сказать, мне все-таки было грустно. Ведь стоит раздаться слову «справедливость», рано или поздно кто-то поплатится головой.

Но то, что день ото дня происходило на съезде, было как воплощенная легенда. Это было все равно что найти реку Саббатион, увидеть ее бурлящей и кипящей и швырять камни каждый день, кроме субботы. Такую историю рассказали бульбы!

Они прилетели на четвертую планету звезды Ригель, может быть, восемь сотен лет назад. Первоначально они жили в Парамусе, штат Нью-Джерси; всю их коммуну выселили для улучшения проезда к мосту Джорджа Вашингтона. Но должны же они где-нибудь жить, верно? Так почему не на Ригеле?

Беда заключалась в том, что единственную пригодную для жизни планету в системе Ригеля уже занимала разумная раса коричневых существ с короткими щупальцами, которые звали себя бульбами. Это был малоразвитый народ, кормившийся с земли, ну и может быть, мельница здесь, ма-

ленький заводик там. Евреи из Парамуса хотели жить самостоятельно, никому не мешая, но бульбы отнеслись к ним так гостеприимно, так приглашали поселиться с ними, что те посмотрели друг на друга и сказали: почему бы нет?

Евреи построили маленький коммерческий космопорт, дома, дворец культуры...

Здесь один из членов раввината наклоняется вперед и перебивает рассказчика:

— Пока это происходило, вы выглядели как евреи? Я имею в виду, вы были похожи на привычных нам евреев?

— Более или менее. Полагаем, мы особенно походили на евреев из Нью-Джерси.

— Этого достаточно. Продолжайте.

Первые сто — сто пятьдесят лет царили счастье и благополучие. Евреи процветали, бульбы процветали, и между ними — мир да любовь. С помощью евреев бульбы многому научились и многого достигли. У них появились фабрики, у них появились заводы, у них появились банки, вычислительные центры и автомобильные свалки. У них появились большие войны, большие депрессии, большие диктаторы. И они начали задумываться: кто виноват?

Есть ли какой-нибудь другой ответ на этот вопрос? Ответ только один. Евреи, разумеется. Философы и чернь вспомнили: до евреев все было тихо-спокойно. Так на Ригеле-4 произошел первый погром.

А лет через двадцать после того, как правительство принесло извинения и даже помогло похоронить мертвых, произошел второй погром. Потом третий, четвертый... К тому времени правительство перестало приносить извинения.

Появились трудности с работой, появились гетто, иногда появлялись даже концентрационные лагеря. Не то чтобы все это было ужасно, нет. Были и светлые моменты. Правительство убийц могло смениться правительством почти порядочным, скажем, просто насильников. Евреи Ригеля оказались в положении евреев Йемена и Марокко восемнадцатого века. Они выполняли самые грязные, самые низкооплачиваемые работы. Все плевали в них, и они плевали сами на себя.

Но евреи сохранились, хоть не сохранилось ни одного целого Талмуда, ни одной Торы в синагоге.

Летели века. И вот недавно к власти пришло новое, просвещенное правительство. Оно вернуло евреям гражданство и разрешило им послать делегацию на Неосионистский съезд.

Беда заключалась лишь в том, что к тому времени евреи выглядели как самые обыкновенные бульбы, причем как самые слабые, самые бедные бульбы, бульбы самого низкого сорта.

Но то же происходило с евреями в других местах! Евреи всегда приспосабливались! Разве не было светловолосых евреев в Германии, рыжих евреев в России, черных евреев — фалашей — в Эфиопии, высоких горских евреев на Кавказе? Разве не было евреев, поселившихся в Китае еще при династии Хань и известных в этой земле как «Тай Чин Чао»? А голубые евреи, сидящие на этом самом съезде?

Тут их снова перебивают:

— Другими словами, несмотря на вашу наружность, вы просите нас поверить, будто вы евреи, а не бульбы?

— Нет. Мы просим вас поверить, что мы бульбы. Еврейские бульбы.

Споры разгорались все жарче. Как это возможно, чтобы имели место такие колоссальные изменения? Не проще ли предположить, что в то или иное время всех евреев на Ригеле уничтожили, а потом произошло массовое обращение, как, например, у хазаров в восьмом веке или позже у японцев? Нет, возразили бульбы, если бы вы знали, какие у евреев были условия, вы бы не говорили о массовом обращении в иудаизм. Это было бы массовым безумием.

— Но ваш рассказ опровергают факты экспериментальной биологии!

— Кому вы верите, — упрекнули бульбы, — фактам экспериментальной биологии или своим же евреям?

И это был первый день. Я вернулся домой, рассказал обо всем брату, и мы стали обсуждать события. Он взял одну сторону, я — другую. Через несколько минут я махал кулаком у его лица, а он кричал, что я «идиот, животное». В

соседней комнате рабби с Проциона-12 пытался притушить такой же спор среди своей свиты.

— Если они хотят быть евреями, — орал на меня брат, — пускай принимают иудаизм! Тогда они будут евреями, и не раньше!

— Убийца! — растолковывал я ему. — Как могут они принять иудаизм, когда они уже евреи! Такое обращение было бы мерзким и позорным посмешищем!

— Без обращения я наотрез отказываюсь принимать их за евреев. Без обращения, даже если бы я праздновал обрезание сына... — Он замолчал и вдруг изменил тон. — Как, по-твоему, они проводят обрезание, Мильчик? Что они там обрезают?

— Они обрезают кончик самого короткого щупальца, дядя Флейчик, — пояснил мой Аарон Давид, входя в комнату. — По Завету требуется лишь капля крови. Кровь у них есть.

Говорю вам, день за днем, это было как мечта жизни!

Раввинат добирается до образования еврейского государства в XX веке и всех спорных вопросов, возникших с началом Сбора. Например, бен-израильские евреи Бомбея, попавшие в Индию в результате вторжения в Палестину Антиоха Эпифана. От всего иудаизма они помнили один шем. Причем у них существовало две касты: черная и белая. Они евреи или нет? Как это доказать?

В общем, все сводилось к одному: что такое еврей? Почему этот народ отличается от других?

И вы знаете, нашим мудрецам тут есть о чем подумать. Они могут взвесить определение человека, выработанное Советом Одиннадцати Земных Наций. Они могут углубиться в решения парижского Синедриона 1807 года. Наконец, они могут обратиться к Каббале и рассмотреть проблему рождения чудовищ от сожительства с детьми Лилит. Но в конце концов они должны решить, что же такое еврей, раз и навсегда, — или найти новый выход.

И рабби Смолмэн нашел. Я говорю вам, таки у нас на Венере есть рабби!.. Привести сборище евреев — ученых евреев! — к единому мнению, это, уважаемый, уже достижение.

На протяжении всего разбирательства, когда бы ни разгорался спор, грозивший затянуться на неделю, к примеру, была ли то белая нить или черная нить, рабби Смолмэн почесывал красный прыщ на носу и говорил, что мы, пожалуй, все можем согласиться, что по крайней мере это действительно была нить.

Конечно, все понимали: вопрос нужно как-то решить. Дни летели, собравшиеся так и не знали, сколько делегатов и сколько евреев. Уже были козни из-за бульб, уже были драки из-за бульб, уже находились люди, которые говорили, что они сыты по горло этими бульбами.

Так вот. Решение учитывало все данные, все сведения, все толкования, всю историю от Эзры и Неемии. Оно начиналось утверждением, принятым для группы консерваторов: только тот еврей, кто рожден еврейкой. А кончалось утверждением, принятым для либерально-радикального крыла: евреем является любой, добровольно приемлющей бремя, ярмо еврейства. Решение включало и несколько промежуточных положений и указывало, что нет никакой возможности их совместить.

А надо ли их совмещать? И что будет, когда мы пойдем еще дальше в космос и всякие самые странные создания, в другой галактике, захотят стать евреями?

Давайте взглянем на это с другой стороны. Среди людей есть евреи и есть гои. Среди евреев есть реформированные, голубые, левиттаунские, вильямсбургские, и не все они между собой хорошо ладят. Но по сравнению с гоем все они евреи. Между евреем и гоем — чудовищная разница, но по сравнению с каким-нибудь инопланетянином — все они люди. Слово «гой» неприменимо к инопланетянину. Так казалось до недавних пор.

Мы все наблюдали, как за последние два года пришельцы с Веги приняли земную религию, точнее, две земные религии. Они не пускают евреев в землю Израиль. Они нас ненавидят. Они нас преследуют. Стало быть, простые ли это инопланетяне? Конечно, нет! Пусть они не похожи на людей, пусть выглядят как гигантские устрицы, тем не ме-

нее они определенно принадлежат к категории инопланетян-гоев.

Хорошо. Но если есть инопланетяне-гои, то почему не может быть инопланетян-евреев? Если они живут, как мы, сталкиваются с теми же проблемами, что и мы, знают, чем пахнет погром, знакомы со сладостью наших суббот? Давайте скажем так: есть евреи и есть евреи. Бульбы принадлежат ко второй группе.

Это не точные слова решения, вы понимаете. Это свободный перевод Мильчика-телемастера, за который он не требует дополнительной платы.

Не все остались довольны. И все же большинство делегатов были счастливы, что дело наконец улажено, и проголосовали «за».

Одна беда: как только съезд перешел к основному вопросу, вице-король Венеры закрыл его. Ясно — съезд чересчур затянулся и будит дурные чувства. Делегатов отправили паковать вещи.

Неплохое развлечение, а? Рабби Смолмэн все еще наш рабби, хоть он безмерно известен. Он разъезжает с лекциями с одного края галактики на другой. Но всегда возвращается к нам, каждый год на Святые дни. Ну хорошо, хорошо, не всегда, вы знаете, как это бывает, иногда не получается. Знаменитость, в конце концов. Великий Рабби Венеры.

А мой сын Аарон Давид... Знаете, он в иешиве. За него платят бульбы. Вот его письмо. Мальчик собирается улететь на Ригель-4 и стать их рабби.

О невесте он не пишет ничего. Послушайте, может, я окажусь дедушкой маленькой коричневой подушки с короткими щупальцами? Что ж, внук есть внук.

Не знаю. Давайте поговорим о чем-нибудь веселом. Вы слышали, сколько народу угробилось во время землетрясения на Каллисто?

Генри Слизар, Харлан Эллисон
ЕДИНСТВЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Кроме огромного носа и зеленоватого оттенка кожи, в госте не было ничего странного.

К чести Милта Кловица надо сказать, что вид зеленого человечка, безмятежно сидящего в кресле, не сбил его с толку. Он закрыл дверь в свою квартиру и снял шляпу, бросив ее почему-то на пол, а не на полку шкафа.

— Вы зеленый, — заметил Милт Кловиц с полным самообладанием.

Посетитель, казалось, обрадовался проявленным наблюдательности и хладнокровию.

— Совершенно верно, — бодро подтвердил он. — Мы надеялись, что вы спокойно воспримете сей факт.

Милт Кловиц пытался сохранить приписываемое спокойствие духа. Ему удалось опуститься на стул без дрожи в коленях.

— Мы твердо верили, что землянин, воспитанный на фантастической литературе вашей эпохи, — гость махнул зеленой рукой в сторону полок с любимыми книгами Милта, — будет готов к нашему появлению.

— Откуда?.. — Вымученное слово застряло в горле и оборвало вопрос, но зеленый человечек понял.

— Вам неизвестно название нашего мира... Мы серьезнейшим образом обеспокоены вашим поведением.

— Моим?! — поразился Милт.

— О, не вашим лично... Вашего вида. Мы давно с тревогой наблюдаем за человечеством и наконец пришли к решению.

— К какому решению?

— Ваша возня с атомной энергией представляет значительную угрозу нашей безопасности. По этой причине Совет Старейших мудро постановил принять предупредительные меры.

— Меры?..

— Уничтожить вашу планету. Через шесть гипосек... Простите, по земному исчислению времени ровно через две недели.

Милт почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Уж не послышалось ли ему? Разве такое вообще возможно?..

— С-старая песенка. Впервые эту тему использовали еще в XVIII веке. — Милт ощутил прилив сил. Здесь, в родной стихии, он чувствовал себя как рыба в воде. — Ее развивали Жюль Верн, потом Уэллс, а уж современные писатели обсосали до косточек. Да сейчас это просто клише! Ведь...

Зеленый гость поднял руку.

— Я удивлен, мистер Кловиц. Ваша недоверчивость переходит всякие границы. Мы собирались предложить вам счастливую возможность уцелеть, но... — он горестно покачал головой, — вы, кажется, предпочитаете погибнуть вместе со всеми. Что ж, в моем списке есть другие кандидатуры.

Он встал и подошел к двери.

— Эй! Стойте! Давайте поговорим! — вскричал Милт.

Зеленый человечек обернулся.

— Ну что?

— Послушайте, в самом деле... Поневоле растеряешься: в собственной квартире — пришелец с другой планеты!

— Из другой галактики! — оскорбленно поправил гость.

— Да, конечно, я это и имел в виду, — пробормотал Милт. — Понимаете, я был потрясен... Если вы дадите мне возможность...

Зеленый человечек, явно сомневаясь, поджал полные губы.

— Хорошо. — Он вернулся, сел и, достав странную металлическую карточку, принялся постукивать по ней еще более странным пишущим инструментом. — Так... Сейчас назначим место, куда вы должны прибыть со своей парой...

— С какой парой? Я холостяк.

— Простите?

— Холостяк. Одинокий. Не женат.

— Я не понимаю. — Глаза зеленого человечка мигнули, нашлепка на месте носа сморщилась. — Из докладов наблюдателей ясно, что ваша раса спарена. Два пола: мужской и женский. Так вы и размножаетесь.

— Это верно. Только у меня нет пары, пока еще нет. А может, и не будет. Так что об этом беспокоиться нечего.

Зеленый гость тяжело вздохнул. Он медленно покачал головой и начал подниматься на ноги с видом глубочайшего разочарования.

— Куда вы?

— Я, естественно, предполагал, что у вас есть пара; мы считали это общим принципом. И у меня строгий приказ вывезти пару.

— Но погодите...

— Увы, я не вправе нарушить распоряжение Совета.

Гость направился к двери. Милт в отчаянии схватил зеленого человечка за рукав и втащил его в комнату.

— Неужели вы покинете...

— У меня приказ, — мрачно повторил пришелец.

— Но я достану пару! Обещаю!

— Мне кажется маловероятным...

— Чтоб мне провалиться! — истерически выкрикнул Милт; сдерживаться уже было не в его силах. — Найду немедленно! Увидите! Такую, знаете ли, настоящую, земного типа пару...

— Боюсь, что у вас не хватит времени.

— Ну... неделю... несколько дней!

Пришелец заколебался, подав Милту проблеск надежды.

— Несколько дней? Сколько же вы хотите?

— Пять!

Гость нахмурился.

— Четыре! *Три!*

— Вы считаете, что уложитесь в три дня?

— Уверен!

— Я уже отстаю от графика, так что всякое промедление...

— Клянусь! Через три дня я буду готов!

— Ладно, — согласился посетитель. — Даю три дня. Если к моему возвращению вы еще будете... э... холостым...

Он выразительно пожал плечами и вышел за дверь.

Это должна быть Наоми Уинклер. Не потому, что Наоми была воплощением его грез или только с ней видел себя Милт на далекой планете, — просто ни с какими другими девушками он не общался.

Нельзя сказать, что Милт Кловиц рос маменькиным сынком. Но и до, и после смерти матери он не очень-то задумывался об окружающем мире. Он спокойно работал в рекламном агентстве, зачитывался любимой фантастикой, и жизнь его текла размеренно и безмятежно.

Милт познакомился с Наоми, когда она заняла место машинистки в транспортном отделе агентства. Встречались они изредка. И хотя Милт три раза неуклюже целовал ее, мысль о брачном союзе не приходила ему в голову. Женитьба совершенно не вписывалась в круг его интересов.

— Алло, Наоми? Это Милт. Я тут... э... думал, не согласишься ли ты пообедать со мной сегодня вечером? Да, понимаю, суббота и все прочее, но если бы мы встретились...

Милт и не предполагал, что способен говорить столь долго и убедительно. Свидание было назначено.

— Здесь очень приятно, Милт. Но ты уверен, что можешь себе позволить?.. По-моему, все *так* дорого...

Нет, если смотреть на нее в три четверти, да еще в мерцающем пламени свечи, спрятанной за бутылкой кьянти, она положительно казалась хорошенькой. Волосы отливали

темно-каштановым светом, ярко блестели большие карие глаза. Правда, черты лица были мелковаты, а нос, пожалуй, чуть крупноват, но в данный момент Милт искал не идеал. Просто пару.

— Не беспокойся, Наоми. Сегодняшний вечер особый. Уж если человек не может потратиться на любимую девушку, то...

Слово вылетело. Теперь надо действовать быстро.

— Да, это правда, Наоми. Я слишком долго таил свое чувство. Я люблю тебя.

— Ты... — выдавила Наоми.

— И хочу, чтобы ты вышла за меня замуж! Немедленно!

Она смотрела на него в немом изумлении.

— Не надо! — взмолился Милт. — Только не говори, что мы едва знакомы. Это не имеет значения. Моей любви хватит на двоих. Лишь дай мне возможность доказать тебе...

Слова лились из Милта нескончаемым потоком. Он судорожно набирал полные легкие воздуха и снова говорил, не позволяя ей открыть рта, уговаривая, увещевая, взахлеб описывая планы на счастливое будущее, на детей, на большой гараж...

— Подожди же! — Наоми с подозрительной силой хлопнула по столу, и бокалы подпрыгнули. — Ты мне нравишься, Милт, и если бы я знала тебя лучше...

Милт возликовал. Она сдается! Он схватил ее довольно толстую руку и сжал в порыве мужской страсти.

Наоми отстранилась и произнесла:

— Дай же мне хоть подумать!

— Я позвоню тебе завтра утром, — торопливо проговорил Милт.

В двенадцать он проводил ее домой и запечатлел жгучий поцелуй в область между носом и ртом.

В восемь утра Милт уже звонил. Голос ее был сонным, а ответ коротким.

— Нет.

— Нет?

— Я считаю, нам надо подождать. В конце концов, совершенно некуда спешить...

— Некуда?! — простонал Милт. — Если б ты только знала!

— Что?

— Как я люблю тебя, Наоми! Я не могу без тебя жить! — воскликнул он с неподдельной искренностью, ясно осознавая справедливость своих слов.

— Дай мне еще подумать, — сказала Наоми.

Она думала. В девять вечера телефон Милта зазвонил, и Наоми Уинклер промолвила самое лучшее, самое заветное слово:

— Да. Я хотела бы только...

— Все что угодно! — восторженно заорал Милт. — Проси!

— Мне бы хотелось подождать до осени. У меня нет ни одного приличного летнего платья, Милт, так что если ты не против...

— До осени?! Нет, Наоми, совершенно невозможно!

— Почему? Куда эти гонки? Ты не познакомился еще с моими родителями...

— Мы не можем ждать, — с ноткой истерики проворковал Милт. — Просто не можем. Поверь мне, Наоми. Нам надо пожениться немедленно. Сегодня. В крайнем случае завтра.

— Я не понимаю твоего поведения, — оборвала она сурово. Наступило молчание. — Я подумаю.

Она думала. Прошел еще один день.

Затем, вечером второго дня, Наоми появилась в его квартире с большой сумкой.

Это был самый короткий из всех зарегистрированных (да и не зарегистрированных) медовых месяцев. Сразу после церемонии Милт лихорадочно затолкал супругу в дверь номера 15 (мотель «Сад южных удовольствий»), бросил сумку и выпалил:

— Я сейчас вернусь. У меня страшно важная встреча. Дело жизни или смерти. Одна нога там, другая здесь.

Он кинулся вниз и припустил по улице, пробежав метров сто, прежде чем сообразил взять такси.

* * *

Зеленый человечек появился ровно в полночь. Без фокусов, без эффектов — просто вошел в дверь и закрыл ее за собой.

Милт сиял как медный таз.

— Все в порядке. Как и обещал. При паре и прочее. Официально.

Он протянул свидетельство о браке.

Зеленый посетитель взял бумагу из пальцев Милта и придирчиво осмотрел. Его большой нос сморщился. Он медленно покачал головой и вернул документ.

— Ну, когда едем? — бодро спросил Милт.

— Видите ли...

У Милта душа ушла в пятки. Его лицо вытянулось, а голос прозвучал хрипло и надтреснуто:

— Эй, никаких попятных! Вы гарантировали мне спасение. Спариться? Пожалуйста, я спарился. Взгляните!

Он помахал свидетельством перед самой выдающейся деталью лица гостя.

— Успокойтесь, мистер Кловиц. Кое-что изменилось. Совет Старейших пересмотрел свои планы. Вам решили предоставить отсрочку.

— Нет, так нельзя, — отчаянно причитал Милт. — Вы не можете бросить меня на погибель. Вы...

— Пожалуйста, мистер Кловиц, послушайте! Вам не придется погибать. *Никому* не придется погибать. Совет постановил перенести дату обезвреживания на десять тысяч земных лет. Вполне вероятно, что будущее развитие событий вовсе лишит нас необходимости уничтожать вашу расу. Вам...

До Милта дошло.

— Так вы не собираетесь уничтожать Землю?

— Нет.

Милт со сдавленным стоном опустился на диван. Ему показалось, что с его плеч сняли страшный груз, под которым он ходил три дня.

— Слава богу, — выдохнул он и закрыл лицо руками.

Посетитель подошел к двери.

— Надеюсь, вы не станете распространяться о происшедшем. Вряд ли вам удастся найти понимание. Так что для вашего же блага — лучше молчите, — посоветовал он.

Милт тупо кивнул.

— Приятно было познакомиться, — сказал зеленый человечек.

И исчез.

Этот случай, естественно, вызвал глубокую перемену в поведении Милта. Его неожиданная зрелость и некая потаенная мудрость привели в восторг родителей Наоми, которые познакомились с молодым мужем через неделю. Милт нашел их тихими, приятными людьми. Миссис Уинклер прекрасно готовила, а мистер Уинклер полностью разделял его привязанность к научной фантастике.

Милта Кловица беспокоило лишь смутное ощущение, что он где-то видел отца Наоми. Что-то в чертах этого человека было знакомо. Как будто бы его нос...

Еще давным-давно, когда я впервые прочитал этот рассказ, когда фэндома как явления не было и в помине, я почему-то подумал, что таких людей наверняка много. No comments...

Фриц Лейбер
МОШЕННИЧЕСТВО

Настоящий любитель фантастики должен быть немного сумасшедшим и в то же время не лишенным здравомыслия, слегка мечтательным и самую малость скептичным, в некотором роде идеалистом и, пожалуй, чуть-чуть глуповатым. Джордж Мерсер обладал лишь качествами, стоящими первыми в этих трех парах, — вот почему он попался на обман Дэйва Кантариана.

К моменту нашего повествования Джордж был далеко уже не молод. Он имел недовольную жену и крохотную ювелирную лавочку (она же — мастерская по ремонту часов). Поделки, сработанные собственными руками, удовлетворяли лишь малую толику стремления к самовыражению, жена едва ли питала его романтические мечты, а выборы, в которых он принимал участие раз в два года, никак не могли утолить жажду великих героических свершений, направленных на спасение мира. Журналы, которые Джордж читал и любовно ставил на полку, возбуждали его воображение и оставляли в беспокойстве и томлении. Таким образом, он был вполне подготовлен к тому, чтобы пасть жертвой предприимчивого преступника.

А Дэйв Кантариан воистину был изобретательным мошенником, хотя и избравшим весьма необычное поле деятельности.

Впервые он объявился в местном клубе любителей фантастики с десятком журналов под мышкой и охотно спорил о сравнительных достоинствах чего угодно, от «Дока» Смита до «Плейбоя». На следующей встрече он демонстрировал рукопись Хайнлайна. Через несколько недель начал туманно намекать Мерсеру на свои паранормальные способности и некое таинственное задание. И однажды в задней комнатке мастерской Джорджа, при опущенных шторах, после клятвенных заверений в молчании, он аккуратно снял свой светлый парик и открыл взору две дрожащие золотые антеннки, способные принимать и посылать телепатемы во времени (к сожалению, не в пространстве, что делало проверку невоможной).

Очевидно, Дэйв был достаточно ловким фокусником, ибо он заставил несколько мелких предметов исчезнуть перед глазами удовлетворенного Джорджа (разумеется, переслал их в будущее), а затем каким-то образом, без видимого вмешательства, воздействовал на стенные часы так, что они сперва отстали на десять минут, а потом ушли вперед. Прежде чем Джордж успел подумать, что их надо бы проверить не только по наручным часам Дэйва, короткое путешествие во времени закончилось.

Спрятав антеннки, Дэйв рассказал все, а именно следующее: он пришел из далекого будущего, из шестого тысячелетия, где сражался за правое дело в межзвездной войне. Однако войну, похоже, земляне проигрывали из-за нехватки на планете некоторых металлов. Причем оказалось, что это не такие редкие вещества, как, например, уран-235 или берилий, а просто серебро и золото, которые технология семидесятого века перерабатывала в броню прочнее стали и тверже алмаза. Дэйв прошел краткий курс языков и обычаев Ранней Атомной эпохи и был переброшен через пучину времени для сбора и пересылки этих исключительно важных металлов. А теперь, зная все, не внесет ли Джордж соответствующий вклад в дело справедливой борьбы?..

Чтобы понять, почему Джордж попался на удочку, необходимо вспомнить его подавляемый идеализм, ощущение

собственной несостоятельности, глубокую потребность верить. Кроме того, нельзя недооценивать высокий артистизм Дэйва, его временами бессвязную речь — якобы язык будущего, — отсутствующий вид, призванный означать полную сосредоточенность при получении посланий во времени. Плюс заверения, что Джордж непременно получит конкретный знак благодарности из будущего — знак, сама природа которого убедит Джорджа в полезности его помощи. Остается выяснить самую малость: был ли Дэйв Кантариан искусным авантюристом или просто незадачливым мошенником?

Например, почему вместилищем для предназначенных к пересылке богатств служил обычный дешевый будильник с извлеченным механизмом и грубо врезанной дверцей сверху? Дэйв утверждал, будто выпотрошенный будильник — всего-навсего линза для его психической силы. Без фокусировки, обеспечиваемой такой линзой, Кантариан способен пересылать предметы лишь в недалекое будущее, но никак не на пять тысяч лет.

Так или иначе, но Джордж поверил, и серебро и золото, которые он мог купить, помещались в часы. Дэйв тщательно устанавливал стрелки, и его взор затуманивался. Затем часы прятались, а Дэйв уходил, все еще с отсутствующим видом. Пересылка могла произойти сразу, говорил Дэйв, или в течение нескольких часов, но когда на следующее утро Джордж в присутствии Дэйва открывал будильник, он неизменно находил его пустым и испытывал глубокое волнение при мысли о том, что люди будущего еще немного приблизились к победе над силами зла. Иногда Дэйв, казалось, полностью разделял его чувства, а иногда бывал почему-то раздражен, как будто подозревал Джорджа в ночных махинациях с машиной времени.

Дела могли бы пребывать в таком блаженном состоянии неопределенно долго, если бы в Казначействе не обратили внимание на резко возросший интерес Джорджа к драгоценным металлам. Примерно в то же время его жена обнаружила, что их банковский счет стремительно тает, и, не

удовлетворившись объяснениями мужа, обратилась к адвокату.

Когда однажды утром представители Казначейства провели с Джорджем беседу, он все отрицал и предпринимал жалкие попытки скрыть свой ужас, ибо Дэйв неоднократно говорил ему, что враги способны засылать из будущего шпионов и диверсантов, которые могут появиться в любом обличье.

Агенты Казначейства предполагали, что молчание Джорджа вызвано нежеланием признать себя обманутым. Подозревая, что он попросту тронулся, они все же старались образумить беднягу и даже рассказали ему все, что удалось выяснить о Дэйве: про мошенническое вымогание денег, подозрительные связи и безумные замыслы. Намекнули, что Кантариан собирался таким же образом облапошить и других членов клуба. И все же Джордж стоял на своем, утверждая, будто бы Дэйв был обычным энтузиастом фантастики. Пришлось обратиться к его жене, и дело обрело довольно скверный оборот, когда та прямо назвала мужа простофилей, забившим себе голову дурацкими россказнями и позволившим жулику их грабить.

Наконец Джорджу открыли последнюю новость — Дэйв погиб. Были основания предполагать, что его выкинули из окна дешевой гостиницы, где он снимал номер, — вероятно, дело рук какой-нибудь разъяренной жертвы мошенничества. Агенты Казначейства бросили на маленький, покрытый стеклом стол Джорджа дубликат ключа от его лавочки, найденный у Дэйва, и «мыслепередающую антенну» — тонкие медные проволочки, закрепленные на телесного цвета пластиковой основе.

Тут Джордж наконец не выдержал и все рассказал: о машине времени в будильнике, о небывалом металле тверже алмаза... К счастью, ему удалось отвести от себя подозрение в убийстве. Действительно, Дэйв был у него предыдущим вечером, они даже поместили в часы очередную посылку. Но сразу после его ухода к Джорджу заглянули приятели и просидели до того самого момента, когда Дэйв полетел вниз

с воем, в котором звучала, по словам случайного прохожего, скорее ярость, чем страх.

И все же, несмотря на чистосердечные признания, Джордж проявлял признаки помешательства. Соглашаясь, что Дэйв был мошенником, который ночью тайком возвращался в лавку и очищал тайник, Джордж упорно настаивал, что покойный жулик служил агентом обитателей будущего.

Согласно новой версии, Джордж всегда чувствовал что-то сомнительное в истории Дэйва. В действительности люди будущего не могут сами перемещаться во времени, но способны посылать мощные импульсы мысли. И иногда получать небольшие грузы — если на другом конце есть подходящая передающая станция. В качестве последней они выбрали Дэйва. И тот, не сознавая, что лишь повинуется внушению, организовал свою фантастическую махинацию. Это превосходно объясняет, возбужденно говорил Джордж, внезапные вспышки раздражения и подозрительности у Дэйва, когда машина времени действительно срабатывала, а также делает понятным его самоубийство — оно вызвано осознанием того, что он сам является марионеткой.

Естественно, люди из Казначейства не могли этому поверить, хотя сделали вид, что решили всерьез заняться расследованием. Они даже проверили будильник, заполненный предыдущим вечером золотом и серебром. Разумеется, будильник был пуст.

— Впрочем, подождите, что-то есть! — воскликнул один из них, вытряхнув крошечный значок в форме звезды из тусклого металла. Сотрудник Казначейства поднял его, внимательно осмотрел и положил на стол. Ему хотелось сказать: «Этот Кантариан явно помешался на деталях. Он обещал вам, Мерсер, знак благодарности из будущего — и вот, пожалуйста, дешевенькая бляшка с выгравированной надписью «Борцу во времени». Послушайте, Мерсер, из-за Дэйва вы уподобились мальчишке, обратившемуся по адресу фантастической телепрограммы с просьбой выслать ему значок космонавта». Но, взглянув на Джорджа, он неожиданно поддался порыву, несвойственному людям его профессии.

— Вероятно, вы хотели бы это сохранить, — мягко произнес сотрудник Казначейства, протягивая значок. На его лице появилось изумленное выражение... но он пожал плечами и вышел вслед за своим коллегой.

Джордж, однако, не сомневался ни секунды, потому что свет падал как раз с того места, где он сидел. И то, что он увидел, помогло ему стойко перенести и потерю сбережений, и бесконечные упреки жены. Когда становилось невмоготу, Джордж чуть улыбался и заглядывал внутрь нагрудного кармана, где был приколот маленький дешевый значок «Борцу во времени» — тусклая металлическая звездочка, один луч которой золотисто поблескивал. Если им легонько провести по стеклу, то остается глубокая борозда, а кроме того, как выяснилось позже, он царапает алмаз.

Да-да-да, именно так возникают «мерседесы» (я имею в виду приличные) и «ламборджини», в Москве это заметно особенно. А у порядочных честных людей — «тойота-камри», ну, максимум «Лексус-330». Или — из уважения к любимым писателям-фантастам — «Субару-Импреза WRX».

Ирвин Шоу
РАСТВОР МЭНИХЕНА

В погруженном во тьму здании «Исследовательских лабораторий Фогеля-Паулсона» светилось окно. Мыши всевозможных окрасок и генетических линий мирно спали в своих клетках. Дремали обезьяны, видели сны собаки, крысы-альбиносы не без оснований опасались утренних инъекций и скальпелей. Тихо урчали вычислительные машины. Геометрически правильными соцветиями разрастались культуры в лабораторных чашках. За опущенными шторами растворы и реактивы втихомолку обменивались молекулами, а в запертых комнатах рождались на свет яды и лекарства. В сияющих лунным светом стальных сейфах под защитой электромагнитных запоров хранились секреты миллионов формул.

В единственном ярко освещенном помещении от стола к столу беззвучно двигалась фигура в белом халате, разливая жидкости по небольшим стеклянным сосудам, добавляя красно-коричневый порошок к содержимому мензурок, делая пометки в рабочем блокноте. То был Колиер Мэнихен — среднего роста круглолицый человек с гладкими, как дыня, щеками. При взгляде на него на ум поневоле приходила мысль о канталупе — спелой, однако не слишком вкусной мускусной дыне — при выпуклых очках. Глаза Мэнихена

носили выражение младенца, который давно уже лежит в мокрых пеленках, а к самым выдающимся чертам ученого можно было отнести светлый пушок на дынном лбу и арбузное брюшко. Колиер Мэнихен не походил на нобелевского лауреата. Он и не был нобелевским лауреатом. Ему стукнуло двадцать девять лет и три месяца. Статистика показывала, что большинство великих научных открытий совершены людьми, не достигшими тридцати двух лет. Мэнихену оставалось два года и девять месяцев.

Его шансы на великое научное открытие в «Лабораториях Фогеля-Паулсона» были весьма призрачными. Он работал в отделе моющих средств над проблемой детергента, способного со временем разлагаться в воде. В крупных журналах появилась серия неприятных статей о покрытых пеной ручьях, где гибнет форель. Мэнихен отлично знал, что еще никто и никогда не получал Нобелевскую премию за новый детергент — даже за такой, который щадит форель. Через неделю ему исполнится двадцать девять лет и четыре месяца.

Другие сотрудники компании, более молодые, бились над лейкемией и раком матки, экспериментировали с веществами, обещавшими перспективы в лечении шизофрении... всё — возможные пути в Стокгольм. Этих перспективных ученых вызывали на совещания, мистер Паулсон приглашал их в загородный клуб и к себе домой. Они разъезжали в спортивных автомобилях с роскошными девушками, словно настоящие киноартисты. Но в отдел моющих средств мистер Паулсон не заходил, а встречая Мэнихена в коридоре, звал его Джонсом. Когда-то, лет шесть назад, у мистера Паулсона сложилось впечатление, что имя Мэнихена — Джонс.

Жена Мэнихена смахивала на мускусную дыню. Они имели двух детей, похожих на то, что можно было бы ожидать, а также «плимут» пятилетней давности. Миссис Мэнихен не возражала против ночной работы мужа. Напротив.

Сейчас он работал ночью, потому что днем столкнулся с поразительным феноменом. Мэнихен взял стандартный детергент, «Флоксо», и на глаз добавил красновато-коричневого порошка — сравнительно простого вещества, широко

известного как диокситетрамерфеноферрроген-14, свободно вступающего в соединения со стеоратами. Химикат этот относился к числу дорогих, поэтому он прибавлял по грамму на фунт «Флоксо», обходящегося в один доллар восемьдесят центов за тонну и продававшегося во всех универмагах в больших экономичных упаковках по сорок семь центов.

Мэнихен опустил в емкость кусок хлопчатобумажной ткани с пятном от кетчупа с собственного бутерброда и с разочарованием заметил, что, в то время как контрольный раствор чистого «Флоксо» полностью удалил пятно с аналогичного образца, раствор с диокситетрамерфеноферрогеном-14 оставил на ткани четкий круг.

Он попробовал раствор с одним миллиграммом диокситетрамерфеноферрогена-14, но результат получился совершенно тождественным. Мэнихен работал над своим проектом уже шестнадцать месяцев и был понятно расхоложен. Он собирался выбросить оба образца, когда обратил внимание, что, если раствор чистого «Флоксо» покрылся пеной самым осужденным журналами образом, то новая жидкость выглядела как вода из прозрачнейшего горного ручья.

Осознав грандиозность открытия, Мэнихен вынужден был сесть — так задрожали колени. Перед глазами возникли канализационные трубы — такими, какими они были в 1890 году, только кишмя кишащие форелью. Мистер Паулсон перестанет звать его Джонсом. Он купит себе «триумф», затем разведется и вместо очков станет носить контактные линзы. Его переведут в отдел рака.

Оставалось всего-то определить нужную пропорцию диокситетрамерфеноферрогена-14 к «Флоксо», искомое соотношение, которое не образует пены и одновременно не оставляет колец, — и будущее обеспечено.

Мэнихен работал с колотящимся сердцем, методично составляя один раствор за другим, не скупясь на диокситетрамерфеноферроген-14 — сейчас не время быть мелочным. Кончился кетчуп, и он перешел на табачный деготь из трубки. Но весь день и весь вечер (Мэнихен позвонил жене и предупредил, что к ужину не вернется) результат был оди-

наков — предательское кольцо оставалось. Оно оставалось на ткани. Оно оставалось на линолеуме. Оно оставалось на пластике. Оно оставалось на ладони экспериментатора.

Мэнихен не отчаивался. В конце концов Эрлих перепробовал шестьсот пять комбинаций перед заветной шестьсот шестой. Что значит для науки время?

Иссякли запасы неорганических испытуемых объектов. Тогда Мэнихен взял двух белых мышей из партии, доставшейся ему, потому что у них упорно не росли опухоли. «Фогель-Паулсон» вели широкую кампанию, чтобы заставить собаковладельцев мыть своих животных «Флоксо»; чудо-детергент в последнее время стал терять позиции, уступая конкурентам, и требовались новые рынки. Результаты с мышами получились такими же. Одна мышь вышла белой, как в день своего рождения, и раствор благополучно покрылся пеной. Другая вся была в разводах, зато раствор очистился за пять минут.

Мэнихен приготовил новую порцию, на сей раз с одной миллионной грамма диокситетрамерфеноферроргена-14, и взял из клетки еще двух мышей. Так как ему доставались экземпляры, во всех других лабораториях признанные с научной точки зрения бесполезными, то среди его испытуемых были мыши, страдающие гигантизмом, слепые мыши, черные мыши, пегие мыши, желтые мыши, серые мыши с красными пятнами и мыши, забивающие себя до смерти о решетку при звуке ля-бемоль.

Клетки с мышами находились в темной комнате, чтобы не навлекать на отдел моющих средств обвинений в расточительном использовании электроэнергии, и Мэнихен не видел цвета мышей, пока не вынес их в лабораторию. Они оказались желтоватого оттенка, словно нездоровая китайская прачка. Мэнихен аккуратно запачкал мышей табачным дегтем — он беспрерывно курил, чтобы снабдить себя материалом, и накурился до обалдения, но ни капли не задумывался над своей жертвой.

Одну мышь он опустил в раствор «Флоксо» в дистиллированной воде. Она беззаботно плескалась, явно наслажда-

ясь ванной; пятно исчезло, и закипела пена. Другую мышь он опустил в аналогичный раствор с миллионной грамма диокситетрамерфеноферрогена-14 и отвернулся ополоснуть руки спиртом; а вновь повернувшись, увидел, что мышь повалилась на бок.

Он нагнулся и уставился на мышь.

Та не дышала. Она была мертва.

Мэнихен видел достаточно дохлых мышей, чтобы не сомневаться в этом. Он почувствовал раздражение. Хороши же порядки в лаборатории! Как можно ожидать от ученого приличных результатов, если ему подсовывают мышей, которые подыхают, как только к ним прикоснешься?!

Он выбросил мертвую мышь и пошел за новой. На сей раз он включил свет. К черту экономию!

Движимый необъяснимой вспышкой озарения Мэнихен взял другую желтую мышь, сестру погибшей, и дерзко оставил свет гореть.

Вернувшись в лабораторию, он тщательно вымазал подопытную табачным дегтем, замечая тем временем, что первая мышь продолжает благополучно резвиться в густой пене. Мэнихен опустил желтую мышь в пустую чашку и налил раствора с диокситетрамерфеноферрогеном-14. В первую секунду ничего не произошло. Потом мышь глубоко вздохнула, легла на бок и издохла.

Мэнихен сел. Встал. Разжег трубку. Подошел к окну. Из-за трубы светила луна.

Где-то здесь, подсказывала научная интуиция, кроются причина и следствие. Следствие совершенно очевидно — две дохлые мыши. Но первая мышь, белая, помещенная практически в тот же раствор, не умерла, хотя пятно на шерсти сохранилось. Белая мышь, желтая мышь... желтая мышь, белая мышь... У Мэнихена заболела голова. Луна скрылась за трубой.

Он вернулся к столу. Мертвая желтая мышь уже окоченела в кристально-прозрачной жидкости. В соседней чашке другая желтая мышь плавала в пене чистого «Флоксо». Мэнихен вытащил дохлую мышь и положил ее в холодильник — на всякий случай.

Он сходил в мышиную комнату и принес серую мышь, черную мышь и пегую мышь. Не обременяя себя процедурой с дегтем, одну за другой опустил их в раствор, где скончались две желтые мыши. Все с удовольствием приняли ванну, а пегая мышь стала до того резвой, что попыталась спариться с черной, хотя обе были одного пола. Мэнихен поместил трех контрольных животных в маленькую клетку и задумчиво уставился на желтую мышь, продолжавшую плескаться в крошечном море пены чудесного «Флоксо».

Потом он осторожно вытащил очумевшую от восторга желтую мышь, вытер ее досуха и опустил в раствор, погубивший двух ее собратьев, но ничуть не повредивший трем контрольным мышам.

Желтая мышь вздохнула, легла и померла.

Головная боль заставила ученого на шестьдесят секунд закрыть глаза. Когда он открыл глаза, мышь, лежавшая в кристально-чистой жидкости, была все так же мертва.

На Мэнихена навалилась колоссальная усталость. За все годы служения науке ничего подобного с ним не происходило. Он был слишком измотан, чтобы решить, способствовало ли происшедшее прогрессу детергентов или отбрасывало их на сто лет назад, к лучшему это или к худшему, приведет ли это его, Мэнихена, к отделу рака или забросит в сектор мастики для пола. Его мозг отказывался переваривать эти проблемы. Поэтому он механически убрал дохлую мышь в холодильник, посадил в клетку серую мышь, черную мышь и пегую мышь, выключил свет и отправился домой.

В тот день он был без машины — ее забрала жена, чтобы поехать играть в бридж, — автобусы давно уже перестали ходить, а позволить себе такси он не мог, поэтому Мэнихен пошел пешком. По пути он увидел свой «плимут» у темного дома по Сеннет-стрит. Жена Мэнихена не сообщала ему, куда она ездит играть в бридж. Дом был ему не знаком. Он удивился, что люди играют в бридж в два часа ночи за такими плотными шторами, что из-за них не пробивается ни один луч света. Однако входить не стал. Его присутствие, говорила жена, мешает ей играть.

* * *

— Собери свои записи, — сказал Сэмюэль Крокетт, — положи их в портфель и запри его. И холодильник запри. — К тому времени в холодильнике скопилось восемнадцать дохлых желтых мышей. — Обсудим это в таком месте, где нам никто не помешает.

Дело было на следующий день. Мэнихен обратился к Крокетту, работавшему в соседней лаборатории, в одиннадцать часов. Сам он пришел в шесть, не в силах заснуть, и провел утро, опуская все желтое, что попадалось под руку, в раствор, который в 14.17 Крокетт стал называть «раствором Мэнихена». Мэнихен начал смутно видеть себя Фигурой в Мире Науки и окончательно решил обзавестись контактными линзами, пока его еще не сфотографировали для ведущих журналов.

Крокетт, или Крок, принадлежал к числу молодых людей, разъезжавших в открытых спортивных автомобилях с роскошными девушками. Он был лучшим в своем выпуске и в двадцать пять лет и три месяца работал над сложными протеиновыми молекулами, что в иерархии Фогеля-Паулсона соответствовало маршалу в наполеоновской армии. Этот высокий крепкий янки отлично знал, на какую сторону бутерброда намазано его экспериментаторское масло.

Прикончив дюжину желтых мышей, Мэнихен пошел за помощью в соседнюю комнату, где за лабораторным столом из нержавеющей стали, посасывая кусок сахара с ЛСД и слушая пластинку Монка, сидел Крокетт.

Сперва была вспышка раздражения.

— Какого черта тебе надо, Флокс? — рявкнул Крокетт. (Некоторые из этой молодой плеяды звали Мэнихена Флоксом.)

Но потом Крокетт снизошел к просьбе, и одно его присутствие натолкнуло Мэнихена на блестящую мысль вводить раствор подопытным животным через рот. Белая мышь, серая мышь, черная мышь, пегая мышь после нескольких капель стали энергичными и воинственными. Желтая мышь, чуть ли не последняя из партии, тихо скончалась через двадцать восемь минут.

Итак, теперь было известно, что раствор действует как извне, так и изнутри. Тем не менее Крокетт пока не нашел способа избавиться от предательского кольца. Этот аспект проблемы его вообще не заинтересовал. Зато огромное впечатление произвело на Крока то, что самые крошечные добавки диокситетрамерфеноферрогена-14 уничтожали пену, и он похвалил Мэнихена в своей сдержанной американской манере.

— Тут что-то есть, — произнес американец, посасывая сахар с ЛСД.

— Почему мы не можем поговорить здесь? — спросил Мэнихен, страшась обвинения в прогуле.

— Не будь наивным, Флокс, — вместо объяснения сказал Крокетт. И Мэнихен сложил заметки в портфель, убрал оборудование, запер холодильник и последовал за Крокеттом в коридор.

У ворот они встретили мистера Паулсона.

— Крок, старина Крок, — проворковал мистер Паулсон, с любовью обняв Крокетта за плечи. — Мой мальчик... Здравствуйте, Джонс. Куда это вы собрались?

— Я... — запинаясь, начал Мэнихен.

— К оптику, — решительно сказал Крокетт. — Я его отвезу.

— А-а, — улыбаясь, протянул мистер Паулсон. — У науки тысяча глаз. Добрый старый Крок.

Они вышли из ворот.

— Берете свою машину, мистер Джонс? — спросил сторож. Четыре года назад он слышал, как мистер Паулсон назвал Мэнихена Джонсом.

— Сюда, — оборвал Крокетт и протянул сторожу пару монет и кусок сахара с ЛСД. — Пососи.

— Спасибо, мистер Крокетт. — Сторож закинул сахар в рот и стал сосать.

Роскошная «ланчия» Крокетта вырвалась на шоссе.

Солнце, Италия, высшее общество... Господи, подумал Мэнихен, вот это жизнь.

— Ну, — сказал Крокетт, — давай подсчитаем плюсы и минусы.

Они сидели в темном баре, украшенном витыми медными рогами, хлыстами и узкими треугольными вымпелами. Крокетт пил виски «Джек Дэниэлс». Мэнихен потягивал «Александр» — единственный алкогольный коктейль, который он выносил, потому что тот напоминал ему молоко.

— Плюс первый, — начал Крокетт. — Никакой пены. Колоссальное преимущество. Тебя прославят как национального героя.

Мэнихен начал приятно потеть.

— Минус первый, — продолжал Крокетт, залпом допив стакан и знаком заказав новый. — Минус первый: остаточные кольца. Недостаток, возможно, преодолимый.

— Вопрос времени, — пробормотал Мэнихен. — С другим катализатором...

— Возможно, — пожал плечами Крокетт. — Плюс второй: сродство, пока необъясненное, к живым организмам желтого цвета. Явно нечто новое. Поздравляю.

— О, мистер Крокетт, — проблеял Мэнихен, потея от еще большего удовольствия при таких речах из уст первого в своем выпуске. — Право же...

— Зови меня Крок, — сказал Крокетт. — Мы друзья.

— Крок, — благоговейно произнес Мэнихен, представив себе «ланчию».

— Минус второй, — продолжил Крокетт, принимая очередную порцию «Дэниэлса». — Раствор оказывается гибельным для организмов, к которым он проявляет сродство. Вопрос — минус ли это?

— Э... — выдавил Мэнихен, думая о восемнадцати окостеневших мышах в холодильнике.

— Негативные реакции порой оборачиваются позитивными, — весомо сказал Крокетт. — Все зависит от точки зрения. Нельзя упускать из виду.

— Да, — решительно кивнул Мэнихен, настроившись не упускать из виду.

— Коммерчески. — Крокетт говорил рублеными фразами. — Возьмем ДДТ. Миксоматоз. Бесценный в Австралии. Кролики. Не нравится мне тот карп.

Из аквариума на столе секретарши они позаимствовали золотистого карпа и в 12.56 опустили его сперва в чистый «Флоксо», а затем в раствор Мэнихена. Нельзя сказать, что «Флоксо» рыбке понравился — она встала на голову на дне большой чашки и резко вздрагивала каждые тридцать шесть секунд, — но жила. После двадцати секунд в растворе Мэнихена она испустила дух и покоилась ныне в холодильнике вместе с восемнадцатью мышами.

— Нет, — повторил Крокетт. — Не нравится мне тот карп. Определенно не нравится.

Они сидели в молчании, отдавая дань усопшей рыбке.

— Резюме, — сказал Крокетт. — Открытое нами вещество обладает необычными свойствами. Смехотворно дешево. Токсично для одних организмов, безразлично для других. Не знаю как — пока, — но тут пахнет деньгами. Идея... идея. Есть одно место, где мы можем... — Он замолчал, как будто не решаясь доверить Мэнихену свои мысли. — Желтый, желтый, желтый. Черт побери, чем желтым мы заполонены, как Австралия — кроликами? Найти ответ, и дело в шляпе.

— Что ж, — вставил Мэнихен. — Полагаю, мистер Паулсон оценит наш успех. На Рождество, наверное, получим премию.

— Премию? — Крокетт впервые повысил голос. — Ты что, спятил?

— По моему контракту результат работы принадлежит «Фогелю-Паулсону». У тебя разве не так?

— Ты что, пресвитерианин? — с отвращением выдавил Крокетт.

— Баптист, — честно ответил Мэнихен.

— Теперь понимаешь, почему нельзя было говорить в лаборатории?

— Ну, — произнес Мэнихен, бросив взгляд на трех дам в мини-юбках, — здесь уютней, атмосфера определенно...

— Уютней?! — воскликнул Крокетт и добавил грубое слово. — Слушай, ты владеешь компанией?

— Компанией? — ошеломленно переспросил Мэнихен. — Что мне делать с компанией? Я получаю семь восемьсот в год, а с вычетом налогов и страховки... А ты?

— Четырьмя, пятью, может быть, семью компаниями, — сказал Крокетт. — Кто их считает? Одна в Лихтенштейне, две на Багамах, одна на имя разведенной тетки-нимфоманки...

— В твоем возрасте... — восхищенно прошептал Мэнихен.

— О, иногда я бросаю Паулсону кость. Низкотемпературная обработка полиэстеров, процесс кристаллизации для хранения нестабильных аминокислот... подобные безделушки. Паулсон пускает слюни от счастья. Но если подворачивается что-нибудь серьезное... Господи, старик, где ты был? Только в Германии у меня четыре патента на отверждение стекловолокна. А уж...

— Не стоит углубляться в детали, — перебил Мэнихен, не желая показаться любопытным. Он начал догадываться, откуда берутся «ланчии», «корветы» и «мерседесы».

— Мы зарегистрируем компанию в Гернси — ты и я, — сказал Крокетт. — Может быть, нам понадобится кто-нибудь еще.

— Думаешь, сами не обойдемся? — тревожно спросил Мэнихен. За последние десять минут в нем проснулся инстинкт капиталиста, не желающего без необходимости делить доходы.

— Боюсь, не обойдемся, — задумчиво ответил Крокетт. — Без первоклассного патолога нам не удастся объяснить, каким образом раствор Мэнихена действует на ядро клетки. Нам понадобится биохимик. Ну и конечно, ангел.

— Ангел?! — До сих пор Мэнихен не предполагал, что религия является составной частью бизнеса.

— Денежный мешок, — нетерпеливо пояснил Крокетт. — Начнем с патолога. Лучший в стране патолог у нас под боком. Старый добрый Тагека Кай.

Мэнихен кивнул. Тагека Кай был лучшим в Киото, а потом лучшим в Беркли. Ему принадлежал «ягуар». Тагека Кай разговаривал с Мэнихеном. Однажды. В кино. Тагека

Кай спросил: «Не занято?» Мэнихен ответил: «Нет». Он запомнил этот случай.

— Так, — решил Крокетт. — Поймаем Кая, пока тот не смотался домой. Время дорого.

Он положил на стол десятидолларовую банкноту и направился к двери, а Мэнихен засеменил следом, минуя трех дам у стойки. В один прекрасный день...

— Интересно, интересно, — приговаривал Тагека Кай, быстро перелистывая заметки Мэнихена.

Они находились в лаборатории Мэнихена. Крокетт был убежден, что его и Тагеки Кая комнаты оборудованы «жучками». Все единодушно согласились, что никому не придет в голову прослушивать отдел моющих средств, поэтому можно говорить свободно, хотя и на пониженных тонах.

— Интересно, — повторил Тагека Кай. Его английский — с легким техасским акцентом — был безупречен. — Так. Доли партнеров равны, но у меня исключительные права на Гватемалу и Коста-Рику.

— Кай! — запротестовал Крокетт.

— У меня есть определенные связи в Карибской акватории, — отрезал Тагека Кай. — Либо да, либо нет.

— Заметано, — сказал Крокетт. Тагека был куда ближе к Нобелевской премии, чем Крокетт, и владел компаниями в Панаме, Нигерии и Цюрихе.

Тагека Кай небрежно смахнул мышей и карпа из холодильника на алюминиевый поднос.

— Простите, — произнес Мэнихен. Только что его осенила мысль. — Не хотелось бы вмешиваться, но они — желтые. Мыши, я имею в виду. — Он вспотел от волнения. — То есть я хочу сказать, что по крайней мере до сих пор раствор... э-э... — Позже он научится говорить «раствор Мэнихена» не краснея, но пока это было выше его сил. — Одним словом, пока раствор проявляет токсичность только к... э-э... организмам, чей доминантный, если позволите так выразиться, пигмент некоторым образом может быть определен как... э-э... желтый.

— Что вы хотите сказать, партнер? — бесцеремонно перебил его Тагека Кай.

— Всего лишь... м-м... — Мэнихен уже пожалел, что начал говорить. — Ну, существует опасность... Резиновые перчатки по крайней мере. Полная асептика, позволю себе посоветовать. Поверьте, я меньше всего думаю о расовых... характеристиках, но если, не дай Бог, что-нибудь случится...

— Не беспокойтесь о своем желтом брате, партнер, — бесстрастно сказал Тагека Кай и удалился с подносом.

— Вот рвач! — горько вырвалось у Крокетта, когда дверь за патологом закрылась. — Исключительные права на Гватемалу и Коста-Рику! Восходящее солнце. Вперед на Маньчжурию. Как и в прошлый раз.

По пути домой Мэнихен отметил про себя, что, хотя они оперируют теми же фактами, Крокетт и Тагека Кай схватывают перспективы, совершенно для него скрытые. Вот почему они разъезжают в «ланчиях» и «ягуарах».

Телефон зазвонил в три утра. Миссис Мэнихен застонала, когда муж сонно потянулся через нее к трубке. Она не любила, когда он прикасался к ней без предупреждения.

— Крокетт, — представился голос из трубки. — Я у Тагеки. Немедленно приезжай.

Мэнихен трясущейся рукой положил трубку и стал одеваться. От выпитого коктейля у него болела голова.

— Куда? — произнесла миссис Мэнихен.

— Совещание.

— В три утра? — Она не открыла глаз, но рот ее скривился.

— Я не обратил внимание на время. — Еще недолго. Боже мой, совсем недолго.

— Спокойной ночи, Ромео.

— Это Сэмюэль Крокетт, — сказал Мэнихен, возясь со штанами.

— Педераст, — не открывая глаз, молвила миссис Мэнихен. — Никогда не сомневалась.

— Право, Лулу... — В конце концов, Крокетт — его партнер.

— Принеси домой ЛСД, — пробормотала, засыпая, миссис Мэнихен.

Странная просьба, подумал Мэнихен, по миллиметру закрывая дверь, чтобы не разбудить детей. У них обоих подсознательный страх внезапного шума, предупреждал его детский психиатр.

Тагека Кай жил в центре города, в фешенебельной квартире на верхнем этаже тринадцатиэтажного дома. У подъезда стояли его «ягуар» и «ланчиа» Крокетта. Мэнихен припарковал «плимут» рядом. Может быть, «феррари»?..

Крокетт потягивал пиво в гостиной и любовался моделью клиппера под всеми парусами, заключенной в бутылку.

— Привет, — бросил он. — Как доехал?

— Ну, — сказал Мэнихен, потирая красные глаза, — должен признаться, что я привык к восьмичасовому сну...

— Придется отвыкать, — отрезал Крокетт. — Я обхожусь двумя часами. — Он отхлебнул пива. — Старый добрый Тагека сейчас освободится. Он в лаборатории.

Открылась дверь, и в комнату вплыла роскошная девушка в лиловых шароварах, с пивом и шоколадными пирожными на подносе. Она ослепительно улыбнулась Мэнихену, и тот, пораженный, взял два пирожных и пиво.

Раздался звонок.

— Капитан Ахаб, — пояснила девушка. — Ждет.

— Сюда, Флокс, — сказал Крокетт, резво встрепенувшись.

— У тебя есть, Сэмми?..

Крокетт кинул ей кусок сахара. Девушка разлеглась на диване, высоко закинув обольстительные ноги, и маленькими белыми зубками стала покусывать сахар.

Домашняя лаборатория Тагеки Кая была просторнее и лучше оборудована, чем все отделы «Фогеля-Паулсона». Там стоял большой операционный стол, который поворачивался под любым углом, мощные лампы на шарнирах, шкафы с инструментами, стерилизаторы, холодильники со стеклян-

ными дверцами, гигантский рентгеновский аппарат, микроскопы и все прочее.

— Ух! — воскликнул Мэнихен.

Тагека был одет в хирургический халат и в этот момент стягивал маску и шапочку. Под халатом виднелись голубые джинсы и ковбойские туфли на высоких скошенных каблуках с серебряными насечками.

— Я вскрыл восемнадцать мышей. Желтых. — Он улыбнулся Мэнихену, сверкнув самурайскими зубами. — Рано еще утверждать что-либо определенное; однако, по всей видимости, Мэнихен, вы наткнулись на нечто совершенно новое.

— В самом деле? — жадно спросил Мэнихен. — А на что?

Тагека Кай и Крокетт обменялись многозначительными взглядами.

— Пока я знаю только, что это новое, — мягко сказал Тагека Кай. — В наше время этого достаточно. Вспомните хула-хуп, вспомните очки для стереоскопического кино. За считанные месяцы сколачивались целые состояния.

Мэнихен учащенно задышал. Тагека снял халат и оказался в гавайской рубашке.

— Мои предварительные заключения, — отрывисто сказал он. — Нетоксичное вещество, для простоты назовем его «Флоксо», в соединении с другим известным нетоксичным веществом, диокситетрамерфеноферрогеном-14, обнаружило сродство к пигментному материалу восемнадцати желтых мышей и одного карпа...

— Девятнадцати, — поправил Мэнихен, вспомнив первую желтую мышь, выброшенную в мусоропровод.

— Восемнадцати, — повторил Тагека. — Я основываюсь только на фактах.

— Простите, — смутился Мэнихен.

— Исследование клеток, — продолжал Тагека, — и других органов показывает, что каким-то образом, пока необъясненным, раствор вступает в реакцию с пигментным веществом, чьей формулой я не стану вас обременять, с образованием нового соединения, которое стремительно поражает симпатическую нервную систему, почти немедленно пара-

лизуя названную систему и соответственно вызывая прекращение дыхания, движения и сердцебиения. — Он налил себе еще стакан шерри. — Почему у вас такие красные глаза, партнер?

— Понимаете, я привык к восьми часам сна... — начал Мэнихен.

— Придется отвыкать, — заявил Тагека. — Я обхожусь одним.

— Да, сэр, — сказал Мэнихен.

— Возможные перспективы практического применения этой интересной зависимости между нашим раствором и определенными органическими пигментами находятся вне моей компетенции. Я простой скромный патолог. Но нет ничего бесполезного в коридорах науки. В конце концов, Кюри открыли свойства радия всего лишь потому, что, оставив на ночь в темной комнате с очищенным уранитом ключ, сумели получить его фотографию. Ведь мало кто сейчас проявляет интерес к фотографированию ключей, не правда ли, партнер? — Он неожиданно хихикнул.

Странные эти японцы, подумал Мэнихен. Совсем не такие, как мы.

Тагека снова стал серьезным.

— Необходимы дальнейшие тщательные исследования. Для начала эксперименты хотя бы с пятью сотнями желтых мышей — при пяти сотнях контрольных. Тысяча карпов — аналогичная процедура. Естественные желтые организмы: нарциссы, попугаи, тыквы, кукурузные початки и так далее. Высшие позвоночные: собаки, некоторые желтозадые бабуины, встречающиеся в джунглях Новой Гвинеи, буланые лошади...

— Как я проведу в отдел моющих средств лошадь? — спросил Мэнихен, чувствуя легкое головокружение. — Особенно если мы хотим сохранить тайну?

— Эта лаборатория, — Тагека широким жестом обвел сверкающую роскошь, — в полном распоряжении моих досточтимых друзей. Кроме того, в проведении экспериментов необходимо проявлять определенную инициативу.

— Но я не могу затребовать лошадей! — в смятении воскликнул Мэнихен.

— Я считал условленным, что мы занимаемся этим делом в частном порядке, — ледяным голосом проговорил Тагека, глядя на Крокетта.

— Верно, — сказал Крокетт.

— Откуда взять денег? Желтозадые бабуины... О Господи! — вскричал Мэнихен.

— Я всего лишь патолог, — сказал Тагека и выпил шерри.

— У вас компании по всему миру, — причитал Мэнихен. — Лихтенштейн, Нигерия... А я зарабатываю семь восемьсот...

— Нам это известно, партнер, — прервал Тагека. — Я возьму на себя вашу часть предварительных расходов.

Мэнихен чуть не расплакался от благодарности и тяжело задышал. Теперь уже нет сомнения — он выходит в общество людей иного круга.

— Не знаю, что и сказать... — начал он.

— Не надо ничего говорить, — перебил Тагека. — В качестве компенсации за израсходованные средства я беру себе исключительные права на вашу долю в Северной Европе по оси Лондон — Берлин.

— Да, сэр, — произнес Мэнихен. Он хотел бы сказать еще что-нибудь, но не мог. — Да, сэр.

— Полагаю, на сегодня достаточно, джентльмены, — объявил Тагека. — Не желаю торопить вас, но мне еще предстоит работа.

Он вежливо проводил Крокетта и Мэнихена до двери лаборатории и запер ее за ними.

— Восточная подозрительность, — прокомментировал Крокетт.

Девушка в лиловых шароварах все так же лежала на диване. Ее глаза были широко раскрыты, но она вряд ли что-либо видела.

Да, несомненно, подумал Мэнихен, бросив последний жадный взгляд на обольстительную девушку, наш век — век узкой специализации.

* * *

Неслись бешеные недели. Днями Мэнихен строчил доклады о воображаемых экспериментах, доказывая, что не зря получает зарплату и движет науку вперед в интересах Фогеля-Паулсона. Ночи он проводил в лаборатории Тагеки Кая. Он приучился спать три часа в сутки. Опыты продолжались. Пятьсот желтых мышей благополучно почили в бозе. Желтый афганский пес с выдающейся родословной, купленный втридорога, прожил меньше часа, проглотив вместе с молоком три капли раствора Мэнихена, в то время как черно-белая дворняжка, за грош вызволенная у живодера, лишь радостно лаяла после той же трапезы. Дохлые карпы сотнями лежали в холодильниках Тагеки. Желтозадый бабуин, проявив сперва глубокую привязанность к Тагеке, терпимость к Крокетту и яростную ненависть к Мэнихену, испустил дух через десять минут после того, как его соответствующая часть была омыта умышленно слабым раствором.

Несмотря на изощренные манипуляции Крокетта (тот ухитрился выделить из «Флоксо» две гидроксильные группы и подверг диокситетрамерфеноферроген-14 бомбардировке радиоактивными изотопами), остаточные кольца упорно не желали удаляться с испробованных материалов.

Тем временем личные дела Мэнихена шли все хуже. Миссис Мэнихен стали раздражать постоянные ночные отлучки мужа. Мистер Паулсон прислал ему нежно-голубой конверт. «Ну?» — было начертано на листке бумаги. Это звучало неприятно. Мэнихен стал опасаться, что всю жизнь будет ездить на «плимуте» и никогда не разведется.

Он не мог поделиться своими страхами с Крокеттом и Тагекой Каем. С ними вообще было трудно чем-либо поделиться. Вначале они редко слушали его, а через пару недель вовсе перестали обращать внимание. Он работал молча, молча мыл посуду и писал под диктовку. Ему требовалось выспаться, но он не смел признаться в этом партнерам. Может быть, если поймать Крокетта где-нибудь наедине... Крок по крайней мере белый.

Так он стал таскаться за Крокеттом повсюду, но удобный случай представился лишь через неделю. Мэнихен ждал у ресторана, где Крокетт часто обедал, обычно с роскошной девушкой или с несколькими роскошными девушками. Ресторан назывался «La Belle Provencale», и обед там стоил никак не меньше десяти долларов — если не заказывать вина. Мэнихен, разумеется, ел в столовой «Фогеля-Паулсона». Там можно пообедать за восемьдесят пять центов. Этого у «Фогеля-Паулсона» не отнимешь.

Стоял жаркий день, безжалостное солнце палило немилосердно. От слабости и головокружения Мэнихен раскачивался из стороны в сторону, как палуба утлого суденышка в шторм.

К тротуару подъехала «ланчия». Наконец-то Крокетт был один. Широким шагом направляясь к ресторану, он не заметил Мэнихена, хотя прошел в метре от него.

— Крок, — хрипнул Мэнихен.

Крокетт остановился и повернул голову. Его американские черты лица приняли недовольное выражение.

— Какого черта ты здесь ошиваешься?

— Крок, — выдавил Мэнихен, — нам надо поговорить.

— Какого черта ты качаешься? — перебил Крокетт. — Ты пьян? Ладно, Флокс, пошли, я возьму тебе поесть.

Крокетт явно не был типичным янки — заказал мясо по-кайенски и бутылку сидра.

Как только зрению и обонянию Мэнихена открылась еда, он позабыл обо всем и так и не сумел признаться Крокетту, что хотел выйти из игры.

— Теперь следующий шаг.

Все трое находились в лаборатории Тагеки Кая. Было сравнительно рано, всего полтретьего ночи.

— Дальнейшие опыты на низших позвоночных не имеют смысла. Очередная стадия очевидна, — заявил Тагека Кай.

Мэнихену очередная стадия не казалась очевидной.

— То есть?

На этот раз Тагека Кай ответил на его вопрос.

— Человек, — сказал он просто.

Мэнихен открыл рот.

Крокетт нахмурился в сосредоточенном раздумье.

— Я предвижу некоторые осложнения.

— Ничего особенного, — отмахнулся Тагека Кай. — Необходим доступ в больницу с достаточным количеством пигментированных подопытных.

— Я многих знаю в Общей клинике, — заметил Крокетт, — но вряд ли нам она годится. Там не развернешься. У них бывает от силы пара индейцев в год.

Рот Мэнихена до сих пор был открыт.

— Не доверяю я этим типам из Общей, — сказал Тагека Кай. — Уместно подумать о Сан-Франциско. Значительная доля цветного населения, достаточные фонды... У меня есть знакомый в больнице «Милосердие и рак». Людвиг Квельч.

— Ну да, — кивнул Крокетт. — Квельч. Простата. Высший класс.

Крокетт знал всех.

— Он был первым в своем выпуске в Беркли за три года до меня, — сказал Тагека Кай и потянулся к телефону.

— Одну минутку, мистер Тагека, — хрипло выдавил Мэнихен. — Вы имеете в виду... эксперименты на живых людях?..

— Крок, — произнес Тагека Кай. — Ты его привел, ты с ним и разбирайся.

— Флокс, — с раздражением сказал Крокетт, — все сводится к одному: ты ученый или нет?

Тагека Кай уже вызывал Сан-Франциско.

— Так, что мы имеем? — мыслил вслух Людвиг Квельч. — Я думаю о крыле Блюмштейна, как полагаешь, Тагека?

Тагека Кай кивнул.

— Крыло Блюмштейна. Превосходно.

Квельч прибыл через четырнадцать часов после звонка и просидел, запершись с Тагекой и Крокеттом, весь день и весь вечер. В полночь на совещание допустили Мэнихена.

Людвиг Квельч оказался высоким широкоплечим человеком с ослепительно белыми зубами и располагающими

манерами. Он носил шикарный дорогой костюм и с первого взгляда вызывал к себе полное доверие.

Квельч достал кожаный блокнот и пролистал его.

— На данный момент у нас лежат тридцать три кавказца, двенадцать негров, трое неопределенной национальности, один индус, один бербер и семеро восточного происхождения — шесть предположительно китайцы. Все мужского пола, разумеется. — Он от души рассмеялся, как бы напоминая коллегам о своей специальности. — На мой взгляд, достаточно широкий диапазон.

— Сойдет, — согласился Тагека Кай.

— Все смертельные? — поинтересовался Крокетт.

— Грубо говоря, восемьдесят процентов, — сказал Квельч. — Почему вы спрашиваете?

— Ради него. — Крокетт махнул рукой в сторону Мэнихена.

— Я рад видеть, что едкая атмосфера научных изысканий не растворила совесть нашего замечательного юного друга. — Квельч сердечно опустил свою большую руку на плечо Мэнихена. — Не страшитесь. Мы не укоротим ни одной жизни — существенно.

— Спасибо, доктор, — признательно промямлил Мэнихен.

Квельч взглянул на часы.

— Что ж, мне пора возвращаться. Буду держать вас в курсе, — сказал он и стремительно пошел к двери, но у порога остановился. — Итак, по четверти каждому партнеру плюс преимущественные права Кая на Гватемалу, Коста-Рику и первые десять лет эксплуатации в Северной Европе?..

— Все изложено в соглашении, которое я передал тебе утром, — заметил Тагека Кай.

— Разумеется! Я лишь хочу проконсультироваться со своими адвокатами перед подписанием бумаг. До встречи, друзья! — Квельч махнул на прощание рукой и исчез.

— Боюсь, сегодня нам придется расстаться рано, партнеры, — заявил Тагека Кай. — Мне предстоит работа.

Мэнихен отправился прямо домой, предвкушая первую нормальную ночь за долгие месяцы. Его жена играла где-то в бридж, так что можно было спокойно спать; но почему-то он не смог сомкнуть глаз до самой зари.

— Утром звонил Квельч, — сообщил Тагека Кай. — У него новости.

Веки Мэнихена спазматически задергались, легкие внезапно отказались дышать.

— Не возражаете, если я сяду?

Он только что пришел, и Тагека сам открыл дверь. Хватаясь руками за стену, Мэнихен добрел до гостиной и тяжело сел на стул. Крокетт распластался на диване; на его груди стоял стакан с виски. По выражению лица нельзя было определить, счастлив он, грустен или пьян.

— Позвольте чего-нибудь предложить? — гостеприимно сказал Тагека. — Пиво? Сок?

— Нет, спасибо. — Впервые за все знакомство Тагека проявлял к нему такое внимание. Мэнихен был уверен, что его подготавливают к чему-то ужасному. — Что сообщил доктор Квельч?

— Он передал вам искренний привет.

— Что еще? — хрипло спросил Мэнихен.

— Закончены первые эксперименты. Квельч лично ввел раствор подкожно восьми объектам — пяти белым, двум черным и одному желтому. Семеро не проявили никакой реакции. Вскрытие восьмого...

— Вскрытие!.. Мы убили человека!

— О, не сходи с ума, Флокс! — Стакан с виски плавно ходил вверх и вниз на груди Крокетта. — Это случилось в Сан-Франциско, за две тысячи миль отсюда.

— Но мой раствор! Я...

— Наш раствор, Мэнихен, — ровно произнес Тагека Кай. — С Квельчем нас четверо.

— Мой, наш... Какая разница! Несчастный мертвый китаец...

— С вашим темпераментом, Мэнихен, — скривился Тагека, — пристало заниматься психиатрией, а не строго ис-

следовательской работой. Если хотите иметь с нами дело, держите себя в руках.

— Дело! — воскликнул Мэнихен и, шатаясь, встал. — Что вы называете делом? Убивать больных раком китайцев в Сан-Франциско?! Вот уж дельце, нечего сказать, — добавил он с невесть откуда взявшейся иронией.

— Вы будете слушать или ораторствовать? — поинтересовался Тагека. — У меня есть для вас много интересных и важных новостей. Но я должен работать и не могу зря тратить время... Так-то лучше. Садитесь.

Мэнихен сел.

— И сиди, — приказал Крокетт.

— Как я говорил, — продолжал Тагека Кай, — вскрытие показало, что субъект умер естественной смертью. Никаких следов посторонних веществ в органах.

— Убийца! — простонал Мэнихен, обхватив голову руками.

— Я не могу выносить подобных выражений в своем доме, — заявил Тагека.

— Если желаешь вернуться в отдел моющих средств, Флокс, — равнодушно произнес Крокетт, не изменяя позы, — ты знаешь, где дверь.

— Именно это я и собираюсь сделать. — Мэнихен встал и направился к выходу.

— Ты лишаешь себя верного миллиона долларов, — заметил Крокетт.

Мэнихен замер, подумал и вернулся на место.

— Что ж, худшее я уже выслушал, — пробормотал он.

— Три дня назад я побывал в Вашингтоне, — сообщил Крокетт. — И заскочил к старому школьному другу Саймону Бунсвангеру. Вы о нем не слышали. О нем никто не слышал. Он в ЦРУ. Большой человек. Большой, очень большой. Я в общих чертах ознакомил его с нашим проектом. Бунсвангер проявил интерес. — Крокетт взглянул на часы. — Он вот-вот должен прийти.

— ЦРУ? — в полной растерянности переспросил Мэнихен. — Нас всех упрячут за решетку!

— Напротив, — покачал головой Крокетт. — Напротив. Спорю на два «Александра», что он появится с заманчивым предложением...

— Каким? — Теперь Мэнихен был убежден, что все эти компании и хроническое недосыпание окончательно повредили рассудок Крокетта. — Зачем им раствор Мэнихена?

— Помнишь тот день, когда ты ко мне пришел, Флокс? — Крокетт поднялся на ноги и в носках прошлепал к бару. — Я сказал: ответим на один вопрос, и дело в шляпе. Помнишь?

— Более или менее, — кивнул Мэнихен.

— Помнишь этот вопрос? — осушив стакан, продолжал говорить Крокетт. — Вопрос: «Чем желтым мы заполонены, как Австралия — кроликами?» Помнишь?

— Да, но что общего имеет ЦРУ с...

— ЦРУ, приятель, — весомо произнес Крокетт, — знает совершенно точно, что такое желтое и чем мы заполонены. — Он замолчал, бросил кусок льда в виски и помешал пальцем. — Китайцами.

Раздался звонок.

— Должно быть, Бунсвангер, — встрепенулся Крокетт. — Я открою.

— В последний раз имею дело с таким, как вы, Мэнихен, — ледяным тоном произнес Тагека. — Вы психически неуравновешенны.

Товарищ Крокетта производил впечатление человека, способного зарабатывать неплохие деньги в качестве исполнителя женских ролей в водевилях. Он был гибок и строен, с тонкими светлыми волосами и маленьким пухлым ртом, застенчив и стыдлив.

— Позволь познакомить тебя с моими партнерами, — бодро сказал Крокетт.

Он представил Тагеку, который молча поклонился, и Мэнихена, не посмевшего поднять глаз во время рукопожатия.

— Мне «Джек Дэниэлс», Крок.

Бунсвангер принял стакан и сел на стол.

— Что ж, мои парни считают, что вы славно поработали, — начал он. — Мы кое-что проверили, и мои парни

считают, что вы правы на все сто. Какие-нибудь новости от Квельча?

— Результаты положительные, — ответил Тагека.

Бунсвангер кивнул.

— Неудивительно. Ладно, хватит ходить вокруг да около. Нам он нужен, раствор. Мы уже предварительно наметили цели. Исток Янцзы, три или четыре озера на севере, два притока Желтой реки, ну и так далее. У вас не найдется случайно карты Китая под рукой?

— Увы, — сказал Тагека.

— Жаль, — вздохнул Бунсвангер. — Сразу бы все стало ясно. — Он огляделся. — Симпатичная квартирка. Вам и в голову не приходит, сколько дерут за приличное гнездышко в Вашингтоне... Разумеется, русские нам помогут. Мы уже их известили. Так будет спокойнее. А то как представишь длиннющую границу с Сибирью и бесконечные делегации... Впрочем, в этом-то и прелесть вашей штуки. Без шума. Мы давно уже ищем что-нибудь эдакое — без шума. А вы, парни, довели до конца? Я очень торопился, но, по-моему, в ваших бумагах ничего нет.

— Довели до конца что? — спросил Мэнихен.

— Флокс, — утомленно вздохнул Крокетт.

— Мэнихен, — угрожающе сказал Тагека.

— До минимальной эффективной концентрации в «аш два о», — пояснил Бунсвангер.

— Пока не смотрели, Сай, — ответил Крокетт. — Мы работали только ночами.

— Адская эффективность! — Бунсвангер деликатно отхлебнул виски. — Мы кое-что проверили. Одна двухмиллиардная в пресной воде. Одна трехмиллиардная в соленой воде. — Он по-девичьи рассмеялся, вспомнив что-то свое. — Презабавное побочное действие: ваш раствор лечит желтуху. Можно основать фармацевтическую компанию и сделать бешеные бабки на одном этом. Строго по рецепту, разумеется. Ну вот, такая деталь. А теперь к делу. Мы платим вам два миллиона. Чистыми. Никаких записей, никаких регистраций. Вам не придется и гроша отдавать парням из налогового.

Мэнихен учащенно задышал.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо спросил Бунсвангер.

— Отлично, — откликнулся Мэнихен, продолжая тяжело дышать.

— Само собой, — сказал Бунсвангер, все еще участливо глядя на Мэнихена, — нет гарантии, что мы когда-нибудь решимся. Хотя если дела пойдут так и дальше... — Он покачал головой и оставил фразу неоконченной.

Мэнихен думал о «феррари», о табунах девушек в лиловых шароварах.

— Еще одна деталь, и я исчезаю, — сказал Бунсвангер. — Завтра утром мне надо быть в Венесуэле. Слушайте. — Его голос стал непоколебимым, как дуло револьвера. — Двадцать процентов мои. Одна пятая. За услуги. — Он посмотрел вокруг.

Крокетт кивнул.

Тагека кивнул.

Мэнихен медленно кивнул.

— Я в Каракас, — игриво бросил Бунсвангер, допил виски и пожал всем руки. — Утром явится парень с деньгами. Наличными, конечно. Когда удобнее?

— В шесть, — сказал Тагшека.

— Заметано. — Бунсвангер сделал пометку в блокноте крокодиловой кожи. — Рад, что ты заскочил, Крок. Провожать не надо. — И он исчез.

Собственно, все было сделано. Оставалось пересчитать на денежное выражение компенсацию Тагеки за исключительные права на Карибскую акваторию и десятилетнее право на Северную Европу. Это не отняло много времени. Тагека Кай был таким же блестящим математиком, как и патологом.

Крокетт и Мэнихен вышли вместе. Крокетт спешил на встречу с третьей — текущей — женой мистера Паулсона.

— Счастливо, Флокс. Сегодня недурно поработали, — бросил он, садясь в «ланчию», и, напевая, сорвался с места.

Мэнихен сел в «плимут» и задумался о порядке действий. Наконец он решил, что сперва следует сделать главное, и со

скоростью пятьдесят пять миль в час поехал домой, чтобы сообщить миссис Мэнихен о предстоящем разводе.

Наверху, у себя в квартире, Тагека Кай сидел в кресле и рисовал в блокноте аккуратные идеограммы. Через некоторое время он нажал на кнопку, и в комнату вошел слуга.

— Джеймс, — обратился к нему Тагека Кай, — я хочу чтобы завтра ты заказал по пятьсот граммов диокситетрамерфеноферрогена-14, 15 и 17. И пятьсот белых мышей. Нет, пожалуй, лучше тысячу.

— Да, сэр, — сказал Джеймс.

— И еще, Джеймс. — Тагека небрежно махнул рукой. — Соедини меня с японским посольством в Вашингтоне. Я буду говорить лично с послом.

— Да, сэр, — сказал Джеймс и снял трубку.

Боб Шоу
ШАЛОСТЬ ДЖОКОНДЫ

Стояло промозглое январское утро, мрачное и неприятное. Телефон в моей конторе за всю неделю ни разу не звонил. Я сгорбился за столом, страдая от тяжелого похмелья, и вдруг в комнату вошла роскошная блондинка. Ее платье навевало мысли о деньгах, а то, что скрывалось за ним, пробуждало мое другое увлечение — но для этого я чувствовал себя слишком скверно.

Она положила на стол плоский пакет и сказала:

— Вы — Фил Декстер, частный пси?

Я приподнял шляпу и изобразил улыбку.

— А что написано на двери, милая?

— Там написано: «Хирургические корсеты Глоссопа».

— Убью паршивца! — проскрежетал я. — Клялся, что заменит табличку на этой неделе! Два месяца занимаю контору, и до сих пор...

— Мистер Декстер, давайте оставим *ваши* проблемы и займемся *моими*. — Она начала развязывать пакет.

Утратив инициативу, я решил вдохнуть тепло в личные отношения с клиентом.

— Чем могу вам помочь, мисс?..

— Кэрол Кольвин. — Ее изящные брови слегка поднялись. — Я полагала, что вы, пси, узнаете все без лишних вопросов.

— Сия способность не поддается сознательному контролю, — произнес я загробным голосом. — Есть силы, неподвластные простым смертным.

Здесь подобает выглядеть мрачно и торжественно; я уставился отсутствующим взглядом в круговерть вентилятора и подумал об угрозе моей бывшей секретарши подать на меня в суд за неуплату жалованья.

Кэрол осталась равнодушной. Она вытащила из пакета написанный маслом холст и положила передо мной.

— Что вы можете сказать об этой картине? — сухо спросила она.

— Неплохая копия Моны Лизы, — ответил я. — Недурно сделано, конечно, однако...

Голос мой по собственному почину внезапно затих, потому что сработали пси-чувства. Пришло ощущение большого возраста, может быть, пятисот лет, возникла размытая череда образов: красивый бородатый мужчина в средневековом костюме, гористый ландшафт с пятнами темно-зеленых растений, бронзовые скульптуры, узкие извилистые улочки древних городов... И на заднем плане этих картин, почти невидимые за их сиянием — какое-то мрачное подземелье и округлое деревянное сооружение, вероятно, часть большой машины.

Кэрол наблюдала за мной с нескрываемым интересом.

— Это не копия, так?

Я решительно поднял отвисшую челюсть.

— Мисс Кольвин, мне совершенно ясно, что картина написана самим Леонардо да Винчи.

— Значит, перед нами та самая Мона Лиза?

— Да... — ошарашенно признал я.

— Разве такое возможно?

— Посмотрим. — Я нажал кнопку на пульте компьютера и спросил: — Украдена ли из Лувра Мона Лиза?

— Ответить не могу, — мгновенно отозвалась машина.

— Не хватает данных?

— Не хватает денег. До уплаты квартальной задолженности вы не получите никакой информации.

Я сделал неприличный жест по направлению к тому месту, где, по моему предположению, должен находиться центральный компьютер.

— Да кому ты нужен?! — процедил я. — Если б Мону Лизу украли, об этом кричали бы все газеты!

— Тем более глупо спрашивать, — сказала машина.

Я убрал палец с кнопки и попытался изобразить беззаботную улыбку, проклиная минуту, когда я надумал воспользоваться электронным советчиком.

Кэрол, казалось, смотрела на меня со всевозрастающей холодностью.

— Если вы закончили, я могу рассказать, как попала ко мне картина. Или вы не хотите слушать?

Сообразив, что могу лишиться клиента, я выпрямился и принял внимательный деловой вид.

— Мой отец был торговцем картинами и имел маленькую галерею в Сакраменто, — начала Кэрол, усаживаясь в кресло и вызывая почему-то при этом у меня мысли о меде, стекающем с ложки. — Два месяца назад он умер, и дело осталось мне. Я не слишком разбираюсь в искусстве и решила все продать. Холст был спрятан в сейфе. Он может принести либо несколько миллионов долларов, либо несколько лет тюрьмы — хотелось бы знать, что именно.

— И вы пришли ко мне. Весьма предусмотрительно, мисс Кольвин!

— Начинаю в этом сомневаться. Для человека, претендующего на шестое чувство, у вас немного недоразвиты остальные пять.

Думаю, что тогда-то я в нее и влюбился. Если я получаю удовольствие от ее общества в то время, как она относится ко мне словно к умственно отсталому ребенку, жизнь будет невероятно хороша, когда я заставлю ее увидеть во мне незаурядного мужчину.

— Ваш отец упоминал про картину?

— Никогда. Поэтому мне кажется, что дело нечисто.

— Вам известно, где он мог ее достать?

— В общем-то нет. Прошлой весной от отдыхал в Италии и вернулся каким-то странным.

— Странным?

— Сдержанным, напряженным. Как будто вовсе и не отдыхал.

— Любопытно. Посмотрим, надеюсь, мне удастся уловить еще что-нибудь.

Я подался вперед и слегка коснулся шершавой поверхности. И снова воспринял сильный импульс — образы лысеющего мужчины (отца Кэрол), яркие картины городов.

— Ваш отец сперва поехал в Рим, — сказал я, — но большую часть времени провел в Милане.

— Верно. — Кэрол кинула на меня удивленный взгляд. — Кажется, у вас действительно есть кое-какие способности.

— Спасибо. Некоторые еще замечают, что у меня красивые ноги.

Шуткой, к сожалению, не смог насладиться даже я сам, так как меня отвлекла волна новых видений: темная пещера и деревянная машина круглой формы. Все было окрашено отвлекающими полутонами древних тайн.

— Однако мы не решили главный вопрос. Выходит, Леонардо рисовал Мону Лизу дважды?

— Выходит так, мисс Кольвин.

Я в некоторой растерянности уставился на картину и тут почувствовал что-то неладное, какую-то странность. Мона Лиза смотрела на меня со своей знаменитой улыбкой, точь-в-точь как я помнил по всем репродукциям, и все же какая-то деталь... Уж не эти ли пухлые гладкие руки?.. Дабы произвести должное впечатление на Кэрол, я принял задумчивый вид и попытался определить, что же все-таки вызывает у меня сомнение.

— Вы не заснули? — нелюбезно оборвала мои раздумья Кэрол.

— Конечно, нет! — оскорбленно ответил я и указал на руки Моны Лизы. — Вам не кажется, что с ними что-то не в порядке?

— Вы хотите сказать, что могли бы нарисовать лучше?

— Я имею в виду, что на картине в Лувре руки у нее сложены вместе, а здесь разведены в стороны.

— Возможно... Я же говорила, что ничего не смыслю в искусстве.

— Пожалуй, это объясняет существование двух Лиз. — Я начал развивать свою теорию. — Мастер мог нарисовать один вариант, а затем изменить положение рук.

— В таком случае, — резонно заметила Кэрол, — почему он просто не перерисовал руки?

— Э... н-да. — Я мысленно выругал себя за столь шаткие рассуждения.

— Едем. — Кэрол поднялась и стала заворачивать полотно.

— Куда?

— В Италию, разумеется. — На ее красивом лице появилось нетерпение. — Я нанимаю вас для выяснения истории моей картины. Совершенно очевидно, что вы не сможете сделать это, сидя здесь, в Лос-Анджелесе.

Я протестующе открыл рот, но вовремя сообразил, что, во-первых, по-своему она права, во-вторых, это сулит некоторую сумму денег, и в-третьих, средиземноморское солнце пойдет мне на пользу. Кроме того, во мне проснулось любопытство — та загадочная колесообразная машина...

— Ну? — привел меня в чувство бесцеремонный голос Кэрол. — Вы собираетесь что-то сказать?

Мы успели на дневной орбитальник до Рима, удачно пересели на местный скоростник и рано вечером зарегистрировались в миланской гостинице «Марко Поло».

В дороге я проголодался и воздал должное еде, которую заказали мы с Кэрол в уединенном уголке ресторана. Стаканчик бренди и хорошая сигара значительно улучшили мое настроение, и я получил удовольствие даже от кабаре, хотя большинство певцов спасали лишь новомодные горловые микрофоны. Пускай это признак возраста, но я глубоко убежден, что *настоящему* певцу вполне достаточно старого микрофона, того, что цепляли с тыльной стороны зубов. И все же, учитывая, как отвратительно начинался день, мне не на что было жаловаться. Я находился в блаженно-умиротворенном состоянии, а Кэрол была потрясающе женственна в

чем-то прозрачном и золотом. Кроме того, я зарабатывал деньги...

— Когда вы начнете отрабатывать свои деньги? — спросила Кэрол, сурово глядя на меня сквозь частокол свечных огней.

— Я уже делаю это, — заверил я, несколько обиженный таким ее отношением. — Мы находимся в гостинице, где останавливался ваш отец, и рано или поздно я уловлю какой-нибудь след.

— Постарайтесь уловить *рано.*

— Мои способности не поддаются сознательному контролю. — Я придал своему голосу басовитую звучность. — Даже сейчас, в то время, как мы здесь сидим, неосязаемая сеть моего мозга широко раскинулась в поисках...

— Да?

— Подождите. — Совершенно неожиданно в неосязаемую сеть моего мозга попалась рыбка — в виде проходящего официанта. Пси-талант подсказал мне, что в недавнем прошлом этот изящный темноволосый юноша с многоопытными глазами был связан с отцом Кэрол.

Кэрол перехватила мой взгляд и покачала головой.

— Мне кажется, вы уже достаточно выпили.

— Чепуха. Запросто еще могу проползти по прямой.

Я вышел из-за стола и последовал за официантом через двойные двери в служебный коридор. Услышав шум, он повернулся и остановился, цепко изучая мое лицо подобно скототорговцу, приценивающемуся к бычку.

— Простите, — сказал я, — мне хотелось бы с вами минутку побеседовать.

— У меня нет ни минутки, — ответил он. — Кроме того, я не понимаю по-английски.

— Но... — Несколько секунд я смотрел на него ошарашенно, затем наконец до меня дошло. Я нащупал расходные деньги Кэрол и сунул десятку в карман его белого пиджака. — Вот тебе на лингафонный курс обучения.

— Сейчас учат — не успеешь глазом моргнуть. — На лице официанта появилась хитрая улыбка. — Нужна женщина? Какая именно?

— Женщина мне не нужна.

Его лицо приобрело еще более хитрое выражение.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что со мной уже есть прекрасная женщина.

— Ага! Вы хотите *продать* женщину? Позвольте заверить вас, синьор, что вы обратились по верному адресу — у меня много связей на белом рынке.

— Я не собираюсь продавать женщину.

— Это точно? За одну только белую кожу я могу вам предложить две тысячи. Здесь не так важны женские реквизиты...

Я начал терять терпение.

— Мне нужно кое-что у тебя узнать, Марио.

Жадный блеск в его глазах немедленно сменился опасливой настороженностью.

— Откуда вам известно мое имя?

— У меня есть способы узнавать, — загадочно ответил я. На самом деле я выпалил первое попавшееся итальянское имя, пришедшее на ум.

— Писи, — процедил официант. — Вот кто вы — писи.

Я схватил его за лацканы и приподнял над полом.

— Послушай, Марио, еще одна оговорка, и...

— Вы неправильно меня поняли, синьор, — залепетал Марио. Слава богу, кажется, он больший трус, чем я. — Я имел в виду, что вы из тех писи, которые понимают невысказанные мысли.

— П-С-И, — отчетливо произнес я, отпуская его пиджак. — Запомни хорошенько.

— Конечно, синьор... Теперь скажите, в какой информации вы нуждаетесь, и я назову цену. Мои цены, синьор, вполне приемлемы.

— Но я уже заплатил тебе!

— Non capisco, — ледяным тоном сказал Марио, повернулся и пошел.

— Вернись, — позвал я.

Он продолжал идти.

Я вытащил пачку денег, и Марио, обнаруживая шестое чувство, достойное моей профессиональной зависти, немедленно поменял направление на противоположное, пока не оказался снова рядом со мной. Как будто его тянуло ко мне мощным магнитом. Тут я понял, что повстречался с человеком, способным продать родную бабушку. Впрочем, судя по его разговору, он уже сбыл с рук почтенную старушку вместе со всеми ее женскими реквизитами. Мысленно наказав себе проявлять осторожность в делах с Марио, я поинтересовался, не помнит ли он некого Тревора Дж. Кольвина.

— Помню, — кивнул Марио. Я чувствовал его растерянность и разочарование — он не представлял, на чем здесь заработать.

— А почему ты запомнил мистера Кольвина? У вас... э-э... были какие-то дела?

— Нет, ему тоже не нужна была женщина. Я только познакомил его с Сумасшедшим Джулио из Пасинопердуто, моей родной деревни.

— Зачем?

Марио пожал плечами.

— Синьор Колвин торгует картинами. Сумасшедший Джулио, у которого в жизни не было лишней лиры, пришел ко мне с идиотской историей про найденную старую картину и попросил свести его с торговцем, лучше из другой страны. Я понимал, что это пустая трата времени, но если Сумасшедший Джулио был готов платить за услуги...

— Не ты ли, часом, переводил их разговор?

— Нет. Джулио знает английский. Не очень, конечно, — для этого он чересчур чокнутый.

— Можешь проводить меня к нему?

В Марио моментально проснулись хищнические инстинкты.

— Зачем вам Сумасшедший Джулио?

— Мы договорились, что ты отвечаешь на мои вопросы, — напомнил я. — Можешь?

Марио протянул руку.

— Сто долларов, — скромно сказал он.

— Вот тебе пятьдесят... Когда поедем?

— Завтра утром я возьму у матери машину и сам отвезу вас в Пасинопердуто. Ну как?

— Идет.

Марио кашлянул.

— Хочу предупредить, что за пользование машиной будет взиматься небольшая дополнительная плата. Видите ли, моя мать вдова, и лишь сдавая внаем оставленный отцом автомобиль она может позволить себе маленькие удобства.

— Ладно.

Коря себя за чересчур строгую оценку натуры Марио, я договорился о встрече и вернулся за столик к Кэрол. Она осталась настолько довольна моими успехами, что позволила перейти на «ты». Однако надежды на дальнейшее развитие отношений рухнули, когда она потребовала лечь спать рано и врозь, чтобы на утро подняться отдохнувшими.

В номере было холодно, и я едва уснул, а ночью мучался зловещими видениями подземелья и странной, похожей на колесо машины.

Мы ждали у гостиницы минут десять, прежде чем в забрызганном грязью «фиате» подкатил Марио. То было мое первое пребывание в Италии, и под впечатлением, будто в средиземноморье тепло даже зимой, я захватил только легкий плащ. И в то время, как розовощекая Кэрол спокойно нежилась, закутанная в шерсть и меха, я отчаянно дрожал на пронизывающем ветру.

Когда Марио увидел Кэрол, его глаза вспыхнули.

— Три тысячи, — прошептал он мне на ухо. — Больше вам никто здесь не даст.

Я пихнул его на кресло водителя и проговорил:

— Сиди тихо, жаба. Мы, американцы, не продаем своих женщин. Кроме того, она не моя.

Марио еще раз взглянул на Кэрол, а потом с презрением посмотрел на меня.

— Вы большой глупец, синьор. Эта женщина просто вопиет о любви.

— Сейчас завопишь ты, если немедленно не поедешь.

Я захлопнул дверцу, но Марио опустил окошко и протянул руку.

— Двести километров по двадцать пять центов... итого пятьдесят долларов, — заявил он. — Плата вперед.

Машина, отчаянно скрипя, двинулась с места. Кэрол плотнее запахнула пальто и бросила на меня холодный взгляд.

— Ты очень щедр с моими деньгами, — сказала она. — Эту рухлядь можно *купить* за пятьдесят долларов.

Я промолчал, онемев от холода и несправедливости. Марио, казалось, вышел прямо из скабрезного фильма, но у меня было тяжелое чувство, что насчет Кэрол он прав. Возможно, как бы дико это ни казалось, она действительно жаждет ощутить над собой грубую власть мужчины... Я позволил себе долгий взгляд на как изваянные ноги Кэрол и замер в ожидании ее реакции.

— Любуйся лучше пейзажем, — отрезала она.

Плечи Марио колыхнулись — полагаю, от хихиканья. Я уставился в окно, однако пейзаж не мог приковать моего внимания, так как мы проехали два квартала, завернули за угол и остановились в темном полуразвалившемся гараже.

— Маленькая задержка, буквально минуту! — Марио выпрыгнул из-за руля и исчез под автомобилем. Через несколько секунд мы услышали пронзительный визг наподобие того, что издает бормашина. Я терпел, сколько мог, затем вылез и наклонился. Марио отсоединил провод спидометра.

— Марио! — взревел я. — Какого черта ты здесь возишься?

— Всего лишь сокращаю свои расходы, синьор.

— Что ты имеешь в виду?

— Я поклялся своей матери — честью, синьор! — что мы проедем всего двадцать километров, но заметил, что она все равно сняла показания спидометра. — В его голосе зазвучала обида. — Старая карга не доверяет даже собственному сыну! Как вам это нравится? Всякий раз я должен подводить счетчик, иначе она обдерет меня как липку!

Яростно взревев, я схватил Марио за лодыжки и вытащил из-под машины.

— Это твоя последняя возможность, — дрожа от возмущения сказал я. — Немедленно вези нас в Пасинопердуто, или сделка расторгнута!

— Хорошо-хорошо, вам незачем волноваться. — Марио украдкой оглядел гараж. — Между прочим, раз уж вы у меня... не интересуетесь наркотиками? Гаш, кока, травка?

— Здесь есть телефон? Я звоню в полицию.

Угроза подействовала на Марио быстро и благотворно. Он толкнул меня в машину, и мы сорвались с места, не отсоединив даже дрель от спидометра. Она громыхала по днищу машины, пока не оторвалась. Кэрол кинула на меня удивленный взгляд, но я знаком попросил не задавать вопросов.

В одном я был совершенно уверен. Если Марио хотя бы что-нибудь заподозрит, он ринется в наши дела с Сумасшедшим Джулио, как голодная акула, оказавшаяся в плавательном бассейне.

Поездка в отроги Альп была далека от приятной. Выяснилось, что в машине нет обогревателя. Закутавшаяся в меха Кэрол казалась далекой и высокомерной. Даже Марио молчал и не предлагал ничего противозаконного. Он вел с мрачным сосредоточением и время от времени резко крутил рулем, стараясь переехать какую-нибудь бродячую собаку. Когда через два часа мы достигли Пасинопердуто, я чувствовал себя стариком.

— Приехали, — объявил Марио, внезапно обретя голос. — И у меня есть отличная идея.

— Ну? — осторожно сказал я.

— Ферма Сумасшедшего Джулио в двух километрах к северу, и дорога там еще хуже. Вы с синьорой останетесь здесь, выпьете кофе, а я привезу вам Джулио.

Я покачал головой.

— Нет, Марио. *Ты* останешься здесь, а мисс Кольвин и я поедем на ферму.

— Это невозможно, сеньор. Страховка не позволяет вести постороннему лицу.

— Машина вовсе не застрахована, — предположил я.

— Кроме того, вы не знаете дороги.

— На таком расстоянии сработают мои пси-чувства.

— Неужели вы думаете, что я разрешу незнакомцу уехать в машине моей родной матери?

— Посмотрим. — Я оглядел пустынную торговую площадь, на которой мы остановились. — Кажется, я улавливаю полицейский участок.

— Поосторожней с тормозами, — сказал Марио, освобождая водительское место. — Тянут вправо.

— Благодарю.

Я отжал сцепление, и мы медленно поехали.

— Любопытное зрелище, — заметила Кэрол. — Но ты так жестоко обошелся с бедным мальчиком.

— Если этот бедный мальчик не в мафии, то лишь потому, что для них он чересчур бесчестен, — заверил я.

Дорога вела в усыпанную валунами гористую местность, которая явилась мне в видении предыдущим вечером. В одном месте — как будто на границе владений барона — дорога пересекала остатки некогда массивной каменной стены. Слегка удивленный, что какой-то средневековый феодал мог вложить деньги в столь малопригодную землю, я обозревал окрестности с нарастающим возбуждением. Когда дорога пошла направо к уединенному строению на склоне горы, я понял, что мы достигли цели. Машину бешено затрясло на камнях.

— Вот это? — В голосе Кэрол звучало неприкрытое сомнение. — Мало похоже на место, где можно приобрести подлинник да Винчи.

— Согласен. Но могу утверждать, что пару сотен лет назад здесь происходило нечто грандиозное. — Я остановил машину, прежде чем она успела развалиться на куски. — Да Винчи долгое время жил в Милане и запросто мог приезжать сюда.

— В эту лачугу? — презрительно бросила Кэрол.

— Для этого она недостаточно стара. Нет, здесь должна быть пещера; думаю, именно там Джулио нашел картину. — Мое сердце яростно заколотилось, потому что передо мной вновь предстал загадочный механизм. На этот раз я заметил

кое-что еще: по окружности машины были установлены холсты. — По-моему, там много картин.

Затянутая в перчатку рука Кэрол коснулась моего плеча.

— Ты полагаешь, это какое-то подземное хранилище?

— Не думаю... — Я замолчал, потому что из ветхого строения показалась фигура старика и стала приближаться к нам. Старик был одет в дорогой серый полосатый костюм, но все впечатление портили грязная обтрепанная рубашка и рваные кеды. Сжатая в руках двухстволка окончательно убедила меня в его дурном вкусе.

Я опустил стекло и, излучая дружелюбие, крикнул:

— Привет, Джулио! Как дела?

— Чего надо? — потребовал он. — Убирайтесь!

— Я хочу поговорить с тобой.

Джулио вскинул ружье.

Оскорбленный таким поведением, я пошел на решительный ход.

— Это насчет Моны Лизы, которую ты продал синьору Кольвину, Джулио. Мне нужно знать, где ты ее взял, и лучше скажи по-хорошему.

— Не сказать ничего!

— Слушай, Джулио. — Я вылез из машины и угрожающе подошел к нему. — Где пещера?

У Джулио отвисла челюсть.

— Как вы знать о пещере?

— У меня есть способ, — произнес я загробным голосом, уверенный, что крестьяне боятся сверхъестественного.

— Понял, — хрипло пробормотал он. — Писи.

— *Пси!* Запомни хорошенько!.. Ну, где пещера? Вон там? — Следуя сильному импульсу, я зашагал к темно-зеленой рощице. Джулио засеменил рядом. Кэрол, впервые не найдя, что сказать, вышла из машины и пошла за нами.

— Я находить три-четыре года назад, но сперва не трогать, — чуть задыхаясь от старания не отстать, проговорил Джулио. — Я сказать никому, без шума. Потом я думать: почему только у Искусного Марио красивое городское платье?.. Но я продать одна картина. Всего одна.

— А сколько их в пещере?

— Пятьдесят. Может быть, шестьдесят.

Я хохотнул.

— И из всех ты выбрал именно такую известную, как Мона Лиза?

Джулио остановился.

— Но, синьор, — он развел руками, — они все Моны Лизы.

Теперь уже остановился я.

— *Что?*

— Все Моны Лизы.

— Ты хочешь сказать, что там шестьдесят картин, и они все одинаковые?!

Джулио переступил с ноги на ногу.

— Не одинаковые.

— Чепуха какая-то... — Я посмотрел на Кэрол. Она тоже была озадачена. — Идем. Сейчас увидим.

Когда мы дошли до деревьев, Джулио шмыгнул вперед и оттащил в сторону лист проржавленного железа. Под ним оказались каменные ступени, ведущие в темноту. Мы неуверенно последовали за Джулио вниз. Рука Кэрол скользнула в мою, и я ободряюще сжимал ее, идя по мрачному коридору. Дневной свет из входа быстро таял.

Я постучал Джулио по плечу.

— Эй, у тебя есть фонарик?

— Фонарик не хорошо. Я купить один на деньги мне дать сеньор Кольвин, но мошенники не предупредить, что надо все время новые батарейки. Так лучше.

Джулио чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу, стоящую на каменном полу. В ее свете я увидел, что тоннель заканчивается массивной деревянной дверью. Несмотря на вес и возраст, она легко распахнулась, открывая непроглядную темень. Кэрол прильнула ко мне, и я обнял ее за талию, хотя в ту минуту мне было не до того — таинственное помещение скрывало ответы на все вопросы, занимавшие мою голову. Я почти что чувствовал посетителей пещеры полутысячелетней давности, я чуть ли не видел великого мастера, секретно работавшего над своей машиной. Вели-

чайший гений всех времен оставил здесь свой отпечаток, и эхо его присутствия заставляло смиренно трепетать души простых смертных...

— Чего вы ждать? — рявкнул Джулио и с высоко поднятой лампой вошел в подземную камеру.

Я последовал за ним и в мерцающем свете разглядел очертания округлого деревянного сооружения, напоминающего лежащее на боку колесо. Оно было большим — шагов двадцать в диаметре и высотой в человеческий рост. Под спицами колеса угадывалась система шестерен с длинным коленчатым валом. Весь аппарат сильно смахивал на карусель, только место лошадок занимали картины, обращенные лицом к центру. А там, в центре, стояло строение, которое можно было принять за изысканно разукрашенную будку с двумя маленькими отверстиями на уровне глаз.

Я с раскрытым ртом уставился на машину, а в мозгу моем рождалась фантастическая идея. Устройство действительно походило на карусель — и в то же время имело много общего с викторианской машиной «живых картинок». В моей голове, как взрыв гранаты, блеснуло озарение.

Леонардо да Винчи — обладатель самого плодовитого ума и разносторонних талантов — изобрел синематограф!

Эта машина станет колоссальнейшим сокровищем античности. Рядом с ней гробница Тутанхамона покажется пустяком — хотя бы потому, что само по себе устройство — лишь часть невероятной находки. Где обычный человек довольствовался бы оживлением рисунков или силуэтов, величайший размах Леонардо нацелил его на идеал.

Если мое предположение верно, прославленная Мона Лиза — всего лишь кадр из первого в мире кино!

Едва смея дышать, я ступил в зрительную будку и прильнул к отверстиям. Скрытые в раме линзы направили мой взгляд на еще одно изображение прекрасной флорентийской дамы. Она выглядела поразительно живой в тусклом свете; руки ее располагались гораздо выше, как будто она подносила их к шее. Знаменитая улыбка была еще более вызывающей и проказливой.

Отступив на шаг, чтобы перевести дух, я обратил внимание, что Джулио зажег другие фонари, висящие по стенам, и взялся за ручку вала.

— Разве механизм еще работает? — спросил я.

Джулио кивнул.

— Я смазывать.

Он крутанул ручку, и деревянная рама стала вращаться, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее. Джулио махнул мне рукой, предлагая посмотреть в отверстия. При этом он улыбался ликующей улыбкой собственника.

Я тяжело сглотнул и ступил в будку. Чудо громоздилось на чудо. Сейчас я увижу воочию высший шедевр Леонардо, возвращенный к волшебной жизни, приобщусь к его великому искусству.

Преисполненный благоговения, я прильнул к смотровым отверстиям и увидел, как ожила Мона Лиза.

Она поднесла руки к вороту платья и оттянула его вниз, обнажая роскошную левую грудь. Она повела плечом, и грудь описала самый расклассический круг, который я когда-либо видел. Затем она скромно поправила платье и застенчиво сложила руки, слегка улыбаясь.

— О боже, — прошептал я. — О боже, боже, боже!

Джулио продолжал вертеть ручку, и я вновь и вновь просматривал все представление. Это была идеальная имитация реальности, чуть подпорченная маленьким рывком в начале — очевидно, отсюда Джулио вытащил картину на продажу.

— Дай посмотреть! — сказала Кэрол, дернув меня за рукав. — Мне тоже хочется.

Я пустил ее на свое место. Джулио блаженно крутил ручку, подпрыгивая, как сумасшедший гном. Кэрол с минуту безмолвно смотрела, затем повернулась ко мне с широко раскрытыми глазами.

— Я и не знала, что это возможно, — тихо проговорила она.

— Конечно же, возможно, — ответил я. — Немного потренировавшись, некоторые женщины буквально творят чудеса со своими... реквизитами. Да чего там! Отлично помню, как Фифи Лефлер...

— Я говорю о Леонардо да Винчи, — сухо оборвала Кэрол. — Я слабо разбираюсь в искусстве, но никогда не предполагала, что он мог увлекаться подобными вещами.

— Все художники одинаковы — работают на потребу богатых заказчиков. Известно, что да Винчи придумывал развлечения для знати, а многие из этих титулованных бездельников умом не блистали.

Кэрол повернулась к вращающемуся ободу.

— Сколько, по-твоему, это стоит?

— Кто знает? Здесь шестьдесят картин. Если вывезти их из Италии, можно взять по миллиону за штуку. Может быть, по десять миллионов. Может быть, миллиард — особенно за ту, где она...

— Я *чувствовал*, что это будет счастливый день, — раздался знакомый голос позади меня.

Я молнией повернулся и увидел стоявшего у входа Марио. В руках он держал брошенную Джулио двухстволку, и стволы ее смотрели мне в живот.

— Чего ты хочешь? — потребовал я; потом, осознав риторичность этого вопроса в отношениях с Марио, спросил: — Почему ты в меня целишься?

— Почему вы украли машину моей мамы? Почему угрожали мне полицией?

— Не надо обращать внимания на мои слова.

— Ничего не могу с собой поделать, синьор, — особенно когда говорят про шестьдесят миллионов долларов.

— Послушай! — Я шагнул вперед, но Марио остановил меня, угрожающе поведя ружьем. — Зачем нам ссориться, здесь хватит на всех. Из шестидесяти миллионов тебе достанется пятнадцать.

— Я предпочитаю иметь шестьдесят.

— Ты ведь не пойдешь на убийство ради лишних сорока пяти миллионов?! — Я посмотрел в его равнодушные глаза — и пал духом.

— К стене, все трое, — скомандовал Марио.

Мы повиновались; Кэрол прильнула ко мне. Сумасшедший Джулио попытался тоже уцепиться за меня, но был

отвергнут — за минуту до смерти я имел право на привередливость.

— Так-то лучше, — сказал Марио. — Теперь я сам осмотрю товар.

Он пошел к машине, все еще вращающейся на хорошо смазанной оси, и, прикрываясь ружьем, заглянул в отверстия. Когда он наконец вышел из будки, его лицо было мертвенно-бледно. Он двигался на нас, беззвучно шевеля ртом, и я крепче прижал к себе Кэрол, ожидая выстрела.

Марио, казалось, никого не замечал. Он снял с крюка керосиновую лампу и негнущейся рукой швырнул ее в центр машины. Раздался звук разбивающегося стекла, и пламя стало лизать сухую древесину.

— Идиот! — взревел я. — Что ты делаешь?!

— Вы увидите, что я делаю. — Держа меня на прицеле, он один за другим побросал все фонари. Деревянный обод колеса ярко запылал, и я буквально почувствовал, как картины, шестьдесят моих Лиз, сморщиваются, обугливаются и превращаются в никчемный пепел.

— Псих! — перекричал я треск пламени. — Ты даже не понимаешь, что ты наделал!

— Отлично понимаю, синьор, — спокойно отозвался Марио. — Я уничтожил мерзкий порнографический фильм.

— Ты!.. — прохрипел я как бесноватый. — Но ты самый испорченный тип из всех, кого я знаю! Ты пытался обобрать меня с первой секунды нашей встречи, ты грабишь свою бедную старую маму, торгуешь женщинами и наркотиками и готов идти на убийство! Ты даже не можешь спокойно проехать по улице, не задавив собаку!

— Все, что вы сказали, правда, синьор, — с достоинством ответил Марио, — но это не мешает мне быть патриотом. Это не мешает мне преданно любить славную Италию.

— Да? Какого черта ты тут мелешь про патриотизм?

— Великий Леонардо — самая выдающаяся личность в истории. Он гордость моей родины — но скажите, синьор, что будет думать мир об Италии, когда станет известно, что бессмертный Леонардо вот так продавался? Что скажут о нации, чей благороднейший художник тратил святой гений

на... — его голос задрожал от душевной боли, — на средневековых проституток?

Машина с треском развалилась, взметнув облако искр. Пещера наполнилась дымом догорающего дерева.

Марио указал на выход.

— Вот и все, можно идти.

— Разве ты не собираешься нас убивать?

— Уже не нужно. Даже если у вас не хватит ума молчать, вам никто не поверит.

— Пожалуй, ты прав. — Я с новым интересом посмотрел на Марио. — А тебя не мучает сознание, что только что ты потерял шестьдесят миллионов долларов?

Марио пожал плечами.

— Между прочим, в связи с имевшими место событиями, если вы хотите вернуться в Милан на машине моей мамочки, вам придется доплатить небольшую сумму...

Задумчиво глядя на меня, Кэрол потягивала коктейль.

— Ты вел себя очень смело, несмотря на ружье.

— Невелика заслуга. Судя по всему, Сумасшедший Джулио никогда его не заряжал. — Я улыбнулся Кэрол через пламя свечи. — Ведь он не покупал даже батареек для фонарика.

— Все равно ты смелый. Я была поражена.

Так она вела себя весь ужин. Я напомнил Кэрол, что оставшаяся в Лос-Анджелесе картина сделает ее богатой женщиной, но и тогда ее странное поведение не изменилось. Очевидно, события прошедшего дня наложили свой отпечаток и теперь вызвали такую реакцию.

— Это кажется почти невозможным, — еле слышно проговорила она.

Я сжал ее руку.

— Постарайся забыть. Главное, что мы выбрались из пещеры в целости и...

— Я говорю о Моне Лизе, — перебила Кэрол. — Тот трюк, который она проделала со своей... м-м... своим реквизитом. Интересно, мне бы это удалось?

Я залпом допил бренди.

— Не сомневаюсь.

— Давай пойдем в мою комнату и убедимся, — неожиданно хриплым голосом произнесла Кэрол.

Я попытался глотнуть бренди из пустого стакана и едва не раздавил его зубами. Блеск в ее глазах говорил мне, что это не шутка.

Будучи истинным джентльменом, я не могу рассказать, как прошел остаток того вечера, но скажу вам одно: стоит мне увидеть репродукцию Моны Лизы и ее знаменитую улыбку, как я тоже начинаю улыбаться.

Тертлдаву очень не повезло в России, его возможная популярность «убита» публикациями не самых удачных произведений в не самых удачных переводах. Глубоко веруя, что оптимизм, пусть даже часто проистекающий из неведения, лучше пессимизма, я именно этой повестью хотел бы закончить сборник. Любовь, приключения, юмор... вещь так и просится на премию! Увы, никаких премий она не получила. Присуждение премий и у них связано с мышиной возней — вот, пожалуйста, очередной повод для оптимизма!

Гарри Тертлдав
В НИЗИНЕ

Два десятка туристов сошли с омнибуса и, возбужденно переговариваясь, стали спускаться вниз. Рэднал вез Кробир изучал их из-под длинного козырька кепочки, сравнивая с предыдущей группой, которую он провел по Котлован-Парку. Такие же, решил гид: старик, транжирящий деньги напоследок; молодежь, ищущая приключений в чересчур уж цивилизованном мире; и еще несколько типов, не укладывавшихся однозначно в какую-либо категорию: то ли художники, то ли писатели, то ли ученые — да кто угодно!

Женщин-туристок Рэднал вез Кробир разглядывал с особым интересом. Как раз сейчас он вел переговоры с одним семейством на предмет покупки невесты, но сделка была незавершена; и с точки зрения закона, и с точки зрения морали он оставался свободным человеком. А в этой группе было на кого посмотреть — две изящные узкоголовые с восточных земель, державшиеся друг друга, и такая же, как Рэднал, широкобровая — посветлее, чуть пониже и покоренастее, с глубоко посаженными серыми глазами под тяжелыми надбровными дугами.

Одна из узкоголовых, завидев гида, ослепительно ему улыбнулась, и Рэднал улыбнулся в ответ, торопясь в белой шерстяной мантии навстречу группе.

— Привет, друзья! Вы все знаете тартешский? Отлично!

Говорил он под щелканье камер. Рэднал привык к этому — почему-то туристы всегда хотели запечатлеть гида на пленке, хотя приехали смотреть вовсе не на него.

— От имени Наследственной Тирании Тартеша и всех сотрудников Котлован-Парка, — начал он обычную приветственную речь, — с радостью говорю вам: «Добро пожаловать!» Если вы не понимаете нашей письменности и не можете прочесть табличку у меня на груди, то подскажу, что зовут меня Рэднал вез Кробир. Я работаю в Парке биологом и в течение двухлетнего срока исполняю обязанности гида.

— Срока? — переспросила улыбнувшаяся ему девушка. — Звучит словно вас сослали на каторжные работы в шахты.

— Я не хотел, чтобы так звучало...

Он улыбнулся самой своей обезоруживающей улыбкой, и многие туристы тоже заулыбались. Лишь у некоторых лица остались хмурыми — вероятно, у тех, кто подозревал, что улыбка напускная, а в шутке значительная доля истины. В сущности, так оно и было, но иностранцам лучше об этом не догадываться.

— Сейчас мы подойдем с вами к ослам, и начнется путь вниз, в глубины самого Котлована, — продолжил Рэднал. — Как вы знаете, мы стараемся не допускать в Парк достижения нашей машинной цивилизации, чтобы сохранить Низину в первозданном виде. Тем не менее нет никаких оснований для беспокойства. Это очень покладистые и надежные животные. За многие годы мы не потеряли ни одного осла — и даже ни одного туриста.

На этот раз в прозвучавших смешках определенно чувствовалась нервозность. Вряд ли кому-то из «путешественников» доводилось сталкиваться с таким архаичным занятием, как верховая езда. Туго придется тем, кто задумался об этом только сейчас; а ведь правила были сформулированы весьма недвусмысленно. Хорошенькие узкоголовые девушки казались особенно удрученными. Покорные ослы тревожили их куда больше, чем дикие звери Котлована.

— Давайте оттянем неприятный момент, — предложил Рэднал. — Идите сюда под деревья и поговорим с половину

день-десятины о том, что же делает Котлован-Парк уникальным.

Тургруппа гуськом последовала за гидом в тень; кое-кто облегченно вздохнул. Рэднал с трудом сохранил серьезное выражение лица. Тартешское солнце нельзя назвать прохладным, но если им трудно здесь, то внизу, в Котловане, бедолаги просто изжарятся.

— Двадцать миллионов лет назад, — начал Рэднал, указав на первую карту, — Низины не существовало. Море отделяло то, что сейчас нам известно как южная часть Великого континента, от всего остального. Потом на востоке поднялись две массы суши, и здесь возникла горная гряда-перемычка. — Он вновь указал на карту. — Это море, теперь часть Западного океана, сохранилось.

Рэднал перешел к следующей карте, увлекая туристов за собой.

— Приблизительно шесть с половиной миллионов лет назад, по мере того как юго-западная часть Великого континента дрейфовала на север, вот здесь, у западной оконечности внутреннего моря, поднялась новая гряда. Потеряв связь с Западным океаном, море начало высыхать, поскольку впадающие в него реки не могли компенсировать испарение. Теперь прошу подойти сюда...

На третьей карте разными оттенками синего было изображено как бы несколько слоев.

— Потребовалось тысячи лет, чтобы море превратилось в Низину. За это время оно неоднократно наполнялось водами Западного океана, когда тектонические потрясения «глотали» Барьерные горы. Но в последние пять с половиной миллионов лет Низина практически не меняет тот вид, который известен нам сегодня.

Изображение на последней карте было знакомо каждому изучавшему географию школьнику: впадина Низины пересекала Великий континент гигантским шрамом, для показа глубин которого атласу понадобились уникальные цвета.

Настала пора отправляться к загону. Ослы были уже снаряжены и оседланы. Рэднал объяснил, как на них садиться,

и стал ждать, пока туристы все перепутают. Разумеется, обе узкоголовые девушки ставили в стремя не ту ногу.

— Нет, надо вот так, смотрите, — повторил он. — В стремя — левую ногу, а правую заносите через спину.

Улыбнувшаяся ему девушка со второй попытки добилась успеха. Однако у ее подруги ничего не вышло, и она капризно надула губки:

— Помогите же мне!

Выдохнув шумно через свой орлиный нос, чтобы подавить вздох, Рэднал поднял девушку за талию и практически усадил ее в седло. Она хихикнула.

— Вы такой сильный!.. Он такой сильный, Эвилия!

Другая узкоголовая — очевидно, Эвилия, — тоже захихикала.

Рэднал выдохнул снова, еще шумнее. Тартешцы и другие народы расы широкобровых, жившие в Низине и к северу от нее, действительно были сильнее, чем большинство узкоголовых, зато менее подвижны. И что с того?

— Теперь, научившись садиться на ослов, научимся с них слезать. — Туристы застонали, но Рэднал был неумолим. — Вам все равно еще надо забрать свои вещи из омнибуса и уложить их в седельные сумки. Я ваш гид, а не слуга.

Я вам ровня, а не раб, прозвучали слова тартешца.

Большинство туристов спешились, но Эвилия осталась сидеть на осле. Рэднал подошел к ней; даже его терпение начинало истощаться.

— Вот так. — Он помог девушке проделать все необходимые движения.

— Благодарю вас, свободный, — сказала Эвилия на неожиданно хорошем тартешском. Она повернулась к подруге: — Ты права, Лофоса, он действительно сильный.

Рэднал почувствовал, как уши под кепочкой налились жаром.

Смуглый узкоголовый с юга покачал взад-вперед бедрами и воскликнул:

— Эй, я ревную!

Кое-кто из туристов рассмеялся.

— Продолжим, — сказал Рэднал. — Чем скорее мы навьючим ослов, тем скорее отправимся в путь и больше увидим.

Обычно это действовало безотказно; ты просто не становишься туристом, если не хочешь увидеть как можно больше.

Словно по сигналу шофер подвел омнибус к загону. Зашипел сжатый воздух, распахнулись дверцы багажного отделения, и водитель начал доставать вещи.

Вся поклажа была обмерена и взвешена заранее, чтобы ослам не пришлось нести ничего слишком крупногабаритного или тяжелого. Большинство туристов легко уложили свое имущество в седельные сумки. Лишь, разумеется, обе узкоголовые, раскрасневшись будто от дыхания ночного демона, тщетно пытались все рассовать. Рэднал хотел было помочь им, но потом передумал: сами виноваты, пускай платят штраф за использование грузовых ослов.

Девушки, однако, сумели уложить вещи, хотя их седельные сумки раздулись словно питон, только что проглотивший детеныша безгорбого верблюда. Зато несколько других туристов беспомощно копошились возле переполненных сумок, не зная, куда деть невлезшие вещи. Надеясь, что улыбка на его лице выглядит не очень хищной, Рэднал отвел несчастных к весам и взял по одной десятой единицы серебра за каждую единицу лишнего веса.

— Грабеж! — возмутился смуглый узкоголовый. — Да известно ли вам, кто я такой? Я — Мобли, сын Сопсирка, приближенный принца Лиссонленда!

Он выпрямился во весь свой немалый рост — почти на тартешский кьюбит выше Рэднала.

— Значит, вы тем более можете себе позволить истратить четыре и три четверти, — ответил Рэднал. — Серебро ведь идет не мне лично, а на содержание Парка.

Не прекращая ворчать, Мобли расплатился, подошел к ослу и с изяществом, которого Рэднал от него не ожидал, вскочил в седло. В Лиссонленде, припомнил биолог, важные персоны имеют обыкновение кататься верхом на полосатых лошадях. Сам он понять этого не мог. Ему бы и в

голову не пришло седлать осла вне пределов Котлован-Парка. Зачем, когда есть гораздо более удобные средства передвижения?

Виновной в превышении веса поклажи оказалась и пожилая тартешская чета. Они и сами-то были излишне полноваты, но тут уж Рэднал ничего поделать не мог. Супруг, Эльтзак вез Мартос, пытался возражать:

— Судя по домашним весам, мы в норме!

— Ты, должно быть, не так смотрел, — сказала мужу Носко зев Мартос.

— Да на чьей ты, в конце концов, стороне?! — набросился он на жену. Она ответила ему криком.

Рэднал подождал, пока супруги поостынут, и взял положенную плату.

Когда туристы вновь сели на своих ослов, биолог подошел к воротам у дальнего конца загона, распахнул их и убрал ключ в сумочку, которую носил на поясе под мантией.

— Отсюда начинается территория Парка и вступают в силу подписанные вами обязательства. По тартешскому закону гид в пределах Парка обладает правами офицера действующей армии. Я не собираюсь пользоваться этим больше, чем требуется; достаточно, если мы будем следовать обычному здравому смыслу. Но я обязан вас предупредить, что располагаю необходимой властью. — Кроме того, в одной из его седельных сумок лежала ручная пушка, однако об этом Рэднал умолчал. — Пожалуйста, держитесь за мной и старайтесь не сходить с тропы. Путь нам сегодня предстоит несложный, заночуем там, где раньше был край континентального шельфа. Завтра мы уже пойдем по дну древнего моря, местность будет более пересеченная.

— К тому же там жарко, гораздо жарче, чем сейчас, — добавила широкобровая женщина. — Я была в Парке три или четыре года назад и вынесла впечатление, что там просто пекло. Имейте это в виду.

— Вы совершенно правы, свободная... э-э...

— Тогло зев Памдал, — представилась она и торопливо добавила: — Лишь самая отдаленная родственница, по боковой линии, уверяю вас.

— Как скажете, свободная. — Рэднал с трудом сохранил спокойный голос.

Наследственным Тираном Тартеша был Бортав вез Памдал. В отношениях даже с отдаленными его родственниками требовалась величайшая деликатность. Надо еще радоваться, что у Тогло хватило такта предупредить, кто она такая — вернее, кто ее родственник. По крайней мере девушка не похожа на человека, который сует повсюду свой нос, а потом жалуется в самых высоких кругах, где наверняка имеет друзей.

Местность, по которой брели ослы, была лишь немного ниже уровня моря и практически не отличалась от унылой окружающей Парк равнины — сухая, с низкорослыми колючими кустами и редкими пальмами, торчащими наподобие метелочек для пыли на длинных рукоятках.

Ландшафт говорил сам за себя, и Рэднал только заметил:

— Начните под ногами рыть яму, и через несколько сотен кьюбитов наткнетесь на соляной слой — как и повсюду в Низине. Море здесь высохло быстро, и слой довольно тонкий, но он есть. Именно так геологи очерчивают границы древнего моря, занимавшего территорию нынешней Низины.

Мобли, сын Сопсирка, вытер рукой вспотевшее лицо. Если Рэднал, как все тартешцы, укрывался от зноя одеждой, на Мобли были лишь ботинки, кепочка и пояс с кармашками — для серебра, может быть, для маленького ножа или зубочистки или какой-то иной ерунды, которую он считал совершенно для себя необходимой. Мобли был достаточно смуглым, чтобы не тревожиться о раке кожи, но и ему жара не давала покоя.

— А сохранись в Низине немного воды, Рэднал, — сказал он, — Тартеш был бы куда более приятным местом!

— Вы правы, — ответил биолог. Он давно смирился с тем, что иностранцы используют его семейное имя с ничем не обоснованной фамильярностью. — Зимой было бы теплее, а летом прохладнее. Но если Барьерные горы снова

рухнут, мы вообще потеряем всю огромную территорию Низины и несметные богатства, которые здесь скрыты: соль, другие минералы, оставленные высохшим морем, и месторождения нефти, недоступные через толщу воды. За многие столетия тартешцы привыкли к жаре.

— Я бы не стала так смело это утверждать, — улыбнулась Тогло. — Вряд ли случайность то, что наши кондиционеры продаются по всему свету.

Рэднал кивнул.

— Верно подмечено, свободная. Однако плюсы Низины с лихвой окупают все неприятные стороны климата.

Когда они добрались до края древнего моря, солнце еще стояло в небе, медленно опускаясь за горы на западе. Туристы с облегчением слезли с ослов и начали разминаться, потирая натертые ягодицы. Рэднал организовал их на подтаскивание древесины, сложенной на металлических стойках вдоль одной стороны лагеря. Костер он разжег с помощью кремниевой зажигалки, предварительно спрыснув щепу из бутылочки с горючим.

— Способ для лентяев! — с улыбкой признал биолог.

Как и его умение обращаться с ослами, сам факт быстрого разведения костра произвел на туристов сильное впечатление. Рэднал достал из поклажи пищевые пакеты и бросил их в огонь. Когда они стали лопаться и повалил пар, гид выудил их при помощи специальной вилки на длинной рукоятке.

— Прошу! Снимайте фольгу, и перед вами тартешская еда — может, не пиршество для богов, но вполне достаточно, чтобы утолить голод и отсрочить неминуемую с ними встречу.

Эвилия прочитала надпись на своем пакете.

— Это же военные рационы! — подозрительно протянула она. В группе раздались стоны.

Как все тартешские свободные, Рэднал отслужил положенные два года в Добровольной гвардии Наследственного Тирана и патриотично стал на защиту родного снаряжения:

— Повторяю, они очень питательны.

Содержимое пакетов — ячменная каша с бараниной, морковью, луком, молотым перцем и чесноком — и впрямь оказалось недурно на вкус. Чета Мартос даже попросила добавки.

— Увы, — произнес Рэднал, — поклажа ослов ограничена. Если я сейчас дам вам по пакету, кто-то может остаться голодным.

— Но мы хотим есть! — возмутилась Носко зев Мартос.

— Вот именно, — поддакнул Эльтзак.

Супруги уставились друг на друга, удивленные редким единодушием.

— Извините, — твердо повторил Рэднал. Никогда раньше у него не просили добавки.

Он посмотрел, как со столь непритязательной пищей управляется Тогло зев Памдал. Девушка как раз смяла пустой пакет и поднялась, собираясь выбросить его в мусорный бак. У нее была грациозная походка, хотя саму фигуру скрывала просторная мантия. Как свойственно молодым — и даже не столь уж молодым — людям, Рэднал на миг погрузился в фантазии: это с ее отцом он спорит о цене невесты, а не с Маркафом вез Патуном, который ведет себя так, словно его дочь Велло испражняется исключительно серебром и нефтью...

По счастью, у него хватало ума, чтобы понять, где фантазии переходят в откровенную глупость, — это больше, чем боги даруют многим. У отца Тогло, безусловно, множество гораздо лучших партий для дочери, чем, в сущности, самый заурядный биолог. Столкновение с фактами суровой действительности не могло удержать Рэднала от мечтаний, но с успехом удерживало от чересчур серьезного к себе отношения.

Он улыбнулся, доставая из поклажи грузовых ослов спальные мешки. Туристы по очереди надували их ножным насосом. В такую жару многие предпочитали ложиться поверх спальников, а не забираться внутрь. Кто-то оставался в том, в чем ходил днем, кто-то переоделся; некоторые вообще решили не обременять себя одеждой. В Тартеше существовало табу на нудизм — недостаточно сильное, чтобы Рэднал

приходил в ужас при виде голого тела, но вполне достаточное, чтобы не отрывать глаз от Эвилии и Лофосы, беспечно скидывающих с себя рубашки и брюки. Они были молоды, привлекательны и даже мускулисты для узкоголовых. Их тела казались оттого еще более обнаженными, что были менее волосаты, чем тела широкобровых. К облегчению Рэднала, мантия полностью скрывала его реакцию на увлекательное зрелище.

— Постарайтесь хорошенько выспаться, — сказал он, обращаясь к группе. — Не засиживайтесь допоздна. Почти весь завтрашний день мы проведем в седле, а местность будет потяжелее.

— Слушаюсь, отец клана! — отозвался Мобли, сын Сопсирка, словно юноша на приказ главы семейства; но посмел бы этот юноша ответить с такой иронией, немедленно получил бы зуботычину в назидание.

В конце концов большинство туристов прислушались к здравому смыслу. Они не представляли трудностей пути, однако, за исключением, возможно, четы Мартос, никак не были дураками; дурак вряд ли накопил бы серебра на экскурсию в Котлован-Парк. Как обычно в первую ночь с новой группой, Рэднал не последовал собственному совету. Человек выносливый, он к тому же хорошо знал, что их ждет впереди, и не собирался тратить лишние силы.

В дупле пальмы заухала сова. В воздухе стоял острый пряный запах; шалфей и лаванда, олеандр, лавр, чабрец — многие местные растения выделяли ароматические масла. Тончайший слой масла уменьшал потерю воды — что имело здесь первостепенное значение — и делал листья несъедобными для насекомых и животных.

Затухающие костры привлекали мошкару, иногда выхватывая из темноты более крупные тени — летучих мышей и козодоев, явившихся полакомиться объедками. Туристы не обращали внимания ни на насекомых, ни на хищников, их храп перекрывал уханье совы. После нескольких походов в качестве гида Рэднал был убежден, что храпят практически все, вероятно, и он сам, хотя собственного храпа слышать ему не доводилось.

Рэднал потянулся на спальном мешке, положил руки под голову и уставился на яркие звезды, будто выставленные на черном бархате. Да, такого не увидишь в огнях большого города — еще одна причина для работы в Парке... Ни о чем не думая, он смотрел, как они искрятся и мерцают в бездонном небе — лучший способ расслабиться и уснуть.

Его веки уже смыкались, когда кто-то поднялся со своего спального мешка — Эвилия направилась за кусты в кабинку туалета. Потом глаза Рэднала невольно расширились: в тусклом свете умирающего костра она казалась ожившей статуей из полированной бронзы. Как только девушка повернулась к нему спиной, он облизнул пересохшие губы.

Но вернувшись, вместо того чтобы забраться в свой мешок, Эвилия присела на корточки возле Лофосы. Подружки тихо засмеялись. Еще через секунду они встали и направились к Рэдналу.

Его похоть превратилась в тревогу — что они затеяли?

Девушки опустились рядом с ним на колени, слева и справа.

— Мы думаем, ты интересный мужчина, — прошептала Лофоса.

Эвилия положила руку на завязку его мантии и начала расшнуровывать.

— Вы обе? — пробормотал Рэднал.

Похоть вернулась — теперь очевидная, так как он лежал на спине. Вместе с похотью пришло чувство невероятности происходящего. Тартешские женщины — даже тартешские шлюхи — не были столь вызывающе бесстыдными; не были такими и тартешские мужчины. Не то чтобы тартешцы не тешились порой похабными фантазиями; просто об этом обычно помалкивали.

Узкоголовые девушки вновь затряслись от сдавленного смеха, словно его осторожность была самой смешной вещью на свете.

— Почему бы и нет? — спросила Эвилия. — Троим доступно много такого, что никак не доступно двоим.

— Но... — Рэднал махнул в сторону спящих туристов, — но если они проснутся?

— Может, научатся чему-нибудь, — ответила Лофоса, и тела девушек затряслись еще более соблазнительно.

Рэднал точно кое-чему научился. Во-первых, он понял, что на четвертом десятке ему уже трудно удовлетворить за ночь более чем одну женщину, хотя от таковой попытки он получил колоссальное удовольствие. Во-вторых, приобретенный опыт помог осознать, что в условиях повышенного обилия стимулов, воздействующих на все органы чувств, даже пытаться удовлетворить двух женщин сразу гораздо труднее, чем хлопать себя одной рукой по голове, а другой в то же время чесать себе живот. И, в-третьих, он понял, что есть женщины, подобные Лофосе и Эвилии, которые не знают запретов касательно собственного тела.

Рэднал был совершенно обессилен; завтра слабость неминуемо разольется по всем его членам.

— Сжалимся над ним? — спросила Эвилия — по-тартешски, чтобы он смог понять ее поддразнивание.

— Пожалуй... на первый раз! — согласилась Лофоса. Она изогнулась, как змея, мимолетно коснувшись губами губ Рэднала. — Спи спокойно, свободный.

Девушки скользнули к своим спальным мешкам, оставив его в изумлении гадать, не приснилось ли ему все это, однако слишком разбитым, чтобы долго ломать себе голову.

Погружение в сон походило скорее на нырок. И все же прежде, чем поддаться, Рэднал обратил внимание, как возвращается из туалетной кабинки Тогло зев Памдал. Сперва до него не дошло. Потом... Если сейчас она возвращается, то уходила, следовательно, когда ему было ни до чего... И, значит, наверняка видела его самозабвенно занятым.

Рэднал прошипел сквозь зубы, как песчаная ящерица, хотя все же скорее покраснел, чем позеленел. Тогло забралась в свой мешок, не глядя ни на него, ни на узкоголовых девушек. Все его фантазии о ней померкли и развеялись. В лучшем случае можно рассчитывать впредь на холодную веж-

ливость, какой благородная персона удостаивает невежественную мелкую сошку. В худшем...

Что, если она расскажет об увиденном всем в группе? Ладно, стиснем зубы и будем делать свое дело. А если она нажалуется Наследственному Тирану? — спрашивал себя Рэднал. Лишусь работы — первое, что приходило в голову, и далеко не самое страшное.

Ну почему не Мобли, сын Сопсирка, поднялся среди ночи, чтобы опорожнить свой мочевой пузырь?! Он бы почувствовал лишь зависть, а не отвращение, как Тогло!

Рэднал снова прошипел. Конечно, содеянного не вернешь, остается вести себя как ни в чем не бывало и решать проблемы по мере их возникновения.

И все же он так и не спал большую часть ночи, несмотря на усталость.

Разбудило его солнце. С воспаленными глазами, невыспавшийся, биолог заставил себя выбраться из мешка. Кое-кто из туристов уже бродил по лагерю. Рэднал собирался встать, как обычно, первым, но физическое истощение и тревоги минувшей ночи взяли верх.

Стремясь загладить то, что казалось ему виной, злясь на себя, он старался двигаться вдвое быстрее и, разумеется, совершал мелкие досадные промахи: то и дело спотыкался, едва не падая, называл костер туалетом, а туалет — костром, а направляясь за завтраком, подошел к ослу, который нес лишь фураж.

Наконец Рэднал ухитрился принести копченые сосиски и сухой хлеб. Эвилия и Лофоса обменялись ухмылками, вытаскивая сосиски из пакетов, и он вновь залился краской. Эльтзак вез Мартос немедленно стянул одну сосиску у своей жены, и та обложила его руганью, достойной портового грузчика, только более пронзительным голосом.

Пришла очередь получать завтрак Тогло зев Памдал.

— Благодарю вас, свободный, — сказала девушка, держась совершенно нормально. Потом ее серые глаза встретились с глазами биолога. — Надеюсь, вы спали спокойно?

Обычное тартешское утреннее приветствие — если бы в произносимых словах не звучала... Да нет, вряд ли, подумал Рэднал, усмешка ему, должно быть, почудилась.

— Э-э... да, — выдавил он и поспешно ретировался.

Гид подошел к мужчине, который, чтобы взять завтрак, отложил альбом для зарисовок и уголь. Специфический акцент, полосатые рубаха и штаны выдавали в нем уроженца Моргафа, островного королевства к северу от Тартеша и давнего врага Тирании. Впервые за долгие столетия вот уже двадцать лет между государствами не прерывался мир.

При иных обстоятельствах Рэднал вел бы себя с таким человеком весьма осторожно, но сейчас ему было гораздо легче с моргафцем, чем с Тогло зев Памдал. Взглянув на раскрытый альбом, он заметил:

— Отличный рисунок, свободный... э-э...

Моргафец протянул вперед обе руки в традиционном приветствии своего народа.

— Дохнор из Келлефа. Благодарю за интерес, — тоном дав понять, что имеет он в виду совсем другое: «Перестань за мной шпионить!»

Рэднал вовсе не собирался за ним шпионить. Несколькими точными движениями угля Дохнор изобразил лагерь: кострища, олеандры перед туалетной кабинкой, пасущиеся ослы... Как всякий работающий в поле биолог, Рэднал недурно рисовал, но до Дохнора ему было далеко. Военный инженер не управился бы лучше.

Промелькнувшая мысль возбудила его подозрения, и Рэднал посмотрел на моргафца более внимательно. У того была военная выправка — что ни о чем не говорило. Многие моргафцы находились на воинской службе; по размерам гораздо меньше, чем Тартеш, это островное государство никогда не уступало в сражениях. Если Дохнор — разведчик, почему он приехал сюда, в Котлован-Парк, а не в окрестности какой-нибудь базы на побережье Западного океана?

— Надеюсь, вы закончили изучать мою работу? — ядовито процедил моргафец. — Может, отойдете и дадите завтрак кому-нибудь еще?

— Конечно, — как мог холодно ответил биолог. Да уж, Дохнор в полной мере обладал пресловутым моргафским высокомерием. Может быть, это доказывало, что он не шпион — шпион вел бы себя помягче. А может, настоящий шпион — в расчете на то, что никто не ожидает от шпиона шпионского поведения, — специально напускает такой вид, чтобы развеять подозрения... Рэднал понял, что цепочка рассуждений потянется бесконечно, насколько хватит воображения. Он сдался.

Когда завтрак был съеден, а спальные мешки сдуты и сложены, группа вновь оседлала ослов, чтобы продолжить путь в Котлован-Парк. Как и накануне, Рэднал предупредил:

— Сегодня тропа будет круче. Идем медленно и осторожно.

Едва его голос стих, как почва под ногами задрожала. Все застыли, кто-то даже вскрикнул испуганно. Птицы, наоборот, дружно смолкли.

Рэднал жил в стране, подверженной землетрясениям, всю свою жизнь и безмятежно ждал, пока дрожь прекратится. Через несколько секунд все успокоилось.

— Не тревожьтесь, — сказал он. — Этот район Тартеша сейсмически активен, вероятно, из-за давным-давно высохшего моря — земная кора до сих пор приспосабливается к исчезновению веса воды.

Дохнор из Келлефа поднял руку.

— А что, если землетрясение — как сказать? — разрушит Барьерные горы?

— Тогда Низина будет затоплена. — Рэднал рассмеялся. — Свободный, если уж этого не произошло на протяжении пяти с половиной миллионов лет, я не лишусь сна от беспокойства, что это случится завтра или в любое другое время, пока я в Парке.

Моргафец коротко кивнул.

— Достойный ответ. Продолжайте, свободный.

Биолог едва подавил порыв отдать честь — Дохнор говорил с той же естественной властностью, с какой отдавали приказы тартешские офицеры. Рэднал взобрался на своего

осла, подождал, пока туристы выстроятся сзади в ломаную линию, и взмахнул рукой:

— Поехали!

Тропа, усыпанная валунами, была всего шести—восьми кьюбитов шириной и очень извилистой. Животное Рэднала ухватило гладиолус и сжевало его. Это напомнило гиду, что он забыл кое о чем предупредить своих подопечных.

— Ни в коем случае не позволяйте ослам пастись. В нижней части Парка наряду с обычными минералами почва содержит селен и теллур, которые концентрировались при испарении моря. Местным растениям это не вредит, однако наверняка повредит — быть может, смертельно, — ослам, если они съедят что-то не то.

— А как нам узнать, что то, а что не то? — спросил Эльтзак вез Мартос.

Рэднал почувствовал желание спихнуть его с тропы и заставить катиться кубарем до самого дна Котлован-Парка. Этот недоумок наверняка приземлится на голову, которой, судя по всему, от падения на каких-то несколько тысяч кьюбитов хуже не будет... Тяжелая работа: держать болванов-туристов в узде!

— Не позволяйте ослу вообще что-нибудь жевать. Мы везем с собой необходимый запас фуража, а в базовом лагере внизу есть еще.

Некоторое время группа двигалась в тишине. Затем Тогло зев Памдал сказала:

— Эта тропа напоминает мне спуск в Большой каньон, что в Империи Стекия на Двойном континенте.

Рэднал почувствовал одновременно радость, что она с ним заговорила, и зависть к богатству, которое давало возможность путешествовать... Значит, всего лишь дальняя родственница Наследственного Тирана?

— Я видел только фотографии, — с легкой тоской произнес он. — Внешнее сходство, наверное, есть, но каньон формировался совсем иначе — эрозией, а не испарением.

— Конечно, — согласилась Тогло. — Я сама видела только фотографии.

— Вот как? — Что ж, может, она и в самом деле лишь дальняя родственница. — Гораздо больше похожи на каньон нагромождения камней в теснинах, оставленные реками до впадения в Горькие озера на дне Низины. Одно озеро, между прочим, находится на территории Котлован-Парка, хотя оно часто пересыхает — Далорц несет слишком мало воды, чтобы хорошо его подпитывать.

Чуть позже, когда тропа изогнулась на запад, обходя большую известняковую скалу, впереди открылся подернутый дымкой брызг водный поток, несущийся ко дну Низины. Туристы в восхищении замерли.

— Это Далорц? — спросила Лофоса.

— Да, — ответил Рэднал. — Русло реки чересчур переменчиво, чтобы строить тут, на сходе с древнего континентального шельфа, электростанцию. Хотя на других, более крупных реках мы это делаем, на три четверти обеспечивая свои потребности в энергии, — еще один плюс Низины.

Несколько маленьких невесомых облачков проплыли по небу с запада на восток. Кроме этого, ничто не мешало раскаленному шару солнца все яростнее поджаривать туристов с каждым кьюбитом спуска. Ноги ослов взметали клубы пыли.

— А дождь здесь когда-нибудь идет? — поинтересовалась Эвилия.

— Нечасто, — признал Рэднал. — Пустыня в Низине — одно из самых сухих мест на планете. Барьерные горы задерживают почти всю влагу, несомую ветром с Западного океана, а остаток забирают другие горные цепи, которые тянутся в Низину с севера. Но раз в два-три года в Котлован-Парке разражается настоящий ливень — самое опасное время там находиться. Неожиданный поток воды может захлестнуть вас и утопить, прежде чем вы опомнитесь.

— И это же — самое прекрасное время, — вставила Тогло зев Памдал. — Именно фотографии Котлован-Парка, сделанные после дождя, меня сюда впервые и привлекли. Потом мне посчастливилось увидеть все это своими глазами.

— Хорошо бы и нам повезло, — сказал Дохнор из Келлефа. — Я захватил и краски, на случай если представится возможность изобразить свежую зелень.

— Признаться, шансов мало, — заметил Рэднал.

Дохнор, соглашаясь, развел руками. Как все, что он делал, жест получился четкий, сдержанный, строго контролируемый. Трудно было представить его артистическое увлечение пустынными цветами, сколь угодно редкими или красивыми.

— Цветы прекрасны, но это лишь верхушка айсберга, если позволите мне воспользоваться таким абсурдным сравнением, — сказал Рэднал. — Жизнь в Котлован-Парке зависит от воды, как и повсюду, хотя и приспособлена обходиться самой малостью. Появляется влага — и растения и животные бросаются в рост и размножение, стараясь извлечь все из того крохотного периода, пока она не испарится.

Через четверть день-десятины встретившаяся на тропе табличка указала, что туристы опустились ниже уровня моря и, таким образом, оказались глубже, чем где бы то ни было за пределами Низины. Рэднал прочитал надпись вслух, не без гордости добавив, что соляное озеро — вторая по глубине точка суши — тоже находится в непосредственной близости от Низины, в общем-то на ее территории.

— Вот уж не подумал бы, что этой пустыней можно гордиться, — сказал Мобли, сын Сопсирка. — А вы еще норовите приписать к ней нормальные земли! — На его обнаженных руках и торсе блестел пот.

Перевалив на вторую половину пути, группа по сигналу Рэднала остановилась на скальной плите — передохнуть, размять ноги и воспользоваться пахучей кабинкой-туалетом. Гид раздал пищевые рационы. Лишь Дохнор из Келлефа съел содержимое пакета без малейшего недовольства.

Рэднал выбросил свой пакет в урну близ кабинки, затем подошел к краю тропы и заглянул вниз, на дно Низины. После дождя отсюда открывалась удивительная картина; сейчас все было просто выжжено: белые соляные проплешины, серо-бурая или желто-бурая пыль, редкие клочки

выцветшей зелени. Даже ближайшие окрестности нижнего лагеря не орошали искусственно. По указу Тирана Парк сохраняли в первозданном виде.

Когда группа сошла с тропы и двигалась по дну древнего моря к нижнему лагерю, Эвилия заметила:

— Я полагала, что мы окажемся словно на дне горшка, окруженные со всех сторон горами. А на самом деле не так. Вот горы, с которых мы только что спустились, вот на западе Барьерные горы, но к востоку и югу ничего нет — одна голая равнина да что-то там темнеет на горизонте.

— Собираясь сюда в первый раз, я тоже воображал нечто подобное, — кивнул Рэднал. — И мы действительно на дне горшка. Однако Низина очень широка по сравнению с ее глубиной — это большой мелкий горшок. Уникален он потому, что его край находится на одном уровне с дном остальных геологических горшков-впадин, а дно — гораздо ниже любого из них.

— Что это за следы? — спросила Тогло зев Памдал, указывая на трещины, пересекавшие их путь. Некоторые были не шире ячменного зернышка, другие походили на беззубые, раскрытые на два пальца рты.

— Большинство — следствие неравномерного высыхания почвы после дождя, — ответил Рэднал. — Но есть и такие, которые обозначают более глубинные процессы; например, показывают столкновение плит в земной коре.

— Вы хотите сказать, что при следующем землетрясении эти трещины разверзнутся и поглотят нас? — испуганно взвизгнула Носко зев Мартос, дернув за поводья своего осла, будто поскорее хотела очутиться отсюда подальше.

Рэднал сохранил серьезный вид — ему платили не за то, чтобы он смеялся над туристами.

— Если вы тревожитесь из-за столь немыслимого события, то имеет смысл опасаться и попадания метеорита. И у того, и у другого вероятность примерно одинаковая.

— Это точно? — В голосе Лофосы тоже сквозил страх.

— Точно, точно. — Рэднал пытался сообразить, откуда они с Эвилией родом. Судя по акценту; из Крепалганского

Единства. Крепалганцы — самая северо-западная нация узкоголовых; западные границы страны лежали восточнее Низины. Страны, между прочим, также подверженной землетрясениям. И познания Лофосы в этой области не очень лестно свидетельствовали о ее умственных способностях.

Но если Лофоса глупа как пробка, что можно сказать о ее с Эвилией партнере? Выходит, их выбор — очередная глупость?

Рэднал сделал то, что сделал бы на его месте любой здравомыслящий человек, — сменил тему.

— Скоро мы придем в лагерь. Подумайте, какие вещи вам нужно взять из сумок с собой в комнаты.

— Я вот думаю, как бы поскорей помыться, — буркнул Мобли.

— Все будут получать для личных нужд по ведерку воды каждый день, — объявил Рэднал и тут же пресек недовольный ропот: — Не жалуйтесь, это строго оговорено в правилах. Практически вся свежая вода поступает в Котлован-Парк по этой вот тропе, на спинах ослов. Лучше вообразите, с каким удовольствием вы будете отмокать в горячей ванне, когда экскурсия закончится.

— Вообразите, как нам понадобится отмокать в горячей ванне, когда экскурсия закончится! — проворчал пожилой широкобровый, о котором Рэднал в самом начале подумал: вот старик, транжирящий серебро, накопленное в лучшие годы (к собственному стыду, он забыл его имя). — Узкоголовым хорошо — они почти безволосые; но мои волосы к тому времени просто слипнутся от грязи! — Старик метнул на гида яростный взгляд, словно обвиняя в умышленной пакости.

— Не расстраивайтесь, свободный вез Мапраб, — сказала Тогло зев Памдал. (Рэднал с благодарность посмотрел на девушку — Бентер вез Мапраб, вот как звали брюзгу.) — Я захватила баночку обезвоженного мыла; оно втирается в волосы и просто вычесывается гребешком. Для меня тут более чем достаточно, могу поделиться.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил Бентер вез Мапраб, заметно подобрев. — Пожалуй, мне самому не мешало бы взять баночку.

«Вот именно, старый дурак, а то только плачешься», — подумал Рэднал. Он также с одобрением отметил, что Тогло зев Памдал подготовилась к путешествию весьма тщательно. С другой стороны, если бы он забыл уложить свое собственное чистящее средство, можно было бы у нее одолжить... Биолог шумно вздохнул. Проклятая предусмотрительность! Не всегда она на пользу.

Что-то маленькое и серовато-коричневое юркнуло в сторону рощицы олеандров из-под копыт его осла.

— Что это? — спросили сразу несколько туристов, когда зверек исчез под слоем опавших листьев под деревьями.

— Местная разновидность тушканчика, — пояснил Рэднал. — Я не рассмотрел его и не могу сказать, какая именно. Здесь в Низине их множество. Они обитали в засушливых районах, еще когда не пересохло внутреннее море, и эволюция научила их обходиться влагой, получаемой из пищи. Это помогло тушканчикам выжить и здесь.

— Они опасны? — спросила Носко зев Мартос.

— Если вы куст — опасны, — ответил Рэднал. — Да и это, в сущности, не так. Некоторые разновидности едят мошек, а тушкан клыкастый охотится на своих меньших родственников. Он занял место в крохотной нише хищников, прежде чем плотоядные расселились по Низине. Сейчас его редко увидишь, особенно за пределами Котлован-Парка, однако он по-прежнему здесь, причем в самых сухих и жарких местах, где не выживет ни один другой хищник.

Чуть позже гид привлек внимание туристов к маленькому непримечательному растению с узкими буро-зелеными листьями.

— Знает кто-нибудь, что это такое?

Рэднал задавал этот вопрос каждой группе и услышал правильный ответ лишь раз, сразу после дождя. Однако сейчас Бентер вез Мапраб сказал уверенно:

— Низинная орхидея, свободный вез Кробир, причем самая обычная. Вот если бы вы показали нам красноярёмную орхидею, другое дело...

— Верно, свободный, это действительно орхидея, хотя она мало похожа на то, что мы привыкли видеть в более

мягком климате, правда? — Рэднал улыбнулся пожилому широкобровому. Если тот любитель орхидей, то понятно, почему он отправился в Котлован-Парк.

Бентер только хмыкнул в ответ, скорчив кислую гримасу. Очевидно, старик вознамерился увидеть редчайшую красноярёмную орхидею в первый же день путешествия. Рэднал отметил про себя, что перед выходом из Парка надо будет осмотреть его вещи — выносить образцы флоры и фауны запрещалось.

Тушканчик вновь показался на виду и принялся жевать сухой лист. Внезапно что-то выскочило из-за орхидеи, будто молния схватило грызуна и исчезло. Туристы забросали гида вопросами:

— Вы видели? Что это было?

— Это птичка-коприт. Быстрая, да? Она относится к роду сорокопутов, точнее, серых сорокопутов. Летать умеет, но практически не летает, предпочитает бегать. Птицы выделяют мочевину более или менее в твердом виде, а не в виде мочи, как млекопитающие, и потому лучше приспособлены к жизни в Низине. — Биолог указал на здание базового лагеря в нескольких сотнях кьюбитов впереди. — Смотрите, на крыше сидит еще один коприт, выискивает сверху, что бы ему поймать.

Навстречу группе вышли работники базового лагеря Парка. Они приветствовали Рэднала, помогли спешиться туристам, затем отвели ослов в хлев.

— Берите с собой в дом только самое необходимое, то, что вам понадобится сегодня вечером, — сказал один из них, Фер вез Кантал. — Остальное пусть остается в седельных сумках до завтра. К чему лишний раз распаковываться и упаковываться?

Некоторые туристы, бывалые путешественники, прислушались к доброму совету. Эвилия и Лофоса изумленно заахали. Рэднал неодобрительно нахмурился при виде такой капризной наивности и даже хотел отвернуться, но девушки были чересчур хорошенькими.

Мобли, сын Сопсирка, похоже, разделял его мнение. Когда группа направилась от хлева к дому, Мобли подошел сзади

к Эвилии и обнял ее рукой за талию. В тот же миг он, очевидно, споткнулся — Рэднал резко обернулся на крик бедняги.

Мобли лежал на грязном полу хлева. Эвилия пошатнулась, отчаянно замахала руками и рухнула прямо на него. Мобли снова вскрикнул — и тут же судорожно стал хватать ртом воздух, когда, вставая, девушка локтем угодила ему в солнечное сплетение.

Эвилия всплеснула руками, участливо глядя на молодого человека.

— О, я так сожалею! — воскликнула она. — Вы меня напугали!

Мобли не мог даже сразу сесть, не говоря уже о том, чтобы встать. Наконец он выдавил:

— Ну ладно, в жизни больше тебя не коснусь! — тоном давая понять, что ей же от этого будет хуже. Девушка высоко вздернула носик.

— Не следует забывать, — произнес Рэднал, — что мы все из разных стран и имеем разные привычки. Осмотрительность и неторопливость помогут нам избежать возможных неловких ситуаций.

— Как, свободный, разве прошлой ночью вы попали в неловкую ситуацию? — невинно спросила Лофоса.

Рэднал закашлялся, а узкоголовые девушки, не обратив внимания на совет Фера вез Кантала, с веселым смехом принялись разгружать седельные сумки. Может, конечно, мозгов у них и мало, однако их тела... о, такие нежные обнаженные тела...

Базовый лагерь не отличался роскошью, но мог похвастаться противомоскитными сетками на окнах, электрическим освещением и даже вентиляторами, которые гоняли раскаленный воздух пустыни, пусть и не охлаждая его. А еще в доме был холодильник.

— Сегодня у нас настоящий ужин, — объявил Рэднал. — Никаких концентратов.

Туристы возликовали.

Плита располагалась снаружи; в доме стояла жара и без лишнего источника тепла. Фер вез Кантал и второй работ-

ник базового лагеря, Жозел вез Глезир, заправили плиту углем, полили топливо легковоспламеняемым маслом и подожгли. Затем насадили на вертел разделанную тушку ягненка и повесили ее над жаровней. Время от времени кто-нибудь из них поливал мясо острым чесночным соусом. Соус и жир попадали на угли, и с громким шипением рождались волны ароматнейшего запаха. Рэднал сглотнул слюну.

Также в холодильнике были медовуха, финиковое и виноградное вино и эль. Туристы немедленно принялись утолять жажду, не слишком задумываясь о норме. Дохнор из Келлефа удивил Рэднала, попросив холодной воды.

— Я дал обет Богине, — пояснил он.

— Как угодно, — ответил биолог, но его развеявшиеся было подозрения вспыхнули с новой силой. Богине, как идолу, поклонялась верхушка военной аристократии Моргафа. Не исключено, конечно, что в числе ее последователей будет и странствующий художник, но Рэдналу это казалось маловероятным.

Впрочем, времени размышлять над проблемой, которую поставил Дохнор, не было — Жозел вез Глезир позвал его исполнить почетную обязанность: разложить мясо по бумажным тарелкам.

Чета Мартос поглощала пищу как изголодавшиеся пещерные коты. Рэднал почувствовал себя виноватым — может быть, супругам действительно не хватало обычных рационов. Затем он обратил внимание на то, как натянута одежда на их вздувшихся животах, и чувство вины испарилось. Нет, они явно не похудели.

Эвилия и Лофоса приняли по несколько кружек финикового вина, и вскоре это сказалось. Крепалганцы обычно едят с помощью ножа и небольших шпажек; девушкам было вдвойне трудно пользоваться одноразовыми деревянными палочками. Порезав мясо на кусочки, Лофоса гоняла их по тарелке, но никак не могла подцепить. Эвилии это удавалось, но мясо то и дело срывалось и падало, так и не попав в рот. Захмелевшие девушки заразительно смеялись над своими неудачами, и даже высокомерный Дохнор снизошел до того, что показал им, как надо пользоваться палочками.

Впрочем, его урок не пошел на пользу, хотя девушки придвинулись к нему настолько, что Рэднал ощутил укол ревности.

— У вас так ловко получается! — воскликнула Эвилия. — Должно быть, моргафцы пользуются ими каждый день.

Дохнор помотал головой — знак отрицания у его народа.

— У нашего столового прибора есть зубцы, чашеобразная часть и режущая кромка — все одновременно. Тартешцы говорят, что мы предпочитаем помалкивать, потому что боимся порезать язык, открывая рот. Просто я немало поездил по Тартешу и знаю, как обращаться с их палочками.

— Попробую-ка я снова, — сказала Эвилия.

На этот раз кусочек ягнятины упал на бедро Дохнора. Она подняла его пальцами. Задержав руку на бедре моргафца — так что Рэднала опять кольнула ревность, — девушка отправила кусочек мяса себе в рот.

Мобли, сын Сопсирка, затянул песню на своем родном языке. Рэднал практически не понимал слов, но мелодия была несложная и очень приятная. Скоро вся группа дружно хлопала в ладоши. Последовали еще песни. У Фера вез Кантала оказался недурной баритон. Туристы говорили потартешски, но не все достаточно знали местные песни, чтобы подпевать. Те, кто не мог петь, хлопками отбивали ритм.

С наступлением сумерек появились тучи мошек, и группа ретировалась в дом, куда доступ кровососущим был закрыт противомоскитными сетками.

— Теперь мне ясно, почему вы носите так много одежд, — сказал Мобли. — Они защищают от гнуса.

— Ну разумеется, — кивнул Рэднал, удивляясь, что Мобли не сразу понял очевидное. — Если сможете несколько секунд простоять спокойно, у нас есть спрей — снимает раздражение от укусов.

Мобли вздохнул, когда гид его опрыскал.

— Петь еще будем? — спросил он.

На этот раз энтузиазма было мало. Одни вообще не могут под крышей дома делать то, на что способны сидя у костра; на других как-то внезапно навалилась усталость. Так

что Тогло зев Памдал была не единственной, кто сразу удалился в спальную комнату.

Дохнор из Келлефа и Бентер вез Мапраб взяли боевую доску и погрузились в игру; рядом стоял Мобли. Подошел посмотреть и Рэднал, который считал себя неплохим игроком.

Дохнор, игравший синими, двинул пехотинца через широкую свободную полосу, разделявшую фигуры соперников.

— Форсирование реки, — прокомментировал Мобли.

— Так вы, лиссонесцы, называете разделительную черту? — спросил Рэднал. — У нас она называется траншеей.

— А в Моргафе — рукав, в честь Канала, который отделяет наши острова от Тартеша, — сказал Дохнор. — Однако, как ее ни называй, игра везде одна и та же.

— И требует сосредоточенности и тишины, — наставительно произнес Бентер. Немного подумав, он передвинул советника (так называлась фигура у красных; аналогичная фигура у синих называлась слоном) на два поля по диагонали.

По мере развития игры пожилой тартешец задумывался все чаще и дольше. Красный властитель торопливо перемещался по вертикалям и горизонталям своей крепости, пытаясь укрыться от атак Дохнора, а его стражники суматошно метались по диагоналям, чтобы блокировать фигуры синих. Наконец Дохнор сдвоил свои пушки и объявил:

— Все.

Бентер мрачно кивнул. Умело пользоваться пушкой (аналогичная фигура у красных называлась катапультой) очень трудно: она могла двигаться и по горизонтали, и по вертикали, но лишь обязательно перепрыгивая через какую-нибудь фигуру. Сейчас красному властителю угрожала задняя пушка, однако стоит Бентеру закрыться стражником или одной из колесниц, как в полную силу заработает передняя.

— Недурно сыграно. — Бентер встал из-за стола и направился в спальную комнату.

— Может, кто хочет поиграть? — обратился Дохнор к зрителям.

Мобли, сын Сопсирка, покачал головой.

— Хотел — пока не увидел, как вы играете, — признался Рэднал. — Я не против сразиться с более сильным соперником, если есть хоть малейший шанс на победу. Даже когда проигрываешь, чему-нибудь учишься. Но вы меня просто разгромите, слишком разные уровни.

— Как угодно. — Дохнор сложил боевую доску, ссыпал фигурки в мешочек, затем убрал доску и мешочек на полку. — Тогда я спать.

Он удалился в выбранную им спальную комнату.

Рэднал и Мобли взглянули друг на друга, потом на боевую доску. По молчаливому обоюдному согласию оба решили, что, раз уж они не рискнули сразиться с Дохнором, играть друг с другом сейчас будет некрасиво.

— Как-нибудь в другой раз, может быть, завтра вечером, — сказал Рэднал.

— Разумеется. — Мобли зевнул, демонстрируя безупречные зубы, которые казались белоснежными на фоне его коричневой кожи. — К тому же я совсем замотался... нет, правильно по-тартешски сказать «вымотался», да? Увидимся утром, Рэднал.

Биолог едва сдержал свое раздражение — Мобли опять забыл вежливое обращение «вез». Когда Рэднал впервые столкнулся с иностранцами, ему вообще казалось, что его намеренно оскорбляют. Теперь он понимал, что им трудно справиться с тартешским, но все равно не мог не замечать упущение.

В комнате Дохнора зажегся тусклый свет — читальная лампа на батарейках. Моргафец, однако, не читал. Он сидел на койке, прислонившись спиной к стене и держа на коленях альбом для зарисовок. Слышно было слабое поскрипывание угля по бумаге.

— Что это он делает? — прошептал Фер вез Кантал. Двадцати лет мирного сосуществования оказалось недостаточно, чтобы приучить большинство тартешцев доверять островному соседу.

— Рисует, — так же тихо ответил Рэднал; никто из них не хотел привлекать внимание Дохнора.

Ответ должен был бы прозвучать вполне невинно. Однако прозвучал иначе.

— Судя по документам, он художник.

И опять тон вкладывал в слова совсем иной смысл.

— Если он шпион, Рэднал вез, то взял бы с собой камеру, а не рисовальный альбом. Каждый турист берет в Парк камеру, он бы и не выделялся!

— Верно, — кивнул гид, — но Дохнор ведет себя и не как художник. Он ведет себя как член высшей военной касты. Ты же сам слышал — он дал обет их Богине.

Фер вез Кантал пробормотал что-то малоприличное про моргафскую Богиню, перед этим, однако, еще больше понизив голос. Офицер из Моргафа, услышав оскорбление в адрес Богини, мог бросить вызов. А в Тартеше, где дуэли были запрещены, попросту убить. Так или иначе, он не пропустит оскорбительную фразу мимо ушей.

— Мы ничего не можем с ним сделать, — сказал Жозел вез Глезир, — пока не установим точно, что он действительно шпионит.

— Верно, — согласился Рэднал. — Вот уж чего не нужно Тартешу, так это дать моргафцам повод для дипломатического инцидента.

Он подумал, что может случиться с человеком, который так опростоволосится. Наверняка ничего хорошего. Потом ему в голову пришло еще кое-что.

— Кстати о Тиране... Вы знаете, что у нас в группе — свободная Тогло зев Памдал?

Жозел и Фер хором присвистнули.

— Хорошо, что предупредил, — сказал Жозел. — Мы окружим ее заботой и вниманием.

— По-моему, она равнодушна к подобным вещам, — промолвил Рэднал. — Относитесь к ней вежливо, разумеется, но не переусердствуйте.

Жозел кивнул.

Фер никак не мог выбросить из головы проблему Дохнора из Келлефа.

— Если он и правда шпион, то что он делает в Котлован-Парке? Не мог найти объекта поважнее?

— Я и сам об этом думал, — кивнул Рэднал. — Может быть, это у него прикрытие. Кто знает, куда он отправится потом?

— По крайней мере я знаю, куда я отправлюсь, — сказал Жозел, зевая. — Спать. А вы, если хотите, можете болтать о шпионах хоть всю ночь!

— Нет уж, спасибо, — ответил Фер. — Только сумасшедший шпион — да еще шпион на отдыхе — поедет на экскурсию в Котлован-Парк. Если он спятил, нам незачем о нем беспокоиться, а если он просто в отпуске, то опять же это не наше дело. Так что я тоже спать.

— Если вы думаете, что я останусь тут болтать сам с собой, то вы оба спятили! — сказал Рэднал.

Три тартешца встали. Читальная лампочка Дохнора из Келлефа погасла, и его комната погрузилась в темноту.

Рэднал притушил свет в гостиной и со вздохом улегся на мат. Говоря по правде, он предпочел бы сейчас оказаться где-нибудь в поле, в спальном мешке под противомоскитной сеткой... Впрочем, скоро его храп присоединится к храпу других туристов.

И тут у входа в его комнату возникли два женских силуэта. Ради всех богов, только не это!

— Вы что, в сон не верите? — закатив глаза, пробормотал биолог.

Эвилия тихо рассмеялась — или, возможно, это была Лофоса.

— Зачем же спать, когда есть более интересные занятия? — сказала Лофоса. — Кроме того, у нас появились новые идеи. Хотя, если ты устал, мы можем посмотреть, кто еще сейчас не спит.

Рэднал собирался сказать что-то вроде «Да пожалуйста, и не забудь прихватить с собой Эвилию». Однако с удивлением услышал собственный голос: «Нет, останьтесь». Прошлая ночь оказалась более увлекательной и поучительной, чем можно было представить себе в самых диких фантазиях, — как раз то, что воображали люди, говоря о некоторых дополнительных преимуществах работы экскурсовода. До сих пор Рэднал считал все эти истории чистой выдумкой; за два года работы гидом у него даже легкого флирта с туристками не было. Теперь же... Он невольно улыбнулся, почувствовав свою реакцию.

Девушки устроились рядом и, как обещали, продемонстрировали кое-что новенькое. В самый разгар бурных упражнений троицы у Рэднала мелькнула мысль, насколько хватит девушкам изобретательности и хватит ли настолько его. Он выяснит это с удовольствием...

Его силы и их изобретательность истощились одновременно. Рэднал еще помнил, как Эвилия и Лофоса поднялись с мата, вроде бы помнил, как они вышли в гостиную. И уж точно не помнил ничего после. Он спал словно убитый.

Разбуженному отчаянным воплем, сперва ему показалось, что он сомкнул глаза всего секунду назад. Но, запахивая мантию, Рэднал взглянул на карманные часы и понял, что близится рассвет. Со всей скоростью он рванул в гостиную.

Там уже находились несколько туристов — в одежде и без. Буквально немедленно из дверей своих комнат с дикими криками «Что случилось?!» выскочили и остальные, включая двух работников базового лагеря Котлован-Парка.

Хотя на вопрос никто не ответил, ответ, собственно, и не требовался. У стола, где Бентер вез Мапраб и Дохнор из Келлефа играли в бой, стояла Эвилия — совершенно в том же виде, в каком она резвилась с Рэдналом, то есть в чем мать родила. Дохнор тоже был там, но не стоял, а лежал на полу — с неестественно вывернутой головой.

Эвилия сунула в рот кулак, чтобы подавить еще один крик, потом вытащила его и через силу пробормотала:

— Он... он мертв?

Рэднал наклонился над Дохнором, схватил его запястье, попытался нащупать пульс. Пульса не было, моргафец не дышал.

— Мертвее не придумать, — мрачно сказал гид.

Эвилия испустила громкий стон. Ее колени подогнулись, и девушка рухнула на согнутую спину Рэднала.

Когда Эвилия потеряла сознание, Лофоса закричала и бросилась вперед, желая помочь подруге. Носко зев Мартос тоже закричала, даже еще громче. Мобли, сын Сопсирка,

рванулся к Рэдналу, пытаясь подхватить Эвилию. То же сделали Фер вез Кантал и Жозел вез Глезир. То же сделал еще один турист — среднего возраста узкоголовый, мало принимавший участие в разговорах, сдержанный и тихий. Возникла сутолока, все мешали друг другу.

Потом тихий узкоголовый внезапно перестал быть тихим и заорал:

— Я врач, будьте вы прокляты шестью миллионами богов! Пропустите меня!

— Пропустите врача! — подхватил Рэднал, как можно осторожнее опуская Эвилию на пол. — Посмотрите сперва ее, свободный Голобол, — добавил он, с облегчением вспомнив имя врача. — Боюсь, что Дохнору уже не помочь.

Кожа Голобола была такой же темной, как у Мобли, сына Сопсирка, но по-тартешски он говорил с иным акцентом. Когда врач повернулся к Эвилии, та застонала и шевельнулась.

— Девушка в полном порядке, можно не сомневаться, а вот этот бедняга... — Как и Рэднал, он попытался нащупать пульс — так же тщетно. — Вы правы, сэр. Этот человек мертв. И уже довольно давно.

— Откуда вы знаете? — спросил гид.

— Вы же его щупали, да? Нельзя не заметить, что тело остыло, — ответил врач.

Если подумать, то он таки заметил, но как-то не обратил внимания. Рэднал всегда немного гордился, как легко и быстро ему дался курс оказания экстренной помощи. Но он не медик и не в состоянии автоматически фиксировать все детали, как делает опытный врач...

Очередным криком Эвилии, который прервал приступ досады, мог бы по праву гордиться вышедший на охоту пещерный кот. Лофоса склонилась над подругой, заговорила с ней на родном языке; крик затих.

Только Рэднал начал задумываться над тем, что делать дальше, как к нему обратился Голобол:

— Взгляните-ка сюда, сэр.

Врач указывал на пятно на шее Дохнора прямо над тем местом, где она так неестественно изогнулась.

— Ну и что? — вынужден был спросить Рэднал.

— Вы, широкобровые, волосатый народ, вот что, — сказал Голобол. — И все равно здесь четко заметно... изменение окраса... цвета... как это на вашем языке?.. пятно! Да? Хорошо. Такую отметину оставляет удар ребром ладони, смертельный удар.

Несмотря на всю жару Низины, в животе у Рэднала образовался ледяной ком.

— То есть вы хотите сказать, что это убийство?

Слово рассекло гомон голосов, стоявший в комнате, словно скальпель. Только что царила сумятица, потом мгновенно наступила тишина. И в этой внезапной звенящей тишине Голобол сказал:

— Да.

— О боги, ну и влипли! — пробормотал Фер вез Кантал.

Теперь сообразить, что делать дальше, стало крайне необходимо. Почему боги (хотя Рэднал не верил во все их шесть миллионов) соизволили, чтобы убийство произошло именно в его группе? И почему, во имя всех богов, в которых он верил, убили именно моргафца?! В Моргафе с подозрением, если не воинственно, относились к любым происшествиям с его подданными в Тартеше. А уж если Дохнор из Келлефа действительно шпион, то к его смерти в Моргафе отнесутся не просто с подозрением. Да они будут в ярости!

Рэднал шагнул к радиофону.

— Кому ты хочешь позвонить? — спросил Фер.

— Сперва обращусь в милицию Парка. Их надо известить в любом случае. А затем... — Рэднал глубоко вздохнул, — затем, пожалуй, свяжусь со столичным отделением Глаз-и-Ушей Наследственного Тирана. Убийство моргафца, принесшего клятву верности Богине, дело не для парковой милиции. Кроме того, пусть уж лучше кто-нибудь из Глаз-и-Ушей уведомит о происшествии моргафские власти, а не я.

— Да, могу себе представить, — кивнул Фер вез Кантал. — Ты скажешь что-нибудь не то, а они свои канонерки пустят через Рукав! Или... — Работник паркового хозяйства покачал головой. — Нет, даже островной король не настолько спятил,

чтобы швыряться звездными бомбами из-за такого пустяка. — Фер с надеждой поднял глаза. — Правда?

— Разумеется. — Но в голосе Рэднала тоже не было уверенности. В мире и политике все перевернулось с тех пор, как пятьдесят лет назад появилась звездная бомба. Ни Тартеш, ни Моргаф не использовали звездные бомбы даже в войне друг с другом, но не переставали производить и испытывать это страшное оружие. Так же делали и еще восемь или десять других государств, разбросанных по планете. Если начнется большая война, она запросто может перерасти в Большую Войну, которую все боятся.

Рэднал пробежал пальцами по кнопкам радиофона. Раздался треск, потом голос произнес:

— Милиция Котлован-Парка, подкомандир вез Стериз.

— Благословят тебя боги, Лием вез! — Этот человек был Рэдналу знаком и симпатичен. — Говорит вез Кробир, из базового лагеря. К сожалению, я должен сообщить, что у нас смерть, причем похоже на убийство. — Гид объяснил, что случилось с Дохнором из Келлефа.

— Ну почему обязательно моргафец?! — воскликнул Лием вез Стериз. — Теперь придется вызывать Глаза-и-Уши, и одним богам известно, чем все это кончится.

— Да, мой следующий звонок в Тартешем, — сказал Рэднал.

— Вообще-то тебе, наверное, следовало звонить туда в первую очередь, ну да ладно. Приеду с бригадой, как только поднимем «вертушку». До встречи.

— До встречи.

Следующий звонок пришлось делать через оператора. Через несколько сотен сердцебиений Рэднала связали с неким Пегголом вез Менком. В отличие от сотрудника милиции Парка тот все время перебивал вопросами, поэтому разговор шел вдвое дольше.

Когда Рэднал закончил, Глаз-и-Ухо заявил:

— Вы верно поступили, связавшись с нами, свободный вез Кробир. Мы займемся дипломатическим аспектом дела и немедленно вышлем группу для расследования. Не позволяйте никому покидать... базовый лагерь, так, кажется? До свидания.

Вместо более распространенной — и более конфиденциальной — трубки радиофон был снабжен громкоговорящей диафрагмой, и слова Пеггола вез Менка слышали все. Никому они не понравились.

— Это что же он хочет? — сказала Эвилия. — Чтобы мы сидели здесь взаперти... вместе с убийцей?

Она начала дрожать, и Лофоса обняла ее за плечи.

У Бентера вез Мапраба возникло иное возражение:

— Послушайте, свободный, я немало заплатил серебра за осмотр Котлован-Парка и намерен получить все, что полагается за мои деньги. В противном случае я обращусь в суд.

Рэднал подавил стон. Тартешский закон, в значительной степени основанный на доверии, сурово карал тех, кто нарушает договор. Если старик обратится в суд, то скорее всего получит изрядную компенсацию за причиненный ему ущерб от Котлован-Парка — и в частности от Рэднала как от того, кто конкретно не обеспечил выполнения обещанных услуг.

Что еще хуже, к негодующему широкобровому присоединилась чета Мартосов. Человеку рассудительному и спокойному, Рэдналу никогда в жизни не приходилось нанимать законника, и он невольно подумал, хватит ли у него серебра на контракт с хорошим специалистом. Потом он подумал, суждено ли ему вообще увидеть серебро после того, как с ним разберутся туристы, суд и законник.

Поднявшийся шум перекрыл голос Тогло зев Памдал:

— Подождите сердцебиение! Умер человек — это важнее, чем все остальное. Что касается экскурсии... Раз начало осмотра отложилось, может быть, администрация Парка пойдет нам навстречу и перенесет сроки окончания, тогда мы полностью воспользуемся оплаченным временем.

— Отличное предложение! — с благодарностью сказал Рэднал. Фер и Жозел кивнули.

Отдаленный шум в небе перерос в грохот. Между домиком базового лагеря и хлевом, вздымая клубы пыли, опустилась милицейская «вертушка». По стенам и окнам застучали мелкие камушки. Потом мотор выключили, лопасти остановились, и пыль осела.

Рэдналу сразу полегчало, будто добрый бог спугнул ночного демона с его плеч.

— Не думаю, что потребуется продлевать вашу поездку более чем на день, — бодро сказал он.

— Да мы же привязаны к этому чертову месту в глуши! — прорычал Эльтзак вез Мартос.

— Вот именно, в глуши, — согласился Рэднал. — Предположим, мы отправимся на осмотр Парка — куда сможет бежать злодей на осле? Мы сразу установим его личность и перехватим на «вертушке».

Гид радостно улыбнулся. Туристы тоже с облегчением стали улыбаться — включая, напомнил себе Рэднал, и убийцу.

В дом вошли Лием вез Стериз и еще два сотрудника милиции Парка в военизированном варианте одежды биолога — их мантии и кепочки с длинными козырьками были испещрены бурыми и светло-зелеными пятнами, в тусклый цвет были покрашены даже знаки различия.

На стол, за которым Дохнор и Бентер вез Мапраб предыдущим вечером играли в бой, Лием поставил записыватель. Прибывший с ним эксперт стал самозабвенно делать снимки, словно заправский турист.

— Тело передвигали? — спросил он.

— Нет. Мы только удостоверились, что бедняга мертв, — ответил Рэднал.

— Мы? — переспросил эксперт.

Рэднал представил Голобола.

Лием взял свидетельские показания: сперва у заикающейся и то и дело вытирающей слезы Эвилии, затем у Рэднала, потом у врача и остальных туристов и сотрудников базового лагеря. Большинство повторяли одно и то же: услышали крик, выбежали и увидели Эвилию, склонившуюся над лежащим Дохнором.

— Женщину нельзя винить в смерти несчастного, — добавил Голобол, его акцент заметно усилился. — Он скончался довольно раньше, за один или два десятины, а она просто обнаружила труп.

— Я понимаю, свободный, — заверил его Лием. — Именно поэтому ее показания особенно важны.

* * *

Милиционеры как раз закончили снимать последние показания, когда за окном приземлилась еще одна «вертушка». Пыль улеглась, и в дом вошли четыре человека.

Глаза-и-Уши Наследственного Тирана скорее походили на преуспевающих торговцев, чем на военных: на их кепочках красовались ремешки из настоящей кожи, мантии опоясывали серебряные пояса, а на указательном пальце каждого агента сидел перстень.

— Я Пеггол вез Менк, — объявил один из них — невысокий и, по тартешским стандартам, худой; кепочку он носил по-щегольски сдвинутой набекрень, а глаза его смотрели пытливо и с подозрением, будто он ожидал, что кто-то сейчас совершит роковую ошибку.

Начальник Глаз-и-Ушей сразу «вычислил» Лиема вез Стериза и спросил:

— Что вам удалось сделать, подкомандир?

— Обычная процедура, — ответил милиционер. — Сняли показания у всех присутствующих, а наш эксперт, старший рядовой вез Софана, сфотографировал место происшествия. Тело мы не трогали.

— Хорошо, — сказал Пеггол вез Менк. Один из его людей усердно делал снимки, орудуя вспышкой, другой поставил на стол записыватель — рядом с аналогичным устройством парковой милиции. — Мы снимем копию ваших записей и сделаем свои собственные — на случай, если вы упустили какие-нибудь важные вопросы. Обыск вещей и помещений еще не производили?

— Нет, свободный, — сухо ответил Лием вез Стериз. Рэдналу тоже не понравилось бы, если бы кто-нибудь захотел украсть и продублировать его работу. Глаза-и-Уши, однако, всегда творили, что им вздумается; им подконтролен весь Тартеш, но кто контролирует их?

— Мы этим займемся. — Пеггол вез Менк сел за стол.

Фотограф вставил в аппарат свежую пленку и с двумя оставшимися агентами пошел в ближайшее спальное помещение. Оно принадлежало Голоболу.

— Будьте аккуратны, молю вас! — воскликнул врач. — У меня есть очень хрупкое оборудование.

— Сейчас я выслушаю показания женщины, обнаружившей тело. — Пеггол вытащил блокнот, заглянул в него. — Эвилия.

Эвилия, уже немного успокоившись, повторила свой рассказ, как показалось Рэдналу, теми же словами, что и прежде. Если у Пеггола и появились какие-то новые важные вопросы, он их не задал.

Примерно через десятую часть десятины наступил черед Рэднала. Пеггол вспомнил имя гида, не обращаясь к помощи блокнота. И снова его вопросы почти точь-в-точь повторяли вопросы милиционера. Когда все осталось позади, Рэднал задал собственный вопрос:

— Свободный, пока идет расследование, можно мне выводить группу на экскурсии в Парк?

Он объяснил, что Бентер вез Мапраб угрожает судом и почему, по его мнению, преступнику не скрыться.

Глаз-и-Ухо потянул себя за нижнюю губу. Волосы под ней были не выбриты и росли небольшим хохолком, от чего казалось, что его подбородок выдается вперед, как у узкоголового. Когда он отпустил губу, та стала на место с влажным шлепком. Глаза под кепочкой набекрень смотрели пронзительно и циничнo. Надежды Рэднала рухнули: сейчас агент просто рассмеется.

— Свободный, мне известно, что формально вы имеете воинское звание, — сказал Пеггол. — Однако предположим, вы обнаружите, кто убийца, или он снова нанесет удар. Вы уверены, что сумеете задержать его и доставить в надлежащие органы для суда и обезглавливания?

— Я...

Рэднал замолчал. Ироничный вопрос напомнил ему, что он берется не за свое дело. Не исключено, что Дохнор из Келлефа был шпионом; так или иначе, его убийца может убить снова. «Может убить меня, если я установлю его личность», — мелькнула мысль.

— Не знаю, — наконец проговорил он. — Хотелось бы так думать, но ни с чем подобным мне никогда не приходилось сталкиваться.

Что-то похожее на одобрение мелькнуло в глазах Пеггола вез Менка.

— Вы честны перед собой, не каждый на такое способен. Гм-м... Если дело дойдет до суда, то платить ведь придется не только вам? Нет, конечно, немало серебра выложит и Котлован-Парк, то есть Великий Тиран.

— Отсюда и мое беспокойство! — заверил Рэднал, как он надеялся, в патриотическом порыве. Лично для него собственное серебро стояло на первом месте. Он был достаточно честен перед собой, чтобы не бояться себе в этом признаться, но не обязательно признаваться в этом Пегголу.

— Нисколько не сомневаюсь, — сухо произнес Глаз-и-Ухо. — Я тоже в первую очередь пекусь о казне Тирана. Ну тогда так: вы начинайте осмотр Парка, выполняя условия контракта, а я отправлюсь с вами, в то время как мои коллеги будут работать здесь. Это разумно?

— Да, свободный, благодарю вас! — воскликнул гид.

— Хорошо, — кивнул Пеггол. — Моя наложница давно уже упрашивает свозить ее сюда. Заодно и пойму, хочется ли мне этого. — Он усмехнулся. — Видите, я тоже не забываю о своих интересах.

Остальные Глаза-и-Уши методично осматривали спальные помещения туристов и их вещи. Один агент вынес из комнаты Лофосы книгу и положил ее на стол перед Пегголом вез Менком. На обложке красовалась цветная фотография двух совокупляющихся узкоголовых. Пеггол пролистал книгу — вариации на ту же тему заполняли каждую страницу.

— Забавно, — произнес он, — хотя и должно было быть конфисковано, когда владелец этой вещицы пересекал границу.

— Еще чего! — возмущенно заявила Лофоса. — Только такие ханжи, как вы, широкобровые, делают вид, будто не одобряют подобное занятие — а на самом деле просто балдеют от него! Уж я-то знаю!

Рэднал отчаянно возжелал, чтобы Пеггол не стал интересоваться, откуда она это знает. Лофоса наверняка ему все выложит, причем в красочных деталях; уж чем-чем, а стыдливостью они с Эвилией не отличались.

Но Пеггол сказал:

— Мы прилетели сюда не порнографию искать. Она могла этой мерзостью вытянуть из Дохнора все жилы, но свернуть ему шею — нет. Пусть себе держит свою игрушку, раз любит рассказывать всему миру то, что следует держать при себе.

— А-а, чушь! — Лофоса схватила альбом и понесла в свою комнату, демонстративно виляя бедрами, будто без слов возражая Пегголу.

Больше Глаза-и-Уши ничего интересного ни у нее, ни у Эвилии не нашли. Рэднал даже удивился: девицы притащили в комнаты все, кроме, разве что, ездовых ослов. Потом он пожал плечами: должно быть, набрали всяких женских побрякушек и мелочей, которые им следовало оставить в тартешской гостинице, если уж не дома в Крепалге.

А потом праздные мысли вылетели у него из головы — агент, обыскивавший комнату Дохнора, громко присвистнул. Пеггол вез Менк бросился к нему и вышел в гостиную, что-то сжимая в кулаке. Когда он разжал пальцы, Рэднал увидел две шестиконечные золотые звезды — моргафский знак воинского отличия.

— Значит, все-таки шпион! — воскликнул Фер вез Кантал.

— Возможно, — кивнул Пеггол.

Но когда он связался по радиофону с Тартешемом, выяснилось, что, пересекая границу Тирании, Дохнор из Келлефа не скрыл своего звания батальонного командира.

Глаз-и-Ухо хмыкнул:

— Солдат — да, но в конце концов, похоже, не шпион.

— Надеюсь, вы скоро прекратите здесь шарить и разрешите нам начать оплаченный тур! — вмешался Бентер вез Мапраб. — У меня не так много свободного времени.

— Успокойтесь, свободный, — сказал Пеггол. — Убили человека.

— И он не будет жаловаться, если я все-таки увижу пресловутые чудеса Котлован-Парка! — подхватил Бентер, так яростно сверкая глазами, словно сам Наследственный Тиран распекал тупого подданного.

Рэднал, видя, как Бентер реагирует, когда ему перечат, невольно подумал, не сломал ли тот Дохнору шею просто в

отместку за проигрыш в бой. Бентер, конечно, не молод, но далеко не слаб. И наверняка ветеран последней войны с Моргафом — или предпоследней с Моргафом и Крепалганским Единством. Старик знает, как убивать.

Рэднал покачал головой. Эдак вскоре можно заподозрить Фера и Жозела или собственную тень. Жаль, что ему «повезло» со жребием на работу гида. Лучше изучать метаболизм жирной песчаной крысы, чем гадать, кто из его подопечных совершил убийство.

— Прежде необходимо осмотреть наружные строения, — сказал Пеггол вез Менк. — Свободный вез Кробир уже обещал вам завтра начать тур. Я как профессионал считаю, что ни один суд не поддержит иск из-за однодневной задержки, когда вам гарантирована компенсация потерянного времени.

— Ба! — Бентер яростно фыркнул и отвернулся.

Гид поймал взгляд Тогло зев Памдал. Слегка приподняв бровь, девушка покачала головой. В ответ он еле заметно пожал плечами. Оба улыбнулись. В каждой группе всегда найдется такой сварливый тип. Рэднал был рад, что Тогло не держит зла из-за его опрометчивых забав с Лофосой и Эвилией.

— Кстати о наружных строениях, свободный вез Кробир, — сказал главный Глаз-и-Ухо, — у вас там только хлев?

— И уборная, — ответил Рэднал.

— Ах да, уборная. — Пеггол сморщил нос. Его нос был даже больше, чем у Рэднала. Широкобровые вообще отличались крупными носами, словно бы служащими противовесом их удлиненным черепам. Поэтому лиссонесец, чьи носы обычно были маленькими и приплюснутыми, порой мог назвать тартешца «рылом». Это прозвище вызывало драку в каждом порту Западного океана.

Фер вез Кантал сопроводил одного из людей Пеггола к хлеву; Глаз-и-Ухо явно нуждался в поддержке в борьбе против могучих бешеных ослов — об этом красноречиво свидетельствовал его внешний вид. Когда шеф отдал агенту приказ, тот вздрогнул и побледнел, словно ему велели вторгнуться в Моргаф и снять скальп с островного короля.

— Вы, Глаза-и-Уши, должно быть, ведете в основном дела в больших городах, да? — спросил Рэднал.

— А вы заметили это? — Пеггол вез Менк поднял бровь. — Верно, мы горожане до мозга костей. Угроза государству обычно исходит из толпы маскирующихся людей. Когда толпа не маскируется, в дело, как правило, вступает армия.

Мобли, сын Сопсирка, подошел к полке, где лежала доска с боевыми фигурами.

— Раз уж мы сегодня остались в лагере, может, сыграем партию, на которую не решились вчера, Рэднал?

— Лучше, наверное, как-нибудь в другой раз, свободный вез Сопсирк, — ответил гид, обратившись к Мобли на тартешский манер. Может быть, коричневокожий поймет намек и будет использовать его имя более формально.

Но Мобли, похоже, намеков не понимал, как видно было из его неудачных заигрываний с Эвилией и еще более неудачного выбора времени для партии в бой.

Глаз-и-Ухо вернулся из хлева, так и не найдя разгадку смерти Дохнора. Судя по его тихому рассказу коллегам, он был рад, что вообще сумел унести ноги из этого логова кровожадных хищников. Работники Котлован-Парка с трудом прятали улыбки. Даже некоторые туристы, на два дня дольше знакомые с ослами, нежели несчастный Глаз-и-Ухо, посмеивались над его страхом.

Что-то на крыше громким скрипучим голосом отчетливо произнесло: «Хи-хи-хи». Агент, бесстрашно покоривший хлев, оцепенел, а Пеггол вез Менк снова поднял бровь:

— Что это, свободный вез Кробир?

— Коприт, — ответил Рэднал. — Людей на колючий кустарник эти птицы практически никогда не насаживают.

— Вот как? Приятно слышать. — Смех Пеггола заменяло сухое покашливание.

Обедали снова военным рационом. Рэднал озабоченно посмотрел на Лиема вез Стериза — незапланированные лишние рты быстрее истощат запасы продовольствия. Расшифровав взгляд, Лием сказал:

— Если понадобится, мы подвезем продукты из отделения милиции.

— Хорошо.

Пеггол вез Менк и Лием вез Стериз большую часть дня провисели на радиофоне. Рэднал подумал было о повышенном расходе энергии, однако тут же успокоился. Даже если закончится горючее для генератора, необходимое количество тока дадут солнечные батареи. Уж в чем-чем, а в солнечном свете Парк недостатка не испытывал.

После ужина милиционеры и Глаза-и-Уши расстелили свои спальные мешки на полу гостиной. Пеггол составил расписание дежурств — каждому из его людей и людей Лиема придется бодрствовать примерно по полдесятины. Рэднал вызвался нести вахту первым.

— Нет, — твердо ответил вез Менк. — Хотя я не сомневаюсь в вашей невиновности, свободный вез Кробир, вы и ваши коллеги формально остаетесь под подозрением. Моргафское представительство вправе заявить протест, если вам будут предоставлены некие возможности, которые вы могли бы использовать в личных интересах.

Хотя и вполне обоснованный, отказ задел Рэднала. Биолог удалился в свою клетушку, лег и обнаружил, что не в состоянии заснуть. Две последние ночи он буквально проваливался в сон, когда появлялись Эвилия и Лофоса. Сейчас сна не было ни в одном глазу — а они не шли.

Любопытно почему? Они ясно показали, что никого и ничего не стесняются. Может быть, девушки решили, что он чересчур робок, чтобы заниматься любовью, когда за дверью и милиция, и Глаза-и-Уши. Несколько дней назад так оно, безусловно, и было. Сейчас... трудно сказать. Лофоса и Эвилия так просто и естественно относились к совокуплению, что любой другой взгляд на это казался нелепым.

Так или иначе, девушки не пришли. Рэднал долго ворочался в спальном мешке и хотел даже выйти поболтать с тем, кто нес сейчас вахту, но потом раздумал: Пеггол вез Менк заподозрит, что он сделал это в каких-то своих черных целях. Рэднала вновь захлестнула волна раздражения и обиды и прогнала сон еще дальше. Немалую роль сыграла в этом неистовая ссора четы Мартос за стенкой — супруги выясняли, кто из них потерял единственную скребницу.

В конце концов биолог, наверное, задремал, потому что очнулся он внезапно от того, что вахтенный перед рассветом включил в гостиной свет. Рэднал зевнул, надел кепочку, перепоясал мантию и вышел из своей комнатки. Жозел вез Глезир и несколько туристов уже сидели в гостиной, разговаривая с милиционерами и людьми из столичного отделения Глаз-и-Ушей. Разговор оборвался, когда в гостиную вплыла Эвилия — забыв одеться.

— Тяжелая у вас, экскурсоводов, работа, — сказал Пеггол вез Менк тем же тоном, каким говорили обыватели, убежденные, что гид все время только и сношается со своими подопечными.

Рэднал хмыкнул — на этот раз ему действительно ничем иным утруждать себя не приходилось. «Обычно не так», — хотел возразить он. Впрочем, вряд ли Пеггол ему поверит, поэтому и здесь можно себя не утруждать. Если Глаз-и-Ухо чему-то не поверит, то начнет копать, а если он начнет копать, то будет копать, пока не найдет то, что ищет, — независимо от того, было оно или нет.

Рэднал и Жозел вышли за пищевыми концентратами, а когда вернулись, в гостиной уже собрались все, и Эвилия ухитрилась отвлечь нескольких мужчин от Лофосы.

— Пожалуйста, свободная, — сказал биолог, передавая еду Тогло зев Памдал.

Никто не обращал на нее особенного внимания — обычная тартешская женщина в скрывающей все тартешской мантии, не то что практически голая иностранная штучка. Интересно, подумал Рэднал, не действует ли это ей на нервы. Женщины не любят, когда ими откровенно пренебрегают.

Если ей что-то и не нравилось, Тогло зев Памдал этого не показывала.

— Надеюсь, вы спали спокойно, свободный вез Кробир? — Девушка даже не взглянула в сторону Эвилии и Лофосы. Никакого особого смысла она в свои слова вроде бы не вкладывала, что совершенно устраивало Рэднала.

— Да, надеюсь, вы тоже, — ответил он.

— Более или менее — хотя не так хорошо, как до убийства моргафца. Жаль, что ему больше не рисовать — у него

определенно был талант. Да ниспошлет ему Богиня в следующей жизни землю, воду и ветер — так, по-моему, молятся островитяне?

— Кажется, да, — кивнул Рэднал, хотя мало что знал о верованиях Моргафа.

— Я рада, что вы сумели добиться продолжения тура, несмотря на трагедию, Рэднал вез, — сказала Тогло. — Мертвому не помочь, а Низина великолепна.

— Действительно так, своб... — начал биолог. Потом замолчал и мигнул. Девушка использовала не формальное обращение, а обращение средней степени близости, говорящее, что она его знает немного и не находит отталкивающим. Учитывая то, чему она явилась свидетельницей в первую ночь, это было просто чудо. Рэднал не упустил удобный случай и с улыбкой поправился: — Тогло зев.

Когда спустя некоторое время он и Фер выносили упаковки от рационов в мусорный ящик, работник Парка ткнул его локтем в бок и сказал:

— Я погляжу, женщины от тебя без ума, а, Рэднал вез?

Биолог ткнул приятеля в бок еще сильнее.

— Чтоб тебе утонуть в Горьком озере, Фер вез! От этой группы одни неприятности! А Носко зев Мартос вообще считает меня частью меблировки.

— Ну, тебе-то она не нужна! — рассмеялся Фер. — Ладно, я просто ревную.

— Ты повторяешь слова Мобли, — ответил Рэднал. Чувство ревности, которое вызывала в окружающих его мужская привлекательность, было ему в новинку и, честно говоря, не очень неприятным. По тартешским нормам слыть любителем плотских утех считалось слегка неприлично — все равно что разбогатеть, нарушая закон. С другой стороны, Эвилии и Лофосе всякие условности, похоже, были глубоко безразличны. «Ну и что, — спросил себя Рэднал, — ты действительно хочешь уподобиться Эвилии и Лофосе, как бы ни были спелы их тела?» Он хмыкнул. — Ладно, давай двигай. Нам пора, в конце концов, собираться.

После двухдневной практики туристы возомнили себя бывалыми наездниками. Они взгромоздились на ослов и по-

чти без приключений вывели их из стойла. Пеггол вез Менк выглядел не менее встревоженным, чем его подручный, обыскивавший подсобные помещения. Свою белую мантию он аккуратно подобрал, словно боялся ее испачкать.

— Я тоже должен ехать на одном из этих животных? — спросил Глаз-и-Ухо.

— Вы же сами вызвались нас сопровождать, — отозвался гид. — Впрочем, ехать верхом вовсе не обязательно; вы можете идти пешком, ведя осла в поводу, только не отставайте.

— Благодарю вас, свободный вез Кробир! — Пеггол сверкнул глазами. Он умышленно не сказал «Рэднал вез». — Не будете ли вы так добры показать мне, как взбираются на эту четвероногую тварь.

— Безусловно, свободный вез Менк. — Рэднал сел на осла, спешился, снова сел. Животное наградило его укоризненным взглядом мученика, будто призывая в конце концов принять какое-то решение. Гид снова спешился, а раздавшееся фырканье осла истолковал как вздох смирения. — Теперь попробуйте вы, свободный.

В отличие от Эвилии и Лофосы Глаз-и-Ухо сумел повторить движения Рэднала, тем самым избавив гида от необходимости сажать его в седло (к счастью, отметил про себя Рэднал — Пеггол не был стройным и поджарым, как узкоголовые девушки).

— В Тартешеме, свободный вез Кробир, я никогда не пользуюсь верховыми животными, — сухо сказал шеф Глаз-и-Ушей.

— В Тартешеме, свободный вез Менк, мне такое тоже в голову не придет, — отозвался Рэднал.

Группа пустилась в путь через десятину после рассвета. Рэднал предпочел бы выехать раньше, но, учитывая переживания предыдущего дня, лучшего ожидать было нельзя. Гид направил ее на юг, к долине в самом центре Котлован-Парка. Мобли, сын Сопсирка, уже обильно потел под своей соломенной шляпой.

Какой-то зверек юркнул в укрытие мясистых листьев пустынного молочая.

— Что это мы сейчас чуть не увидели, свободный? — спросил Голобол.

Рэднал улыбнулся.

— Жирную песчаную крысу. Это существо отлично приспособлено питаться растениями, накапливающими в листве соль. Жирные песчаные крысы широко распространены во всей Низине, а особенно их много в районах, где влаги достаточно для оросительного земледелия.

— Похоже, вы большой специалист по этим тварям, Рэднал, — заметил Мобли.

— Хотелось бы быть еще большим, свободный вез Сопсирк, — ответил Рэднал, пока не отчаявшись заставить лиссонесца отказаться от грубоватой фамильярности. — Я их изучаю в свободное от обязанностей экскурсовода время.

— Терпеть не могу всех крыс без исключения! — заявила Носко зев Мартос.

— Ну, не знаю, — протянул Эльтзак. — Некоторые крысы довольно симпатичные. — Супруги затеяли спор; никто не обращал на них внимания.

— Надо же! — хмыкнул Мобли. — Проводить все свое время, изучая крыс!

— А вы как зарабатываете себе на хлеб, свободный? — резко парировал Рэднал.

— Я? — Смуглое и плосконосое лицо лиссонесца разительно отличалось от лица широкобровых, и все-таки биолог распознал мелькнувшее на нем выражение: маска человека, которому есть что скрывать. — Как я уже говорил, я приближенный нашего принца, да продлятся его годы!

Рэднал вспомнил, что эти слова действительно были произнесены и, возможно, даже отражали правду. Но не всю — внезапно осознал он.

Бентеру вез Мапрабу на жирную песчаную крысу было совершенно наплевать. А вот листок, под которым та скрылась, его заинтересовал:

— Свободный вез Кробир, не могли бы вы объяснить связь между местными растениями и кактусами пустынь Двойного континента?

— Собственно, никакой связи нет. — Рэднал одарил пожилого широкобрового неприязненным взглядом. Хочешь меня выставить перед всеми в глупом свете, да? — Их сходство проистекает из адаптации к одинаковым условиям. Это называется конвергентной эволюцией. Если растения разрезать, сразу становится ясно, что они между собой никак не связаны. У молочая сок густой и молочно-белый, у а кактуса — водянистый и прозрачный. Рыбы и киты тоже походят друг на друга, но это потому, что они обитают в одной среде, а не потому, что они между собой в родстве.

Бентер слегка поник на спине своего осла, и Рэднал почувствовал в душе торжество, словно он только что победил эскадрон моргафских морских пехотинцев, а не вздорного старого тартешца.

На шипах пустынного молочая были нанизаны там тушканчик, здесь несколько кузнечиков, другие мертвые мелкие твари.

— Кто это вывесил их сушиться? — спросил Пеггол вез Менк.

— Коприт, — ответил Рэднал. — Большинство сорокопутов устраивают своеобразную кладовку для пойманного, но еще не съеденного.

— А-а, — разочарованно протянул Пеггол. Может, Глази-Ухо вообразил, что некто в Парке обожает мучить животных, и уже приготовился изловить садиста.

Тогло зев Памдал указала на нанизанную на шип ящерицу, которая, похоже, немало времени провела на солнце:

— Разве они способны питаться чем-нибудь столь сухим, Рэднал вез?

— Наверное, нет, — кивнул биолог. — Я бы по крайней мере не хотел. — Он дал ей время посмеяться, затем продолжил: — Коприт хранит в своей кладовке не только то, что собирается съесть; это еще и витрина для привлечения себе подобных. Особенно в брачный сезон. Самец будто говорит потенциальной партнерше: «Гляди, какой я славный охотник!» Коприты выставляют напоказ не только пойманную живность. Я находил на шипах яркие нитки, кусочки блестящего пластика, а однажды даже вставную челюсть.

— Вставную челюсть? — Эвилия покосилась на Бентера вез Мапраба. — Кое-кому стоит побеспокоиться.

Некоторые туристы невольно засмеялись, даже Эльтзак коротко хохотнул. Бентер бросил на узкоголовую девушку яростный взгляд; та не обратила на него никакого внимания.

Высоко в небе, почти неразличимые, виднелись две движущиеся точки. Когда Рэднал предложил группе посмотреть вверх, к ним присоединилась третья.

— Еще один пернатый оптимист, — сказал гид. — Вообще этот край — райский уголок для стервятников. Восходящие от дна Низины теплые потоки воздуха помогают им бесхлопотно парить. Милые птички с надеждой ждут, пока один из ослов — или из нас — не окочурится. Тогда у них будет пир.

— А что они едят, если не подворачиваются туристы? — спросила Тогло зев Памдал.

— Сгодится безгорбый верблюд, кабан... да любая мертвечина! Количество стервятников невелико только потому, что земли здесь слишком скудны и не могут поддерживать большое поголовье крупных травоядных.

— Я видел иные земли, — вставил Мобли, сын Сопсирка. — В Дюваи, к востоку от Лиссонленда, целые стада мчатся по травянистым прериям, как это было до появления человека. Впрочем, за последние сто лет их изрядно повыбивали охотники... По крайней мере так говорят дювайцы — сам я там не был.

— Да, я слышал то же самое, — кивнул Рэднал. — У нас здесь все по-другому.

Он повел рукой вокруг, как бы показывая, что имеется в виду. В Низине было слишком сухо и жарко для травы. За землю цеплялся молочай и на вид пересохшие кустики — шипастая травохлебка, олеандр, карликовая пустынная олива (слишком маленькая, чтобы называться деревом). Растения поменьше жались в тени более крупных. Рэднал знал — повсюду разбросаны семена, только и ждущие первого дождика. Но в целом земля была пуста, словно море исчезло буквально вчера, а не пять с половиной миллионов лет назад.

— Я хочу, чтобы вы все хорошенько напились, — сказал гид. — В такой жаре лучше потеть, чем думать. Ослы несут достаточно воды, а вечером в лагере мы пополним опустевшие емкости. Не стесняйтесь — если не принять мер предосторожности, запросто можно умереть от солнечного удара.

— Теплую воду не очень-то приятно пить, — проворчала Лофоса.

— Простите, свободная, но Котлован-Парк не настолько богат, чтобы расставить повсюду холодильники для удобства туристов, — сказал Рэднал.

Несмотря на жалобу, и Лофоса, и Эвилия регулярно пили. Рэднал недоумевал — как эти на вид глупые как пробки девицы умудряются все же избежать настоящих неприятностей.

Эвилия даже захватила насколько пакетиков с сухим напитком, поэтому, когда все туристы довольствовались водой температуры крови, она пила температуры крови фруктовый сок. Кристаллики порошка придавали воде и цвет крови. Рэднал невольно содрогнулся.

К Горькому озеру они пришли незадолго до полудня. Скорее это была соленая топь; Далорц нес слишком мало воды, чтобы восполнить чудовищное испарение под палящими лучами солнца. Соляные отложения поблескивали белым среди грязных луж.

— Ни в коем случае не позволяйте ослам что-нибудь есть, — предупредил гид. — Вода несет сюда из подземных соляных слоев все что угодно, местные растения и то выживают с трудом.

Стоило посмотреть вокруг, чтобы убедиться в правдивости этих слов. Несмотря на присутствие воды, окрестности Горького озера были бесплодны даже по меркам Низины. Лишь кое-где крохотные искривленные растения цеплялись за почву.

Бентер вез Мапраб, интересовавшийся, судя по всему, исключительно цветоводством, указал на одно такое исключение:

— Что это — призрак растения, проклятый богами?

— Похоже, — сказал Рэднал. У кустарника были тоненькие, напоминающие скелет веточки, а чахлые листики отливали скорее белым, чем зеленым. — Это соляница, водится только вблизи Горького озера. Соль, извлекаемую из почвенной влаги, она откладывает на всей своей поверхности, тем самым добиваясь двух целей: собственно избавляется от соли и создает отражающий слой, снижающий температуру растения.

— А еще, наверное, эта соль делает соляницу не столь заманчивой в глазах тех, кто может ею полакомиться, — добавила Тогло зев Памдал.

— Верно. Есть, правда, два исключения, — сказал Рэднал. — Во-первых, безгорбый верблюд, у которого собственный метод вывода излишка соли. А во-вторых, наш маленький друг жирная песчаная крыса, хотя она и предпочитает более сочный пустынный молочай.

Тогло кинула взгляд вокруг.

— Посещая Парк — и в первый раз, и сейчас, — я невольно ожидаю увидеть ящериц, змей и черепах. А их нет, и это меня удивляет. По-моему, Низина — идеальное место для обитания холоднокровных.

— После заката или перед рассветом, Тогло зев, их здесь немало. Но только не в жаркий день. Холоднокровные — не совсем верный термин для рептилий. Температура тела у них переменная, а не постоянная, как у птиц или млекопитающих. Они повышают ее, греясь на солнышке, и понижают, уходя в тень в разгар солнцепека. Иначе просто зажарятся.

— Я отлично представляю, каково им приходится, — вздохнула Эвилия, пробежав рукой по своим густым черным волосам. — По-моему, меня уже можно разделывать.

— Ну, надеюсь, не все так плохо, — сказал Рэднал. — Сейчас наверняка меньше пятидесяти сотых, а здесь температура поднимается и выше. Причем на территории Котлован-Парка нет самых глубоких мест Низины. Спуститесь еще на несколько тысяч кьюбитов, и может зашкалить за шестьдесят.

Не-тартешцы застонали; к ним присоединились Тогло зев Памдал и Пеггол вез Менк. Столица Тартеша Тартешем была благословлена сравнительно мягким климатом, температура переваливала за сорок сотых только с поздней весны до ранней осени.

— А какова самая высокая температура, зарегистрированная в Низине? — с мрачным любопытством поинтересовался Мобли, сын Сопсирка.

— Шестьдесят шесть, — ответил гид.

Туристы снова дружно застонали.

Рэднал повел группу вокруг Горького озера, не подходя к нему близко — копыто осла могло пробить солевую корку, порой затягивающую маленькие лужицы; тогда животное споткнется или порежет ногу об острую твердую кромку.

— Ну, все вдоволь нафотографировались? — спросил гид через некоторое время. Не встретив возражений, он продолжил: — Тогда возвращаемся в лагерь.

— Погодите. — Эльтзак вез Мартос указал на противоположную сторону Горького озера. — Что там такое?

— Я ничего не вижу, Эльтзак, — немедленно отреагировала его жена. — У тебя, должно быть, галлюцинации... А-а, — сердцебиение спустя нехотя протянула она.

— Это стадо безгорбых верблюдов, — тихо произнес Рэднал. — Постарайтесь не спугнуть их.

Стадо было маленькое — несколько длинношеих самцов, вдвое больше самок, сложением помельче и поизящнее, и молодняк — крохотное неуклюжее тельце на длинных ногах. Животные спокойно расхаживали по соляной корке вблизи озера — мягкие широкие копыта не давали им проваливаться — и пили пенистую воду.

— Они наверняка отравятся, — огорченно проговорил Голобол. — Я бы не стал пить эту чудовищную жидкость, даже если бы умирал от жажды. — Его округлое коричневое лицо скривилось в отвращении.

— Да, если бы вы ее выпили, то умерли бы быстрее, чем от жажды. Но одногорбые верблюды эволюционировали вме-

сте с Низиной; их почки поразительно эффективны в извлечении большого количества соли.

— Почему у них нет горбов? — спросила Лофоса. — Крепалганские верблюды — с горбами! — Судя по ее тону, право на существование имело только то, к чему она привыкла.

— Я знаю, что у крепалганских верблюдов горбы есть, — ответил Рэднал, — но у верблюдов южной части Двойного континента нет, и нет горбов у этих. Что касается обитателей Низины, думаю, причина в том, что любой кусок жира — а горб есть не что иное, как жир, — лишняя нагрузка при выделении избыточного тепла.

— В прежние времена, до моторов, мы ездили верхом на наших крепалганских верблюдах, — сказала Эвилия. — А ваших безгорбых кто-нибудь приручил?

— Хороший вопрос. — Рэднал улыбкой скрыл свое удивление — у девицы откуда-то взялись мозги! — Вообще-то говоря, это пытались сделать неоднократно. Пока никому не удавалось. Они слишком упрямы, чтобы выполнять команды человека. Если бы мы могли одомашнить безгорбых верблюдов, вы бы сейчас ехали на них — они лучше, чем ослы, приспособлены к передвижению по этой местности.

— Зато уродливее, — вставила Тогло зев Памдал, почесывая своего осла за ушами.

— Не могу не согласиться с вами, свободная... э-э... Тогло зев, — сказал Рэднал. — Животное уродливее и непропорциональнее трудно найти.

Будто оскорбленные словами, которые они слышать не могли, безгорбые верблюды подняли головы и затрусили прочь от Горького озера. Их спины, в соответствии с покачивающейся поступью, двигались вверх и вниз, вверх и вниз.

— В Крепалге верблюдов иногда называют кораблями пустыни, — сказала Лофоса. — Теперь я понимаю, откуда это пошло: на них только посмотришь — и то тошнит!

Туристы рассмеялись. Рассмеялся и Рэднал.

Не всякий мог пошутить на чужом языке. Тогда почему же она ведет себя как набитая дура?.. Впрочем, мало, что ли, умных людей совершают глупости?

— Верблюды ведь могут съесть всю зелень в Котлован-Парке? — спросил Бентер вез Мапраб, обеспокоенный скорее судьбой растений, нежели верблюдов.

— Когда стада разрастаются и представляют собой угрозу для скудных ресурсов Парка, мы производим отстрел, — ответил гид. — Экологическая система здесь очень неустойчива. Стоит ее чуть качнуть, и она долго потом не придет в равновесие.

— А за пределами Котлован-Парка остались еще дикие безгорбые верблюды, Рэднал вез? — поинтересовалась Тогло.

— Буквально несколько маленьких стад, в районах Низины, слишком безжизненных для человека. Мы иногда вводим в стадо посторонних самцов для улучшения генофонда, но берем их из зоопарка, а не из естественных условий. — Стадо быстро удалилось, скрытое из глаз поднятой пылью. — Я рад, что нам представилась возможность их увидеть, хоть и на расстоянии, — не зря боги нам дали телеобъектив. Ну а теперь возвращаемся в лагерь.

Поведение туристов по пути назад казалось Рэдналу странно неестественным. Хотя среди них ехал Пеггол вез Менк, все старательно делали вид, будто это самая обычная экскурсия и ничего страшного не случилось. Впрочем, иначе приходилось бы постоянно оглядываться — ведь твой сосед мог оказаться убийцей.

И все-таки чей-то сосед на самом деле был убийцей. Ничем не выделяющимся из остальных — именно это тревожило Рэднала больше всего. Даже разговор с Тогло зев Памдал не доставлял особого удовольствия. Он не мог представить ее в роли убийцы — но не мог представить в этой роли и никого другого, кроме Дохнора из Келлефа, который был мертв, и четы Мартосов, готовых убить друг друга.

Вскоре Рэднал обращался к девушке «Тогло зев» уже без заминки. Его так и подмывало спросить (но не хватало смелости), с чего она с ним так любезна, даже став невольной свидетельницей его утех с узкоголовыми де-

вушками; тартешцы неприязненно относились к тем, кто давал волю плоти.

Еще он думал, что станет делать, если ночью к нему в комнату придут Лофоса и Эвилия. «Выгоню прочь!» — твердо решил гид. Одно дело — позволить себе сексуальное образование, когда рядом туристы, и другое — когда рядом милиция и Глаза-и-Уши. Хотя это не просто сексуальное образование, а, наверное, самое высшее... Может, не выгонять?.. Рэднал в сердцах стукнул себя кулаком по колену, злясь на собственную слабость.

До лагеря оставалось уже всего несколько тысяч кьюбитов, когда его осел внезапно фыркнул и будто оцепенел на негнущихся ногах. «Землетрясение!» — слово прозвучало одновременно на тартешском и других языках. Почва дрогнула и задрожала. Рэднал с удивлением увидел, что супруги Мартос, не сходя с ослов, прижались друг к другу.

Через несколько сердцебиений (хотя казалось, будто прошли целые десятины) дрожь утихла. И очень вовремя — осел Пеггола вез Менка от испуга лишился последних крох разума и готов был сбросить шефа Глаз-и-Ушей в колючий кустарник. Рэднал перехватил вожжи и успокоил животное.

— Благодарю вас, свободный вез Кробир, — с чувством произнес Пеггол. — Дурацкая ситуация.

— И вы ничуть ее не улучшили, отпустив вожжи, — шепнул гид. — Если бы вы ехали на моторе, бросили бы вы румпель?

— Надеюсь, нет, — ответил Пеггол. — Но если бы я ехал на моторе, он не попытался бы вдруг взбрыкнуть и кинуться в сторону!

Мобли, сын Сопсирка, бросил взгляд на запад, в направлении Барьерных гор.

— Трясло сильнее, чем вчера, — заметил он. — Я боялся, что вот-вот увижу воды Западного океана, низвергающиеся с высоты холки Бога-Льва.

— Как я уже говорил, об этом вряд ли стоит волноваться, — сказал Рэднал. — Землетрясение должно быть чрезвычайно сильным, с эпицентром именно в том месте, где способен нарушиться тектонический баланс горной гряды.

— Ну а я о чем? — Мобли, сына Сопсирка, слова гида, похоже, не успокоили.

Рэднал отмел его страхи с небрежной улыбкой. Невольно относишься чуть свысока к человеку, который остро реагирует на привычную тебе опасность. На Двойном континенте часто налетают чудовищные бури; Рэднал не сомневался, что такая буря напугает его до полусмерти, в то время как стекианцы будут вести себя как ни в чем не бывало. Тартешцы практически не обращали внимания на легкую дрожь под ногами.

Солнце клонилось к вершинам Барьерных гор. Наконец пики вспороли брюхо золотого шара, и тени в Низине стали казаться длиннее в обагрившихся кровью лучах. Красным засверкали стекло, металл и пластик вертушек, застывших между зданием лагеря и хлевом. Их присутствие вернуло Рэднала к действительности. Интересно, удалось милиции и Глазам-и-Ушам что-нибудь найти?

Те вышли навстречу приближающейся группе. В своих пятнистых мантиях милиционеры практически были не видны, сливаясь с пустынным пейзажем. Глаза-и-Уши с их белыми, золотыми и кожаными нашивками и эмблемами, напротив, словно хотели быть заметными с луны.

Лием вез Стериз помахал биологу рукой:

— Ну как, повезло? Пометили убийцу розовой ниткой?

— А вы видите розовую нитку? — Рэднал повернулся к группе и повысил голос: — Надо позаботиться об ослах, они не в состоянии сделать это сами. Расседлаем их, дадим воды и корма, а потом уж займемся собой. — И всем прочим, что здесь происходит, добавил он про себя.

Туристы вели себя тише, чем накануне, — начинала сказываться езда на ослах. Бедняга Пеггол вез Менк вдруг зашеголял какой-то кривоногой походкой, словно завзятый всадник или жертва рахита.

— А ведь как раз вчера думал не выйти на работу, взять выходной, — трагическим голосом сказал он. — Лучше бы я так и сделал, тогда ваш вызов принял бы кто-нибудь другой.

— Ну, у вас, наверное, бывают задания и похуже, — отозвался Рэднал, помогая ему расседлать осла. Закатив глаза, Пеггол показал, что такое просто немыслимо.

На помощь туристам в хлев пришли Фер вез Кантал и Жозел вез Глезир. Их глаза возбужденно сверкали под козырьками кепочек.

— Ну, Рэднал вез, мы тебе такое расскажем!.. — начал Фер.

Пеггол хоть и натер себе задницу, но мозги его еще работали. Он рубанул рукой воздух.

— Свободный, оставьте свои новости для более подходящего времени. — Уже спокойным жестом Глаз-и-Ухо указал в сторону галдящей толпы туристов. — Кто-нибудь может услышать то, что ему лучше не слышать.

Фер смутился.

— Извините, свободный, вы правы, конечно.

— Конечно. — Тон Пеггола ясно давал понять, что он прав всегда. Из-под блестящего козырька кепочки его взгляд обежал помещение, подозрительно ощупывая каждого присутствовавшего. Потом остановился на Рэднале — и мягче не стал.

— Я растопил плиту, — сказал Фер.

— Отличная идея! — бросил Эльтзак вез Мартос, проходя мимо. — Я так голоден, что съел бы и безгорбого верблюда, сырым и без соли.

— Ну, полагаю, мы найдем что-нибудь и получше. — Рэднал заметил многозначительный взгляд, который Пеггол направил Феру вез Канталу: если турист мог уловить один обрывок невинного разговора, то почему и не другой?

Лием вез Стериз приветствовал Пеггола формальным отданием воинской чести, что он делал от силы четыре раз в год, — вытянулся как струна и взметнул руку вверх, коснувшись кончиком среднего пальца козырька кепочки.

— Примите мои поздравления, свободный! Мы все слышали о безграничных способностях Глаз-и-Ушей Наследственного Тирана, но до сих пор мне не доводилось видеть их в действии. Ваша команда работает великолепно, а то,

что они нашли... — В отличие от Фера вез Кантала Лиему хватило сообразительности на этом остановиться.

Рэднала охватило желание немедленно увести милиционера в пустыню и выведать, что же произошло. Но годы кропотливых научных исследований придали ему выдержки и терпения. Он поужинал, немного попел с туристами, поболтал о землетрясении и увиденном у Горького озера... Потихоньку туристы начали расползаться по спальным мешкам.

Мобли, сын Сопсирка, однако, предложил Рэдналу сыграть партию в бой. Рэднал из вежливости согласился, хотя голова его была занята совсем иным, и он полагал, что коричневокожий из Лиссонленда разнесет его в пух и прах. Либо голова Мобли тоже была занята совсем иным, либо он играл далеко не так сильно, как воображал. Игра превратилась в комедию обоюдных ошибок, и зрители едва удерживались, чтобы не подсказывать верные ходы. Рэднал в конце концов победил — тупо и без вдохновения.

Бентер вез Мапраб, наблюдавший за партией, вынес короткий вердикт, который мог служить одновременно и некрологом:

— Моргафца вчера убили зря. Видел бы он эту игру, сам бы умер — от стыда. — Старик гордо вскинул голову и удалился к себе в комнату.

— Сыграем как-нибудь позже, когда мысли придут в порядок, — сказал Рэднал Мобли. Тот мрачно кивнул.

К тому времени из туристов, кроме Мобли, в гостиной никого не оставалось. Убрав на место доску и фигуры, биолог сел рядом с Лиемом вез Стеризом, а не за стол напротив лиссонесца. Мобли отказался понять намек. Наконец Рэдналу пришлось взять носорога за рог:

— Простите меня, свободный, нам надо многое обсудить между собой.

— Не обращайте на меня внимания! — бодро ответил лиссонесец. — Надеюсь, я вам не мешаю. А мне страшно интересно, как вы, тартешцы, ведете расследование. Может, сумею рассказать своему принцу что-нибудь полезное.

Рэднал шумно выдохнул через нос и, тщательно подбирая слова, сказал:

— Свободный вез Сопсирк, вы являетесь объектом расследования. Если уж изъясняться без обиняков, есть вещи, которые вам лучше не слышать.

— У нас есть другие, более важные темы для обсуждения, — вставил Пеггол вез Менк. — Учтите, свободный, вы находитесь не во владениях своего принца.

— Мне и в голову не приходило, что вы способны меня подозревать, — сказал Мобли. — Я-то знаю, что невиновен, и полагал, что вы тоже это знаете... Пойду-ка я тогда, пожалуй, попробую трахнуть этих крепалганских девиц; Рэднал у, очевидно, они сегодня не понадобятся.

— Они? — Пеггол поднял бровь.

Уши Рэднала покраснели так, что это было заметно, даже несмотря на покрывавший их пушок. К счастью, он сумел ответить вопросом на вопрос:

— Что может быть важнее, чем расследование убийства Дохнора из Келлефа?

Пеггол обвел взглядом двери в спальные комнаты, словно прикидывая, кто из туристов симулирует сон.

— Почему бы нам не прогуляться в вечерней прохладе? Подкомандир вез Стериз пойдет с нами; он провел в лагере весь день и сможет рассказать, что видел, — вдруг я забуду упомянуть что-нибудь из того, о чем мне доложили.

— Прогуляемся, — кивнул Рэднал, недоумевая, каким образом Пеггол вез Менк отыщет прохладу в Котлован-Парке. В пустынях, расположенных выше уровня моря, после захода солнца воздух быстро стынет, но в Низине все не так.

И все же в ночной тиши действительно казалось прохладнее. Рэднал, Пеггол и Лием молча отошли на несколько сотен кьюбитов от лагеря, и только тогда милиционер сказал:

— Коллеги свободного вез Менка среди вещей моргафца обнаружили микрочитатель.

— Во имя богов! — воскликнул Рэднал. — Где? Как он был спрятан?

— Под видом рисовального угля. — Лием покачал головой. — Я думал, что знаю все уловки, но это что-то новенькое. Теперь мы утрем нос их представителю, если он поднимет шум насчет гибели моргафского гражданина. И даже это пустяк по сравнению с тем, что мы нашли в читателе.

Рэднал обомлел.

— Избежать войны с Моргафом — пустяк?!

— Да, свободный вез Кробир, — ответил Пеггол. — Помните сегодняшнее землетрясение...

— Да, а вчера было еще одно, послабее, — перебил его Рэднал. — Здесь внизу трясет постоянно. Никто, кроме туристов вроде Мобли, сына Сопсирка, не обращает на это внимания. Укрепи свой дом — и продолжай заниматься делами.

— Разумно, — кивнул Пеггол. — Как правило, разумно. Только не здесь и не сейчас.

— Почему?

— Если то, что мы нашли в пазе микрочитателя, правда — а когда имеешь дело с Моргафом, во всем приходится сомневаться, — то кое-кто пытается устроить особое землетрясение.

Рэднал нахмурился так, что его тяжелые брови сомкнулись над переносицей.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Лием вез Стериз обратился к шефу Глаз-и-Ушей:

— Вы позволите, свободный?.. — и, когда тот кивнул, продолжил: — Видишь ли, Рэднал вез, долгие годы кто-то тайком провозил в Котлован-Парк составные части звездной бомбы.

Гид изумленно уставился на своего товарища.

— Но это безумие! Уж если бы в Тартеш контрабандой протащили звездную бомбу, ее заложили бы возле дворца Наследственного Тирана, а не здесь! Чего же добиваются наши враги — взорвать последнее большое стадо безгорбых верблюдов?

— У них на уме кое-что посерьезнее, — ответил Лием. — Понимаешь, бомба заложена под землей, в одной из сейсмически слабых точек возле Барьерных гор.

Голова милиционера повернулась на запад, в сторону черных зубцов гор... которые отгораживали Западный океан!

Ночной воздух был сух и раскален, но на спине и под мышками Рэднала выступил холодный пот.

— Боги, взорвать гряду... Я не геолог — это возможно?

— Я тоже не геолог и уж точно не бог, поэтому не знаю, — ответил Лием. — Скажу тебе одно: моргафцы считают, что возможно.

Пеггол вез Менк кашлянул.

— Наследственный Тиран не поощряет подобные исследования — на случай, если положительный ответ попадет в чужие руки. Поэтому наши знания в этой области ограничены. Тем не менее такой вывод, очевидно, не исключен.

— Коллеги свободного связались по радиофону с известным благонадежным геологом, — продолжал Лием. — Ему передали содержимое микрочитателя — в качестве теоретического упражнения. Когда бедняга проверил данные, то готов был от страха обмочить мантию.

— Могу себе представить. — Рэднал тоже повернулся в сторону Барьерных гор. Как там выразился Мобли: «...низвергающиеся с высоты холки Бога-Льва»? Если горы рухнут, волна может дойти и до Крепалги, неся за собой смерть и разрушения. Последствия этого просто невообразимы... Его голос дрогнул, когда он набрался сил спросить: — Что будем делать?

— Хороший вопрос, — невозмутимо отозвался Пеггол. — Мы не знаем, действительно ли готовится взрыв, кто заложил бомбу, куда и на какое время. А в остальном все совершенно ясно.

— Жаль, что не все туристы тартешцы, — жестко проговорил Лием. — Мы бы допрашивали их до тех пор, пока не добились бы правды.

Тартешское правосудие отличалось скорее прагматизмом, чем милосердием, и его методы, примененные к иностранцам, могли бы сильно осложнить дипломатические отношения.

— Мы и собственных-то граждан не можем как следует допросить, — сказал Рэднал. — Не забудь, одна из туристок — Тогло зев Памдал.

— А-а, черт! — скривился Лием. — Но она как раз вне подозрений. Зачем пытаться уничтожить страну, где твой родственник — Наследственный Тиран? Глупо!

— Я ее не подозреваю, — ответил гид. — Я хочу лишь подчеркнуть, что в данном случае мы можем надеяться только на собственные головы; грубая сила нам не поможет.

— Я подозреваю всех, — произнес Пеггол вез Менк столь обыденно, как говорят обычно «Сегодня вечерком жарко». — Между прочим, не верю я и информации, которую мы получили при обыске вещей Дохнора. Не исключено, что нам ее намеренно подбросили, чтобы мы тщательно допросили иностранных туристов и испортили дипломатические отношения с определенными государствами. Коварство моргафцев не знает границ.

— Конечно, свободный, но вправе ли мы рассчитывать на то, что это всего лишь коварство, а не реальная угроза? — спросил Лием.

— Если вы имеете в виду, смеем ли мы игнорировать опасность, — разумеется, нет, — ответил Пеггол. — Хотя, повторяю, не исключено, что это двойная игра.

— Неужели моргафцы убьют своего собственного агента, лишь бы ввести нас в заблуждение? — заметил Рэднал. — Будь Дохнор жив, мы бы и понятия не имели о готовящейся диверсии.

— Они способны на все, — отрезал Пеггол.

Рэднал подумал, что Глаз-и-Ухо заподозрит кражу солнца, если утро выдастся пасмурным. Собственно, Глаза-и-Уши для того и существовали, однако Пеггол не становился от этого более приятным компаньоном.

— Так как мы не можем начать тщательный допрос, то что нам делать утром? — поинтересовался гид.

— Продолжать тур как ни в чем не бывало. Если преступник сделает малейший промах, тогда уже у нас будут все основания применить более решительные меры. — Даже

человеку, привыкшему иногда пытать в ходе своей работы, нелегко произнести подобное вслух.

— Предвижу вскоре одну проблему, свободный вез Менк... — начал Рэднал.

— Зовите меня Пеггол вез, — перебил его Глаз-и-Ухо. — Мы сидим в этом дерьме вместе, можем и обращаться друг к другу по-дружески. Но прошу прощения, продолжайте.

— Рано или поздно, Пеггол вез, туристы захотят отправиться на запад, к Барьерным горам, — то есть в сейсмически неустойчивый район. Если в ходе подготовки диверсии требуется нанести какие-то завершающие штрихи, мы дадим врагу великолепный шанс. Это считая, естественно, что враг именно в нашей группе.

— Когда вы собираетесь туда? — спросил Глаз-и-Ухо совсем мрачным голосом.

Рэднал его не утешил:

— Поход в западную оконечность Парка намечен в маршрутном графике на завтра. Я мог бы отложить...

— Понимаю. Это предупредит злоумышленника о том, что нам известно о происходящем. Да... — Пеггол пощипал себя за нижнюю губу. — И все равно, наверное, вам следует внести в график изменения, Рэднал вез. Уж лучше предупредить врага, чем просто развязать ему руки.

— Свободный вез Менк... — начал Лием.

— То, что я сказал Рэдналу, относится и к вам, — перебил его Глаз-и-Ухо.

— Хорошо, Пеггол вез. Как моргафец мог узнать о готовящемся заговоре в то время, как нам ничего не было известно? Не хочу вас обидеть, но дело касается и лично меня. — Лием махнул в сторону Барьерных гор, внезапно ставших невысокими и хрупкими.

— Вопрос естественный, и обижаться не на что. Лично я вижу два возможных ответа, — сказал Пеггол. (Рэднал невольно подумал, что Глаз-и-Ухо видит по меньшей мере два возможных ответа на любой вопрос.) — Либо Моргаф организовал хитрый обман, чтобы испортить наши отношения с соседями, либо те, кто задумал эту чудовищную диверсию,

обратились к моргафцам с предложением сообща добить нас после катастрофы.

И то, и то было логично. Оставалось только гадать, и поэтому Рэднал сменил тему:

— Так как сейчас мы ничего сделать не можем, не пойти ли нам спать? Утром я объявлю группе, что идем не на запад, а на восток Это тоже интересная экскурсия. Она...

Пеггол поднял руку:

— Зачем рассказывать, если я завтра все увижу сам? — Поморщившись, он переступил с ноги на ногу. — Седло и седалище — больные темы для меня. От натертых ягодиц можно умереть?

— Никогда о таком не слышал. — Рэднал подавил улыбку.

— Наверное, я буду первым и попаду во все учебники медицины. — Пеггол потер упомянутое место. — А завтра опять на ослах? Вот незадача!

— Если мы скоро не ляжем, то завтра оба будем дремать в седле. — Гид зевнул. — Я уж боялся, что Мобли никогда не уйдет к себе.

— Должно быть, ты ему нравишься, Рэднал, — проворковал Лием, пародируя невежливое обращение лиссонесца.

— Проваливай ты к ночным дьяволам со своими намеками, Лием вез!

Рэднал замолчал, ожидая шуточек по поводу Лофосы и Эвилии, однако милиционер, видимо, решил не касаться этой темы. А интересно, какие новые идеи осенили неугомонных девиц из Крепалганского Единства? Лучше бы сегодня они не приходили и оставили его в покое — ему действительно нужно хорошенько выспаться. Потом новая мысль возникла в голове биолога: когда совокуплению предпочитаешь сон, не значит ли это, что ты стареешь?

Вместе с Пегголом и Лиемом он вернулся в лагерь. Дежуривший Глаз-и-Ухо шепотом доложил: все спокойно.

Рэднал невольно прислушался к тому, что происходит за дверями Эвилии и Лофосы, потом Мобли. Никаких стонов или скрипов ниоткуда не доносилось. Любопытно: Мобли вообще не подъезжал к девушкам или они его отшили? Или уже успели позабавиться и теперь спят? Нет, вряд

ли: Глаз-и-Ухо непременно рассказал бы о том, что он видел и слышал.

Снова зевнув, Рэднал пошел к себе, снял сандалии и пояс и лег. Наполненный воздухом спальный мешок ласково вздохнул под ним, словно любовница. Биолог раздраженно помотал головой — две ночи с Эвилией и Лофосой привили ему похотливые мысли.

Он надеялся, что и сегодня девушки оставят его в покое. Интимная связь с иностранками уже наверняка занесена Пегголом вез Менком в досье; не хватало только, чтобы Глаз-и-Ухо сам стал свидетелем распутства — или ссоры, которая неминуемо возникнет, когда Рэднал будет отсылать их прочь.

В те две ночи он просто ног под собой не чуял от усталости, когда к нему приходили Эвилия и Лофоса. Сегодня, взвинченный ожиданием их прихода и всем тем, что недавно услышал от Пеггола и Лиема, он долго не мог заснуть. Девушки оставались у себя в комнатах.

Глаза Рэднала смежились, и, сам того не заметив, он задремал.

Разбудило его постукивание: «тук-тук-тук!» — так птичка-коприт приветствовала с крыши зарю. Понадобилось несколько сердцебиений, чтобы полностью проснуться, сообразить, что он все-таки спал, и вспомнить, что предстоит сделать сегодня утром.

Гид надел сандалии, повязал пояс и вышел в гостиную. Милиционеры и Глаза-и-Уши почти все уже бодрствовали; Пеггол нет. У Рэднала еще мелькнула мысль: можно ли использовать храп как средство шантажа?

— За ночь никого не убили, — тихо произнес Лием вез Стериз.

— Рад это слышать, — отозвался Рэднал иронично и в то же время искренне.

Из своей комнатки вышла Лофоса — очевидно, в традиционном крепалганском спальном наряде: как мать родила, хотя и с безупречно уложенной прической. А еще она сделала что-то с глазами, отчего они стали казаться еще больше и ярче. Все мужчины разом повернулись в ее сторону.

Лофоса ослепительно улыбнулась Рэдналу и серебряным голоском пропела:

— Надеюсь, вы не очень без нас скучали, свободный вез Кробир. Наверняка мы так же славно провели бы время, как уже было дважды, но день выдался слишком тяжелый.

Прежде чем гид смог ответить (а ему требовалось время, чтобы прийти в себя), девушка безмятежно вышла из дома, направляясь в туалет.

Рэднал уставился на свои сандалии, боясь встретиться с кем-нибудь взглядом. В комнате приглушенно закашляли — никто не знал, что тут можно сказать. Наконец заговорил Лием:

— Похоже, вы знакомы достаточно близко, чтобы она обращалась к тебе «Рэднал вез».

— Ну, — выдавил из себя биолог.

В физическом плане они были достаточно близки, чтобы девушка обращалась к нему и без «вез». И тартешским она владела достаточно хорошо, чтобы это понимать. Лофоса ухитрилась привести его в еще большее замешательство, предваряя формальным обращением столь интимную фразу. Более дурацкое положение трудно себе представить.

Из своей комнаты вышла Эвилия, одетая так же, как и Лофоса. В отличие от подруги она не стала болтать с Рэналом, а направилась сразу в туалет. Девушки встретились за жиролетами, обменялись парой фраз и пошли каждая своим путем.

Тогло зев Памдал появилась в гостиной, когда Лофоса вернулась с улицы. Лофоса вызывающе посмотрела на широкобровую, словно предлагая сделать ей замечание относительно наготы. Многие тартешцы, особенно женщины, такое замечание не замедлили бы сделать, причем многословно и красочно.

Тогло лишь промолвила:

— Надеюсь, вы спали спокойно, свободная?

Таким тоном можно разговаривать с соседкой, которую не слишком хорошо знаешь, но нет оснований недолюбливать.

— Да, спасибо. — Лофоса опустила глаза, поняв, что ее выставленные напоказ прелести не смогли поймать тартешку на крючок.

— Рада это слышать, — мило улыбаясь, продолжила Тогло. — Неприятно, должно быть, простудиться на отдыхе.

Лофоса сделала было шаг вперед, затем дернулась, будто ее укололи булавкой. Тогло уже повернулась, чтобы поздороваться с остальными. На сердцебиение-другое Лофоса ощерила зубы, точно пещерный кот, потом прошла к себе в комнату завершать утренний туалет.

— Полагаю, я не обидела ее... слишком сильно? — сказала Тогло Рэдналу.

— По-моему, вы вели себя как настоящий дипломат, — ответил он.

— Ну, учитывая положение дел в мире, я не уверена, что это комплимент.

Рэднал промолчал. Учитывая то, что стало ему известно накануне, положение дел в мире гораздо хуже, чем представляла себе Тогло.

Его собственные дипломатические способности были использованы на всю катушку, когда после завтрака пришлось объяснять группе, почему они отправятся не на запад, а на восток.

— Я нахожу изменение плана весьма неприятным, да. — На смуглое лунообразное лицо Голобола легло скорбное выражение.

Бентер вез Мапраб, разумеется, его поддержал.

— Безобразие! — вспыхнул он. — Растительный покров вблизи Барьерных гор куда богаче, чем на востоке!

— Мне, по сути, все равно, куда идти, — сказала Тогло зев Памдал. — Насколько я понимаю, везде хватает интересных мест. Но хотелось бы знать, чем вызвано подобное изменение планов.

— Вот именно! — вставил Мобли, сын Сопсирка. — Тогло права. Что вы пытаетесь утаить?

Все туристы заговорили — чета Мартос закричала — разом. В поднявшемся гвалте Рэднал четко определил свою реакцию на слова лиссонесца: у него возникло желание,

чтобы Низина была куда глубже — до раскаленного земного ядра; он бы столкнул туда наглеца. Мобли не только грубиян (использовать женское имя без вежливого обращения! Даже с частицей «вез» обращаться к женщине по имени без ее согласия на то — уже нарушение этикета), он еще любитель совать нос не в свои дела и подстрекатель!

Пеггол вез Менк хлопнул ладонью по столу, рядом с которым умер Дохнор из Келлефа, и в наступившей тишине медленно произнес:

— Свободный вез Кробир изменил план осмотра Котлован-Парка по моему предложению. Это продиктовано ходом расследования убийства и сделано в интересах Тартеша.

— Это ни о чем нам не говорит, совершенно! — Теперь, похоже, Голобол был сердит, а не просто расстроен неожиданным изменением планов. — Вы говорите красивые слова, но где в них есть смысл?

— Если я скажу вам все, что вы хотите знать, свободный, услышит и тот, кому это слышать не следует, — произнес Пеггол.

— Подумаешь! — возмущенно фыркнул Голобол.

— Вы, Глаза-и-Уши, наверное, считаете себя маленькими оловянными полубогами, — вставил Эльтзак вез Мартос.

Однако большинство туристов заявление Пеггола успокоило. С появлением звездной бомбы государства с еще большим рвением оберегали друг от друга свои секреты. По мнению Рэднала, это напоминало поведение человека, который начинал тревожиться о пещерном коте после того, как тот задрал козу. Впрочем, кто знает? Может, и звездная бомба — не самая страшная вещь на свете.

— Обещаю: я расскажу вам все при первой возможности, — сказал он и удостоился тяжелого взгляда Пеггола вез Менка. Пеггол, дай ему волю, и собственного имени никому не открыл бы.

— Так что же все-таки происходит? — повторила Тогло.

По большому счету Рэднал и сам это толком не понимал, поэтому, выдержав многозначительную паузу, лишь промолвил:

— Чем дольше мы препираемся, тем меньше остается времени на осмотр достопримечательностей — в какую бы сторону мы ни отправились.

— Логично, — сказала Эвилия. Ни она, ни Лофоса не возражали против изменения маршрута.

Рэднал оглядел группу — лица туристов выражали скорее безнадежную покорность, чем недовольство.

— А теперь, свободные, давайте пойдем к стойлам, — сказал гид. — В восточной части Парка нам предстоит увидеть много интересного — и услышать тоже. Например, Убежище Ночных Демонов.

— Отлично! — Тогло зев Памдал захлопала в ладоши. — Когда я была здесь в прошлый раз, шел дождь, и гид нас туда не повел, опасаясь внезапного наводнения. А я хотела увидеть Убежище с тех пор, как прочитала триллер Хикаг зев Гинфер.

— Вы имеете в виду «Камни судьбы»? — Мнение Рэднала о вкусе Тогло изменилось в худшую сторону. Стараясь оставаться вежливым, он произнес: — Не могу сказать, что там верно описан антураж.

— О, по-моему, это полная чушь! — махнула рукой Тогло. — Но мы с Хикаг вместе ходили в школу и с тех пор дружим, так что приходится читать всю ее писанину. А она так показала Убежище Ночных Демонов!.. Уж не знаю, есть ли там хоть дуновение истины.

— Дуновение, может, и есть — слабое-слабое, — уступил Рэднал.

— Я тоже читала, — вставила Носко зев Мартос. — Очень увлекательно.

— Наш гид считает, что это дрянь, — немедленно отреагировал ее муж.

— Ну, такого я не говорил, — заметил Рэднал, но никто из Мартосов его словно и не услышал.

— Ладно вам про дуновения! — безапелляционно заявил Бентер вез Мартос. — Идем так идем.

— Как скажете, свободный. — Хорошо бы в Убежище Ночных Демонов в самом деле обитали ночные демоны, подумал Рэднал. Тогда, если повезет, они бы утащили Бен-

тера в свои камни, и никто в группе его бы больше не увидел — и не услышал. Увы, такие приятные случаи происходят только в книжках.

Туристы понемногу осваивались. Даже Пеггол выглядел уже не так несуразно на спине осла, как вчера. Отъехав от лагеря, Рэднал обернулся и увидел, как милиция и Глаза-и-Уши продвигаются к хлеву, намереваясь их снова тщательнейшим образом осмотреть. Потом он заставил себя забыть о расследовании убийства и вспомнить об обязанностях гида.

— Поскольку мы выехали сегодня довольно рано, нам, возможно, посчастливится увидеть мелких представителей рептилий и млекопитающих, которые прячутся в разгар жары. Большинство...

Впереди неожиданно взметнулся фонтанчик песка. Рэднал замолчал и спешился.

— Клянусь богами, кажется, это сцинк-широконосик.

— Что?

Рэднал уже привык к удивленному хору голосов, неизменно сопровождавшему его рассказ о наиболее редких обитателях Низины.

— Сцинк-широконосик, — повторил он и нагнулся. Да, верно, вот приманка. А теперь — пятьдесят на пятьдесят, как повезет. Ухватит за хвост — ящерица просто сбросит этот придаток и убежит. А ухватит за шею...

Есть! Ящерица билась в руке, как кусок обезумевшей резины, пытаясь вырваться. При этом она опорожнила кишечник. Лофоса с отвращением фыркнула.

Через тридцать или сорок сердцебиений сцинк сдался и замер. Рэднал показал рептилию длиной с ладонь обступившим его туристам.

— Сцинки обитают по всему миру и широко распространены, но широконосик — довольно любопытное явление. Его можно назвать сухопутным аналогом морского черта. Посмотрите. — Он постучал по мясистому оранжевому наросту в конце спинного хребта. — Ящерица зарывается в песок, выставив наружу только эту приманку и кончик носа.

Особая мышечная система позволяет длинным ребрам изгибаться, казалось бы, самым невероятным образом. Когда насекомое «клюет» на приманку, широконосик кидает в него комочками земли или песка, а потом изворачивается и... Прекрасное создание!

— В жизни не видел ничего уродливей! — заявил Мобли, сын Сопсирка.

Ящерице было все равно, что о ней говорят. Она уставилась на зрителей черными глазками-бусинками. Если этот вид протянет еще несколько миллионов лет (если Низина протянет еще несколько месяцев, нервно подумал Рэднал), ее далекие потомки вовсе утратят зрение, подобно другим ведущим подземный образ жизни сцинкам.

Рэднал отошел от тропы и опустил ящерицу на землю. Она молниеносно засеменила прочь, словно скользя на своих коротких лапках, и через сердцебиение слилась с почвой. Только ярко-оранжевая приманка выдавала ее присутствие.

— А какие-нибудь твари покрупнее не ловят самих сцинков по их приманкам? — спросила Эвилия.

— Вы совершенно правы, — ответил биолог. — Коприт различает цвета, и вовсе не редкость обнаружить в его припасах нанизанную на шип терновника ящерицу. Большеухие ночелицы тоже едят сцинков, но они, практически слепые, охотятся по запаху.

— Надеюсь, меня коприт не схватит! — засмеялась Эвилия. Она и Лофоса щеголяли в красно-оранжевых туниках — почти такого же оттенка, что и приманка сцинка, — с двумя рядами крупных золотых пуговиц и в алых пластиковых бусах с золотыми застежками.

Рэднал улыбнулся.

— Да, полагаю, вам это не грозит. Теперь давайте продолжим... Подождите-ка, а где свободный вез Мапраб?

Буквально через несколько сердцебиений пожилой широкобровый вышел из-за густого терновника, на ходу надевая ремень.

— Прошу прощения за задержку — зов природы, понимаете ли, а мы все равно вроде остановились.

— Я просто не хотел вас потерять, свободный. — Рэднал проследил, как турист садится на осла. Это первый раз, когда Бентер извинился. Может, ему нехорошо?

Группа медленно двигалась на восток. Вскоре люди устали и начали капризничать.

— В вашем Парке все такое однообразное, одно место похоже на другое как две капли воды, — надула губки Лофоса.

— Вот именно, когда мы увидим что-нибудь новое? — поддакнул Мобли, сын Сопсирка. Рэднал подозревал, что лиссонесец согласился бы с Лофосой, даже если бы та заявила, что небо розовое; он буквально слюни пускал. — Здесь жарко, сухо и голо. А эти колючие кусты мне уже надоели!

— Свободный, если вам угодно лазать по горам и кататься в снегу, надо было ехать куда-нибудь в другое место, — сухо ответил гид. — Низина вам такого удовольствия не доставит. Но горы и снег есть по всему свету, а вот ничего подобного Котлован-Парку нигде нет. Если же вам кажется, что местные окрестности похожи на то, что мы видели вчера у Соленого озера, свободный, свободная, — он взглянул на Лофосу, — то уверяю вас, вы оба ошибаетесь.

— Ошибаются, ошибаются, — вставил Бентер вез Мапраб. — Здесь совсем иная растительность. Отметьте более широкие листья, олеан...

— Растения — они и есть растения, — отрезала Лофоса.

Бентер поднес руку к голове в жесте ужаса и смятения. Рэднал ожидал, что старик вот-вот разразится очередной желчной речью, однако он лишь пробормотал что-то тихонько и успокоился.

Примерно через четверть десятины гид привлек внимание группы к серому пятнышку на восточном горизонте:

— Убежище Ночных Демонов. Даю вам слово, что ничего подобного в Котлован-Парке вы еще не видели.

— Надеюсь, это будет интересно, о да, — сказал Голобол.

— Я просто обожаю то место, где демоны выходят на закате и кровь капает с их когтей! — с чувством произнесла Носко зев Мартос.

Рэднал вздохнул.

— «Камни судьбы», свободная, всего-навсего триллер, страшилка. Никакие демоны не живут в Убежище и, естественно, не выходят оттуда ни на закате, ни в любое другое время. Я провел там ночь в спальном мешке, а поглядите-ка — цел и здоров, и кровь моя при мне.

Носко скорчила гримасу, явно предпочитая мелодраму реальности. Находясь замужем за Эльтзаком, она вряд ли могла питать теплые чувства к окружающей ее реальности.

Убежище Ночных Демонов представляло собой груду серого гранита, на сотню кьюбитов возвышающуюся над ровной поверхностью Низины. В лучах безжалостного солнца отверстия всевозможных размеров, испещрявшие гранит, казались Рэдналу глазницами черепов, повернувшихся в его сторону.

— Похоже, в некоторые отверстия можно пролезть, — заметил Пеггол вез Менк. — Их не исследовали?

— Исследовали, многократно, — ответил гид. — Мы, однако, не поощряем это, ибо хотя никто пока не нашел ни одного ночного демона, там полно гадюк и скорпионов. И огромные скопления летучих мышей! Должно быть, эта картина — полчища летучих мышей, устремляющихся в сумерках на охоту за насекомыми, — во многом и породила легенды про Убежище.

— Летучие мыши есть повсюду, — возразила Носко. — А Убежище Ночных Демонов одно, потому что...

Неожиданно набрал силу ветер, ранее едва ощущавшийся, и поднял с земли пыль. Рэднал схватился за кепочку; а из множества глоток Убежища Ночных Демонов исторгся утробный вой — до того мрачный и глухой, что волосы на его теле едва не стали дыбом.

Носко пришла в экстаз.

— Вот! — воскликнула она. — Крик не знающих смерти демонов, которые жаждут вырваться на свободу и пленить весь свет силами ужаса!

Рэднал вспомнил про звездную бомбу, возможно, заложенную у Барьерных гор, и подумал об ужасах куда худших, нежели все демоны вместе взятые.

— Вы, конечно, знаете, что это всего лишь ветер играет на плохо настроенной лютне, если можно так выразиться. Под напором ветра и песка более мягкие породы разрушились, таким образом возникли отверстия, а гуляющие в них струи воздуха порождают те самые дикие звуки, которые мы только что слышали.

Носко зев Мартос раздраженно хмыкнула.

— Если есть боги, то почему не может быть демонов?

— Об этом поговорите лучше со священником, а не со мной. — Рэднал мог призвать в сердцах богов Тартеша, но, как и большинство образованных людей его поколения, иного применения им не видел.

— Видите ли, свободная, — сказал Пеггол вез Менк, — вопрос существования ночных демонов не обязательно связан напрямую с вопросом, обретаются ли они в Убежище Ночных Демонов. Правда, если демоны вообще не существуют, то вряд ли мы найдем их здесь.

Мясистое лицо Носко исказил гнев, и все же она понимала, что Глаз-и-Ухо лучше не оскорблять. Поэтому она повернулась и заорала на Эльтзака. Тот, разумеется, немедленно ей ответил.

Ветер закрутил пыльные смерчи и бросал в лицо кусочки почвы, Убежище продолжало выть и стенать, щелкали камеры туристов.

— Жаль, что я не взяла записыватель, — сказала Тогло зев Памдал. — Самое интересное здесь не то, как выглядят эти пещеры, а как они звучат.

— Запись Убежища Ночных Демонов во время бури можно купить в сувенирном магазине возле входа в Котлован-Парк.

— Благодарю вас, Рэднал вез, пожалуй, я так и сделаю на обратном пути. Хотя приятнее было бы, конечно, записать то, что я слышала собственными ушами. — Взгляд Тогло мимолетно скользнул по продолжающим ругаться супругам Мартос. — Ну, по крайней мере кое-что из того, что я слышала.

— Убежище Ночных Демонов находилось вроде бы на дне моря? — сказала Эвилия.

— Верно. — И снова может там оказаться, подумал Рэднал. Он представил себе, как в отверстия древних гранитных глыб заглядывают рыбы и забираются крабы в поисках останков змей и песчаных крыс. Картинка как живая стала перед его глазами, яркая и красочная... Дурной знак — выходит, нависшую угрозу он принимал очень серьезно.

Биолог настолько погрузился в свои мысли, что не сразу заметил воцарившееся молчание. А очнувшись, завертел головой, пытаясь понять, что происходит.

На склоне Убежища стоял, замерев, как изваяние, пещерный кот.

Он, должно быть, спал в какой-нибудь щели, пока его не разбудили крики. Кот зевнул, показав желтые клыки и розовый язык. Потом вновь посмотрел на туристов холодными янтарными глазами, словно прикидывая, с каким соусом их лучше съесть.

— Давайте отойдем назад, — тихо произнес Рэднал. — Ни к чему, чтобы он решил, будто мы ему угрожаем.

Если пещерный кот нападет, выстрел из ручной пушки ранит зверя (если, конечно, посчастливится попасть), однако никак не убьет. И все же Рэднал незаметно открыл клапан седельной сумки.

На этот раз все туристы сделали так, как было сказано. Вид огромного хищника пробудил в сердцах страх, восходивший к тем дням, когда люди только учились ходить прямо.

— А других здесь нет? — спросил Мобли, сын Сопсирка. — У нас в Лиссонленде львы живут в прайдах.

— Нет, пещерные коты по природе своей одиночки и собираются вместе только в брачный сезон, — ответил гид. — У них и у львов общие предки, но повадки совсем разные. В Низине нет больших стад животных, чтобы охотиться на них сообща.

Рэднал уже решил было, что пещерный кот собирается снова лечь спать, как тот сорвался с места. Длинная серо-бурая грива волной мелькнула в воздухе, когда хищник прыжком метнулся со склона Убежища. Биолог выхватил из сум-

ки свою ручную пушку и еще успел заметить такую же в руке Пеггола вез Менка.

Но хищник бросился прочь от группы. Через сердцебиение его сероватая шкура уже почти слилась с песком. Яростно защелкали камеры. Потом зверь исчез.

— Какой красивый... — выдохнула Тогло зев Памдал и, помолчав немного, спросила уже более практично: — Где он находит воду?

— Ему много не надо, Тогло зев. Как и все обитатели Низины, пещерный кот обходится практически тем, что получает с телом жертвы. Кроме того, — гид указал на север, — в холмах есть несколько крошечных ручьев. В дни, когда охота на пещерных котов разрешалась, проще всего было найти такой источник и там залечь в засаде, ожидая, когда хищник придет на водопой.

— Какая жестокость! — воскликнула Тогло.

— С нашей точки зрения, безусловно, — кивнул Рэднал. — Но встаньте на место человека, у которого пещерный кот перебил стадо или унес ребенка. Нельзя судить по нашим меркам.

— Величайшая разница между прошлым и настоящим заключается в том, что мы, ныне живущие, способны творить зло в гораздо больших масштабах, — сказал Пеггол вез Менк. Возможно, он думал о звездной бомбе. Впрочем, в недавней истории имелось столько примеров злодеяний, что трудно было с ним не согласиться.

— Ну, свободный вез Кробир, — сказал Эльтзак вез Мартос, — я должен признать, что ради такого стоило платить за поездку в Котлован-Парк.

Рэднал просиял — уж от кого он меньше всего ожидал доброго слова, так это от Эльтзака. Затем вступила Носко:

— Но еще лучше было бы, если бы пещерный кот помчался на нас и пришлось бы в него стрелять.

— Верно, — кивнул Эльтзак. — Заснять бы такое!

«Неужели они соглашаются друг с другом, только когда оба не правы?» — подумал Рэднал.

— При всем к вам уважении лично я рад, что зверь предпочел ретироваться, — сказал он. — Я не хотел бы стрелять

в столь редкого зверя и еще больше не хотел бы промахнуться. Тогда кто-нибудь мог пострадать.

— Промахнуться? — Носко повторила слово, как будто ей такая возможность и в голову не приходила. Да и немудрено — в приключенческих книгах герои всегда бьют без промаха.

— На самом деле стрелять метко не так легко, — сказал Эльтзак. — Когда меня призвали в Добровольную гвардию, я сдал зачет по обращению с винтовкой только с третьего раза.

— Ну так это же ты, а не гид! — с презрением бросила Носко.

Пытаясь перекрыть рев взбешенного Эльтзака, Рэднал сказал:

— Да будет вам известно, что за все время моей работы в Котлован-Парке мне ни разу не приходилось стрелять.

Он не добавил, что, будь у него выбор, он предпочел бы подбить Носко, а не пещерного кота.

Вновь поднялся ветер, и Убежище Ночных Демонов отозвалось душераздирающим воем. Рэднал представил себе, каково слышать эти звуки невежественному охотнику — не грех и мантию обмочить от страха. И все же глупо судить по меркам прошлого, когда настоящее многое освещает ярким светом. Если Носко верит в ночных демонов лишь потому, что прочитала о них в приключенческой книжонке, значит, боги обделили ее и тем крохотным разумом, который даровали сцинку-широконосику. Рэднал улыбнулся — вообще-то, похоже, сцинк и в самом деле ее смышленее.

— Пещерный кот убежал в одну сторону, а мы направимся в другую, — наконец сказал гид. — Держитесь вместе, не разбредайтесь. По мне, если кто по собственной воле отобьется, тому и быть съеденным.

Уговаривать туристов долго не пришлось — их ослы едва не наступали друг другу на ноги.

По мнению Рэднала, западная сторона Убежища Ночных Демонов ничем, в сущности, от восточной не отличалась. Но он-то здесь бывал десятки раз. Трудно винить туристов за то, что они хотят увидеть как можно больше.

— Здесь тоже нет демонов, Носко, — ядовито промолвил Эльтзак вез Мартос. Его супруга надменно вздернула голову.

Любопытно, почему они не разводятся, размышлял Рэднал. А еще любопытней, как их угораздило пожениться — ведь постоянно ругаются! Давление родственных кланов? Да нет, вряд ли. Ну а почему он сам продолжает торговаться из-за цены, выставленной отцом Велло зев Патун? Патини — обеспеченный почтенный род, нижний эшелон аристократии, отличный плацдарм для энергичного, не без способностей выскочки. И Велло вроде бы ничем не дурна... просто оставляла его совершенно безразличным. Если ей вздумается прочесть «Камни судьбы», то она скорее всего будет книгой довольна. Это Рэднала тревожило. Не придется ли ему заводить наложницу только для того, чтобы отвести душу за разговором? В конце концов, у Пеггола наложница есть. Ну и что, он счастлив? Сомнительно. Пеггол вообще, похоже, получает своего рода извращенное удовольствие от того, что не получает удовольствия ни от чего.

Мысли о Велло заставили Рэднала вспомнить о двух ночах излишеств с Эвилией и Лофосой. Нет, жениться на женщине, чье тело — единственное ее украшение, он не хочет. Но с другой стороны, вряд ли брак получится прочным, если тело жены совсем не будет его привлекать. Что ему нужно, так это...

Рэднал фыркнул. Что мне нужно, так это богиню во плоти, которая сойдет с небес и влюбится в меня... если, конечно, самим фактом своей божественности она не уничтожит мою веру в собственные силы. Найти такую невесту — особенно за цену, не превышающую годовой бюджет Тартеша, — весьма маловероятно. Может, Велло в конце концов и подойдет.

— Мы будем возвращаться тем же маршрутом? — спросила Тогло зев Памдал.

— Не хотелось бы, — ответил Рэднал. — Я планирую забрать дальше на юг и дать вам посмотреть местность, которую вы еще не видели. — Он не смог удержаться от иску-

шения и добавил: — Каким бы однообразным ни находили здесь все некоторые люди.

— Если вы имеете в виду меня, Рэднал, — с невинным видом сказал Мобли, сын Сопсирка, — то я, напротив, сторонник всего нового. Просто здесь ничего такого я не вижу.

— Хм-м, — покачала головой Тогло, — а мне нравится. Я с удовольствием наконец посмотрела — и послушала — Убежище Ночных Демонов. Теперь понятно, почему наши предки считали, что там обитают кошмарные создания.

— Несколько сотен сердцебиений назад я как раз об этом и думал, — сказал Рэднал.

— Какое чудесное совпадение! — Лицо девушки осветила улыбка. К сожалению Рэднала, настроение ее тут же изменилось. — Поездка была бы еще приятней, если бы Дохнор из Келлефа был жив — или мы знали бы, кто убийца, по крайней мере.

— Да, — кивнул Рэднал.

Он сам периодически оглядывал всех по очереди, пытаясь определить, кто из туристов свернул моргафцу шею. Его подозрения пали даже на чету Мартос, которых ранее он не брал в расчет как органически не способных убить кого-либо тихо. Но что, если их безумные крики и ссоры лишь скрывают злой умысел?

Рэднал рассмеялся — сухо и надтреснуто, как Пеггол вез Менк. Он не мог в это поверить. Кроме того, Носко и Эльтзак были тартешцами, неужели они захотят уничтожить свою страну? Или им достаточно много заплатили?..

Носко обернулась на Убежище Ночных Демонов как раз в тот момент, когда в одно из отверстий влетел коприт.

— Демон! Я видела ночного демона! — взвыла она.

Рэднал снова рассмеялся. Если Носко шпион и диверсант, то он — безгорбый верблюд.

— Поехали, пора возвращаться.

Как обещал, гид повел своих подопечных в лагерь другим путем. Мобли, сын Сопсирка, остался к окрестностям безучастен.

— Может, они и не такие же, но не сильно отличаются.

— О, ерунда! — заявил Бентер вез Мапраб. — Растительность совсем иного характера, чем та, что мы видели утром.

— А по мне все одно, — упрямо повторил Мобли.

— Свободный вез Мапраб, судя по вашему интересу к флоре... вы случайно не ботаник? — поинтересовался Рэднал.

— Спаси меня боги! — визгливо хохотнул Бентер. — До выхода на пенсию я руководил сетью цветочных магазинов.

— А, понятно. — С таким практическим опытом Бентер мог узнать о растениях ничуть не меньше, чем любой ботаник-исследователь.

Через четверть десятины Бентер остановил своего осла и вновь удалился за кустарник.

— Извините, что задерживаю, — сказал он, вернувшись, — почки уже не те.

Эльтзак вез Мартос фыркнул:

— Не беспокойтесь, Бентер вез. Вы человек бывалый и знаете, как поливать растения! Ха-ха-ха!

— А вы еще больший осел, чем тот, на котором едете! — огрызнулся Бентер.

— Свободные, пожалуйста! — Рэднал успокоил бранящихся и развел их в разные концы цепочки туристов. Если они бросятся друг на друга через три сердцебиения после того, как выйдут за пределы Котлован-Парка, — милости просим, но до той поры они под его опекой.

— Надо признать, что вы свое серебро отрабатываете потом и кровью, — тихо заметил Пеггол вез Менк. — По роду работы мне приходится сталкиваться с дураками, однако по крайней мере я не обязан быть с ними вежливым. — Он еще больше понизил голос. — Когда свободный вез Мапраб ушел за кусты, он не просто опорожнил мочевой пузырь. Я отъехал в сторону и видел, как он поднял что-то с земли.

— Вот как? Любопытно. — Рэднал сомневался, что старик причастен к убийству Дохнора из Келлефа. Но вывозить из Котлован-Парка растения тоже считалось нарушением закона, и к подобного рода ситуациям гид был подготовлен куда лучше, чем к убийствам. — Пока сделаем вид,

будто ничего не заметили. А когда вернемся в лагерь, может, ваши люди снова осмотрят его вещи?

Пеггол усмехнулся.

— Похоже, вам это нравится...

— Кому, мне? Еще бы! Конечно, лучше бы на его месте оказался Эльтзак, но у того нет ни контрабанды, ни мозгов.

— Вы уверены? — Очевидно, в голову Пеггола пришли те же мысли, причем даже раньше. Впрочем, это его работа.

— Уверен, разумеется! — немедленно ответил Рэднал. — Если бы у него были мозги, разве он женился бы на Носко зев? — Смех, который он заслужил, даже не был похож на сухое покашливание. — Все, что он знает о терновнике, это то, что осла на колючки направлять не надо, да и в том не уверен.

— А вы, оказывается, злобный тип, — одобрительно сказал Глаз-и-Ухо.

На подъезде к лагерю к жалобам Сопсирка присоединилось нытье Голобола:

— Не считаем Убежище Ночных Демонов и не считаем пещерного кота, которого мы видели, да, и что тогда остается? Ничего интересного за весь день!

— Свободный, если вы намерены не принимать в расчет все интересное, то тогда действительно любой день окажется скучным, — заметила Тогло.

— Отлично сказано! — Будучи гидом, Рэднал не мог прямо высказывать туристам свое мнение. Тогло сделала это за него.

Она улыбнулась.

— Зачем ехать в Низину, если тебе заранее не нравится то, что там увидишь?

— Эх, Тогло зев, знаете, в каждой группе найдутся такие люди. Уму непостижимо! Если бы у меня были деньги посмотреть Девять Железных Башен Машьяка, я не стал бы хныкать, что они не золотые.

— Вот это практичный подход, — сказала Тогло. — Нам не помешало бы побольше трезвомыслящих людей.

— Нам не помешало бы...

Рэднал замолчал. Он собирался закончить: «не бояться, что где-то поблизости зарыта звездная бомба». Это было бы глупо — не только напугало бы Тогло (или, скорее, встревожило ее; девушка, похоже, была не из пугливых), но и навлекло бы гнев Пеггола вез Менка — нарушение секретности! Вдруг Рэднал представил себе, каким будет гнев Пеггола, как он обрушится на него — как Западный океан обрушится на Низину через поверженные горы. Он попытался посмеяться над собой — чересчур литературное сравнение. Смеха не получилось. Сравнение-то литературное, а вот если это произойдет, то от его государства только литература и останется.

— Нам не помешало бы... что? — спросила Тогло. — Что вы хотели сказать?

Он не мог ей признаться, и в то же время ему не хватало изворотливости, чтобы придумать что-нибудь правдоподобное. К собственному изумлению и испугу, он вдруг выпалил:

— Будь побольше таких людей, как вы, Тогло зев, которые не впадают в истерику при виде того, что порой делают люди.

— Ах это... Знаете, Рэднал вез, от того, что вы делали, никому вреда не было. Да, лично я предпочла бы заниматься этим без свидетелей, но вряд ли у меня есть основания сердиться или обижаться.

Рэднал не знал, как толковать ответ Тогло, однако так или иначе он уже зашел чересчур далеко, поэтому благоразумно промолчал.

Что-то маленькое юркнуло в молочае, что-то покрупнее метнулось следом; погоня закончилась вихрем поднятой пыли. Предвосхищая неизбежный вопрос «Что это?!», Рэднал сказал:

— Похоже, мы стали свидетелями охоты тушкана клыкастого. — Хищный грызун накрыл жертву своим телом. Гид вытащил монокуляр и нагнулся над ним, чтобы рассмотреть получше. — Ага, он поймал жирную песчаную крысу.

— Одно из животных, которых вы изучаете? — спросил Мобли. — А сейчас вы, должно быть, достанете ручную пушку и отомстите наглецу?

— И поделом ему! — Жирное тело Носко заколыхалось, когда она энергично повела плечами. — Что за бесчувственная тварь — убить мохнатую малютку!

Рэднал хотел спросил, понравился ли ей вчерашний бифштекс, но потом сообразил, что она не поймет.

— Всем хищникам приходится либо добывать себе мясо, либо голодать. Тушкан клыкастый, или клинозуб, конечно, не такой симпатичный, как песчаная крыса, но и ему есть место в общей картине жизни.

Клинозуб был чуть поменьше лисы, с кремовым брюшком и бурой спиной. На первый взгляд он походил на обычного тушканчика — прыгучие ноги, крупные уши и длинный хвост с кисточкой на конце. Но рыльце было подлиннее и уже обагрено кровью. Хотя песчаная крыса слабо шевелилась, клинозуб вгрызся в ее брюшко и начал питаться.

Носко, закатив глаза, простонала. Любопытно, как устроены ее мозги, подумал Рэднал. Она всей душой хочет верить в существование ночных демонов, которые творят несусветное зло, и в то же время столкновение с неприглядной реальностью буквально выворачивает ее наизнанку. Нет, ему этого не понять; есть противоречия, которые уживаются в человеке непостижимым образом.

— Как я уже говорил несколько дней назад, тушкан клыкастый отлично прижился в Низине, потому что все его семейство приспособилось к таким условиям, еще когда эта часть света находилась под водой. Его травоядные родственники извлекают необходимую влагу из листьев и семян, а ему самому хватает того, что содержится в тканях тела жертвы. Даже когда у нас — крайне редко — идет дождь, никто не видел, чтобы клинозуб пил.

— Отвратительно! — Носко передернулась, и все ее жировые складки заколыхались.

Рэднал не удержался от мысли: интересно, сколько ее тело смогло бы обеспечивать клинозуба необходимой жидкостью? Должно быть, долго, очень долго.

— Лагерь! Я вижу лагерь! — завопил Мобли, сын Сопсирка. — Холодная вода, холодный эль, холодное вино!..

Как и накануне вечером, милиция и Глаза-и-Уши вышли навстречу туристам. Чем ближе подходили ослы, тем лучше были видны лица поджидавших — вытянутые и мрачные.

На этот раз Рэднал не желал и десяти лишних сердцебиений пребывать в неведении.

— Фер вез, Жозел вез, займитесь, пожалуйста, туристами. Я хочу узнать, что происходит.

— Хорошо, Рэднал вез, — отозвался Фер голосом, который мог бы соревноваться в подавленности с выражением лица.

Рэднал спрыгнул с осла и подошел к Лиему вез Стеризу. Он не удивился, когда рядом возник Пеггол вез Менк. Их мантии зашуршали, соприкоснувшись, когда они обступили подкомандира милиции.

— Ну, что слышно, Лием вез? — спросил гид.

Лицо Лиема было словно вырублено из камня.

— Слышно то, что будет допрос, — промолвил он тихо. — Завтра.

— Великие боги! — вырвалось у Рэднала. — Похоже, в Тартешеме не расположены шутить.

Лием рукавом вытер покрытое испариной лицо.

— Видишь красные отметки за кострищем? Мы уже подготовили посадочную площадку для машин, которые прилетят утром, — разметили ее красными знаками.

— Но... допрос? — Рэднал покачал головой. Методы Глаз-и-Ушей известны. — Если мы тронем иностранцев, может начаться конфликт, даже война.

— В столице это понимают, Рэднал вез, — сказал Лием. — Мои возражения зафиксированы записывателем. Ко мне не прислушались.

— Наследственный Тиран и его советники, наверное, полагают, что ущерб от войны будет меньше, чем то, что последует за взрывом звездной бомбы согласно планам тех, кто ее подложил, — сказал Пеггол.

— А если ее здесь нет или просто туристы ничего не знают? — возразил биолог. — Тогда мы восстановим против себя Крепалганское Единство, Лиссонленд и другие страны, и все ради чего? Поговорите со своими, Пеггол вез, надо их переубедить!

Глаз-и-Ухо покачал головой:

— Нет — по двум причинам. Во-первых, это решение наверняка принято в таких высоких инстанциях, что мне не по силам на них повлиять. Я, в конце концов, простой оперативник и не участвую в выработке стратегии. Ну а во-вторых, по вашему радиофону можно позвонить только у всех на глазах; вряд ли стоит предупреждать врага о готовящемся допросе.

Рэднал вынужден был признать, что с точки зрения службы безопасности это имело смысл. Но от этого ситуация становилась ничуть не приятнее. Затем другая мысль пришла ему в голову, и он повернулся к Лиему вез Стеризу:

— А меня тоже будут... э-э... допрашивать? И сотрудников Парка? А как насчет Тогло зев Памдал — возьмут в оборот родственницу Наследственного Тирана?

— Я не знаю ответов, — сказал милиционер. — Те, с кем я разговаривал в Тартешеме, особенно не распространялись. — Он бросил взгляд на Пеггола. — Наверное, из соображений безопасности.

— Безусловно, — отрезал Глаз-и-Ухо. — Нам надо вести себя как ни в чем не бывало, никто не должен заподозрить, что утром мы ждем спецгруппу.

— Мне было бы легче вести себя как ни в чем не бывало, если бы я точно знал, что утром мне не будут выдергивать клещами ногти, — заметил Рэднал.

— После подобных испытаний Наследственный Тиран щедро вознаграждает невиновных, — сказал Пеггол.

— Наследственный Тиран очень щедр, — пробормотал Рэднал. На большее он не осмелился в присутствии Глаза-и-Уха. Серебро, хотя и творит чудеса, не возместит ужас, боль и, порой, увечье.

— От туристов нетрудно будет скрыть происходящее, — заметил Лием. — Глядите, что они делают.

Рэднал повернулся, посмотрел и хмыкнул. Его подопечные превратили площадку, помеченную красными знаками, в небольшое поле для игры, и все, кроме сдержанного Голобола, с криками и воплями гонялись за чьим-то резиновым мячиком, стараясь отобрать его друг у друга. Если у этого занятия и были правила, то наверняка секретные. Мобли, сын Сопсирка, с достойным лучшего применения упорством домогался подружек-узкоголовых и при первой возможности радостно повалил Лофосу на землю. Когда она поднялась, на ее тунике недоставало двух крупных золотых пуговиц. Мобли, очевидно, так попало в шаловливой борьбе, что он не сразу мог встать.

Эвилия тоже лишилась нескольких пуговиц, у Тогло зев Памдал и Носко зев Мартос порвались пояса. Тогло продолжала бегать и дурачиться, зажимая рукой полы мантии; Носко себя подобным не обременяла. Глядя, как она прыгает и скачет, Рэднал пожалел о скромности Тогло.

— Готовить ужин? — спросил Фер вез Кантал.

— Разжигай печь, но готовить не торопись, — ответил гид. — Им так хорошо, пусть себе отведут душу. Завтра им будет не до веселья.

— Нам тоже, — буркнул Фер. Рэднал состроил гримасу и кивнул.

Бентер вез Мапраб схватился за мяч с Эльтзаком вез Мартосом и повалил своего более крупного и молодого соперника на землю. А потом неожиданно хлопнул ничего не подозревавшую Эвилию по заду. Девушка изумленно на него уставилась.

— Ого, да у старика еще есть порох в пороховнице! — прокомментировал Пеггол.

— Трудно не согласиться. — Рэднал наблюдал за Бентером вез Мапрабом. Он, может, и в годах, но силы и энергии ему не занимать. Вполне достаточно, например, чтобы сломать кому-нибудь шею. Интересно, месть за проигрыш в бой — достаточное основание для убийства? Или он, как и Дохнор, играл в иные, более тайные и коварные игры?

Солнце уже закатилось за Барьерные горы, и тьма упала на лагерь, когда туристы наконец утомились от своей заба-

вы. Только знаки на посадочной площадке светились внутренним розовым светом.

Тогло кинула мячик Эвилии со словами:

— Хорошо, что вы его с собой захватили, свободная! Я давно не получала такого удовольствия — как в детстве!

— Я подумала, что это славный способ размяться, выпустить пар после утомительной поездки на ослах, — ответила Эвилия.

Дельная мысль, отметил Рэднал. В следующий раз, когда он поведет сюда группу (если лагерь не будет погребен под тысячами кьюбитов воды), непременно захватит с собой мяч. Гид даже разозлился на собственную несообразительность: мог бы и сам догадаться, а не красть идею у заурядного туриста.

— Если раньше я умирал от жажды, то теперь я суше самой пустыни! — провозгласил Мобли. — Где эль?!

— Сейчас открою холодильник, кто-нибудь еще будет? — сказал Жозел вез Глезир. И тут же отпрянул от разгоряченных потных туристов, кинувшихся к нему. — Эй, друзья, если вы меня раздавите, кто вам даст попить?

— Ничего, найдем выход, — буркнул Эльтзак вез Мартос, впервые показав проблески разума.

Угли в печи раскалились докрасна. Фер вез Кантал притащил разделанную свиную тушу и говяжьи ребра. Рэднал хотел отчитать его за растранжиривание запасов пищи, но спохватился. Если завтра им предстоит допрос, об окончании тура можно не тревожиться.

Рэднал от души поел и с удовольствием присоединился к заведшим песню туристам, забыв на время о том, что предстояло утром. И все же иногда он как будто бы трезвел от страшной мысли; раз его голос так дрогнул, что Тогло встревоженно оглянулась. Рэднал выдавил улыбку и постарался взять себя в руки.

Затем сам внимательно посмотрел на девушку. Невозможно себе представить, что она как-то связана с чудовищным планом затопить Низину. Очень трудно представить себе, что Глаза-и-Уши будут допрашивать ее, как обычную тартешанку. С другой стороны, еще совсем недавно каза-

лось вообще невероятным, что они пойдут на такие крайние меры, как допрос иностранцев, поставив на кон спокойствие границ Тартеша. Может быть, это означает, что он недооценивает угрозу. В таком случае Тогло подвергается не меньшей опасности, чем все остальные.

К гиду приблизился и обратился Хоркен вез Софана, следователь из милиции Котлован-Парка:

— Мне велели осмотреть вещи Бентера вез Мапраба, свободный вез Кробир. Я нашел... это. — Он вытянул руку.

— Любопытно. Подождите здесь, старший рядовой вез Софана. — Рэднал подошел к сидящему Бентеру и похлопал его по плечу. — Пройдите, пожалуйста, со мной, свободный.

— Ну что там еще? — проворчал старик, однако зашагал следом.

— Я хотел бы знать, как эти красноярёмные орхидеи, — гид указал на растения на раскрытой ладони милиционера, — оказались в вашей седельной сумке. Вывоз растений или животных с территории Котлован-Парка, особенно редких, запрещен и карается штрафом, тюремным заключением, бичеванием или и тем, и другим, и третьим.

Рот Бентера вез Мапраба беззвучно открылся и закрылся. Наконец со второй попытки старик выдавил:

— Я бы их... бережно вырастил, свободный вез Кробир.

Он так привык жаловаться, что совершенно растерялся, когда жаловались на него, причем на полном основании.

Однако вместо торжества Рэднал почувствовал горечь. Что такое несколько красноярёмных орхидей, когда вся Низина может исчезнуть с лица земли?

— Растения придется конфисковать, свободный вез Мапраб, и ваши вещи еще раз подвергнутся досмотру, когда вы будете покидать Котлован-Парк. Если контрабанды больше не найдем, мы закроем глаза на ваше нарушение. В противном случае... Думаю, мне нет нужды объяснять.

— Спасибо... спасибо, — прошептал Бентер и торопливо удалился.

Хоркен вез Софана кинул на Рэднала укоризненный взгляд.

— Слишком вы с ним нежно.

— Может быть, но завтра им все равно займутся исследователи.

— Гм-м... по сравнению со всем остальным кража растений — не такое уж тяжкое преступление...

— Вот именно. Может, нам следовало оставить их старому брюзге, чтобы хоть что-то сохранилось, если... ну, вы понимаете.

— Да. — Милиционер задумался. — А если мы их сейчас ему вернем, он заподозрит неладное. И все же жаль.

— Жаль. — Беспокойство за сохранность крошечных составных частей Котлован-Парка заставило биолога осознать, что он начинает верить в звездную бомбу.

Туристы расходились по спальным помещениям. Рэднал завидовал их неведению. Хоть бы Лофоса и Эвилия посетили его в ночной тиши, и плевать, что скажут Глаза-и-Уши. У тела есть свои сладкие нужды.

Но у тела случаются и проблемы. Обе девушки из Крепалги зачастили в туалетную кабинку, бегая туда буквально каждую четверть десятины.

— Должно быть, что-то съела, — пожаловалась Эвилия, тяжело навалившись на дверной косяк после третьего рейса. — У вас не найдется укрепляющего?

— В аптечке, наверное, есть. — Рэднал порылся в аптечке, нашел нужные оранжевые таблетки и принес их девушке со стаканом воды. — Вот возьмите.

— Спасибо. — Она бросила таблетки в рот, осушила стакан и запрокинула голову, чтобы проглотить. — Надеюсь, помогут.

— Я тоже надеюсь. — Рэднал с трудом удавалось говорить ровным голосом. Когда Эвилия выпрямилась, принимая таблетки, ее левая грудь выскочила из туники. — Мне кажется, свободная, пуговиц у вас стало еще меньше, чем было после игры.

Эвилия поправила одежду. Впрочем, усилия девушки сошли на нет, когда она, отвечая, пожала плечами.

— Ничего удивительного. Те, что мне не оторвали, сами отлетели от постоянного расстегивания. — Она снова пожала плечами. — Это всего лишь кожа. Вы что-то имеете против?

— Ну зачем же так! — Он едва не рассердился. — Если бы вам не было плохо...

— Если бы мне не было плохо, я с удовольствием насладилась бы хорошим самочувствием, — кивнула Эвилия. — Но сейчас, Рэднал вез... — (Наконец-то она назвала его по имени с правильным использованием вежливого обращения.) Ее лицо исказила гримаса. — Но сейчас, надеюсь, вы меня извините... — И она опять поспешила в ночь.

Когда в туалетную кабинку пробежала Лофоса, Рэднал и ей предложил таблетки. Девушка проглотила их на ходу, практически не останавливаясь. Она тоже потеряла часть пуговиц. Рэдналу даже стало неловко, что он обращает внимание на подобные вещи, когда девушкам так очевидно плохо.

Сыграв партию в бой с Мобли — почти такую же вялую и неуклюжую, как первая, — он ушел к себе. Ему нечего было обсуждать с Лиемом или Пегголом, зная, что предстоит наутро. И тем не менее он довольно скоро заснул.

— Рэднал вез!

Тихий голос вывел его из дремы. Но не Лофоса или Эвилия пробудили его, обещая телесные наслаждения. В дверях на пороге стоял Пеггол вез Менк.

Рэднал резко очнулся.

— Что случилось?

— Эти две узкоголовые, которые не верят в одежду...

— Что с ними?

— Они обе ушли в туалет и не вернулись. Мой человек, стоявший на часах, разбудил меня, прежде чем пройти проверить, все ли с ними в порядке. Там их тоже не оказалось.

— Куда же они могли деться? — В каждой тургруппе найдутся остолопы, которые то и дело теряются. Но не среди же ночи!.. Потом другая мысль касательно причин их исчезновения пришла в голову гиду. — И зачем?

— Вот и меня это тревожит, — мрачно произнес Пеггол.

— Они не могли уйти далеко, — сказал Рэднал. — Дурехи даже не сообразят взять ослов. В их куриных мозгах... — Он замолчал. Если девушки не те, за кого себя выдают, кто знает, на что они способны?

Пеггол кивнул.

— Я вижу, мы думаем в одинаковом направлении. — Он ухватил себя за жидкую поросль под нижней губой. — Если все обстоит так, как мы опасаемся, многое будет зависеть от вас. Надо их найти. Вы знаете Низину, а я нет.

— Наше лучшее оружие — жиролеты, — указал гид. — Когда рассветет, мы прочешем пустыню в сто раз быстрее, чем это можно сделать на ослах.

Он еще что-то говорил, но Пеггол его не слышал. Впрочем, Рэднал не слышал и сам себя, потому что на улице раздался чудовищный грохот. Они выскочили из домика, протолкавшись сквозь милиционеров и оперативников, которые выбежали туда первыми. Сзади напирали туристы.

Никто не мог отвести глаз от пылающих жиролетов.

Рэднала вывел из столбняка крик Пеггола вез Менка:

— Надо звонить в Тартешем, немедленно!

Гид повернулся и, расталкивая туристов, бросился к радиофону. Янтарный огонек не зажегся, когда он нажал на рычаг. Рэднал нырнул под стол — посмотреть, не выдернулись ли какие-нибудь провода.

— Быстрей же! — заорал Пеггол.

— Проклятая штука не включается! — в ответ закричал Рэднал. Он схватил радиофон. Внутри что-то загремело; раньше ничего подобного не было. — Он сломан!

— Его сломали, — констатировал Пеггол.

— Как же его могли сломать, когда в комнате постоянно находились Глаза-и-Уши и милиция? — спросил Рэднал, не столько возражая Пегголу, сколько изливая миру свои тревогу и беспокойство.

Но у Пеггола был ответ:

— Пока одна из этих крепалганских шлюх расхаживала здесь без одежды — а они бегали туда-сюда всю ночь, — мы могли не обратить внимания на то, что делала в это время другая.

Стукнула аппарат... нет, скорее залезла туда неким маленьким инструментиком... пять сердцебиений — и готово.

Рэдналу потребовалось бы больше пяти сердцебиений, но он не диверсант. Если Эвилия и Лофоса — шпионки... Внутри у него все похолодело. Его использовали, с помощью своих тел заставили поверить, что они заурядные развратные дурочки. И добились успеха! Ему хотелось облить себя водой и отскрестись добела; казалось, он никогда не сможет отмыться.

— Надо проверить, как там ослы, — сказал Лием вез Стериз.

Он выскочил из дома и обежал вокруг догорающих жиролетов, рванул закрытую от песчаных крыс дверь... Раздался взрыв, полыхнул огонь. Милиционер упал и не поднимался.

Рэднал и Голобол бросились к нему. Одного взгляда было достаточно. С такими ранами Лием больше никогда не поднимется.

Гид осторожно вошел в хлев и сразу почувствовал неладное, но лишь сердцебиением позже осознал — тишина! Ослы не переминаются с ноги на ногу в своих стойлах, не жуют солому и вообще не подают никаких признаков жизни.

Он заглянул в ближайшее к выбитой двери стойло. Осел лежал, и его бок не вздымался и не опускался. Рэднал заглянул в следующее стойло, потом в следующее... Все животные были мертвы — кроме трех, которых вообще не оказалось на месте. Один для Эвилии, подумал гид, второй для Лофосы и третий для их припасов.

Нет, они не дурочки...

— Это я дурак, — сказал он вслух и бегом направился в дом сообщать дурные вести Пеголу вез Менку.

— Да уж, ситуация, — покачал головой Пеггол. — Хорошо еще, что через десятину прилетит группа дознавателей. Отправимся за беглянками на их жиролете. Кстати, там и пушка стоит; если не сдадутся — прости-прощай... О боги, надеюсь, они не сдадутся!

— Я тоже. — Рэднал склонил голову набок и прислушался, на лице его возникло подобие улыбки. — А это не шум ли жиролета? Почему раньше срока?

— Понятия не имею, — пробормотал Глаз-и-Ухо. — Подождите-ка... понимаю! В Тартешеме попытались с нами связаться и, не получив ответа, выслали машину немедленно.

Шум мотора и роторов нарастал. Рэднал поспешил наружу встречать прибывающих. Черный силуэт жиролета казался огромным на фоне неба — как и намекнул Пеггол, это была военная машина, а не обычный транспортник. Пилот заметил огни, обозначавшие площадку, и пошел вниз.

Глядя, как аппарат идет к земле, Рэднал вспомнил вдруг Эвилию и Лофосу, со смехом бегающих по площадке... и теряющих пуговицы. Бросившись к посадочным огням, он отчаянно замахал руками:

— Нет! Нет! Подождите!

Слишком поздно. Поднимая клубы пыли, жиролет коснулся земли. Гид увидел вспышку под посадочной стойкой, услышал взрыв. Стойка сломалась, жиролет начал заваливаться набок. Лопасти ударили в землю, раздался громкий треск, и что-то тяжелое просвистело мимо головы Рэднала. Еще бы чуть-чуть, и его голова тоже полетела бы прочь.

Жиролет упал, и его тут же охватило пламя. Оказавшиеся в машине в западне Глаза-и-Уши закричали. Рэднал хотел им помочь, но не мог сделать и двух шагов — не подпускал жар. Вскоре крики прекратились. Пошел крепкий запах обугленной плоти. Машина продолжала гореть.

К Рэдналу подошел Пеггол вез Менк.

— Я пытался остановить их... — хрипло произнес гид.

— Вы сообразили раньше меня. Я не увидел опасность — а следовало бы, и этот позор лежит на моей совести, — ответил Пеггол. — Там были мои друзья. — Он ударил себя кулаком по бедру. — Что теперь, Рэднал вез?

Теперь смерть, когда хлынут океанские воды, мелькнуло в голове у гида. Чисто автоматически он принялся перечислять очевидное:

— Ждем зари. Навьючиваем на себя воды столько, сколько сумеем унести, и идем на поиски пешком. Одного чело-

века оставляем здесь — ждать, когда пришлют жиролет. Туристов отправляем вверх по тропе; может быть, они успеют спастись.

— Что ж, резонно, попробуем, — сказал Пеггол. — Что-нибудь еще?

— Молимся, — добавил Рэднал.

Они хмуро кивнули друг другу, и в это время, пробившись сквозь кордон Глаз-и-Ушей, к ним подбежал Мобли, сын Сопсирка.

— Свободный вез Кробир... — начал он.

Рэднал закатил глаза и уже собирался призвать на голову лиссонесца гнев ночных демонов, как вдруг осекся. Чуть помедлив, он произнес:

— Погодите-ка... Вы обратились ко мне правильно!

Фраза, по сути своей выражавшая вежливое удивление, прозвучала как приговор.

— Да. — Что-то определенно изменилось в Мобли. В свете горящих жиролетов он вдруг приобрел сходство... не с Пегголом вез Менком, потому что по-прежнему оставался коротконосым и смуглым, но с тем же типом людей, к какому принадлежал Глаз-и-Ухо, — сильных, умных и быстрых, а не просто похотливых и фамильярных. — Прошу простить меня, свободный вез Кробир, за то, что я действовал вам на нервы — мне необходимо было казаться никчемным безвредным болваном. Я действительно приближенный Принца: я один из его Молчаливых Слуг.

Пеггол хмыкнул; он, очевидно, знал, что это значит. Рэднал не знал, но мог догадываться: что-то вроде Глаз-и-Ушей.

— Да есть в этой проклятой группе кто-нибудь, кто не носит маску?! — вскричал он.

— Ближе к делу. Почему сейчас вы раскрылись? — потребовал Пеггол.

— Потому что мой Принц, да ниспошлет ему Бог-Лев долгих лет, не желает затопления Низины. Мы, конечно, пострадаем не так, как Тартеш — нам, в конце концов, принадлежит лишь маленькая полоска в ее южной части, — однако Принц опасается войны, которая неминуемо последует.

— Как Лиссонленд узнал об этом плане? — спросил Пеггол.

— От Моргафа, — ответил Мобли. — Островной король хотел, чтобы мы присоединились к нападению на Тартеш сразу после потопа. Но моргафцы отрицали, что план принадлежит им, и хранили в тайне, кто именно заложил звездную бомбу. Мы с самого начала подозревали Крепалганское Единство, только не имели доказательств. Вот одна из причин, почему я постоянно увивался вокруг крепалганских девиц. Вторая совершенно очевидна. — Он ухмыльнулся.

— Почему Крепалга? — вслух выразил свое недоумение Пеггол. — Ведь двадцать лет назад они не воевали на стороне Моргафа. Что же им понадобилось настолько сильно, что они не боятся развязать войну с использованием звездных бомб?

Рэдналу вспомнилась собственная лекция об образовании Низины, вспомнились и размышления о том, куда может дойти вода, если потоп не остановить.

— По-моему, я знаю часть ответа, — промолвил он. Пеггол и Мобли повернулись к нему. — Если Низину затопит, новое море образуется как раз у западных границ Крепалги. Единство, владея всем побережьем, окажется в более выгодном положении, нежели Тартеш или Лиссонленд, чтобы использовать новое море.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво произнес Пеггол. — Хотя возможно, у крепалганцев на уме и что-нибудь еще. Они, должно быть, планировали акцию долгие годы и просчитали все последствия.

— Так позвольте мне помочь вам, — предложил Мобли. — Я слышал, свободный вез Кробир сказал, что ослы мертвы. Но то, что может сделать один пеший человек, могу сделать и я.

Рэднал с радостью принял бы любого союзника, который захотел бы к ним присоединиться. Однако Пеггол ответил:

— Нет. Я благодарен вам за прямоту и полагаю, что вы сейчас говорите искренне, и все же я не вправе рисковать.

Один пеший человек может принести и много вреда. Уверен, что как профессионал вы меня поймете.

Мобли склонил голову.

— Я опасался подобного ответа. И да, я понимаю. Да пребудет с вами Бог-Лев.

Все трое вернулись в лагерь, где Рэднала немедленно обступили туристы.

— Никто нам ничего не говорит, — пожаловался Голобол. — Что происходит? Почему жиролеты взрываются налево и направо? Скажите мне!

Рэднал сказал ему — и всем остальным.

Несколько сердцебиений туристы ошеломленно молчали. Затем начали кричать. Визгливый голос Носко зев Мартос перекрыл общий гомон:

— Это что же, мы не закончим тур?

Тогло зев Памдал задала более разумный вопрос:

— Можем мы каким-то образом содействовать вашей погоне, Рэднал вез?

— Нет, хотя благодарю вас. Вам понадобилось бы оружие, а у нас его нет. Как можно скорее выбирайтесь из Низины; берите побольше воды и сразу трогайтесь в путь. Днем, в разгар солнцепека, ложитесь отдыхать. Если повезет, через двое суток достигнете уровня континента, там некоторое время вы будете в безопасности. К тому же по пути вас может заметить жиролет.

— А что, если наводнение застигнет нас здесь? — потребовал Эльтзак вез Мартос. — Что тогда, свободный Всезнайка?

— Тогда вы сможете утешить себя мыслью, что я утонул на несколько сердцебиений раньше вас. Надеюсь, вы получите от этого огромное удовольствие. — Эльтзак широко раскрыл глаза, а гид продолжал: — Все, больше на глупости времени нет. Давайте собирайтесь — и в путь. Пеггол вез, полагаю, с группой можно отправить назад и почти всех ваших людей. Они нам не слишком-то помогут — в пустыне, да на своих двоих. Если на то пошло, вы сами...

— Нет, — твердо сказал Пеггол. — Мое место здесь. Я вас не задержу, и я хорошо стреляю. Да и в следах разбираюсь не хуже всех.

Рэднал наполнял бурдюки водой из цистерны, а Глаза-и-Уши и милиционеры тем временем подгоняли лямки, предназначенные для ослов, под человеческие плечи. Когда работа закончилась, небо на востоке уже розовело. Каждому туристу воды дали около трети его собственного веса — с бóльшим грузом они не прошли бы и день-десятины.

— Как же мы понесем еще и еду? — с раздражением спросила Носко вез Мартос.

— Не понесете, — отрезал гид, вперив в нее твердый взгляд. — Питаться можно некоторое время и запасами своего тела, а вот без воды вам не выжить.

Ему нечасто случалось выговаривать туристам, и новое удовольствие слегка ударило в голову — тем более что было, очевидно, последним.

— Я сообщу о вашей дерзости куда следует! — завизжала Носко.

— Это как раз меня беспокоит меньше всего. — Рэднал повернулся к Глазам-и-Ушам, стоявшим на тропе вместе с туристами: — Постарайтесь не давать им разбредаться, постарайтесь поменьше двигаться в разгар солнцепека, заставляйте их как можно больше пить — и обязательно пейте сами. Да пребудут с вами боги.

Ближайший к нему Глаз-и-Ухо покачал головой:

— Нет, свободный вез Кробир, с вами. Если боги вам помогут, все будет хорошо. Но если они от вас отвернутся, мы все пропали.

Рэднал кивнул и обратился к туристам:

— Удачи! Если боги будут добры, встретимся у выхода из Котлован-Парка.

Он умолчал о том, что произойдет, если боги, как всегда, сядут в лужу.

— Рэднал вез, — сказала Тогло, — если нам суждено увидеться, я использую все свое влияние, чтобы помочь вам.

— Спасибо.

Больше Рэднал ничего не мог сказать. При иных обстоятельствах покровительство родни Наследственного Тирана открывало бы перед ним безграничные перспективы. Но сейчас даже данное от чистого сердца обещание мало что значило — надо было хотя бы остаться в живых, чтобы воспользоваться счастливой возможностью.

На востоке из-за горизонта поднимался золотисто-красный шар. Громким криком «хи-хи-хи» коприт с крыши базового лагеря возвестил о начале нового дня, и туристы в сопровождении Глаз-и-Ушей выступили на север.

Одному оперативнику Пеггол приказал оставаться в лагере и отправлять на запад любые прибывающие жиролеты. Затем он вытянулся и официальным тоном произнес:

— Свободный вез Кробир, отныне я и мой коллега, свободный вез Потос, находимся под вашим руководством. Командуйте нами.

— Хорошо, если вы того хотите... — Рэднал пожал плечами. — Наше дело нехитрое: идти на запад, пока не нагоним крепалганок или не утонем — что раньше. Вот и все. Пошли.

Гид, два Глаза-и-Уха, сотрудники базового лагеря и оставшиеся милиционеры вышли из хлева. В утреннем свете отчетливо виднелись следы трех ослов, ведущие на запад. Рэднал достал монокуляр и долго всматривался в том направлении. Увы, складки местности надежно спрятали Эвилию и Лофосу.

— Примерно в трех тысячах кьюбитов к западу есть холм, — сказал Фер вез Кантал. — Можно посмотреть оттуда.

— Я все же предпочитаю идти по следу, раз он хорошо виден, — ответил Рэднал. — Нельзя терять время, а заметить кого-то издалека очень трудно. Помните того несчастного, который отбился от группы четыре года назад? Использовали жиролеты, собак, все — а нашли его труп лишь год спустя, и то случайно.

— Спасибо, что не даете угаснуть нашим надеждам, — пробормотал Пеггол.

— Надеяться, конечно, дело хорошее, — отозвался Рэднал, — но вы знали шансы, когда решили остаться.

Семеро охотников растянулись в цепочку на расстоянии пяти кьюбитов друг от друга. Рэднал, лучший следопыт, шел в центре, справа от него шагал Хоркен вез Софана, а слева — Пеггол. Именно они скорее всего способны вновь заметить след, если он его потеряет.

А такая вероятность росла с каждым шагом. Вскоре выяснилось, что Эвилия и Лофоса не держали курс строго на запад. Вместо этого они шли зигзагами — сперва несколько сотен кьюбитов на северо-запад, затем несколько сотен кьюбитов на юго-запад — специально, чтобы сбить со следа. Причем они выбирали по возможности самую твердую почву, где копыта ослов практически не оставляли отпечатков.

Рэднал мрачнел с каждым шагом. Следы терялись все чаще, и все труднее становилось их потом отыскать. Продвижение шло очень медленно; крепалганки явно ехали быстрее.

— У меня вопрос, — сказал Хоркен вез Софана. — Предположим, звездная бомба взорвется и горы падут. Как эти две женщины собираются спастись?

Рэднал пожал плечами; он понятия не имел.

— А вы что думаете, Пеггол вез?

— Ну, мне видятся две возможности... — начал Глази-Ухо.

— Я мог бы и догадаться, — вздохнул Рэднал.

— Тс-с! Как я говорил, пока вы меня грубо не прервали, первая возможность — звездная бомба имеет механизм подрыва замедленного действия; таким образом у злоумышленников будет время бежать. Вторая возможность — агенты сознательно идут на самопожертвование. Подобных диверсантов-самоубийц регулярно использовал Моргаф, да и мы несколько раз прибегали к их услугам. Так что Крепалге тоже не возбраняется.

Хоркен задумчиво кивнул:

— Логично. Сперва они рассчитывали на первый вариант, а потом, когда выяснилось, что мы проведали об их планах, решились на жертву.

— Не исключено, что они и сейчас еще надеются спастись, — сказал Пеггол. — Предположим, где-то в окрестностях спрятаны баллоны с гелием; наши девушки могут наполнить им презервативы, которых у них наверняка предостаточно, и выплыть из Низины.

Сердцебиение-другое Рэднал думал, что он говорит серьезно. Потом фыркнул:

— Хотел бы я быть таким неунывающим на пороге смерти!

— Смерть найдет меня независимо от того, унываю я или нет, — отозвался Пеггол. — Остается только идти вперед.

Разговор не клеился.

Чем выше поднимались солнце и температура, тем меньше имело значение все, кроме необходимости переставлять ноги. Первоначально бурдюк на спине весил так много, что Рэднал боялся очень быстро измотаться. Однако с каждым наполнением фляги бурдюк становился заметно легче. Биолог заставлял себя пить как можно больше — смертельно опасно не восполнять запасы влаги, пóтом выходящей из тела. В отличие от моргафских фанатиков, о которых упомянул Пеггол, Рэналу хотелось остаться в живых.

Каждый нес воды примерно на два дня. Если к концу второго дня они не догонят Эвилию и Лофосу... каким именно образом наступит смерть, не имеет значения.

В полдень он отвел людей в тень под известняковой глыбой.

— Сейчас немного отдохнем, а потом уже будет прохладнее.

— Боюсь, что мы не почувствуем особой разницы, — пробормотал Пеггол, однако с благодарным вздохом опустился в тень.

Рэднал устроился рядом, слишком усталый, чтобы говорить. Громко стучало сердце — так громко, что казалось, в его груди бьет барабан. Затем биолог понял, что этот пульсирующий звук раздается не внутри, а снаружи. Усталость как рукой сняло. Рэднал вскочил, сорвал с себя кепочку и отчаянно замахал ею в воздухе.

— Жиролет!

Остальные тоже вскочили на ноги и заорали, размахивая руками.

— Нас увидели, — сказал Жозел вез Глезир.

Легкий как стрекоза жиролет круто изменил курс и устремился вниз. Он опустился на землю в пятидесяти кьюбитах от них. Лопасти продолжали вращаться — машина готова была взлететь в любой момент.

Из окошка высунулся пилот и прокричал что-то в сторону следопытов. Звук голоса потонул в шуме. Пилот жестом подозвал Рэднала к себе.

Под вращающимися лопастями пыль и грохот были невообразимы. Рэднал стал на цыпочки и прижался к раскаленному боку жиролета, прежде чем что-то смог разобрать.

— Далеко эти проклятые крепалганки?!

— У них больше день-десятины форы, и они на ослах. Думаю, где-то в тридцати тысячах кьюбитов к западу отсюда.

Рэдналу пришлось повторить свои слова несколько раз. Наконец пилот кивнул, и его голова исчезла в недрах кабины.

— Подождите! — завопил биолог. Пилот снова высунул голову наружу. — Вы не видели группу, идущую вверх по тропе?

— Видел. Их сейчас, наверное, уже подобрали.

— Хорошо! — проорал Рэднал.

Пилот бросил ему портативный радиофон. Теперь они не были отрезаны от мира.

Жиролет взмыл в воздух и взял курс на запад, а гид зашагал назад, чувствуя заметное облегчение: даже если ему суждено утонуть, люди, которых он вел, будут в безопасности.

— Теперь, когда прилетел жиролет, разве нам надо продолжать? — задал вопрос Импак вез Потос, Глаз-и-Ухо из команды Пеггола.

— Уж поверьте, свободный. — Рэднал вновь повторил рассказ о потерявшемся туристе. — Сколько бы машин ни участвовало в поисках, им нужно прочесать огромную площадь и найти людей, которые не хотят быть найденными.

Нет, мы не выходим из игры, пока все не кончится. Судя по тому, как хитро обманули нас крепалганки, они не собираются облегчать нам жизнь.

— Будем еще отдыхать или пойдем? — спросил Пеггол.

Рэднал задумался на несколько сердцебиений. Раз прилетел жиролет, значит, в Тартешеме уже знали все обстоятельства. А это значит, что жиролеты сюда слетятся полчищами и есть надежда, что его группа не останется без снабжения. С другой стороны, можно в два счета получить солнечный удар...

— Останемся еще на десятую десятины, — решил гид.

Он вскочил первый, когда отдых подошел к концу. Остальные, поднимаясь на ноги, потирали поясницы, а уж стонали и охали будто целая армия инвалидов.

— Ничего, разомнемся — пройдет, — выразил общую надежду Фер вез Кантал.

Потом след опять затерялся, и на этот раз Рэднала охватила паника. Он подозвал Пеггола и Хоркена вез Софана, и они вместе долго ползали на коленях. Ничего! Почва здесь была твердая, как камень.

— Если они вырвали куст и заметали им следы, — произнес Хоркен, — то с таким же успехом мы можем искать ночных демонов.

— А мы и не станем, — заявил Рэднал.

Все удивленно на него уставились. Он продолжал:

— Мы ведь зря теряем время, так? — Никто не возразил. — Значит, торчать здесь не имеет смысла. Поведем поиск по спирали. Жозел вез, стой на месте, как бы в центре. Рано или поздно мы вновь обнаружим след.

— Надейся!.. — тихо пробормотал Пеггол.

— Да, надеюсь. Если у вас есть лучший план, я с радостью его выслушаю.

Пеггол, опустив глаза, покачал головой.

Пока Жозел отмечал точку отсчета, остальные охотники пошли по расширяющейся спирали. Через сотню сердцебиений Импак вез Потос закричал:

— Нашел!

Рэднал и Хоркен поспешили к нему.

— Где? — спросил Рэднал.

Импак указал на пятачок сравнительно мягкой почвы — и точно, там виднелись отметины. Два самых опытных в группе следопыта присели на корточки, потом одновременно подняли головы, и их взгляды встретились.

— Увы, свободный вез Потос, это следы клинозуба, — сказал Рэднал. — Если посмотреть внимательно, вы заметите отметины от волочащегося по земле хвоста. Ослы такого следа никогда не оставляют.

— Вот как... — пробормотал смущенный Импак.

Биолог вздохнул. Он не счел нужным упоминать, что, кроме того, следы были явно малы для ослиных и вообще ничуть на них не походили.

— Продолжим поиски.

И они вновь пошли по спирали.

Когда Импак опять заорал, Рэднал пожалел, что обошелся с ним так мягко. Если сверхусердный Глаз-и-Ухо будет останавливать их каждые сто сердцебиений, они никогда ничего не найдут!.. Хоркен на этот раз не отреагировал на зов и остался на месте. Рэднал один подошел к Импаку и, не особенно скрывая раздражение, рявкнул:

— Ну, где?

Глаз-и-Ухо робко указал рукой. Рэднал уже наполнил легкие воздухом, чтобы обрушить на несчастного громы и молнии, однако гневные слова остались несказанными. Прямо у его ног безошибочно виднелись следы трех ослов.

— Всемогущие боги...

— Я не ошибся? — с надеждой спросил Импак.

— Нет. Спасибо, свободный.

Рэднал закричал остальным охотникам, и они двинулись по найденному следу на юго-запад. Фер вез Кантал подошел к Импаку и хлопнул его по спине. Тот ответил самодовольнейшей улыбкой, как будто только что блеснул отвагой перед лицом Наследственного Тирана. Впрочем, учитывая значение этой находки для Тартеша, он имел все основания собой гордиться.

Ему, конечно, повезло, подумал Рэднал. С другой стороны, требовалось немалое мужество, чтобы, первый раз

ошибившись, снова отвлечь всех от поисков, да и острые глаза нужны — поди заметь едва видные отпечатки на каменистой почве, даже если у тебя не хватает опыта отличить одни от других. Нет, дело тут не только в везении.

Рэднал тоже подошел и хлопнул Импака по спине.

Испаряясь с мантии, обильный пот немного охлаждал тело, но явно недостаточно. Подобно машине, непрерывно сосущей топливо, Рэднал снова и снова пил из бурдюка на поясе. Солнце теперь било прямо в лицо. Надвинув кепочку на глаза и опустив голову, биолог упрямо брел вперед. Когда крепалганки попытались запутать след, он заметил хитрость, и им не пришлось зря тратить ценное время.

Небо на западе усеяли «вертушки». Они носились во всех направлениях и порой кружили так низко над землей, что взметали тучи пыли. Рэднал готов был собственными руками удушить этих пилотов — ведь они могли совершенно скрыть следы. Он яростно заорал в радиофон. «Вертушки» поднялись выше.

В нескольких сотнях кьюбитов от следопытов сел большой грузовой геликоптер. Откатилась в сторону дверца люка, и, должно быть, около взвода солдат, бряцая снаряжением, побежали на запад.

— Ими руководит отчаяние или мы подобрались уже близко? — вслух подумал Рэднал.

— Отчаяние, конечно, — отозвался Пеггол. — Что касается «близко»... я полагаю, можно надеяться. Мы ведь еще не утонули. С другой стороны, — Пеггол никогда не упускал из виду «другую сторону», — ваших двух шлюх мы тоже пока не поймали.

— Они не мои, — вяло запротестовал Рэднал. И тут же вспомнил нежные тела, солоноватый привкус пота на коже, томные замирания...

Пеггол как будто прочитал его мысли.

— Да, Рэднал вез, они вас обманули. Если вам будет от этого легче, то скажу, что они обманули и меня. Я считал их глупыми похотливыми зверушками, единственные мозги у которых — между ног. Они перехитрили меня, щеголяя своей наготой и грязными контрабандными книжонками. Они

использовали против нас нашу скромность — как же, разве может кто-нибудь столь нагло-развращенный таить в себе настоящую угрозу?!. Такая уловка у них больше не пройдет.

— Одного раза может быть вполне достаточно, — пробормотал Рэднал, еще не готовый отказаться от чувства вины.

— Если так, вы заплатите полной мерой, — сказал Пеггол.

Биолог покачал головой. Утонуть в захлестнувшей Низину океанской волне еще не значит искупить вину — когда потоп практически поставит твою страну на колени и скорее всего вызовет обмен звездными бомбами, которые уничтожат весь мир.

Почва под ногами вдруг задрожала, и, несмотря на удушающую жару, заливавший тело пот мгновенно стал ледяным. «Пожалуйста, боги, пусть это прекратится!» — вознес Рэднал свою первую за долгие годы молитву.

И дрожь прекратилась, вновь позволив дышать. Всего лишь обычное маленькое землетрясение — в любое другое время он не обратил бы на него ни малейшего внимания и высмеял бы перепуганных туристов. Сейчас он чуть не умер от страха.

Коприт кокетливо склонил голову набок и уставился на него с ближайшего куста, где, нанизанные на шипы, хранились его богатства. «Хик-хик-хик», — сказала птичка и упорхнула. У Рэднала невольно мелькнула мысль, сумеет ли она улететь достаточно быстро и далеко, чтобы спастись от потопа.

Из радиофона донесся взрыв статических помех:

— Говорит дивизионный командир Туранд вез Нитал. Хочу сообщить, что мы настигли крепалганских шпионок. Обе мертвы.

— Это чудесно!

Рэднал передал новости, и его товарищи восторженно зашумели. Потом он вновь вспомнил ночи с Эвилией и Лофосой и опять-таки лишь потом сообразил, что в голосе дивизионного командира вез Нитала не чувствовалось радости и облегчения.

— Что случилось? — медленно произнес он.

— В момент встречи они двигались на восток.

— На вос... А-а!

— Вы понимаете? — сказал Туранд. — Похоже, шпионы выполнили свое задание и пытались уйти. Теперь их уже не допросить. Пожалуйста, не выключайте передатчик, отправляю за вами по радиолучу жиролет. Если есть сейчас в Тартеше человек, способный найти чертову бомбу, пока она не взорвалась, то это вы. Повторяю, не выключайте передатчик.

Рэднал посмотрел в сторону Барьерных гор. Сейчас они казались выше, чем в начале их марш-броска. Долго ли им еще суждено простоять?.. Солнце клонилось за остроконечные вершины. Как вести поиски в темноте? Ведь завтра утром может быть уже поздно.

Рэднал передал товарищам слова офицера. В ответ Хоркен вез Софана замолотил по воздуху руками, делая вид, что плывет. Биолог наклонился, взял с земли камушек и кинул им в Софану.

Вскоре возле семи путников опустился геликоптер. Кто-то внутри откатил в сторону дверцу люка и заорал:

— Давайте, давайте, быстро!

Рэднал и остальные забрались в «вертушку», и та взмыла в воздух, прежде чем тот, у дверцы, успел закрыть люк. А еще через несколько сотен сердцебиений «вертушка» приземлилась, да так жестко, что у экскурсовода лязгнули зубы. Крикливый тип у дверцы открыл люк и снова заорал:

— Давайте, давайте, быстро!

Рэднал и его отряд спрыгнули на землю. В нескольких кьюбитах от «вертушки» стоял высокий человек в форме, похожей на милицейскую, но немного от нее отличавшейся.

— Кто из вас свободный вез Кробир? — спросил он. — Я Туранд вез Нитал.

— Я вез Кробир. Мы... — Рэднал замолчал и сглотнул. Возле тартешского офицера лежали два тела. Гиду, разумеется, доводилось видеть трупы — но только на погребальных кострах, а не распростертыми на земле, будто подго-

товленные к забою животные. Поэтому он выпалил первое, что пришло в голову: — Они не похожи на застреленных.

— А мы в них и не стреляли, — поморщился офицер. — Увидев, что им не спастись, шпионки приняли яд.

— Профессионалы... — пробормотал Пеггол.

— Возможно, — процедил Туранд. — Вот эта, — он указал на Эвилию, — еще была жива, когда мы до нее добежали. Прошептала: «Слишком поздно», а потом испустила дух — чтоб ее призрак вечно грызли ночные демоны!

— Лучше нам быстро найти эту проклятую бомбу, — сказал Рэднал. — Можете отвести нас на то место, где поймали крепалганок?

— В два счета, — ответил Туранд. — Идите за мной. Это всего кьюбитах в трехстах отсюда. — Он побежал легкой трусцой, сразу оставив позади измотанных следопытов, затем остановился и с явным нетерпением стал дожидаться. — Вот здесь мы их обнаружили.

— И они шли на восток? — спросил Рэднал.

— Да, только я не знаю, долго ли. Так что эта распроклятая звездная бомба где-то в окрестностях. Мы прочесываем местность, но это ваш Парк, ваша территория. Может быть, вы сумеете заметить какую-нибудь деталь... Если нет...

— Можете не продолжать, — сказал Рэднал. — Я чуть мантию не обмочил, когда недавно задрожала земля. Уже представилось, как волна выносит мое тело к крепалганской границе в десяти миллионах кьюбитов отсюда.

— Если в момент взрыва вы будете стоять на звездной бомбе, вам незачем беспокоиться о последующем потопе, — хладнокровно заметил офицер.

Рэднал невольно вздрогнул. Это ему и в голову не приходило. Впрочем, он ничего не успеет почувствовать.

— Достаточно пустопорожней болтовни! — неожиданно резко сказал Хоркен вез Софана. — Искать так искать.

— Ищите, и да ниспошлют вам боги крылья острого зрения! — пожелал Туранд.

Семеро охотников снова побрели на запад, однако следы ослов часто были затоптаны солдатами.

— Ну как здесь не потеряться?! — в отчаянии воскликнул Рэднал. — С таким же успехом они могли выпустить стадо безгорбых верблюдов!

— Не все так плохо, — сказал Хоркен. Низко пригнувшись, он указал на землю: — Смотрите, вот след, а вот еще в нескольких шагах... Получится. У нас должно получиться.

Рэднал знал, что старший рядовой прав; ему стало стыдно за свою несдержанность. Следующие два следа он обнаружил сам — они лежали по разные стороны линии разлома пород. Звездная бомба наверняка где-то поблизости... И все же на его плечи давил груз — тяжкий груз поджимавшего времени.

— Может, солдаты ее уже нашли? — спросил Фер вез Кантал.

— На это лучше не рассчитывать. Не смогли же они быстро найти крепалганок. Нет, вся надежда на нас. — Рэднал вдруг понял, что давящий на плечи груз — не только истекающее время. Ответственность. Если сейчас ему суждено умереть, он умрет, зная, что провалил дело.

Пока следопыты отчаянно обшаривали округу, животные в Низине продолжали жить своей обычной жизнью; откуда им знать, что в следующее сердцебиение здесь все может исчезнуть? В нескольких шагах перед Рэдналом взметнулся песок.

— Коприт поймал сцинка-широконосика, — машинально пояснил он, словно смертельно усталые потные люди рядом с ним были членами его тургруппы.

Ящерица отчаянно трепыхалась, пытаясь вырваться. Но коприт цепко держал добычу в когтях, долбая ее клювом и то и дело молотя о землю, пока сцинк не затих, а потом упорхнул со своей жертвой к ближайшему кусту терновника и там насадил ее на длинный прочный шип.

Ящерица явилась последним пополнением кладовки: там уже были два кузнечика, крохотная змея и тушканчик. Рядом на шипах красовалась выставленная напоказ коллекция ярких найденных копритом вещей. Высохший желтый цветок висел здесь, должно быть, с прошлых дождей. А рядом с ящерицей на шипе виднелись две ярко-красные веревочки.

Взгляд Рэднала скользнул дальше... Потом вернулся. Это были не веревочки.

— А это не бусы, которые вчера носили Эвилия и Лофоса? — хрипло спросил гид, указывая в сторону находки.

— Точно! — хором воскликнули Пеггол и Хоркен. Оба привыкли отмечать и запоминать мельчайшие детали и казались уверенными в своей правоте.

Когда Пеггол вознамерился снять бусы с шипа, коприт, громко вереща «хик-хик!» и выставив вперед лапы с острыми когтями, бросился на грабителя. Пеггол отпрянул, едва удержавшись на ногах.

Поэтому, подходя к терновнику, Рэднал как сумасшедший размахивал кепочкой. Это отпугивало птицу достаточно, чтобы она не пыталась напасть, хотя и продолжала отчаянно верещать. Биолог схватил бусы и постарался как можно быстрее убраться прочь от кладовки коприта.

Бусы оказались тяжелее, чем можно было предположить по виду, — слишком тяжелые для яркого дешевого пластика, и он с любопытством перевернул их, чтобы взглянуть на застежку.

— Там медная проволока... — изумленно произнес Рэднал.

— Ну-ка дайте посмотреть! — Снова Пеггол и Хоркен заговорили хором. Каждый взял по ниточке бус.

Потом Пеггол уже самостоятельно нарушил тишину:

— Детонаторный провод.

— Точно, — согласился Хоркен. — Хотя никогда не видел его с красной изоляцией. Обычно их делают бурыми или зелеными для камуфляжа. А этот замаскирован под бижутерию!

Рэднал изумленно переводил взгляд с Хоркена на Пеггола.

— Вы имеете в виду, что эти провода должны быть подсоединены к источнику тока, который пошлет заряд для подрыва звездной бомбы, когда сработает таймер?

— Именно это мы и имеем в виду, — серьезно произнес Пеггол. Хоркен вез Софана кивнул.

— Но они никуда не подсоединены, потому что находятся здесь, — путаясь в словах и мыслях, продолжал Рэд-

нал. — А здесь они потому, что коприт нашел их достаточно привлекательными, схватил и принес сюда... — Потом его осенило озарение. — Коприт только что спас Тартеш!

— Эта злобная тварь чуть не выклевала мне глаз, — проворчал Пеггол.

Никто не обратил внимания на его слова. Один или двое шумно ликовали; остальные, подобно Рэдналу, были слишком усталы и ошеломлены, чтобы проявлять радость.

Прошло несколько сердцебиений, прежде чем гид вспомнил, что у него есть радиофон. Он включил передатчик и стал ждать ответа Туранда вез Нитала.

— Ну, что там у вас? — наконец рявкнул офицер, явно напряженный как тетива лука.

— Мы нашли детонаторные провода, — сказал Рэднал, сперва сообщая добрые вести. — Не знаю, как они здесь оказались, но звездная бомба без них не взорвется.

После отмеченной треском статических помех паузы Туранд произнес:

— Вы что, спятили? Как можно обнаружить детонатор без бомбы?

— Понимаете, птичка-коприт...

— Что-о?! — От рева дивизионного командира радиофон в руке Рэднала завибрировал.

Как мог лучше биолог постарался объяснить. Вновь наступила пауза. Наконец офицер промолвил:

— А у вас точно детонатор?

— Так утверждают Глаз-и-Ухо и следователь милиции Котлован-Парка. Уж если они ошибаются...

— Ладно. — Туранд снова помолчал. — Птичка-коприт, говорите? Знаете, я никогда до сих пор не слышал ни о каких копритах. — В его голосе звучало благоговейное изумление. Потом тон дивизионного командира опять изменился, стал сухим и озабоченным. — А вы уверены, что в бомбе не стоит другой детонатор, а этот враг подбросил, заметая следы?

— Нет. — Ледяной страх вновь охватил Рэднала. Неужели он и его товарищи зашли так далеко, сделали так

много — и все ради того, чтобы стать жертвой еще одного, последнего обмана?

Хоркен испустил вопль, которому позавидовал бы и Туранд.

— Я нашел! Нашел! — кричал он от кустика молочая примерно в двадцати кьюбитах. Рэднал поспешил к нему. — Оно и не могло быть далеко, ведь у каждого коприта своя территория. Поэтому я продолжал искать и... — Он указал вниз.

У молочая лежал маленький таймер, соединенный с батарейкой. Таймер был перевернут — коприт, должно быть, повоевал на славу, вырывая приглянувшиеся ему провода. Рэднал нагнулся, взял таймер в руку и едва не выронил его — стрелка, отсчитывающая десятины и сердцебиения, стояла на нулевой отметке.

— Вы только посмотрите... — тихо произнес он.

Импак вез Потос заглянул ему через плечо и зацокал языком.

— Птичка-коприт... — бормотал Хоркен, на коленях ощупывая каждый камушек вокруг молочая. Буквально через сотню сердцебиений он криком подозвал остальных к себе. На месте откинутого в сторону куска песчаника величиной с голову из трещины в земле выходили два маленьких тускло-коричневых проводка.

— Птичка-коприт, — повторил Хоркен. — Жиролеты и люди непременно опоздали бы. Но коприт, вознамерившись завлечь на свою территорию самок, заметил что-то яркое, поэтому...

Рэднал взял в руки радиофон.

— Мы нашли таймер. И провода, которые, очевидно, ведут к звездной бомбе. Птичка-коприт вырвала детонатор, которым крепалганки соединили таймер с бомбой.

— Птичка-коприт... — Теперь это произнес Туранд вез Нитал. Судя по всему, он был ошеломлен не меньше остальных, но быстро сумел взять себя в руки. — Что ж, новости, как вы сами понимаете, отличные. Я немедленно от-

правляю к вам команду специалистов для извлечения звездной бомбы. Все, конец связи.

Пеггол вез Менк тоже осмотрел таймер; его взгляд не отрывался от зеленой стрелочки, рассекавшей пополам знак нуля.

— Как по-вашему, глубоко установлена бомба?

— Я, конечно, далеко не знаток геологии, но чтобы вызвать разрушение горных пород, с моей точки зрения ее нужно зарыть довольно глубоко, — ответил Рэднал. — Если Туранд вез Нитал считает, что его специалисты успеют извлечь бомбу до наступления темноты, боюсь, его ждет сюрприз.

— Как крепалганцы ухитрились установить здесь бомбу? — спросил Импак вез Потос. — Ведь ваши сотрудники...

— Котлован-Парк далеко не мал, — заметил Рэднал.

— Я знаю. Кому как не мне знать — я столько исшагал по нему, — со вздохом произнес Импак. — И все же...

— Люди редко заходят в эту часть. Я, например, никогда не водил сюда группы. Конечно, крепалганцы рисковали, делая свое дело, однако не слишком сильно.

— Нужно позаботиться о том, чтобы исключить возможность повторения подобной угрозы, — сказал Пеггол вез Менк. — Может быть, следует расширить милицию Парка, или расположить здесь армейскую базу, или открыть подразделение Глаз-и-Ушей — не знаю, надо решить, какие меры обеспечат большую безопасность. Но что-то сделать необходимо.

— Также надо учитывать, какие меры меньше повредят Котлован-Парку, — заметил биолог.

— Согласен, хотя этот фактор далеко не самый важный, — ответил Пеггол. — Подумайте, Рэднал вез: если Барьерные горы падут и Западный океан затопит Низину, это сильно повредит Котлован-Парку?

Рэднал открыл было рот, чтобы запротестовать. Задача сохранения Парка в первозданном виде всегда была для него жизненно важной. Человек своей деятельностью безобразно изувечил Низину; территория заповедника служила единственным напоминанием о том, какой она была. Но последние дни он провел, мучаясь опасениями, что в следующее

сердцебиение утонет, а уж сегодня-то вовсе в этом не сомневался. И если бы он утонул, его родная страна утонула бы вместе с ним. По сравнению с этим расквартирование в Парке солдат или Глаз-и-Ушей казалось сущим пустяком.

Биолог не произнес ни слова.

Рэднал давно не был в Тартешеме, хотя столица располагалась совсем недалеко от Котлован-Парка. И уж тем более ему не приходилось ехать через город в открытом моторе, когда людские толпы, шумно ликуя, выстраивались вдоль дороги. Наверное, это должно было доставлять удовольствие; Пеггол вез Менк, сидевший в моторе рядом с ним, удовольствие явно получал — он улыбался и махал рукой, словно его только что избрали верховным жрецом. Однако проведя столько времени на необъятных просторах Низины, в одиночестве или с небольшими туристскими группами, Рэднал скорее пугался огромных людских масс, чем радовался восторженной встрече. Он нервно поглядывал на высокие здания, нависавшие с обеих сторон центральной улицы, и чувствовал себя проходящим по мрачному каньону, а не по рукотворным аллеям столицы.

— Рэднал! Рэднал! — скандировала толпа, как будто все знали его достаточно близко, чтобы обращаться по имени. У толпы был и еще один клич: — Птичка-коприт! Птичка-коприт! Да благословят боги птичку-коприт!

Этот последний клич помог Рэдналу успокоиться. Увидев его улыбку, Пеггол сказал:

— Можно подумать, что здесь собрались одни орнитологи.

— Да, — отозвался Рэднал. — Может, и плохо, что на церемонии нет того самого коприта.

Пеггол взметнул вверх свою бровь.

— Ну, вы сами отговорили наших доблестных солдат от намерения поймать его.

— И правильно сделал, — ответил Рэднал.

Поместить птицу, укравшую детонаторные провода, в клетку казалось несправедливым. Котлован-Парк для того и существовал, чтобы дать всем тварям возможность жить

свободно и естественно и как можно меньше подвергаться воздействию человека. Благодаря птичке-коприт это оставалось возможным и далее, и нельзя в награду сажать ее в клетку.

Мотор выехал на площадь перед дворцом Наследственного Тирана и остановился у величественного здания, где жил Бортав вез Памдал. На лужайке перед домом воздвигли трибуну. Складные стулья, обращенные к ней, заполняли высшие сановники Тартеша и других государств.

Крепалганцев на этих стульях не было. Наследственный Тиран выслал представителя Крепалганского Единства, депортировал из Тартеша всех крепалганских граждан и закрыл границу. Ничего более он пока не предпринимал. Рэднал кипел возмущением и в то же время одобрял подобную осторожность. В век звездных бомб даже с попыткой убийства целого государства надо обращаться деликатно, чтобы не последовало двойное убийство.

Ошеломляюще красиво одетый мужчина подошел к мотору и низко поклонился.

— Я церемониймейстер. Не изволите ли пройти со мной, свободные?

Рэднал и Пеггол изволили. Церемониймейстер провел их к трибуне, усадил на почетные места на возвышении и поспешил назад, чтобы встретить остальных членов группы следопытов, чьи моторы выстроились за тем, в котором ехали гид и Глаз-и-Ухо.

Глядя на важных сановников, с нескрываемым любопытством рассматривающих его с головы до ног, Рэднал снова занервничал. Разве ему место в высшем обществе?.. Потом он заметил во втором ряду, прямо в середине, Тогло зев Памдал, которая широко улыбнулась и помахала рукой. Чувство, что неподалеку находится человек знакомый и приятный, помогло ему обрести душевное равновесие и спокойно дожидаться следующей части церемонии.

Оркестр заиграл национальный гимн Тартеша. Рэднал просто не мог усидеть. Он вскочил и стоял, положив руку на сердце, пока гимн не закончился. Затем на возвышение поднялся церемониймейстер и объявил:

— Свободные... Наследственный Тиран!

Лицо Бортава вез Памдала смотрело с серебра, улыбалось прохожим с общественных зданий и часто появлялось на экране. Тем не менее Рэднал никогда не думал, что воочию увидит Наследственного Тирана. Во плоти Бортав выглядел заметно старше, чем на изображениях, а также не совсем таким уж мудрым и непреклонным — словом, больше походил на человека, чем на полубога.

А вот сочный баритон оказался его собственным. Он говорил без бумажки четверть десятины, восхваляя Тартеш, бичуя тех, кто тайно лелеет зло и вынашивает дурные замыслы, и заверял сограждан в том, что опасность не повторится. Короче, это была политическая речь. Рэднал, который больше интересовался почками жирной песчаной крысы, чем политикой, вскоре перестал вслушиваться... И едва не пропустил, как Наследственный Тиран назвал его имя!

Он вскочил как ужаленный и, сам себе не веря, будто во сне, взошел на трибуну. Бортав дружеским жестом положил руку ему на плечо. От Наследственного Тирана слегка пахло духами.

— Свободные! Представляю вам Рэднала вез Кробира, чей острый глаз заметил гнусные провода, тем самым доказав, что боги не оставили Тартеш. За выдающиеся успехи в деле сохранения не только Котлован-Парка, не только Низины, но и всей нашей Родины я награждаю Рэднала вез Кробира пятью тысячами единиц серебра и объявляю, что отныне и впредь он и все его потомки являются признанными членами нашей аристократии!.. Свободный вез Кробир!

Сановники зааплодировали. Бортав зев Памдал кивком указал Рэналу на микрофон.

Необходимость произнести публичную речь перед лицом Наследственного Тирана и высшей знати государства напугала биолога гораздо больше, чем все пережитое в Низине. Оставалось только перед самим собой делать вид, что он выступает с научным докладом:

— Благодарю вас, ваше высочество. Мои скромные заслуги недостойны столь высокой похвалы. Я буду вечно хранить в душе вашу доброту.

Рэднал сделал шаг назад, и сановники вновь зааплодировали — вероятно, довольные его краткостью. Отвернув голову от микрофона, Наследственный Тиран произнес тихонько:

— Оставайтесь здесь со мной на трибуне, пока я буду награждать ваших коллег. Вам еще раз придется выступить в конце.

Одного за другим Бортав вызывал членов группы следопытов. Пеггол также был произведен в аристократы; остальные пятеро получили хвалу и крупные суммы серебра. Это показалось Рэдналу несправедливым. Если бы не Хоркен, например, они бы не нашли батарейку и таймер. А Импак обнаружил след, даже когда сам Рэднал его потерял.

Но вряд ли имеет смысл спорить. Да и как заставить Бортава выслушать? Кроме того, Наследственному Тирану, похоже, не доложили, что Рэднал истово совокуплялся с Эвилией и Лофосой буквально за день до того, как шпионки собрались подорвать звездную бомбу. Бортав вез Памдал слыл большим консерватором по части морали и ни за что не приблизил бы к себе Рэднала, знай он все подробности его деятельности в Котлован-Парке.

Успокаивая свою совесть, Рэднал напомнил себе, что всем семерым следопытам после сегодняшней церемонии жить станет значительно легче. Безусловно. Ему не удалось убедить себя только в том, что этого достаточно.

Жозел вез Глезир, вызванный последним, пролепетал слова благодарности и вернулся на место. Бортав вез Памдал вновь взял микрофон. Когда аплодисменты, предназначенные Жозелу, стихли, Наследственный Тиран сказал:

— Наш народ никогда не забудет как грозившей нам страшной катастрофы, так и усилий тех в Котлован-Парке, кто отвел беду. В ознаменование чудесного спасения позвольте мне впервые показать эмблему, которую впредь будет носить наш славный заповедник.

Церемониймейстер поднес к Рэдналу небольшой ящичек, скрытый под пышными складками материи.

— Застежка сверху, — прошептал он. — Сняв материю, поднимите эмблему так, чтобы все ее увидели.

Рэднал повиновался.

Сановники захлопали; многие из них улыбались, а некоторые даже смеялись. Рэднал тоже улыбнулся. Что лучше может символизировать Котлован-Парк, чем птичка-коприт, сидящая на кусте терновника?

По мановению руки Наследственного Тирана биолог вновь подошел к микрофону:

— Еще раз благодарю вас, ваше высочество, теперь уже от имени всего персонала Котлован-Парка. Мы с гордостью понесем эту эмблему!

Он шагнул назад, затем повернул голову и прошипел церемониймейстеру:

— Что мне делать с этой штукой?

— Оставьте ее на трибуне, — ответил невозмутимый чиновник. — Мы о ней позаботимся.

Когда Рэднал вернулся на место, церемониймейстер объявил:

— А теперь приглашаем всех в Большой приемный зал на коктейль и закуски!

Вместе с остальными Рэднал прошел в Большой приемный зал, взял бокал искрящегося вина у официанта с серебряным подносом, а потом долго принимал поздравления от знати и высших государственных чинов. Это было даже немного похоже на работу экскурсовода: он знал правильные ответы и легкой импровизацией их разнообразил.

Внезапно его осенило: да ведь все эти политики и бюрократы ведут себя с ним таким же образом! Вся церемония насквозь формализована, как классический танец!.. И когда он понял это, волнение улеглось полностью и окончательно.

По крайней мере так ему казалось, пока навстречу не шагнула улыбающаяся Тогло зев Памдал. Рэднал чопорно наклонил голову.

— Добрый день, свободная, рад вас снова видеть.

— Если в трудный час в Парке я была для вас Тогло зев, то тем более остаюсь Тогло зев здесь, в безопасности в Тартешеме. — Судя по голосу, она была огорчена его холодным обращением.

— Хорошо, — сказал Рэднал.

Да, она обещала покровительство перед расставанием, но слишком многие важные туристы, с явной приязнью от-

носившиеся к сотрудникам Котлован-Парка на территории заповедника, надменно торопились спровадить их при встрече в городе. Он не думал, что Тогло зев из таких, но следовало себя обезопасить.

Словно по мановению волшебной палочки у локтя Рэднала возник Бортав вез Памдал. Щеки его слегка раскраснелись; должно быть, Наследственный Тиран принял уже не один бокал искрящегося вина. Заговорил он так, словно напоминал сам себе:

— Вы знакомы с моей племянницей, не так ли, свободный вез Кробир?

— С вашей племянницей?! — Рэднал ошеломленно переводил взгляд с Бортава на Тогло. Она назвала себя «дальней родственницей». Племянница — это гораздо больше.

— Ну, надеюсь, вам здесь понравится! — Бортав хлопнул Рэднала по плечу, дыхнул ему в лицо вином и, чуть пошатываясь, направился любезничать к другой группе гостей.

— А вы не говорили мне, что вы его племянница, — укоризненно произнес Рэднал.

Теперь, став внезапно аристократом, он мог вообразить себя беседующим с дальним родственником Наследственного Тирана. Но вести разговор с братом Бортава вез Памдала или с мужем его сестры... Нет, невозможно! Наверное поэтому голос его прозвучал несколько брюзгливо.

— Извините, — сказала Тогло. Рэднал не сводил глаз с ее лица, полагая, что извинение является пустой формальностью. Но, похоже, девушка говорила серьезно. — Имя моего клана — и без того тяжелая ноша. Еще тяжелее будет, если сообщать каждому, что я родная племянница Наследственного Тирана. Во мне перестают видеть простого человека. Поверьте, я знаю. — В ее словах звучала искренняя горечь.

— А-а, — медленно произнес Рэднал, — понятно. Я об этом и не подумал, Тогло зев.

От улыбки девушки у него потеплело на сердце.

— А следовало бы, — сказала Тогло. — Когда люди узнают, что я из клана Памдалов, они или начинают обращаться со мной так, будто я сделана из стекла и вот-вот рассыплюсь, если на меня неаккуратно дунут, или откровенно

пытаются использовать меня. Ни то, ни другое не приводит меня в восторг. Поэтому я и преуменьшаю степень родства.

Рэднал коротко рассмеялся — сам над собой.

— Мне всегда казалось, что принадлежность к богатому и могущественному клану делает жизнь человека проще и удобнее, а не наоборот. Даже в голову не приходило, какие тут могут быть дурные стороны. Поверьте, мне очень жаль, что я этого не понимал.

— О, не извиняйтесь! — воскликнула Тогло. — Думаю, что вы-то как раз обращались бы со мной ровно, даже если бы с первого сердцебиения знали, кто у меня дядюшка. Такое нечасто встречается, и я этим очень дорожу.

— Я солгу, если скажу вам, что мне не приходилось думать, из какой вы семьи, — признался Рэднал.

— Ну разумеется, Рэднал вез. Глупо было бы об этом не думать. Да я такого и не жду; до случая с птичкой-коприт я была уверена, что боги забыли, как творить чудеса. Но что бы вы там ни думали, это не помешало нашим отношениям.

— Я пытался относиться к вам так же, как и ко всем остальным.

— По-моему, у вас это получалось замечательно! — сказала она. — Вот почему мы так быстро стали друзьями в Котлован-Парке. Хотелось бы, чтобы мы оставались друзьями и впредь.

— Я бы тоже очень этого хотел, — промолвил Рэднал. — Если только вы не сочтете, что я так говорю из корыстных побуждений.

— Нет, не сочту. — Хотя Тогло продолжала улыбаться, глаза девушки оценивающе его изучали. По ее словам, многие пытались ее использовать... Рэднал сомневался, что им это удавалось.

— Знаете, учитывая то, кто вы есть на самом деле, мне еще труднее сказать, что... ну, что вы мне очень понравились, там, в Котлован-Парке, — пробормотал он.

— Да, я понимаю ваше затруднение, — медленно проговорила Тогло. — Вы не хотите, чтобы я подумала, будто вы собираетесь меня использовать.

Она снова окинула Рэднала изучающим взглядом, и на этот раз он набрался смелости ответить ей тем же. Может

быть, первый, который попытался использовать ее дружбу и добился успеха — она была по-настоящему приятным человеком. Но Рэднал не колеблясь поставил бы свои пять тысяч единиц серебра, что второго такого она и близко не подпустила бы. Приятная — еще не значит глупая.

И от этого она нравилась ему еще больше. Пусть Эльтзака вез Мартоса влечет к дурам — он сам дурак. Рэднал порой по-всякому себя называл, однако дураком очень редко. В последний раз он так про себя подумал, когда выяснилось, кто такие на самом деле Эвилия и Лофоса. Да уж, когда он ошибался, он тоже не останавливался на полпути.

Но, кажется, ему удалось себя реабилитировать — с помощью птички-коприт.

— Если нам суждено стать добрыми друзьями, — сказала Тогло, — или даже больше, чем просто друзьями, — о такой возможности он сам и заикнуться не смел бы, хотя в душе радостно встрепенулся, — обещайте мне только одно.

— Что? — спросил Рэднал, вдруг насторожившись. — Честно говоря, не люблю дружбу с условиями. Это слишком напоминает мне наш последний договор с Моргафом. Да, вот уже некоторое время мы с островитянами не воюем, но и не доверяем им — как и они нам. Лучший пример — события в Низине.

Тогло кивнула.

— Верно. И все же я надеюсь, что мое условие вас не слишком обременит.

— Продолжайте. — Он сделал глоток искрящегося вина.

— Что ж, ладно, Рэднал вез Кробир... Учтите, если мне еще раз доведется увидеть вас в спальном мешке с парочкой голых узкоголовых девиц — или даже широкобровых! — можете считать нашу дружбу законченной!

Немного вина попало ему в нос, и от этого Рэднал закашлялся еще судорожнее. Жадно ловя ртом воздух и вытирая платком лицо, он выиграл несколько сердцебиений, чтобы к нему вернулось присутствие духа.

— Тогло зев, считайте, договорились, — торжественно произнес Рэднал.

И они пожали друг другу руки.

Содержание

В. Баканов. Переводы личного характера 5
Г. Диксон. **Лалангамена** 8
Л. Спрэг де Камп. **Живое ископаемое** 25
Г. Диксон. **Мистер Супстоун** 39
П. Андерсон. **Государственная измена** 66
Д. Писерчи. **Наваждение** 80
Х. Эллисон. **Феникс** 94
К. Рид. **Автоматический тигр** 103
Г. Каттнер. **Пчхи-хологическая война** 118
Дж. Уайл. **Информафия** 140
А. Кларк. **Завтра не наступит** 155
Р. Желязны. **Ключи к декабрю** 160
Р. Желязны. **Момент бури** 186
Ф. Дик. **Из глубин памяти** 210
А. Бестер. **Пи-человек** 231
Г. Каттнер. **Музыкальная машина** 248
Р. Матесон. **Нажмите кнопку** 260
У. Нолан. **Конец, и никаких «но»** 268
Дж. Типтри. **Что нам делать дальше?** 275
Э. Брайант. **Корпускулярная теория** 287
А. Бестер. **Убийственный Фаренгейт** 310
С. Робинсон. **Жизнь коротка...** 325
Ф. Лейбер. **Безумие** 338
Т. Диш. **Богиня мне мила иная** 353
А. Бестер. **Время — предатель** 365
Р. Рассел. **Космическая опера** 387
Ф. Пол. **День марсиан** 395
Р. Силверберг. **Как хорошо в вашем обществе** 401
А. Бестер. **Выбор** 416
Дж. Койн. **Позвоните!** 427
А. Азимов. **Что это за штука — любовь?** 433
Ф. Дик. **Фостер, ты мертв!** 447
Б. Бова. **Частное предпринимательство** 469
Н. Спинрад. **Творение прекрасного** 486
У. Тэнн. **Таки у нас на Венере есть рабби** 500
Г. Слизар, Х. Эллисон. **Единственная возможность** 522
Ф. Лейбер. **Мошенничество** 530
И. Шоу. **Раствор Мэнихена** 536
Б. Шоу. **Шалость Джоконды** 563
Г. Тертлдав. **В Низине** 583

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

ЖИЗНЬ КОРОТКА

Сборник

Художественные редакторы *О.Н. Адаскина*
Компьютерная верстка: *В.А. Смехов*
Технический редактор *О.В. Панкрашина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

«Музыкальная машина» Генри Каттнера и «Из глубин памяти» Филипа К. Дика. «Завтра не наступит» Артура Кларка, «Время-предатель» Альфреда Бестера, «Ключи к декабрю» Роджера Желязны... Десятки названий, знакомых КАЖДОМУ знатоку фантастики в нашей стране.

Классика научно-фантастического рассказа.

Произведения, которые ОТКРЫЛ отечественному читателю Владимир Баканов.

Лучшие научно-фантастические рассказы в переводах В. Баканова — сборник, который УКРАСИТ ВАШУ ПОЛКУ!

ISBN 5-17-027446-7